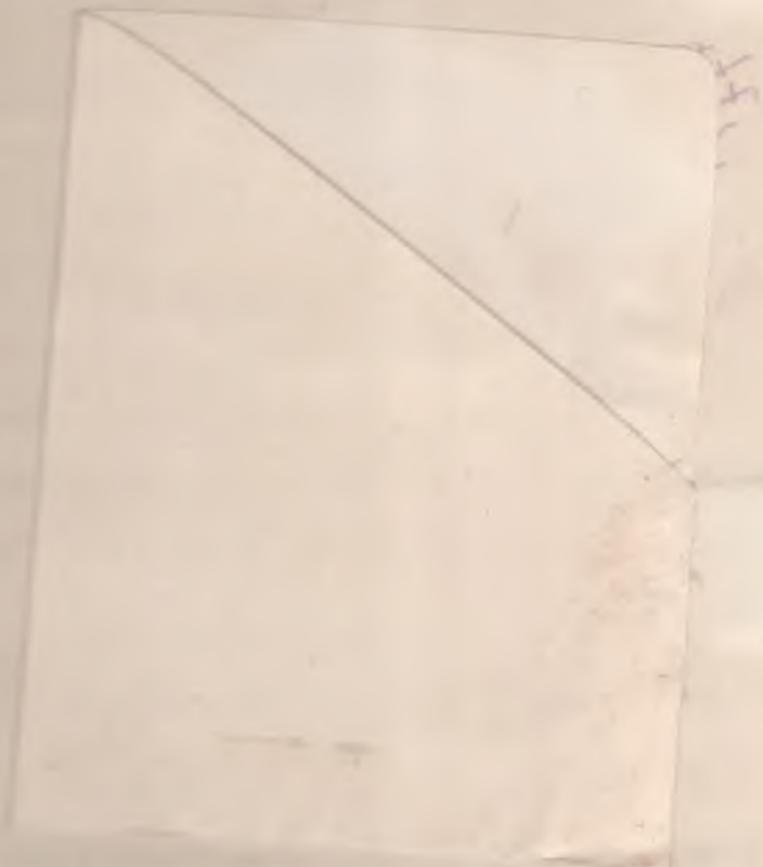

84 Pi
K68

Короленко; В. Т.

Титул IX

Чистореческие заметки
и воспоминания и др.

99

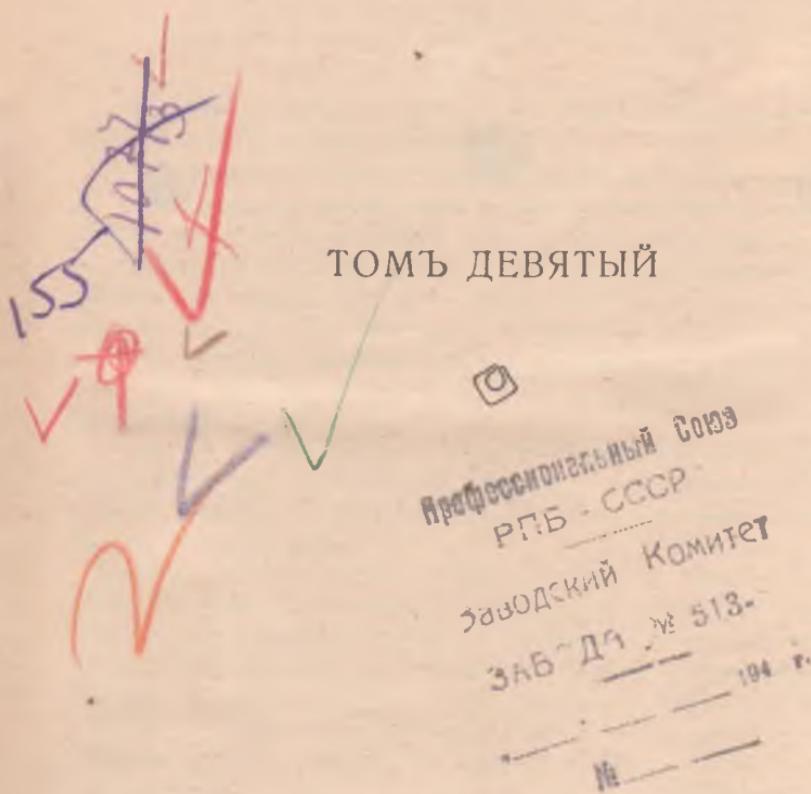
2012

5/3

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В. Г. КОРОЛЕНКО.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ Т-ва А. Ф. МАРКСЪ въ ПЕТРОГРАДЪ. 1914

Приложение къ журналу „Нива“ на 1914 г.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

НЕ СТРАШНОЕ.

(Изъ записокъ репортера. Этюдъ).

I.

„Двадцатому будьте въ N-скѣ. Сессія окружнаго суда. Подробности письмомъ. Редакція“.

Я посмотрѣлъ на часы, потомъ справился въ путеводителѣ. У меня была надежда, что я уже не попаду къ ночному поѣзду на станцію желѣзной дороги, расположеннную верстахъ въ 10 отъ города, гдѣ я только что закончилъ другое редакціонное порученіе. Въ умѣ мелькалъ лаконически-дѣловой отвѣтъ: „телеграмма запоздала, двадцатому не могу“. Къ сожалѣнію, однако, путеводитель и часы говорили другое: у меня было три часа на сборы и на путь до станціи. Этого было достаточно.

Около 11 часовъ теплago лѣтняго вечера извозчикъ доставилъ меня къ загородному вокзалу, свѣтившему издалека своими огнями. Я пріѣхалъ какъ разъ во время: поѣздъ стоялъ у платформы.

Прямо противъ входа оказался вагонъ съ открытыми окнами. Въ немъ было довольно просторно, и какіе-то господа интеллигентнаго вида играли въ карты. Я догадался, что это члены суда, ющіе на сессію, и рѣшилъ искать мѣсто въ другомъ вагонѣ. Это оказалось нелегко, но наконецъ мѣсто нашлось. Поѣздъ уже трогался, когда я, съ легкимъ багажомъ въ рукахъ, вошелъ въ купѣ 2-го класса, занятое тремя пассажирами.

Я усѣлся у окна, въ которое вѣяло свѣжестью лунной ночи, и скоро мимо меня понеслись концы шпалъ, откосы, гудящіе мостки, будки, луга, залитые бѣлымъ свѣтомъ луны, — точно уносимые пазать быстрымъ потокомъ. Я чувствовалъ уста-

лость и печаль. Думалось, что вотъ же быстро бѣжитъ моя жизнь отъ мостка къ мостку, отъ станціи къ станціи, отъ города къ городу, отъ пожара къ выѣздной сессіи... и что обѣ этомъ никоимъ образомъ нельзя написать въ газетномъ отчетѣ, котораго ждеть отъ меня редакція... А то, что я напишу завтра, будетъ сухо и едва ли кому интересно.

Мысли были невеселыя. Я отряхнулся отъ нихъ и сталъ слушать разговоръ сосѣдей.

II.

Ближайшій мой сосѣдъ беззаботно спалъ, предоставивъ мнѣ устраиваться, какъ знаю, у него въ ногахъ. Напротивъ одинъ пассажиръ тоже лежалъ, другой сидѣлъ у окна... Они продолжали разговоръ, начатый ранѣе...

— Положимъ,—говорилъ лежащий,—я тоже человѣкъ безъ суевѣрій... Однако всетаки... (онъ сладко и протяжно зѣвнуль) нельзя отрицать, что есть еще много, такъ сказать... ну однимъ словомъ—непознанного, что ли... Ну, положимъ, мужики... деревенское невѣжество и суевѣріе. Но вѣдь вотъ—газета...

— Ну, что-жъ, газета. То суевѣріе мужицкое, а это газетное... Мужику, по простотѣ, является примитивный чортъ, съ рогами тамъ, огонь изъ пасти. И онъ дрожитъ... Для газетчика это уже фигура изъ балета...

Господинъ, допускавшій, что есть „много непознанного“, опять зѣвнуль.

— Да,—сказалъ онъ нѣсколько докторально,—это правда: страхи исчезаютъ съ развитиемъ культуры и образованности...

Его собесѣдникъ помолчалъ и потомъ сказалъ задумчиво:

— Исчезаютъ?.. А помните у Толстого: Аннѣ Карениной и Вронскому снится одинъ и тотъ же сонъ: мужикъ, обыкновенный мастеровой человѣкъ „работаетъ въ желѣзѣ“ и говорить по французски... И оба просыпаются въ ужасъ... Что тутъ страшнаго? Конечно, немного странно, что мужикъ говорить по французски. Однако допустимо... И всетаки въ данной-то комбинаціи житейскихъ обстоятельствъ отъ этой ничѣмъ не угрожающей картины вѣтъ ужасомъ... Или вотъ еще у Достоевскаго въ братьяхъ Карамазовыхъ... тамъ есть нашъ городской чортъ... Помните, конечно...

— Н-нѣть, не помню... Я вѣдь, Навель Семеновичъ, преподаватель математики...

— А, да... Извините... я думалъ... Ну, я напомню: это, говорить, былъ какой-то господинъ или, лучше сказать, из-

вѣстнаго сорта русскій джентльмэнъ лѣтъ уже не молодыхъ, съ просьдью тамъ, что ли, въ волосахъ и въ стриженої бородкѣ клиномъ... Бѣлье, длинный галстухъ въ видѣ шарфа, все, говорить, было такъ, какъ у всѣхъ шиковатыхъ джентльмэновъ, но только бѣлье грязновато, а галстухъ потертый. Словомъ — „видѣ порядочности при весьма слабыхъ карманнныхъ средствахъ“...

— Ну, какой же это чортъ? Просто проходимецъ, какихъ много,—сказалъ математикъ...

— То-то вотъ и есть, что много... Это и страшно... И именно потому страшно, что такъ обыкновенно: и галстучекъ, и манишка, и сюртучокъ... Только что потерты, а то бы совсѣмъ, какъ и мы съ вами...

— Ну, это что-то, Павелъ Семенычъ... это, извините, какая-то у васъ странная философія...

Математикъ слегка какъ будто обидѣлся. Павелъ Семеновичъ повернулся къ свѣту, и мнѣ стало ясно видно его широкое лицо, съ прямыми бровями и сѣрыми задумчивыми глазами подъ крутымъ лбомъ.

Оба помолчали. Нѣкоторое время слышался торопливый стукъ поѣзда. Но затѣмъ Павелъ Семеновичъ заговорилъ опять своимъ ровнымъ голосомъ.

— На N-ской станціи подошелъ я, знаете, къ локомотиву. Машинистъ человѣкъ отчасти знакомый... Хронически сонный субъектъ, даже глаза опухшіе.

— Да?—спросилъ собесѣдникъ равнодушно и не скрывая этого равнодушія.

— Положительно... Явленіе, конечно, естественное. Тридцать шесть часовъ не спалъ.

— М-м-да-а... Это много...

— Я вотъ и думаю: мы заснемъ... Поѣздъ летитъ на всѣхъ парахъ... А править имъ человѣкъ нѣкоторымъ образомъ совершиенно осовѣлый...

Собесѣдникъ слегка завозился на своемъ мѣстѣ...

— Да, вы вотъ съ какой стороны!.. Дѣйствительно, чортъ возьми... Вы бы заявили начальнику станціи...

— Что тутъ заявлять... Засмѣется! Дѣло самое обыкновенное, даже можно сказать — система. Въ Петербургѣ въ какомъ-нибудь управлѣніи сидѣть господинъ... И передъ нимъ таблицы, въ таблицахъ — цифры. Приходъ... Расходъ... И въ одной графѣ расхода есть и машинисты. Жалованье — столько-то. Поверстныхъ — столько-то. Поверстныя, — это пробѣгъ поѣзда, — цифра полезная, доходная, твердая, подлежащая увеличенію. А вотъ жалованье людямъ — это уже минусъ... Вотъ

этотъ человѣкъ и ломаетъ голову: взять меныше машинистовъ, а прѣбѣгъ оставить тотъ же... Если даже немножко увеличить... Происходитъ, такъ сказать, стихійная игра цифръ... И занимается ею самый обыкновенный господинъ... И сюртучокъ на немъ, и галстучекъ, и видъ полной порядочности... Товарищъ хороший, семьянинъ прекрасный... Дѣточекъ любить, женѣ къ празднику сувенирчики дарить... И дѣло его самое безобидное: простѣйшая задача рѣшаеться. А въ результатѣ сонъ у людей убываетъ... И по полямъ и равнинамъ нашего любезнаго отечества въ этакія вотъ лунные ночи мчатся вотъ этакіе же поѣзда, и съ локомотива глядѣть впередъ полусонные, запухшіе глаза человѣка, отвѣтственнаго за сотни жизней... Минута дремоты...

Ноги математика, одѣтые въ клѣтчатыя брюки, зашевелились; онъ поднялся съ своего мѣста въ тѣни и сѣлъ на скамейкѣ... Его полное мало-выразительное лицо съ толстыми подстриженными усами было встревожено.

— Ну васъ, ей-Богу, съ вашимъ карканіемъ,—сказать онъ съ неудовольствіемъ...—И какъ это у васъ, чортъ возьми, ощущительно выходитъ... Только что хотѣлъ заснуть...

Павель Семеновичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да нѣтъ, что вы это?—сказалъ онъ...—Богъ съ вами!.. Доѣдемъ, Богъ дастъ, благополучно. Я вѣдь только къ тому, что вотъ какъ оно перемѣшано: страшное и обычное... Экономія—обыкновеннѣйшее житейское дѣло... А около нея гдѣ-то смерть... И даже подлежитъ учету по теоріи вѣроятностей...

Математикъ, все еще огорченный, вынулъ портъ-сигаръ и сказалъ, закуривая:

— Нѣтъ, это вы вѣрно: дѣйствительно, чортъ его знаетъ: заснетъ каналъ и какъ разъ... Скоты эти желѣзнодорожники... Однако, давайте о чёмъ-нибудь другомъ. Къ чорту всѣ эти страхи... Итакъ, вы все еще процаѣтаете въ Тиходолѣ?.. Давно что-то застряли...

— Да,—отвѣтилъ немножко сконфуженный Павель Семеновичъ....—Такой ужъ, знаете, городъ несчастный... Точно въ яму какую проваливаешься. Учитель, судебный слѣдователь, акцізный... Какъ попадь сюда, такъ, будто, и забыли про тебя и изъ списковъ живущихъ вычеркнули...

— Да, да... Дѣйствительно городъ, чортъ его знаетъ. Глухой какой-то... Даже клуба нѣтъ. И грязь невылазная.

— Клубъ теперь, положимъ, есть... И мостовой кое-гдѣ завелись... Освѣщеніе тоже, особенно въ центрѣ... И, положимъ, живу на окраинѣ, такъ мало этими удобствами пользуюсь...

— А вы гдѣ собственно живете?

— Въ домѣ Будникова, на слободкѣ...

— Будниковъ? Семенъ Николаевичъ? Представьте, вѣдь и я жилъ въ этихъ же мѣстахъ: у отца Полидорова... Съ Будниковымъ встрѣчался, какъ же! Прекрасный господинъ, съ образованіемъ и, кажется, немногого даже того... съ идеями?..

— Да, съ нѣкоторыми странностями...

— Нѣтъ, что же?.. Я говорю: съ идеями. А странности... Какія же? Кажется, ничего особеннаго.

— Вотъ именно: особеннаго ничего, а всетаки... Цѣнныя бумаги, напримѣръ, хранилъ въ туфляхъ...

— Ну, я этого не зналъ. А такъ, при встрѣчахъ произвѣдилъ отличное впечатлѣніе. Свѣжее такое, оригинальное... Домовладѣлецъ и вдругъ—самъ живеть въ двухъ комнатахъ, безъ прислуги. Впрочемъ... постойте... Было, помнится, что-то вродѣ дворника...

— Это вѣрно Гаврило...

— Именно, именно, Гаврило. Низкорослый такой, бѣлобрысы? Да? Ну, вотъ... Помню,—приятно было смотрѣть на его рожу: добродушнѣйшее этакое мурло... Бывало думаю: въ хозяина и работника... Ну, что онъ? Все такой же?..

Павель Семеновичъ пѣкоторое время молчалъ. Потомъ посмотрѣлъ на собесѣдника какимъ-то помутнѣвшимъ взглядомъ и сказалъ:

— Да... Вы правы... И это было дѣйствительно такъ... И Семенъ Николаевичъ... И Гаврило... И оба они вмѣстѣ...

— Ну, да! Я вѣдь помню...

— Именно свѣжий былъ человѣкъ для нашего города... Образованный, независимый, съ идеями... Былъ въ университѣтѣ, только не кончилъ изъ-за какой-то истории... Самъ онъ мнѣ говорилъ, будто влюбился несчастливо. „Сердце, говоритъ, у меня разбито“. Съ другой стороны, мнѣ извѣстно, что онъ перешি�вался съ какимъ-то пріятелемъ въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ. Значить, было назади что-то такое... Отецъ у него, говорили, ростовщичествомъ занимался, хотя не особенно злостно. Такъ съ сыномъ у него изъ-за этого скора пѣкоторая вышла. Молодой студентъ не одобрялъ и не прикасался къ его деньгамъ, перебивался грошевыми уроками... Ну, когда отецъ умеръ — Семенъ Николаевичъ пріѣхалъ, вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ. Говорилъ кое-кому: „Не для себя... Считаю это долгомъ всему обществу“... Потомъ... дѣла-то оказались запутанными... Дома тамъ, земля, долгосрочные контракты, тиѣба какая-то... Разбирался онъ во всемъ этомъ годъ, другой, третій, а тамъ и втянулся. Многіе еще помнили, какъ онъ говорилъ: „Только бы тиѣбу закончить съ этими

подлецами, да дѣла устроить... Дня въ этой проклятой трущобѣ не останусь..." Ну, однимъ словомъ,—исторія обычная... Учитель у насъ одинъ, зоологъ, поступая къ намъ въ гимназію, такъ прямо и говорилъ: только бы, говорить, диссертацию написать, и вонъ изъ этого болота!

— А, это Каллистовъ! Ну, что же? — спросилъ живо математикъ. Рассказчикъ только махнулъ рукой.

— До сихъ поръ все пишетъ. Женился. Третымъ Богъ благословляетъ... Ну, вотъ такъ же и Семенъ Николаевичъ Будниковъ—все свою, такъ сказать, жизненную диссертацию писалъ. Началось, кажется, съ того, что увлекся тяжбой. Отзывы эти, протесты, кассаціи, вся эта игра... И все самъ писалъ, почти не совѣтуясь съ адвокатами. Потомъ,—показало—новый домъ сталъ строить. Когда я съ нимъ познакомился,—онъ былъ уже благополучнымъ средняго возраста холостякомъ, съ румянымъ лицомъ и пріятной этакой, спокойной, солидной и сочной рѣчью. И уже тогда были маленькия странности. Приходилъ иногда ко мнѣ, главнымъ образомъ, въ сроки уплаты за квартиру... Мы эти сроки пригнали къ 20-му. Ну, значитъ, двадцатаго онъ и приходилъ въ 8 часовъ вечера, и выпивалъ у меня два стакана чаю съ ромомъ. Не больше, но и не меньше! На каждый стаканъ по двѣ ложечки рому и по сухарю. Я привыкъ смотрѣть на это, какъ бы на нѣкоторую прибавку къ квартирной платѣ. И у другихъ квартиронтовъ бывало тоже,—у кого съ ромомъ, у кого безъ рому. Сроки найма были все различные, квартирѣ въ четырехъ его домахъ (одинъ въ городѣ довольно большой)—было около 20-ти... Итого, 40 стакановъ чаю... Впослѣдствіи оказалось, что это входило въ его бюджетъ и вписывалось въ книги... Иной разъ такъ и стояло: "не засталъ такого-то, деньги онъ принесъ самъ на слѣдующій день. Въ расходъ сверхъ смѣты два стакана чаю"...

— Неужели?—засмѣялся Илья Петровичъ.—Вотъ не думай никакъ! Откуда же вы узнали?

— Пришло, по одному случаю. Да, это, конечно, черта тоже неожиданная, и вѣроятно въ ваше время ея еще не было. Ну а позже стало замѣтно. Даже обыватели стали поговаривать: дескать г. Будниковъ человѣкъ съ разсчетцемъ. Говорилось это благодушно, даже съ одобрениемъ. Это какъ будто роднило Будникова со средой... Понимаете? Явились въ непонятномъ человѣкѣ какая-то ниточка своей, бытовой такъ сказать, понятная... Ну, и стала эта черта все болѣе обозначаться. Считалось напримѣръ, что г. Будниковъ не держитъ почти прислуги: Гаврило былъ дворникомъ того

дома, гдѣ была и моя квартира; чистилъ нѣкоторымъ жильцамъ платье, ставилъ самовары, бѣгалъ на побѣгушкахъ. И бывало такъ, что хозяинъ и работникъ сидятъ рядышкомъ и чистятъ сапоги: дворникъ жильцамъ, Будниковъ себѣ... Но потомъ г. Будниковъ завелъ лошадь. Безъ особенной нужды. Маленькая роскошь: єздилъ онъ раза два въ недѣлю на загородный хуторъ. Остальное время лошадь была свободна. У Гаврилы тоже не все время было занято... Ну, и вышло естественнымъ образомъ, что лошадь перешла на попеченіе Гаврилы, и онъ съ нею сталъ выѣзжать на биржу. Гаврило противъ этой комбинаціи, повидимому, ничего не имѣлъ, такъ какъ неустанный трудъ считалъ своимъ пріятнымъ назначениемъ. Есть, знаете, своего рода талантливость на все, и я думалъ иной разъ, что Гаврило своего рода гений въ области мускульного труда... Въ движеніяхъ легкость, безтрудность какая-то неутомимая. Иной разъ даже ночью... не спится бывало. Взглянешь въ окно: мететь мой Гаврило улицу или тамъ канавки подчищаетъ. Это значитъ,—легъ спать, и вдругъ вспомнишь: не успѣлъ за другими дѣлами мостки дочистить... Идетъ и чистить. И была въ этомъ положительно какая-то своя красота...

— Да, да!—сказалъ математикъ.—Вы очень вѣрно изобразили этого человѣка. Вспоминаю именно; что на него вообще было пріятно смотрѣть, благообразіе какое-то.

— Душевное равновѣсіе всегда красиво, а онъ исполнялъ свое назначеніе, не углубляясь въ характеръ своихъ отношений къ хозяину... И это тоже было пріятное зрѣлище, то есть ихъ взаимныя отношенія. Одинъ красиво играетъ мускулами. Другой придаетъ этой игрѣ смыслъ и разумную цѣлесообразность... Увидѣть, что время не заполнено,—и нашель новое примѣненіе... Своего рода гармонія интересовъ, почти идеалія... Чуть сѣсть,—Гаврило ужъ на работѣ. Г-нъ Будниковъ вставалъ тоже рано. Они здоровались съ очевиднымъ взаимнымъ расположениемъ. Потомъ г. Будниковъ или работалъ въ саду, или обходилъ свое „хозяйство“, разбросанное въ городѣ: бѣднота-то поднимается рано, онъ и заходилъ утромъ въ квартирки, занятые бѣднотой... Потомъ возвращался и говорилъ:

— Ну, ты теперь, Гаврилушко, запрягай, пожалуй, а я за тебя тутъ дочину... Какъ разъ чиновники въ канцеляріи идутъ. Можетъ кто и попадется...

Себя онъ считалъ въ то время не то толстовцемъ, не то... опростившимся что ли... Часто заговаривалъ о неестественноти нашей жизни, о необходимости отдать долгъ трудящемуся

народу, о пользѣ физического труда.—„Работаю вотъ,—говорилъ онъ, когда кто-нибудь заставалъ его за топоромъ или лопатой.—Помогаю ближнему дворнику трудомъ своимъ“. И трудно было разобрать въ его тонѣ: иронія это или серьезно... Въ серединѣ дня Гаврило возвращался и ставилъ лошадь въ конюшню, а г. Будниковъ опять отправлялся по хозяйству, дѣлалъ жильцамъ вѣжливыя замѣчанія за изломанный палисадникъ или обитую дѣтскими мячами штукатурку... Возвращался онъ порой съ какимъ-нибудь нищимъ, а то и двумя. Они, значитъ, попросили на улицѣ милостыню, а онъ предложилъ „трудовую помошь...“ Ну, конечно, попрошайки обращались въ постыдное бѣгство, а г. Будниковъ съ особеннымъ удовольствиемъ продолжалъ работать одинъ или съ Гаврилой. Вскорѣ его узнали все нищие въ городѣ и только кланялись съ добродушной улыбкой, а денегъ не просили.—„Какъ это вы, друзья мои, не понимаете своей пользы“,—назидательно говорилъ г. Будниковъ. И надо сказать, что этотъ „трудовой“ образъ жизни ему лично приносилъ очевидную пользу: румянецъ у него былъ прямо завидный, ровный этакой, съ здоровымъ загаромъ. Выраженіе лица всегда спокойное, уравновѣшенное, почти какъ у Гаврилы... И вотъ тоже... ничего вѣдь въ этомъ не было ни зловѣщаго, ни страшнаго.

— Ну,—вы опять свернули на прежнее!—сказалъ математикъ, подымаясь и поклонывая собесѣдника но плечу...—Конечно, ничего страшнаго... А между прочимъ, я выйду на этой станці... Восемь минутъ.

Поѣздъ замедлилъ ходъ, потомъ остановился.

III.

Павелъ Семеновичъ, оставшийся вдругъ безъ слушателя, отглянулся нѣсколько растерянно... Черезъ нѣкоторое время взглядъ его сѣрыхъ глазъ встрѣтился съ моимъ. Въ глубинѣ этого взгляда свѣтилась какая-то упорная мысль, точно у маніака...

— Вы... понимаете?—спросилъ онъ просто, не смущаясь тѣмъ, что говорить съ незнакомымъ человѣкомъ...

— Кажется, понимаю,—отвѣтилъ я...

— Ну, вотъ-вотъ,—сказалъ онъ съ удовлетвореніемъ, потомъ сталъ продолжать просто, какъ будто не замѣчая смысла слушателя...

— Былъ у меня, знаете, товарищъ школьній... Нѣкто Ка-
злугинъ, Петръ Петровичъ. Былъ онъ захваченъ тогдашними
теченіями въ молодости... а человѣкъ былъ своеобразный.
Говорилъ мало. Больше слушать, что говорили другие, и на-

блюдаль, какъ они суетились, пытались, какъ говорится, повернуть колесо исторіи. Но въ самомъ молчаніи чувствовалось восхищеніе и преданность... И пришелъ онъ къ заключенію: „все это хорошо и чрезвычайно благородно, но нѣть рычага. А рычагъ—деньги. За эти дѣла, говорить, нечего и приниматься безъ ста тысячъ“. И услѣль, знаете, убѣдить въ этомъ еще нѣсколько товарищей, которые и составили маленький кружокъ, накопителей, что ли... Ну,—изъ кружка, положимъ, ничего не вышло: кто просто отсталъ, кого судьба зашвырнула далеко отъ источниковъ добываній. А онъ, Петръ Петровичъ,—выдержанъ и достигъ. Человѣкъ былъ безъ блеска, но съ большимъ характеромъ, такие въ дѣловыхъ сферахъ очень цѣнятся. Поступилъ для начала въ одно учрежденіе на Волгѣ. Не то, знаете ли, банкъ, не то касса ссудъ. Для великой цѣли ис пренебрегъ онъ и этимъ учрежденіемъ, и сразу, какъ говорится, вдохнулъ въ него новую жизнь. Года черезъ три получалъ уже тысячу что-то около шести... Тогда онъ поставилъ задачу въ такомъ видѣ: пятью двадцать—сто! На себя, значитъ, и на прочее—тысяча въ годъ. Пять тысячъ на великое дѣло. „Черезъ двадцать лѣтъ — рычагъ готовъ“... И что вы думаете: достигъ. Правда, нуженъ былъ характеръ—прямо самоотверженный. И система!.. Во-первыхъ, во избѣжаніе всякихъ глупыхъ случайностей,—„на время“ отошелъ отъ прежнихъ товарищъ... тѣхъ, которые голыми руками за колеса исторіи хватаются. „У меня дескать своя задача... Неблагонадежность тамъ... случайное письмо... сдѣлайте одолженіе, не надо“... И это тоже выдержанъ. Вообще всю жизнь приспособилъ, всѣ подробности разсчиталъ. Ничего—кромѣ накопленія! Вставалъ ежедневно не то, что въ семь часовъ, какъ Будниковъ, а въ семь часовъ безъ 13 минутъ. Секунда въ секунду! Отъ личной жизни отказался... Было у него до того времени увлеченіе одно: сошелся съ одной дѣвушкой и тоже на свободныхъ началахъ. Дали взаимно слово „не связывать другъ друга“. Ну, да вѣдь это глупые фразы: ребеночекъ-то никому слова не давалъ... Явился на свѣтъ и потребовалъ свое... Она и рада... А онъ насунулся. Такъ какъ, говорить, эта непріятная случайность можетъ повториться и принимая, говорить, въ соображеніе мою великую цѣль, то я, говорить, намѣренъ воспользоваться свободой. На ребенка я, говорить, хотя и въ ущербъ великой цѣли... такую-то сумму... Женщина была тоже съ характеромъ: денегъ не взяла ни копейки, захватила ребенка—и прощайте—навсегда... Какъ онъ чувствовать себя послѣ этого—неизвѣстно, но накопленію отдался безъ помѣхи... И вотъ, послѣ раз-

ныхъ удачъ и неудачъ, черезъ двадцать лѣтъ, проснувшись по обыкновенію въ семь часовъ безъ 13 минутъ,—онъ поздравилъ себя съ успѣхомъ: сто тысячъ собраны. На службу явился въ обычное время, вошелъ въ кабинетъ своихъ принципаловъ—и говорить: „Черезъ два мѣсяца я ухожу“. Тѣ и ротъ разинули. „Да что вы, Богъ съ вами! Можетъ быть прибавить жалованіе? Или процентъ съ дохода?“ Нѣтъ! Сказалъ, какъ отрѣзалъ и черезъ два мѣсяца—былъ въ Москвѣ на прежней жизненной точкѣ... И въ карманѣ сто тысячъ.

— О-го!—сказалъ Пётръ Петровичъ, вернувшись въ эту минуту изъ буфета...—Это у Будникова, что ли?..

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Павелъ Семеновичъ. — Это я о другомъ...

— А! О другомъ? Ну, все равно... Продолжайте о ста тысячахъ... Это уже, надѣюсь, не страшно?..

Въ его голосѣ звучала легкая насмѣшка. Павелъ Семеновичъ посмотрѣлъ на него съ наивнымъ удивленіемъ и повернулся ко мнѣ.

— Да, такъ вотъ... Пріѣхалъ онъ въ Москву, то есть понимаете: къ своему прошлому... Думалъ—жизнь будетъ его ждать, пока онъ выполнитъ великую задачу накопленія... И явится онъ въ тотъ же Газетный переулокъ, и тамъ застанетъ тѣ же споры и тѣхъ же людей, и такъ же будутъ они хвататься голыми руками за колеса исторіи... Тутъ онъ имѣть свой рычагъ... „Извольте! У васъ великія идеи... А вотъ мой вкладъ для осуществленія...“ Глядь, а предлагать-то уже и некому: въ Газетномъ переулкѣ другіе люди, и говорить по другому. Прежніе или погибли подъ колесами исторіи, или отстали... Жизнь—это вѣдь поѣздъ... Отлучился со станціи на время, глядь—поѣзда уже и не видно.. А порой не застанешь и станціи... Понимаете вы, милостивый государь, какая это трагедія?..

— Ну, сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Пётръ Петровичъ.— Сто тысячъ! Свободенъ!.. Многіе согласятся на этакую трагедію...

— Да?.. Но вѣдь человѣкъ-то, я вамъ говорю, былъ искренній.

— Ну, и что же?

— Да вотъ... Бродилъ онъ среди старыхъ и новыхъ знакомыхъ, все своего поѣзда разыскивалъ... Тоску на всѣхъ павелъ... То, для чего отдалъ жизнъ и свою, и чужую—уже непонятно: кажется, что тамъ одна пальба идетъ... а для чего—неизвѣстно. А то, что понятно,—разныя почтенныя дѣла, вродѣ „народнаго дома“, или газеты, или „идейное книго-

издательство" его, семидесятника, не удовлетворяет... На это онъ готовъ пожалуй отдать... проценты съ капитала...

— Ну, что-жъ,—шесть процентовъ, при скромныхъ потребностяхъ... Жить можно!

— Да... конечно... Но если взять исходную точку... Вѣдь это былъ подвигъ... Люди отдавали жизни, и онъ жизнь отдалъ... И не только свою... Неужели это можно сдѣлать для однихъ процентовъ... А на подвигъ-то уже не хватаетъ стимула... Однимъ словомъ, въ одинъ прекрасный день нашли его въ одинокомъ номерѣ гостиницы—съ шулей во лбу... И деньги разсоваль кое-какъ, вскоро и невнимательно... Наканунѣ еще я его видѣть въ одномъ обществѣ. Никто въ немъ ничего особенного не замѣчалъ. Здоровались и проходили мимо, почтенный, дескать, человѣкъ. Съ характеромъ, и намѣреніемъ наилучшія. Скучный только необыкновенно!

— Гмъ, да! — сказалъ математикъ, — бываютъ и этакіе чудаки.—И онъ сталъ укладываться. Лицо его съ толстыми подстриженными усами опять потонуло въ тѣни, а наружу были видны ноги въ клѣтчатыхъ брюкахъ...—По моему,—сказалъ онъ изъ своего угла,—ужъ Будникова интереснѣе... Вы про него не досказали...

— Да... я вѣдь... извините,—къ тому и случай этотъ привелъ... Сидѣть я какъ-то недавно всю ночь... Переписку Будникова съ его эдѣмъ „отдаленнымъ“ пріятелемъ читалъ. Повѣрите: оторваться не могъ... и представить невозможно, что это писалъ тотъ же Семенъ Николаевичъ Будниковъ, который у меня чай съ ромомъ пилъ, Гаврилу на биржу посыпалъ и душа котораго незамѣтнымъ образомъ, почти на моихъ глазахъ, въ этомъ вотъ нашемъ дворикѣ выдохлась и опустѣла... И осталась безъ всякой, такъ сказать... ну, однимъ словомъ, безъ всякой святыни.

IV.

Онъ остановился, и посмотрѣлъ на меня застѣнчивымъ и вопросительнымъ взглядомъ, почувствовавъ, какъ будто, что у него вырвалось слово, не совсѣмъ обычное для вагоннаго разговора. И онъ почти вздрогнулъ, когда математикъ выпустилъ изъ своего темнаго угла густой клубъ дыма,—сказалъ:

— А вы, Шавель Семенычъ,—я вижу, такой же чудакъ, право!.. Удивительно! У одного—сто тысячъ... Стрѣляться! Другой живеть себѣ на всей, какъ говорится, своей волѣ: здоровъ, румянъ... Спокоенъ духомъ... Обеспечень... Вамъ и это странно?.. Ей-Богу, это невозможно... Ну, спокойной ночи...

Пора спать. Ничего, ничего!.. Вы мнѣ разговоромъ не мѣшаете... Я не стану слушать...

Онъ повернулся къ стѣнкѣ.

Павелъ Семеновичъ стыдливо и вопросительно взглянулъ на меня наивными сѣрыми глазами и заговорилъ тише...

— Есть въ Тиходолѣ улица, называется Болотная. Уже при мнѣ на ней построили домъ... Новый, изъ свѣжаго лѣса... Въ первый годъ такъ и сверкалъ онъ, даже глазъ рѣзаль этой своей свѣжестью. Потомъ очень быстро сталъ покрываться этимъ особеннымъ бытовымъ налетомъ, этими обомлѣлостями, да побѣжалостями. Такъ слился съ общимъ тономъ старыхъ сараевъ и заборовъ, не отличить. А теперь уже говорять, что тамъ заведись привидѣнія... Такъ вотъ и о г. Будниковѣ вдругъ говорятъ, что онъ ограбилъ одну женщину...

— Ну, это, какъ хотите, глупости!—отозвался математикъ.—Никогда не повѣрю, чтобы Будниковъ былъ грабитель... Пустили какую-нибудь глупую сплетню.

Павелъ Семеновичъ улыбнулся грустной и немного растерянной улыбкой:

— Вотъ имению. Какой грабитель!.. Грабитель—слово такое... опредѣленіе! А тутъ вышла просто нѣкоторая житейская... запутанность, что ли, съ расплывчатыми очертаніями... Видите... Долженъ сказать, что уже послѣ васъ въ послѣдніе годы поселились во дворѣ мать съ дочерью... Женщины были простыя, очень бѣдныя, и господинъ Будниковъ относился къ нимъ покровительственно и великодушно: задолжали онъ что-то много, и онъ,—очень аккуратный насчетъ платы,—тутъ терпѣль и даже иной разъ помогалъ деньгами. На доктора тамъ, улучшенное питаніе для больной. Потомъ старушка умерла, и осталась эта Елена круглой сиротой... Господинъ Будниковъ и тутъ оказалъ большое участіе: отвелъ ей уютный уголокъ, хлопоталъ насчетъ работы: шила она, —кое-какъ перебивалась... Потомъ стала въ родѣ экономки у г-на Будникова, а тамъ... стали говорить, что отношения ихъ стали гораздо ближе...

— А-а...—произнесъ математикъ.—Это ужъ дѣйствительно безъ меня... И красивая?

— Да, пожалуй, красива, полная, съ плавными этакими движеніями и покорными глазами. Говорили, что глупа. Но если и такъ, то вѣдь глупость женская бываетъ порой особыенная... Тутъ и наивность, и какая-то дремлющая певинность души. Положеніе свое она чувствовала очень сильно. Какъ это говорится у Успенскаго, кажется,—всѣ была во стыду... Пробовалъ г. Будниковъ учить ее, подымать, какъ это

говорится, до своего уровня. Она оказалась неспособна. Спидеть, бывало, надь книжкой, водить по дѣтски укавкой, и лицо по дѣтски напряженное. А при Будниковѣ вся какъ-то сожмется и отуйтесь. Охладѣть онъ къ этимъ занятіямъ, а потомъ и къ Еленѣ, тѣмъ болѣе, что возникли нѣкоторые другие виды. А было, должно быть, время, когда онъ ее начинать любить. Были, вѣроятно, и обѣщанія какія-нибудь. Однимъ словомъ,—доставался ему этотъ разрывъ не такъ ужъ легко, — совсѣмъ, что ли, была задѣта, только онъ старался смягчить разрывъ. И между прочимъ вздумала ей подарить билетъ внутренняго займа... Призвалъ ее однажды, вынувъ три билета, разложилъ на столъ, разгладилъ рукой и говоритъ:

— Смотри, Елена. Вотъ на каждую эту бумажку можно выиграть двѣсти тысячъ. Понимаешь?

Она, конечно, попимаетъ плохо. Воображенія не хватаетъ на этакую сумму. А онъ продолжаетъ:

— Ну, вотъ, говорить,—одну я дарю тебѣ. Сама бумажка стоить, говорить, 365 рублей, но ты ее не продавай... Ну, возьми своей рукой на счастье...

Она не беретъ, жметсѧ, точно боится.—Ну, хорошо,—говорить г-нъ Будниковъ.—Дай сюда руку. Вотъ, пусть эта будетъ твоя бумага... — Взялъ одинъ изъ этихъ билетовъ и провелъ ей рукой двѣ черты карандашомъ, рѣзко этакъ, съ нажимомъ. Видно, что намѣреніе было у человѣка твердо... Отдалъ безповоротно, со всѣми, такъ сказать, послѣдствіями.—„Видишь,—говорить,— это на твое счастье, и если выиграешь 200 тысячъ,—тоже твои будутъ...“ И положилъ опять въ столъ. А у нея изъ-за пазухи вынулъ ладонку и положилъ туда бумажку съ номеромъ билета.

— Ну, и что же?—спросилъ математикъ...

— Ну, и вотъ... Нужно же было случиться, что... работаетъ тамъ эта машина въ Петербургѣ, выкидываетъ, знаете, номеръ за номеромъ. Берутъ ихъ, кажется, дѣтскими руками... И одинъ изъ этихъ билетовъ выигрываетъ...

— Двѣсти тысячъ?—живо спросилъ математикъ, очевидно забывший о снѣ.

— Двѣсти не двѣсти, а семидесять пять.... Смотрить г. Будниковъ въ мартѣ мѣсяцѣ тиражную таблицу и видѣть: стоить крупный выигрышъ противъ его номера. Нуль, опять нуль... триста восемнадцать и 32. И вдругъ вспоминаетъ, что одинъ билетъ подарили Еленѣ... Онъ хорошо помнить, что двѣ черты поставилъ на первомъ. У него три подъ рядъ: 317, 318 и 319. Значитъ, триста семнадцатый... Достаетъ билеты, смотритъ: двѣ черты стоять на триста восемнадцатомъ. Выиграла-то Елена...

— Ахъ, чортъ возьми,— воскликнулъ математикъ и слегка приподнялся.— Вотъ это штука!

— Да, именно штука. И даже довольно глупая. Черты попали на этотъ номеръ, когда онъ думалъ, что дарить другой... Ошибка, механическій промахъ руки, пустая случайность... И изъ-за этой случайности Елена, глупая женщина, которая ничего не понимаетъ и не съумѣеть даже распорядиться деньгами, возьметъ у него... именно у него, у г-на Будникова, отыметъ, такъ сказать, крупную сумму! Вѣдь это нелѣпость, не правда ли? У него и образование, и цѣли, или тамъ были когда-то цѣли... Ну, и опять могутъ быть. Онъ эти деньги, можетъ быть, на добрыя дѣла назначитъ. Опять напишетъ своему этому пріятелю, попросить у него совсѣ... А она — что такое? Животное съ округленными формами и красивыми глазами, въ которыхъ даже и не разберешь хорошенько, что въ нихъ: глупость теленка или невинность младенца, еще, такъ сказать, не проснувшагося къ сознательной жизни... Вы понимаете?.. Вѣдь это такъ натурально... Каждый на мѣстѣ Будникова... вы... я... вотъ Илья Петровичъ почувствовалъ бы приблизительно то же...

Со стороны Ильи Петровича послышался какой-то не совсѣмъ приятный звукъ, который можно было истолковать различно.

— Нѣтъ? — сказалъ Павелъ Семенычъ. — Ну, извините... Говорю о себѣ... Мысли или вѣрнѣе поползновенія, что ли, такія у меня были бы, можетъ быть, гдѣ-то тамъ въ подсознательной, какъ говорится, сфере... Потому что... сознаніе и всѣ эти сдерживающія силы, это вѣдь какъ земная кора: тонкая пленка, подъ которой ходить и переливаются чисто эгоистическія первобытныя, животныя побужденія... Найдутъ мѣсто послабѣе и...

— Ну, хорошо, хорошо, — съ снисходительной усмѣшкой сказалъ Илья Петровичъ, и мнѣ показалось, что онъ подмигнулъ мнѣ изъ своего темнаго угла... — Вернемся къ Будникову. Что же онъ? Отдалъ, — и кончено...

— Да, повидимому, такъ онъ и хотѣлъ разрѣшить этотъ вопросъ, и такъ какъ кажется боялся немного себя, то въ тотъ же день призвалъ къ себѣ Елену и поздравилъ ее съ выигрышемъ. И тутъ же, при семъ случаѣ, желая воспользоваться, такъ сказать, благопріятнымъ случаемъ, намекнуль: вотъ, дескать, когда мы разойдемся, ты обеспечена. И при этомъ все время сердился...

— За что же сердился?..

— Я думаю, за то и сердился, что вотъ ты какая дура.

Если бы тогда сама выбрала, — наивѣроѣ взяла бы не тотъ номеръ. А теперь изъ-за твоей глупости какая исторія вышла. Порядочный и умный человѣкъ какой суммы лишается. Такъ я, по крайней мѣрѣ, представляю себѣ по разсказу Елены... „Все, говорить, бѣгали изъ угла въ уголь и сердились на меня“...

— Ну, а она что же? Обрадовалась, конечно?

— Н-иѣть... Спужалась, говорить, очень и ударила изъ нея слеза. Опѣ сердится, а она плачетъ, и отъ этого опѣ еще больше сердится.

— Дѣйствительно, дура!..

— Д-да... Я уже докладывалъ: умной ея не считаю, но въ слезахъ этихъ... Нѣть, это была не глупость... И когда мнѣ послѣ разсказывала... дошла до этого мѣста, взглянула па меня своими чистыми, птичьими глазами и вся всколыхнулась отъ плача... И вотъ теперь я не могу забыть этихъ глазъ... Глупость-то, можетъ быть, и глупость. То есть нѣть ни ясности сознанія, ни отчета въ положеніи вещей. Но было что-то въ этихъ голубыхъ глазахъ, особенное въ самой глубинѣ... точно зеркаль въ нихъ какой-то правильный инстинктъ... Эти слюни слезы были можетъ быть единственнымъ правильнымъ, настоящимъ, пожалуй... позволю себѣ сказать, — самымъ умнымъ во всей этой запутанной исторіи... Гдѣ-то, тутъ недалеко скрывался выходъ, точно потайная дверка...

— Ну, хорошо, хорошо... Дальше-то что же?

— А дальше... Господинъ Будниковъ посмотрѣлъ на глупую женщину долго и внимательно, потомъ подсѣль къ ней, потомъ обнялъ, а потомъ... въ первый разъ послѣ значительного охлажденія приказалъ ей не уходить къ себѣ, а остаться ночевать у него...

И пошло это такъ на нѣкоторое время. Елена расцвѣла... Любовь ея тоже была „глупая“, то есть очень непосредственная. Сначала, — сама мнѣ говорила, — г-нъ Будниковъ былъ ей противенъ. Потомъ, когда уже взялъ ее, — точно, говорить, присушилъ. У такихъ непосредственныхъ женскихъ натуръ нѣть раздѣленія, такъ сказать, чувства и факта. Съ какого конца ни затронь, — весь этотъ комплексъ дѣйствуетъ нераздѣльно... Опять вернулся къ ней, значитъ опять полюбилъ... Дѣвъ недѣли сіяла она такъ радостью и красотой, что всѣ, кто въ это время смотрѣлъ на нее, — тоже радовались безотчетной радостью.. Тотъко недѣли черезъ дѣвъ господинъ Будниковъ опять охладѣлъ... И потинулась у насъ на дворѣ слякоть какая-то... У Елены глаза наплаканы... Сосѣдки судачатъ, жалѣютъ, г. Будниковъ сунячецъ.. Дѣвъ-то

черты эти прошли глубоко по душѣ обоихъ. А тутъ еще и третій подъ нихъ подвернулся... Дворникъ Гаврило...

— Гмъ!.. Цѣлая исторія, — сказалъ Петръ Петровичъ, опять подымаясь съ мѣста и садясь рядомъ съ Павломъ Семенычемъ.—Онъ-то при чёмъ?.. Тоже узналъ о выигрышѣ?

— Ничего онъ не зналъ. Я о немъ уже говорилъ. Существо, безхитростнѣе котораго трудно представить, — прямо райская непосредственность... Иной разъ онъ представлялся мнѣ даже не человѣкомъ, а... какъ бы сказать... простымъ собраніемъ мускуловъ, отчасти сознающихъ свое бытіе. Все въ немъ было сложено хорошо, гармонично, правильно, и все въ постоянномъ дѣйствіи. И при этомъ два добрыхъ человѣческихъ глаза смотрѣли на весь міръ съ точки зрѣнія своего физического и моральнаго такъ сказать равновѣсія. Порой въ этихъ глазахъ свѣтится пожалуй, любопытство и такое безсознательное превосходство, что прямо бывало завидно. Порой мнѣ даже казалось, что если не самъ Гаврила, то что-то въ немъ отлично понимаетъ и г-на Будникова, и меня, и Елену... Понимаетъ и улыбается именно потому, что понимаетъ... И вдругъ этотъ человѣкъ тоже помутился... Началось это съ той поры, какъ Будниковъ сошелся съ Еленой вторично и опять бросиль... Для него она стала брошенная „барская барыня“, существо, особаго почтенія не внушающее, и очень вѣроятно, что первые его авансы выразились какъ-нибудь просто, по деревенски. Но она встрѣтила эти авансы съ глубокой враждой и гнѣвомъ. Тогда Гаврило „задумался“, т. е. сталъ плохо Ѳѣть, уставать за работой, похудѣль, вообще сталъ сохнуть...

Такъ это тянулось осень и зиму. Будниковъ окончательно охладѣлъ къ Еленѣ; она чувствовала себя оскорблennой и считала, что онъ надъ ней „надсмѣялся“... У Гаврилы нѣсколько испортился характеръ, и во взаимныхъ отношеніяхъ его и Будникова исчезла прежняя гармонія... А билетъ съ двумя чертами лежалъ въ столѣ и, казалось, всѣ о немъ забыли...

Подошла среди такой ситуаціи и весна... На время я потерялъ изъ виду всю эту маленькую драму, которая разыгрывалась у меня на глазахъ... Подошли у меня и экзамены, уставать я сильно, даже сонъ потерялъ. Чуть задремлешь,—вдругъ будто толкаетъ кто-то,—сна какъ не бывало. Зажжешь свѣчу,—на столѣ тетрадки лежатъ,—и станешь править... А тамъ и солнце всходитъ... Выйдешь на крылечко, смотришь на спящую улицу, на деревья въ саду... По улицѣ сонный извозчикъ проѣдетъ, въ саду деревья чуть трепыхаются,

будто вздрагивають отъ утренняго озноба... Позавидуешь извозчику, позавидуешь даже деревьямъ... Покой хочется и этой сосредоточенной безсознательной жизни... Потомъ пойдешь въ садъ... Сядешь на скамейку и, случится, — задремлешь, пока солнце въ глаза не ударить. Скамейка такая была у стѣнки конюшни въ укромномъ уголочкѣ. Солнцекакъ разъ въ семь часовъ на нее свѣтило,—проснемься, чаю наскоро выпьешь—и въ классъ.

Вотъ однажды вышелъ я на зарѣ и задремалъ на этой скамейкѣ. Проснулся вдругъ, точно кто разбудилъ. Солнце недавно поднялось и на скамейкѣ еще тѣнь. Что такое, думаю... Отчего бы мнѣ такъ вдругъ проснуться? И вдругъ слышу у Гаврилы въ конюшнѣ голосъ Елены. Хотѣль я встать и уйти: подслушивать я не охотникъ, да и непріятно показалось столь простое разрѣшеніе Елениной драмы. Но пока съ просонокъ-то собрался встать, — разговоръ продолжался, а затѣмъ ужъ я и не ушелъ... Прямо заслушался.

— Ну, вотъ и пришла, — сказала Елена... — Что вамъ?

И потомъ вдругъ, съ глубокой такой, ну, просто захватывающей тоской прибавила:

— Измучилъ ты меня...

И такъ она это сказала... съ такимъ искреннимъ душевнымъ стономъ. И на ты... Прежде всегда, да и послѣ — все вы ему говорила, а тутъ... вся изболѣвшая стыдомъ и любовью женская душа зазвучала — просто, безъ условностей, беззавѣтно...

— И вы меня, Елена Петровна, измучили, — отвѣтилъ Гаврило. — Мочи моей нѣтъ. Сохну. Не работаетъ, куска, говорить, не сѣмъ...

— Что жъ теперь, — говоритъ Елена, — будетъ?

— Да, что! — говоритъ, — жениться на тебѣ, видно.

На нѣкоторое время оба замолчали. Елена, кажется, тихошко плакала. И все въ этомъ молчаніи было удивительно ясно, просто, безъ всякихъ недомолвокъ. Вотъ дескать какое положеніе: ты мнѣ, конечно, не пара. И вотъ поработалъ бы тутъ на Будникова, сколько полагается для моихъ цѣлей, и пошелъ въ деревню, поставилъ бы хозяйство, женился, взялъ бы честную дѣвушку... И все это теперь пошло прахомъ: приходится ионеволѣ братъ, какая есть...

— Потерянная я... — сказала Елена тихо...

— Что-жъ, Елена Петровна, — отвѣтилъ Гаврило съ какой-то угрюмою лаской. — Не иосмотрю я на это, что вы сами себя потеряли... Все одно... Не житье мнѣ... Цостыло все... Кусокъ въ ротъ не идетъ. Смы нѣть...

Елена заплакала сильнѣ... Плачъ былъ хорошій. Мнѣ казалось—болящій, но исцѣляющій. Гаврило сказалъ строго:

— Ну, что ушъ... будешь... Пойдешь, что ли?..

Елена видимо сдѣала усилие, сдержала слезы и, на повторенный вопросъ, отвѣтила:

— А Бога вы, Гаврило Степанычъ, побоитесь?

— Чего это? — говорить Гаврило.

— Попрекать не станете?

— Нѣть,—говорить.—Попрекать не стану. И другимъ въ обиду не дамъ. А ты, вотъ, сама побожись, что баловство бросишь... Навсегда... Я тебѣ повѣрю...

Стало тихо. Я не слышалъ, что отвѣтила Елена, представляю себѣ только, что она, должно быть, повернулась на востокъ, а можетъ, и иконка въ каморкѣ была... И перекрестилась... Послѣ этого она вдругъ обхватила его голову руками, и я услышалъ поцѣлуй. И тотчасъ же Елена выбѣжала изъ каморки, метнулась было къ дому, но потомъ вдругъ остановилась, открыла калитку и вошла въ садъ...

И тутъ увидѣла меня... Но это ее нисколько не смущило. Она подошла, остановилась, посмотрѣла на меня счастливыми глазами и сказала:

— А ты все гуляешь по зорямъ... Эхъ-ты, сердешный...

И вдругъ, переполненная вся этимъ своимъ чувствомъ, подошла ко мнѣ, взяла руками за плечи, безцеремонно встряхнула меня, посмотрѣла въ глаза и засмѣялась... И такъ это просто вышло. Она поняла, что я все слышалъ, и ничего въ этомъ не видѣла дурнаго... Только когда Гаврило вышелъ съ метлой и тоже направился въ садъ, она вдругъ вся зардѣлась и быстро пробѣжала мимо него. Гаврило посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ спокойной радостью, потомъ его взглядъ упалъ на меня. Онъ поклонился съ прежней стихійной благосклонностью и принялъ мести дорожку. И опять была въ немъ та же красива и безтрудная игра мускуловъ, здоровыхъ и свободныхъ... И помню: какъ разъ въ эту минуту въ монастырѣ ударили къ ранней заутренѣ,—дѣло было въ воскресенье. Гаврило остановился въ широкомъ просвѣтѣ аллеи, снялъ шапку и, придерживавъ метлу на лѣвой руцѣ, правой сталъ креститься. И показалось мнѣ это необыкновенно свѣтло и красиво. Стоитъ человѣкъ въ центрѣ своего свѣтлаго міра, гдѣ все у него устроено хорошо: т. е. всѣ эти отношенія—и съ землей, и съ небомъ... Однимъ словомъ, такое это было успокоительное зрублѣще, что я пришелъ къ себѣ въ комнату и въ первый разъ послѣ многихъ беспокойныхъ ночей — заснуль, какъ убитый... Есть что-то въ хорошемъ человѣческомъ

счастіи исцѣляюще и выпрямляюще душу. И мнѣ, знаете, приходитъ иной разъ въ голову, что, собственно говоря, всѣ мы обязаны быть здоровыми и счастливыми, потому что... видите ли... счастье—это высшая степень душевного здоровья. А здоровье заразительно, какъ и болѣзнь... Мы, такъ сказать, открыты со всѣхъ сторонъ: и солнцу, и вѣтру, и чужимъ настроениямъ. Въ насъ входятъ другіе, и мы входимъ въ другихъ, сами этого не замѣчали... И вотъ почему...

Павель Семеновичъ вдругъ остановился, почувствовавъ на себѣ пристально насыщенный взглядъ Петра Петровича.

— Да, да!.. Извините,—сказалъ онъ,—у меня это дѣйствительно нѣсколько туманно.

— Есть немножко... Лучше ужъ рассказывайте дальше. Безъ философіи...

— ...Разбудилъ меня уже г-нъ Будниковъ. Это было какъ разъ двадцатое. Пришелъ онъ, какъ всегда, и какъ всегда выпилъ два стакана чаю съ ромомъ, но я видѣлъ, что г. Будниковъ сильно не въ духѣ и даже нервничаетъ... И я невольно поставилъ это въ связь съ утреннимъ эпизодомъ.

И нѣкоторое время онъ все былъ не въ духѣ. Всѣ во дворѣ замѣчали, что между хозяиномъ и работникомъ идетъ что-то неладное и... непростое. Гаврило хотѣлъ уходить. Будниковъ не отпускалъ, хотя при этомъ часто говорилъ мнѣ, что въ Гаврила онъ разочаровался. Однажды я шелъ по дорожкѣ сада и увидѣлъ, какъ они оба стояли у калитки и разговаривали о чёмъ-то. Будниковъ былъ возбужденъ, Гаврило спокойенъ. Онъ стоялъ въ свободной позѣ, глядя на свою лопату, которой постукивать въ землю. Было видно, что онъ твердо стоитъ на чёмъ-то, а г-на Будникова это выводить изъ себя... И еще мигъ показалось, что предметъ разговора устанавливается между ними какое-то странное равенство...

— Это, голубчикъ, дѣло, конечно, ваше, — говорилъ г-нъ Будниковъ. Онъ замѣтилъ меня, но несчѣль нужнымъ прекратить разговоръ. Говорилъ язвительно и съ горечью... — Да-съ... Вы человѣкъ свободный... Но только, имѣйте въ виду, Гаврило Степанычъ... ежели у васъ есть какіе-нибудь утилитарные виды... Я съ своей стороны, конечно, очень скромную сумму...

Г. Будниковъ не умѣлъ говорить просто и иностранныя слова употреблялъ даже въ разговорѣ съ Гаврилой... Гаврило посмотрѣлъ на него спокойно и отвѣтилъ:

— Ничего намъ не надо... Намъ хватить своего.

Г. Будниковъ кипулъ на него настороженный взглядъ и сказалъ:

— Ну, хорошо. Помните! А затѣмъ... вотъ я уѣду въ Нестербургъ по дѣлу... Дѣлайте, какъ хотите.

Гаврило поклонился и сказалъ:

— Покорно благодаримъ...

— Извините-съ... — съ оттѣнкомъ иронической меланхолии сказалъ г-нъ Будниковъ. — Я на благодарность не разсчитываю.

И вышелъ изъ сада, хлопнувъ калиткой.

Во дворѣ онъ остановился, подождалъ меня и, взявшись подъ руку, попечѣлъ къ нашему крыльцу. По дорогѣ и сидя у меня на крылечкѣ, говорилъ что-то запутанное и невнятное. Онъ не скрываетъ, что питалъ пѣкоторое чувство къ нѣкоторой женщинѣ. И это чувство можетъ быть „живо подъ пепломъ“... Съ другой стороны мечталъ о сліянїи и возможности дружбы съ меньшимъ братомъ. И хотя то и другое чувства послужили источникомъ разочарованія, но онъ съ своей стороны что-то докажетъ, и всѣ что-то увидятъ... Но, вообще говоря, великодушіе, какъ и тонкія чувства, свойственны только высоко культурнымъ людямъ...

Онъ нервничалъ и подъ нѣсколько дѣланымъ паѳосомъ мнѣ слышались ноты искренняго огорченія и волненія.

Внослѣдствіи я имѣлъ случай ознакомиться съ его дневникомъ. Тамъ были отдѣльные странички въ формѣ какъ бы писемъ къ этому его отдаленному другу... Писемъ онъ, кажется, давно не посыпалъ, но эти странички были точно просвѣты среди сумеречной обыденности. И подъ тѣмъ приблизительно числомъ, когда происходилъ разговоръ съ Гаврилой, стояло горячее изліяtie. Онъ сообщалъ всю эту исторію съ Еленой и писалъ, что ошибся, что любить ее и теперь... И что сдѣластъ еще одинъ опытъ... И кончалось это внезапнымъ лирическимъ порывомъ: ты, дескать, далекій другъ, не сомнѣваешься, конечно, что я выполню то, что считаю долгомъ великодушія...

И вотъ, однажды, отправивъ Гаврилу съ лошадью за городъ, г. Будниковъ подошелъ къ флигельку, гдѣ по прежнему жила Елена.

— Елена! Вы бы пришли ко мнѣ. Убрать кое-что надо...

Нѣсколько дней передъ этимъ онъ былъ особенно задумчивъ и торжественъ, а теперь одѣлся попарандиѣ, подошелъ къ флигелю и вошелъ въ комнату Елены, не стѣсняясь любопытными взглядами.

Никто тогда не зналъ, что происходило въ ея комнатѣ, но черезъ полчаса г. Будниковъ вышелъ оттуда прямой, чопорный и какъ будто растерянный. И всѣ стали говорить, что

г-нъ Будниковъ дѣлалъ Еленѣ форменное предложеніе и — Елена отвергла...

Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ у него была тѣжба въ сенатѣ. Онъ ее проигралъ, а когда вернулся, то Гаврило и Елена были уже обвѣнчаны...

IV.

Впечатлѣніе все это произвело на него сильное, какъ будто совершился нѣкоторый душевный переворотъ. Особенно поразило его одно на видъ незначительное обстоятельство. Прежде каждую весну въ палисадничкѣ у оконъ г-на Будникова цвѣли цвѣты. Это было у нихъ съ Еленой общее и составляло признанную статью расхода: сѣмена, лейка, кузнецу за ремонтъ лопаты... Съ ранией весны Елена возится бывало въ этомъ цвѣтнике, радостная и оживленная, и г-нъ Будниковъ тоже радостный принималъ въ этомъ участіе. Теперь флигелекъ опустѣлъ, цвѣтникъ заглохъ, окна г-на Будникова какъ будто остѣпли... А у другого флигелька, гдѣ жилъ теперь Гаврило съ женой, все зацвѣло и распустилось. Точно символъ. Когда г-нъ Будниковъ вернулся съ вокзала и кинулъ взглядъ на этотъ неожиданный контрастъ,—лицо его передернулось и на нѣкоторое время онъ потерялъ свой обычный величавый видъ. И мнѣ вдругъ стало его жалко. Я вышелъ и пригласилъ его къ себѣ. Онъ долго сидѣлъ у меня, рассказывая свои столичные впечатлѣнія,—фразисто, пространно и неискренно. И все время чувствовалось, что въ душѣ г-на Будникова происходитъ что-то далекое отъ столичныхъ впечатлѣній.

Потомъ понемногу все какъ будто вошло въ колесо. Г-нъ Будниковъ такъ же ёздилъ два раза въ недѣлю на загородный хуторъ, ходилъ въ опредѣленные дни по квартирантамъ, готовилъ себѣ обѣдъ на керосинкѣ. Только въ дневникѣ стало больше разныхъ пустиковъ: напримѣръ, онъ сталъ записывать, сколько шаговъ онъ дѣлаетъ ежедневно и, кажется, вычитывалъ по этимъ записямъ выносивость и стоимость подметокъ.

А еще черезъ нѣкоторое время послѣдовала повал перебѣна: г-нъ Будниковъ почувствовалъ склонность къ религіи.

Помню какъ-то былъ осенний вечеръ... Изъ тѣхъ особенныхъ вечеровъ, когда природа особенно внятно трогаетъ душу. На небѣ звѣзды будто шевелятся этакъ и шепчутся, а на землѣ свѣтъ и тѣни... Городокъ у насъ, знаете сами—тихій и весь въ зелени. Выйдешь, бывало, вечеркомъ и сядешь на крылечкѣ у себя. И у другихъ домовъ, вдоль улицы, кто на скамеечкѣ у воротъ, кто на завалинкѣ, кто просто на травкѣ...

Шепчутся гдѣ-то люди о своемъ, деревья о своемъ—и стоитъ какой-то певческий шорохъ. Ну и въ душѣ тоже шепчетъ что-то... Перебираешь невольно всю свою жизнь. Что было и что осталось, куда пришелъ, и что еще будетъ дальше? И зачѣмъ все... и какой, знаете ли, смыслъ твоей жизни въ общѣй, такъ сказать, экологии природы, гдѣ эти звѣзды уточняются, безъ числа, безъ предѣла... горятъ и сияютъ... и говорятъ что-то душѣ. Иной разъ и грустно, и глубоко, и тихо... Кажется, какъ будто не туда направляешься, куда надо. И начинаешь угадывать что-то тамъ, высоко... И хочешь убѣжать отъ этой укоряющей красоты, отъ этого великаго покоя со своимъ смятеніемъ и хочешь слиться съ ними... И уйти некуда... Войдешь въ кабинетъ, посмотришь при лампѣ на эту свою обстановку... учебники... тетрадки съ ученическими письменными отвѣтами... И спрашиваешь: гдѣ тутъ живое-то?..

Петръ Петровичъ пробормоталъ что-то, и рассказчикъ опять спохватился.

— Такъ вотъ... въ этакомъ состояніи сижу на крылечкѣ, и думаю: вотъ люди отъ вечерни идутъ... Что же? Находятъ они въ этомъ свое отношеніе къ безконечному... Или только привычка, пустой автоматизмъ. И такъ хочется, чтобы это было настоящее. И вдругъ вижу: отдѣляется отъ идущихъ одна тѣль и подходитъ ко мнѣ. Оказывается — это г-нъ Будниковъ. Тоже отъ вечерни. И садится рядомъ.

И я чувствую, что г-нъ Будниковъ ждетъ: дескать—спроси у меня—зачѣмъ я сталъ посѣщать церковь. Все не бывалъ и къ религіи относился пропорционально, а теперь вдругъ сталъ посѣщать богослуженія. И меня это действительно интересовало, да и такъ, откровенность подъ влияниемъ этого вечера напала... Отчего, думаю, не сказать, что вотъ дескать у меня на душѣ сумракъ какой...

— Вотъ, говорю, Семенъ Николаевичъ... Смотрю я на небо и вотъ что думаю...

Покачалъ онъ головой и говорить:

— Мучился и я этимъ... и страдалъ. И вотъ какъ вы же—це видѣть выхода. А выходъ—вотъ онъ, подъ руками...

И жестомъ указываетъ въ сторону, гдѣ бѣлѣется за деревьями церковь...

— Пасъ, говоритъ, интеллигентныхъ людей, пугаетъ, что это такъ сказать дорога избитая, банальность... А между тѣмъ,—стоитъ отбросить гордость и слиться... или, какъ это Толстой когда-то выразился.—прикоснуться къ общей чашѣ, растворить свои искания въ смиренной общей вѣрѣ... перес-

стать осуждать основы жизни... Какъ Антей, такъ сказать, прикоснуться къ общей матери...

И такъ онъ это сказалъ какъ-то вкусно. Голосъ такой сочный, журчащий, точно басокъ въ архіерейскомъ хорѣ. Говорю вамъ искренно: я даже позавидовалъ. Вѣдь действительно: кругомъ тишина и благодать... Стоить, какъ говоритъ г. Будниковъ, слиться, и у меня тоже всѣ эти трепинки въ душѣ затянетъ какъ масломъ. И сразу найдется потерянный смыслъ. Я вотъ спрашиваю себя: зачѣмъ тетрадки? А зачѣмъ все это вотъ, вся эта тихая жизнь?.. Почему вотъ тотъ сапожникъ идетъ такой торжественный и довольный?.. Или вонъ Михайло не ищетъ никакого особенного смысла, а плыветъ въ общемъ потокѣ жизни, то есть въ ея общемъ значеніи и общемъ смыслѣ. Придутъ люди разъ въ недѣлю въ это бѣленъкое зданіе, такъ привѣтливо выглядывающее изъ зелени, побудутъ нѣкоторое время въ общечи съ какой-то тайной,—и смотришь запасаются на всю недѣлю ощущеніемъ смысла... А вѣдь для многихъ жизнь гораздо тяжелѣе моей...

И вотъ, теперь г-нъ Будниковъ... Неужели и онъ нашелъ для себя *это* и разрѣшилъ свои смятенія... Хотѣлъ было спросить, но тутъ мимо прошелъ сначала нашъ священникъ. Г-нъ Будниковъ съ нимъ раскланялся, и онъ отвѣтилъ привѣтливо. И на меня посмотрѣлъ тоже съ вопросительной благосклонностью... Будниковъ вотъ обратился, можетъ быть, дескать и еще одного заблудшаго приведеть... Я тоже отвѣтилъ на поклонъ особенно какъ-то тепло и благодарно, и опять хотѣлъ спросить у г-на Будникова, но тутъ появилось еще новое лицо, уже совершенно другого настроенія....

VI.

Павель Семеновичъ нѣсколько задумался и потомъ спросилъ у Петра Петровича:

— Учился при васъ нѣкто Роговъ?

— Роговъ... Не припомню... Столько ихъ училось...

— Этотъ былъ замѣтный, и обѣ немъ приходилось часто разговаривать въ совѣтѣ... Судьба его была особенная... Видите ли. Отецъ этого мальчика былъ злодѣй старого закала, ябедникъ, ньяниша и сутяга, гонимый новыми временами, какъ волкъ охотниками. Типъ, такъ сказать, запоздалый. Способности недюжинны, а не приспособился къ новымъ порядкамъ. И короталь онъ свои послѣдніе дни среди певзгодъ, нищеты и пьянства. И все ему казалось, что судьба къ нему несправедлива: люди умѣютъ устроиться отлично, а онъ при томъ же, по его мнѣнію, образѣ дѣйствий—гразень, голодень

и гонимъ... И представьте, что у этого человѣка — семья... Жена и сынишка...

Жена — существо безотвѣтное, уничтоженое имъ въ полномъ смыслѣ слова, за исключеніемъ одного угла души. Когда дѣло касалось сына,—въ этой, какъ будто совсѣмъ опустошеннай, душѣ открывалась какая-то дверка, точно не сдавшаяся цитадель въ занятомъ непріятелями городѣ, и оттуда выступало вдругъ столько женскаго геройства, что порой старый буянъ и пьяница поджималъ хвостъ. Такимъ образомъ, Богъ ужъ ее знаетъ какой цѣной, но ей удались все-таки дать сыну образованіе. Поступивъ въ Тиходоль учителемъ, я засталъ этого юношу въ послѣдніхъ классахъ. Мальчикъ былъ застѣнчивый, скромный на видъ, поведенія тихаго. Только въ глазахъ было что-то такое, странно-сдержанное, возбуждавшее, пожалуй, нѣкоторую тревогу: какой-то особенный огонекъ, точно блескъ, беспокойное внутреннее горѣніе. Худощавый, тонкое лицо всегда блѣдное, и копна буйныхъ волосъ надъ крутымъ лбомъ. Учился отлично, съ товарищами знался мало, отца, кажется, ненавидѣлъ, мать обожалъ почти болѣзненно...

Теперь... извините... Придется мнѣ нѣсколько словъ сказать о себѣ... Иначе — останется многое непонятно въ дальнѣйшемъ... Я тогда учительствовалъ еще первые годы и переживалъ особенное настроеніе... На призваніе свое смотрѣлъ возвыщенно и, такъ сказать, идеально. Товарищи представлялись мнѣ какой-то священной ратью, ну тамъ... гимназія эта — чуты, не храмъ... А молодежь вѣдь это чувствуетъ и цѣнитъ... И бѣжитъ на этотъ огонекъ со всей непосредственностью и со всѣми своими запросами... А вѣдь это и есть живал душа нашего дѣла... Что толку, если онъ придется къ тебѣ, застегнувши вмѣстѣ съ мундиромъ на вѣтъ пуговицы и свою юную душонку. Съ своими вопросами и заблужденіями онъ мнѣ, учителю, нужнѣе... Да и ему нужнѣе, пока самъ ищу и учусь... При вѣкоторой искренности бери ихъ прямо руками...

Разсказчикъ помолчалъ и продолжалъ тихо:

— И было это у меня когда-то... Сблизился я тогда крѣпко съ нѣсколькими мальчиками своихъ классовъ, въ томъ числѣ и съ Роговымъ... Книги свои давалъ, сходились ко мнѣ. Ну, тамъ, за самоварчикомъ, запросто, задушевно, понимаете... Вспоминаю объ этомъ, какъ о празднике жизни... Журналь иной разъ свѣжей откроешь, толки, разсужденія, споры. Слушаю, — не вмѣшиваюсь сначала, какъ они колобродятъ тутъ, путаются, потомъ разъяснишь — осторожно, но съ увлечениемъ...

А тамъ, глядишь, иной разъ родилась мысленка, другая — иной разъ ань ужъ тебя самого царапнетъ, довольно остро... И чувствуешь: надо держаться на чеку, надо самому думать и учиться. И ростешь вмѣсть съ ними... И живешь...

Недолго только шло это у насъ. Какъ-то разъ призываетъ меня директоръ для конфиденціальной бесѣды... Ну, вы знаете сами... Теперь эти „виѣкласныя“ вліянія руководителей юношества покровительствомъ не пользуются. А ужъ журналы... Директоръ, вы его знаете,— Николай Платонович Поповъ,— деликатный человѣкъ... Онъ только намекнулъ и затѣмъ сдѣлалъ видъ, что ему, въ сущности, ничего неизвѣстно... Я было погорячился, сначала даже отказался подчиниться, апеллируя къ высшему пониманію своихъ обязанностей. А потомъ... вижу, что ничего не подѣлаешь. Главное — не обо мнѣ одномъ и рѣчь-то идетъ: на мальчикахъ отражается... Трудно было и тяжело, а главное — стыдно, вотъ что всего хуже. Что я могъ сказать своимъ молодымъ собесѣдникамъ? Чѣмъ объяснить? Исполняю приказаніе, явно безмысленное и оскорбительное, и только! Это былъ для меня первый ударъ жизни, и я тогда не замѣтилъ, что ударъ-то, пожалуй, былъ смертельный...

Подчинился я и прекратилъ свои вечернія бесѣды. Но совѣсти скажу, что думалъ больше о нихъ. Ну, молодежь-то, знаете, не такъ легко подчиняется въ этихъ случаяхъ и не все въ нихъ понимаетъ. Однажды вечеромъ — шашть ко мнѣ этотъ Роговъ съ товарищемъ... Тайнымъ образомъ. Лица возбужденныя, глаза горятъ и глядѣть какъ-то этакъ особенно... Ну, я этотъ способъ сношеній отклонилъ. — „Нѣтъ, говорю, господа, лучше это оставить“. Вижу, что мальчики вспыхнули оба... Роговъ этотъ заговорилъ что-то, да только спазма схватила горло, а глаза стали вдругъ злые... Но я нашелъ себѣ оправданіе: за нихъ я, особенно за Рогова и за мать его боялся... Вѣдь если бы открылись наши конспираціи, пожалуй вся его карьера и весь материнскій героизмъ — пошли бы на смарку. Такъ я и отступилъ тогда... въ первый разъ...

Старался за то уроки сдѣлать какъ можно интереснѣе. Вечера у меня остались свободные... Скучно. Привыкать вѣдь уже началъ къ своему молодому кружку. А тутъ — пусто. Ну, я за книги. Работалъ, какъ волъ, и все бывало прикидываешь въ воображеніи: вотъ это должно ихъ заинтересовать, вотъ это будетъ ново, а это отвѣтить на такіе-то запросы... Читаю, роюсь въ книгахъ, коллекціонирую все интересное, оживляющее, раздвигающее казенные стѣны и казенную сушь учебниковъ... И все съ живой мыслью о недавнихъ собесѣдникахъ... И кажется — выходило что-то... Помню, что классъ весь иной

разъ замираль, умы вспыхивали... Но тутъ вдругъ сталь директоръ ходить на уроки. Придетъ, сядетъ, слушаетъ, молчть... Знаете сами, какъ это дѣлается. Какъ будто и ничего, а вѣдь и классъ, и самъ я чувствую, что это уже не урокъ, а своего рода дознаніе... Потомъ на сторонѣ — деликатные вопросы; вотъ это, собственно, вы, позовите узнать, откуда почерпнули? Изъ какого утвержденного учебника? И въ какой мѣрѣ, по вашему мнѣнію, это соотвѣтствуетъ программѣ?

Ну, не стану распространяться... Такъ, однимъ словомъ, огонь этотъ понемногу во мнѣ угасалъ... Классъ сталъ именно классомъ: живыя лица стали отдаляться все больше, отошли въ туманъ какой-то... прикосновеніе умственное утратилось. Отмѣтки... планы... перечисленіе стилистическихъ красотъ живого произведения. Въ данномъ произведеніи 12 красотъ. Красота первая, красота вторая... Ну, и такъ далѣе... Соответственно требованиямъ программы... То есть, понимаете: и не замѣтилъ, какъ пошла и у меня та же будниковская бухгалтерія.

Какъ бы тамъ ни было, кончилъ этотъ юноша курсъ гимназии и уѣхалъ въ столицу... Однако, въ университетъ поступить сразу не удалось. Это было уже время этихъ секретныхъ аттестаций... Можетъ, и мои чтенія тутъ были въ игрѣ. Однимъ словомъ — годъ у него пропалъ. Матери-то онъ написалъ, что поступилъ и даже — что получаетъ стипендию, а въ дѣйствительности перебивался кое-какъ, бѣдствовалъ и вѣроятно озлоблялся. Потомъ вакъ-то всетаки сталъ выбиваться на дорогу. Но тутъ вдругъ и настигли его горе: мать умерла, не дождавшись. Съ тѣхъ поръ, какъ сынъ уѣхалъ, таяла все... Ичезла, такъ сказать, съ горизонта путеводная звѣзда всей ея жизни — ну, и сила сопротивленія тоже исчезла. Исчахла, знаете ли, какъ-то быстро, даже какъ будто съ удовольствиемъ. „Я, говоритъ, Ванѣ теперь уже не нужна... На дорогу, слава тебѣ Господи, вывела. Теперь и самъ пойдетъ“. Сказала: „нынѣ отпущаешь“ — и умерла. А вскорѣ послѣ этого и почтенного родителя въ канавѣ нашли... И остался мой Роговъ круглымъ сиротой...

Однако, старушка-то, видно, поторопилась: теперь-то она, можетъ, всего нужнѣе была сыну. Учился онъ, правда, хорошо и даже какъ-то страстно, такъ сказать, безъ оглядки, будто торопился къ чему-то. А какъ получилъ извѣстіе о смерти матери, — въ душѣ-то, видно, оборвалось что-то... Очевидно, и она для него, въ свою очередь, была единственной мечтой въ жизни. Вотъ, дескать, кончу, стану на ноги и восстановлю нарушенную справедливость: мать, наконецъ, хоть

на закатѣ узнаетъ, что есть еще благость Господни и любовь, и благодарность... Хоть на годъ, хоть на мѣсяцъ, хоть на недѣлю... Пусть хоть на мигъ одинъ, да чтобъ сердце радостью вспыхнуло и оттаяло. И вдругъ—вместо всего могила... Обрывъ—и кончено! И никакой уже благодарности не надо, и ничего уже ни вернуть, ни исправить нельзя... Да, чтобъ выдержать такое испытаніе безъ надлома, нужна сила... нужна вѣра въ общий смыслъ жизни... Чтобы и это казалось не одной глупой случайностью...

Ну, онъ и не выдержалъ. Опоры не было... Остушился, закрутить и сталъ виномъ заливать ядовитое чувство оскорблений и несправедливости судьбы... А тамъ и пошло. Экзамены бросилъ,—дескать, теперь не для кого дипломы добывать... И понесло его случайными теченіями, какъ лодку, брошенную на рѣкѣ... Заявился опять въ нашемъ городѣ... Можетъ быть, думалъ заchalиться какъ-нибудь за материнскую могилку... Да вѣдь что тутъ могила поможетъ... Если бы въ ней отыскался смыслъ какой-нибудь, тогда, конечно, другое дѣло... А такъ... взялъ въ судѣ свидѣтельство „на право хожденія“ но дѣланъ и вступилъ на отцовскую дорожку. Жизнь повелъ безпутную, время проводилъ въ кабакахъ, съ голытьбой, и бралъ дѣла самаго рискованного свойства. Годъ такой жизни,—и выработался въ пьяного и дерзкаго буяна, анфанть-терибля всего нашего мирнаго городка, грозу мирныхъ гражданъ. И откуда-то, чортъ его знаетъ, въ этомъ застѣнчивомъ юношѣ объявилась вдругъ наглость, а съ нею и остроуміе просто дьявольское: всѣ въ городѣ его боялись... Замѣчательно, что рѣдкій городокъ на Руси обходится безъ своего Рогова. Своего рода должностъ, полагающаяся по штату. Тихо это всюду, мирная дремота, идиллическое спокойствіе, г. Будниковъ по улицамъ ходить, примой, величавый, собственные шаги считаетъ... Но вечерамъ—особенно въ праздники, шорохи эти поэтические, а тутъ гдѣ-нибудь їхаетъ кабакъ вродѣ нашего, „на Ярахъ“, и бурлить какая-нибудь безобразная, изболѣвшая и одичавшая душа... А около нея, конечно, сателлиты. Это уже, такъ сказать, въ порядке вещей, необходимый аксессуаръ глухихъ провинціальныхъ угловъ...

Первое время послѣ своего появленія Роговъ иногда встрѣчался со мною... Робко поклонится и отойдетъ къ сторонѣ, особенно, когда пьянъ.. Разъ, встрѣтившись, я заговорилъ съ нимъ и пригласилъ его къ себѣ. Прищель... трезвый, серьезный, даже застѣнчивый... по старой памяти, что ли... Только—какъ-то у насъ не склеилось. Встало между нами,—вспоми-

наніе: я—молодой учитель со свѣжою вѣрой въ свое призвание, съ живымъ чувствомъ и словомъ. Онъ—юноша, еще чистый, благоговѣющій передъ моимъ нравственнымъ авторитетомъ.. Тepерь онъ—Ванька Роговъ, тиходольскій дебоширъ и ходатай по сомнительнымъ дѣламъ... А я... Ну, однимъ словомъ—точно стѣна какая-то стоитъ между нами и разъединяетъ: о главномъ, о томъ, что всего важнѣе, — не говоримъ. Чувствую, что надо бы разрушить какую-то перегородку, сказать ему что-то такое, что проникло бы въ эту душу и взяло бы ее, какъ когда-то... И онъ, вижу, самъ ждетъ какъ будто со страхомъ: вдругъ ты за это, за самое больное—то всетаки схватишь... Въ глазахъ и боль, и ожиданіе... А у меня силы для этого нѣтъ. Оборвалась... еще, кажется, тогда, давно, когда въ первый разъ со стыдомъ пришлось отступить...

Такъ мнѣ и пришлось наблюдать, въ качествѣ, такъ сказать, сочувствующаго свидѣтеля, какъ опускался этотъ юноша на глазахъ, пошлѣль, синвался, грязнѣль... Обнаглѣль, стыдъ сталь терять, потому слышу: Роговъ вымогаетъ и попрошайничаетъ по мелочамъ. Дѣла береть плохія: ходить по самой, такъ сказать, границѣ между просто предосудительнымъ и уголовнымъ. Да ходить ловко, какъ акробатъ, и надѣль всѣми смѣется. Года въ два-три уже совершенно опредѣлился. Фигура мрачная, грязноватая и чрезвычайно непріятная.

Ко мнѣ иной разъ сталъ уже заходить пьяный... И странно: въ этомъ видѣ мнѣ съ нимъ стало, какъ будто, легче... Задача, что ли, упростилась, стала очевидна его вины, и мораль давалась легче. Помню, какъ-то послѣ одной его выходки, до очевидности скверной, говорю я ему:

— Такъ и такъ, Роговъ, нехорошо.

Онъ сначала сжался было, глаза отвелъ, какъ бы боясь нравственного удара, а послѣ тряхнуль лохмами и посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, видимо призывалъ на помощь свою наглость.

— Почему бы, говорить, Павелъ Семеновичъ, нехорошо?

— Нечестно, говорю.

— Ну, знаете ли, говорить, это вѣдь только замѣна одного спорного термина другимъ, не менѣе спорнымъ. То было нехорошо, а теперь стало нечестно. А у меня, говорить, на этотъ счетъ свои теоріи выработалась. Честность и другое тому подобное есть не что иное, какъ дессерть. Дессерть же, какъ известно, подается послѣ обѣда. А если нѣтъ обѣда,— какая же, говорить, надобность въ десерти?

— Но,—припомните, говорю, Роговъ,—отчего у васъ нѣтъ обѣда... Учились вы хорошо, были уже на дорогѣ и вдругъ, уклонились съ пути...

Самому мнѣ въ эту минуту показалось это соображеніе не только убѣдительнымъ, но даже неопровергимымъ... А онъ посмотрѣлъ на меня, засмѣялся и говоритъ:

— Вы, говорить, въ послѣднее время, кажется, на биллардѣ стали иногда вечерами поигрывать?

— Ну, что-жъ, говорю, играю... для отдыха.

— Клаштосъ, говорить, знаете?

— И клаштосъ знаю.—А клаштосъ, какъ вамъ извѣстно, ударъ этакой особенный, парадоксальный. Отъ этого удара шаръ сначала идетъ впередъ, а потомъ вдругъ какъ бы произвольно откатывается назадъ... На первый взглядъ непонятно и какъ бы противно законамъ движенія, но въ сущности просто.

— Ну, такъ вотъ, по вашему, говоритъ, это что же: шаръ свою волю обнаруживаетъ? Нѣтъ?.. Просто борются два различныхъ движенія... Одно дѣйствуетъ сначала, другое беретъ верхъ послѣ... Ну, такъ видите ли, говоритъ,—мамаша моя шла всю жизнь прямымъ путемъ, а папаша, какъ вамъ хорошо извѣстно, вертѣлся волчкомъ. Вотъ и я сначала шелъ прямо, пока хватало маминыхъ импульсовъ... А потомъ, знаете, и самъ хорошенько оглянувшись не успѣлъ, какъ ужъ меня завертѣло по отцовскому... Вотъ вамъ и вся моя биографія...

И такъ онъ это сказалъ искренно какъ-то и безнадежно. Опустилъ голову, закрылъ лицо кудрями, потомъ посмотрѣлъ на меня, и опять мнѣ стало жутко. Боль въ глазахъ. Видели вы когда-нибудь у животныхъ, когда имъ очень больно?.. Собака,—на что ласковая тварь,—а и та въ это время хозяина укусить готова.

— Что же, говоритъ... Кто тутъ, по вашему, виноватъ?

— Не знаю, говорю, Роговъ. И вамъ, конечно, не судья... Да и не въ виновности дѣло.

— Не въ виновности, такъ въ чёмъ же? По моему, тотъ виноватъ, кто меня клаштосомъ въ жизнь пустилъ... Значить, судить некому. Вотъ я двигаюсь клаштосомъ по жизненному полю... Исполняю волю пославшаго... Такъ-то вотъ, говоритъ, голубчикъ Павель Семеновичъ... Не найдется ли у васъ около двугривенного этакъ серебромъ?.. Тоска палить, залить надо...

Въ первый разъ онъ у меня тогда двугривенный попросилъ, и я сразу почувствовалъ, что бывшая между нами препрѣграда разрушена. Что онъ и меня теперь можетъ оскорбить, какъ и всѣхъ...

И мнѣ захотѣлось защититься.

— Нѣтъ, говорю, Роговъ. Двугривенного я вамъ не дамъ...

Такъ,—хотите приходить,—приходите. Я радъ... А этого не нужно.

Опустилъ онъ свою лохматую голову, посидѣль и говорить глухо:

— Да, Павелъ Семеновичъ. Простите меня. И безъ двугривенного стапу приходить. Всетаки посидишъ съ вами, какъ будто легче и точно минусъ какой изъ обычнаго угара...

Посидѣль опять. Помячали мы оба тяжело и напряженно. Потомъ онъ опять говоритъ:

— Было время... падылся я много отъ васъ получить... Вы сами не знаете, что вы для меня значили. Вотъ и теперь иной разъ тянетъ къ вамъ. Ждешь чего-то. Да нѣтъ... бесполезно... Клапитъся.—я конченко...

— Извините, говорю, Роговъ. Но вы положительно злоупотребляете этимъ билларднымъ сравненiemъ. Вѣдь вы не состояй шаръ, а живой человѣкъ.

— И поэтому, говорить, чувствую... Шаръ-то, — куда его ни загони,—въ дузу ли, въ лужу ли, ему, костяному дураку, все равно... А человѣку, почтеннѣйший Павелъ Семеновичъ, въ лужѣ тяжело... Вы думаете, кто-нибудь сознательно и по доброй волѣ откажется отъ дессерта?.. Не отказался бы и я... Человѣкъ я, какъ говорится, съ рефлексомъ. Вижу и обсуждаю свою траекторію до конца... Скоро вѣдь стану свинья свиньей и уже безпросвѣтно. Вотъ порой и думается: а вѣдь можетъ быть... какъ-нибудь... гдѣ-нибудь... какая-нибудь... точка опоры, что ли... вѣдь вотъ порой задѣвается еще что-то... настояще... И есть оно гдѣ-то павѣрное... настоящее-то?.. Есть вѣдь, Павелъ Семеновичъ?

— Есть, говорю, конечно, есть.

— Ну, вотъ, говорить, какъ вы это искренно сказали. Да, должно быть, дѣйствительно, есть... Такъ гдѣ же оно? Ну, извините, я вамъ не хочу ловушки ставить... Не знаете вы этого и сами. Искали когда-то, да бросили... Вотъ поэтому-то я только двугривенный у васъ и прошу. Да еще иногда, спасибо, посижу, будто у огошька .. Человѣкъ вы всетаки съ душой... Иной, можетъ быть, скроется бы и больше взять у васъ...

— Такъ что же, послушайте, говорю я ему. Придумайте: не могу ли быть вамъ, дѣйствительно, полезенъ. — И чувствую: подается въ немъ что-то... растроганность какая-то почувствовалась, наглости нѣтъ... Задумался, опустилъ голову.

— Нѣтъ, говорить, не выйдетъ. И не вы, голубчикъ, виноваты. А потому, что... я да все мы такие... очень требовательны. Сами, какъ свиньи, въ грязи валяемся, а съ другихъ требуемъ, чтобы тѣ, кто руку протянуть хочетъ, сами

были чище снѣга... Много, голубчикъ, силы надо. Не хватить ея у васъ... Буря нужна, понимаете ли... Чтобы дохнуло огнемъ... Ну, тогда и чудеса бываютъ... А вы... Вы на меня не сердитесь?..

— Что же, говорю, на что сердиться?

Замолчали мы оба тогда. Я не нашелъ, что сказать ему, а онъ опять стала ходить, по понемногу опять къ прежнему тону стала возвращаться. Придетъ, сидеть, и перегаромъ отъ него несетъ. Въ слѣдующую субботу пришелъ такимъ же образомъ и сѣлъ рядомъ на крыльцъ, и какъ разъ опять къ вечернѣ ударили. И черезъ короткое время выходитъ изъ воротъ г. Будниковъ. Щеголеватый, знаете ли, такой, прямой, какъ всегда, и во всей фигурѣ довольство... Такъ отъ него и разитъ сознаніемъ исполняемаго долга.

Помню, что и на меня тогда его появленіе подѣйствовало непріятно, а у Рогова даже лицо вдругъ измѣнилось... Схватился съ мѣста, стала въ театральную позу, шляпу съ головы снялъ и говоритъ:

— Господину Будникову, Семену Николаевичу, къ вечернѣ шествующу—отъ Ваньки Рогова нижайшее почтеніе.

И потомъ отвелъ шляпу широкимъ этакимъ жестомъ и запѣлъ изъ этого... ну, извѣстнаго романса:

„Самъ не въ силахъ я боль-ше моли-и-иться...

„Пам-мались, милай друкъ, за м-мия...“

Передернуло меня это гаерство... Чувствую, что и мнѣ Будниковъ непріятенъ, но всетаки... Оскорбляетъ человѣка въ такомъ чувствѣ, которое во всякомъ случаѣ и со всякой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго уваженія. А тутъ вскорѣ изъ калитки вышла и Елена и тоже въ церковь идетъ. Онъ и къ ней:

„Офелія! О, нимфа! Помяни

„Меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ“.

Это меня уже окончательно разсердило. Елена скжаслась вся подъ наглымъ взглядомъ и наглыми, хоть и непонятными ей словами, опустила голову и скоро-скоро пошла къ церкви.

— Послушайте, говорю, Роговъ. Какъ вамъ не стыдно! И при томъ долженъ вамъ сказать... если хотите ко мнѣ ходить, то попрошу васъ покорно вести себя приличнѣ...

Повернулся онъ ко мнѣ... и вижу, въ глазахъ особенное выраженіе—злой боли: уже и меня укусить собирается...

Захотѣлось мнѣ нѣсколько смягчить эту свою рѣзкость. И говорю:

— Вѣдь, вотъ вы, Роговъ, не знаете ни этихъ людей, ни ихъ отношеній, а позволяете себѣ оскорблять...

Онъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо и говорить:

— Это вы не насчетъ ли идилли? Добрѣтельный г-нъ Будниковъ устроилъ счастье двухъ сердецъ. А вотъ, кстати, и Гаврюшенька.

И дѣйствительно, Гаврило какъ разъ вышелъ изъ воротъ. Роговъ какъ-то противно подмигнулъ ему.

— Поздравлю, говорить, Гаврюшенька... съ барскими отопочками... Умница! Узналь, видно, гдѣ раки зимуютъ?.. Въ случаѣ надобности, говорить,—можешь разсчитывать на мои юридическія познанія...

Да, удивительное дѣло, какъ эти циники узнаютъ иные вещи. Повидимому, Роговъ тогда уже зналъ все и вѣроятно заподозрилъ Гаврилу въ корыстныхъ видахъ...

Подошелъ къ нему и хлопнулъ по плечу... Тотъ озлился вдругъ и сильно оттолкнулъ Рогова. Роговъ чуть не упалъ, засмѣялся и съ преувеличенной развѣздностью пошелъ по палели. Поровнявшись со мной, онъ остановился и говорить:

— Вотъ что, почтеннѣйший Павель Семеновичъ... Давно хотѣлъ у васъ спросить: не читали ли вы... есть у Ксенофонта... разговоръ Алкивиада съ Перикломъ... Если не читали,—положительно рекомендую. Хоть и на мертвомъ языке, а пœучительно.

И пошелъ, напѣвая скверную пѣсенку. А я черезъ нѣкоторое время разыскалъ этотъ діалогъ. Что, думаю, онъ хотѣлъ сказать...

Тяжелая, знаете ли штука, но сильная. Дѣло, собственно, приблизительно вотъ въ чемъ. Приходитъ какъ-то къ Периклу юный Алкивиадъ... Перикль, представьте себѣ, къ этому времени уже почтенный человѣкъ, окруженный общимъ почетомъ, ну, тамъ... прошлыхъ заслугъ и нѣкоторый ореолъ добрѣтелей... И вѣроятно, уже брюшко и прочее. Ну, а Алкивиадъ—повѣса, безобразникъ, кутила, съ дѣвочками аѳинскими скандалы всякие устраиваетъ, собакамъ, какъ извѣстно, хвосты рубиль... И насчетъ добрѣтелей человѣкъ мало свѣдущій. Ну, такъ вотъ приходитъ къ Периклу этотъ порочный молодой человѣкъ и говоритъ: — Послушай, Перикль. Вотъ ты человѣкъ полный, можно сказать, добрѣтели до самыхъ макушекъ. А я вотъ путаюсь безъ дороги и отъ бездѣля даже вотъ столбы выворачиваю. Сограждане недовольны. Научи ты меня добрѣтели и разрѣши сомнѣнія. Я буду спрашивать, а ты мнѣ, говорить, разъясни все по порядку. Ну, Перикль, разумѣется, согласень, даже, пожалуй, радъ: отчего не разъяснить молодому человѣку? Можетъ быть, и остынетъ.—Хорошо, говорить, спрашивай. Тотъ и спрашиваетъ: что такое добрѣ-

тель? И какъ ей научиться?—Периклъ, конечно, только усмѣх-
нулся: чти, говоритъ, боговъ, исполняй законы и вся недолга.
Законы соблюдать есть первѣшная обязанность гражданина
и человѣка.—Ну, вотъ, отлично, отвѣчаетъ ему юноша. Теперь
скажи, пожалуйста, какіе законы я долженъ исполнять: дур-
ные или хорошіе? Тотъ немножко даже обидѣлся. Да вѣдь за-
конъ,—значитъ, дескать, хорошъ. Что же тутъ толковать?—
Нѣтъ, говоритъ Алкиниадъ, постой, не сердись... А ужъ у нихъ,
знаете ли, въ это время въ Аѳинахъ всѣ эти, такъ сказать,
основоначала замутились нѣсколько... партии, борьба, одни
другихъ грабятъ, остракизмы эти, своего рода ссылка админи-
стративнымъ порядкомъ... узурпаторы пошли; временщики
тамъ... чуть замѣшательство,—ужъ онъ выскочилъ и свой
законъ написалъ, для собственного употребленія или тамъ
для кумовей и пріятелей. Боги старые сконфузились, ора-
кулы бормочутъ ни вѣсть что, совсѣмъ не къ дѣлу. Однимъ
словомъ, ясное-то въ жизни стало ужъ неясно: равновѣсія
нѣть, всѣми признанная правда затерялась... Обновленіе нужно.
Тучи кругомъ заволокли небо, и путеводныя звѣзды, Богъ ихъ
знаетъ, гдѣ онѣ?.. Такъ вотъ Алкиниадъ и спрашивается:
какіе же, говоритъ, законы надо исполнять: которые предпи-
сываютъ хорошее или дурное?—Конечно, говоритъ, хорошее.—
Ну, а почему же мнѣ, говоритъ, узнать, какіе хороши? По
какому, такъ сказать, признаку?—А ты, говоритъ, исполняй
всякіе; законъ, говоритъ, на то и пишется...—Значитъ и тѣ,
какіе введены насилиемъ тирановъ?—Ну, этихъ, пожалуй, и
не надо... Только, говоритъ, законные, такъ сказать, законы.—
Ну, хорошо. Если, напримѣръ, меньшинство насиливаетъ боль-
шинство въ свою явную пользу, такихъ законовъ не надо?—
Пожалуй, не надо. — А если большинство явно насиливаетъ
меньшинство, противно всякой правдѣ?.. Видите, куда этотъ
юноша гнетъ: виѣшникъ признаковъ ему не надо, а покажи
такъ, чтобы душой почувствовать общественную правду, выс-
шую, такъ сказать, правду жизни, святыню... Ну, а Периклъ-то,
понимаете, ужъ и не того... И не то, что Периклъ,—
весь строй жизни стоитъ на рабствѣ, на сознанной неправдѣ...
религія выдохлась, недавняя святыня, освящавшая каждый
шагъ, каждое движение, весь строй, всѣ людскія отношеній—
ужъ ея люди не чувствуютъ... Ну, Периклъ туда-сюда... са-
мому-то передъ собой не хочется признать, что уже ихніе
законные законы того... выдохлись... Онъ этакъ снисходи-
тельно потрепалъ безпутнаго юношу по плечу и говоритъ:—
Да, да!—говорить, ты, конечно... мальчикъ съ головой... Мы,
говорить, и сами въ прежнее время этакіе же трудные вопросы

разрывали... Ну, Алкивадъ видеть, что ужъ Нерикътъ—такъ сказать, признанный авторитетъ — одними пустиками отѣлывается, живого-то въ немъ эти противорѣчія не задѣваются,—и махнулъ рукой.—Жалко, говоритьъ, почтенный человѣкъ, что я съ тобой не былъ знакомъ въ то время... А теперь пойду отъ скучи опять столбы выворачивать...

И это онъ поднесъ мнѣ, своему бывшему учителю...

. . . . .

VII.

Разсказчикъ остановился. Поѣздъ замедлялъ ходъ, подходя къ какой-то станціи. Петръ Петровичъ протянулъ руку и, снявъ съ крючка синюю фуражку съ кокардой, сказалъ:

— Пойти опять въ буфетъ... Признаться, почтеннѣйший Павель Семеновичъ, не понимаю я, къ чему все это клонить... Это, извините, даже и не философія, а Богъ знать къ чему. Начали про Будникова. Ну, это пожалуй: человѣкъ всетаки знакомый... Потомъ этотъ, чортъ его знаетъ, Роговъ, прохвость какой-то отпѣтый, а тутъ уже, не угодно ли, и Ксенофонть, и Алкивадъ... хвосты собакамъ рубить... Чортъ знаетъ что: какое мнѣ, позвольте спросить, до всего этого дѣло?.. Нѣть, какъ хотите... Лучше пойду вторично водку пить...

Онъ надѣлъ фуражку и, придерживаясь за стѣнки отъ толчковъ останавливающагося поѣзда, вышелъ изъ вагона. Но въ это время на другой верхней скамейкѣ зашевелился четвертый пассажиръ. Онъ лежалъ въ тѣни, по временамъ куриль и проявлялъ признаки вниманія къ разсказу. Теперь онъ сошелъ съ своей скамьи и, сѣвъ рядомъ съ нами, сказалъ:

— Извините, не имѣю чести быть знакомымъ, но... я слышалъ поневолѣ вани разсказать, и мнѣ было бы интересно... Такъ что, если вы ничего не имѣете противъ...

Павель Семеновичъ посмотрѣлъ въ лицо новаго собесѣдника. Это былъ культурный человѣкъ, одѣтый аккуратно, съ умными глазами, твердо глядѣвшими изъ-подъ золотыхъ очковъ, которые онъ прикладывалъ обѣими руками...

— Да?—сказалъ Павель Семеновичъ...—Вы, значитъ, тоже слышали...

— Да, слышалъ. И меня интересуетъ.. ваша точка зрѣнія, которая, признаюсь, мнѣ це вполнѣ ясна...

— Да?.. Дѣйствительно, можетъ быть, я не вполнѣ ясно это... Я хотѣлъ сказать... что въ сущности все такъ связано... И эта взаимная связь...

— Налагаетъ общую отвѣтственность?

Въ лицѣ Павла Семеновича блеснуло радостное оживленіе.

— Вотъ! Вы, значить, поняли? Именно—общую... Не передъ Иваномъ или Петромъ... Все, такъ сказать, переплетается... Одинъ по неаккуратности броситъ апельсинную корку... другой споткнется и, глядишь,—сломалъ ногу.

Новый собесѣдникъ слушать съ спокойнымъ вниманіемъ. Но въ это время въ вагонъ вошелъ опять Петръ Петровичъ, который ошибся станціей, и, окинувъ обоихъ нѣсколько ироническимъ взглядомъ, сказалъ, вѣшай на крючокъ фуражку:

— Ну, вотъ, теперь—не угодно ли—корка!

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ,—сказалъ Павелъ Семеновичъ серьезно.—Вы это напрасно такъ... Тутъ, конечно, вопросъ, такъ сказать...

— У васъ, я знаю, все вопросы, въ самыхъ простыхъ вещахъ....—сказалъ Петръ Петровичъ.—Не стѣсняйтесь, пожалуйста. У васъ есть достаточно слушателей.

— Да, пожалуйста,—подтвердилъ господинъ въ золотыхъ очкахъ.

— Извольте... Я охотно, тѣмъ болѣе, что все это мнѣ, все равно, не даетъ покоя. Я остановился...

— Вы остановились,—насмѣшилъ помочь ему Илья Петровичъ,—на Алкивіадѣ... Исторія, такъ сказать, древняя. Теперь послѣдуютъ средніе вѣка...

Павелъ Семеновичъ не обратилъ вниманія на соль этой остроты и обратился къ новому собесѣднику:

— Да, такъ видите ли. Дѣло находится въ такомъ положеніи: Гаврило женился, живетъ себѣ... Въ столѣ у г-на Будникова лежитъ билетъ съ двумя чертами... ходить обѣ этомъ нехорошіе слухи и, какъ всегда, въ преувеличенномъ видѣ. И не знаетъ обѣ нихъ одинъ только Гаврило,—работаетъ себѣ по прежнему, лѣзетъ, такъ сказать, изъ кожи, старается... Мускульная эта симфонія въ полномъ ходу, глаза такъ и лучатся общимъ довольствомъ и благорасположеніемъ...

И вдругъ, однажды, патыкается на него въ этакую минуту Роговъ. Шелъ по панели мимо двора, остановился, подумалъ о чёмъ-то и подозрѣвалъ Гаврилу.

Ну, тотъ русскій человѣкъ, добродушный... Не такъ давно толкался, а тутъ забылъ. Чего, говорить, тебѣ?—Поди сюда, дѣло до тебя. Спасибо скажешь.

Признаться, что-то толкнуло меня. Хотѣлъ подозрѣвать къ себѣ этого Рогова и, чувствуя, что затѣваетъ онъ сквернѣсть,—остановить его. Но это было уже послѣ Алкивіада... вообще, не надѣялся я уже на себя. Такъ и остался у окна. Гляжу,—оставилъ Гаврило лопату, подошелъ и сталъ слушать. Сначала въ лицѣ его видно было только недоумѣніе,

отчасти даже пренебрежение. Но потомъ все съ тѣмъ же видомъ колебанія онъ отвязалъ фартукъ, пошелъ къ себѣ во флигелекъ, надѣлъ картузъ и вышелъ къ Рогову... И потомъ они вмѣстѣ пошли по улицѣ и свернули къ береговому откосу... А черезъ минуту вышла къ воротамъ Елена, стала у калитки и долго смотрѣла вслѣдъ двумъ удалившимся фигурамъ... И въ глазахъ у нея были печаль и испугъ...

И, дѣйствительно, съ этого самаго дня характеръ у Гаврилы круто какъ-то измѣнился. Вернулся онъ нѣсколько, какъ будто, пьяный... Можетъ быть, отъ водки, а можетъ быть, и отъ огромности непосильного бремени, которое вдругъ навалилось на него Роговъ... Во-первыхъ, и сумма совершенно подавляющая: гора денегъ, превышающая самую его способность счета. И потомъ—источникъ этого богатства, возвращающій невольно мысли къ прошлому Елены. Наконецъ, недоумѣніе, почему Елена ему ничего обѣ этомъ не сказала, и отсюда, можетъ быть, нехорошія подозрѣнія... Въ общемъ, разумѣется, полный душевный сумбуръ... Две черточки, которыя г-нъ Будниковъ проводилъ на билетахъ,—по душѣ Гаврилы прошли, очевидно, всего глубже и больнѣе... Ну, соскочилъ простодушный человѣкъ и со своего центра. Вся эта симфонія непосредственности и труда внезапно оборвалась... Заметался мой Гаврило безпорядочно, какъ отравленный...

И начало его ломать... Сначала все ходилъ угрюмый, съ какимъ-то потемнѣвшимъ лицомъ. Работа у него стала валиться изъ рукъ: то топоръ швырнетъ, то лопату сломаетъ... Совершенно какъ хорошио пущенная машина, въ которую вдругъ сунули бревно... Когда же Будниковъ удивленію и кротко сталъ дѣлать ему вполнѣ резонныя замѣчанія, что вѣдь вотъ лопата стоитъ денегъ, и что онъ вынужденъ будетъ вычестъ у Гаврилы изъ жалованья,—то этотъ, кроткій ирreажде человѣкъ, отвѣчалъ невнятными и нерезонными грубостями... А у Елены глаза все заплаканные...

Потомъ Гаврило уже формально запилъ, сталъ пропацать, и преимущественнымъ мѣстопребываніемъ его стала довольно грязный вертепъ „Яры“ на берегу, на пескахъ, недалеко отъ пристани... Домишко этой пебольшой, деревянной, съ мезониномъ, темный, покосившейся въ одну сторону и подчерптыи бревнами. Съ берегового откоса можно было видѣть его: все, бывало, по вечерамъ два оконца и дверь открытая свѣтится, какой-то бубенъ ухалъ, и пиликало что-то для увеселенія... А по временамъ неслись смѣшанные крики—не то пѣсни, не то драка и карауль. Вообще—вѣчное беспокойство и какъ будто угроза. Антитеза дремлющей обывательской жизни...

Бурлаки съ нашей скромной и по большей части бездѣйствующей пристани, рабочіе съ кирпичныхъ заводовъ, какъ кроты копавшіеся въ мокрой глинѣ, профессиональные нищіе... однимъ словомъ, народъ бездомный, несчастный, беспутный и злой. Даже и пролетаріатъ-то попорядочнѣе избѣгать этого кабака. И вотъ, въ него-то именно и втянуль Роговъ Гаврилу. А за Гаврилой узнала дорогу въ „Яры“ и Елена, собственно, для того, чтобы мужа оттуда вытаскивать...

Дѣлала она это какъ-то удивительно покорно, безропотно и, право, даже—красиво. Разъ иду съ уроковъ, вхожу въ калитку, глядь, Елена бѣжитъ навстрѣчу, наскоро платокъ на головѣ повязывается.

— Куда вы, говорю, Елена?

Застыдилась немножко.

— Не видали вы,—спрашиваетъ:—Гаврило Степанычъ въ ту сторону прошли?..

— Кажется, говорю, пошелъ... Да вамъ-то бы, Елена, туда, пожалуй, и не дорога.

Хотѣлъ даже удержать ее... Но она сердито метнулась мимо и, кажется, съ нѣкоторою гордостью кинула на ходу, что дескать Гаврило Степанычъ—ей мужъ, а она ему жена законная... А черезъ полчаса гляжу,—ведетъ Гаврилу Степаныча подъ руку. Тотъ упирается, но идетъ и только смотритъ передъ собой тусклымъ, оловяннымъ и не понимающимъ взглядомъ. И всетаки идетъ. У самой калитки уперся вдругъ ногами, оттолкнулъ ея руку и уставился въ нее... Лицо темное, и въ оловянныхъ глазахъ злая рѣшиимость...

— Ты, говоритъ, кто?.. Говори: кто ты?.. А?

Она стоитъ, опустивши руки, убитая какая-то. Вспомнилось мнѣ то весеннее утро и ихъ взаимныя клятвы: „А вы, Гаврило Степанычъ, Бога не забудете?...“ И стало мнѣ страшно: забудетъ, думаю, и именно вотъ сейчасъ... сю минуту и забудетъ... Но вдругъ лучъ нѣкотораго сознанія мелькнулъ въ безсмысленномъ лицѣ, и онъ какъ будто проглотилъ что-то. Не сказалъ ни слова и молча пошелъ къ себѣ... И она пошла за нимъ, испуганная, почтительная и покорная...

И все такъ пошло: мигнетъ Роговъ Гаврилѣ, онъ исчезнетъ со двора и забурлитъ. Власть какую-то пріобрѣлъ этотъ человѣкъ надъ Гаврилой, а Елена ее оспаривала... покорно, почтительно, робко, но настойчиво. Вѣроятно, считала всю эту исторію наказаніемъ, посланнымъ ей для искупленія „грѣха“. Осунулась, пріятная полнота исчезла, глаза впали... Но за то, глядя на нихъ, я бы теперь никакъ не рѣшился назвать ихъ глупыми. Страданіе всегда удивительно умно.

даже у птицы... Въ вертепы является, мужа пьяного выводить, смеются надъ ней на улицѣ, грубо заѣваютъ...—у нея за себя стыда ни капли... Только иной разъ скажетъ шепоткомъ: „Не хорошо, Гаврило Степанычъ, люди на васъ смотрятъ“...

Однажды, при этакомъ же вотъ случаѣ, когда она привела его изъ „Яровъ“, онъ вырвался изъ ея рукъ, кинулся къ дверямъ Будникова и сталъ бѣшено колотить въ нихъ ногой. Елена какъ-то вся помертвѣла и, будто не въ силахъ подойти къ нему, глядѣла только, какъ человѣкъ въ кошмарѣ, когда къ нему приближается что-то давно ожидаемое и страшное, противъ чего нельзя уже бороться... Но тутъ вдругъ дверь открылась, и на порогѣ появился г-нъ Будниковъ... Спокойный, даже величавый, съ чувствомъ полного превосходства. Я даже, правду сказать, пѣсколько удивился... Какъ бы ни было, всетаки положеніе щекотливое. Подробностей я еще тогда не зналъ, но всетаки чувствовалась пѣкоторая нечистота и неаккуратность... И вдругъ, ясность взгляда, спокойствіе, достоинство. И не то, чтобы притворство. Нѣтъ,—замѣтно это было бы... Просто—полная невозмутимость.

— Что, говоритъ, тебѣ, Гаврило, нужно? Зачѣмъ стучишь ногой? Не знаешь, какъ надо позвонить... Вотъ, вишишь: звонокъ...

И показываетъ ручку звонка. Гаврило посмотрѣлъ на ручку и растерялся... Дѣйствительно, дескать, ручка и, значитъ, ногой совершенно таки не зачѣмъ... А г. Будниковъ съ верхней стушеныки продолжаетъ:

— И пообѣде, говоритъ, что ты о себѣ думаешь и что тебѣ, поте-рин-ному человѣку, отъ меня нужно? Что, обидѣль я тебя, поступать съ тобой неправильно, жалованье хоть на день одинъ задержаль? Ну, вотъ ты стучать ногой... Хорошо. Вотъ я къ тебѣ вышелъ... Что же тебѣ надо?

Гаврило—ни слова...

— Ну, такъ вотъ, говоритъ, я тебѣ скажу съ своей стороны: лопата опять сломана, панель не подметена, лошадь не напоена до сихъ поръ... Лошадь безсловесная, ничего сказать не можетъ... но при всемъ томъ, она живая и чувствуетъ... слышишь, ржетъ вотъ...

Этотъ аргументъ подавилъ Гаврилу до такой степени, что онъ, побѣженный совершенно и окончательно, повернулся и... отправился прямо въ конюшню. И черезъ минуту, даже какъ будто не пьяный, повелъ въ поводу лошадь къ водопою... А г. Будниковъ спокойно заперъ ключомъ свою дверь и пошелъ со двора. Проходя мимо моего палисадника и догады-

паясь, что я все видѣлъ, онъ остановился и, грустно покачавъ головой, сказалъ:

— Да вотъ, толкуютъ: народъ, народъ... не угодно ли полюбоваться...

VIII.

Скандалы эти стали уже обращать внимание. Заговорили въ городѣ. Судили, конечно, разно. Одни стояли за Будникова. Стоитъ ли вѣрить слухамъ? Да и ничего вѣдь, въ сущности, неизвѣстно. Какие-то, съ одной стороны, глухіе толки, а съ другой— явные скандалы и безобразное нарушеніе общественной тишины... Но было и другое мнѣніе. Люди низшаго званія сочувствовали Гаврилѣ. Должно быть, представлялось имъ, что г-нъ Будниковъ, умный и сильный, похитилъ у Гаврилы какое-то право вродѣ талисмана, что ли, и теперь колдуетъ какимъ-то образомъ, чтобы этотъ талисманъ потерялъ свою силу... И вотъ десятки глазъ поворачиваются къ окнамъ г-на Будникова и смотрятъ на него, когда онъ проходитъ, прямой и спокойный, какъ будто не замѣчая, что за нимъ тянется это облако недоумѣнія, подозрѣнія, осужденія, вопроса... вообще, грѣха. И въ каждомъ взгляде отражается некороткая мысль, и въ каждомъ сердцѣ шевельнется нехорошее чувство... Это, вѣдь, своего рода темная туча... Сотни одинаковыхъ душевныхъ движений, спутанныхъ, неясныхъ, но злыхъ... И всѣ направляются къ одному центру...

А Будниковъ, надо замѣтить, былъ до извѣстной степени популярный и прежде пользовался общей благосклонностью... Даже Роговъ, когда случалось ему проходить мимо нашего двора, завидя г-на Будникова съ лопатой или граблями, прежде останавливается, бывало, и скажетъ:

— Господинъ Будниковъ, Семенъ Николаевичъ, труждается... Трудившися да яствъ.

Или:

— Господинъ Будниковъ помогаетъ ближнему дворнику трудами рукъ своихъ. Поквально!

И пройдетъ дальше, какъ мимо явленія безразличного или даже пріятно развлекающаго...

А тутъ все это окрасилось иначе... У меня даже физическое ощущеніе какое-то являлось... вродѣ кошмара. Какъ будто эти двѣ черты... или что-то въ личности г-на Будникова пропитали собою всю атмосферу... Даже, представьте, почти до галлюцинаціи... Идешь въ гимназію или изъ гимназіи... Высчитываешь въ уме отмѣтки... И покажется вдругъ, что это господинъ Будниковъ идетъ за тобя этимъ размѣреннымъ

шагомъ, довольный отъ сознанія исполненнаго долга... Или задаешь урокъ, или читаешь необходимую нотацию и слышишь, ну вотъ просто-таки слышишь эти будниковскія нотки въ своемъ голосѣ... когда онъ нищимъ внушаетъ трудовыя правила, или читаетъ Гаврилѣ мораль по поводу сломанной лопаты, или мнѣ самому совѣтуетъ „отбросить гордыню и смириться“...

Да, есть въ этомъ обыденномъ, въ этой смиренной и спокойной на видъ жизни благодатныхъ уголковъ свой ужасъ... специфический, такъ сказать, не сразу замѣтный, сѣрый... Гдѣ тутъ, собственно, злодѣи, гдѣ жертвы, гдѣ правая сторона, гдѣ неправая?.. И такъ хочется, чтобы проникъ въ этотъ туманъ хоть лучъ правды живой, безотносительной, не на чертахъ карандашомъ основанной, дѣйствительно разрѣшающей всю эту путаницу... настоящей, о которой догадывается даже Роговъ... Вы меня понимаете?

— Кажется, понимаю, — серьезно сказалъ господинъ въ очкахъ.

— Г. Будниковъ тоже, кажется, началъ ощущать, что около него неладно что-то. И заметался, но, какъ это часто бываетъ, метнулся не туда, гдѣ настоящій выходъ... Пришелъ разъ ко мнѣ въ обычный срокъ, двадцатаго. Ну, разумѣется, я, какъ всегда, угощаю чаемъ... Выпилъ, какъ обыкновенно, только видъ не совсѣмъ обыкновенный. Не то грустный, не то торжественный. Кончиль дѣловoy визитъ, деньги тщательно уложилъ въ книжечку, отмѣтиль, и все не уходитъ... Началъ говорить обиняками... вообще о ненормальности жизни, въ частности о своемъ одиночествѣ, о какой-то ошибкѣ, произшедшей отъ предразсудка и гордости... Потомъ свѣль на Елену и Гаврилу. Гаврила оказался полнымъ негодяемъ, а Елена ошиблась и теперь глубоко несчастна... И онъ чувствуетъ себя виновнымъ, что выдалъ ее, но исправить это нелегко... И деньгами исправить всего труднѣе... Что значать деньги въ рукахъ пьяницы?.. И такъ далѣе, все обиняками, изъ которыхъ, однако, подъ конецъ мнѣ стало ясно, что г-нъ Будниковъ желаетъ повернуть всю эту запутанность къ исходному, такъ сказать, пункту, то есть развести Елену съ Гаврилой и жениться на ней самому... Тогда, значитъ, дѣвъ черты сами собой уничтожаются и исчезаютъ... Повидимому, онъ уже успѣлъ посовѣтоваться объ этомъ кое съ кѣмъ и въ томъ числѣ съ о. Николаемъ... Теперь рѣшилъ посовѣтоваться еще со мною...

— А что же,—говорю.—Елену вы объ этомъ спросили?

— Нѣть, говорить, не спрашивалъ еще... Я къ ней... мо-

жетъ быть, вы изволили замѣтить, даже не подхожу, чтобы не было никакихъ поводовъ... Но я знаю, что ей нужно... И не имѣю оснований сомнѣваться...

Попробовалъ я представить съ своей стороны нѣкоторыя соображенія, но г-нъ Будниковъ не сталъ слушать... Быстро попрощался и ушелъ... Какъ будто опасаясь за цѣльность этой своей системы дѣйствій...

А черезъ нѣкоторое время начали, въ отсутствіе Гаврилы, шастать къ Еленѣ какія-то старушки съ погоста, а къ Будникову какіе-то консисторскіе субъекты. Раза два, подъ вечеръ, гляжу: идетъ отъ Будникова и Роговъ... Вотъ оно, думаю, что: молодой-то мой человѣкъ дошелъ уже до своего предѣла, и теперь понятно, зачѣмъ онъ спаиваетъ Гаврилу: подготавливаетъ нужную для г-на Будникова бракоразводную обстановочку...

И показалось мнѣ все это, въ цѣломъ, до такой степени безобразнымъ и безвыходнымъ, что я задумалъ перемѣнить квартиру, чтобы просто-на-просто уйти отъ этого всего... Бессонница замучила... Опять по саду шатаюсь. И однажды, застаю въ немъ Елену. Лежитъ на той самой скамейкѣ, гдѣ я сидѣлъ въ то утро, весной... А теперь осень... Умираетъ это все, обнажается... Осень, вѣдь, большой циникъ... Вѣтеръ треплетъ опавшіе листья, смѣется... Лежатъ они на грязной, мокрой землѣ. А на мокрой скамейкѣ лежитъ женщина лицомъ книзу и плачетъ... такъ и бѣсть всю ее плачемъ... Вполнѣдѣствіи я узналъ: комбинація г-на Будникова, разумѣется, была совершенно неосуществима. Услыхавъ объ этомъ предположеніи, она только всплеснула руками: „пусть, говорить, подо мной земли провалится, пусть высохну, какъ щенка... Ну, и такъ далѣе... Лучше заройте меня живую въ землю вмѣсть съ Гавриломъ Степановичемъ“... А Гаврило Степанычъ и дома ужъ не ночуетъ. И угасаетъ неизвѣсное чистое счастье, а она и понять не можетъ, въ чемъ дѣло, и не умѣетъ себя отстоять. Билетъ... двѣ черты... кумушки съ паперти, Будниковъ, Роговъ. А она глупа и покорна, и боится, что надъ ней сдѣлаютъ что-то безъ ея воли...

Подошелъ было я къ ней... хотѣлъ какъ-нибудь утѣшить. Но, когда дотронулся до нея, и подъ рукой затрепетало это бабье тѣло... такимъ оно мнѣ показалось тогда глупымъ, что я даже содрогнулся, точно отъ безсильной жалости...

И ушелъ... Забылъ все, и захотѣлось мнѣ все бросить и отгородиться отъ всего. Идетъ мимо господинъ Будниковъ... Пусть идетъ... Роговъ дѣлаетъ гадости, пусть дѣлаетъ! Глупая Елена пьяного мужа ведетъ... Пусть ведетъ... какое мнѣ

дѣло? И кому попадеть билетъ съ двумя чертами, и кому эти глупыя черты дадутъ умное право... не все ли равно?.. Все разрознено, все случайно, все безсвязно, безсмысленно и гнусно...

IX.

Навель Семеновичъ остановился и сталъ глядѣть въ окно, какъ будто забылъ о разсказѣ...

— Ну, что же, чѣмъ же всетаки кончилось? — осторожно спросилъ новый спутникъ.

— Кончилось?.. — очнулся рассказчикъ. — Конечно, все на свѣтѣ чѣмъ-нибудь кончается. И это кончилось глупо и просто. Однажды, ночью... звонокъ ко мнѣ. Рѣзкій, тревожный, нервный... Вскочить я въ испугѣ, туфли надѣлъ... выхожу на крыльцо... никого. Только показалось мнѣ, что Роговъ за угломъ мелькнулъ. Ну, думаю: шелъ мимо пьяный и злой и захотѣлъ лишний разъ досадить мнѣ... Напомнить, что вотъ я сплю, а онъ, Ваничка Роговъ, любимый ученикъ, на улицѣ дебоширить и хотеть, чтобы обѣ этомъ довести до моего свѣдѣнія. Заперъ я дверь, легъ опять, засыпать началъ. Вдругъ — опять звонокъ. Я не встаю. Пускай, думаю... Только опять звонокъ и въ другой разъ, въ третій... Нѣтъ, думаю, тутъ, видно, что-то другое. Накинулъ опять пальто... Отворяю дверь. Стоитъ ночной сторожъ. Борода въ инѣ. „Пожалуйте“, говоритъ.

— Куда, говорю, что ты, братецъ?

— Къ Семену Николаевичу, говорить, къ господину Будникову... У нихъ... непріятность...

Я какъ-то такъ, не понималъ ничего, машинально, одѣлся, иду. Ночь свѣтлая, холодно, поздно... У господина Будникова въ окнахъ огни, на улицѣ гдѣ-то свистки... ночное движенье... Подымаясь по лѣщенкѣ, вхожу. И первое, что мнѣ кинулось въ глаза — было лицо Семена Николаевича, господина Будникова... Только не прежняго, а совсѣмъ новаго. Лежитъ на подушкѣ и смотритъ куда-то, въ какое-то пространство невѣдомое... Странно такъ... Остановился я на порогѣ и подумалъ: „Какъ же это? Такой былъ знакомый человѣкъ и вдругъ... совсѣмъ другой... Совсѣмъ не тотъ, который приходилъ разъ въ мѣсяцъ и выпивалъ два стакана чаю. И не тотъ, который хлопоталъ о разводѣ Елены, а иѣкто, занятый другими мыслями. Лежитъ неподвижно, важный, и на насъ ни на кого не глядитъ и видитъ, какъ будто, совсѣмъ другое... И никого не боится, и всѣхъ судитъ: и себя, то есть прежняго Семена

Николаевича, и Гаврилу, и Елену, и Рогова, и... ну, и меня тоже... И такъ это, понимаете, стало мнѣ ясно...

А затѣмъ я увидѣлъ Гаврилу. Стоитъ у окна, въ углу, жалкій, но спокойный. И такъ какъ я многое въ ту минуту понималъ какъ-то сразу, то я подошелъ къ нему и говорю:

— Ты это сдѣлалъ?

— Такъ точно, говорить, Павелъ Семенычъ. Я-съ.

— Какъ же ты рѣшился?

— Не знаю, Павелъ Семенычъ...

Потомъ я уже замѣтилъ доктора, который сказалъ мнѣ, что всякая помощь бесполезна... Потомъ приходили, прїѣзжали, входили, сидѣли и писали протоколы... И такъ мнѣ показалось тогда странно, что молодой слѣдователь, такой аккуратный человѣкъ и такой увѣренный, распорядился не отпускать Гаврилу и Елену и производить какіе-то розыски... И помню, какъ онъ усмѣхнулся, когда я спросилъ: зачѣмъ это?.. Вопросъ, конечно, странный, но тогда мнѣ казалось, что не нужно это... И когда стали уводить Гаврилу и Елену, я какъ-то невольно поднялся съ своего мѣста и спрашиваю: „И меня тоже?“ Но слѣдѣли слухи, будто у меня не все въ порядкѣ. Но это невѣрно. Никогда такъ ясно не было въ головѣ... Слѣдователь удивился. „Если смѣю, говорить, посовѣтовать, то—вамъ надо воды выпить и успокоиться“.— „А Елена? — спрашиваю: — зачѣмъ?“ — „Будемъ, говорить, надѣяться, что все разяснится въ благопріятномъ для нея смыслѣ, но теперь... при первоначальномъ дознаніи... печальная обязанность“... А мнѣ все кажется, что дѣлаетъ онъ не то...

Увели ихъ, а я пошелъ къ себѣ и сѣлъ на крыльцѣ. Было холодно... Ночь была ясная, осенняя, спокойная, съ бѣлымъ и чистымъ инеемъ... Въ небѣ звѣзды мерцаютъ и шепчутъ. И такъ много во всемъ какого-то особеннаго выраженія и смысла... Вотъ прямо слышишь таинственный шопотъ, только разобрать не можешь... Не то какая далекая тревога, не то спокойное и близкое участіе...

Я какъ-то вовсе не удивился, когда ко мнѣ тихонько подошелъ Роговъ и робко сѣлъ на крыльцѣ рядомъ. И долго сидѣлъ молча... И я даже не помню, говорилъ ли онъ что-нибудь, но я знать все... Онъ не думать объ убийствѣ. Онъ хотѣлъ по своему „выиграть у г-на Будницкова дѣло Елены“. Для этого нужно было овладѣть билетомъ, на которомъ, какъ онъ полагалъ, была передаточная надпись... И ему нравилась эта остроумная комбинація: овладѣть незаконными путями доказательствомъ законнаго права. Видѣлъ въ этомъ нѣчто даже юмористическое... Незаконное овладѣніе законными до-

казательствами въ видѣ предполагаемой передаточной надписи... Для этого онъ и втерся къ Будникову въ довѣренность по бракоразводному дѣлу... Развѣдалъ все въ квартирѣ и послалъ одного изъ своихъ послушныхъ клиентовъ, изъ „Яровъ“ этихъ, съ приказомъ захватить намѣченную шкатулку. А Гаврило долженъ былъ открыть дверь г-на Будникова вторымъ ключомъ, котораго, по странной оплошности, Будниковъ у него не отнялъ. Но Гаврило, вмѣсто того, чтобы оставаться у дверей, пошелъ сразу наверхъ. И мнѣ казалось, что я самъ видѣлъ, какъ онъ шелъ тяжелой походкой, съ омраченной головой, съ темною враждой въ душѣ... И какъ онъ ветхъ на порогъ, и какъ г-нъ Будниковъ проснулся и, кажется, даже не испугался, а все вдругъ понялъ.

А у меня въ головѣ все стоялъ тотъ моментъ изъ прошлаго, когда въ мою квартиру такой же свѣтлой ночью прибѣжали два гимназиста, а я стоялъ передъ ними, охваченный стыдомъ и безсиліемъ... И какъ у одного впервые вспыхнулъ въ глазахъ огонь... злой и насыщенный...

И показалось мнѣ, что я сейчасъ разгадаю что-то такое, что должно объединить все это: и эти высокія мерцающія звѣзды, и этотъ живой шорохъ вѣтра въ вѣтвяхъ, и мои воспоминанія, и то, что случилось... Въ юности это ощущеніе бывало у меня часто... Когда свѣжій умъ искалъ разгадки всѣхъ вопросовъ и большой правды. И когда казалось иной разъ, что вотъ-вотъ уже стоишь у порога, и что все становится ясно... А потомъ все исчезаетъ.

Сидѣли мы долго. Потомъ Роговъ всталъ.

— Что же вы теперь? — спросилъ я.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ, — что тутъ нужно... Но пока, кажется мнѣ, надо идти туда, гдѣ теперь Гаврило и Елена...

А самъ стоить. Такъ какъ многое понималъ я тогда яснѣе, чѣмъ обыкновенно, то и тутъ понялъ, что онъ ждетъ, чтобы я протянулъ ему руку. Я протянулъ, и онъ вдругъ припалъ къ ней, страстно и долго...

А потомъ оторвался и пошелъ... прямо по улицѣ. А я смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока была видна тонкая фигура моего бывшаго ученика... . . . . .

Нѣкоторое время въ купѣ стояло молчаніе, нарушающее только клокотаніемъ поѣзда, сквозь которое доносился протяжный свистокъ. Хлопнула дверь, по коридору прошелъ кондукторъ, объявила на ходу:

— Станція Н—скъ. Десять минутъ.

Павель Семеновичъ торопливо всталъ, взялъ въ руки не-

большой чемоданчикъ и, кивнувъ съ какою-то грустною лаской своимъ собесѣдникамъ, — вышелъ изъ вагона на площадку. Я тоже сталъ собираться къ выходу, такъ же, какъ и господинъ въ золотыхъ очкахъ. Петръ Петровичъ оставался одинъ. Посмотрѣвъ вслѣдъ Павлу Семеновичу, когда за нимъ закрылась дверь, онъ улыбнулся господину въ золотыхъ очкахъ, покачалъ головой и, помотавъ пальцемъ около своего лба, сказалъ:

— Всегда былъ чудакъ... А теперь, кажется, не весь дома. Слышалъ я, что службу онъ бросилъ. Бѣгаеть по частнымъ урокамъ...

Господинъ въ золотыхъ очкахъ пристально посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ.

Мы вышли.

Дѣло съ точки зрѣнія репортажа оказалось малоинтереснымъ. Присяжные оправдали Гаврилу (Елену не судили), а Рогова признали виновнымъ въ подстрекательствѣ, но заслуживающимъ снисхожденія. Предсѣдателю много разъ пришлось останавливать свидѣтеля Павла Семеновича Падорина, бывшаго учителя, то и дѣло уклонявшагося отъ фактическихъ показаній въ сторону отвлеченныхъ и не идущихъ къ дѣлу разсужденій...

1903 г.

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЯ.

(Разсказъ).

I.

...Въ этотъ день монастырщина праздновала встрѣчу иконы. Долго, мѣсяца два уже странствовала „владычица“ по разнымъ мѣстамъ, и теперь возвращалась домой.

Первыми приѣхали на троичныхъ таrantасахъ, съ колокольцами и бубенцами, сопровождавшіе ее отцы, привезшіе въ монастырь собранную за время странствій казну. Видъ у нихъ былъ здоровый, сытый и довольный. Потомъ изъ лѣсу повалили пестрыя кучи передовыхъ богомольцевъ, все гуще и гуще, пока, наконецъ, не сверкнулъ надъ головами золоченый окладъ иконы, переливаясь на солнцѣ.

Звенѣли колокола, блестѣли и колыхались хоругви, пѣніе хора и топотъ тысячной толпы, точно прибывающая рѣка, заполнили тихую монастырскую слободку.

Монастырщина ожила. Въ церкви пѣли молебны, на площади выкрикивали подъ холщевыми навѣсами торговцы и торговки, изъ „заведеній“ слышались звуки гармоники и бубна, въ избахъ слободки одна партія богомольцевъ смѣнила другую за столами, на которыхъ пыхѣли огромные самовары.

Передъ вечеромъ вдругъ пошелъ густой дождь, разогнавший съ базара и толпу, и торговцевъ. На площади и на улицахъ стало тихо, только частыя крупные капли плескались въ лужахъ, да вѣтеръ метался и хлопалъ промокшими навѣсами, да изъ церкви слышалось стройное пѣніе, а въ глубинѣ храма мелькали желтые огоньки свѣчей.

Когда туча вдругъ снялась и поплыла на востокъ, волоча за собой надъ полями и надъ лѣсомъ изорванную пелену тумановъ,—на западѣ выглянуло солнце и ласково тронуло сво-

ими последними лучами окна слободки и кресты монастыря. Но оживление уже не вернулось на базарную площадь: бого-мольцы внесли за собой тихую жажду отдыха послѣ трудного пути, и день угасал, вмѣстѣ съ послѣдними нотами отходящей церковной службы. Даже бубенъ за стѣной „зведенія“ громыхалъ изнеможено и глухо.

Служба кончилась. Въ глубинѣ храма свѣчи гасли одна за другой. Богомольцы расходились. У монастырского страннопріимнаго дома стояли кучки странниковъ и богомолокъ, ожидающихъ, пока отецъ гостиникъ разрѣшитъ входъ просящимъ ночлега. На крыльце вышелъ толстый монахъ и два послушника, и принялись отдѣлять овецъ отъ козлицъ. Овцы входили въ дверь, козлища изгонялись и ворча выходили въ ворота. Когда эта процедура закончилась, у входа осталась кучка мордовокъ и фигура странника. Повидимому ихъ участъ еще рѣшалась отцомъ гостиникомъ, который ушелъ внутрь зданія.

Черезъ минуту вышли послушники и, сосчитавъ мордовокъ, пустили ихъ въ женское отдѣленіе. Къ однокому страннику подошелъ старший послушникъ и, поклонившись, сказалъ:

— Прости, Христа ради, братъ Варсонофій... Отецъ гостиникъ не благословляетъ тебѣ оставаться... Иди съ миромъ.

По лицу молодого странника прошла болѣзненная улыбка, поразившая меня какимъ-то особыеннымъ драматизмомъ и значительностью. Лицо у него было тоже замѣчательное: очень горбоносое, худое, съ горящими большими глазами. Острый шлыкъ и чуть замѣтная заостренная бородка придавали этому лицу что-то необыкновенно характерное. Вся сухая фигура въ старомъ подряснике, съ тонкой шеей и выдающимся профилемъ, обращала невольное вниманіе. Впечатлѣніе было рѣзкое, тревожащее и беспокоящее.

Выслушавъ слова послушника, странникъ поклонился и сказалъ:

— Богъ спасетъ и на томъ...

Онъ повернулся, чтобы уйти, и вдругъ пошатнулся. Видно было, что онъ боленъ и смертельно усталъ. Добродушный послушникъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и заколебался.

— Постой мало, братъ Варсонофій... Схожу еще.

Странникъ облокотился на палку и застыль въ ожиданіи. Но черезъ минуту послушникъ опять вышелъ изъ двери и, смущенно подойдя къ нему, сказалъ съ видимымъ сожалѣніемъ:

— Нѣтъ, не благословляетъ... Отецъ Нифонтъ донесъ ему, яко-бы тутъ странникъ одинъ... вродъ тебя... глаголеть не подобалъ... смущаетъ пародъ.

Въ лицѣ странника мелькнуло что-то... Глаза его блеснули, какъ будто онъ хотѣлъ возразить, но потомъ поклонился и сказалъ:

— Благодарствуйте, отцы...

И онъ устало побрелъ со двора.

Послушникъ вопросительно посмотрѣлъ на меня. Я понялъ, что онъ собирается закрывать ворота, и тоже вышелъ на передній дворъ. Здѣсь было уже пусто. Молодой продавецъ монастырскихъ калачей стоялъ за ларемъ, къ которому никто не подходилъ.

Вратарь закрылъ за мною одну воротину, потомъ, тяжело упираясь ногами, сталъ закрывать и другую. Въ это время за воротами послышалась возня, затоптались нѣсколько паръ ногъ, щель опять раздвинулась, и въ неї показалась неврачная фигура въ страннишкомъ костюмѣ, рыжемъ и полинявшемъ. Ея невольными движеніями управляла дюжая рука, державшая ее за шиворотъ. Крѣпкій толчокъ... Странникъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ и упалъ, а за нимъ вдогонку полетѣла котомка, потомъ другая... Небольшая книжечка въ истрапанномъ кожаномъ переплѣтѣ шлепнулась въ грязь, шлепастя по вѣтру листами.

— Вотъ эдакъ...—сказалъ за воротами жирный басъ.— Не озоруйте...

— А что?—спросилъ голосъ вратаря.

— Какъ же,—ответилъ басъ... — Изъ-за него вотъ отецъ гостиникъ согрѣшилъ... человѣка прогналъ... И человѣкъ-то хороший. Ох-хо... истинно грѣхи...

И говорившій удалился. Отецъ вратарь сомнѣвалъ ворота, но не вполнѣ: въ щелку любопытно выглянули его маленькие глазки, толстый носъ и свѣтлые усы. Онъ съ видимымъ интересомъ слѣдилъ за дальнѣйшими намѣреньями извергнутаго странника.

Послѣдній успѣлъ подняться, взялъ котомки, вскинулъ ихъ одну на спину, другую черезъ плечо и потому, поднявъ книгу, старательно стала очищать ее отъ грязи. Кинувъ быстрый взглядъ по двору, онъ замѣтилъ меня и калашника. Изъ-за наружныхъ воротъ, съ площади маленькое происшествіе наблюдала кучка мужиковъ. Какъ будто сообразивъ что-то, странникъ приселился, съ демонстративнымъ благоговѣніемъ поцѣловалъ переплѣтъ книги и отвѣсилъ саркастической поклонъ по направлению къ внутреннимъ воротамъ...

— Спасибо, отцы святые... Яко страннаго ми пріясте, и алчущаго накормисте...

И вдругъ, замѣтивъ въ щели воротъ усы и носъ вратаря, онъ сказалъ другимъ тономъ:

— Что смотришь? Или призналъ?

— Что-то будто... того... признавательно, — сказалъ привратникъ.

— Какъ же, какъ же!.. П्रятели! Къ свиридовскимъ мордовкамъ вмѣстѣ бѣгали... Узналь теперь?..

Привратникъ громко и съ негодованьемъ плонулъ, сдвинулъ ворота и задвинулъ засовъ. Но ноги его въ грубыхъ сапогахъ еще нѣкоторое время виднѣлись изъ-подъ воротъ...

— Осеньку вспоминаешь ли, отче?..

Ноги стыдливо скрылись...

Странникъ поправилъ грязную мурмолку и опять оглянулся. Привлеченные пикантнымъ разговоромъ, человѣкъ шесть мужиковъ вошли въ ворота. Это были ближайшіе сосѣди монастыря, старообрядцы изъ ближнихъ деревень, толкавшіеся по базару съ видомъ равнодушнаго, пожалуй нѣсколько враждебнаго любопытства. Монастырь, далеко простирающей свое влияніе,—вблизи охваченъ, точно кольцомъ, „самымъ злющимъ“, по выражению монаховъ, расколомъ. Среди окрестныхъ жителей сложилась опредѣленная легенда, что въ самомъ недалекомъ будущемъ монастырю грозить участъ Содома и Гоморры... Но пока монастырь живеть и привлекаетъ въ свои праздники тысячными толпами народа. Въ такие дни фигуры со-сѣдей-старообрядцевъ какъ-то угремо выдѣляются въ ликующей толпѣ, и на ихъ лицахъ виднѣется отчужденность и досада. Подобно пророку Йонѣ,—они ропщутъ, что Господь медлитъ совершить предреченную судьбу обреченнай Ниневіи.

Теперь они съ злораднымъ любопытствомъ смотрѣли на сцену у воротъ обители нечестивыхъ.

— Что? Видно не пущаютъ...—сказалъ одинъ насмѣшило.— Самимъ тѣсно... съ мордовками-то...

Страшникъ повернулся и кинулъ на говорящаго острый взглядъ. Но вдругъ лицо его приняло смиренное выраженіе и, опять повернувшись къ воротамъ,—онъ трижды, истово и широко перекрестился,

Мужики переглянулись съ недоумѣніемъ: странникъ крестился не щепотью, а старымъ двуперстнымъ крестомъ.

— Господь, видящій всяческую, да воздастъ мнихамъ по милосердію ихъ,—сказалъ онъ со вздохомъ.—Мы же, братіе, отрасши прахъ отъ ногъ своихъ,— послушасмы здѣсь, во храмѣ нерукозданномъ (онъ указалъ красивымъ и спокойнымъ движениемъ на вечернее небо)—поучительного слова о покаяніи...

Мужики сомкнулись; на ихъ лицахъ виднѣлось радостное и отчасти недовѣрчивое недоумѣніе. Обращеніе было слишкомъ ужъ неожиданно... Мысль устроить па чуждомъ празд-

никъ свое собесѣданіе и у самыхъ воротъ монастыря послушать страповщущаго проповѣдника, знаменующагося старымъ крестомъ,—видимо нравилась людямъ старой вѣры. Проповѣдникъ стоялъ у подножія колокольни. Вѣтеръ шевелилъ его запыленные свѣтлые волосы.

Это былъ человѣкъ неопределеннаго возраста, но очевидно еще не старый. На лицѣ у него лежалъ сильный загаръ, а волосы и глаза какъ будто выцвѣли отъ солнца и непогоды.

При каждомъ даже незначительномъ движениіи головы на шеѣ у него рѣзко выступали и шевелились сухожилія. Невольно чуялось въ этомъ человѣкѣ что-то несчастное, чутко настороженное и, пожалуй, злое.

Онъ сталъ громко читать свою книгу. Читалъ хорошо, просто, убѣдительно и, по временамъ останавливаясь, вставлять собственные комментаріи. Однажды онъ быстро взглянуль на мечи, но тотчасъ же отвелъ глаза. Казалось, мое присутствіе было ему непріятно. Послѣ этого онъ обращался больше къ одному изъ слушателей.

Это былъ широкоплечій приземистый мужикъ съ фигурой, точно вырубленной двумя-тремя ударами топора. Не смотря на эту тонорность фигуры, онъ оказался чрезвычайно экспансивнымъ. За каждымъ словомъ проповѣдника онъ слѣдилъ съ удовлеченіемъ и снабжалъ ихъ собственными репликами, въ которыхъ неизмѣнно звучала какая-то почти дѣтская радость.

— Ахъ, братія... милые мои,—говорилъ онъ, оглядываясь...— Ахъ, премудро это насчетъ покаянія... Стало быть выходить лѣствица?.. Вотъ-вотъ... А мы грѣшные по ей... съ приступочки да на приступочку?.. Такъ, такъ...

— И все значить кверху, да кверху...—пробасилъ другой...

— Вѣрно... Глядишь и того... А?..

И онъ сіяющими глазами окидывалъ собраніе...

Однако, его шумное вмѣшательство и его радость повидимому не понравилась проповѣднику. Онъ вдругъ остановился, слегка повернулъ голову, и сухожилія на его шеѣ заходили, какъ веревки.. Онъ какъ будто хотѣлъ сказать что-то, но сдержался и перевернуль страницу.

Оказалось, что слушатели возрадовались преждевременно. Въ то самое время, когда они находятся на вершинѣ ликованія,—гордыня и излишнее упованіе отягчаютъ лѣствицу. Она трещитъ, на лицахъ слушателей отражается испугъ, лѣствица поддамывается...

— Теперь кончено!—говоритъ басистый мужикъ мрачно.

— Теперь, ау, братъ!—подхватываетъ первый. И странное дѣло: онъ опять оглядывается всѣхъ сіяющими гла-

зами, а въ его голосѣ слышится та же радость...—Темерича иѣть намъ ходу... И на первую приступочку не пустить.

Странникъ закрываетъ книгу и иѣсколько секундъ смотритъ на говорящаго упорнымъ взглядомъ. Но мужикъ встрѣчаетъ этотъ взглядъ съ тѣмъ же радостнымъ и довѣрчивымъ благодушіемъ.

— Вы такъ... полагаете?—спрашиваетъ проповѣдникъ.

— Полагаемъ, — отвѣтываетъ спрошенный.— Самъ посуди, милый человѣкъ... До кеихъ же поръ терпѣть на насъ?..

— Вы такъ полагаете?—опять говоритъ проповѣдникъ съ натискомъ, и въ голосѣ его звучитъ что-то, вызывающее на лицѣ спрошенного признаки беспокойства...

— То есть полагаете предѣль долготерпѣнію Всевышняго. А извѣстно ли вамъ, братіе, что есть православная каѳолическая церковь...

Онъ переворачиваетъ иѣсколько страницъ и начинаетъ читать о духовномъ могуществѣ православной церкви. Лица слушателей темилютъ. Проповѣдникъ останавливается и говоритъ:

— Православная каѳолическая церковь... Не она ли сія спасительная лѣствица?.. Кто прибѣгаєтъ къ ней—не можетъ отчаяться. А вотъ... ежели...

На иѣсколько секундъ водворяется напряженное молчаніе. Странникъ стоитъ противъ кучки мужиковъ, и чувствуется, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ ихъ настроеніе. Еще недавно они радостно слѣдовали за нимъ, и нѣтрудно было предвидѣть послѣдствія проповѣди: люди старой вѣры готовы были пригласить къ себѣ монастырскаго изгнаниника. Теперь они смущены и не знаютъ что думать...

— А вотъ ежели, — продолжаетъ странникъ, отчеканивая слова,—кто отвержеся единой матері церкви... кто полагаетъ спастись въ подпольяхъ, съ крысами... кто уповаєтъ на стриженыхъ гуменца...

Басистый мужикъ рѣзко повернулся и пошелъ прочь...

Его благодушный сотоварищъ оглянулся съ видомъ разочарованности и недоумѣнія и кинулъ тономъ полу вопроса:

— Оканфузилъ?... Ить ты... Ай-ай-ай...

И послѣдовалъ за другими. Раскольники угрюмо направились къ воротамъ. Странникъ остался одинъ. Его фигура рѣзко выдѣлялась на фонѣ колокольни и въ выцвѣтшихъ, когда-то синихъ глазахъ стояло странное выраженіе. Повидимому онъ думалъ своей проповѣдью обезпечить себѣ ночлегъ, въ которомъ ему отказали монахи. Почему же онъ вдругъ измѣнилъ тонъ?..

Теперь во дворѣ настѣ было только трое: странникъ, я и молодой парень подъ калашнимъ навѣсомъ. Странникъ кинулъ быстрый взглядъ въ мою сторону, но тотчасъ отвернулся и подошелъ къ калашнику. Лицо молодого парня сияло отъ удовольствія...

— А ловко ты ихъ, — сказалъ онъ... — Ужъ именно что оканфузилъ. Виши, — у всѣхъ на макушкахъ-те гуменца выстрижены... Черти горохъ молотили. Хо-хо-хо!

Парень залился веселымъ молодымъ смѣхомъ и принялъся убирать съ прилавка товаръ внутрь ларя.

Окончивъ это, онъ закрылъ раздвижныя дверцы и заперъ ихъ на замокъ. Ларь былъ устроенъ удобно, въ разсчетѣ на передвиженіе,—на колесикахъ и съ нижнимъ помѣщеніемъ. Парень очевидно намѣревался ночевать тутъ же, у хозяинскаго добра...

— Одначе, пора и на спокой,—сказалъ онъ, поглядѣвъ на небо.

На дворѣ и за воротами было тихо и пусто. На базарѣ тоже убирались съ товаромъ. Парень покрестился на церковь и, открывъ немножко дверку, полѣзъ подъ ларь.

Вскорѣ оттуда показались его руки. Онъ старался изнутри приладить небольшую заслонку къ отверстію.

Странникъ тоже оглянулся па небо, подумалъ нѣсколько секундъ и рѣшительно подошелъ къ ларю.

— Постой, Михайло! Я тебѣ, добрый человѣкъ, помогу.

Вѣлецъ убралъ руки и выглянула снизу вверхъ изъ своего убѣжища.

— Антонъ я,—сказалъ онъ простодушно.

— Ну, Антоша, давай помогу тебѣ.

— Инъ помоги, спасибо скажу. Виши отсeda трудно.

Простодушное лицо Антона скрылось.

— Убери-ко-сь ноги-то маленько.

Антонъ исполнилъ и это распоряженіе. Тогда странникъ спокойно отставилъ дверку, проворно наклонился, и я съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ онъ быстро юркнулъ въ отверстіе. Началась возня: Антонъ двинулъ ногами, и часть страннической фигуры показалась-было на мгновеніе наружу, но тотчасъ же втянулась опять.

Заинтересованный этимъ неожиданнымъ оборотомъ, я почти инстинктивно подошелъ къ ларю.

— А я закричу, пра закричу, — услышалъ я оттуда гнусаво-жалобный голосъ Антона.—Вотъ ужъ отцы опять пакладутъ тебѣ въ загорбокъ!

— А ты не кричи, Миша, зачѣмъ кричать, — убѣждалъ странникъ.

— Какой я тебе Миша... говорю, меня Антономъ кетили...
— Въ монашествѣ наречень будешь Михаиломъ. Помяни
тогда мое слово... Тс-с-съ! Тише, Антоша, помолчи-ко-сь.

Въ ларь водворилось молчаніе.

— Чего?—спросилъ Антонъ.—Чего слушаешь?

— Слышь, стучить... Дождикъ вѣдь.

— Ну такъ чѣ?...—Стучить... Закричать вотъ,—отцы тебѣ
лучше того настукаютъ.

— Ну, что ты все заладилъ одно: закричу, да закричу. А
ты лучше не кричи. Что я тебя сѣмъ, что ли? Я вотъ тебѣ
еще про монашку сказку хорошую разскажу...

— Скрадешь, смотри, чего-нибудь.

— Грѣхъ тебѣ, Антоша, на страннаго человѣка клепать.
Одинъ-то калачъ исамъ даши. Не Ѣль нынче,—вѣришь ты Богу...

— На, вотъ, кусай черствый... Самъ не сѣлъ...—И Антонъ
зѣвнуль съ такимъ аппетитомъ, что всякая мысль о дальнѣй-
шемъ противодѣйствіи устранилась.

— А и ловко ты ихъ, кулугуровъ-то, оканфузилъ,—добра-
виль онъ, доканчивая аппетитный зѣвокъ:—ужъ это именно,
что обличилъ.

— А отцовъ?

— Отцы на тебя плевать хотѣли... Обѣщалъ сказку ска-
зать... Что-жъ не сказываешь?

— Въ нѣкоторыемъ царствѣ, въ нѣкоторыемъ государ-
ствѣ,—началь странникъ,—въ монастырѣ за каменной стѣ-
ной, жила-проживала, братецъ ты мой, Антошенька, монашка...
Ужъ такая проживала монашка-а, ох-ох-оо...

— Ну...

— Ну, жила-проживала, сохла-горевала...

Молчаніе.

— Ну?.. Сказывай, что ли.

Опять молчаніе.

— Ну! Да ты что же? О комъ горевала-то?...—приставалъ
заинтересованный Антонъ.

— Ступай ты ко ису, что присталъ! Что я тебѣ за ска-
зочникъ дался! Чай за день-то я тридцать верстъ отмахаль.
Обѣ тебѣ дуракъ и горевала, вотъ о комъ. Не мѣшай спать!

Антонъ испустилъ какой-то звукъ, выразившій крайнее
изумленіе.

— Н-ну, и жохъ ты, посмотрю я на тебя, — сказалъ онъ
съ упрекомъ.

— Право, лукавый,—послышалось еще черезъ минуту тише
и какъ-то печально... — Н-ну-у, лукавецъ... Эдакого лукавца
я и не видывалъ...

Въ ларѣ все смолкло. Дождь все чаще стучалъ по наклонной крышѣ, земля почернѣла, лужи исчезали въ темнотѣ; монастырскій садъ шепталъ что-то, а зданія за стѣной беззащитно стояли подъ дождемъ, который журчалъ, стекая по водосточнымъ трубамъ. Сторожъ за оградой стучалъ въ промокшую трещетку.

II.

На слѣдующій день я съ Андреемъ Ивановичемъ, товарищемъ многихъ моихъ путешествій, вышли въ обратный путь. Шли мы не безъ приключений, ночевали въ селѣ, и оттуда опять тронулись не рано. Дорога совсѣмъ уже опустѣла отъ богомольцевъ, и трудно было представить себѣ, что по ней такъ еще недавно двигались толпы народа. Деревни имѣли будничный видъ, въ поляхъ изрѣдка бѣгали фигуры работающихъ. Въ воздухѣ было душно и зноно.

Мой спутникъ, человѣкъ длинный, сухопарый и нервный, былъ сегодня нарочито мраченъ и раздражителенъ. Это случалось съ нимъ нерѣдко подъ конецъ нашихъ общихъ экспедицій. Но сегодня онъ былъ особенно не въ духѣ и выказывалъ недовольство мною лично.

Послѣ полудня, въ жару, мы уже совершенно надоѣли другъ другу. Андрей Ивановичъ почему-то считалъ нужнымъ отдохнуть безъ всякой причины въ самыхъ неудобныхъ мѣстахъ или, наоборотъ, желалъ непремѣнно идти дальше, когда я предлагала отдохнуть.

Такъ мы достигли мостика. Небольшая рѣчка тихо струилась среди сырой зелени, шевеля на поверхности головками кувшинокъ. Рѣчка выпекала изгибомъ и терялась за выступомъ берега, среди волнующихся нивт.

— Отдохнемъ,—сказалъ я.

— Иди надо,—ответилъ Андрей Ивановичъ.

Я сѣѣ на перила и закурилъ, а долговязая фигура Андрея Ивановича пронеслась дальше. Онъ поднялся на холмикъ и исчезъ.

Я наклонился къ рѣчкѣ и задумался, считая себя совершенно одинокимъ, какъ вдругъ почувствовалъ на себѣ чей-то взглядъ и увидѣлъ на холмѣ подъ группою березокъ, двухъ человѣкъ. Лицо одного показалось мнѣ совсѣмъ маленькимъ, почти дѣтскимъ. Оно тотчасъ же стыдливо скрылось за гребнемъ холмика, въ травѣ. Другой былъ вчерашній проповѣдникъ. Лежа на землѣ, онъ спокойно смотрѣлъ на меня своими беззастѣянчивыми, сѣрыми глазами.

— Пожалуйте къ намъ, веселѣй вмѣстѣ,—сказалъ онъ просто.

Я поднялся и съ удивлением усмотрѣлъ ноги Андрея Ивановича изъ-за хлѣбовъ у дороги; онъ сидѣлъ невдалекъ на межѣ, и дымъ его цыгарки поднимался надъ колосьями. Сдѣлавъ видъ, что не замѣтилъ его, я подошелъ къ странникамъ.

Тотъ, котораго я принялъ за ребенка,—представлялъ изъ себя маленькое, тщедушное существо, въ полосатой рясѣ, съ жидкими косицами около узкаго желтаго лица, съ вытянувшимся по птичии носомъ. Онъ все запахивалъ свою хламиду, беспокоился, ерзалъ на мѣстѣ и видимо стыдился собственнаго существованія.

— Садитесь, гости будете,—предложилъ мнѣ проповѣдникъ, слегка подвигаясь; но въ это время долговязая фигура Андрея Ивановича, какъ тѣнь Банко, поднялась надъ хлѣбами.

— Идемъ, что ли! — произнесъ онъ не особенно ласково, далеко швыряя окурокъ.

— Я посижу,—отвѣтилъ я.

— Съ дармоѣдами видно веселѣе...—И Андрей Ивановичъ кинулъ на меня взглядъ полный горечи, какъ будто желая вложить въ мою душу сознаніе неумѣстности моего предпочтенія.

— Веселѣе,—отвѣтилъ я.

— Ну, и наплевать. Счастливо оставаться въ хорошей компании.

Онъ нахлобучилъ шапку и широко шагнулъ впередъ, но, пройдя немного, остановился и, обернувшись, сказалъ съ негодованіемъ:

— Не зовите никогда! Подлый человѣкъ—не пойду съ вами больше. И не смѣйте звать! Отказываю.

— Звать или не звать — это дѣло мое... а идти или не идти — ваше.

— Сурьезный господинъ! — мотнулъ странникъ головой въ сторону удаляющагося.

— Не одобряютъ насъ,—какъ-то горестно не то вздохнулъ, не то пискнулъ маленький человѣчекъ.

— Не за что и одобрять. пожалуй,—равнодушно замѣтилъ проповѣдникъ и обратился ко мнѣ:

— Нѣть ли папиросочки, господинъ? — пожалуйста.

Я протянулъ ему портсигаръ. Онъ взялъ оттуда двѣ папироски, одну закурилъ, а другую положилъ рядомъ. Маленький странникъ истолковалъ это обстоятельство въ смыслѣ благопріятномъ для себя и не совсѣмъ рѣшительно потянулся за свободной папироской. Но проповѣдникъ совершенно спокойно убралъ папиросу у него изъ-подъ руки и переложилъ ее на друг-

гую сторону. Маленький человечек сконфузился, опять что-то стыдливо пискнул и запахнулся халатомъ.

Я подалъ ему другую папироску. Это сконфузило его еще болѣе,—его худые прозрачные пальцы дрожали; онъ грустно и застѣнчиво улыбнулся.

— Не умѣю просить-съ...—сказалъ онъ стыдливо,—Автономовъ и то меня началитъ, началитъ... Не могу-съ...

— Кто это Автономовъ?—спросилъ я.

— Я это — Геннадій Автономовъ,—сказалъ проповѣдникъ, строго глядя на маленькаго сотоварища. Тотъ потупился подъ его взглядомъ и низко опустилъ желтое лицо. Жидкія косицы свѣсились и вздрагивали.

— По обѣщанію здоровья ходили, или такъ?—спросилъ у меня Автономовъ.

— Такъ, изъ любопытства... А вы куда путешествуете?

Онъ посмотрѣлъ въ пространство и отвѣтилъ:

— Въ Парижъ и поближе, въ Италию и далѣе...—И, замѣтивъ мое недоумѣніе, прибавилъ:

— Избаловался... шатаюсь безпутно, куда глаза глядятъ. Одни надѣять лѣтъ...

Онъ сказалъ съ оттѣнкомъ грусти, тихо выпуская табачный дымъ и слѣдя глазами, какъ синія струйки таяли въ воздухѣ. Въ лицѣ его мелькнуло что-то новое, незамѣченное мною прежде.

— Испорченная жизнь, синьоръ! Загубленное существованіе, достойное лучшей участіи.

Грустная черта исчезла, и онъ докончилъ высокопарно, подводя въ воздухѣ папиросой:

— И однако, милостивый государь, странникъ не согласится промѣнять свою свободу на роскошныя палаты.

Въ это время какая-то смѣлая маленькая пташка, пролетѣвъ надъ нашими головами, точно брошенный комокъ земли, усѣлась на нижней вѣткѣ березы и принялась чирикать, не обращая ни малѣйшаго вниманія на наше присутствіе. Лицо маленькаго странника приподнялось и замерло въ смѣшномъ умиленіи. Онъ шевелилъ въ тактъ своими тонкими губами и при удачномъ окончаніи какого-нибудь колѣна—поглядывалъ на насъ торжествующими, смѣющимися и слезящимися глазами.

— Ахъ, Боже ты мой! — сказалъ онъ, наконецъ, когда пташка, окончивъ пѣсню, вспорхнула и улетѣла дальше.— Твореніе Божіе. Воспѣла сколько ей было надо, воздала хвалу и улетѣла во свояси. Ахъ, ты, миляга!.. Ей-Богу, право.

Онъ радостно посмотрѣлъ на насъ, потомъ сконфузился,

смолкъ и запахнулъ ряску, а Автономовъ сдѣлалъ опять жестъ рукой и прибавилъ въ поучительномъ тонѣ:

— Воззрите на птицы небесныя. И мы, синьоръ, — тѣ же птицы. Не сбѣмъ, не жнемъ и въ житница не собираемъ...

— Вы учились въ семинарії? — спросилъ я.

— Учился. А виrouchемъ обѣ этомъ, синьоръ, много говорить, а мало, какъ говорится, слушать. Между тѣмъ, что-то, какъ видится, затягиваетъ горизонтъ облаками. Ну, Иванъ Ивановичъ, вставай, товарищъ, подымайся! Жребій странника — путь-дорога, а не отдохновеніе. Позвольте пожелать всякаго благополучія.

Онъ кивнулъ головой и быстро пошелъ по дорогѣ. Шагалъ онъ размашисто и ровно, упираясь длиннымъ посохомъ и откидывая его съ каждымъ шагомъ назадъ. Вѣтеръ развѣвалъ полы его рясы, спина съ котомкой выгнулась, бородка клиномъ торчала впередъ. Казалось, вся эта обожженная солнцемъ, высушенная и обвѣтрѣлая фигура создана для бѣднаго русскаго простора съ темными деревушками вдали и задумчиво набирающимися на небѣ тучами.

— Ученый! — грустно махнулъ головой Иванъ Ивановичъ, подвязывая дрожащими руками котомку. — Умнѣйшая голова! Но между тѣмъ пропадаетъничтожнымъ образомъ, какъ и я же. На одной степени... Мы и странники-то съ нимъ, Госиоди прости, самые послѣдніе...

— Почему это?

— Помилуйте! Какъ же можно. Настоящій странникъ, — у него котомка хорошая, подрясничекъ или кафтанъ, сапоги напримѣръ... однимъ словомъ — окопировка наблюдается во всякомъ, позвольте сказать, сословіи. А мы! Чай ужъ видите сами. Иду, иду, Геннадій Сергѣевичъ, иду-сь. Сю минуту!

Маленький человѣчекъ вскорѣ догналъ на дорогѣ своего товарища. Думая, что у нихъ были свои причины не приглашать меня съ собой, я посидѣлъ еще на холмѣ, глядя, какъ изъ-за лѣса тихо, задумчиво и незамѣтно, точно крадучись, раскидывалась по небу темная и тяжелая туча, и затѣмъ поплелся одинъ, съ сожалѣніемъ вспоминая обѣ Андреѣ Ивановичѣ.

Было тихо, грустно. Колосья колыхались и сухо шуршали... Гдѣ-то очень далеко за лѣсами ворчаль громъ и по временемъ пролстала въ воздухѣ крупная капля дождя.

Но угрозы были напрасны. Подъ-вечеръ я подходилъ уже къ деревнѣ К., а дождя все еще не было, только туча все такъ же тихо надвигалась, нависала и ползла дальше, уменьшая дневной свѣтъ, и громъ погромыхивалъ ближе.

III.

Къ моему изумлению, на завалинкѣ одной изъ крайнихъ изъ деревни я увидѣлъ Андрея Ивановича. Онъ сидѣлъ, протянувъ длинныя ноги чуть не до середины улицы, и при моемъ приближеніи придалъ своему лицу выраженіе величаваго пренебреженія,

— Что вы тутъ дѣлаете, Андрей Иванычъ?

— Чай пилъ. Думаете, вѣсъ дожидался? Не воображайте. Пройдетъ туча,—отправлюсь дальше.

— И стлично.

— А хваленые-то ваши...

— Кто это мон хваленые?..

— Странники-то, божы люди... Полюбуйтесь, чего дѣлаютъ вонъ въ сосѣдней избѣ! Нѣть, вы посмотрите, ничего, не стыдитесь, пожалуйста...

Я подошелъ къ окну. Изба была полна. Мужики изъ этого села въ это время всѣ на промыслахъ, поэтому тутъ было одно женское населеніе. Нѣсколько молодокъ и дѣвушекъ прошмыгнули еще мимо меня. Окна были открыты и освѣщены, и изъ нихъ слышался ровный голосъ Автономова. Онъ получалъ раскольницъ.

— Пожалуйте къ намъ,—услышаль я вдругъ тихій голосъ Ивана Ивановича. Онъ стоялъ въ темномъ углу у воротъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Народъ обманываетъ. Чего дѣлаютъ,—рѣзко отозвался Андрей Ивановичъ.

Маленький странникъ закашлялся и, покосившись на Андрея Ивановича, сказалъ:

— Что дѣлать-сь, господинъ...

Онъ наклонился ко мнѣ и зашепталъ:

— Раскольницы-бабы Геннадія Сергѣя за попа считаютъ, за бѣлага. Темнота-сь. Что дѣлать-сь... Можетъ не взыщется. А между прочимъ, нечего дѣлать-сь. Не войдете ли?

— Войдемте, Андрей Ивановичъ.

— Чего я тамъ не видалъ?—отвѣтилъ онъ, отворачиваясь.—Идите,—пѣлуйтесь съ ними. А я обѣ себѣ такъ понимаю, что мнѣ и быть-то тамъ не для чего, потому что на мнѣ крестъ.

— Чай и мы не безъ крестовъ,—сь тихимъ упрекомъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

Андрей Ивановичъ презрительно свистнулъ и вдругъ, сдѣлавъ очень серьезное лицо, подозрѣвалъ меня.

— Сонму нечестивую знаете?

И, загадочно посмотрѣвъ на меня, онъ добавилъ тише:

— Поняли?

— Нѣтъ, не понялъ. До свиданія. Хотите,—дожидайтесь.

— Нечего намъ дожидаться. Которые люди не понимаютъ...

Я уже не слышалъ конца фразы, потому что входилъ вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ въ избу.

При нашемъ входѣ произошло легкое движеніе. Проповѣдникъ замѣтилъ меня и остановился.

— А! Милости просимъ,—сказалъ онъ, раздвигая бабъ.— Пожалуйте. Не чайку ли захотѣли испить? Здѣсь самоварчикъ найдется, даромъ что раскольничья деревня.

— Я вамъ помѣшалъ?

— Какая помѣха. Хозяйка, ну-ко самоварчикъ! Живѣ!

— А ты нѣшто потребляешь чайную травку? — спросила стоявшая впереди полногрудая молодка съ бойкими, черными какъ уголь глазами.

— Если господинъ пожелаетъ угостить,—съ удовольствіемъ... и другого чего выпью...

— Пожалуйста,—сказалъ я.

— Позвольте папиросочку.

Я подаль. Онъ закурилъ, насыщливо оглядывая удивленныхъ женщинъ. Въ избѣ прошло негодующее шушуканье.

— А ты видно сосешь-таки? — язвительно спросила та же молодка.

— Сосу... по писаню. Разрѣшается.

— А въ коемъ это писаніи,—научи-ко-сь.

Онъ докурилъ и черезъ головы молодицъ бросилъ папироску въ лохань съ водой.

— Еще кидатца, — съ неудовольствіемъ сказала хозяйка, возвившаяся около самовара.

— Не кидай, озорной, пожару надѣлашь, — поддержала другая.

— Пожару? У васъ поэтому изъ колодцевъ не выкидывали, огнемъ изъ печи не тушите ли?

— А ты што думашь? Нонѣ все быватъ. Нонѣ воинъ и попы табакъ жрутъ.

— Бывать, бывать. Ишь голось, что колоколь. Тебѣ бы въ пѣвчіи, въ монастыры. Пойдемъ со мной.

Онъ потянулся къ ней. Она ловко увернулась, изогнувшись красивымъ станомъ, между тѣмъ какъ другія бабы, смѣясь и отплевываясь, выбѣгали изъ избы.

— Н-ну и попъ, — съ наивнымъ ужасомъ сказала худая бабенка, съ дѣтски-открытыми глазами.—Учи-и-тель!

— Онъ те научить.

— Научи-ко нась,—опять насыщливо сказала солдатка, выступая вперед и подпирая щеку полной рукой.—Научи такой заповеди, которая лёгка и милослива.

— Ну-ну! Мы за тебя до плечъ воздухнемъ.

— И научу. А какъ тебя зовутъ, красавица?

— Зовутъ зовутицей, величаютъ сърой утицей. Тебѣ нашто?

— А ты вотъ что, събирая утица. Достань памъ водочки,—небось, вотъ они заплатятъ.

— Достать что ли? Мы достанемъ.

Она вопросительно и лукаво посмотрѣла на меня.

— Пожалуй, немногого,—сказалъ я.

Солдатка шмыгнула изъ избы. За ней, смеясь, хихикая и толкаясь, выбѣжало еще двѣ-три женщины. Хозяйка съ мрачнымъ видомъ уставила на столъ самоваръ и, не говоря ни слова, сѣла на лавку и принялась за работу. Съ полатей, свѣсивши русыя головы, глядѣли на насть любопытныя дѣтскія лица.

Солдатка, смеясь и запыхавшись, поставила на столъ бутылку съ какой-то зеленоватой жидкостью и, отойдя отъ стола, насыщливо и вызывающе посмотрѣла на насть. Иванъ Ивановичъ конфузливо кашляль, оставшися въ избѣ безмужницы смотрѣли на насть съ затаеннымъ ожиданіемъ. Послѣ первыхъ рюмокъ, недавній проповѣдникъ, поднявъ полы своей ряски, ходилъ притопывая вокругъ сърой утицы, которая змѣй извивалась, уклоняясь отъ его любезностей.

— Поди ты!—отмахнулась она и, бинувъ на меня задорно вызывающій взглядъ, подошла къ столу.

— А ты что же самъ-то не цѣшь? Гляди на нихъ,—они, пожалуй, и все вылакаютъ. Испей-ко-сь.

Улыбаясь и играя плечами, она налила рюмку и поднесла мнѣ.

— Не пейте...—вдругъ раздался совсѣмъ неожиданно зловѣщий голосъ изъ-за окна, и изъ темноты появилось скуластое лицо Андрея Ивановича.

— Водки не пейте,—я вамъ говорю!—проговорить онъ еще мрачнѣе и опять исчезъ въ темнотѣ.

Рюмка у солдатки дрогнула и расплескалась. Она глядѣла въ окно испуганными глазами.

— Съ нами крестная сила,—это что такое?

Всѣмъ стало неловко. Водка приходила къ концу и вопросъ состоялъ въ томъ,—потребуемъ ли мы еще и развернемся окончательно, или на этомъ кончимъ. Иванъ Ивановичъ посмотрѣлъ на меня съ робкой тоской, но у меня же было ни

малъшаго желанія продолжать этотъ пиръ. Автономовъ сразу понялъ это.

— Дѣйствительно, — не пора ли въ путь, — сказалъ онъ, подходя къ окну.

— Чать на дворѣ-те дождикъ, — произнесла солдатка, глядя какъ-то въ сторону.

— Нѣтъ. Облака порядочныя... да видно сухія... Собирайся, Иванъ Ивановичъ.

Мы стали собираться. Первымъ вышелъ Иванъ Ивановичъ. Когда, за нимъ, я тоже спустился въ темный крытый дворъ, — онъ тихо сказалъ, взявъ меня за руку:

— А тотъ-то, долговязый. Вонъ у воротъ дожидается.

И дѣйствительно разглѣдѣлъ Андрея Ивановича у калитки. Автономовъ съ котомкой и своимъ посохомъ вышелъ на крыльцо, держа за руку солдатку. Обѣ фигуры виднѣлись въ освѣщенныхъ дверяхъ. Солдатка не отнимала руки.

— Только отъ васъ и было? — говорила она разочарованно. — Мы думали — разгуляется.

— Погоди, въ другой разъ пойду, — разбогатѣю.

Она посмотрѣла на него и покачала головой.

— Гдѣ-поди! Не разбогатѣть тебѣ. Такъ пропадешь, нусто...

— Ну, не каркай, ворона... Скажи лучше: дѣячекъ Ириней все на погостѣ живетъ?..

— Щуровской-то? Живетъ. Ноинъ на базарь уѣхалъ. Тебѣ на што?

— Такъ. А... дочь у него была, Груньюшка.

— Взамужъ она выдана.

— Далеко?

— Въ село, въ Воскресенское, за діакономъ... Одна ноинъ старушка-те осталась.

— Ириней, говоришь, не возвращался?

— Не видали что-то.

— А живетъ богато?

— Ничего, ровненько живетъ.

— Ну прощай!.. Эхъ ты, Глаша-а!

— Ну-ну! Не звони... Видно, хороша Глаша да не ваша. Ступай ужо, — нечего тутъ ионаирасну.

Въ голосѣ деревенской красавицы слышалось ласковое со-жатіе.

За воротами темная фигура Андрея Ивановича, отдѣлившись отъ калитки, примкнула къ намъ, между тѣмъ какъ Автономовъ обогналъ насъ и пошелъ молча впередъ.

— Вы бы до утра сидѣли, — угрюмо сказалъ Андрей Ивановичъ. — А л тутъ дожидайся!

— Наирасно,—отвѣтилъ я холодно.

— Это какъ понимать? Въ какомъ смыслѣ?

— Да просто:—шили бы, если вамъ непріятно...

— Нѣтъ ужъ. Спасибо па добромъ словѣ,— я товарища покидать не согласентъ. Лучше самъ пострадаю, а товарища не оставлю... Этаکъ же въ третьемъ годѣ Иванъ Анисимовичъ. Ничего да ничего, выпивалъ да выпивалъ въ хорошей кампаніи...

— Ну и что же?

— Жилетку сняли, вотъ что!.. Денегъ три рубля двадцать... портмонеть новый...

— Ежели вы это на счетъ нась съ Геннадіемъ намекъ имѣете,—заговорилъ Иванъ Ивановичъ, торопясь и взволнованнымъ голосомъ,—то это довольно подло. Это что же-сь?.. Ежели у васъ сомнѣніе,—мы можемъ впередъ или отстанемъ...

— Пожалуйста, не обращайте вниманія,—сказалъ я, желая успокоить бѣгнягу.

— Что такое?—спросилъ вдругъ Автономовъ, остановившійся на дорогѣ.—Изъ-за чего разговоръ?

— Да вотъ они все... сомнѣваются. Господи помилуй! Неужто мы какіе-нибудь, прости Господи, разбойники.

Геннадій взглянулъ въ темнотѣ въ лицо Андрея Ивановича.

— А! долговязый господинъ!.. Ну что-жъ!—сказалъ онъ сухо.— „Блаженъ, кто никому не вѣритъ и всѣхъ своимъ аршиномъ мѣритъ“... Дорога широкая...

И онъ опять быстро пошелъ впередъ, а за нимъ побѣжалъ трусцой маленькой товарищъ. Андрей Ивановичъ нѣсколько секундъ стоялъ на мѣстѣ, ошеломленный тѣмъ, что странникъ отвѣтилъ ему въ риѳму. Онъ было двинулъся вдогонку, но я остановилъ его за руку.

— Чѣо это вамъ нейметесь, право!—сказалъ я съ досадой.

— А вамъ хорошихъ товарищей жалко?—сказалъ онъ язвительно... — Не беспокойтесь пожалуйста. Сами далеко не уйдуть...

И дѣйствительно, за послѣдними избами на дорогѣ зачернѣла фигура. Это былъ Иванъ Ивановичъ, но одинъ...

Онъ стоялъ по серединѣ дороги, тяжело дышалъ и кашлялъ, держась за грудь.

— Чѣо это съ вами?—спросилъ я съ участіемъ.

— Ох-хо! Смерть моя... Ушелъ... Геннадій-то... Не величь мѣстѣ идти... Велить съ вами. Не поспѣваю за нимъ.

— Сдѣлайте одолженіе. А дорогу вы знаете?

— Дорога пока болыпая. Да онъ гдѣ-нибудь догонитъ...

— Ну, и отлично.

Мы пошли въ темноту... Назади тявкнула собака; оглянувшись, я увидѣлъ въ темнотѣ два-три огня деревни, которая скоро скрылась изъ виду.

IV.

Ночь была беззвездная, тихая. ГORIZОНТЬ еще выдѣлялся гдѣ-то неясной чертой, блуждающей подъ облаками, но ниже клубилась лишь густая мгла, бесконечна, неопределенная, безъ формъ и очертаній...

Мы довольно долго шли молча. Странникъ то и дѣло робко вздыхалъ и старался подавить кашель.

— Автономова-то не видно...—говорилъ онъ по временамъ и беспомощно глядывался въ темную ночь...

— Мы-то его не видимъ... Онъ настъ видитъ, небось, — сказалъ Андрей Ивановичъ зловѣще и значительно.

Дорога казалась какой-то смутной полоской, точно мостъ, кинутый черезъ прошастъ... Все кругомъ было черно и смутно. Была или нѣть свѣтлая полоска на горизонти?—Теперь отъ нея нѣть и слѣдовъ. Неужели такъ еще недавно мы были въ шумной избѣ, среди смѣха и говора?.. Будетъ ли конецъ этой ночи, этому полю? Подвинулись мы впередъ, или это только дорога уходитъ у настъ изъ-подъ ногъ, точно безконечная лента, а мы все толчемся на мѣстѣ, въ этомъ заколдованиемъ клочкѣ темноты? И невольная робкая радость зарождалась въ душѣ, когда впереди начиналъ вдругъ тихо журчать невидимый ручей, когда это журчаніе усиливалось и потомъ замирало сзади, за нами, или вѣтеръ, впезапно поднявшись, шевелилъ чуть замѣтныес кусты ивняка въ сторонѣ отъ дороги и потомъ опадалъ, указывая, что мы ихъ миновали...

— Ну, и почка выдалась, — сказалъ Андрей Ивановичъ, противъ своего обыкновенія, тихо.—Дуракъ и тотъ, кого въ этакія ночи нелегкая носитъ по дорогамъ. И чего, спрашивается, нужно намъ? Поработать день, отдохнуть, чаю попить, Богу помолиться,—спать. Нѣть, по нравится виши... — давай по дорогамъ шататься. Это намъ благопріятнѣе. Но нѣ вотъ ужъ полночи, а мы и лба не перекестили. Молельщики!..

Я не отвѣтилъ. Въ головѣ Андрея Ивановича очевидно продолжали тянуться покаянныя мысли.

— Маю настъ бабы учуть, — сказалъ онъ мрачно...—Не живется намъ дома. А чего бы, казись, и надо...

— А что, Автономова-то не видно?—раздался опять тоскливыи голосъ маленькаго странника.

— Нѣть, не видать,—буркнулъ Андрей Ивановичъ.

— Бѣда моя, — сказать странникъ въ глубокой тоскѣ. —
Бросилъ меня мой покровитель...

Въ его голосѣ было столько отчаянія, что мы оба невольно
стали глядѣть впередъ, стараясь разыскать потеряннаго Ав-
тономова. Вдругъ, довольно далеко въ сторонѣ что-то стук-
нуло, — точно доска на дырявомъ мостикѣ подъ чьей-то ногой.

— Тамъ онъ! — сказалъ Андрей Ивановичъ. — Влѣво пошелъ.

— Надо полагать, дорога повернула.

Дѣйствительно, невдалекѣ дорога раздвоилась. Мы тоже
пошли влѣво. Иванъ Ивановичъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Да что ты сокрушаешься? — спросилъ Андрей Ивано-
вичъ. — Что онъ тебѣ, братъ что ли? Вотъ невидаль, съ позво-
ленія сказать...

— Пуще брата. Безъ него долженъ пропасть: потому соб-
ственно просить не умѣю. А въ нашемъ состояніи безъ этого—
прямо погибель...

— Зачѣмъ же таскаешься?

Странникъ помолчалъ, какъ будто ему трудно было отвѣ-
тить на вопросъ.

— Пріюту ищу. Куда-нибудь въ монастырь... Съ младыхъ
лѣтъ приваженъ къ монастырской жизни.

— Такъ и жилъ бы въ монастырѣ.

— Слабость имѣю... — чуть слышно и застѣнчиво сказалъ
Иванъ Ивановичъ...

— Щеши небось горькую...

— То-то вотъ. Испорченъ съ младыхъ лѣтъ.

— Порча!.. — все небось бѣсь виноватъ...

— Бѣсь, говорите... Оно конечно... Прежде, когда въ на-
родѣ крѣпость была... ему много работы было: который, на-
примѣръ, скажемъ, подвижникъ неослабнаго жития... Въявѣ
видѣли... И то подумайте, состязались всетаки... А нынѣ
слабость наша... Нынѣче такая въ народѣ преклонность.

— Д-да... — согласился Андрей Ивановичъ. — Нынѣче ужъ и
нечистому много легче... Житье ему съ нами, ей-Богу. Лежи,
миляга, на печкѣ... Сами къ тебѣ придемъ, другъ друга при-
ведемъ... Принимай только.

Странникъ глубоко вздохнулъ...

— Ахъ, какъ вы это вѣрно говорите!.. — сказалъ онъ печаль-
но. — Вотъ о себѣ скажу, — зашепталъ онъ, будто не желая, чтобы
его слова слышалъ кто-то тамъ въ темнотѣ ночи, въ сторонѣ
отъ дороги: — отъ кого погибаю? Отъ родной матери, да отъ
отца-настоятеля.

— Ну-у? — изумился Андрей Ивановичъ, тоже тихо.

— Вѣрно!.. Грѣшно, конечно, родительницу-покойницу осу-

ждать, царствіе ей небесное! (онъ снялъ шляпенку и перекрестился), а все думаю: отдай она меня въ ремесло, — можетъ человѣкъ былъ бы, какъ и прочіе... Нѣтъ. Легкаго хлѣба своему дитяти захотѣла, прости ее Господи...

— Ну, ну?—поощрилъ Андрей Ивановичъ.

— Именно-съ...—продолжалъ Иванъ Ивановичъ печально,— въ прежнія времена, пишутъ вотъ въ книгахъ, родители всячески противились, отроки тайно въ кельи уходили для по-двига... А моя родительница сама своими руками меня въ монастырь предоставила: можетъ дескатъ даже во дѣячки произойти.

— Такъ-такъ!

— А прежде, надо вамъ сказать, подлинно—было это, производили изъ монастырей во псаломщики и далѣе... только къ моему-то времени и отмѣнили.

— Вотъ-те и чинъ!

— Да!.. Вотъ матушка опять: оставайся, когда такъ, въ монастырѣ вовсе... Дескатъ и то хлѣбъ легкій. При томъ и настоятель тебя любить... Ну это правда: возлюбилъ меня отецъ настоятель, къ себѣ въ послушники взялъ. Но только ежели человѣкѣ незадача, то счастіе на несчастіе обернется. Воистину скажу: не отъ діавольского искушенія-съ... черезъ ангела погибаю...

— Что ты говоришь!—удивился Андрей Ивановичъ.

— Истинную правду... Настоятель у насъ былъ добрѣйшей души человѣкъ, незлобивый, ну и при томъ строгой жизни... Ну, только имѣлъ тайную слабость: отъ времени до времени запивалъ. Тихо, благородно. Запрется отъ всѣхъ и пьетъ дня три и четыре. Не больше. И потомъ сразу бросить... Твердый былъ человѣкъ... Но однако... въ такомъ состояніи... скучалъ. И потому призоветъ меня и говоритъ: при скорби душе моей... Возьми, Ваня, подвигъ послушанія. Побудь ты, младенецъ искинный, со мною окаяннымъ грѣшникомъ. Ну, я бывало и сижу, слушаю, какъ онъ, въ слабости своей, говоритъ съ кѣмъ-то, и плачетъ... Дѣло мое, конечно, слабое: когда не возмогу, и засну. Вотъ онъ разъ и говоритъ: выпей, Ваня, для ободренія. И налилъ рюмочку наливки... Только, говоритъ, поклянись, что безъ меня никогда не станешь пить, ниже единца...

— Вотъ оно что-о-о?—протянулъ Андрей Ивановичъ многозначительно...

— Я, конечно, поклялся. И налилъ онъ мнѣ рюмочку наливки... Такъ и пошло. Сначала понемножку, а потомъ... Отецъ настоятель мощный былъ человѣкъ: сколько бывало ни пить,

все крѣпокъ. А я, извѣстно... съ трехъ-четырехъ рюмокъ — съ ногъ долой... Спохватился онъ и запретилъ мнѣ великимъ прщеніемъ. Ну, да ужъ поздно. При немъ не пью, а ключи-то отъ шкапа у меня... Сталъ я тайнымъ образомъ потягивать... Дальше да больше... Ужъ ишо разъ и на погахъ не стою. Онъ спачала думалъ,—это я отъ прежніго похмѣлья, по слабости своей, маюсь. Но однажды посмотрѣлъ на меня проинцательно и говорить: — Ванюша... хочешь рюмочку?.. — Я такъ и затресся весь отъ вождѣнія. Догадался онъ. Взялъ посохъ, сгребъ меня за волосы и поучилъ съ разсужденіемъ... Здоровый былъ, боялся изувѣчить... Ну, это не помогло. Дальше да больше... Видѣтъ онъ, что я отъ его слабости погибаю... Призываетъ меня и говорить: — Прости ты меня, Ванюшка, но нужно тебѣ искусть пройти. Иначе погибнешь... Иди, постранствуй... Примешь горы, можетъ исцѣлишься. Я тутъ о тебѣ буду молиться... А черезъ годъ, говорить, въ это самое число приходи обратно... Приму ти, яко блуднаго сына... Благословилъ. Заплакалъ. Призвалъ руфальнаго... Это значитъ завѣдующаго монашеской одеждой... Велѣлъ снарядить меня на дорогу... Самъ напутственный молебень отслужилъ... И пошелъ я, рабъ божій, августиа 29-го, въ день усѣкновенія главы, на подвигъ странствія...

Разсказчикъ опять замолчалъ, переводя духъ и кашляя. Андрей Ивановичъ участливо остановился, и мы втроемъ стояли на темной дорогѣ. Наконецъ, Иванъ Ивановичъ отышался, и мы опять тронулись дальше...

— Вотъ и ходилъ я лѣто и зиму. Тяжело было, горя принялъ — и-и! въ разные монастыри толкался. Гдѣ я не ко двору, гдѣ и мнѣ не по характеру. Нашъ монастырь — штатный, богатый, привыкъ я къ сладкой жизни. А послѣ-то ужъ въ штатный не принимали, а въ общежительномъ, Кирилло-Новоезерскомъ, и приняли, такъ и самому черно показалось: чаю мало, табачку и вовсе нѣть; монахи одни мужики... Пополненіе тяжелое, работа черная...

— А вѣдь это не любо, послѣ легкой жизни, — сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Истинно говорю: не подъ силу вовсе, — смиренно вздохнулъ Иванъ Ивановичъ. — Бремена неудобносимыя... При томъ и святость въ черномъ видѣ. Благолѣція нѣть... Народу много, а на клиросѣ нѣть некому... Истинно козлогогласованіе одно...

— А тутъ-то вотъ святость и есть! — сказалъ Андрей Ивановичъ съ убѣждениемъ...

— Нѣть, позвольте вамъ сказать, — не менѣе убѣжденно возразилъ Иванъ Ивановичъ... — Это вы не такъ говорите...

Монастырское благолѣпіе не въ томъ-съ... Монахъ долженъ быть истонченный, головка у него, что былинка на стебелькѣ... еле держится... Это есть украшеніе обители... Ну, такихъ малое число. А рядовой монахъ бываетъ гладкій, съ лица чистый, голосъ бархатный. Такихъ и благодѣтели и женскій полъ уважаютъ. А мужику, позовите сказать, ни въ коемъ званіи почета нѣть...

— Ну, ладно... Что же дальше-то?—сказать Андрей Ивановичъ, немного сбитый съ толку увѣреніемъ заявленіемъ компетентнаго человѣка.

— Да что дальше!—съ грустью сказалъ странникъ...—Ходилъ я годъ. Отощаль, обносился... Нуцѣ всего страдаю отъ совѣсти, просить не умѣю... Ждалъ, ждалъ этого срока,—вотъ домой, вотъ домой, въ свою келійку. Про отца-настоятеля ужъ именно какъ про отца родного вспоминалъ, за любовь за его. Наконецъ, какъ-разъ августа 29-го прихожу. Вхожу, знаете, во дворъ, и что-то у меня сердце смущается. Идутъ по двору служки наши, монастырскіе... Узнали...— „Что-молъ, вернулся, странниче Ioанне?“—Вернулся, говорю. Живъ ли благодѣтель мой?..—„Опоздалъ ты,—говорятъ,—благодѣтеля давно скоронили. Сподобился: съ воскреснымъ тропаремъ отыде. Вспоминаль про тебя, плакать... хотѣль наградить... А теперь новый настоятель... Варваръ. И не являйся“. А что,—опять спохватился опъ тревожно,—Автономова-то не видно?

И въ его голосѣ слышались испугъ и тоска.

V.

Андрей Ивановичъ взглянулъ въ темноту и вдругъ, схвативъ меня за руку, сказалъ:

— Постойте, не туда пошли мы...

— Что такое?

— Да ужъ вѣрно я говорю:—не туда!.. Подождите меня... Я сѣбѣгаю, посмотрю...

И онъ быстро исчезъ въ темнотѣ. Мы съ Иваномъ Ивановичемъ остались одни на дорогѣ. Когда шаги сапожника стихли, слышался только тихій шорохъ ноги. Гдѣ-то шелестѣла трава, по временамъ коростель хрюплю „дергалъ“, тревожно перебѣгая съ мѣста на мѣсто. Гдѣ-то еще, очень далеко, мечтательно звенѣли и ухали въ болотѣ лягушки. Тучи, чутъ видныя, тинулись въ вышинѣ.

— Вотъ... Любить мой товарищъ ходить по ночамъ,—жалобно произнесъ Иванъ Ивановичъ... А что хорошаго? То ли дѣло днемъ?

— А онъ тоже въ монастырѣ былъ?

— Бывалъ,—отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ и потомъ прибавилъ со вздохомъ...—Изъ хорошей семьи—отецъ діакономъ былъ въ городѣ N-мъ. Можетъ слыхали... Братъ письмоводителемъ въ полицейскомъ правлениі, невѣста была совсатана...

— Отчего же не женился?

— Видите ли... Онъ ужъ въ это время сбился съ пути... былъ въ бѣгахъ... Ну только еще не на страннишкомъ положеніи. Одежонка была, не обносился... И выдастъ себя, будто за жениха. Приняли; дѣвица взирала благосклонно, отецъ дѣячекъ тоже не препятствовалъ... Охъ... хо... Грѣхъ, конечно... обманулы... Какъ начнетъ иной разъ рассказывать, заплачешь, а другой разъ смѣшишь...

Съ Иваномъ Ивановичемъ случилось что-то странное. Онъ прыснулъ и стала какъ-то захлебываться, закрывая рукою ротъ... Сначала трудно было разобрать, что это смѣхъ. Но это былъ дѣйствительно смѣхъ... истерический, застѣнчивый, какими-то взрывами, который нерешель въ приступъ кашли... Успокоившись, Иванъ Ивановичъ прибавилъ съ полусожалѣніемъ:

— Только разсказываетъ каждый разъ по иному-съ... Не поймешь: не то правда... не то...

— Не то вретъ?

— Не то, чтобы... А только не вполнѣ достовѣрно... Есть, видно, и правда...

— Что же именно опять разсказываетъ?

— Видите ли... Дѣячекъ-то, говорить, хитрый. Видить, что молодой человѣкъ проводить время, а между тѣмъ настоящаго дѣла не предпринимаетъ,—онъ подъ видомъ базару,—поѣхалъ въ городъ, а въ дому старушку бабушку оставилъ, приказалъ строго-на-строго съ глазъ не спускать. Автономовъ — не у нихъ, конечно, жиль... На сей у просвирни... Ну въ гости захаживалъ. Каждодневно... На бережку сиживали... И бабушка тутъ... Да гдѣ же, конечно, услѣдить... Молодежь... Только разъ, видѣть мой Автономовъ, ёдуть изъ города двое въ телѣгѣ... и пьяные при томъ. Подѣхали, глядь, а это дѣячекъ да съ братомъ, съ Автономовымъ старшимъ, съ письмоводителемъ. Не успѣлъ онъ и оглянуться,—ужъ они на него навалились, давай тузить. Понятное дѣло: братъ обижается за побѣгъ изъ семинарии, дѣячекъ — за обманутіе и безчестіе...

Иванъ Ивановичъ вздохнулъ.

— Еле живъ тогда остался, говоритъ.... Потому что ожесточившись и при томъ пьяные... Бросился къ просвирнѣ, схватилъ

тиль котомку, да въ лѣсъ... Съ тѣхъ порть, говорить, и пошель странствовать... Ну, другой разъ, дѣйствительно... иначе разсказываетъ...

Онъ подошелъ ко мнѣ и, приподнявшись на цыпочки, хотѣлъ сказать что-то особенно конфиденціально... Но вдругъ около нась, прямо изъ темноты вынырнула фигура Андрея Ивановича. Онъ подошелъ быстро съ нарочито зловѣщимъ видомъ.

— Подите-ка сюда.—Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ тихо:

— Испали мы съ вами въ дѣло!

— Что такое?

— Автономовъ-то этотъ... Монахъ... На воровство, кажется, пошелъ... Будеть намъ въ чужомъ пиру похмѣлье...

— Полнотѣ, Андрей Ивановичъ.

— Вотъ вамъ и полно. Слыхали вы, какъ онъ въ селѣ до-прашиваль? У солдатки-то? Про дѣячка-то? дескать, дѣячекъ дома ли, или уѣхалъ?

— Ну, помню.

— А гдѣ этотъ дѣячекъ-то живеть, помните?

— На погостѣ, кажется.

— Самый погостъ!—сказалъ Андрей Ивановичъ злорадно, махнувъ рукой впередъ, въ темноту.

— Ну, такъ что же?

— А то, что... Старуха, слыхали вы, одна осталась... А онъ ужъ тутъ, какъ тутъ... Ходить кругомъ двора, высматриваетъ. Сами увидите... Вотъ вы на кого товарища давниго промѣнять согласны... Кабы на мостики да не доска подъ нимъ скрипнула,—мы бы тогда и пошли дальше дорогой... А ужъ это и своротиль... Пойдемъ, пойдемъ тихонько...

Сзади кто-то жалобно кашлянулъ. Андрей Ивановичъ оглянулся и сказалъ:

— Ну, иди и ты съ нами, настоятельскій послушникъ... Что съ тобой дѣлать. Полюбуйся на товарища.

Пройдя черезъ мостики, мы поднялись круто по дорожкѣ и подошли къ погосту. На пригоркѣ изъ-за листвы ровно свѣтиль огонекъ... Я разглядѣлъ чуть бѣльвшія стѣны небольшого домика, выдвинувшагося на край обрыва, и изъ-за его крыши грузно вырѣзались темныя очертанія колокольни. Вправо, внизу скорѣе можно было угадать, чѣмъ увидѣть рѣчку.

— Вотъ онъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Видите?

Невдалекѣ отъ нась, между палисадникомъ и обрывомъ, около бесѣдки, обвитой зеленью, мелькнула фигура. Человѣкъ

точно прилипалъ и жался къ забору, заглядывая черезъ кусты. На фонѣ свѣтлого окна, въ глубинѣ садика, я уви-дѣлъ острую мурмолку, вытянутую шею и характерный про-филь Автономова. Свѣтъ разсыпался по листьямъ кустовъ и по цвѣтамъ сирени. Подойдя пѣсколько ближе, я разглѣдѣлъ въ окнѣ голову старухи, въ чепцѣ и роговыхъ очкахъ. Голова покачивалась, какъ у человѣка, работающаго отъ безсонницы, и спицы проворно бѣгали въ рукахъ. Старуха вѣроятно ждала возвращенія хозяина.

Вдругъ она насторожилась... Изъ темноты послышался не-рѣшительный окликъ:

— Олимпіада Николаевна!

Старушка наклонилась къ окну, но никого не было видно.

Прошла минута въ молчаніи, и опять изъ темноты раздался тотъ же окликъ:

— Олимпіада Николаевна!

Я не узнавалъ теперь голоса Автономова. Онъ звучалъ мягко и робко.

— Кто тутъ?—встрепенулась вдругъ старуха..—Кто меня зоветъ?..

— Я это... Автономова не припомните ли?.. Когда-то были знакомы...

— Какого тебѣ, батюшка, Автономова... Нѣть у насъ та-кого... Не знаю я... Я, батюшка, сейчасъ людей позову. Федосья, а Федосья!.. Бѣги сюда...

— Не зовите, матушка... я вѣсть не побезпокою... Неужто Автономова забыли?.. Генапей звали когда-то...

Старуха поднялась съ мѣста и, взявъ свѣчу, выспуилась съ пею изъ окна. Вѣтра не было. Пламя стояло ровно, освѣ-щая кусты, стѣны дома и морщинистое лицо старухи съ очками, поднятыми на лобъ...

— Голосъ-то будто знакомый... Да гдѣ-жѣ ты это?.. Показ-жись, когда добрый человѣкъ...

Она подняла свѣчу надъ головой, и лучъ свѣта упалъ на Автономова. Старуха сначала отшатнулась, но... Въ это время дверь открылась и въ комнату вошла другая женщина. Старуха ободрилась и опять освѣтила Автономова...

— Хорошъ,—сказала она безжалостно...—Женишокъ, нечего сказать... Зачѣмъ же это ты тутъ подъ окнами шатаешься?..

— Мимоходомъ, Олимпіада Николаевна...

— Мимоходомъ, такъ и шель бы мимо... Смотри, хозяинъ вернется, собакъ спустить.

Она захлопнула окно и спустила запавѣску... Кусты сразу погасли... Фигура Автономова исчезла въ темнотѣ.

Намъ тоже не мѣшало подумать объ отступлениѣ, и мы быстро спустились съ пригорка... Черезъ пѣсколько минутъ съ колоколами послышались удары... Кто-то повидимому хотѣлъ показать, что на погостѣ есть люди...

Андрей Ивановичъ шелъ молча и въ раздумыи. Иванъ Ивановичъ бѣжалъ задыхаясь въ припрыжку и сдерживая приступы кашля... Когда мы удалились на порядочное разстояніе, онъ остановился и опять произнесъ съ невыразимой тоской:

— Автономова-то потеряли...

Въ его голосѣ слышалось такое отчаяніе, что мы съ Андреемъ Ивановичемъ приняли въ немъ невольное участіе и, остановившись на дорогѣ, стали тоже взглядывать въ темноту.

— Идеть,—сказалъ Андрей Ивановичъ, обладавшій чисто рысыми глазами...

И действительно, вскорѣ сзади на насъ стала падвигаться странная фигура, точно движущійся кустъ. За поясомъ, на плечахъ и въ рукахъ у Автономова были цѣлые пучки сирени, и даже мурмолка вся была утыкана цветами. Поровнявшись съ нами, онъ не задержался и не выразилъ ни радости, ни удивленія. Онъ шелъ дальше по дорогѣ, и вѣтки странно качались кругомъ него на ходу.

— Хорошо идти ночью, синьоръ,—заговорилъ онъ напыщенно, точно актеръ.— Поля одѣты мракомъ... А вотъ въ сторонкѣ и роща... Смотрите, что за покой за такой! И соловей заводить пѣсню...

Онъ говорилъ точно декламируя, но въ его голосѣ всестаки слышались ноты растроганности...

— Не угодно ли, синьоръ, вѣтку изъ моего садика?..

И театральнымъ жестомъ онъ протянулъ мнѣ вѣтку сирени...

Въ сторонѣ отъ дороги робко и нерѣшительно щелкнуль соловей. Откуда-то издалека, въ отвѣтъ на звонъ съ погоста медленно понесся отвѣтный звонъ и звуки трещетки... Гдѣ-то на темной равнинѣ лаяли собаки... Ночь сгущалась, начинало пахнуть дождемъ...

— Жаль,—рязвяко заговорилъ вдругъ Автономовъ.— Я вотъ тутъ отлучался, къ погосту... Знакомый у меня на этомъ погостѣ живетъ, пріятель... Былъ бы дома, — всѣмъ намъ былъ бы noctege и ugoщеніе... Старуха звала ночевать... да что... безъ хозяина...

Иванъ Ивановичъ поперхнулся. Сапожникъ иронически фыркнуль...

Автономовъ вѣроятно догадался, что мы видѣли пѣсколько болѣе, чѣмъ онъ думаетъ,—и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Не судите, синьоръ, да не судимы будете... Чужая душа, синьоръ, потемки... Когда-шибуль, — прибавиль онъ рѣшительно, — повѣрьте, я всетаки побываю въ этомъ мѣстѣ.. И буду принять... И тогда...

— Что же тогда?

— Ахъ... Было бы только чѣмъ угостить... Напьемся мы тутъ до потери образа... И учиню я тогда надъ нимъ безобразіе...

— А это зачѣмъ?

— Такъ! Сравнялось бы для меня это мѣсто съ другими. А то все еще, синьоръ, за душу тянетъ... Прошлое-съ...

И онъ пошелъ впередъ быстрѣ...

Мы миновали стороной небольшую деревенюшку и поровнялись съ послѣдней избой. Маленькая окна слѣпо глядѣли въ темное поле... Въ избѣ всѣ спали...

Автономовъ вдругъ направился къ окну и рѣзко постучалъ въ раму... За стекломъ неясно мелькнуло чье-то лицо.

— Кто тамъ? — послышался глухой голосъ, и испуганное лицо прилипло изнутри къ оконницѣ... — Кого по ночамъноситъ?..

— Ши-ши-и-и-га,—крикнулъ Автономовъ протяжно, рѣзко и зловѣще и наклонилъ къ окну голову, убранныю вѣтками... Лицо за окномъ испуганно исчезло.. На деревнѣ залаяли собаки, сторожъ застучалъ въ трещетку, темный просторъ, казалось, робко насторожился... И опять гдѣ-то, невидимыя во мглѣ, заговорили протяжными звонами спящія церкви, какъ будто защищая мирный просторъ отъ чего-то невѣдомаго и зловѣщаго. Точно зачуявъ, что гдѣ-то надъ ними проносятся съ угрозой чьи-то темные, чьи-то безнадежно-испорченныя жизни...

VI.

Болѣе часу мы шли опять темными полями. Усталость брала свое; не хотѣлось ни говорить, ни слушать. Вначалѣ я еще думалъ и старался представить себѣ въ этой тѣмѣ физіономіи моихъ спутниковъ. Это удавалось относительно Андрея Ивановича, котораго я зналъ хорошо, и относительно маленькаго странника, но физіономію Автономова я забылъ и, глядя теперь на его темную фигуру, не могъ восстановить его лица... Автономовъ у дьячковой избы и вчерашній проповѣдникъ казались мнѣ двумя различными людьми.

Потомъ мысли мои все болѣе путались; нѣсколько дней уже на ногахъ... глухая ночь, тишина, тяжелая перепаханная дорога или вѣрнѣе бездорожье,—все это сказалось сильной усталостью, и я сталъ забываться на ходу. Это было какое-то

полусознаніе, допускавшее фантастическія грёзы, которыя витали въ безформенной тьмѣ, странно переплетаись съ дѣйствительностью. А дѣйствительность для меня вся была темная муть и три туманныя фигуры, то остававшіяся позади, то обгонявшия меня на дорогѣ... Я слѣдовала за ними совершенно почти безсознательно.

Когда я какъ-то очнулся,—они стояли на дорогѣ и о чёмъ-то спорили.

— Разуй глаза-то,—говорилъ сапожникъ сердито, но вяло.

— Спасибо, что вразумили,—я бы и не догадался,—отвѣтилъ странникъ.—Не знаете ли ужъ кстати, синьоръ, какъ отсюда выйти на дорогу?..

Я лѣниво взглянулъ въ темноту. Громадный черный вѣтрякъ поднялъ надъ нами крылья, терявшіяся гдѣ-то высоко въ облакахъ; за нимъ по бокамъ, назади—виднѣлись другія. Казалось, все поле усыпано мельничными крыльями, поднятыми кверху съ безмолвной угрозой...

— Всю ночь теперь проплуталь изъ-за этого дьявола,—со злостью сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Ну-ко, помолчите маленько, долговязый синьоръ,—сказалъ Автономовъ.—Слышиште?

— Толчая, что ли?.. — сказалъ Андрей Ивановичъ вопросительно...

— Вѣрно,—отвѣтилъ Автономовъ весело.—Колеса это работаютъ. Эхъ, и рѣчушка же рѣзвая!

— Далеко это?..

— По дорогѣ далеко. А мы прямикомъ.

— Въ болото, смотри, заведешь, дьяволъ...

Ноги опять несли меня куда-то въ темноту за тремя темными фигурами. Я спотыкался на пашнѣ или по кочкамъ, меня кидало то впередъ, то въ стороны... Если бы на пути встрѣтился оврагъ или рѣка—я вѣроятно очнулся бы только на днѣ... По временамъ странные обрывки сновидѣній вспархивали и улетали изъ головы въ неопределеннную мглу...

Наконецъ, меня перестало кидать по кочкамъ. Подъ ногами чувствовалась ровная дорога, а въ ушахъ ровный, приятный шумъ. Вода струилась, звенѣла, бѣжала куда-то, плескалась и бурлила, рассказывая о чёмъ-то очень занимательномъ, но слишкомъ смутномъ... потомъ шумъ остался позади, но вдругъ онъ стала сильнѣе, какъ будто вода прорвала плотину... Я совсѣмъ очнулся и отглянулся съ удивленіемъ... Сзади меня догналъ Андрей Ивановичъ и, взявшись за руку, потащилъ впередъ...

— Проснитесь... будьте вамъ спать-то на ходу... Вотъ

связались мы съ дьяволомъ, прости Господи!.. Выскочать мужики, шеи намъ наломаютъ... Скорѣе, скорѣе... Вишь Иванъ-то Иванычъ деретъ, риску подобраль...

Дѣйствительпо маленький странникъ пробѣжалъ мимо насъ съ удивившей меня быстротой...

— Сюда... сюда...

Не отдавая себѣ еще полнаго отчета въ происходящемъ, я очутился подъ прикрытиемъ густыхъ ветвей на берегу рѣчки. Рядомъ Иванъ Ивановичъ тяжело переводилъ духъ... Автономова не было. Невдалекъ мельница точно взбѣсилась. Вода ревѣла и бурлила въ открытые шлюзы. Одно колесо тяжело ворочалось по прежнему, другое, вѣроятно, удержанное запоромъ,—трещало и стонало подъ ударами воды. Цѣпная собака рвала па цѣпи и выла отъ злости...

Въ мельницѣ вспыхнуло оконце, точно она проснулась и открыла глазъ. Скрипнула дверь и старый мельникъ, въ бѣлой рубахѣ и портахѣ, вышелъ съ фонаремъ на помостъ. За нимъ, почесываясь и зѣвая, показался другой.

— Плотину что ли прорвало?—сказалъ онъ.

— Гдѣ прорвало,—слышь въ шлюзахъ шумитъ, не сломало ли затворы... Неладно, гляди... Ахъ, батюшки...

— Гляди-ка: вѣдь поднято.

— Что ты! Кому подымать.

Мужики подошли къ шлюзамъ. Вскорѣ шумъ затихъ: они опустили оба затвора и мельница смолкла. Огонь фонаря тихо проползъ назадъ по плотинѣ и опять исчезъ. И вдругъ рѣзко загремѣла трескѣтка. Одинъ мужикъ очевидно остался караулить...

Необычный шумъ на мельницѣ, разносясь по полямъ, опять будиль спящія деревни. Казалось даже удивительнымъ, сколько ихъ засѣло въ этой темнотѣ. Съ разныхъ сторонъ, спереди, сзади, даже откуда-то снизу онѣ отвѣчали на тревогу стукомъ досокъ и трескѣткой. Изъ дальняго села или съ погоста опять несся медленный звонъ. Невдалекъ крикнула какая-то ночная птица.

— Пойдемъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ, когда около мельницы все стихло....—Вотъ изъ-за одного подлеца сколько тревоги народу.

— Что это случилось?—спросилъ я.

— Спросите вотъ у него,—со злостью сказалъ сапожникъ, указывая на Ивана Ивановича.

— Что-же-сь,—грустно отвѣтилъ странникъ.—Конечно, озорство... Я этого не похвалю...

— Да въ чёмъ дѣло? Гдѣ Автономовъ?

— Вотъ онъ—по птичии кричить, признакъ намъ подасть... Сюда дескать идите, милые мои товарищи... И какъ онъ, подлецъ, шлюзу успѣлъ открыть,—я и не замѣтилъ. А вы тоже!.. Идете за нимъ, да спите. Поспали бы еще... Выскочили бы мужики раньше,—были бы у праздника. Н-ну! Догоню подлеца, ужъ вы и не заступайтесь. Наизнанку каналью выверну, ноги черезъ глотку продѣну!..

И онъ рѣшительно двинулся впередь.

VII.

Однако, Андрей Ивановичъ не привель въ исполненіе своихъ свирѣпыхъ намѣреній и черезъ полчаса мы опять молча шагали по дорогѣ... Солнце еще не всходило, но бѣлые молочные тоны все больше просачивались сверху, сквозь облака,—а внизу подъ нашими ногами на далекое разстояніе волновался бѣловатый туманъ, покрывающій обширную равнину. Изъ этого тумана вынырнула лошадина морда, потомъ обозначилась телѣга съ мѣшками, на которыхъ спалъ мужикъ, и за ней другая, порожняя.

— Дядя, а дядя... — сказалъ Андрей Ивановичъ заднему мужику,—не подвезешь ли насъ?

Мужикъ проторъ заспанные глаза и съ удивленіемъ оглядывалъ обступившую его компанию.

— Откѣда Богъ несетъ?

— Съ богомолья.

— Ну, ну. Садитесь,—да вѣдь недалече подвезу я, мы ближніе.

— Не съ мельницы ли?

— Они вотъ были на мельнице, а я виши порожнемъ. Садитесь, что ли.

Мы усѣлись по сторонамъ телѣги, съѣсивъ ноги.

— А дозвольте спросить,—сказалъ нашъ возница, нахлеставъ лошаденку,—вы всю ночь что ли идете?

— Всю ночь.

— Ничего не слыхали ночью?

— Собаки что-то лаяли, да только далеко. А что?

— Такъ! На мельнице, слышь, затворы ночью подняло. Колеса чуть не поломало вовсе.

— Кто поднялъ?

— Понимай! Кто ночью-то у омутовъ озоруетъ?.. У насъ въ деревнишкѣ по сусѣству, сказываютъ, на почлегъ просился. Мужикъ выглянулъ, а онъ и говорить: шишига — я, пусты.

— Бываетъ,—сказалъ Автономовъ, давно сбросившій свои украшения...

— Никогда этого не бываетъ... Не повѣрю ни въ жизнь... И тебѣ не приказываю вѣрить,—горячо и рѣшительно сказа-
заль мужику Андрей Ивановичъ...—Обманываютъ васъ, де-
ревенскихъ, прохвости разные... Простота ваша...

— Бываютъ, которые и въ Бога и во святыхъ не вѣрють,—
сказалъ Автономовъ въ высшей степени поучительно и хладно-
кровно.

Андрей Ивановичъ скрипнулъ зубами и незамѣтно для му-
жика показалъ Автономову кулакъ...

VIII.

Около полудня на такой же, случайно встрѣченной подъ
самымъ городомъ мужицкой телѣгѣ, мы подѣхали къ моей
квартире. Телѣга остановилась у воротъ. Наша живописная
компания обратила внимание нѣсколькихъ прохожихъ, что ви-
димо стѣсняло Андрея Ивановича... Я пригласилъ своихъ то-
варищѣй отдохнуть у меня и напиться чаю.

— Спасибо,—до дому недалече,—холодно отвѣтилъ сапож-
никъ, вскидывая за плечо котомку, и потомъ спросилъ без-
церемонно, ткнувъ пальцемъ по направлению Автономова:

— И этого тоже зовете?

— Да, прошу и Геннадія Сергѣевича,—отвѣтилъ я.

Андрей Ивановичъ круто повернулся и, не прощаюсь, за-
шагалъ по улицѣ.

Иванъ Ивановичъ имѣлъ отчаянно испуганный видъ, точно
мое приглашеніе захлопнуло его, какъ западня птицу. Онъ
смотрѣлъ умоляющимъ взглядомъ на Автономова, и стыдъ
собственного существованія мучительно сказывался во всей
фигурѣ. Автономовъ спросилъ просто:

— Куда идти-то?..

Пока ставили самоварь, я попросилъ домашнихъ собрать
сколько было лишней одежды и бѣлья и предложилъ моимъ
спутникамъ переодѣться. Автономовъ легко согласился, свер-
нувшись въ одинъ узель и сказалъ:

— Потому надо въ баню...

Я разумѣлся не возражалъ. Изъ бани оба странника вер-
нулись преображенными. Иванъ Ивановичъ въ слишкомъ ши-
рокомъ пиджакѣ и слишкомъ длинныхъ брюкахъ, со своими
жидкими косицами, удивительно походилъ на переодѣтую жен-
щину. Что касается Автономова, то онъ не удовольствовался
необходимымъ количествомъ одежды, а надѣять все, что было
предложено для выбора. Такимъ образомъ на немъ оказалась
синяя косоворотка, блуза, два жилета и пиджакъ. Косоворотка
виднѣлась надъ воротомъ блузы и внизу,—такъ какъ она

была длинне. Надъ нею выступали края блузы, а пиджакъ составлялъ какъ бы третій ярусъ... За чайнымъ столомъ Иванъ Ивановичъ страдалъ до такой степени, что изъ жалости мы разрѣшили ему удалиться со своей чашкой въ кухню, гдѣ онъ усѣлся въ уголку и немедленно пріобрѣлъ жалостныя симпатіи нашей кухарки. Автономовъ держался развязно, называлъ мою матъ синьорой и схватывалъ съ мѣста при всякомъ случаѣ, чтобы чѣмъ-нибудь усугубить...

Послѣ чаю онъ самодовольно оглядѣлся съ ногъ до головы въ зеркало и сказалъ:

— Въ эдакомъ костюмѣ зять мною не пренебрежеть... Пойду навѣстить сестру... Она тутъ живеть недалечко. Котомочку позвольте, синьора, оставить у васъ въ передней.

Когда онъ шелъ черезъ дворъ къ воротамъ, за нимъ испуганно выбѣжалъ Иванъ Ивановичъ. Послѣ короткаго разговора Автономовъ позволилъ бѣднаго слѣдовать за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Черезъ короткое время Иванъ Ивановичъ вернулся одинъ... Птичье лицо его сяло изумленіемъ и восторгомъ.

— Приняли-сь,—сказалъ онъ, радостно захлебываясь.— Истина правда-сь. Дѣйствительно-сь... сестра, настоящая. И зять... Можетъ угодно вамъ самимъ пройти, будто нена рочно... Сами увидите-сь... Истинный Богъ: въ палисадничкѣ сидятъ... Угощаются... по родственному. Сестра плачетъ отъ радости...

И изъ груди маленькаго странника понеслись странные звуки, похожіе и на истерической смѣхъ и на плач.

Черезъ часъ явился и Автономовъ, преображеній и торжественный. Подойдя ко мнѣ, онъ горячо схватилъ мою руку и до боли сжалъ ее...

— Черезъ васъ я пріобрѣль опять родныхъ... Кажется... то-есть вотъ! До гроба...

Онъ еще крѣпче сжалъ мою руку, потомъ судорожно отбросилъ ее и отвернулся. Оказалось, что, повѣривъ преображенію Автономова, зять, человѣкъ не безъ влиянія въ консисторіи, рѣшилъ похлопотать о немъ. Оставалось только добыть изъ Углича какія-то бумаги и...

— И сюда, обратно! Кончено странствіе, синьоръ... И тебя, Ваня, не оставлю... Получишь у меня уголъ и пищу... Живи... Я въ должностъ... Ты уберешь квартиру, то... другое...

Я слушала эти разговоры и невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу, тѣмъ болѣе, что Автономовъ опять вернулся къ высокопарному стилю и все чаще употреблялъ слово синьоръ...

Передъ вечеромъ оба ушли „въ Угличъ, за бумагами“. Автономовъ далъ торжественное обѣщаніе явиться черезъ недѣлю „для начатія новой жизни“...

— Неужто для этого „чуда“ нужно было такъ немногого?— съ большимъ сомнѣніемъ думалъ я...

IX.

Погода круто измѣнилась... Чудесная ранняя весна, казалось, смѣнилась вдругъ поздней холодной осенью... Дождь лилъ цѣлые дни и вѣтеръ метался среди ливня и тумановъ.

Въ одно такое холодное утро, проснувшись довольно поздно и стараясь сообразить время, я услышалъ легкую возню и странный пискъ въ сѣниахъ у дверей. Открывъ ихъ, я увидѣлъ въ темномъ углу что-то живое. Увы! это былъ Иванъ Ивановичъ. Онъ весь издрогъ, посинѣлъ и смотрѣлъ на меня умоляющими, робкими глазами. Такъ смотрѣть только запуганное и близкое къ гибели животное.

— Слабость опять?—спросилъ я кратко.

— Слабость,— отвѣтилъ онъ покорно и кротко, стараясь запахнуться. На немъ была опять невозможная хламида, голова была не покрыта, а на ногахъ лапти на босу ногу...

Вскорѣ явился и Автономовъ. Онъ былъ пьянь и непрѣятно развязенъ. Говорилъ изысканными высокопарными оборотами, держался, какъ давній пріятель, и по временамъ въ воспоминанія о нашихъ походженіяхъ вставлялъ пикантные намеки относительно нѣкоей солдатки... Въ глазахъ проступало злое страданіе, по которому я опять узнавалъ оратора монастырскаго двора,— и готовность на злыя дерзости. О визитѣ къ сестрѣ не было и рѣчи...

— Послушай... Любезная... — обратился онъ къ прислугѣ...— Тотъ разъ я тутъ у васъ оставилъ хламидку... Хламидка еще годится... Несчастливъ вашъ подарокъ, — прибавилъ онъ, нагло глядя на меня...— Подъ Угличемъ ограбили насъ... все, какъ есть, сняли. А валенками вѣсть видно надулъ торговецъ... Кислый товаръ, кислый... всѣ развалились...

И онъ снисходительно потрепалъ меня по плечу...

Иванъ Ивановичъ съ жалобной укоризной смотрѣлъ на资料 his own personal belongings. Разстались мы довольно холодно и только на Ивана Ивановича всѣ у насъ смотрѣли съ искреннимъ сочувствіемъ и жалостью...

Послѣ этого отъ времени до времени я получать извѣстія о своихъ случайныхъ спутникахъ. Приносили ихъ по большей части люди въ хламидахъ и подрясникахъ, и съ болѣе или менѣе явственными признаками „слабости“ передавали

поклоны или записки и, получивъ малую мзду, выражали разочарованіе. Однажды во время ярмарки ввалился субъектъ совершенно пьяный, очень зловѣщаго вида, который подалъ записку съ такой таинственной фамиліарностью, точно она была отъ нашего общаго друга и сообщника.

Въ запискѣ было нацарапано очень нетвердымъ и неровнымъ почеркомъ:

„Милый другъ. Прими сего подателя, яко меня лично. Онъ нашъ и можетъ тебѣ все разсказать, а между прочимъ помоги деньгами и одеждой. Наипаче бѣдствуетъ брюками... Геннадій Автономовъ“.

Достаточно было одного взгляда, чтобы убѣдиться, что посланный дѣйствительно брюками бѣдствовалъ очень сильно... Но, несмотря на опьяненіе, глаза его быстро и прытливо, очевидно по профессіональной привычкѣ, изучали обстановку моей квартиры...

При удаленіи его произошелъ нѣкоторый непріятный шумъ и пришлось прибѣгнуть къ помоицъ добрыхъ сосѣдей...

X.

Года черезъ два я опять встрѣтилъ моихъ бывшихъ спутниковъ.

Въ жаркий лѣтній день я перѣѣхалъ на паромѣ черезъ Волгу и пара лошадей потащила насъ береговыми песками къ вѣзду на гору. Солнце садилось, но было еще невыносимо жарко. Казалось, даже отъ сверкающей рѣки неслись цѣлыя волны зноя. Оводы тучей носились надъ лошадьми, колокольчикъ бился неровно, колеса шуршали въ глубокомъ пескѣ... Сверху, въ полугорѣ, окруженный зеленью монастырь глядѣлъ на рѣку изъ-за рѣющаго тумана и казался парящимъ въ воздухѣ.

Вдругъ ямщикъ остановилъ у самаго подъема усталую тройку и побѣжалъ по берегу. Въ четверти версты отъ насъ, на обрѣзѣ, усыпанномъ галькой и камнями, грузно чернѣла, прямо на солнцепекѣ, группа людей.

— Происшествіе какое-нибудь,—сказалъ мой товарищъ.

Я вышелъ изъ телѣги и пошелъ туда же.

На пустомъ берегу, въ который лѣниво плескалась рѣка, оказалось мертвое тѣло. Подойдя ближе, я узналъ въ немъ моего знакомаго: маленький странникъ лежалъ въ своей ряскѣ, грудью на пескѣ, съ раскинутыми руками и неестественно повернутой головой. Онъ былъ смертельно блѣдент, черные косицы слиплись на лбу и на вискахъ, а ротъ полуоткрылся. Мне невольно вспомнилось это лицо, оживленное дѣтскимъ

восторгомъ отъ пѣніи пташки на холмикѣ. Самъ онъ, съ своимъ длиннымъ, заострившимся носомъ и раскрытымъ ртомъ, — удивительно напоминаль теперь замученную и раздавленную птицу.

Автономовъ сидѣлъ надъ нимъ, покачиваясь, и въ его взглядѣ виднѣлся испугъ. Явственный винный запахъ стоялъ въ воздухѣ...

Окинувъ взглядомъ подошедшихъ людей и не узнавъ меня, онъ вдругъ затормозилъ лежащее тѣло.

— Вставай, товарищъ, пора въ путь... Участь странника — вѣчное странствованіе.

Онъ говорилъ опять напыщеннымъ тономъ и нетвердо поднялся...

— Не хочешь?.. Смотри, Ваня, брошу! Уйду одинъ...

Староста, съ медалью на груди, спѣшилъ подошедшій къ группѣ, положилъ ему руку на плечо.

— Негоди уходить... Протоколъ надо составить... Что за люди?..

Автономовъ съ иронической покорностью снялъ свою мурмолку и отвѣсилъ поклонъ.

— Сдѣлайте одолженіе, ваше сельское превосходительство...

Сверху послышался ударъ колокола. Въ монастырѣ призывали къ вечерней молитвѣ. Ударъ прозвенѣлъ, всколыхнувъ жаркій воздухъ, иронеся поверхъ кудрявыхъ верхушекъ дубовъ и осокорей, лѣпившихся по склонамъ, и, замирая уже, коснулся солнной рѣки. На мгновеніе звукъ опять окрѣпъ, ложась на воду, и, казалось, чуткое ухо ловить его полетъ къ другому берегу, къ синѣющимъ и подернутымъ мглою лугамъ.

Всѣ сняли шапки. Только Автономовъ повернулъ голову на звонъ и погрозилъ кверху кулакомъ.

— Слышишь, Ваня, — сказалъ онъ, — зоветъ тебя отецъ настоятель... Благодѣтель твой... Теперь чай приметъ...

Ударъ за ударомъ, густо и часто, звеня и колыхаясь, падалъ сверху на рѣку торжественно и спокойно..

ВЪ КРЫМУ.

I.

Емельянъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ я прожилъ мѣсяца два въ Крыму.

Поселился я въ маленькомъ имѣніи Карабахѣ. Небольшой домикъ стоитъ невысоко на мысу, омываемомъ моремъ. На востокѣ плавной излучиной берегъ уходитъ къ туманнымъ скаламъ Судака. На западѣ—видъ Ялты закрытъ Аюдагомъ, съ его крутыми обрывами, на которыхъ, по преданію, стоялъ храмъ, гдѣ была жрицей Ифигенія. Отсюда нѣкогда пред-усмотрительные аборигены кидали въ море пришельцевъ, загнанныхъ къ нимъ бурей или иными случайностями, и еще теперь временами послѣ сильной збыи волны выкидываютъ на берегъ куски мраморныхъ колоннъ. Одна такая глыба, древняя капитель, сильно слаженная прибоями и почти потерявшая форму, лежитъ на крылечкѣ скромнаго карабахскаго дома...

Кругомъ усадьбы, по уступамъ горъ зеленѣютъ сады и виноградники. Снизу, даже въ тихую погоду, доносится протяжный плескъ и вздохи моря...

На склонѣ яснаго дня чудесной крымской осени я бродилъ съ однимъ изъ молодыхъ хозяевъ по тропамъ, отъ сада къ саду и отъ виноградника къ винограднику. Было тихо и пусто, гроздья винограда рдѣли подъ ласковыми косыми лучами, и отовсюду была видна синяя громада моря, по которому, безъ вѣтра, тихо вставали и падали блѣдые гребни.

Мы говорили о впечатлѣніи, которое Крымъ производить на меня, пріѣзжаго человѣка... Основнымъ ихъ фономъ было ощущеніе какой-то загадочной тоски, которая, какъ назойливая муха, преслѣдовала меня среди всей этой захватываю-

щей, ласкающей и манящей красоты и все жужжала мнѣ въ ухо что-то навязчивое и непонятное.

Мнѣ казалось, что это было ощущеніе безлюдья. Даже въ Ялтѣ и даже въ разгарѣ сезона вы чувствуете именно отсутствіе человѣка. Народу, правда, много, но все это народъ чужой этой странѣ и этой природѣ, не связанный съ ними ничѣмъ органическимъ. Просмотрите картины русскихъ художниковъ, посвященные Крыму: волна, песокъ, мглистое, затуманенное или сверкающее море, Аю-дагъ, утопающій въ золотисто-лиловыхъ отсвѣтахъ, Ай-Петри, угрюмо выступающій надъ туманами... А если къ этому прибавлены гдѣ-нибудь человѣческія фигуры,—то это только дамское платье и зонтикъ надъ грядами волнъ, или пара туалетовъ — мужской и дамскій, подобранные въ гармоніи съ основными тонами моря.

А мѣстная жизнь? Татары?.. Ихъ мы не видимъ и не понимаемъ. Кроме того это было въ разгарѣ эпидеміи татарского выселенія изъ Крыма. Въ то самое время, когда мы вели этотъ разговоръ, въ легкой мглѣ виднѣлся на морѣ далекій парусъ. Какое-то судно держалось уже нѣсколько часовъ въ виду берега, и мой спутникъ высказывалъ предположеніе, что это турецкая фелюга изъ Анатоліи. Быть можетъ, въ эту самую минуту на дальний парусъ изъ горныхъ ущелій смотрѣли жадными глазами группы крымскихъ татаръ, недовольныхъ своей чудной родиной и готовыхъ пуститься на опасные поиски новой родины и нового счастья... Безлунною ночью фелюга пристанетъ къ условленному мѣсту, гдѣ-нибудь подъ прикрытиемъ скалъ, а разсвѣтъ встрѣтить ее далеко въ обманчивомъ морѣ... Говорили, что хищные анатолійские шкиперы вывозили такимъ образомъ цѣлыхъ партии людей, грабили ихъ въ открытомъ морѣ и кидали за бортъ. А потомъ возвращались за новыми искателями счастья..

Незадолго передъ тѣмъ, большой веселой компанией мы отправились въ экскурсію на вершину Чатырдага. Вершина эта, красивымъ маленькимъ шатромъ рисующаяся снизу, въ дѣйствительности представляетъ настоящую каменную область, съ дикими оскалинами, съ лѣсами, хаосами камней и горными ластбищами. Въ ней есть двѣ пещеры, уходящія на сотни сажень въ глубину горы. Одна изъ нихъ носить название „Бимъ-башъ-коба“, что значитъ: „Пещера тысячи головъ“. Наклоняясь подъ очень низкимъ сводомъ, съ пучками свѣтъ въ рукахъ,— мы пробрались въ ея глубину. Свѣчи плохо разгоняли густой, почти осязаемый мракъ этого под-

земелья. Вверху онъ висѣлъ непроницаемый и тяжелый, а внизу на каменномъ полу свѣтилась передъ нами фосфорической бѣлизной груда человѣческихъ череповъ, въ которыхъ зияли черныя впадины глазъ. Говорятъ, въ послѣдніе годы ихъ осталось уже немного: человѣческое любопытство не останавливается ни передъ чѣмъ, и скоро беспечные туристы окончательно расташутъ эту печальную достопримѣчательность Чатырдага. Но въ это время ихъ было еще поразительно много... Постѣ яркаго дня, постѣ сверкающихъ переливовъ безграничнаго моря, постѣ беспечныхъ разговоровъ и смѣха, — это обиліе молчаливой смерти въ темномъ подземельи захватывало мрачнымъ трагизмомъ тайны... Сколько ихъ было и какой предсмертный ужасъ пережили эти люди, загнанные сюда невѣдомой грозой невѣдомой, темной старины?..

— Татаръ это! — съ угрюмой увѣренностью сказалъ кто-то за нами. Повернувшись въ сторону говорившаго, — мы увидѣли загорѣлаго, почти обугленнаго солнцемъ татарина пастуха. Онъ пасъ овецъ по сосѣдству съ пещерой и пребрался за нами.

— Нѣть, такъ это онъ... болтаешь, — сдержанно сказалъ одинъ изъ проводниковъ, но пастухъ посмотрѣлъ на него черными глазами, въ которыхъ сквозило что-то вродѣ спокойнаго презрѣнія, и повторилъ:

— Татаръ это, татаръ... Урусь пещера гонялъ... Ашай нѣту, вода нѣту... Всѣ кончатъ...

— И давно это было? — спросилъ одинъ изъ нашей компании, въ надеждѣ услышать народное преданіе, связанное съ этой невѣдомой трагедіей...

Въ глубокихъ глазахъ татарина, казалось, мелькало что-то, какъ смутная тѣнь. Онъ постоялъ молча, уставившись на груду костей... Но затѣмъ лицо его вдругъ сдѣлалось апатичнымъ.

— Э! — сказалъ онъ коротко, махнувъ съ пренебреженіемъ рукой, и отвернулся. Черезъ нѣсколько секундъ высокая фигура въ бараньемъ тулупе утонула въ густомъ сумракѣ пещеры...

Въ этомъ короткомъ восклицаніи и въ пренебрежительномъ жестѣ было что-то особенное, смутно выразительное, запавшее мнѣ въ память... Какая-то скрытая горечь непоправимой обиды, безпредметная и беспомощная жалоба намъ, потомкамъ тѣхъ урусовъ, на жестокость нашихъ предковъ, а можетъ быть и пренебреженіе фаталиста и къ намъ, и къ самой судьбѣ, которая съумѣла такъ ужасно распорядиться съ этими безвѣстно погибшими людьми.

Когда мы вышли изъ пещеры и проѣзжали горной лужайкой, на которой овцы щищали сухую сѣрую траву, — оттѣя пастухъ сидѣлъ на камнѣ, сшивая куски овчины, и пѣть горловымъ голосомъ какую-то дикую, мало внятную пѣсню... Навѣрное это была пѣсня о „тысячѣ головъ“, а въ мотивѣ мнѣ слышалась опять презрительная, безнадежная и унылая покорность...

Впослѣдствіи, когда я спросилъ обѣ этой коллекціи пещерныхъ череповъ у знатока Крыма, профессора Головинскаго, онъ засмѣялся и отвѣтилъ:

— Если бы вы спросили у генуэзца сто лѣтъ спустя послѣ татарскаго нашествія, то онъ, вѣроятно, сказалъ бы вамъ, что это черепа генуэзцевъ, которые спасались отъ татаръ. А еще ранѣе греки могли бы пожаловаться на генуэзцевъ или митридатовы понтийцы на грековъ...

Не изъ этой ли пещеры, думалось мнѣ, увязалась за мнѣ та особенная крымская тоска, которая, какъ назойливалъ муха, преслѣдовала меня среди этихъ чудесныхъ ущелій и виноградниковъ, жужжа о чѣмъ-то загадочно печальному и непонятному... Чудесный южный берегъ, находящійся нынѣ въ счастливомъ обладаніи курсовиковъ, проводниковъ, дачевладѣльцевъ и туристовъ, — представлялся мнѣ чѣмъ-то вродѣ отмели, черезъ которую, на разстояніи столѣтій, какъ волны перекатываются чередой людскія поколѣнія — тавры, скиѳы, греки, генуэзцы, татары, русскіе — въ поискахъ счастья...

Здѣсь, подъ этия солнцемъ, вблизи этого моря, оно какъ будто ближе, чѣмъ гдѣ бы то ни было... Ласкаетъ, обѣщаетъ, манить... И волны перекатываются одна за другой, одна прогоняя другую...

А счастье?..

Среди этого разговора о крымскихъ впечатлѣніяхъ и о пещерѣ „тысячи головъ“ — мы шли узкой дорожкой межъ двухъ виноградниковъ.

— А вотъ, постойте, — сказалъ мнѣ мой спутникъ, — я вамъ покажу кстати одного мѣстнаго жителя... Эй, дѣдъ Емельянъ!

Никто не отозвался. Онъ открылъ деревянную калитку, вѣдѣланную въ ограду изъ дикаго камня, и мы вошли въ виноградникъ.

Навстрѣчу намъ раздался хриплый лай собаки... Собака видимо была очень старая. Она даже не лаяла, а какъ-то

взвизгивала и хранила, поднимая голову кверху и затрудняясь встать на ноги. Лежала она у плохонького сарая, кое-какъ сооруженнаго изъ камней, старыхъ кривыхъ бревенъ и вѣтвей, и прикрыто сухими лозами. Дверь сарая была открыта, и въ нее зияла густая прохладная тьма, какая бываетъ въ знойные дни въ помѣщеніяхъ съ толстыми стѣнами и безъ оконъ... Кругомъ рядами разстился виноградникъ съ созрѣвающими гроздьями...

Новидимому, кромѣ собаки, здѣсь никого не было, по крайней мѣре никто не отозвался на окликъ моего спутника. Однако, когда мы подошли къ широкимъ дверямъ или, вѣрнѣе, къ входному отверстію сарая, то замѣтили, что тамъ было живое существо: въ темномъ углу робко притаилась молодая татарка.

Около нея стоялъ горшокъ, завязанный бѣлымъ платкомъ, иѣсколько баклажанъ и иѣсколько кочиной кукурузы. Новидимому, дѣвушка принесла дѣду ужинъ. Въ сараѣ было не-привѣтливо и пусто. Находъ сыростью и дымомъ отъ холоднаго очага, сложеннаго изъ дикихъ камней. На двухъ доскахъ, служившихъ, очевидно, лежанкой, былъ кинутъ пучокъ соломы и какое-то тряпье въ изголовьи.

— А, это ты, Биби! — привѣтливо сказалъ мой спутникъ, разглядѣвъ въ полутьмѣ свою соѣдку изъ Бюкъ-Ламбата.— А где же дѣдъ?

— По воду пошла,—отвѣтила дѣвушка, все еще недовѣрчиво сверкая глазами въ мою сторону. И потомъ, какъ будто успокоившись, прибавила, смѣясь:

— Долго ходитъ: одинъ часъ ходить, одинъ ведро несетъ...

Собака опять залаяла какъ-то особенно, съ перерывами и хрюномъ, повернувъ голову къ тропинкѣ, горбомъ спускавшейся книзу. Надѣя ся обрѣзомъ показалась голова и плечи старого человѣка, который тихо поднимался въ гору. Голова у него была красива, круглая, густые кудрявые волосы были не сѣдые, а какіе-то сѣрые, и завитки кудрей точно были присыпаны пылью. Тотъ же оттѣнокъ какой-то тусклости лежалъ на сильно загорѣломъ лицѣ, на толстыхъ бровяхъ, даже на зрачкахъ глазъ, глядѣвшихъ прямо, ровно и безучастно. Плечи были широкія, положеніе очень крѣпкое. Но во всѣхъ движеніяхъ сквозило что-то особенное. Не усталость, не болѣзненное старческое одряхлѣніе, а какая-то равнодушная медлительность. Казалось, этому человѣку было совершенно безразлично, какое именно мѣсто въ природѣ занимать въ данное время. И теперь, поднявшись на ров-

ную дорожку, онъ поставилъ ведро и совершенно равнодушно смотрѣлъ передъ собою: на насъ, на сарай, на виноградникъ, на бѣлую тучу, тихо клубившуюся надъ обрѣзомъ горы, на свою собаку... Старый песъ тявкнулъ ему на-встрѣчу съ жалобнымъ выраженіемъ, какъ будто спрашивая: видиши? Старикъ посмотрѣлъ въ его сторону, какъ бы отвѣчая: „вижу... ну, что-жъ изъ этого“. И вновь поднялъ ведро.

Казалось опять — ему не было тяжело: ни старческаго вздоха, ни кряхтѣнія, ни напряженія усилия. Движенія были свободны, только очень медленны. Мнѣ вспомнились часы, заводъ которыхъ кончается, но колеса все еще отбиваются обычными секундами... Онъ вошелъ въ сарай, поставивъ ведро у входа и, подойдя къ Биби, взялъ принесенные ею припасы.

— Здравствуй, дѣдъ Емельянъ, — сказалъ мой спутникъ. Мнѣ показалось, что въ тонѣ его чувствуется какая-то неловкость. Какъ будто подошедший сейчасъ человѣкъ, обратившій на насъ такъ мало вниманія, — имѣетъ право за что-то сердиться, или, по крайней мѣрѣ, можетъ чувствовать за собой такое право, хотя его основанія присутствующимъ неизвѣстны.

— Здравствуйте и вы, — отвѣтилъ дѣдъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Можно напиться? — спросилъ молодой человѣкъ.

— Вода, — вотъ.

Мы напились холодной воды, и наступило опять неловкое молчаніе, которое почувствовала повидимому даже Биби. Она стала собирать принесенную ранѣе посуду и какъ будто собиралась уходить. Но что-то ее всетаки удерживало. Она стояла въ темномъ мѣстѣ сарая, но нѣсколько яркихъ лучей свѣта, прорываясь въ щели, испещрили свѣтлыми пятнами ея фигуру, а одна полоса скользнула вкось по ея лицу. Мнѣ было видно въ этомъ лицѣ выраженіе почти дѣтскаго любопытства, яркаго и непосредственнаго. Ей было лѣтъ семнадцать. Движенія ея были эластичны и упруги, въ каждомъ движениі чувствовалась сдержанная юная сила, которая можетъ вдругъ неожиданно развернуться, какъ крѣпкая пружина... Она искасала кидала на дѣда и на насъ пытливые взгляды, и мнѣ казалось, что я понимаю ихъ выраженіе: она органически не могла понять этого тусклаго старческаго равнодушія, и то обстоятельство, что дѣдъ „одинъ честь ходить“ за неполнимъ ведромъ воды, — интересовало ее, какъ явленіе природы, которое она, быть можетъ, видѣла много разъ, но теперь хотѣла знать, что думаетъ объ этомъ мы...

И она слѣдила за каждымъ шагомъ старика глазами любопытнаго молодого звѣрька, готоваго юркнуть въ свою норку...

Дѣдъ по прежнему не обращалъ вниманія ни на нее, ни на насъ. Онъ сѣлъ противъ входа, на обрубкѣ, въ пространствѣ, освѣщенному солнцемъ, и, разставивъ ноги, повѣсили голову. Казалось, онъ будетъ сидѣть такъ до ночи... Биби опять отмѣтила это быстрымъ взглядомъ въ направленіи моего спутника.

— Что, дѣдъ, не можется тебѣ?—спросилъ тотъ.

— Э!

Дѣдъ махнулъ рукой, какъ будто признавая, что предметъ, о которомъ заговорили, совершенно не стоитъ вниманія.

— Что тамъ!.. Не можется... Э!.. Ничего... Старость пришла, вотъ и не можется...

— А вамъ, должно быть, много лѣтъ?—спросилъ я, тоже чувствуя какую-то непонятную неловкость и въ то же время стараясь поддержать разговоръ, готовый утихнуть.

Опять тотъ же отмахивающійся жестъ и то же пренебрежительное восклицаніе...

— Э! Много лѣтъ!.. Конечно, много лѣтъ. Старого графа хорошо помню... Конечно, лѣтъ много...

— Вы не здѣшній?

— Э-э! Не здѣшній? Конечно, не здѣшній. Черниговскій.

— Значитъ съ Украины.

— Не помню я ничего... Тутъ выросъ.

— А сюда зачѣмъ попали?

— Э! Заѣмъ?...

Онъ какъ будто усмѣхнулся. Одеревенѣвшія черты тронулись странной гримасой, точно отъ горечи.

— Заѣмъ попалъ... Э! Когда взяли маленькаго отъ отца-матери и отправили у Крымъ... То и попалъ.

Онъ опять замолчалъ, опустивъ круглую голову съ завитками сѣдыхъ кудрей... Но черезъ нѣкоторое время, точно какія-то колеса опять задвигались въ старомъ механизмѣ, началъ говорить все тѣмъ же тономъ горькаго полунасмѣшливаго пренебреженія.

— Набирали тогда... малыхъ дѣтокъ. Для климату... Потому что видите: лихорадка... Такая лихорадка была... крымская... Дюже народъ валила... Карла Людвиговичъ былъ, управляющій... И говорить грахву: надо малыхъ брать... Малые попривыкаютъ, то и не будетъ валить...

— Такъ вы, значитъ, и попали сюда?

— А какъ же? Такъ и попалъ... Когда малаго взяли и

повезли... То и попалъ... Э!.. Возьмутъ и повезутъ, то и подадешь...

Подобие улыбки прошло оиять по застывшему лицу,—улыбки, надъ моимъ непониманіемъ простого закона, что если повезутъ, то и попадешь, или надъ самымъ фактамъ, что его взяли отъ отца и матери „для климату“...

— Малый былъ хлопчикъ... отъ такой...

Онъ показалъ рукой аршина полтора надъ землей, и улыбка простила на лицѣ дѣда яснѣе. Казалось, ему самому было странно вспомнить, что и онъ когда-то былъ маленьkimъ хлопчикомъ „вотъ этакого роста“. Еще болѣе страннымъ показалось этой юной Биби, которая при этомъ удивительномъ сообщеніи вся какъ-то даже подалась впередъ...

— Люди говорили: все плакаль я... Къ матери просился, у Черниговщину... Тамъ, у Черниговщины, мѣсто ровное, хорощее... А тутъ куда ни глянь,—гора та море... Да, плакаль все. Не съ привычки... Э!

Старая голова опять наклонилась, и лучи солнца заиграли на сѣдыхъ кудряхъ: серебряныя нити засвѣтились точно изъ подъ сѣрой золы...

— А потомъ? — спросилъ я, видя, что старикъ совсѣмъ замолкъ.

Дѣдъ какъ будто удивился моему настойчивому любопытству, но все же отвѣтилъ:

— Э! Потомъ!.. Что-жъ потомъ... Извѣстно, — выросъ. До дѣла приставили.

— И сталъ дѣдъ лучшимъ садовникомъ у графа,—прибавилъ К., видимо желая подбодрить лѣниваго рассказчика лестью. Но дѣдъ все такъ же отмахнулся пренебрежительнымъ жестомъ и сказалъ вяло:

— Э!.. Конечно, научился... таки и хорошо научился. Правда. Нарядчикъ приставить на виноградникъ... скажетъ: такъ и такъ дѣлайте всѣ. А я сдѣлаю по своему... Придѣть Карла Людвиговичъ... Кто такъ сдѣлать? Это, говорить, Незамутывода Омелько такъ сдѣлалъ... самовольно... Хорошо, говоритъ, пускай же такъ и мы будемъ дѣлать по Омелькиному. Э!..

— Это васъ такъ звали: Незамутывода?..

— Э! Звали и Незамутывода... А потомъ стали звать Гайдамакою...

— Это почему?

— Э!

На этотъ разъ его восклицаніе было особенно выразительно. Дѣдъ какъ будто начиналъ сердиться на что-то, нестоящее

вниманія, по назойливо встающе въ памяти, подъ вліяніемъ
нашихъ приставаній...

— Назовутъ, какъ захочутъ... Одинъ назоветь, а люди за
нимъ... Такъ и пойдеть... То былъ Незамутывода сроду...
Родъ нашъ такъ прозывался въ Черниговщинѣ. А потомъ
Карла Людвиговичъ говорить: какой онъ Незамутывода, когда
онъ разбоянство дѣлаетъ... Его у Сибирь надо загнать. Э!..
Загоняй куда хочешь...

— А всетаки не загнали?...

— Э!.. Хочь бы и загнали... Все одно...

— Все одно... — повторилъ онъ, опуская голову, — и про-
бормоталъ совсѣмъ тихо, начиная дрематъ:

— Все одно... Чи такъ, чи сякъ... все одно...

— Дѣдъ не любить рассказывать объ этомъ, — тихо ска-
залъ мой спутникъ,—а кажется, была какая-то исторія, чуть
ли не несчастный романъ... Свѣрстники его перемерли. Оста-
лось только смутное воспоминаніе. Говорятъ,—если бы графъ
не дорожилъ отличнымъ садовникомъ,—быть бы Емельяну въ
Сибири... Ничего,—прибавилъ онъ на мой вопросительный
взглядъ,—дѣдъ глуховать, не все слышитъ.

Но дѣдъ услышалъ слово Сибирь. Онъ опять поднялъ свои
красивые сѣрые глаза и сказать съ признаками раздраженія
въ голосѣ:

— Э! У Сибирь!.. А что такое у Сибирь? Не все одно?..

— Отъ такая была,—неожиданно прибавилъ онъ, кивнувъ
въ сторону Биби, которая при этомъ какъ-то испуганно сжа-
лась.—„Умру, говорить, зарѣжуся, а то со скели кинуся у
море”... Э!.. Что тамъ! Не утопилая, пошла себѣ за другого...
Отдали, то и пошла... Когда насильно отсадутъ,—всякая пой-
детъ... И хорошо сѣдала. Дѣтей вывела, унуки пошли...
Одинъ у Оріандѣ въ садовникахъ, другой пошту зъ Алушты
гоняется... А мнѣ въ то время Карла Людвиговичъ и гово-
ритъ: что ты это, Емельянъ, здурился или какъ? Развѣ
можно на васъ тutoшнихъ неѣсть напасти. Тutoшнія дѣвки
потому что очень дорогія... тутъ отъ татаръ такой обычай
узялся, — калымъ за дѣвокъ платить... А мы для васъ, для
молодыхъ, своихъ дѣвокъ повысыпаемъ съ Черниговщины.
Этия будутъ дешевше, потому что свои, крѣпачки. Только
за провозъ... Отъ выпишемъ, говорить, и тебѣ дружину, по-
терпи...

Дѣдъ поднялся со своего обрубка и сталь у дверей: Спо-
койный закатъ освѣтилъ его бронзовое лицо и сѣрые кудри.
Золотое огромное солнце, точно сверля туманную мглу, опу-
скалось къ морю. Зыбъ томно шевелилась по всему морскому

простору, точно основа гигантского станка со снующими золотыми нитями... Тончайшая золотистая пыль перекрыла ялтинские горы и уступы далекого Ай-Тодора.

Казалось, природа, довольная собственной красотой, свътилась мягкою лаской и примиряющимъ покоемъ. Но глаза Емельяна были равнодушны и тусклы, какъ будто онъ не видѣть чарующей прелести заката или видѣть за этой золотистою мглой что-то другое: давно угасшія жизни, важного графа, управляющаго Карла Людвиговича, его неисполненное обѣщаніе. Помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ повернуль ко мнѣ свои выцвѣтшіе глаза и скакаль съ удивительнымъ выраженіемъ, переходя къ чистому малорусскому языку...

— Э!. Такъ и дѣси выпышуе. - Царство небесне. Вже сорокъ літъ у могыли лежыть...

И опять пренебрежительно махнулъ рукой...

Я чувствую, что черными значками на бѣлой бумагѣ нѣть возможности передать всю выразительность и силу этого короткаго восклицанія и этого жеста, освѣщеныхъ ослѣпительно-прекраснымъ священнодѣйствиемъ природы. Этотъ человѣкъ какъ будто зналъ что-то объ этой обольстительной картинѣ... Что-то такое, что, собственно, не стоило ни горячаго негодованія, ни ненависти, ни злобы, о чёмъ не стоить пожалуй и разговаривать... Да, все это блестить, ласкаеть, обѣщаетъ и манить. А онъ всетаки знаетъ свое... И онъ знаетъ также, что все это *могло бы* быть именно тѣмъ, чѣмъ кажется. И для этого нужно только еще что-то, не очень многое и не трудное. Стоило во-время сказать какое-то слово, сдѣлать какое-то движеніе... Во-время выписать невѣсту... что ли... И стало бы свѣтло, и ярко, и радостно, и правдиво, и значительно. Все было бы спокойствiemъ и счастьемъ... Но это что-то не сказано, не сдѣлано, не написано въ свое время. И *никогда* это не дѣлается, не говорится, не пишется во-время. И графы, и Карлы Людвиговичи умираютъ раньше, невѣсты остаются не выписанными. И не можетъ быть, чтобы когда-нибудь выписывались во-время... хотя и возможно, и не трудно, и разумно...

Э!. Онъ это знать рѣшительно и безповоротно...

Э!. Тутъ не о чёмъ и толковать, и онъ удивляется, что намъ нужно отъ него въ этотъ обманчиво-красивый вечеръ и что намъ за охота разспрашивать и толковать о томъ, что было, что должно было быть по иному, но иначе быть всетаки не могло... Онъ отмахнулся и ушелъ въ свою темную, сырватую конуру и легъ, заложивъ руки за голову, на низкий тапчанъ, прикрытый соломой и негодною рухлядью. Онъ

закрылъ глаза и лежалъ не то усталый, не то просто равнодушный къ намъ и къ закату, и къ рѣжущимъ полосамъ свѣта, все еще пробиравшимся въ щели сарая... Не чувствовалось, чтобы онъ гореваль или сердился, но онъ явно не видѣлъ основаній для продолженія разговора. Все уже было сказано этимъ пренебрежительнымъ восклицаніемъ и жестомъ, все — обѣ этомъ вечерѣ, и обѣ остальныхъ вечерахъ, и обо всей природѣ, и о нась, быть можетъ еще ожидающихъ своихъ невѣсть, и о Биби, которая напоминаетъ такую же дѣвушку, жившую полстолѣтія назадъ, и обо всѣхъ, кто интересуется всѣмъ этимъ, что должно быть иначе, но иначе не будетъ... Не будетъ, не смотря на то, что лишь какая-то тоненькая перегородка отдѣляетъ этотъ міръ, заслуживающій только пренебреженія, отъ другого, яркаго, и сверкающаго, и дѣйствительно прекраснаго, и исполняющаго свои обѣщанія. Но никогда и никто не пробѣтъ эту ничтожную перегородку. И толковать нечего, и незачѣмъ его дальше разспрашивать, потому что онъ все сказаль, и больше ему сказать нечего... И если мы будемъ всетаки еще чѣмъ-то интересоваться и продолжать свои допросы, то онъ все равно не отвѣтить и. можетъ быть, вдобавокъ, если ему будетъ не лѣнъ, — нась обругаетъ...

Хотя, конечно, и этого не стоить...

Э!.. Въ сараѣ уже не видно свѣтлыхъ полосъ... Сыровато и прохладно. Скоро ночь. . . . .

Такъ мы оба поняли и короткое восклицаніе, и пренебрежительный жестъ старого дѣда и переглянулись съ недоумѣвающимъ и отчасти растеряннымъ видомъ. Повидимому, такъ же поняла его и семнадцатилѣтняя татарка съ глазами, которые еще такъ недавно безсознательно свѣтились солнцемъ и красотой этой природы. Теперь она ихъ потупила и стала быстро завязывать платкомъ посуду. Сдѣлавъ это, она надвинула на лицо чадру и тихо, какъ кошка, прошмыгнула въ дверь. Стройная фигурка, вся полна жизни и ея обѣщаній, замелькала межъ рядами виноградныхъ лозъ, скрылась въ калиткѣ, зарисовалась на короткое время на высокой горной тропинкѣ и исчезла за поворотомъ.

Мы тоже пошли изъ виноградника, не тревожа дѣда прощаніемъ. Мой молодой спутникъ чувствовалъ себя, повидимому, какъ-то раздраженно и неспокойно. Поднявъ съ дорожки кусокъ шиферного сланца, онъ выwróciлъ его такъ сильно, что камень черною точкой долго летѣлъ надъ уходящими внизъ уступами.

— Чортъ знаетъ.. — сказалъ онъ раздраженно, когда ка-

мень, еще не успѣвъ упасть, исчезъ въ золотистыхъ сумеркахъ.—Чортъ знаетъ, что за глупая исторія... „Выныше и доси“... Шопенгауэръ какой-то...

— Однако,—прибавилъ онъ, быстро пройди нѣкоторое разстояніе и опять сердито останавливалась.—Вѣдь пришла же потомъ воля... Могъ бы, кажется, устроить жизнь по своему.

— А сколько ему лѣтъ?—спросилъ я.

— Много что-то. Говорятъ, около девяноста.

— А воля въ шестьдесятъ первомъ. Когда она пришла... жизни пожалуй уже не было...

Поздно вечеромъ послѣ ужина я вышелъ къ морю.

Спать не хотѣлось. Какія-то смутныя, но неотвязныя мысли лѣзли въ голову, незаконченныя, неразрѣшмыя, скучныя. Мѣсяца не было. Закатъ давно угасъ, звѣзды поглотила стѣпная, широкая мгла. Море стало невидимо и плескалось о берегъ непривѣтливо и сердито. Чудились въ этомъ плескѣ какія-то невнятныя рѣчи. мелькали фантастические паруса, упывающіе въ безвѣстную даль съ искателями новой родины, слышался ропотъ, напоминанія, требования, жалобы, домогательства, гнѣвъ и печаль... И потомъ все на время смолкало и только короткий, отрывистый, апатичный доносился усталый вздохъ прибоя, странно напоминавшій мнѣ пренебрежительное восклицаніе Емельяна.

Это становилось невыносимо, и я пошелъ отъ моря. Гory высились передо мной сплошною безформенною массой, въ которой глазъ не различалъ уже ни уступовъ, ни виноградниковъ, ни деревьевъ. Въ одномъ только мѣстѣ на неопределенней высотѣ горѣлъ огонекъ, какъ будто повисшій надъ темною пропастью. Порой онъ угасалъ и опять разгорался. Я угадывалъ, что это въ шалашѣ у старика Емельяна...

Меня потянуло туда. Болтливый голосъ прибоя все еще лѣзъ въ уши, приставая со своими невнятными и безмыслимыми, хотя всетаки живыми рѣчами, а тамъ у этого огня я какъ будто оставилъ что-то неразрѣшенное и недосказанное, что нужно и легко было додумать и досказать. И тогда назойливая тоска этого вечера разрѣшится для насъ обоихъ: для меня и для Емельяна...

Хриплая собака опять затянула свой жалобный прерывистый вой. Емельянъ не спалъ. Онъ медленно поднялся съ лежанки, взялъ ружье и, неторопливо подойдя къ выходу, взглянулъ въ темноту.

— Кто тутъ? Какой человѣкъ ходить? — спросилъ онъ своимъ ровнымъ старчески-безстрастнымъ голосомъ...

То, что мнѣ нужно было сказать и чтоказалось такъ легко

было найти, — не приходило. Чтобы выиграть время, я сказалъ, что запоздалъ въ горахъ и пошелъ на его огонекъ.

Емельянъ не удивился. Онъ повѣсилъ ружье на гвоздь, вбитый въ столбъ у лежанки, сѣлъ и подбросилъ нѣсколько вѣтокъ съ сухими листьями.

— Такъ вы тутъ и живете? — спросилъ я, оглядываясь на задымленныи стѣны, освѣтившіяся недолгимъ свѣтомъ.

— Э! Такъ и живу, — отвѣтилъ Емельянъ благодушно. — Какъ-же-жъ иначе? Всійчай человѣкъ живеть, какъ ему Богъ дастъ... Спасибо хочъ татарину Алію: живи, каже, у меня, съ собакою. Собака старая и дидъ старый, а всетаки выходитъ калавуръ. Добрый, дармѣ что татаринъ... Ну, и то еще сказать: лестно ему... Первый графскій садовникъ у него за виноградникомъ доглядуетъ...

Въ голосѣ старика пробилась замѣтная нотка юмора, но тотчасъ онъ прибавилъ съ обычнымъ выраженіемъ:

— Э!..

То, что я хотѣлъ сказать, не приходило, но я всетаки началъ говорить, чувствуя сразу, что ни слова, ни тонъ моего голоса неспособны пробить ту тонкую пленку, за которой скрывалось наше взаимное человѣческое пониманіе...

— Слушайте, Емельянъ, — сказалъ я. — Вотъ я человѣкъ пріѣзжий. Черезъ недѣлю уѣду, и больше мы не увидимся...

— Ну? — сказалъ Емельянъ безстрастно, и тонъ этого вопроса подчеркнулъ для меня неудачность и ненужность того, что я собирался сказать.

— Ну, однимъ словомъ... все равно, — продолжалъ я съ досадой на себя: — я хотѣлъ спросить у васъ: можетъ вамъ что-нибудь нужно или чего-нибудь хочется...

— Э!..

— И если бы я могъ что-нибудь сдѣлать для васъ, то былъ бы радъ сдѣлать...

— Э!

Онъ равнодушно легъ на лавку и заложилъ руки за голову.

— Чего мнѣ хочется? — заговорилъ онъ безстрастно. — Ничего не хочется. Живу, слава Богу, хочъ у татарина... Чего хочется? Заснуль бы, такъ и сна что-то нема. Э!..

Сухіе листья и тонкія вѣтки дрогорѣли. Тѣлья только криевые корни виноградныхъ чубуковъ, плохо освѣщаая темноту шалаша... И въ этой тьмѣ меня охватило странное, беспокойное ощущеніе. Я не могъ вспомнить лица Емельяна, и мнѣ показалось, что вмѣсто него лежитъ на лежанкѣ кто-то другой, мало знакомый, но памятный. Да, вѣрно: это мнѣ вспомнился вдругъ татаринъ-чабанъ у пещеры „тысячи го-

ловъ"... Тотъ же характерный жестъ и то же восклицаніе, и тотъ же тонъ: бесполезной и беспомощной, давно погребенной жалобы и покорного пренебреженія... И мнѣ казалось, что надо мной сомкнулись темные своды подземной пещеры, и вспышка огня должна освѣтить фосфорическую груду бѣлыхъ костей...

Ощущеніе было такъ сильно, что я даже удивился, когда опять раздался ровный голосъ Емельяна, какъ будто вспоминавшаго что-то совершенно стороннее:

— Холодно... Оттого вѣрно и сна нема. Кожухъ развалился, а новаго Алій не спрavitъ. Но таки не за что! Ночи холодныя другой разъ... То оно и того... Оно бы можетъ другой разъ и заснулъ, а не заснешь... Вотъ и палю старые чубуки... Алій ничего не говоритъ, а оно таки того... оно таки татарину убытокъ...

Онъ замолчалъ, можетъ быть даже задремалъ... Я больше не спрашивалъ. Это всетаки было похоже на желаніе, и съ этимъ открытыемъ я осторожно выпелъ изъ сарая. Было тихо, даже собака не сочла нужнымъ тявкнуть при моемъ проходѣ.

Черезъ недѣлю я уѣхалъ изъ Карабаха. Когда пароходъ вечеромъ огибалъ гору Біюкъ-Ламбата, я взглянулъ кверху, отыскивая мѣсто Аліева шалаша. Огня тамъ не было.

Емельяну, кажется, къ тому времени уже спрavили кожухъ, и чубуки татарина Алія оставались въ сохранности.

II.

Рыбалка Нечипоръ.

Передъ заходомъ солнца нашъ пароходъ прошелъ черезъ проливъ и издали огибалъ керченскія горы.

Керчь расположена у подножія высокаго мыса, надъ которымъ господствуетъ полукруглая большая гора. На самой ея верхушкѣ виднѣется еще холмъ, рисующійся въ небѣ своеобразнымъ, какъ будто искусственнымъ силуэтомъ. Самое положеніе этого кургана порождаетъ невольную идею о комъ-то, стоящемъ на его вершинѣ и обозрѣвающемъ съ наиболѣе возвышенного пункта плоскій просторъ Азовскаго моря, Кубанская степи, проливъ, перешеекъ и за нимъ — безконечную даль Черноморья.

— Видите вы этотъ курганъ? — сказалъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ по пароходу. — Существуетъ преданіе, будто на немъ стоялъ когда-то золотой тронъ Митридата, царя понтийскаго, который обозрѣвалъ отсюда свои владѣнія...

— Нѣтъ, не тронъ, — вмѣшался другой. — Тутъ стояла золотая статуя самого Митридата...

— Върно, — подтвердилъ еще кто-то изъ пассажировъ по прощѣ. — Теперь эту самую статуу ищутъ въ горѣ. Всю гору изрыли эти... какъ ихъ: археологи, что ли.

Такъ простодушная молва объяснила въ то время, а можетъ объясняетъ еще и теперь знаменитыя керченскія раскопки.

Солнце сильно склонилось уже къ Митридатовой горѣ, когда пароходъ, обогнувъ моль, подошелъ къ пристани. Синія тѣни сползали съ горы, укутывая бывшую столицу pontijskаго царства, и въ этомъ освѣщеніи еще усиливалось странное, не вполнѣ современное впечатлѣніе отъ этого скифско-греко-татарско-русскаго города.

Миѣ предстояло здѣсь ночевать, и, наскоро нанявъ плохонькій номеръ въ какомъ-то двухъэтажномъ домѣ изъ сѣраго камня съ плоскою крышей, я поспѣшилъ окунуться въ эту своеобразную атмосферу, насыщенную запахомъ моря, известковою пылью и смутными историческими воспоминаніями.

Улицы мѣстами круто всползали на бока Митридатовой горы, такъ что порой подошва одного дома стояла въ уровне съ крышей другого. Въ перспективѣ одной изъ такихъ улицъ, прямо передо мной виднѣлась широкая лѣстница, раздваивающаяся плавными уступами подымавшаяся на гору. Это было нечто въ стилѣ афинскихъ пропилеевъ, и я поспѣшилъ къ бронзовой доскѣ съ надписью, водруженной въ стѣнѣ, ожидая встрѣтить указаніе на какую-нибудь реставрированную pontijsкую древность. Но меня ждало разочарованіе. На доскѣ было написано, что сія лѣстница сооружена въ 187... году, „изждивеніемъ купеческаго брата такого-то“. Во всякомъ случаѣ, лѣстница была очень удобна, а за ней, въ полутора горѣ мени манило какое-то зданіе въ строго античномъ греческомъ стилѣ, съ портикомъ и колоннадой. На темной крышѣ еще горѣть въ одномъ углу послѣдній лучъ уходящаго за гору солнца. Прохладная синяя тѣнь скрывала издали жалкую облупленность потрескавшихся старыхъ стѣнъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что и сіе сооруженіе тоже новѣйшаго происхожденія, воздвигнутое въ память севастопольской кампаніи изждивеніемъ россійской казны, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, его сравнительно быстрое разрушеніе. Но въ чась наступавшихъ южныхъ сумерекъ и особенно въ томъ моемъ настроеніи, эта новѣйшая древность имѣла, казалось, видъ почтенной мечтательной старины, и я съ жадностью празднаго туриста поднялся по ея покосившимся каменнымъ ступенямъ...

Видъ отсюда еще расширился. Смягченный разстояниемъ, гулъ пристанской жизни долеталъ снизу какъ будто приглушенный, мечтательный, смутный. Нижнія улицы задернулись тѣнью и пылью. современный городъ какъ будто уходилъ куда-то, уступая мѣсто сумеречнымъ фантазіямъ. Мое „историческое“ настроеніе охватывало меня все полнѣе, вызывая смутныя тѣни прошлого. Не отдавая себѣ полнаго отчета въ своихъ намѣреніяхъ, я задумчиво отвернулся отъ города и пошелъ вдоль восточной стѣны храма, прислушиваясь къ гулкимъ отголоскамъ собственныхъ шаговъ по камню...

Но черезъ минуту мнѣ пришлось остановиться. Обогнувъ еще одинъ уголъ, я очутился позади храма, въ пространствѣ, довольно тѣсно ограниченномъ уступами горы, и здѣсь иллюзія одиночества была разрушена самимъ неожиданнымъ образомъ, — сѣверный портикъ оказался населеннымъ.

Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза фигура старика, сидѣвшаго подъ одной изъ колоннъ въ пространствѣ, нѣсколько лучше освѣщенномъ, и занятаго дѣломъ: снявъ рубаху, онъ что-то искаль въ ней съ сосредоточеннымъ видомъ... Нѣсколько далѣе, подъ стѣной группы грязно одѣтыхъ людей расположилась очевидно на почлегъ. Двое или трое уже спали, какъ будто торопясь высматривать наступленія ночи, другіе лежали на каменномъ полу... Еще дальше нѣсколько человѣкъ играли въ карты. Тутъ были люди въ фескахъ, и люди въ широкополыхъ шляпахъ и въ какихъ-то грязныхъ повязкахъ, напоминавшихъ чадмы...

Мое появленіе, повидимому, удивило ихъ такъ же, какъ удивился я, такъ неожиданно выведенный изъ своего иллюзорного одиночества. Старикъ безъ рубахи прекратилъ свое занятіе и уставился въ меня наивными круглыми глазами... Въ группѣ вставшихъ двое или трое приподнялись на локти. Одинъ изъ играющихъ занесъ руку съ картой, которая должна была энергично прихлопнуть карту партнера — и остановился, слегка разинувъ ротъ отъ удивленія. Другой вскочилъ на ноги и смотрѣлъ то на меня, то на уголъ, изъ-за которого я появился, какъ будто не вѣря, что я забрель сюда одинъ, и ожидая появленія болѣе многочисленной компании...

И тотчасъ, разумѣется, сообразилъ всѣ выгоды этого предположенія для меня, одинокаго фланера, такъ безопасно забредшаго сюда съ биноклемъ въ рукахъ и дорожной сумкой черезъ плечо, въ которой вдбавою были деньги. Поэтому, не прибавляя шагу, съ видомъ заинтересованного, отчасти даже дѣлового человѣка поглядывая на колонны, потолокъ и стѣны. — я прошелъ вдоль колоннады, свернувъ за уголъ и опять вы-

шелъ на съверный порталъ. Спустившись съ нѣсколько жуткимъ ощущенiemъ по гулкимъ каменнымъ ступенямъ и отойдя на нѣкоторое разстояніе, я оглянулся назадъ... Старый храмъ стоялъ въ прежнемъ почтенномъ безмолвіи, ничѣмъ не обнаруживая присутствія своихъ обитателей или ихъ дальнѣйшихъ намѣреній по отношенію къ моей особѣ. Только впереди, надъ первой площадкой лѣстницы, сооруженной изъ дивнѣемъ купеческаго брата, — стояла одинокая фигура. Какой-то человѣкъ, повидимому только что поднявшійся снизу, стоялъ въ недоумѣлой позѣ и оглядывался, какъ будто разыскивая кого-то среди этихъ пустырей и обрывовъ...

Видъ у незнакомца былъ нѣсколько какъ бы потускнѣвшій, но совершенно приличный и далеко не напоминавшій живописныхъ лохмотьевъ только что покинутой мною почтенной компаніи. На немъ былъ стеганный на груди кафтанъ, изрядно выцвѣтишій на плечахъ, но совершенно цѣлый. На ногахъ виднѣлись грубые сапоги, какіе бывають у рыбаковъ, слегка потрескавшіеся отъ морской воды или известковой пыли, широкіе штаны въ голенища и порыжѣлый суконный картузъ. Суди по всему, и эта одежда, и ея хозяинъ видѣли когда-то, быть можетъ еще недавно, лучшіе дни... Когда я, сойдя съ лѣстницы храма, подходилъ къ нему по мягкой пыльной тропинкѣ, — онъ стоялъ ко мнѣ спиной и все продолжалъ разыскивать кого-то глазами. Заслышивъ мои шаги совсѣмъ близко, онъ вздрогнулъ и повернулся.

Лицо у него было еще не старое, загорѣлое и обвѣтренное. Бѣлокурые небольшіе усы выдѣлялись на этомъ загарѣ, точно присыпанные свѣтлою пылью. Въ сѣрыхъ глазахъ на мгновеніе мелькнуло что-то вродѣ беспокойнаго испуга и тотчасъ же исчезло.

— А, — это вы, — сказалъ онъ, съ какимъ-то лѣнивымъ любопытствомъ оглядывая мою фигуру. — А я ужъ думаю себѣ: куда дѣвался?..

— Да вы развѣ меня видѣли раньше? — спросилъ я, удивленный догадкой, что повидимому незнакомецъ именно меня искалъ глазами.

— Видѣлъ, — отвѣтилъ онъ, кивая головой по направлению лѣстницы. — Идеть человѣкъ у гору. Думаю: навѣрно до Мытырдата... До его? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Нѣтъ... Такъ, просто пошелъ на гору. Я пріѣзжій...

— А сейчасъ гдѣ были?

— Вонъ тамъ... Церковь это, что ли?..

— Кто его знаетъ... Церкви вѣрно была. Теперь такъ стоить... пустка... А вы что же... и кругомъ ходили?

— Ходилъ и кругомъ...

Онъ быстро взглянулъ на меня, но тотчасъ опять отвелъ глаза... — Что же тамъ... никого не было?

— Нѣть, были какіе-то люди... Что за народъ?..

— Такъ... народъ усякій... Которые по прыстанямъ... Ну, больше тутъ шукаютъ усё... на горѣ...

— Чего?..

— Э!

Онъ махнулъ рукой и отвѣтилъ, немного помолчавъ и какъ-то неохотно:

— Вчерашняго дня шукаютъ... извѣстно... До Мытрыдата пойдете?.. Или назадъ, у городъ?..

Я вышелъ изъ гостиницы безъ опредѣленнаго плана, но теперь перспектива подняться на вершину и взглянуть на широкія понтійскія дали съ того самаго кургана, съ кото-раго, быть можетъ, обозрѣвалъ ихъ давно умершій владыка давно исчезнувшаго царства — показалась мнѣ довольно заманчивой. Правда, становилось поздно. Гѣнь отт горы, уку-тавшая городъ, ползла все дальше по морю. Но вдали, за ея предѣлами море еще сверкало, и на его синевѣ свѣтились три-четыре паруса. До вершины казалось не далеко. Къ тому же судьба, повидимому, послала мнѣ спутника.

Я опять взглянулъ на незнакомца. Онъ показался мнѣ че-ловѣкомъ довольно пріятнымъ. Я люблю вообще задумчивыя лица, а на грубоватомъ лицѣ этого человѣка лежалъ отпе-чатокъ какой-то глубоко засѣвшей, затаеннай заботы, мысли, быть можетъ даже мечты. Сѣрые глаза глядѣли тускловато, точно изъ-подъ завѣсы... Или будто взглядывались во что-то дальнеѣ того предмета, на который были направлены... Къ тому же по манерѣ, съ какой онъ оглядывалъ гору и спра-шивалъ меня,—мнѣ показалось, что онъ какъ будто имѣеть къ этимъ мѣстамъ какое-то лѣтовое отношеніе. Быть можетъ сторожъ?.. Или надемотрищикъ надъ раскопываемыми могиль-никами,—подумалъ я и сказалъ:

— Пожалуй, я бы пошелъ. А развѣ вамъ туда же?

— Не то, что туда... А такъ... — отвѣтилъ онъ съ своимъ печально-лѣнивымъ спокойствіемъ... — Отчего не пойти. Пой-ти можно...

— Не поздно?—усумнился я еще, оглядываясь на море, все дальше захватываемое тѣнью. Нѣкоторые изъ стайки па-русовъ, еще недавно сверкающие надъ волнами, теперь по-гасли, слившись съ холодными тонами воды, и только одинъ еще убѣгалъ отъ тѣни на сѣверъ, въ дальней полоскѣ земли... Съ юга, изъ пролива выбѣгалъ пароходъ.

— Рыбаки это, на Тузлу, — сказалъ незнакомецъ, слѣдившій взглядомъ за парусомъ, и потомъ, какъ бы вспомнивъ о моемъ вопросѣ, онъ сказалъ:

— Нех... чего поздно?.. Не поздно. А то, какъ себѣ хочете...

Мой пароходъ долженъ быть уйти завтра на разсвѣтѣ, и я приказалъ уже въ гостиницѣ разбудить меня въ 4 часа. Значитъ, утромъ я не успѣю побывать на Митридатовомъ курганѣ... Поэтому я рѣшительно двинулся по тропѣ кверху... Незнакомецъ еще постоялъ, глядя на море, и затѣмъ поспѣдовалъ за мною своей неторопливой, развалистой и нерѣшительной походкой...

Тропинка вилась на гору, то пролегая по большими горизонтальными площадкамъ, то круто взираясь на уступы или спускаясь въ широкія углубленія. Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось пройти черезъ раскрытый и раскопанный могильникъ. Повидимому онъ былъ расхищенъ уже давно: размытыя дождями стѣны обвалились, но кое-гдѣ были свѣжія вылемки... Мѣстами виднѣлись темныя круглые отверстія, точно стрижинныя гнѣзда, очевидно продѣланныя щупами. Все указывало на продолжающіеся дѣятельные поиски въ недрахъ исторической горы.

Выйдя изъ этого могильника, я остановился. Здѣсь опять было видно море, далеко сливавшееся съ небомъ, на которомъ тихо клубились мглистыя облака... Направо, точно на планѣ, виднѣлся анапскій перешеекъ, а съвериѣ тянулась еще полоска земли, неподвижная на зыбающемъ морскому просторѣ... Пароходъ, недавно выбѣжавшій изъ перешейка, торопливо поворачивалъ, оставляя за собой широкій кругъ и разстилая длинный хвостъ дыма...

Моего спутника рядомъ со мной не было, по, взглянувъ винзъ, я увидѣлъ его подъ своими ногами въ могильникѣ. Онъ стоялъ у одного изъ круглыхъ отверстій, продѣланныхъ щупомъ въ стѣнѣ, и, засунувъ руку, шарилъ тамъ медленно и лѣниво, какъ человѣкъ, который не знаетъ, умно или глупо то, что онъ дѣлаетъ, слѣдуетъ ли ему продолжать или бросить. Обшаривъ одно отверстіе, онъ подошелъ къ другому, къ третьему, потомъ пропустилъ два или три, потомъ опять вернулся къnimъ, постоялъ, подумалъ и опять засунулъ руку...

Замѣтивъ, что я стою надъ nimъ на краю обрыва, онъ оборвалъ свое занятіе, какъ будто стыдясь его, и сталъ неторопливо подниматься ко мнѣ.

— Что вы тамъ дѣлали? — спросилъ я, заинтересованный его таинственными манипуляціями.

— Э! Такъ... ничего,—отвѣтилъ онъ неохотно,—глупости усѣ...—И затѣмъ, видимо съ цѣлью перемѣнить разговоръ,—кинулъ головой въ направлениі къ морю.—Это вонъ самая Тузла синѣтъ... Народу тамъ много... рыбалки усѣ конопатятся, рыбу ловлять. Лѣто и зиму, одnymъ словомъ круглый годъ.

— Хорошо зарабатываютъ?

— Кто? Рыбалки?.. Чорта лысого... Греки хорошо зарабатываютъ, конечно, и изъ нашихъ которые хозяева. Имѣетъ, напримѣрно, свою счастье, то и зарабатываетъ... А рыбалки... Э!..

Однако безучастно пренебрежительное выраженіе на мгновеніе сбѣжало съ его лица...

— Бываетъ другому счастье, если котораго человѣка рыба полюбитъ. Ну тогда уже одинъ такой попадется,—уся артель разбогатѣетъ... Что ци закинь,—идеть и идеть... А другой, который безсчастный, на томъ же мѣстѣ закинетъ—нѣть ему ничего...

Онъ говорилъ на томъ своеобразномъ нарѣчіи, въ которомъ русскій говоръ смѣшивается съ малорусскимъ въ своеобразную новороссійскую смѣсь... Русскія окончанія онъ часто смигчалъ на украинскій ладъ, и казалось тонъ его рѣчи становился отъ этого еще мягче и печальнѣе...

— Вы родомъ не изъ Украины?..—спросилъ я.

— Изъ Полтавщины... можетъ знаете?..

— Знаю. Хорошая сторона.

— Хорошая,—повторилъ онъ.—Лучше этой стороны нѣть на свѣтѣ... Во снѣ приснится, — день не свой ходишь... На свѣтѣ здѣшний не глядѣль бы: гора да море, только и всего.

— Что же? Собираешься домой?

Онъ опять посмотрѣлъ на меня тѣмъ же тусклымъ взглядомъ и сказалъ грубовато:

— На какого черта я пойду?.. Ни земли, ничего... Наши порта не бралъ годовъ можетъ десять... Вернешься,—за всѣ десять годовъ недоимку подавай...

— За что же? Если вы землей не пользовались?..

— Ну, не пользовался... То всетаки она моя?.. Или какъ?.. Если землю не отдадутъ,—чего я тамъ не видѣлъ?.. А землю дадутъ,—ты за ее взяться. Э!..

Онъ опять посмотрѣлъ куда-то дальше Тузлы и дальше туманного горизонта,—и потомъ сказалъ:

— Хлопцемъ я былъ, подросткомъ... Ватько взялъ съ союю у Крымъ,—счастья шукать... Нашелъ счастье: подъ Тузлою, у синимъ мори... Я остался годовъ восемнадцати. Было-бы мнѣ домой идти, такъ не захотѣлъ: думалъ,—батько не на-

щель долю, а я таки найду, со дна моря достану проклятую... Вернусь до дому съ деньгами, хату новую построю, воловъ кулию, тогда буду жениться... Э!..

— Ну, пойдемъ до Мытрыдата, а то поздно дѣлается, — оборвать онъ вдругъ какимъ-то новымъ, рѣзкимъ тономъ.

До вершины оказалось дальше, чѣмъ я думалъ. Мы опять поднимались на крутизну, опять переходили черезъ разрытые могильники, и опять мой спутникъ порой отставалъ и совалъ руки въ круглый отверстія... Наконецъ мы взошли на гору и стояли у кургана, который мнѣ показывали снизу. Только здѣсь, вблизи, трудно было охватить взглядомъ его очертанія: онъ былъ разрѣзанъ и разметанъ. Кругомъ сохранились неровные сѣды глубокой канавы, и въ центрѣ — круглое возвышеніе, служившее, быть можетъ, основаніемъ башни...

Если легенда о Митридатѣ не пустая сказка, то нужно признать, что древній царь обладалъ вкусомъ. Видъ былъ широкій, необозримый и прекрасный. Внизу сквозь фиолетовую мглу прорѣзались кое-гдѣ огоньки города... Они мерцали также на мачтахъ судовъ, стоявшихъ въ бухтѣ. Жизнь пристаней уже почти затихла. Порой еще громыхнетъ гдѣ-то якорная цѣнь и изнеможено прошепитъ въ вечерней мглѣ и пыли тяжелый домкрать, заканчивающій дневную работу. Шароходъ, описывая большой кругъ и оставляя фосфорическій слѣдъ, огибаетъ моль, направляясь къ пристани... Свистокъ его, смягченный разстояніемъ, звучалъ, какъ рожокъ или флейта... А дальше за гладью моря скорѣе угадывался, чѣмъ виднѣлся просторъ засыпающихъ черноморскихъ степей...

Солнце уже совсѣмъ сѣло, но на вершинѣ горы было свѣтлѣе. Подъ пами, нѣсколько въ сторону виднѣлась крыша стараго храма, и мнѣ показалось, что подъ портикомъ и вижу нѣсколько снующихъ маленькихъ людскихъ тѣней. Быть можетъ имъ тоже была видна моя фигура на вечернемъ небѣ, и они слѣдили за страннымъ туристомъ, разъ уже нарушившимъ ихъ вечерній покой.

Мой спутникъ опять отсталъ, и я увидѣлъ его во рву, окружавшемъ курганъ. Отъ шариль по прежнему рукой въ норѣ такъ ожесточенно, что, казалось, вывернетъ плечо. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся изъ темноватой ямы на свѣтъ и подошелъ ко мнѣ. Въ рукахъ у него былъ какой-то продолговатый, темный предметъ. Онъ скоблилъ его короткимъ ножомъ, и на его лицѣ виднѣлось выраженіе странной заинтересованности и любопытства.

— Это никуда негодный шлакъ,—сказалъ я, приглядѣвшись къ его находкѣ.—Смѣло можете бросить. Да что вы это тутъ ищете?

— Э!—отвѣтилъ онъ, продолжая всматриваться въ темный предметъ. Потомъ, подумавъ и пытливо взглянувъ на меня,—бросилъ его внизъ, но глаза его слѣдили за паденiemъ шлака съ выражениемъ нерѣшительности и сомнѣнія.

— Глупости, вѣрно... А только такъ люди болтаютъ, что будто тутъ, у горы гдѣ-то...

Онъ понизилъ голосъ, оглянулся и закончилъ:

— Будто золотой Мытрыдатъ лежитъ закопаный. Правда?

— Пустяки!—отвѣтилъ я, невольно улыбаясь.

— Пустяки?—переспросилъ онъ съ оттѣнкомъ неудовольствія.—Э!.. Да я-жъ и самъ думаю такъ, что глупости. Ну, когда же опять ученые люди копаютъ. Зачѣмъ? Неужели же дурно? Сколько можетъ тысячъ извели, усю какъ есть гору ископали.

— Ну, вотъ и судите сами: все же не нашли никакого Митридата.

— Ну, не нашли. Правда.

— А то, что имъ нужно—находить.

Онъ поднялъ на меня тяжеловатый взглядъ и сказалъ опять съ признаками раздраженія:

— Такъ... Вотъ вы говорите; что имъ нужно... Это значить плошечки да мисочки и тому подобное?.. Никогда не повѣрю! Глаза отводятъ... Ну, только опять и Мытрыдата имъ не найти. Ни-икогда! Не дастся онъ имъ у руки...

— То-есть, постойте, кто же это не дастся?

— Онъ! Говорю же я вамъ, Мытрыдатъ самый. Значить, сколько сотъ лѣтъ у горы этой лежитъ... все своего человѣка дожидается. Ученые, можетъ, коло него сколько разовъ проходили... можетъ и руками трогали: земля и земля, или вотъ такой камень... А придетъ такой себѣ простой человѣкъ, что никакой и науки не учился. И можетъ его узять голыми руками.

— Постойте,—остановилъ я:—вѣдь вы же говорите,—онъ, Митридатъ этотъ, золотой. Значить все равно, что чурбанъ, бревно, камень... Какъ же онъ можетъ хотѣть, не хотѣть, даваться, не даваться?

— Золотой, вѣрно... Ну, однако, всетаки: когда-то царь былъ...

Мнѣ показалось, что лицо его поблѣднѣло, а сѣрые глаза, пытливо всматривавшіеся въ меня, стали темнѣе и глубже. Видя, что я опять улыбнулся, онъ махнулъ рукой и сказалъ, переходя къ своему обычному тону задумчивой апатіи и сомнѣнія:

— Э!.. Вы вотъ, конечно, смѣетесь. Не вѣрите. Отецъ мой,

царство небесное, тоже не въриль. Никакъ. Бывало на Тузлѣ, на островѣ съ рыбалками у огня лежимъ, на гору эту смотримъ... А какъ солнце сядетъ, то гору эту черезъ море дуже хорошо видать. Небо свѣтлое, а гора темная... Вотъ бывало рыбалка какой-нибудь и скажеть: „Э! работаемъ, работаемъ, море холодное вымочить, вѣтеръ холодный обсушить, а толку ничего нѣть. Только однѣ хворобу пожинешь... Было бы другое счастье, пошелъ бы золотого Мытрыдата шукать... Навѣкъ можно отъ одного разу счастливымъ сдѣлаться“. То, бывало, батько ругается: „Дурные вы, дурные, чemu вѣрите!.. Это-жъ, говорить, грѣхъ. Усякій человѣкъ знай свое дѣло: кидай счастье у море, тамъ себѣ лучшаго Мытрыдата зловишишь“... Чорта зловилъ лысого! Бурею счастье раскидало... А счастье своя была: жалко. Поѣхалъ въ вѣтеръ счастье у моря отнимать, оно его и самого зловило!.. Э!.. видно — чи такъ, чи сякъ, усе одно: кому нѣту счастья, тотъ и будетъ несчастливый... Значить — такая его доля... Этие вонъ, что тамъ у церкви noctуютъ, тоже самое, — шукаютъ усё...

Въ голосъ его зазвучало враждебное пренебреженіе.

— Бездѣльный пародъ, мошенники, лантрыги... Такой хошъ Мытрыдата бы нашелъ, что ему: недѣлю пьяниствовать, больше ничего... Такому и доли не надо... А мой-же-жъ отецъ, — продолжаль онъ съ внезапной вспышкой горькаго озлобленія, — человѣкъ былъ... Какой человѣкъ! Настоящій!.. Работникъ. Всѣхъ раньше встанетъ, всѣхъ позже спать ляжетъ. Все додглядитъ, — не то что за себя — и за другихъ... А не имѣлъ себѣ счастья... И сыну видно свою долю покинулъ... Отъ уже и я...

Онъ остановился... Слова у него вырывались глухо, съ видимымъ усилиемъ...

— Отъ уже... вторую недѣлю съ ними же, съ лантрыгами этими у церкви noctую... Э!..

Онъ замолчалъ и отвернулся. Какое-то невольное, почти жгучее участіе къ этому чужому, случайному для меня человѣку проникло мнѣ въ душу... Хотѣлось сказать что-то нужное, но... вместо этого у меня только вырвался вопросъ:

— А рыбалить вы бросили? Почему?

— Э! Рыбалить... Я уже послѣ рыбалки на какой работѣ не былъ...

И, повернувшись ко мнѣ еще болѣе поблѣдѣвшее лицо, съ расширившимися глазами, онъ сказалъ какимъ-то новымъ голосомъ, жесткимъ и злымъ:

— Я-жъ вамъ кажется объясняль... по русски: нѣту счастья... Вы этого не понимаете?

Онъ остановился. Несколько времени мы оба молчали, и вдругъ я почувствовалъ, что его глаза вились въ меня съ какимъ-то особеннымъ, какъ будто недоумѣвающимъ вниманіемъ. Тяжелый взглядъ незнакомца какъ будто прилипъ къ моей фигурѣ, къ моему привычному костюму, къ моей дорожной сумкѣ. Такъ прошло два-три жуткихъ мгновенія, въ теченіи которыхъ на старой Митридатовой горѣ между двумя равнодушными другъ къ другу случайно встрѣтившимися людьми, казалось, зарождается что-то новое, неожиданное, не совсѣмъ понятное для обоихъ... Быть можетъ подъ вліяніемъ моего пристального, удивленаго взгляда, незнакомецъ отвернулся и махнулъ рукой.

— Э! — послышалось его восклицаніе, сразу напомнившее мнѣ что-то знакомое, и его большая, тяжелая фигура стала удаляться, опускаясь въ новую рѣтину... Глинистый обрывъ чуть-чуть скѣтился, какъ будто изъ красной глинылучится еще не совсѣмъ ушедший дневной свѣтъ, и темные круглые норы выдѣлялись съ назойливой гипнотизирующей ясностью. Онъ опять сталъ совать въ нихъ руки, но, казалось мнѣ,— онъ дѣлаетъ это какъ-то разсѣянно, захваченный другими мыслями. Черезъ минуту мнѣ не стало его видно.

Я стоялъ на мѣстѣ, охваченный странными ощущеніями. Да, несомнѣнно, — этотъ жестъ и это восклицаніе мнѣ уже знакомы. Въ первый разъ я встрѣтилъ ихъ у пещеры тысячи головъ на Чатырдагѣ, у старого татарина пастуха. Это была безпредметная жалоба и безнадежно-покорное пренебреженіе къ судьбѣ. Но еще яснѣе вспоминался мнѣ виноградникъ Алія и Емельянъ Незамутывода, онъ же Гайдамака, которому управляющій Карль Людвиговичъ забылъ выписать изъ Черниговской губерніи его человѣческую долю... Теперь этотъ третій... Тотъ же жестъ, то же восклицаніе, то же изумительное выраженіе безнадежного пренебреженія къ жизни, ея смыслу, къ цѣли и значенію всякихъ исканій. Только здѣсь, на Митридатовомъ пустырѣ я еще яснѣе почувствовалъ что „онъ“, этотъ собирательный образъ встрѣчного несчастливца, кроме жалобы на уросовъ, на Карла Людвиговича, на свою долю,— готовъ предъявить какія-то претензіи и ко мнѣ лично. Какъ будто и я долженъ имъ отвѣтить за что-то, заложенное давно, таинственно и глубоко еще этимъ миѳическимъ Митридатомъ, притаившимся въ пустыхъ обрывахъ, чтобы напрасно манить людей и никому никогда не даваться... И я опять почувствовалъ, что мнѣ нужно что-то сказать, можно и должно сказать что-то, что легко разрушило бы какую-то тонкую роковую перегородку... Но настоящія слова таились гдѣ-то да-

леко, забросанныя, загороженные, заглушенные, точно скрытый смыслъ назойливаго и невнятнаго морскаго прибоя.

Кругомъ меня было пусто. Я стоялъ на Митридатовомъ курганѣ одинъ среди сильно сгустившихся сумерекъ. Только гдѣ-то по близости шуршала и падала земля...

Все это было похоже на какой-то странный фантастический сонъ... Однако, я понималъ всетаки, что при данныхъ обстоятельствахъ пробужденіе можетъ быть очень непріятно. Кругомъ пустыри, не видный изъ города, могильники, ямы, буераки... Рядомъ озлобленный человѣкъ съ не совсѣмъ понятнымъ настроеніемъ. Что, если этому странному искателю невозможной фантастической доли придется вдругъ въ голову, что я-то и есть тотъ самый золотой Митридатъ, котораго онъ такъ жадно ищетъ въ горѣ и который носить его долю воть въ этой дорожной сумкѣ... А тамъ, недалеко, внизу, между мною и городомъ дремлетъ молчаливая старая постройка, гдѣ десятокъ такихъ же искателей, быть можетъ, приглядываются снизу къ моей фигурѣ на верхушкѣ кургана. Минѣ показалось даже, при взгляде внизъ, что по склону горы, въ направлениі отъ храма, точно вереница муравьевъ, ползутъ тѣмныя пятнышки... Тихо, лѣпиво, раздумчиво, — какъ будто сомнѣвалась: стоитъ или не стоитъ... И кто-нибудь тоже говоритъ такое же «!» — и отмахивается рукой. Никто въ городѣ не видѣлъ, куда я ушелъ, и никто не догадывается, что я теперь стою здѣсь, на горѣ, окруженный густыми сумерками и странными людьми, которые ищутъ не совсѣмъ обычными путями несбыточной доли... Къ нѣсколько жуткому ощущенію отъ этого сознанія присоединилась небольшая доля довольно печального юмора: я невольно вспомнилъ о Митридатѣ... Сколько вѣковъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, быть можетъ, стоялъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стою теперь я, ничтожная единица миллионовъ людскихъ поколѣній, и мой незнакомый спутникъ, тоже вѣроятно думающій что-нибудь о нашемъ положеніи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня... И какой въ сущности пустякъ — кто изъ насъ двухъ сойдеть съ этой горы болѣе довольнымъ этой случайно встрѣчей...

Но, конечно, это только въ масштабѣ вѣковъ и съ философской точки зрѣнія... Въ обстоятельствахъ данной минуты я рѣшилъ, что миѣ пора уходить и при томъ лучше одному, чѣмъ вдвоемъ. Не окликая поэтому моего незнакомца, я сталъ спускаться по неудобной тропинкѣ, едва виднѣвшейся на другомъ склонѣ кургана. Нѣсколько минутъ я шелъ еще довольно нерѣшительными шагами, но затѣмъ пошелъ скорѣе, внутренне смѣясь надъ своимъ страннымъ приключеніемъ и

можетъ быть ненужнымъ и безпричиннымъ побѣгомъ. Тропинка сначала обошла винтомъ у подножія широкаго кургана, потомъ привела меня къ краю раскопки, въ которую—только значительно ниже—спустился съ другой стороны мой незнакомецъ, потомъ она свела меня на нижележащую террасу. Здѣсь было уже темно, и мнѣ приходилось внимательно вглядываться подъ ноги, чтобы не сорваться съ какого-нибудь обрыва. Вверху небо было свѣтлѣе и, оглянувшись, я увидѣлъ силуэтъ моего спутника. Онъ выбрался изъ карьера и опять, какъ въ первую минуту нашей встречи, оглядывался кругомъ, разыскивая меня глазами. Мое сѣре плаТЬе совершенно сливалось съ сѣрыми обрывами и, невидимый ему въ своей затѣненной лощинѣ, я съ интересомъ слѣдилъ за его поисками. Онъ обошелъ небольшой выступъ, потомъ появился опять, постоялъ немного въ одномъ мѣстѣ и не громко окликнулъ:

— Господинъ, а господинъ... Гдѣ же вы заховались?..

И затѣмъ, прислушавшись къ молчанию пустыря, онъ махнулъ рукой...

— Э! — послышалось мнѣ пренебрежительное восклицаніе, и онъ тихо двинулся въ противоположную сторону.

Мнѣ вдругъ стало такъ стыдно моего побѣга, что я уже хотѣлъ отликнуться и попрощаться хоть издали со своимъ случайнымъ спутникомъ. Но въ эту минуту на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ только что,—показалась новая фигура. Другая, третья... Очевидно, я не ошибался: вереница темныхъ мурашей, которые, какъ мнѣ казалось, тянулись къ намъ на гору отъ старой церкви, теперь достигла вершины. Они такъ же лѣниво сновали у подножья кургана, останавливались и вглядываясь въ темноту, какъ будто безъ всякой опредѣленной цѣли, съ единственнымъ намѣреніемъ посмотретьть, что изъ этого можетъ выйти. Одинъ изъ нихъ остановился на краю могильника, и я услышалъ нѣсколько хриплый, но довольно пріятный басокъ:

— Нечипоръ... Рыбалка! Гдѣ ты тутъ?

— Ну, тутъ я,—отозвался глухо мой незнакомецъ.

— А той гдѣ?.. — Рѣчь очевидно шла обо мнѣ...

— Чортъ его знаетъ... Былъ, и нѣту. Какъ скрozy землю провалился.

— Ну?..

— Вотъ тебѣ и цу?

— А что за птица такая?

— Кто-жъ его знаетъ... Можетъ тоже шукать пріѣхалъ...

Сумка у него и трубка...

— Дурень ты, Нечипорт,—насмѣшилово сказалъ басокъ.—Ходить вотъ такое по горѣ, вечеромъ. А ты и не догадался. Можетъ самый Мытрыдатъ скинулся.

На эту остроту отвѣтилъ смѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ. Нечипортъ не отозвался.

— А видно тутъ уже и ночевать,—сказалъ басокъ, благодушно зѣвая.—Поздно...

Вечеръ былъ ласковый и теплый. Юго-восточный вѣтеръ, слабо огибая склоны мыса, — только слегка навѣвалъ прохладу. Очевидно, беспечная компания немногого теряла, смѣнивъ ночлегъ на жесткихъ камняхъ старого портика мягкими рѣтвиными горы...

Во всякомъ случаѣ, ея появленіе прогнало остатки моей щепетильности, и я тихо двинулся внизъ, пользуясь тѣмъ, что моя сѣрая одежда совершенно сливалась съ темными склонами. Подъ моими ногами кое-гдѣ срывалась земля, въ одномъ мѣстѣ я очутился надъ отвесной каменной стѣной, покрытой дикимъ виноградомъ. Но за то прямо подъ ней было известковая лента мощеной улицы, на которую не вдалекѣ свѣтился огонекъ духана...

На порогъ духана сидѣла старая женщина, съ характернымъ античнымъ лицомъ, точно послѣдній пережитокъ митридатовыхъ временъ. Она предложила зайти къ ней, выпить меду. Въ горѣ у меня пересохло и потому я принялъ предложеніе. Старуха подала кружку и съ удивленіемъ смотрѣла на страннаго посѣтителя въ запыленной одеждѣ, неожиданно появившагося съ горнаго пустыря и чему-то улыбавшагося за своей кружкой...

Ночью въ своемъ маленькомъ номерѣ я долго не могъ заснуть и сидѣлъ у открытаго окна. Въ одну сторону миѣ было видно море съ сияющими судами, въ другую — темные массивы горы. Море, какъ и тотъ разъ, въ Карабахѣ, плескалось протяжно и шумно, набѣгаю на камни со своею невиннатою, но живою немолчною рѣчию. Казалось, стоитъ понять что-то одно, одну только фразу этой неугомонной рѣчи, — и все остальное станетъ доступно и понятно. Но ключа все не находилось...

А отвернувшись отъ моря, я видѣлъ массивы горы, изъ-за которой разливалось лунное сіяніе, отчетливо, точно рѣзцомъ выдѣляя гребни. Все остальное сливалось въ смутномъ сумракѣ... Слоны, лѣстница, сооруженная нѣживіемъ купеческаго брата, старая церковь, обрывы, подъемы — все закуталось глубокой непроницаемой мглой, и только въ нѣсколь-

кихъ мѣстахъ, на неопределенной вышинѣ мерцали живыс огоньки...

Одинъ изъ нихъ можетъ быть развель тамъ, у вершины, кто-то мнѣ хорошо знакомый... Кто? Пастухъ-татаринъ, пасущій овецъ у пещеры Бимъ-башъ-коба, или садовникъ Емельянъ, или рыбакъ Нечипоръ... Впечатлѣнія и воспоминанія путались, покрывая одно другое. Порой я совсѣмъ забывался, и мнѣ чудились въ дремотѣ то темные своды пещеры, то тропинки виноградниковъ, то троицъ золотого Митридата, то невѣдомая черниговская невѣста... И кто-то надъ всѣмъ этимъ безнадежно махалъ рукой и говорилъ:

Э!.. Неужели вы не поймете?.. Никогда, никогда не поймете того, что море своимъ языккомъ говорить вамъ о людяхъ, которымъ нѣть счастья... А вы все не слышите... А, впрочемъ... Э!.. все судьба...

Когда я очнулся, — надо мной стоялъ номерной и трогалъ за плечо. Въ окно несся протяжный и рѣзкій свистокъ парохода, какъ будто охрипшій отъ предутренней сырости и морскихъ брызговъ.

Черезъ часъ или полтора мы опять были въ морѣ. На востокѣ, за сѣрой морской гладью и кубанскими степями поднималось солнце. Тузла тянулась недалеко темной полоской земли, и рыбачьи паруса уже сновали около нея, какъ раннія чайки.

Митридатову гору всю затянуло бѣлыми облаками...

1907 г.

УДАРЪ ГОСПОДЕНЬ.

Удариль Господь-батюшка. По всему народу удариль...
Ирисмирѣли православные подъ гнѣвомъ-то Господнимъ. По-
тусиель нашъ народъ, такъ потусиель—смотретьъ жалко.

Такъ говорилъ мнѣ умный мужикъ, зажиточный сельскій
торговецъ, съ которыемъ мнѣ довелось бѣхать по сибирской до-
рогѣ въ зиму голоднаго 1891-го года. Самъ онъ отъ голода
не страдалъ, пожалуй, наоборотъ: запасы его хлѣба пошли
по хорошей цѣнѣ. Но онъ „чувствовалъ“ за другихъ то, что и
говорилъ, чувствовалъ такъ непосредственно и сильно, что и
теперь еще, вспоминая его слова и ихъ выраженіе, я испы-
тываю странное ощущеніе: точно на печальныя поля съ хол-
мами и перелѣсками надвигаются тѣни, а небо заволакивается
тижелыми сумрачными туманами. Вѣроятно, подъ такими впе-
чатлѣніями евреи временъ Давида видѣли на своемъ небѣ
ангела, который летѣлъ надъ страной, изливая „фіалъ Божыаго
гнѣва“.

Не знаю, какъ въ послѣдніе годы... Ко всему, говорить,
можно привыкнуть. Но въ тѣ годы, когда широкая голодовка
была еще вновь,— мистическая нотка испуга и тревожнаго
раздумья слышалась въ народѣ отчетливо и ясно. Встрѣчалась
много беспечныхъ, а иногда и злобныхъ „отрицателей
голода“ среди „господъ“ и среди начальства. Но ни разу я
не встрѣчалъ этого отрицанія среди людей простыхъ, еще
не потерявшихъ общихъ ощущений съ кореннымъ деревен-
скимъ населеніемъ. И тутъ были разныя сужденія и разныя
отношенія къ факту:

— „Народъ сталъ подлецъ“. — „Мужикъ въ конецъ излѣ-
нился и избаловался“. — „Забыли Бога. Привыкли къ роскоши.
Завели самогон и самовары“. И порой следовалъ выводъ:
„Такъ и надо! За грѣхи. Доколѣ же терпѣть-то Господу-
Батюшку“. Но ощущеніе, что надъ страной разстилается,

ползть, охватываетъ ее что-то стихійно-грозное, непонятное и величавое, — чувствовалось всюду.

„Ударилъ Господь“. И сердца людей, не потерявшихъ способность читать на лицѣ своей многотерпѣливої родины и чувствовать ея покорное страданіе — скимались подъ ощущительнымъ полетомъ великой невзгоды. Казалось, будто по русскому небу тихо, но неудержимо ползть чудовище молчаливое, но полное близкаго ужаса и сдержаннаго до времени громовъ...

И совѣсть такихъ непосредственно чувствующихъ людей тревожно вздрогивала и просыпалась... Я знаю два случая. На имя земскаго начальника пришелъ пакетъ съ 70-ю, кажется, рублими. Неизвѣстный отправитель писалъ: „Отдайте, ваше благородіе, эти деньги голодающимъ мужикамъ изъ такого-то села. Я у нихъ въ молодые годы взломать хлѣбный амбаръ. Согрѣшилъ разъ въ жизни. Теперь слышу: Господь посѣтилъ ихъ“.

Однихъ Господь посѣтилъ грозой. Другимъ отблески этой грозы заглянули въ душу, освѣщаю тайники совѣсти.

Этотъ случай рассказывалъ при мнѣ Анатолій Львовичъ Пушкинъ, племянникъ поэта, одинъ изъ самыхъ беспечныхъ „отрицателей голода“. Разсказъ былъ холденъ и проникнуть ироніей: „вотъ, дескать, — жертвуютъ добрые люди“, подламывавшіе чужіе амбary... Быть и еще такой же разсказъ, и на этотъ разъ герой его не скрылся за анонимомъ. Разсказывалъ тоже земскій начальникъ Костицъ, командированый изъ другого уѣзда. Къ нему еще на прежнемъ мѣстѣ явился знакомый мужикъ, не изъ богатыхъ, и принесъ пожертвованіе на голодающихъ. Денегъ оказалось, по состоянію жертвователя, несоразмѣрно много, и сумма была не круглая; заключалась кошѣйками.

— Послушай, Прохоръ Семенычъ, — сказалъ г. Костицъ: — почему ты принесъ такъ много? Вѣдь ты человѣкъ не богатый.

— Извольте принять, ваше благородіе... Дѣло такое. Надобно мнѣ.

— Что же ты, подлецъ этакой, — шутя возражалъ добродушный начальникъ, — со мной-то дѣлаешь? Сколько же я тогда долженъ дать на голодающихъ?.. И, наконецъ, постой, за тобой, кажется, еще и недоимка.

— Потерпите, ваше благородіе. Христомъ Богомъ прошу. А мнѣ иначе невозможно.

И, краснѣя, онъ рассказалъ, что когда-то, именно въ этой голодающей мѣстности, онъ совершилъ кражу. Кажется, угнали съ базара лошадь съ телѣгой и продали въ другомъ мѣстѣ

именно за ту сумму, которую теперь жертвовалъ. Давно было. Никто не узналъ, и съ тѣхъ поръ самъ онъ „не грѣшилъ больше“. Женился, завелся небольшимъ дѣломъ, ходилъ въ церковь, давно сдалъ попу старый грѣхъ и получилъ разрешеніе. Язва совѣсти затянулась, и сталъ Прохоръ Семенычъ совсѣмъ „хорошимъ человѣкомъ“. А вотъ услышалъ о голодѣ и какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, где согрѣшилъ когда-то. Господь заглянулъ въ душу:

— „Помнишь, дескать, Прохоръ Семеновъ?“

— Помню, моль, Господи!

— „То-то же“.

Съ этихъ поръ лишился спокойствія. Продалъ что могъ изъ небогатаго хозяйства, въ долгъ еще залѣзъ, собрать столько-то рублей и столько-то копѣекъ. Думалъ было о процентахъ, но Богу это не нужно. Существуетъ всетаки представленіе, что процентъ дѣло не вполнѣ чистое, и Богу его предлагать нельзя.

Старый добродушный „земекій“, бывшій мировой судья, рассказывать эту исторію съ тѣмъ теплымъ юморомъ, которымъ человѣкъ иной разъ защищается отъ невольной растро-ганиости...

Откуда бы ни происходили такія проявленія просыпающейся совѣсти, какими бы наивными разсчетами съ Богомъ шорой ни сопровождались,—они показываютъ живую душу... И много вздрагиваетъ такимъ образомъ сердце, можетъ быть грѣшныхъ и темныхъ, но чувствующихъ не только за себя, а за свою страну. И чувство это—тревога, искалече вины и оправданія.

„Ударилъ Господь“... И опять повторилъ ударъ, и теперь повторяетъ все чаще. Мы въ городахъ чувствуемъ это не такъ живо. А тамъ—это видище, и ближе, и ощутительнѣе. Да, я до сихъ поръ помню и эти смиренныя дороги, и при-молкшія деревни, и даже просто выраженіе этихъ полей съ пятнами крыши, плетней и перелѣсковъ... Точно великая равнина, охваченная жгучимъ страданіемъ для однихъ, тревожными движеніями совѣсти для другихъ,—раскинулась подъ туманнымъ небомъ и мечется въ бреду и грезить смутными образами кошмаровъ.

Было бы любопытно записать „голодные легенды“, бро-дящія вотъ уже сколько лѣтъ по оскудѣвшей странѣ. Вообра-женіе напугано, сердца сжаты, умъ подавленъ. И встаютъ вос-поминанія о пережитомъ или слышанномъ, преломленныя, искаженные, какъ призраки долгой и тяжкой ночи... То и дѣло рождаются въ разныхъ мѣстахъ страшные младенцы съ

зубами и даромъ предвѣщанія. Скажеть грозное пугающее слово—и исчезнетъ. Свое дѣло сдѣлать. А вскорѣ рождается другой и говоритъ новое слово,—глутое, наивное, но непремѣнно грозное. На нынѣшнюю Пасху одинъ, кажется, такой младенецъ предсказывалъ великую стужу „въ тыщу градусовъ“. И люди впередъ уже дрожали и зябли.

Видѣнія являются русскимъ, чувашамъ, татарамъ. Вѣры разныя, страхъ одинъ. И русскіе трепетно ловятъ татарскія и черемисскія откровенія. Вотъ двѣ такія легенды,—одна отъ первого крупнейшаго голода (1891), другая родилась только на дняхъ.

Было это въ Вятской губерніи. Мулла деревни Усть-Нурминской поѣхалъ въ гости къ черемисамъ. Вернулся весь потрясенный и тотчасъ же созвалъ сходъ. На сходѣ, обливаясь слезами, рассказалъ: На половинѣ пути къ дому увидѣлъ какую-то громаду, которая надвигалась по дорогѣ, какъ гора. Оказался это великанъ, ариинъ пятнадцати роста. Руки и ноги у муллы тряслись, лишился мулла голоса, думать—смерть идетъ. Но громада тихо просунулась мимо и не тронула муллы. Только проговорила тихо, глухо, невнятно: такъ могла бы говорить земля или кто-то подъ землею:

„Смотри на меня. Разскажи народу. Насъ такихъ родилось семь братьевъ: четверо уже умерли. Троє еще живы. Ходимъ мы по вашей землѣ, и до тѣхъ поръ, пока ходимъ, будеть и голодъ ходить за нами“... Сказалъ и вдругъ зашагалъ быстро и скоро скрылся на краю земли въ той сторонѣ. гдѣ стѣло солнце... А мулла принесъ свой ужасъ къ людямъ. И люди слушали, склоняясь головами къ землѣ, и никто не могъ понять видѣнія: кто это встрѣтился муллѣ на дорогѣ? И почему ихъ было семеро? И почему четверо уже погибли? И кто и какими средствами согналъ четверыхъ со свѣта? И почему троє осталось? И надолго ли остались? И кто ихъ сумѣеть согнать?.. Никто не могъ отвѣтить на эти вопросы, даже самый умный. Но даже самый глупый понималъ, что голоду 1891 года не суждено быть послѣднимъ голodomъ въ странѣ, по которой еще ходить три брата, безформенныхъ, огромныхъ, тихо и печально предостерегающихъ: будеть вами отъ насъ ужасъ.

Разскaзъ муллы былъ точенъ и ясенъ, какъ точны наши разскaзы о затмении; самъ онъ ѻхалъ изъ татарской деревни Усть-Нурминской въ деревню Б. Китякъ, гдѣ живутъ чефемисы. И было это такого-то числа, такого-то мѣсяца, въ такомъ-то часу. А встрѣтиль печального великана на половинѣ дороги, тамъ-то, и разскaзъ его слушали такѣ-то и

такие-то, люди все известные. И все это даже напечатано въ газетахъ. И, можетъ быть, мулла еще живъ, и живы тѣ, кто отъ него слышалъ. Подите, спросите у нихъ. Впрочемъ—зачѣмъ и спрашивать: съ этихъ поръ прошло 10 лѣтъ. И развѣ печальный великанъ не сказалъ чистую правду? Развѣ толькъ голодъ оказался послѣднимъ? Нѣть. Должно быть, таинственные братья ходить все быстрѣе, и голодъ, какъ вихрь, носится кругами все шире и чаще...

Есть великанъ и для русскихъ. Старый. Давно,—то появляется онъ клубящимися очертаніями, то исчезаетъ, то явилисѧ въ самыхъ неожиданныхъ формахъ. Называется антихристъ. Онъ не такъ уныло простодушенъ, какъ знакомый муллы. Онъ хитеръ, у него есть печати, онъ собирается kleymitъ ими весь народъ, а непокорныхъ будетъ морить голодомъ или кормить одной золою... Для этого, пожалуй, войдетъ въ стачку съ опытными „поставщиками“. Это тѣмъ легче, что и самъ онъ служилъ „въ какомъ-то вѣдомствѣ большими начальникомъ“. И служилъ бы до сихъ поръ, да стали неизбѣжно рости четыре рога на головѣ и когти на рукахъ и ногахъ. По формѣ это не полагается, и „большому начальному“ пришлось выйти въ отставку. Теперь къ чему-то готовится, а пока, какъ и татарскіе великаны,—ходить по сиѣту, являясь въ разныхъ мѣстахъ. Шорой взирается на колокольни, и колокола звонятъ зловѣщимъ, набатнымъ звономъ.

Я привелъ только двѣ легенды, связанныя начало и конецъ труднаго десятилѣтія. А между ними, за десять лѣтъ, сколько еще разъ возникали, разсыпались, какъ пыль, и опять возникали тѣ же призраки въ разныхъ видахъ и формахъ. Это были цѣлые рои вѣщающихъ младенцевъ, и говорящія коровы или лошади, и таинственный старухи, и невѣдомо откѣль бредущіе и невѣдомо гдѣ исчезающіе старцы. Всѣ темные, всѣ глупые (и потому-то отлично все знающіе), юродивые, нечленораздѣльные, смѣшины...

Вотъ только не смѣшины! Подумайте въ самомъ дѣлѣ: мы признаемъ достовѣрность нашихъ теорій по вѣрности предсказаний, которыхъ дѣлаемъ на ихъ основаніи. Предсказали затменіе, и пришло затменіе. Ну, а эти вотъ „нечленораздѣльные“, темные, которые гудить, и стонуть, и бормочутъ, и кричатъ разными криками, грозя народу, что придутъ на него глады и моры, и болѣзни—развѣ они не предсказывали? Или предсказывали невѣрно? Десять лѣтъ назадъ унылый великанъ сказалъ усть-нурминскому муллѣ: голодъ у васъ не послѣдній. И что же? Онъ не согдалъ... До сихъ поръ ходить онъ по странѣ, а за нимъ ходить голодъ, тоскуютъ

смертной тоской старики, плачутъ и мрутъ по деревнямъ голодныя дѣти.

Народъ чувствуетъ эту тоску и находить для нея свои образы. Для него они—реальность, для нась—темная и смѣшная легенда. Народъ чувствуетъ, но не знаетъ причинъ и слѣдствій. Тѣ, кто могутъ знать причины и слѣдствія,—не чувствуютъ вмѣстѣ съ народомъ. То-есть, въ сущности, тоже ничего не знаютъ... Наконецъ, можетъ быть есть и такие, что и знаютъ, и чувствуютъ, но не могутъ...

И мнѣ опять вспоминается дорога, и мой спутникъ, простой и необразованный сельскій человѣкъ, такъ живо чувствовавшій то, что онъ называлъ Божіимъ ударомъ. И опять мнѣ чудится, что надъ полями сгущаются сумраки и надъ безотвѣтной равниной по русскому небу ползетъ молчаливое чудовище, полное близкаго ужаса...

Но изъ всѣхъ страховъ самый страшный—безпочвенная и себѧлюбивая самоувѣренность. Самое жуткое въ надвигающейся ночью грозѣ—радостное чирканіе воробьевъ, принимающихъ отблески синихъ зарницъ за пріятное сіяніе дня...

1912 г.

СОВРЕМЕННЫЯ КАРТИНКИ.

I.

2500 часовъ.

Манифестъ 6 августа (или такъ называемая „булыгинская конституція“) застигъ меня въ одной деревнѣ Полтавской губерніи. Съ ближайшей почты принесли газеты, изъ которыхъ мы узнали, что у насъ будетъ-таки „Государственная Дума“, и что „лучшіе люди по избранію всего населенія“ будутъ призваны къ участію въ управлениі страной...

Я читалъ въ исторіи, что въ другихъ странахъ при извѣстіяхъ о „конституції“ люди радостно поздравляли другъ друга, и незнакомцы обнимались на улицахъ... У насъ и въ городахъ, сколько мнѣ извѣстно, послѣ 6-го августа никто никого не поздравлялъ, и никто ни съ кѣмъ не обнимался, а въ деревняхъ и подавно. Не то мы не такъ порывисты, не то наша конституція не похожа на другія. Какъ бы то ни было,—и нашъ поселокъ, и окружающія села и деревни жили обычною жизнью, какъ будто ничего важнаго не произошло въ Россіи.

Протекла недѣля, другая... Народъ все такъ же уходилъ на работы и возвращался съ нихъ. Кончали жнитво, возили хлѣбъ и съ тревогой поглядывали на небо: какъ бы дождь не помѣшалъ уборкѣ. А по вечерамъ, въ лощинѣ, гдѣ засѣла наша деревенька, тихо разгорались въ окнахъ огоньки и такъ же тихо, одинъ за другимъ, угасали... Очень вѣроятно, что тамъ, у этихъ огней, подъ этими соломенными крышами шли какіе-нибудь разговоры о „выборахъ“, и нѣтъ также сомнѣнія, что они тотчасъ же сводились на единый и неизмѣнныи вопросъ о „землѣ“,—настоящей роковой вопросъ сфинкса, говорящаго нашему времени: „разрѣши или погибни“.

Но старужи, въ нашей деревенькѣ все было, повторю, обычно, буднично и тихо, какъ будто деревенское настроение еще не устанавливало никакой связи между российскою булыгинской конституціей и своею деревенскою жизнью...

Прошло еще нѣсколько дней. На небѣ по вечерамъ скоплялись тучи, начали накрапывать дожди... Уборка кончалась, но еще не кончилась... Подошелъ праздникъ. И сидѣлъ на приступочкѣ у дома, разговаривая съ сосѣдями, когда ко мнѣ подошелъ знакомый крестьянинъ, который взялся въ этотъ день сдѣлать для меня небольшую работу. Онъ остановился около насъ, нѣкоторое время послушалъ наши разговоры и потомъ сказалъ полу-вопросительно, полу-утвердительно:

— Сегодня треба менi у волость ити.

— Зачѣмъ?

Онъ не зналъ въ точности,—зачѣмъ именно, но земскій начальникъ приказалъ собраться тому обществу, къ которому онъ принадлежалъ, и хотѣлъ пріѣхать самъ.

— Ото-жъ, должно быть, насчетъ тѣхъ самыхъ выборовъ,—догадался одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Такъ и люди балакаютъ, что „нашеть выборівъ“. Такъ видно идти?—онъ полу-вопросительно сказалъ онъ.

Общее мнѣніе было за то, что идти необходимо: работа не убѣжитъ, а выборы—дѣло всетаки интересное. Оно какъ будто еще и рано для самыхъ выборовъ, а вѣрно будетъ какое-нибудь разъясненіе,—что оно такое и къ чему идетъ.

— Таки и пойду!

Поговорили еще немного о выборахъ, о томъ, кого выбирать мужикамъ малоземельнымъ и кого слѣдовало бы выбрать болѣе зажиточнымъ казакамъ,—и мой знакомый тихо поплелся по дорогѣ къ волости. Остальные собесѣдники, жители другого конца поселка, принадлежали къ другому обществу и на этотъ день не вызывались.

На слѣдующій день я увидѣлъ того же крестьянина уже за работой во дворѣ. Поздоровались, поговорили о томъ, о семъ, и я спросилъ:

— Ну, что же вчера было?

— Гдѣ?

— Да въ волости.

— А! въ волости? Да ничего въ волости не было.

— Зачѣмъ же васъ звали? Разъяснили что-нибудь насчетъ выборовъ?

— Ничего и не объясняли.

— А народъ сошелся?

— Народъ-таки сошелся. Человѣкъ сотъ, можетъ, пять.

пришло. Лежали около правления, дожидались часовъ пять... Таки немного и помокли, потому что подъ конецъ пошелъ дождь.

— Ну, и что же?

— Ничего... Земскій не пріѣхалъ.

— Почему?

— А кто-жъ его знаетъ почему? Говорятъ, въ гостиахъ засидѣлся, а можетъ просто раздумалъ... Попъ подходилъ, вычитывалъ что-то. Никто и не разслышалъ...

— Такъ и разошлись?

— Подождали еще трошки и порасходились... А дождь будетъ и сегодня,—перебилъ онъ себя, поглядывая на небо,— а хлѣба еще много не убрано.

Дождь пошелъ еще передъ вечеромъ. Стемнѣло быстро, огоньки въ деревнѣ позажигались раньше, деревенскія улицы опустѣли. Знакомецъ мой тоже ушелъ въ свою хату „вечерить“.

Я провожалъ глазами его скромную фигуру, расплывающуюся въ сумеркахъ, и думалъ:

„Пятьсотъ человѣкъ по пяти часовъ... Положимъ, въ праздники... Но всетаки это двѣ тысячи пятьсотъ часовъ! Какая сила времени и какъ это легко дѣлается: „можеть въ гостиахъ засидѣлся, а можетъ и такъ... И двѣ тысячи пятьсотъ часовъ народнаго времени связано и выброшено безъ надобности... И это уже послѣ объявленія конституціи, которая должна же, въ концѣ концовъ, кое-что измѣнить въ нашемъ отечествѣ... Что именно? Да немногое, только народъ изъ слуги долженъ стать хозяиномъ въ странѣ, а всевластные хозяева должны стать его слугами. И между тѣмъ... Издаются широковѣщательные акты, объявляются „конституціи“, а въ жизни стоитъ все по старому: и старая беспечность однихъ, старое презрѣніе къ народу и произволъ,—встрѣчаешь какъ будто все то же извѣчное смиреніе... И можетъ быть поэтому тамъ, вверху, такъ легко играютъ словами манифестовъ, не думая о томъ, что слова обязываютъ къ дѣйствіямъ...“

Дождь днія на три-четыре пересталъ, а потомъ зарядилъ опять,—но поля почти всюду уже были убранны. Августовскіе вечера становились темнѣе и дольше, времени для деревенскихъ разговоровъ довольно... О чёмъ шли эти разговоры? Говорили ли люди о томъ, что 2500 часовъ пропали напрасно по небрежности земскаго начальника? Едава ли... Въ этомъ отношеніи начальство можетъ еще не беспокоиться. Но за то много говорили о землѣ... И тутъ уже, пожалуй, было надѣть задуматься самому безпечному человѣку... И именно по-

тому, что народъ нашъ до сихъ поръ былъ слишкомъ нокоренъ, государство слишкомъ беспечно, а грозный вопросъ встаетъ сразу во всемъ своемъ страшномъ объемѣ и надъ покорнымъ народомъ, и надъ беспечнымъ государствомъ...

А между тѣмъ, очень можетъ быть, что исторія будетъ решать эти вопросы въ обратномъ порядке. Сначала уваженіе къ народному труду и личности... И уже послѣ—о землѣ для народа, уважающаго себѣ и умѣющаго отстоять свое право...

II.

Разговоръ съ „землемѣромъ“.

Я купилъ въ Полтавской губерніи треть десятины земли, построилъ на ней жилье, и такимъ образомъ сталъ деревенскимъ обывателемъ. Однажды мнѣ понадобилось по разнымъ причинамъ вымѣрить свой участокъ. То же понадобилось и моему соѣду-крестьянину, и онъ предложилъ на общій счетъ пригласить землемѣра.

- А у васъ тутъ есть землемѣръ?
- А какъ же! Тутъ недалечко, на хуторѣ.
- Дорого возьметъ?
- Съ усадебнаго участка полтинникъ.
- Недорого.

Въ одинъ прекрасный день землемѣръ появился. Это былъ человѣкъ небольшого роста, съ русою зарослью на загорѣломъ лицѣ, съ пріятнымъ и умнымъ выраженіемъ. На головѣ у него былъ городской картузъ, на спинѣ легкій, сильно порыжѣвшій пиджакъ, очевидно, не первый годъ уже принимающей участіе въ землемѣрныхъ трудахъ своего обладателя. Цѣпь изъ желѣзной проволоки съ мѣтками саженей и футовъ, эккеръ на простой палкѣ съ острымъ наконечникомъ и маленькая книжечка съ изложеніемъ простѣйшихъ приемовъ вычисления площадей,—вотъ все его профессиональное вооруженіе. Въ серединѣ крестовины на эккерѣ была тщательно вдѣлана въ дерево маленькая буссоль, вродѣ брелока, какія иногда попадаются въ качествѣ „сюрприза“ при некоторыхъ покупкахъ, всего чаще въ коробкахъ съ гильзами. Распоряжался онъ всѣмъ этимъ увѣренно и быстро. Воткнувъ въ землю свою палку съ угольникомъ и поставивъ на нордъ стрѣлку буссоли,—онъ взмахами руки указывалъ мѣста для установки шестовъ, перетаскивалъ цѣпь, мѣрилъ, записывалъ и шелъ дальше. Черезъ часа два-три оба участка были обойдены по гранямъ, и, усѣвшись на бревнѣ, землемѣръ по своей книжечкѣ опредѣлялъ размѣры усадѣбъ. Цифры онъ писалъ, держа карандашъ какъ-то особенно скрюченными мозолистыми

пальцами, но вычислений подвигались быстро, и результатъ довольно близко соотвѣтствовалъ предположеніямъ. За трудъ съ меня онъ взялъ рубль, а мой сосѣдъ съ радушнымъ видомъ позвалъ его къ своей хатѣ, показывая небольшую, пріятную на видъ и хорошую всѣмъ знакомую посудинку.

Я протянулъ землемѣру руку на прощаніе.

— Что же, выгодана ваша работа? — спросилъ я у него.

— Да яичего, слава Богу, — кормить, — отвѣтилъ онъ, слегка измѣня чистый украинскій говорь на городской полу-русскій ладъ.

И, оглянувшись, онъ махнулъ рукой на сосѣда, который нетерпѣливо звалъ его, помахивая въ воздухѣ сверкавшей на солнцѣ бутылкой.

— Заразъ... Шичасъ приду!

— У менѣ до васъ есть маленький секретъ, — сказалъ онъ тихо, отходя за уголъ моей хаты. — Вы того... человѣкъ, какъ бы ни было, письмѣнныи и городской, то и знаете... А мы тутъ не знаемъ.

Я подумалъ, что онъ хочетъ завести рѣчъ о предстоящихъ реформахъ и о томъ, чего отъ нихъ ждать народу. А такъ какъ наша „политическая свобода“ подкрадывалась къ деревнѣ какъ-то осторожно, бочкомъ и шепоткомъ, какъ нищенка, которую можетъ прогнать первый урядникъ, то я не очень удивился, что онъ отзываетъ меня за уголь: россійская конституція не любить, чтобы ее называли по имени даже послѣ ея обнародованія, а въ то время заговорить объ ней въ деревнѣ значило почти навѣрное угодить въ кутузку. Итакъ, мы отошли за уголъ, и я приготовился къ секретному разговору.

— Что же вы хотите узнать отъ меня?

— Насчетъ того, что... какъ же оно теперь будетъ?

— Съ выборами?

— Съ выборами само собою, ну, и прочее... У насъ тутъ балакаютъ много разнаго. Такой разговоръ по народу пошелъ, не дай Господи... Вотъ я и думаю: дай, спрошу у человѣка, чтобы уже знать, гдѣ оно... настоящее.

— Я охотно вамъ скажу, что знаю... Что именно вы хотите?

Онъ помолчалъ въ головѣ и сказалъ:

— Видите: я человѣкъ работающій... Заработалъ-таки не много своимъ землемѣствомъ, то хотѣть бы того... однимъ словомъ сказать: хочу купить земли.

— Такъ что же?

— Можно это?

- Почему же нельзя? Вотъ вѣдь и я купилъ...
— Э! Вы купили... Что вы купили? Нѣть и полъ-десятины.
— А вы хотите много?
— То-то вотъ и оно, что много.
И, опять помолчавъ, онъ сказалъ рѣшительно:
— Пять десятинъ... Вотъ сколько.
— А теперь у васъ сколько земли?
— Одна усадьба, какъ и у васъ...
И началъ понимать...

Года два назадъ у насъ въ губерніи были аграрные беспорядки: крестьянство заволновалось, грабили хлѣбъ въ усадьбахъ, говорили о передѣлѣ земли. Пришли войска, казаки... Крестьяне становились на колѣни, а ихъ кидали на землю и сѣкли до полусмерти. Потомъ еще сажали въ тюрьмы; потомъ сказали, что они должны слушаться своихъ предводителей и никакихъ перемѣнъ не ждать... Все успокоилось, все пошло по старому, ничто не измѣнилось, нигдѣ не исчезали хищническія пути безнечнаго землевладѣнія... Но народная мысль упрямо шла своимъ путемъ, какъ будто не было ни усмирѣній, ни властныхъ предводителей, ни земскихъ начальниковъ... И въ этой благополучной тишинѣ народъ создавалъ свои собственные понятія о земельной реформѣ.

Передо мной стоялъ теперь не заурядный крестьянинъ, не грамотный и темный, а въ нѣкоторомъ родѣ деревенскій ученый специалистъ. И я понимать его настроение: онъ боялся, что вотъ онъ купитъ на свои кровные деньги, заработанные въ теченіи многихъ лѣтъ при помощи эккера, цѣни и буссоли,—пять десятинъ земли, а тутъ идутъ какія-то реформы... А какія же реформы безъ земли? А земельная реформа,—это „уравненіе“. Вотъ тутъ и покупай... Выйдетъ, напримѣръ, на человѣка по $4\frac{1}{2}$ десятины, а онъ купилъ пять... Значить у него полъ-десятины отнимутъ. А если выйдетъ по $5\frac{1}{2}$, то ему прибавятъ сверхъ купленной только полъ-десятины... Какую же роль при этомъ будутъ играть его трудовые деньги, добытыя потомъ и кровью?..

Онъ стоялъ передо мною и пытливо глядывался въ мое лицо, а я тоже стоялъ и думалъ. Я—не экономистъ и не землевладѣлецъ, и эти вопросы интересовали меня, какъ всякаго образованнаго человѣка, такъ сказать, въ нѣкоторомъ отвлеченіи, на извѣстномъ разстояніи. Тридцать лѣтъ мы обсуждаемъ земельную реформу, и тридцать лѣтъ вопросъ остается въ области теоріи. Но вотъ теперь онъ стоялъ совсѣмъ рядомъ, въ лицѣ этого деревенского „землемѣра“, и пытливо глядѣть на меня сѣрыми внимательными глазами

и изъ-подъ козырька порыжѣлой шапки. Я напрягъ свое воображение, чтобы представить себѣ всѣ дѣйствительныя соотношенія, и затѣмъ съ полной искренностью сказать, что думаю. Я не знаю, что будетъ, по полагаю, что земельный вопросъ непремѣнно будетъ поставленъ и при томъ широко *). Безъ этого всякая реформа не будетъ имѣть значенія (онъ утвердительно махнулъ рукой). Надѣлы, навѣрно, увеличатъ за счетъ государственныхъ и удѣльныхъ земель.

— А панская земля какъ? — спросилъ онъ живо.

Въ газетахъ и журналахъ тогда уже писали о необходимости принудительнаго частичнаго отчужденія и частновладѣльческихъ земель. Кое-гдѣ резолюціи въ этомъ смыслѣ принимались и въ собранияхъ, но мысль казалась еще въ то время „смѣлой“. Я рассказалъ объ этомъ моему собесѣднику и прибавилъ, что „когда-нибудь“ земля вся будетъ составлять собственность государства. Но мнѣ казалось, что я вхожу въ область „теорій“.

— А теперь какъ? — спросилъ онъ. Землю онъ уже выемочилъ, и ее легко могутъ перекупить другіе. При этомъ въ его глазахъ проглянуло ясно выраженіе тоски...

Мы продолжали обсуждать вопросъ вмѣстѣ на основаніи житейскихъ вѣроятностей. Деньги и послѣ реформы не потеряютъ своего значенія во всѣхъ областяхъ жизни... Конечно нѣтъ... Потеряютъ ли его деньги, затраченныя въ землю?.. Она одна будетъ изъята изъ денежнаго обращенія?..

— Выходить такъ, что можно купить... — закончилъ онъ весело. Все время онъ и слушалъ, и разсуждалъ, какъ человѣкъ, уже заранѣе склонившійся къ тому же выводу, и теперь принялъ его даже съ большей увѣренностью, чѣмъ я...

— Мы съ братомъ и сами такъ думали, что не можетъ быть... ну все-жъ оно того... еще лучше спытать у городского человѣка... Прощайте пока что.

И онъ ушелъ къ сосѣду, который опять выглянуль изъ-за своей хаты въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Черезъ полчаса землемѣръ веселый прошелъ черезъ мой дворикъ и, привѣтливо поклонившись мнѣ, сказалъ:

— Такъ я думаю, значить... можно — купить...

Это было въ августѣ. Не знаю, купилъ ли онъ облюбованную землю или нѣтъ, а если купилъ, то не жалѣлъ ли... Въ ноябрѣ люди знающіе говорили, что владѣльцы, требовавшіе еще недавно по 260 рублей за десятину, готовы отдать ту же землю по полтораста... Долго и искусственно под-

*) Каюсь въ своей наивности.

держиваемыя цѣны на землю и безобразныя аренды, казалось, сразу рухнули... И это потому, что тѣ самыя идеи, которыя въ теченіи десятилѣтій витали надь жизнью въ области теорій,— теперь стали быстро опускаться на „землю“...

1905 г.

P. S. Миѣ теперь часто вспоминается, какъ мы съ землемѣромъ разрѣшили въ деревнѣ аграрный вопросъ... И кажется мнѣ, что въ немъ былъ рычагъ всего тогдашняго деревенскаго движения. Деревня сама испугалась того объема, въ которомъ она, — одинаково богатые и бѣдные, — ставила этотъ коренной вопросъ своей жизни, и отступила передъ нимъ... И это оказалось сильнѣе, чѣмъ всѣ карательныя экспедиціи и выстрѣлы...

1905 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

Покушеніе на генерала Баранова въ 1890 году.

(Картинка изъ недавняго прошлаго).

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Нижнемъ-Новгородѣ губернаторомъ былъ знаменитый Николай Михайловичъ Барановъ, бывшій морякъ, герой проблематического эпизода съ „Вестой“ въ русско-турецкую войну и громкаго процесса, связанного съ этимъ эпизодомъ; затѣмъ—петербургскій градоначальникъ, губернаторъ виленскій, архангельскій, наконецъ, нижегородскій. Это былъ человѣкъ интересный во многихъ отношеніяхъ, фигура яркая, колоритная, выдѣлявшаяся на тускломъ фонѣ бюрократическихъ бездарностей. Человѣкъ даровитый, но игрокъ по натурѣ,—онъ основалъ свою карьеру на быстрыхъ, озадачивающихъ проявленіяхъ „энергіи“, часто рискованно выходившихъ за предѣлы бюрократической рутины, всегда яркихъ и почти всегда двусмысленныхъ. Уже будучи нижегородскимъ губернаторомъ, во время памятнаго голода,—онъ сначала отрицаѣтъ его дѣйствительные размѣры, поддерживаетъ лукояновскихъ дворянъ, борется съ печатью и частной благотворительностью. Потомъ дѣлаетъ вдругъ блестящую и шумную диверсію, означенованную эффектной рѣчью противъ князя Мещерскаго (съ памятнымъ изреченіемъ о „бутафорской тряпкѣ“ вмѣсто патротического знамени), пользуется данными либеральной печати и статистики, которыя самъ недавно опровергалъ, а лукояновскимъ крѣпостникамъ объявляетъ войну. Въ холерные годы—этотъ парадоксальный человѣкъ продѣлываетъ эволюцію совершенно обратную: въ первую холеру развиваетъ необыкновенную дѣятельность, отдаетъ подъ холерныхъ больныхъ „дворецъ“, призываетъ полную гласность, печатаетъ списки умершихъ, допускаетъ родныхъ на похороны и отпѣванія. Послѣ

блестящихъ результатовъ этой политики—на другой годъ, когда холера была значительно меньше,—вдругъ мѣняетъ тактику, принимаетъ систему замалчиванія, помѣщаетъ первыхъ заболевшихъ въ общую больницу, преслѣдуется сообщенія печати о холерѣ, врачамъ грозить высылкой и вызываетъ почти паническое бѣгство съ ярмарки... Въ концѣ концовъ эта рискованная игра административныхъ парадоксовъ не удалась, и карьера Баранова угасла въ сравнительной безвѣтности. Постъ всероссійской выставки Барановъ былъ сданъ въ архивъ, называемый первымъ департаментомъ сената, где и закатилась среди административныхъ инвалидовъ эта звѣзда, сиявшая неремѣннымъ, но порой яркимъ сѣвѣтомъ.

Эпизодъ, служащий предметомъ настоящей замѣтки, относится къ 1890 году. 21 августа, то есть до окончанія нижегородской ярмарки,—по Нижнему разнесся поразительный слухъ о покушеніи на жизнь губернатора. Сынъ скромнаго столоначальника полицейскаго управления и самъ еще болѣе скромный участковый писецъ, нѣкто Владиміровъ, явившись въ обычное время на приемъ и принятый въ кабинетъ губернатора, внезапно произвелъ въ генерала Баранова выстрѣль изъ револьвера. Пуля пролетѣла на „два пальца“ отъ груди его превосходительства, которымъ „злодѣй“ былъ затѣмъ обезоруженъ.

Таковы были первыя извѣстія, распространившіяся по городу и на ярмаркѣ; весьма понятно, что городъ и ярмарка кинулись съ поздравленіями.

Поздравлять, пожалуй, было съ чѣмъ, такъ какъ въ это время карьера блестящаго генерала попала, выражаясь старымъ морскимъ терминомъ, „въ полосу мертваго ютия“. Губернаторствовалъ онъ уже около десяти лѣтъ и, казалось, на долго застрялъ въ нижегородской гавани. Но временамъ онъ издавалъ яркіе приказы, публично сѣкъ на ярмаркѣ „смутяновъ“, приглашая для присутствія на экзекуціяхъ корреспондентовъ, но все это были сравнительно мелочи. Между тѣмъ—выстрѣль, покушеніе, опасность. Въ тѣ времена это не было еще такъ „обыкновенно“, какъ въ наши дни, и потому обращало вниманіе всей Россіи (а также, конечно, высшихъ сферъ) на этого Алквиада въ губернаторскомъ мундирѣ. Къ квартире губернатора съ грохотомъ подѣбзжали извозчики, лихачи, кареты, изъ которыхъ выходила мундирная и немундирная публика. Пріѣхалъ архіерей, жандармскій генераль, начальники разныхъ вѣдомствъ, а какой-то изъ видныхъ военныхъ начальниковъ явился даже въ сопровожденіи хора военной музыки, которая подъ балкономъ губернатора грянула

„народный гимн“ . Слово „чудесное избавление“ повторялось то и дѣло, сыпались поздравительные телеграммы со всѣх концовъ Россіи отъ поклонниковъ героя „Весты“ и т. д.

Однимъ словомъ, „выстрѣль“ Владимира отдался по всей Россіи гулко, широко и шумно. Въ мотивахъ покушенія никто не сомнѣвался: конечно—политика. Изъ источниковъ близкихъ къ губернатору, стало извѣстно, что, при обыскѣ въ квартирѣ стрѣлявшаго, найдена переписка съ „Женевой“.

Генераль Барановъ въ рѣчи, произнесенной на обычномъ обѣдѣ 26 августа, красивой по обыкновенію, хотя по обыкновенію же нѣсколько въ тонѣ расхожаго уличного патріотизма, говорилъ о томъ, что „въ храмѣ торговли, а слѣдовательно мира и покоя, онъ слышитъ слова: „покушение, выстрѣль, убийца“... Но—жалокъ не тотъ, кто падаетъ подъ ударомъ убийцы, а тотъ, кто, не справляясь съ условіями жизни, подъ личиной той или иной звонкой идеи, берется за пожъ или пистолетъ“. „Всероссійское купечество“ громомъ аплодисментовъ встрѣтило рѣчь губернатора-героя, а въ отвѣтныхъ спичахъ много говорилось о „Вестѣ“, о борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ и о вѣрномъ царскомъ слугѣ, не жалѣющемъ жизни на отвѣтственномъ посту. Телеграммы „агентства“ разносили отголоски этого краснорѣчія во всѣ концы Россіи, гдѣ только есть газеты.

И вдругъ, среди этого шумнаго чествованія, подъ гулъ рѣчей и при потокѣ всякихъ поздравленій „герою“—въ городѣ начинаютъ циркулировать слухи, что въ сущности никакого „выстрѣла съ политической цѣлью“ не было, а было загадочное нападеніе, едва ли не романического свойства, сводящееся въ концѣ концовъ къ довольно прозаическому рукоопашному единоборству...

Уже 24 августа редакторъ мѣстной газеты „Нижегородский Биржевой Листокъ“, купецъ Жуковъ, писалъ: „къ сожалѣнію, есть много малодушныхъ (sic) людей, которые ищутъ въ этомъ происшествіи нѣчто подобное семидесятымъ годамъ“, между тѣмъ, какъ „благоразумные люди... остаются одного мнѣнія, что злодѣй Владимира продѣлалъ свое преступленіе не болѣе, какъ съ цѣлью покончить съ собою какимъ-нибудь способомъ, не прибѣгая къ самоубійству“. Въ одномъ изъ послѣдующихъ номеровъ почтенный купецъ-редакторъ меланхолически объяснялъ происшествіе „избыткомъ просвѣщенія“. На это другая газета „Нижегородская Почта“ привела ироническую справку: Владимира окончилъ только уѣздное училище. „Избыткомъ“ это могло казаться только г-ну Жукову.

То время было очень глухое для печати, и потому публика

умѣла ловить „оппозицію между строкъ“. Читатель отмѣтилъ, что Жуковъ, не отрицая „злодѣйскаго выстрѣла“, не желаетъ придавать дѣлу политического значенія. А уже это было все-таки знаменательно.

Въ то время въ Нижнемъ было три газеты (не считая „Епархіальныхъ Вѣдомостей“). Первая — указанный выше „Нижегородскій Биржевой Листокъ“, издаваемый бывшимъ рыбинскимъ мучнымъ торговцемъ, разорившимся на мучномъ дѣлѣ и потому отдавшимъ себя служенію провинциальной прессѣ *). Почти всю газету онъ наполнялъ самъ. Писалъ онъ полуцерковнымъ стилемъ, передовыя статьи начиналь ирмосами и кондаками, а продолжаль такъ витевато и запутанно, что порой нельзя было добраться до смысла. Поволжскія газеты любили цитировать эти туманно-загадочные періоды для развлеченія своихъ читателей и смѣялись надъ „безграмотнымъ редакторомъ“. Жуковъ, впрочемъ, относился къ этимъ насыщеннымъ съ величавымъ простодушиемъ.

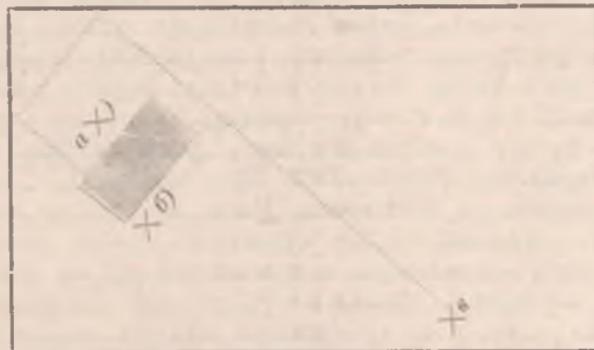
Ген. Барановъ придавалъ значеніе печатному слову, но онъ понималъ, что слово Жукова ничего не можетъ прибавить къ его лаврамъ, и относился къ „Листку“ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ.

Полной благосклонностью губернатора и его канцеляріи пользовалась другая газета „Нижегородская Почта“, издававшаяся только во время ярмарки и являвшаяся філіальнымъ отдѣленіемъ пастуховскаго „Московскаго Листка“. Велась она бойко, живо, даже прямо талантливо, что станетъ понятно, если прибавить, что главной рабочей силой въ этой газетѣ былъ г-нъ Дорошевичъ. Фельетоны его сверкали тѣмъ же остроуміемъ, которое впослѣствіи стало знакомо болѣе широкимъ и болѣе интеллигентнымъ кругамъ читателей, но въ то время оно было направлено въ другую сторону, если впрочемъ было вообще куда-нибудь направлено. Газета щеголяла ежедневнымъ фельетономъ и хроникой ярмарочной жизни, свѣдѣнія для которой получала изъ первыхъ источниковъ и всегда ранѣе „Листка“. Этимъ объяснялась отчасти нѣкоторая склонность къ оппозиціи со стороны Жукова и то обстоятельство, что среди запутанныхъ шарадъ съ текстами изъ священнаго писанія порой читатель улавливавъ (можеть быть и не всегда основательно) непріятные для ген. Баранова намеки, хотя, конечно, не было недостатка и въ явно работѣнныхъ панегирикахъ.

*) Объ этой несомнѣнно оригинальной фигурѣ рассказывалъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. М. Скабичевскій (въ „Новостяхъ“). Въ свое время имъ много занималась поволжская пресса.

„Нижегородская Почта“, а за нею „Московский Листок“ первые дали обстоятельное и подробное описание покушения и выстрѣла. Описание было составлено очень бойко и живо, основывалось, очевидно, на самыхъ компетентныхъ источникахъ, но хроникеръ видимо такъ стремился дать его читателямъ газеты поскорѣе, что совершенно не позаботился объ устраненіи бывающихъ въ глаза странностей. Между прочимъ, въ одной изъ этихъ газетъ былъ приложенъ и планъ губернаторскаго кабинета, где произошло покушеніе, съ точнымъ обозначеніемъ положенія дѣйствующихъ лицъ и мѣста, куда попала револьверная пуля.

Вотъ этотъ планъ ^{*)}.

Зачерченный прямоугольникъ представляетъ столъ, за которымъ (буква *a*) сидѣлъ губернаторъ Баановъ. Буквою *b* обозначено положеніе стрѣлявшаго. Буква *c* поставлена въ томъ мѣстѣ, где пуля вошла въ толстую дубовую настилку паркета. Такъ какъ очевидно, что Владимировъ, мѣся въ губернатора, сидѣвшаго за столомъ, не могъ всадить пулю въ паркетъ въ противоположномъ концѣ комнаты (пуля при томъ вошла очень глубоко и почти вертикально), то хроникеръ построилъ собственную гипотезу, объяснявшую эту странность. Но его мнѣнію, губительная пуля, пролетѣвъ у самой груди губернатора, ударила въ стѣну, отразилась отъ нея, ударила въ другую, опять отразилась и, пролетѣвъ черезъ большую комнату, воинилась съ огромною еще силою въ паркетъ... Эту траекторію—вѣроятно неслыханную въ баллистикѣ, особенно для свинцовой револьверной пули, которая тутъ прыгаетъ и отражается точно костяной шаръ на биллардѣ,— хроникеръ изобразилъ для наглядности пунктирной линіей...

^{*)} Воспроизвожу по памяти, ручаясь, однако, за точность существенныхъ деталей.

Совершенно понятно, что даже въ читатель не особенно внимательномъ это описание должно было вызвать нѣкоторое скептическое недоумѣніе. Эти чувства еще усилились, когда появился въ свѣтѣ № 35 третьей нижегородской газеты, официальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, которая, конечно, по самому своему положенію органа губернской власти, должны были знать всѣ подробности событія по „официальнымъ даннымъ“.

Оказалось, однако, что официальный органъ далъ сообщеніе, образцово безмысленное и полное самыхъ нелѣпыхъ противорѣчій. „21 августа (20?), — писалъ хроникеръ „Вѣдомостей“, — Владиміровъ, пользуясь доступностью генерала, обратился къ послѣднему съ просьбой принять его. На другой день (т. е. 22?) онъ былъ принятъ въ кабинетъ, какъ обыкновенный посѣтитель. Долгое молчаніе преступника заставило генерала обратить на него вниманіе. Николай Михайловичъ взглянула на него и, увида, что тотъ въ рукахъ держитъ револьверъ, направленный ему въ голову, — схватилъ преступника за руку“.

Итакъ, первый моментъ покушенія рисуется такъ, что генераль Барановъ, погруженный вѣроятно въ дѣла, не обращаетъ вниманія на посѣтителя. Когда же „долгое молчаніе“ вошедшаго становится уже страннымъ, — онъ поднимаетъ глаза и видѣтъ револьверъ, направленный ему въ голову. Задачочный посѣтитель чего-то ждетъ въ этой эффектной позѣ. Онъ ждетъ даже, пока губернаторъ выйдетъ изъ-за стола и схватить его за руку. Дальше идетъ описание борьбы, для характеристики которого достаточно привести слѣдующую замѣчательную фразу: „Злодѣй не выпускалъ изъ рукъ намѣченной жертвы, стараясь схватить ее (!!)“, и все завершается новой ошеломляющей неожиданностью: „Преступникъ говорилъ, что успѣхъ его злодѣянія помышдалъ разорванный карманъ его шароваръ, въ которомъ находился револьверъ, что и помѣщало ему совершить преступленіе“. Итакъ, „преступнику“, стоявшему „въ долгомъ молчаніи“ съ револьверомъ, пацѣленнымъ прямо въ голову губернатора, — помѣщалъ выстrelить... разорванный карманъ его шароваръ!

Понятно, что эти изумительные варианты сообщенія о фактической сторонѣ покушенія, данныхъ при томъ двумя газетами, черпавшими свѣдѣнія изъ непосредственныхъ источниковъ, — вызывали въ читающей публикѣ недоумѣнія и вопросы: что же собственно происходило 21 августа въ пріемной губернатора Баранова? И былъ ли въ дѣйствительности этотъ выстрѣль, отдавшійся такимъ громкимъ эхомъ по всей странѣ, или, какъ говорили уже нѣкоторыи лица, „склонныя къ оппозиціонному образу мыслей“, — никакого выстрѣла въ дѣйствительности не было.

Это послѣднее мнѣніе получило вскорѣ поддержку со стороны, тоже въ своемъ родѣ „компетентной“. Осторожно, въ партикулярныхъ разговорахъ „по секрету“ и „между нами“, начальникъ жандармскаго округа, генераль И. Н. Познанскій, сообщилъ кое-кому изъ знакомыхъ, что никакого выстрѣла не было.

Генераль Познанскій — это была фигура тоже въ своемъ родѣ примѣчательная. Въ 70-хъ годахъ много писали о сенсаціонномъ процессѣ француженки-губернантки Маргариты йюжанъ, обвинявшійся въ отравлении на романической почвѣ сына жандармскаго полковника, гимназиста Познанскаго. Присяжные дважды вынесли Маргаритѣ йюжанъ оправдательный вердиктъ, въ обществѣ много говорили о жандармско-семейной драмѣ, по обыкновенію украшая ее мрачно-мелодраматическими атрибутами, чemu отчасти способствовало оглашеніе дневника погибшаго загадочной смертью гимназиста. Такимъ образомъ, назначенный (уже въ чинѣ генерала) въ Нижній-Новгородъ, — Познанскій принесъ туда свою широкую и нѣсколько загадочную извѣстность. Впрочемъ, ничего особенно выдающагося и трагического въ этой обще-жандармской фигурѣ не замѣчалось. Это былъ довольно тучный старый человѣкъ, съ полными оранжеваго цвѣта губами и одутлымъ лицомъ привычнаго морфиниста. Особеннаго злоныхательства по своей должности онъ не проявлялъ, хотя полагающуюся по штату долю доносовъ, обысковъ и арестовъ выполнялъ неукоснительно. У него было нѣсколько „коньковъ“, на которыхъ онъ выѣзжалъ съ упорствомъ маніака. Прежде всего — онъ считалъ и кричалъ объ этомъ повсюду, что нижегородская полиція „не стоитъ на высотѣ“ и не способна оказывать ему содѣйствіе въ борьбѣ съ крамолой. Затѣмъ онъ считалъ себя ученымъ и по временамъ читалъ даже публичныя лекціи по гальванизму. Лекціи были совершенно бездарныя и скучныя по содержанію, но оригинальныя по обстановкѣ: въ качествѣ ассистентовъ выступали расторопные жандармскіе фельдфебели и унтеры, помогавшіе „начальнику округа“ устанавливать и демонстрировать приборы. Порою ранніе посѣтители, приходившіе въ залъ всесословнаго клуба задолго до начала лекціи, натыкались на оригиналъное зрѣлище: на театральной аренѣ съ приподнятымъ занавѣсомъ, имѣвшемъ при скучномъ освѣщеніи видъ нѣкой пещеры, — суетился толстый генераль на коротенькихъ ножкахъ, а по его командѣ молчаливые унтеры, позвякивая шпорами, разставляли какие-то треножники и цилинды, опутывая все это проволоками. Въ общемъ зрѣлище напоминало нѣчто фантастически-инквизиціонное. Мѣстныя

корреспонденты приволжскихъ газетъ, народъ все болѣе или менѣе неблагонадежный, для которыхъ однако ненавистная служебная дѣятельность лектора была предметомъ недосягаемымъ,—пользовались случаемъ и накидывались на эти лекціи съ ожесточенiemъ, далеко непропорціональнымъ самому предмету. Всѣдѣ за лекціей, въ газетахъ Казани, Самары, Саратова являлись язвительные фельетоны, а иногородніе цензоры, не подозрѣвая „крамолы“, пропускали ихъ, думая, что рѣчь идетъ о выступленіяхъ какого-нибудь зауряднаго „любителя“. Познанскій, конечно, отлично чувствовалъ, въ чемъ тутъ дѣло, и употреблялъ всѣ усилия, чтобы раскрыть исев-донимы крамольниковъ, нападавшихъ такимъ лукаво-прикрѣвеннымъ способомъ на самую „идею“ жандармской власти. Если ему удавалось (иногда и ошибочно) узнать фамилію автора, то — совершенно bona fide онъ причислялъ его къ „неблагонадежнымъ элементамъ“.

Наконецъ — была у Познанскаго еще одна слабость: онъ покровительствовалъ „кустарной промышленности“. Всѣдѣствіе этого жандармскіе нижніе чины, назначенные, напримѣръ, въ знаменитое кустарное село Павлово, кромѣ прямыхъ обязанностей — слѣдить за проявленіями „образа мыслей“ — выполняли и другія болѣе мирныя функции: скупали образцы издѣлій для кустарного музея, помѣщавшагося въ Нижнемъ на Б. Покровкѣ и тоже не свободного въ то время отъ частаго присутствія синихъ мундировъ. Это, конечно, вело къ разнымъ нежелательнымъ смѣщеніямъ, и я помню, что довольно приличнаго на видъ молодого человѣка, завѣдывавшаго въ то время музеемъ, — многие — вѣроятно неосновательно — считали политическимъ сыщикомъ. И это понятно: трудно было разобрать, — кустарная ли промышленность дилетантски поощряется ссыкными властями или, наоборотъ: профессиональный ссыкъ пользуется видимостью кустарного дилетантства.

Этотъ жандармскій генераль былъ въ сильныхъ „контрахъ“ съ губернаторомъ. Во 1-хъ, они являлись соперниками по мѣстной „внутренней политикѣ“. Во 2-хъ, Баранова, вѣроятно, задѣвали нападки Познанскаго на „подвѣдомую“ губернатору полицію, а такъ какъ Барановъ былъ человѣкъ остроумный, то Познанскаго въ свою очередь бѣсили остроты губернатора, направленныя на его „ученую дѣятельность“. Трудно определить въ точности, какъ это, въ конечномъ счетѣ, отражалось на судьбѣ обывателей. Съ одной стороны, — кто умѣлъ намекнуть въ просьбѣ губернатору, что онъ является жертвой жандармскихъ преслѣдованій, тотъ нерѣдко пользовался дѣятельной защитой Баранова; съ другой стороны, — тотъ же Ба-

рановъ, чтобы досадить Познанскому, изображалъ, напримѣръ, известнаго инициатора павловской артели А. Г. Штанге на-садителемъ крамолы, которую, благодаря своей слабости къ кустарнымъ промысламъ, не видѣть окружной жандармской начальникъ. Познанскій, конечно, аттестовалъ, съ своей сто-роны, и г-на Штанге, и артель съ наилучшей стороны, уже изъ противорѣчія Баранову. Петербургскія власти олимпійски взирали на эти диспуты представителей мѣстной администраціи, склоняясь то на ту, то на другую сторону. Барановъ, пользуясь правами усиленной охраны, выслалъ г-на Штанге за предѣлы губерніи, но аттестаціи Познанскаго помогли ему вернуться въ Павлово, какъ только окончилась ярмарка, а съ ней и охрана... Да, — то были счастливыя времена, когда охрана ограничивалась трехмѣсячнымъ срокомъ!

Итакъ,—этотъ жандармскій генералъ, если не самъ руко-водившій первоначальнымъ дознаніемъ о покушеніи, то во всякомъ случаѣ очень къ нему близкій, вскорѣ же, пожимая плечами, сообщиль кое-кому (конечно, конфиденціально), что Владиміровъ вовсе не стрѣлялъ въ губернатора и что ничего „политического“ въ этомъ случаѣ нѣтъ. Была рукопашная, въ которой побѣдителемъ оказался Владиміровъ. Когда прибѣжа-вшіе на шумъ швейцаръ и прислуга схватили Владимірова, то, дѣйствительно, въ карманѣ послѣдняго оказался револьверъ. Генералъ Барановъ, взявъ этотъ револьверъ, отошелъ въ уголь комнаты и со словами: „да онъ еще заряженъ ли?“—выстрѣ-лилъ въ паркетъ. Этотъ-то выстрѣлъ и отдался затѣмъ по всей Россіи, какъ „покушеніе на нижегородскаго губернатора“...

Сначала это казалось маловѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что ген. Барановъ совершенно недвусмысльно поддерживалъ версію о выстрѣлѣ *от него* (даже во всеподданѣйшемъ отчетѣ о ми-нувшей ярмаркѣ). Черезъ нѣсколько дней послѣ покушенія я встрѣтилъ на улицѣ покойнаго Александра Серафимовича Гацкскаго, возвращавшагося отъ губернатора, у которого онъ часто бывалъ по разнымъ дѣламъ. Онъ хорошо зналъ Бара-нова, но признавался близкимъ знакомымъ, что, даже зная „всѣ его фокусы“, не можетъ не питать къ нему какой-то трудно-объяснимой слабости. Этой слабостью Барановъ пользовался совершенно безощадно, и впослѣдствіи Гацкскому пришлось за нее поплатиться тиженными нравственными страданіями *).

*) Между прочимъ, А. С. Гацкий былъ лѣтописцемъ Нижегор. края, и, если онъ довелъ свои дневники до 90-хъ годовъ, то вѣроятно въ нихъ можно найти и подробное описание покушенія 21 августа 1890 г. Я при-вожу иллюзию лишь съ памяти нѣкоторыхъ черты события, какъ мнѣ рассказалъ ихъ А. С. при случайной встрѣчѣ.

Увидѣвъ на Студеной улицѣ характерную прямую фигуру Гацискаго, я подошелъ къ нему и, поздоровавшись, спросилъ:

— Скажите, Александръ Серафимовичъ,—что же въ концахъ концовъ: стрѣлилъ Владимировъ ѿ Баранова, или не стрѣлилъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня, улыбнулся своей особенной добродушно-тонкой улыбкой и сказалъ:

— Вы это для „Русскихъ Вѣдомостей“?

— Для исторіи, Александръ Серафимовичъ, для исторіи!— отвѣчалъ я,—развѣ о такихъ вещахъ можно напечатать что-нибудь щекотливое въ газетахъ.

— Ну, извольте.—И онъ рассказалъ мнѣ, что ему удалось узнать изъ первыхъ рукъ.

Услыхавъ въ городской управѣ о „покушеніи“, Гацискій тотчасъ же отправился къ губернатору „поздравить съ избавлениемъ отъ опасности“, а также (опять таки не для газетъ, а „для исторіи“) собрать точныя свѣдѣнія.

Прѣѣхалъ онъ однимъ изъ первыхъ, когда очевидцы еще рассказывали по первому впечатлѣнію то, что видѣли, и не успѣла еще сложиться хоть сколько-нибудьстройная официальная версія (она, впрочемъ, такъ и не успѣла сложиться до конца и попала въ печать „несобранной“). Первымъ подѣлился съ Александромъ Серафимовичемъ своими впечатлѣніями губернаторскій швейцарь. Сей простодушный служитель сообщилъ, во-первыхъ, что Владимировъ пришелъ 21 августа уже не въ первый разъ: онъ приходилъ и раньше, губернаторъ принималъ его въ кабинетѣ и, повидимому, за что-то сердился. Этотъ разъ вскорѣ послѣ того, какъ за посытителемъ закрылась дверь кабинета, послышался крупный разговоръ, а затѣмъ еще черезъ нѣкоторое время что-то запищало, „вродѣ какъ заяцъ“. Швейцарь и дежурный чиновникъ сохранили при этомъ вполнѣ спокойствіе, такъ какъ думали, что это генераль „учить“ просителя.

— А развѣ бываетъ?—спросилъ Гацискій.

— Бываетъ,—просто отвѣтилъ швейцарь (и этому кажется егко повѣрить, если прочитать хотя бы восторженную статью Дѣлова въ „Недѣль“*, озаглавленную „Электрическій генераль“*) и рассказывающую обѣ обращенія ген. Баранова съ чиновниками). Однако, черезъ нѣкоторое время звуки, доносившіеся сквозь запертую дверь, стали напоминать предсмертное хрюканіе. Тогда швейцарь съ дежурными чиновниками, опасаясь чего-нибудь экстренно дурнаго для „проси-

*.) Книжки „Недѣли“, кажется, 1895 года.

тели“, — вбежали въ кабинетъ. Здѣсь ихъ поразило совершенно неожиданное зрѣлище. Головой къ кушеткѣ, стоявшей у стола, на полу лежалъ ген. Барановъ, а на немъ сидѣлъ „проситель“, сжимавшій его за воротникъ съ такой силой, что—еще двѣ-три минуты—и жизни генерала Баранова грозила явная опасность...

— Ну, а когда же онъ стрѣлялъ?—спросилъ у швейцара Гацкскій.

— Да онъ не стрѣлялъ, вовсе. Когда Владимірова стащили съ его пр-ва, то обшарили у него карманы и нашли револьверъ.—„Ваше превосходительство,—у него револьверъ“,—сказалъ швейцарь губернатору.—„Ну, что-жъ такое,—отвѣтилъ генералъ. — Да онъ еще можетъ быть и не заряженъ“. И, отойдя въ уголъ кабинета, генералъ выстрѣлилъ въ полъ.

Впослѣдствіи ген. Барановъ, бывшій предсѣдателемъ архивной комиссіи и заботившійся о матеріалахъ для мѣстной исторіи,—велѣлъ вынуть квадратъ паркета съ пулей и отдать его въ музей комиссіи. Тамъ онъ находится, если не ошибаюсь, и понынѣ. Слѣдъ пули почти вертикальный. Для того, чтобы, пролетѣвъ на два пальца отъ груди, пуля могла подобнымъ образомъ войти въ половицу,—выстрѣль долженъ бы быть сдѣланъ развѣ съ потолка.

Такъ эта исторія и осталась неразѣясненной. Кажется, что комиссія въ секретномъ донесеніи отрицала выстрѣль, генералъ Барановъ настаивалъ, что въ него стрѣляли. Въ одномъ высоко-офиціозномъ донесеніи онъ нарисовалъ даже психологію „покусителя“. По словамъ губернаторскаго доклада, Владиміровъ, живя въ Арзамасѣ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ политическихъ ссыльныхъ. Въ своихъ „докладахъ“ Барановъ вообще съ истиной церемонился мало. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, любой критикъ доклада могъ бы доказать документально, что съ шестидесятыхъ годовъ, когда въ Арзамасѣ былъ сосланъ извѣстный писатель Гирсь, находившійся тамъ подъ надзоромъ полиціи, и до начала девяностыхъ—въ Арзамасѣ никто не ссылался. Но въ шестидесятыхъ годахъ Владиміровъ былъ развѣ груднымъ младенцемъ, а въ концѣ 80-хъ жилъ уже въ Нижнемъ и служилъ въ полицейскомъ участкѣ. Такимъ образомъ, вся психологическая часть доклада, указывавшая на „развращающее вліяніе политическихъ ссыльныхъ“, въ данномъ случаѣ являлась совершенной и, конечно, завѣдомой „беллетристикой“.

О самомъ Владиміровѣ представление составить очень трудно. Это былъ, во всякомъ случаѣ, юноша загадочный и странный. Говорили, между прочимъ, о какой-то романиче-

ской исторіи и „соперничествѣ“, но это мало вѣроятно. Говорили также о мести за семейную честь, но также, кажется, безъ всякихъ основаній. Говорили наконецъ, будто при обыскѣ у Владимірова нашли цѣлую переписку съ какими-то женевскими „комитетами“, которая, будто нарочно, была уложена въ столѣ, въ полномъ порядкѣ пачками, перевязанная ленточками. Экспертиза признала, что всѣ эти письма написаны самимъ Владиміровымъ.

О судьбѣ Владимірова гадали различно. Предполагали военный судъ и смертную казнь. Жуковъ писалъ, какъ мы видѣли, о покушеніи, какъ обѣ особой формѣ самоубийства. Другие говорили, что Владимірова увезли въ Петербургъ, что тамъ онъ сдѣлалъ какія-то разоблаченія, вслѣдствіе которыхъ его помилуютъ, а губернатора отдадутъ подъ судъ. Материалы слѣдствія были сбивчивы и противорѣчивы.

Мудрое начальство разрубило гордіевъ узель. Для суда, даже военнаго, данныхъ очевидно не было. да едва ли было удобно съ точки зрѣнія „престижа власти“ судебное разбирательство въ столь загадочномъ и фантастическомъ дѣлѣ. Но, предполагая даже и наименѣшее, всетаки несомнѣнно, что человѣкъ, позволявшій себѣ сидѣть на губернаторѣ и душить его за горло,—обнаружилъ непочтительность къ власти и преступный образъ мыслей. Почему, не предавая виновнаго суду, дѣло разрѣшили келейно, въ „административномъ порядке“.

Вскорѣ появились въ газетахъ краткія извѣстія о томъ, что по Высочайшему повелѣнію сынъ канцелярскаго служителя Владиміровъ отдается на 5 лѣтъ въ Оренбургскій дисциплинарный баталіонъ.

Газеты поневолѣ воздержались отъ комментаріевъ. Общество было предоставлено въ жертву разныхъ болѣе или менѣе фантастическихъ догадокъ и слуховъ. „Шуля“, кажется, до сихъ поръ хранится въ музѣѣ, и „выстрѣлъ“ занесенъ въ лѣтопись безъ возраженій *).

1908 г.

*) Р. С. Вноскѣдствія г-нѣ М. П. Б-въ сообщилъ мнѣ, что въ 1898 г. г-нъ старой Самарской одиночной тюрьмѣ онъ, во время прогулки столкнулся съ Владиміровымъ. Это, по его словамъ, былъ худой, изможденный человѣкъ, о которомъ надзиратели сообщали, что онъ пересыпается изъ Крестовъ, где просидѣлъ 5 лѣтъ. „Я,—пишетъ г-нъ Б-въ,—перекинулъ съ Влад. нѣсколькими словами и припѣль къ заключенію, что пребываніе въ Крестахъ вѣроятно подѣствовало на него очень тяжело... Онъ сильно запикался и вообще пропаводилъ впечатлѣніе человѣка не совсѣмъ здороваго“. О пребываніи Владимірова въ дисциплинарномъ баталіонѣ я слышала отъ человѣка вполнѣ достовѣрнаго и полагаю, что г. Б. видѣлъ вѣроятно другого Владимірова.

Легенда о царе и декабристѣ.

(Страница изъ истории освобождения).

I.

10 сентября 1856 года губернаторомъ въ Нижній-Новгоро-
родъ былъ назначенъ генералъ-майоръ Александръ Николае-
вичъ Муравьевъ.

Послужной списокъ новаго губернатора былъ не совсѣмъ
обыкновенный. Родился въ 1792 году, девятнадцати лѣтъ
участвовалъ въ отечественной войнѣ, получилъ знакъ отличія
за кульмское сраженіе. Двалцати четырехъ лѣтъ былъ уже
полковникомъ, но въ 1816 году, заразившись заграничными
идеями, внезапно бросилъ службу и, вмѣстѣ съ Никитой
Муравьевымъ, основалъ первое въ Россіи тайное общество
„Союзъ благоденствія“. Еще шагъ—и онъ очутился въ средѣ
декабристовъ.

Въ „Росписи государственнымъ преступникамъ, пригово-
ромъ верховного уголовного суда осуждаемымъ къ разнымъ
казнямъ и наказаніямъ“ по дѣлу о возстаніи 14 декабря,
А. Муравьевъ значится въ разрядѣ VI, гдѣ о немъ сказано
такъ:

„Полковникъ Александръ Муравьевъ. Участвовалъ въ
умыслѣ цареубийства согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ,
равно какъ участвовалъ въ учрежденіи тайного общества,
хотя потомъ отъ оного совершенно удалился, но о цѣли оного
не донесъ“ *).

По приговору суда, государственные преступники этого
разряда (которыхъ, впрочемъ, было только двое: полковникъ
Муравьевъ и дворянинъ Люблинскій) подлежали ссылкѣ въ
каторжныи работы на шесть лѣтъ и поселенію въ Сибири.
Но, въ виду „чистосердечнаго раскаянія“, участъ А. Н. Му-
равьева была смягчена. Онъ былъ сосланъ въ Восточную
Сибирь безъ лишенія чиновъ и орденовъ, а черезъ два года

*) См. „Декабристы“ (официальные документы). Изд. В. М. Саблина.

получилъ право опредѣлиться на государственную службу. Бывшій полковникъ, основатель „Союза благоденствія“ и декабристъ, сталъ въ 1828 году иркутскимъ городничимъ.

Съ этихъ поръ онъ проходилъ разныя ступени чиновничьей іерархіи, былъ послѣдовательно предсѣдателемъ — сначала иркутскаго, потомъ тобольскаго губернскаго правленія, исправлялъ временно должность тобольскаго губернатора, затѣмъ въ 1834 году возвратился въ Европейскую Россію, въ качествѣ предсѣдателя вятской уголовной палаты. Потомъ занималъ ту же должность въ губерніи Таврической, потомъ сталъ губернаторомъ въ Архангельскѣ. Въ 1854 году опять поступилъ на военную службу и участвовалъ въ севастопольской кампаніи. Здѣсь застала его перемѣна царствованія.

Молодой императоръ не скрывалъ своего желанія приступить къ освобожденію крестьянъ. Искренность этихъ его тогдашнихъ намѣреній обнаружилась, между прочимъ, въ томъ, что онъ окружилъ себя людьми, настроенными освободительно: параллельно съ оживленіемъ въ обществѣ и народѣ, въ бюрократіи тоже происходили соотвѣтственные перемѣщенія и перемѣны. Муравьевъ рѣшилъ опять бросить военную службу и отдать великому дѣлу свою административную опытность, приобрѣтенню въ сибирскихъ, вятскихъ и архангельскихъ чиновничихъ дѣбрахъ.

Такимъ-то образомъ, въ тревожные, какъ грозовое весеннее утро, годы наканунѣ реформы, когда въ воздухѣ уже рѣяли всевозможные слухи и превратныя толкованія, когда въ народѣ разносились крамольныя вѣсти о предстоящей свободѣ, а дворянство и власти растерялись и не знали, какъ отнестись ко всему происходящему, — Нижний-Новгородъ былъ осчастливленъ вѣстью о назначеніи губернаторомъ основателя первого въ Россіи тайного общества, бывшаго участника „въ замыслѣ цареубийства“, декабриста, приговореннаго нѣкогда къ каторгѣ.

Что же представилъ онъ на самомъ дѣлѣ, и каково то „искреннее раскаяніе“, которое позволило „каторжнику“ подвигаться по ступенямъ службы и занять, наконецъ, одинъ изъ важнѣйшихъ постъ Петербурга и Москвы губернаторскихъ постовъ? Да еще въ такое тревожное время!

Естественно, что этотъ вопросъ, очень важный, пожалуй, трагический для тогдашнихъ „командующихъ классовъ“ нижегородского губернскаго міра, занимать всѣхъ при этомъ назначеніи. Ждать его разрѣшенія пришло недолго. Губернаторъ-крамольникъ обнаружилъ свою личность выразительно и ярко, надолго оставивъ по себѣ память въ Нижегородскомъ краѣ.

II.

Въ то время, когда я поселился въ Нижнемъ, то есть въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлого столѣтія, тамъ еще сохранились кое у кого списки многочисленныхъ сатиръ и пасквилей, въ которыхъ поэты, главнымъ образомъ дворянскаго сословія, пытались воспроизвести фигуру Муравьевъа въ томъ видѣ, какъ она представлялась съ дворянской точки зрѣнія. Лѣтописецъ Нижегородскаго края, извѣстный въ свое время „областникъ“, А. С. Гаціскій тщательно собралъ и сохранилъ отъ забвенія эту рукописную литературу, передавъ ее въ мѣстную архивную комиссию. Въ 1897 году нѣкто г. Юдинъ извлекъ изъ архивныхъ нѣдѣръ и напечаталъ въ „Русской Старинѣ“ (сентябрь) самое объемистое изъ произведеній этого „муравьевскаго цикла“, такъ и озаглавленное: „Муравіада“. Нужно сказать съ нѣкоторымъ прискорбіемъ, что это поэма очень грязная, написанная неуклюжимъ стилемъ и вообще бездарная до оскорблѣнія вкуса. Но для характеристики Муравьевъа въ ней всетаки есть интересныя черты. Г. Юдину показалось даже, что она выражаетъ отрицательное отношеніе къ Муравьеву всего населенія. Это — наивность тѣмъ большая, что „всего населенія“ тогда, пожалуй, вовсе и не было. Были мужики, нетерпѣливо ждавшіе свободы и глухо волновавшіеся въ этомъ своемъ нетерпѣніи: было образованное общество, въ восторгомъ встрѣчавшее всякий шагъ на пути освобожденія, и было большинство дворянъ, растерянныхъ и испуганныхъ реформой. И у каждого изъ этихъ элементовъ было свое отношеніе ко всему, въ томъ числѣ, конечно, и къ Муравьеву. Не трудно было разглядѣть, что „Муравіада“ отражала губернатора-декабриста въ крѣпостническомъ зеркальѣ. Вся она проникнута острой, но безсильной враждой, вынужденной питаться пошловатыми мелкими сплетнями, направленными вдобавокъ (не совсѣмъ поджентльмэнски) не столько даже противъ самого Муравьевъа, сколько противъ жившей у него племянницы, фрейлины Муравьевой.

Надо, однако, отдать справедливость дворянской музѣ. Она не ограничилась одной „Муравіадой“ и въ нѣкоторыхъ, не столь объемистыхъ ея произведеніяхъ видны, пожалуй, искренность, и одушевленіе. Искренность вражды, одушевленіе ненависти, но все же эти чувства подымаютъ тонъ, диктуютъ порой яркіе, гнѣвные, иной разъ даже слишкомъ выразительные эпитеты.

Например:

И отъ злости ты ревѣль,
Лиходѣй лукавый,
Что въ крестьянахъ не успѣль
Бууть возжечь кровавый.

Или:

Ты хитрѣйшій санкюлотъ,
Хуже всѣхъ французскихъ.
Девяносто третій годъ
Готовилъ для русскихъ.

Самые мягкие изъ этихъ отзывовъ обвиняютъ Муравьеву въ томъ, что онъ

...популярности искалъ,
Свободы духъ распространялъ,
Прогрессомъ бредилъ и народъ
На бунтъ подталкивалъ впередъ.

Особенно часто и злорадно дворянская сатира останавливается на такъ называемой „Муравьевской башнѣ“. Въ 80-хъ и даже девятидесятыхъ годахъ остатки ея еще можно было видѣть на высокомъ берегу Оки, противъ ярмарки, и нужно признать, что сооружение вышло не изъ удачныхъ. Предполагалось водрузить на ней огромный циферблатъ, видный „со стрѣлки“, который, повидимому, долженъ былъ напоминать всероссийскому купечеству обязательные часы открытия и закрытия лавокъ, во избѣжаніе законного штрафованія. Okазалось, однако, что часы видны плохо. Башня, кроме того, дала трещины, и верхний ея этажъ пришлось для безопасности проходящихъ снять. Дворянская сатира нашла въ этомъ предметѣ обильную пищу, и около „муравьевской дылды“ зароились стишки, остроты, обвиненія, какъ грачи около старой колокольни. Много неуклюжихъ строкъ посвящено этой башнѣ въ „Муравіадѣ“. Другой поэтъ видѣтъ въ ея постройкѣ скрытую цѣль:

— Ты башню здѣсь соорудильтъ...
..Чтобъ поколѣнія земли
Въ виду ея съ почтеньемъшли,
Вспоминая каждый разъ,
Какъ ты господствоваль у насъ.
Какъ вольность здѣсь восстановилъ,
Вопросъ крестьянскій въ ходѣ пустынъ.

Здѣсь дворянская муза непосредственно простодушна и искрѣна: она ставитъ вопросъ прямо, не прибѣгая къ мелкой сплетнѣ. Для нея преступленіе Муравьеву состоить въ томъ, что онъ „восстановилъ вольность“ и „пустилъ въ ходъ крестьянскій вопросъ“, что и было на самомъ дѣлѣ.

Однако,—много было на Руси губернаторовъ, которые, по

приказу свыше и по долгу службы, „возстановили вольность“ и содействовали, по мѣрѣ силъ и усердія, рѣшенію крестьянскаго вопроса, однако, сколько извѣстно, ни одинъ не вдохновлялъ въ такой степени и такое количество дворянскихъ сатириковъ, какъ Муравьевъ. Вѣроятно потому, что въ нихъ видѣли просто исполнителей; на Муравьева же смотрѣли иначе: старый мечтатель и заговорщикъ,—

*Тайныи дѣйствуют чуткии,
Съ молоткомъ масона,
Онъ хотѣлъ быть палачомъ
И дворянъ, и трона.*

Крѣпостническое дворянство чувствовало въ Муравьевѣ не простого, хотя бы даже энергичнаго и умѣлаго исполнителя реформы. Въ его лицѣ въ тревожное время, передъ испуганными взглядами явился настоящій представитель того *духа*, который съ самаго начала столѣтія призывалъ предчувствовать, втайне творилъ реформу и, наконецъ, накликать ее. Старый крамольникъ, мечтавшій „о вольности“ еще въ „Союзѣ благоденствія“ въ молодые годы, пронесъ эту мечту черезъ крѣпостные казематы, черезъ ссылку, черезъ иркутское городничество, черезъ тобольскія и вятскія губернскія правленія и, наконецъ, на склонѣ дней стать опять лицомъ къ лицу съ этой „преступной“ мечтой своей юности. Только теперь,—съ горечью говоритъ дворянскій поэтъ,—

...все измѣнилось:
За что онъ погибалъ,
За то теперь возвысился,
Въ чести и въ славѣ сталъ.

И былъ это уже не мечтатель изъ романтическаго „Союза благоденствія“, а старый администраторъ, прошедший всѣ ступени дореформенного строя, не примирившійся съ нимъ, изучившій взглядомъ врага всѣ его извороты, вооруженный огромнымъ опытомъ. Вообще противникъ убѣжденный, страшный и—страшный!.. Научившійся выжидать, притаиваться, скрывать свою вѣру и выбирать время для удара. Когда,— говоритъ авторъ „Муравіады“,—

...на губернаторство
Къ намъ прибыль Муравьевъ,
Скрывалъ свое онъ варварство,
Покуда здѣсь былъ новъ.

Скоро, однако, онъ выпустилъ когти и, прежде всего, по свидѣтельству того же поэта,— „верхушки сталь ломать“. Поэма съ нескрываемымъ сочувствиемъ называется (инициалами) нѣсколькихъ крупныхъ дѣятелей откупного и чинов-

ничьяго міра, которыхъ „сломалъ“ сбросившій маску декабристъ, и затѣмъ продолжастъ съ негодованіемъ:

Да развѣ мы причиною,
Что съ нѣкоторыхъ порѣ
Идеть здѣсь подъ сурдиною
Всѣмъ людямъ переборъ.
Помѣщиковъ, сановниковъ
Всѣхъ гонить нашъ кащей,
И душить онъ чиновниковъ,
Какъ жирный котъ мышей.

Къ статьѣ А. А. Савельева („Р. Старина“, юнь 1898 г.), изъ которой я заимствовалъ нѣкоторыя изъ цитированныхъ фрагментовъ дворянской сатиры, приложенъ и портретъ Муравьевъ. Въ широкомъ, нѣсколько скучастомъ лицѣ сѣдого человѣка въ генеральскомъ мундирѣ сразу можно уловить типичныя муравьевскія черты; близкое родственное сходство съ его печально знаменитымъ виленскимъ братомъ сказывается ясно: та же энергія, тотъ же властный, только болѣе спокойный взглядъ, тотъ же отпечатокъ суровой угрюмости, только болѣе одухотворенный и благородный. Губы энергическаго склада, густыя брови надъ выразительными молодыми глазами. И мнѣ кажется теперь, когда я знаю основные черты этого характера, что, спокойные на портретѣ, эти глаза должны легко вспыхивать, а около губъ юится предчувствіе угрюмо насыщенной улыбки...

Еще характерная черточка бывшаго заговорщика.

Въ 80-хъ годахъ въ одномъ изъ журналовъ (кажется, въ „Вѣстникѣ Европы“) печатались записки крестьянина кустарного села Шавлова, Сорокина. Это былъ мечтатель, человѣкъ беспокойный, типический „ходокъ“, много и усиленно воевавший съ могущественнымъ креостникомъ Шереметевымъ за интересы крестьянъ знаменитаго села Павлова. Дѣло это было сложное и запутанное, Шереметевъ—противникъ опасный. Когда однажды Сорокинъ явился къ Муравьеву, тотъ принялъ его, выслушалъ очень внимательно, а затѣмъ подвелъ къ иконѣ и заставилъ поклясться, что онъ дѣйственно стоитъ только за интересы міра и не отступить передъ гонениями. Послѣ этого до конца своей (недолговременной, впрочемъ) службы Муравьевъ горячо поддерживалъ Сорокина.

Мнѣ извѣстенъ и другой случай. Въ Нижнемъ я былъ знакомъ съ Василиемъ Михайловичемъ Воронинымъ (о которомъ мнѣ еще придется говорить дальше). Въ годы своей юности онъ служилъ при Муравьевѣ чиновникомъ особыхъ поручений и тоже былъ приведенъ старымъ декабристомъ къ

такой сепаратной присягѣ. Муравьевъ нѣкоторое время присматривался къ нему, давалъ разныя порученія. Однажды, оставшись съ нимъ наединѣ въ своей канцеляріи, онъ посмотрѣлъ на него особеннымъ, глубокимъ и, какъ показалось Воронину, растроганнымъ взглядомъ и затѣмъ сказалъ:

— Молодой человѣкъ. Вотъ вы только начинаете жизнь, прямо со школьнай скамы. Вы — не изъ дворянъ. Ваши отцы были мужики. Хотите вы дѣйствительно послужить дѣлу народа?

Удивленный и озадаченный этимъ необычнымъ обращенiemъ суроваго начальника, внушившаго всѣмъ трепетъ, молодой чиновникъ отвѣтилъ утвердительно. Муравьевъ поднялся съ кресла, взялъ его за руку, подвелъ къ иконѣ и заставилъ поклясться, что онъ будетъ служить народу, не отступая ни передъ приманками, ни передъ угрозами.

Воронинъ былъ уже старикъ, когда я съ нимъ познакомилсѧ, но и по прошествіи четверти вѣка обѣ этой минутѣ вспоминалъ съ волненiemъ... Старый декабристъ, очевидно, не вполнѣ довѣрялъ устойчивости реформаторскихъ теченій, зналъ, что старое еще постоитъ за себя, и, кромѣ официальныхъ сотрудниковъ, вербовалъ для предстоящей борьбы своего рода членовъ тайного союза благоденствія.

Къ такимъ своимъ присяжнымъ приближеннымъ Муравьевъ и относился особенно. Для остального чиновничьяго міра это была гроза. „При про克莱томъ Мурашѣ,— говорилъ А. С. Гадисскому одинъ изъ тогдашихъ чиновниковъ,— никто покоенъ не былъ. Того и гляди, бывало, ложешь спать судьей, а проснешься свиньей“ *).

III.

— Да, страшный былъ.— говорилъ тотъ же В. М. Воронинъ.— Хватка, понимаете, мертвая. Все въ немъ было необычайное какое-то, непривычное, приюровиться было трудно. Мужикамъ былъ доступъ къ губернатору чуть не во всякое время. Въ важныхъ случаяхъ — уводилъ ходоковъ въ канцелярію и тутъ опрашивалъ часами. Потомъ, обдумавъ, начинаетъ дѣйствовать.

Для характеристики муравьевской „мертвой хватки“ Воронинъ очень одушевленно, почти художественно рассказывалъ разные эпизоды, которые я тогда же, — къ сожалѣнію, слишкомъ краткими чертами, — набросать на клочкахъ. Постараюсь возстановить здѣсь одинъ такой случай.

*) А. С. Гадисскій. „Люди Нижегородскаго Поволжья“.

Являются однажды ходоки отъ N-ской волости (Воронинъ назвалъ одну изъ волостей, кажется, Семеновскаго уѣзда). Волость заволжская, богатая, промышленная. Завелись въ ней издавна крупныя злоупотребленія. За старѣлыхъ, такъ сказать, освященные обычаи... традиціи! При назначеніи въ уѣздъ, такъ и считалось: жалованья столько-то, ну тамъ квартирыя, разъѣздныя, да еще въ N-ской волости. Кромѣ уѣздныхъ властей, перепадало и губернскимъ чиновникамъ, и такъ эта традиція укрѣпилась, что никому и въ голову не приходило посягать на нее. Куда тамъ! Твердыня и только. Мужичишки и жаловались, особенно новымъ губернаторамъ, на всякие сверхъестественные поборы и растраты, да сами же всегда оставались виновны. Просыпавъ о Муравьевѣ, не въ долгомъ времени по его назначеніи, опять послали ходоковъ. Служили молебны, снаряжали, точно на войну. Знали уже по опыту, что дѣло это опасное.

Принялъ ихъ „Мурашъ“, долго и секретно бесѣдовали. Потомъ зоветъ меня:—„Займитесь, молодой человѣкъ, разсмотрѣніемъ дѣла по прежде бывшимъ жалобамъ мужиковъ N-ской волости. Потребуйте изъ канцеляріи дѣлопроизводство“. Черезъ нѣсколько дней спрашивается:—„Ну, что? Разобрались? Поняли, въ чемъ дѣло?“—Нѣтъ, ничего не понялъ, ваше превосходительство. По документамъ, какъ будто, все правильно.—„Ну, конечно, говоритъ. Конечно“.

Черезъ нѣсколько дней, такъ уже передъ вечеромъ, прибѣгаешь за мной курьеръ.—„Пожалуйте, спешно требуетъ губернаторъ“. Вѣгу во дворецъ^{*}). У крыльца стоить уже тройка, запряженная въ простой крытый тарантасъ. Являюсь.—„Ну, молодой человѣкъ, собирайтесь въ дорогу“.

— Когда прикажете?—„Сейчасъ прикажу. Видѣли: лошади уже поданы. Со мной поѣдете. Сѣгайте домой, захватите важнѣйшія бумаги по N-ской волости и черезъ двадцать минутъ чтобы уже были здѣсь“.—Слушаю!—Повернулся и, бѣгомъ пустился на квартиру, захватилъ кое-какія бумаги и одѣлся. Прибѣжалъ раньше, чѣмъ черезъ двадцать минутъ. Смотрю: старикъ уже готовъ. Ни дать, ни взять — сибирскій прасоль. Ничего сановнаго.

Сѣли въ тарантасъ.—„Куда прикажетеѣхать?“—Къ перевозу за Волгу.—Подѣхали къ Борскому перевозу. Темнѣеть уже, дождь мороситъ, дѣло осенью. Паромъ на той сторонѣ. Я было засуетился, хотѣть прикрикнуть:—„Не знаете, дескать,

^{*}) Губернаторский домъ въ Нижнемъ принадлежитъ дворцовому вѣдомству и называется „дворцомъ“.

кто дожидается!“ — Но старикъ остановилъ: „Ничего, молодой человѣкъ. Подождемъ, люди небольшіе!“ ... Сидимъ въ тарантасѣ, дождикъ на рѣку падаетъ, паромщики не торопятся. Не узнали или прикидываются каналы, что не узнали, кто ихъ тамъ разбереть. А только вѣришь, что прикидываются. Исправникъ орелъ былъ, молодчина. Давно уже прослышалъ, что и мужичинки-то нажаловались, и бумаги затребованы... Все бросили. Днюють и почуютъ на той сторонѣ у перевоза, чтобы встрѣтить, если командируютъ какую-нибудь внезапную ревизію. Сидимъ мы, вдругъ это лодочка отъ берега шасть... Черезъ минуту уже и не видно, — на серединѣ рѣки! Я и вниманія не обратилъ, а старикъ высунулъ голову, смотрить вслѣдъ. — „Понимаете, молодой человѣкъ?“ — Никакъ нѣтъ, ваншество... Не понимаю. — „Скоро поймете. Учитесь все понимать. Простота, молодой человѣкъ, хуже воровства!..“

Подошелъ, наконецъ, и паромъ. Такъ же, не торопясь, ввели нашъ тарантасъ, двинулись мы за Волгу. Это былъ первый выѣздъ не то и самого Муравьевъ, не то мой съ Муравьевымъ. Не помню. Холодно, дождь подъ павѣсть забиваетъ, рѣка черная. Тихо. Пароходовъ тогда было еще мало, да и время глухое. Подошелъ паромъ къ берегу, свели нашу тройку. — Трогай! — Только было лошади взяли на взвозъ, вдругъ — стопъ! Остановка. Прямо на дорогѣ стоитъ большая фигура.

— Что такое? — спрашиваетъ старикъ. Ямщикъ наклонился и говоритъ: — „Исправникъ“. — Ну, что, молодой человѣкъ? — говоритъ губернаторъ. — Теперь поняли? Лодочка-то? А? Спросите, пожалуйста, у г-на исправника, что ему нужно.

Только успѣлъ я соскочить, а исправникъ ужъ тутъ. Вытянулся и руку подъ козырекъ держитъ, по военному; фигура бравая, заглядѣнья. — „Съ рапортомъ, — шепчетъ мнѣ, — по должности... На границѣ уѣзда...“ Только было началь: „Честь имѣю...“ — какъ губернаторъ не дать ему докончить и зоветъ меня:

— Молодой человѣкъ!

— Слушаю-сь.

Наклонился ко мнѣ изъ повозки и тоже шепчетъ: — Скажите ему, пожалуйста, что я подъ надзоромъ полиціи давно не состою...

Исправникъ такъ и поперхнулся, скосивши па меня глаза. А старикъ опять:

— Спросите, молодой человѣкъ: приказъ онъ читалъ?

А дѣйствительно, былъ приказъ: никакого начальства на границахъ уѣздовъ и становъ не встрѣтить, а ждать вызова. Положимъ... и послѣ этого много такихъ приказовъ было, а

и до сихъ поръ встречаютъ. Да и невозможно это, правду сказать, то есть, чтобы не встречать... Самъ я потомъ исправникомъ былъ, понимаю. Вѣдь что, подумайте только: пытка. Знаешь, что начальство уже вступаетъ въ твои предѣлы, вродѣ, такъ сказать, переправы черезъ Березину. А ты сиди у себя въ канцелярии, жди вызова. А вдругъ тамъ какое-нибудь неблагополучие... Долго ли, въ самомъ дѣлѣ, до грѣха? Ну, тогда еще молодъ былъ, въ исправникахъ не служилъ и, кромѣ того, воспламененъ былъ до извѣстной степени. Сочувствія къ положенію бѣдняги не ощущалъ.—„Такъ и такъ,—говорю довольно даже строгимъ голосомъ:—согласно приказу отъ такого-то числа, потрудитесь отправиться въ свою канцелярію и ждать приказаній”. ІЦелкнуль бѣдняга каблуками въ грязи, откозырялъ, повернулся и пошелъ. Скоро и колокольцы забрякали.

— Уѣхалъ?—говорить мой стариkъ.—Ну, слава-те Господи! Садитесь, молодой человѣкъ. Поѣдемъ и мы. Ямщикъ, — валий въ Н—ское село...

Зѣвнуль, перекрестился и, кажется, заснулъ...

Поздно ночью подѣхали къ волости. Соскочилъ я, стучу въ запертую ставню. Долго не могъ добудиться... Спать себѣ крѣпкимъ деревенскимъ сномъ, и не снится имъ, что гроза на носу. Наконецъ, засвѣтили огонь. — Кого, дескать, Богъ принесъ?

— Отворяйте.

— Кто тамъ?

— Губернаторъ!

Ну, легко представить, какой это произвело эффектъ. Писарь не знаетъ, одѣваться ему или такъ выскочить. Глаза безумные,—все еще не проснулся, и душить его копмаръ. Однако, ничего. Вошли мы. Стариkъ поздоровался. Видѣть писарь, что тотъ на него не кидается, и даже на губернатора не похожъ. Ободрился. Самоварчикъ поставилъ, обогрѣлись мы. А ужъ тутъ и старшина явился. Стоитъ у двери, глядить непонимающими этакими глазами. вздыхаетъ.

Послѣ чаю, разумѣется, предлагаютъ его превосходительству отдохнуть: постели готовы. Утро, дескать, вечера мудренѣе. И, было, признаться, уже и потянулся. Хорошо вѣдь это, послѣ долгой дороги, да по грязи. да въ слякоть. А стариkъ, какъ будто, и не замѣчасть.—„Ну, говоритъ, теперь, молодой человѣкъ, приступимъ къ ревизіи”.—Господи, — думаю,—что это такое? — Не прикажете ли говорю, ваше превосходительство, отложить до завтра? — „Нѣть, говоритъ, не прикажу. Приступайте къ обозрѣнію дѣло производства”.

Дѣлать нечего. Разложилъ я на столъ бумаги, принялся обозрѣвать. Тутъ и днемъ-то чортъ ногу сломить, а тутъ не угодно ли: ночью. Спать хочется. Сижу, хлопаю глазами, дѣлаю видъ, что читаю, листы поворачиваю. А онъ, злодѣй, закурилъ трубку. Съ длиннымъ этакимъ чубукомъ трубку все, бывало, куритъ... Иходить изъ угла въ уголъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Еще посмѣивается. Остаповился, показываетъ на меня чубукомъ:

— Видите? — говоритъ. Тѣ вскинули на меня глазами и говорятъ: — „Видимъ, ваше-ство“.—Вотъ, вѣдь, и молодой, а дока! Сквозь бумагу и то все досмотрить.

И опять ходить... Вы только представьте, господа, эту картинку. У порога писарь и старшина стоятъ, поднятые со сна точно трубой архангела. Я за столомъ, уткнулся въ дѣла и строчекъ не вижу. Только бы носомъ не клюнуть. На дворѣ дождь все шумить этакъ томительно, часы тикаютъ, сверчокъ свиститъ... Вздохнетъ кто-нибудь... А онъ все ходить. Остановится, посмотритъ на писаря и старшину и опять зашагаетъ.

И вдругъ... точно промчалось что-то среди этой томительной тишины... Прокинулъ я, — сна, какъ не бывало. Гляжу, стоитъ мой старикъ противъ двери, даже ростомъ выше сталь. Глаза, какъ свѣчки. Голосъ рѣзкій, точно по желѣзу удариетъ:

— Ну, будеть! Что тутъ играть. Все равно разберемъ. Говори прямо: воровали?

Писарь-бѣдняга, до сихъ поръ какъ съ креста снятый, тутъ вдругъ будто даже обрадовался.

— Такъ точно, — говоритъ, — ваше-ство... Воровали. Искони-бѣ...

— Ну, вотъ и отлично. Поди, показывай, въ чемъ дѣло. Кинулъ писарь къ столу, самъ листы переворачиваетъ, показываетъ мнѣ, разъясняетъ... И даже старшина нѣтъ-нѣтъ, слово вставитъ. Съ меня и сонъ долой... Рука такъ и бѣгаетъ по бумагѣ... Часа въ три вся суть этихъ долголѣтнихъ машинаций была какъ на ладонкѣ.

Къ вечеру слѣдующаго дня, не забѣжая въ уѣздный городъ, опять были мы на перевозѣ. А тамъ пошло: „Потребовать исправника! Потребовать того, другого...“ Началась переборка, попелъ по губерніи трезвонъ: новый губернаторъ въ одинъ день раскопалъ всю Н-скую твердыню, стоявшую, можно сказать, съ незапамятныхъ временъ... Да... вотъ какой былъ нашъ старикъ. Рѣзвый... Одно, два, понимаете, такихъ дѣла.— по канцеляріямъ пошла паника. Ужасъ почти суевѣрный.

Отъ „проклятаго Мураша“, дескать, ие скроешься. Все видѣть насквозь... Ну, а такъ какъ, извѣстно, что Богу не грѣшень, царю не виноватъ, то всякий только молитъ Господа: помилуй и заступи! Всѣ, дескать, подъ Мурашомъ ходимъ. Зато ужъ, — приказаль... изъ кожи вылѣзутъ. Мы, молодые чиновники, за совѣсть, по клятвенному обѣщанію. Старые служаки изъ страха. Знаютъ, что Мурашъ своими зоркими глазами видить ихъ насквозь и значить, чутъ что... Кончено!

Образъ, который рисуется въ этомъ разсказѣ современника, выступаетъ въ такомъ же видѣ и въ „Муравіадѣ“. Авторъ дворянской сатиры свидѣтельствуетъ, что ненавистный Мурашъ дѣйствовалъ такъ же неожиданно и въ другихъ случаяхъ, когда приходилось имѣть дѣло не съ одними писарями. Вскорѣ, ознакомившись съ положеніемъ дѣль, онъ

...по всѣмъ вѣдомствамъ
Верхушки стала ломать
камуфлеты ловкие
портизомъ задавать...
...Помѣщиковъ, сановниковъ,
Всѣхъ гонить нашъ кащей,
И душить онъ чиновниковъ,
Какъ жирный котъ мышей.

Но, разумѣется, старый крамольникъ, которому, вѣроятно, надоѣдо гоняться за хищниками въ Сибири и Архангельскѣ,— не затѣмъ попросился опять на гражданскую службу, чтобы играть роль кота въ чиновничью подпольѣ. Онъ только готовился такимъ образомъ къ предстоящей реформѣ, которая должна была повернуть въ корни самые устои дoreформенного порядка... Ему нужно было укрѣпиться, сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть. И скоро это было достигнуто. — То диво-ль, — съ горечью спрашиваетъ авторъ „Муравіады“, —

...что полицію,
Имущество, удѣль,
Финансы и юстицию
Дѣль все къ себѣ поддѣль.

И даѣс:

..Къ несчастью,—это такъ:
Давно ужъ всю губернію
Зажаль нашъ дѣдъ въ кулакъ.

Теперь у старого заговорщика все уже было готово для генеральной битвы...

IV.

Извѣстно, что императоръ Александръ II, готовясь нанести ударъ главнѣйшей изъ дворянскихъ привилегій—владѣнію людьми,—въ то же время желалъ непремѣнно, чтобы дворянство само потребовало этой реформы. Такъ порой родители, прия къ убѣжденію, что любимому ребенку необходима операция,—стараются убѣдить его, что, въ сущности, и самъ онъ желаетъ, чтобы ему сдѣлали больно. Дворянство не очень-то желало, чтобы ему сдѣлали больно, и дворянская Россія молчала, не понимая очень ясныхъ намековъ.

Наконецъ, въ октябрѣ 1857 года въ Петербургъ прибылъ виленскій ген.-губернаторъ Назимовъ и привезъ довольно скромное по существу ходатайство дворянъ трехъ литовскихъ губерній: Виленской, Гродненской и Ковенской. Хотя по этому проекту освобожденіе предполагалось безъ земли, и заявленіе исходило отъ поляковъ, но все же въ Петербургъ схватились за него, какъ за первое открытое выраженіе „дворянскихъ желаній“. Послѣдовалъ исторический рескрипты на имя Назимова, разосланный затѣмъ при циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского черезъ губернаторовъ всѣмъ предводителямъ дворянства русскихъ губерній. Ждали, что великорусское дворянство, въ свою очередь, поддастся патріотическому порыву...

Отъ этого зависѣло многое. Если бы это не удалось,—кто знаетъ, рѣшился ли бы Александръ II на эту тяжелую операцию.

„Первоначальное впечатлѣніе циркуляра отъ 24 ноября,—писаль Муравьевъ Ланскому, съ которымъ состоялъ въ дѣятельной перепискѣ,—заключалось въ общемъ недоумѣніи. Дѣло было слишкомъ новое, никто его не ожидалъ въ такой скорости“. Пока большинство пребывало въ этихъ недоумѣніяхъ чувствахъ, дѣло, какъ это бываетъ часто,—рѣшилъ героический порывъ небольшой кучки. Въ Нижнемъ въ то время была либеральная группа дворянъ-ополченцевъ, вернувшихся изъ похода, наслушавшихся въ Москвѣ пылкихъ рѣчей славянофиловъ. На губернскомъ собраніи 17 декабря эта молодежь, выслушавъ прочитанный предводителемъ рескрипты Назимову,—закричала, что дворяне „желаютъ не только улучшить, но и покончить навсегда съ крѣпостнымъ правомъ“. Эти же ополченцы-дворяне, не давъ опомниться другимъ, тотчасъ же составили постановленіе, заставили подписать его и избрали А. Х. Штевена для поднесенія своего акта отреченія государю.

Такъ разсказываетъ объ этомъ моментѣ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ участниковъ, дворянинъ Н. И. Русиновъ. „Все это,— продолжаетъ онъ,— было дѣломъ чуть не минуты“. Примо изъ собранія восторженно настроенная молодежь явилась съ копіей адреса къ Муравьеву. Это было въ три часа ночи. Русиновъ говоритъ, что „старый революціонеръ, какъ его втихомолку называли, громко зарыдалъ“. Въ ту же ночь, съ 17 на 18 декабря, онъ экстренно отправилъ правителя канцеляріи Разумова въ Москву, чтобы сообщить о событии телеграммой (въ Нижнемъ телеграфа еще не было). А на слѣдующій день спѣшилъ выдать Штевену курьерскую подорожную и всѣми мѣрами спѣшилъ отправить его въ Петербургъ съ подлиннымъ постановленіемъ. „Тогда только,— прибавляетъ Русиновъ (то есть увидѣвъ радость „старого революціонера“ и его торопливость),— многіе и многіе почесали свои затылки, но было уже поздно“ *).

Дѣло было сдѣлано. Въ Петербургѣ тоже торопились ковать желѣзо, пока горячо, и уже 24 декабря, т. е. *наканунѣ Рождества*, въ сочельникъ, былъ подписанъ Высочайший рескрипти нижегородскому дворянству на имя губернатора. Онъ пришелъ въ Нижній на святкахъ, и 1-го января новаго 1858 года губернаторъ препроводилъ его губернскому предводителю, разумѣется со всякими поздравленіями. Такимъ образомъ, въ видѣ новогодняго подарка, старый декабристъ поднесъ дворянству пріятное признаніе, что оно первое заявило желаніе не только улучшить, „но и совсѣмъ уничтожить“ крѣпостное право.

Плотина была прорвана, пауза кончилась. За нижегородскимъ адресомъ послѣдовали другіе... Во исполненіе этихъ „горячихъ желаній“ самого дворянства, стали одинъ за другимъ возникать „комитеты“.

И вмѣстѣ съ этимъ патріотическое одушевленіе склынуло, уступая мѣсто отрезвленію. Едва начались засѣданія нижегородского губ. комитета подъ предсѣдательствомъ либеральнаго предводителя Болтина, едва комитетъ, такъ сказать по инерціи, — составилъ нѣсколько пунктовъ своего проекта, болѣе или менѣе „согласно съ видами правительства“, какъ поднялась рѣзкая оппозиція большинства. Всѣ предложения „либераловъ“ были отвергнуты, и Болтинъ увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить предсѣдательство представителю реакціоннаго большинства, Я. И. Пятову.

*) А. С. Гаціскій. „Люди Нижегородскаго Поволжья“. — „Дѣйствія Нижегор. Арх. Комиссії“, т. II, Ст. Сѣнкевичевскаго.

Такимъ образомъ, дворянство, „первымъ отклинувшееся на великодушный призывъ монарха“ — теперь первое ударило отбой, и къ нему обратились взоры всѣхъ крѣпостниковъ Россіи. Съ Пятовыми заодно оказались теперь многіе, радостно кричавшіе „ура“ и украсившіе своимъ подписаніемъ первый адресъ. Впослѣдствіи тѣ же подписи стояли подъ проектомъ контрольного адреса, гдѣ „отреченіе“ объяснялось непониманіемъ значенія реформы и зложелательностью нѣкоторыхъ дворянъ къ своему сословію.

V.

Положеніе Муравьевъ стало очень труднымъ. Пятовъ въ дворянствѣ былъ человѣкъ новый, выскочка, до тѣхъ поръ не использовавшійся особымъ значеніемъ. Но за нимъ стояла фигура, гораздо болѣе значительная и опасная: Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ.

Это имя памятно еще и до сихъ поръ въ Нижегородскомъ краѣ. Спускаясь на пароходѣ внизъ по Волгѣ отъ Нижнаго къ Василь-Сурску, на лѣвой луговой сторонѣ можно видѣть издали грузныя постройки довольно мрачнаго вида. Это шереметевское имѣніе Юрино. Если вы спросите о немъ какого-нибудь старого лоцмана, онъ разскажетъ вамъ, что это мѣсто называлось въ старину „Шереметевской Сибирью“. Домъ, который теперь виднѣется надъ заволжскими лугами, сравнительно новый. Прежде здѣсь было нѣчто вродѣ феодального замка, впослѣдствіи сгорѣвшаго. Надъ этизъ пепелищемъ носятся до сихъ поръ мрачные разсказы о казематахъ и даже подземельяхъ, въ которыхъ томились шереметевские осужденники. Полиція едва смѣла показываться въ шереметевскихъ владѣніяхъ, и никто не могъ вмѣшаться въ отношенія Шереметева къ его рабамъ.

Главныя имѣнія С. В. Шереметева были въ другомъ мѣстѣ, — село Богородское, съ прилегающими 28-ю деревнями. Богородское и теперь славится кожевеннымъ производствомъ, которое повелось тамъ изстари, и шереметевскіе крѣпостные, народъ предпріимчивый, промышленный, жили зажиточно. Они купили на имя помѣщика (еще отца или дѣда Сергѣя Васильевича) собственную землю, нѣкоторые изъ нихъ гоняли по Волгѣ баржи, торговали кожами, хлѣбомъ и лѣсомъ. Большая часть изъ пихъ жили на оброкѣ, выплачивая помѣщику огромные платежи за право торговли и промысловъ. Въ дѣлахъ нижегородской архивной комиссіи есть окладные книги села Богородского за 1858 годъ, изъ которыхъ видно, что девять такихъ крѣпостныхъ платили въ годъ оброка отъ 500

до 1.500 рублей, 24 человѣка отъ 200 до 375, сто человѣкъ до 95 рублей... Устанавливалось это понемногу, и можно думать, что при прежнихъ Шереметевыхъ сюровый режимъ казался всетаки переносимымъ. Это было настоящее царство патріархального феодализма. Получая огромные доходы, владѣльцы проявляли нѣкоторую заботу о своихъ „оброчникахъ“: въ Богородскомъ былъ докторъ, аптека, богадѣльня для престарѣлыхъ съ отдѣленiemъ для роженицъ, три школы.

Въ переходное время отношенія всегда обостряются. Мракъ часто сгущается передъ разсвѣтомъ, привидѣнья снуютъ передъ крикомъ пѣтуха. Сергій Васильевичъ Шереметевъ, подъ вліяніемъ толковъ о волѣ, которая, конечно, должна была прекратить эти источники небывалихъ доходовъ, — задумалъ сразу выжать изъ своего владѣльческаго права все, что возможно, хотя бы и путемъ полнаго разоренія крестьянъ. Онъ выработалъ планъ „добровольнаго выкупа“, назначивъ за каждый рубль оброка по 25 рублей выкупной суммы. По этому плану, съ одного, напримѣрь, богатаго крестьянина помѣщикъ долженъ бы получить 38.250 рублей. Совершенно понятно, что крестьяне „оказали упорство“ и отъ добровольной сдѣлки отказались. Тогда Шереметевъ созвалъ выборныхъ, которые въ шереметевскихъ вотчинахъ назывались „думчими“, и потребовалъ, чтобы они подписали актъ соглашенія отъ лица всѣхъ. Думчие тоже отказались. Шереметевъ пришелъ въ совершение неистовство: онъ лично избивалъ упрямцевъ, отсылалъ ихъ на расправу къ становымъ, сажалъ въ тюрьмы, сдавалъ въ рекруты и ссылалъ въ свою Сибирь, — Юрино, захватывая на мѣстѣ дома и усадьбы ссыльныхъ.

Призракъ умирающаго крѣпостного строя всталъ передъ зарей надъ шереметевскими владѣньями, кидая свою мрачную тѣнь на весь край, наводя ужасъ на однихъ и ободряя другихъ. Губернія наполнилась чудовищными рассказами, воплями, жалобами. Было известно, что Шереметевъ „лично извѣстенъ“, что при дворѣ у него огромныя связи, близкая дружба съ Адлербергами и другими высокопоставленными противниками реформы. Его примѣръ ободрилъ остальныхъ. Ношли слухи, что „правительство перемѣнило намѣреніе, и все останется по старому“. Члены губернского комитета перестали собираться, надѣясь сбить всѣ эти проекты изморомъ. Когда же Муравьевъ объявилъ, что постановленія комитета будутъ считаться дѣйствительными при наличности хотя бы трехъ членовъ, то комитетъ возобновилъ свои засѣданія, но вскорѣ принялъ рѣшеніе — „уничтожить все доселѣ сдѣланное и начать всю работу снова на началахъ выкупа личности“...

Муравьевъ почувствовалъ, что наступаетъ рѣшительная минута, и выступилъ противъ Шереметева. Понятно, съ какимъ захватывающимъ вниманиемъ всѣ слѣдили за исходомъ этой борьбы бывшаго декабриста съ властнымъ крѣпостникомъ. Молва еще усиливала драматизмъ этой схватки. Говорили, будто 14 декабря, когда Муравьевъ стоялъ на площади вмѣстѣ съ бунтовщиками и когда исходъ возстанія былъ еще сомнителенъ,—Шереметевъ, тогда еще молодой артиллеристъ, первыи направилъ въ бунтовщиковъ пущечный выстрелъ, рѣшившій дѣло. Это, разумѣется, была фантастическая легенда, но она придавала борьбѣ особую окраску: вѣрный царскому слуга и усмиритель бунта отстаивалъ интересы крѣпостническаго дворянства; бывшій заговорщикъ, участвовавшій въ умыслѣ на цареубійство, и бунтовщикъ стоялъ за дѣло крестьянъ и реформы... Легко представить себѣ, что было бы съ Муравьевымъ при такой постановкѣ вопроса въ наше время?

Тогда не такъ боялись страшныхъ словъ, но все же положеніе Муравьева поколебалось. Ланской, человѣкъ убѣжденный и искренно связавшій свою судьбу съ дѣломъ реформы, находилъ всетаки, что декабристъ-губернаторъ дѣйствуетъ слишкомъ круто. Муравьеву все казалось просто: онъ принималъ крестьянъ, выслушивалъ ихъ жалобы и обѣщалъ защиту. Большинству комитета грозилъ даже народной мѣстью. „Прошу размыслить о томъ, — писалъ онъ, — что укоръ въ сопротивленіи Высочайшей волѣ можетъ быть произнесенъ тѣмъ сословіемъ, надъ устройствомъ быта котораго дворянство трудится. Страшно можетъ выразиться приговоръ и пробужденіе народа, признавшаго себя по произволу лишеннымъ права и надежды выкупомъ приобрѣсти то, что ему всемирно обѣщано словомъ монархіи“.

Что же касается Шереметева, который все усиливалъ свои жестокости и къ этому времени затѣялъ захватить въ свои руки всѣ вотчинныи бумаги, — то губернаторъ послалъ въ шереметевскую столицу своихъ чиновниковъ, и они (дѣло небывалое) — въ центрѣ его владѣній опечатали бумаги. У Ланского Муравьевъ требовалъ немедленного назначенія формального слѣдствія надъ Шереметевымъ, чтобы сразу сломить центръ крѣпостническаго упорства, при чёмъ указывалъ даже и слѣдователя, вице-губернатора, „на котораго одного можно положиться“.

Противники тоже не остались въ долгу. Комитетъ составилъ постановленіе, въ которомъ жаловался, что бумага губернатора „есть ничто иное, какъ „слово и дѣло“, официальную властью пущенное въ народъ“ и угрожающее страшными послѣдствіями. Шереметевъ прямо обвинилъ губернатора въ

подстрекательствъ къ бунту. Жалуясь на опечатание вотчинныхъ бумагъ, онъ писалъ ядовито, что это, какъ извѣстно, „дѣлается только съ государственными преступниками, къ числу которыхъ я не могу быть причисленъ... Въ родѣ Шереметевыхъ (мы всѣ гордимся этимъ) измѣнниковъ никогда не было и, съ Божией помощью, не будетъ“, а „подстреканіе крестьянъ къ бунту врядъ ли можетъ обеспечить общественное спокойствіе... . Въ такомъ случаѣ строгой отвѣтственности должны подвергаться не крестьяне, а тѣ, которые ихъ поджигаютъ... Еще яснѣе: „тѣ злоумышленные люди..., которые, пользуясь своимъ влияниемъ и властью,— побуждаютъ ихъ къ противозаконнымъ дѣйствіямъ.“.

Влияніе Шереметева въ высшихъ кругахъ было такъ сильно, что Ланской не посмѣлъ своей властью поддержать губернатора. Онъ доложилъ обо всемъ Государю, и 28 марта Муравьевъ получилъ извѣщеніе: по Высочайшему повелѣнію въ Нижегородскую губернію командируется флигель-адъютантъ гр. Бобринскій, который долженъ истребовать у Шереметева объясненій и, если окажется нужнымъ, убѣдить его къ прекращенію неблаговидныхъ дѣйствій“.

Графъ Бобринскій и понялъ, и исполнилъ порученіе очень своеобразно. На свою миссію онъ посмотрѣлъ, какъ на командировку для приведенія шереметевскихъ крестьянъ къ повиновенію. Пріѣхавъ въ Богородское, онъ вскорѣ извѣстилъ Муравьевъ, что крестьяне къ повиновенію приведены, „чemu лучшимъ доказательствомъ служить то, что передъ отъѣздомъ моимъ они служили молебень за милости, оказанныя имъ помѣщикомъ“. Самыя милости состояли въ томъ, что Шереметевъ обѣщалъ сбавить но 25 копѣекъ съ оброчного рубля.

Игра старого декабриста казалось проигранной. Шереметевъ торжествовалъ, и, конечно, вскорѣ крестьяне почувствовали, что его рука стала еще тяжелѣе. Дворянство шумно ликовало и демонстративно проводило Бобринскаго обѣдомъ, на которомъ произносились тосты и рѣчи со всякими намеками. Надежды на то, что правительство „перемѣнило памѣреніе“, росли. Могло казаться, что и вся реформа свидѣтся къ „шереметевской милости“.

VI.

Все, что я написалъ до сихъ поръ, основано на достовѣрныхъ письменныхъ материалахъ и документахъ. Теперь, при описаніи заключительныхъ актовъ борьбы крамольнаго губернатора съ его противниками, мнѣ придется прибегнуть къ разсказу уже упоминавшагося раньше В. М. Воронина.

Долженъ сказать, къ сожалѣнію, что въ иѣкоторыхъ чертахъ разсказъ этотъ имѣть характеръ почти легендарный, и я не рѣшился бы стоять за его историческую точность во всѣхъ деталяхъ. Но все же это, во-первыхъ, разсказъ современника и очевидца, а во-вторыхъ, самъ по себѣ онъ чрезвычайно характеристиченъ и рисуетъ во весь ростъ фигуру Муравьевъ. Если кое-что и было бы опровергнуто фактически, то легенда нельзя отказать въ большой колоритности и своего рода художественной правдѣ.

Нѣсколько словъ о самомъ разсказчикѣ. Я познакомился съ нимъ въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія, поселившись въ Нижнемъ послѣ своей ссылки, и сначала онъ казался миѳ самой заурядной, неинтересной обывательской фигурантой.

Происходилъ изъ мѣщанъ. Отецъ — мелкій довѣренный по откупу; сына опредѣлилъ въ гимназію, где тотъ учился съ А. С. Гацкимъ и И. Д. Боборыкинымъ. Затѣмъ юноша поступилъ въ Демидовскій лицей, по окончаніи котораго опредѣлился на службу чиновникомъ особыхъ порученій... Послѣ этого, въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ, служилъ на разныхъ должностяхъ, въ томъ числѣ даже и по полиції. Какъ исправникъ, считался полицейскимъ старого типа: рукоприкладствовалъ и по уѣзду возилъ съ собой верзилу десятского, извѣстного чисто физическими дарованіями: огромнымъ ростомъ и пудовыми кулаками. Взяточъ, кажется, не бралъ или, если и касался, то безъ излишества, ниже, такъ сказать, средняго исправницкаго положенія. По крайней мѣрѣ когда умеръ, то имущество оставилъ умѣренное. Отличился на службѣ поимкой нѣкоего Рузаева, долгое время свирѣпо и дерзко разбойничавшаго въ окрестностяхъ Нижнаго и считавшагося неуловимымъ. Рузаева разстрѣляли въ полѣ за острогомъ,—происшествіе тогда рѣдкое и страшное, о которомъ долго вспоминали старожилы, соединяя ими разстрѣлъ именемъ удалого исправника Воронина. Рузаева зарыли тамъ же, въ полѣ, надъ оврагомъ. А Воронинъ подвинулся по службѣ. Получивъ чинъ статского совѣтника и орденъ Владимира, сынъ бывшаго довѣренного по откупу сталъ и самъ нижегородскимъ дворяниномъ, чѣмъ очень гордился.

Выйдя въ отставку, служилъ по выборамъ мировымъ судьямъ, былъ гласнымъ, вступалъ на этой почвѣ въ разные союзы и конфликты. Особую идеиную руководящую нить въ этихъ земско-политическихъ комеражахъ Воронина замѣтить было трудно. Одни и тѣ же лица бывали поперемѣнно то его союзниками, то врагами. Выдвинулъ его нѣкто Андреевъ, че-

ловѣкъ сильный, ловкий, безсовѣстный, по убѣжденіямъ крѣпостникъ, по нравственному складу хищникъ и растратчикъ. Одно время Воронину показалось, что Андреевъ зарвался слишкомъ неосторожно, и онъ попытался свалить его на выборахъ, нацѣлившись на его предсѣдательство. Разсчетъ оказался ошибочнымъ. Времена не назрѣли, хищническая звѣзда уѣзднаго генія стояла высоко. Андреевъ уцѣльѣ еще на нѣсколько лѣтъ и сильной хваткой выбилъ заговорщика изъ позиціи, проваливъ на всѣ выборныя должности. Послѣ этого бывшій исправникъ перешелъ въ оппозицію, выступать, гдѣ могъ, противъ своего бывшаго покровителя. Дворянская ретроградная партія его ненавидѣла. Либералы принимали: это былъ всетаки „выборный голосъ“ и при томъ человѣкъ ловкий, знавшій отлично слабыя стороны противниковъ. Бываль онъ и на предвыборныхъ совѣщаніяхъ, и запросто на карточныхъ вечерахъ. Рассказывалъ разные любопытные случаи изъ дворянскаго и монашескаго быта, которые собралъ за время своей полицейской службы, ненавидѣль дворянъ двойной ненавистью: какъ бывшій мѣщанинъ и какъ новый дворянинъ, выскочка, отвергнутый дворянской средой. Однажды, получивъ афронтъ на какомъ-то торжественномъ дворянскомъ обѣдѣ (гдѣ для него „случайно“ не поставили прибора)—довольно громко назвалъ губернскаго предводителя „жбанной затычкой“. Вообще фрондировалъ.

Въ этотъ періодъ я съ нимъ и познакомился въ средѣ, которая мнѣ въ Нижнемъ была наиболѣе близкой. Мои нижегородскіе знакомые, хотя и водились съ Воронинымъ, какъ съ бывшимъ школьнымъ товарищемъ и нынѣшнимъ союзникомъ, но „своимъ“ его не считали, памятуя и его исправницкое прошлое, и десятскаго съ природными физическими дарованіями, и то, что на земской службѣ онъ дебютировалъ подъ покровительствомъ Андреева... Вообще это были отношения „тонкія“, такія, при которыхъ чувствуется, что могутъ встрѣтиться всякие новые перевороты, и неизвѣстно еще, какая сторона этой „сложной натуры“ опредѣлится, какъ коренная и настоящая. Будетъ ли это демократъ, ненавидящій нынѣшнихъ вершителей губернскихъ судебъ (это несомнѣнно въ немъ было), или же, наоборотъ, воспрянеть бывшій полицейский, обогащенный опытомъ за время своего пребыванія въ либеральномъ станѣ.

Наружности Воронинъ былъ довольно типичной. Средняго роста, съ расположениемъ къ округленности, но не рыхлый, волосы стригъ ежомъ, подстригалъ сѣдую бороду и отпускаль усы. Костюмы носилъ широкіе, изъ солиднаго материала, по

большой части въ крупную клѣтку. Быть подвижень, говорилъ оживленно, либеральничаль желчно и нѣсколько беспокойно: желчь была настоящая, беспокойство истекало изъ инстинктивнаго сознанія, что искренности его либерализма, быть можетъ, не вѣръятъ.

Однимъ словомъ,—фигура, какихъ и въ „затишные“ восьмидесятые годы, и въ наше время можно встрѣтить не мало, т. е. полинявшая и неинтересная. Однако...

Въ жизни почти каждого человѣка есть свой героический періодъ. И, какъ бы далеко впослѣдствіи превратности жизни или еще чаще—ея тихое теченіе ни унесли его отъ прежнихъ путей, онъ будетъ постоянно возвращаться мыслью къ этому періоду. Будетъ вспоминать о немъ, будетъ о немъ рассказывать, будетъ, можетъ быть, слегка украшать его и расцвѣчивать. И въ такія минуты такой человѣкъ преображается: изъ подъ будничнаго житейскаго налста просвѣчивается что-то далекое, необычное, точно отсвѣтъ далекихъ праздничныхъ огней.

Быть такой именно героический періодъ и въ жизни Воронина, и относился онъ къ тому времени, когда, прямо со школьнай скамы, онъ попалъ въ чиновники особыхъ порученій къ губернатору-декабристу. Къ сожалѣнію, онъ не писалъ мемуаровъ, а только по временамъ разсказывалъ разные эпизоды этой своей ранней службы. Разсказывалъ съ любовью, съ увлечениемъ, вспыхивая и вдохновляясь. И каждый разъ это было не простое повтореніе, а своего рода творчество: онъ постепенно обрабатывалъ детали, какъ поэтъ совершенствуетъ черновые наброски поэмы, пока она не пріобрѣтетъ художественной законченности. Въ такія минуты Воронина можно было заслушаться. Забывалось и послѣдующее исправничество, и десятскій съ природными дарованіями, и сомнительные земско-дворянскіе союзы. Полинявший человѣкъ становился поэтому, воспѣвавшимъ свою молодость и своего героя. Правда, быть можетъ, именно вслѣдствіе этого одушевленія нѣкоторыя детали этой поэмы не вполнѣ совпадаютъ съ официальными реляціями о тѣхъ же событияхъ. Впрочемъ, кому неизвѣстно, что официальная реляція часто тоже являются продуктомъ творчества, только въ направленіи обратномъ: тамъ, где поэзія стремится расцвѣтить и украсить жизненную правду,—реляція изсушаетъ ее, превращая въ сухой остовъ. И очень можетъ быть, что поэма Воронина о царѣ и декабристѣ не дальше отъ исторической истины, чѣмъ официальные отчеты Правительственныхъ Вѣстниковъ... Я постараюсь, какъ могу, возстановить ее, безъ всякой, впрочемъ, надежды сравняться съ устнымъ оригиналомъ...

VII.

Однажды, прия къ своимъ знакомымъ, я засталъ тамъ цѣлое общество, центромъ которого былъ опять В. М. Воронинъ со своими рассказами о Муравьевѣ. Онъ былъ особенно въ ударѣ: рассказы касались побѣдъ его героя въ трудной борьбѣ.

Въ августѣ 1858 года Александръ, какъ извѣстно, предпринялъ поѣздку по губерніямъ средней Россіи, чтобы оживить движение реформы. Въ разныхъ городахъ, принимая представителей дворянства, онъ произносилъ рѣчи, въ которыхъ призывалъ дворянъ къ содѣйствію.

Появлению государя въ Нижнемъ предшествовали самые противорѣчивые толки. Въ концѣ юли получено было предписаніе Ланского, въ которомъ сообщалось Высочайшее повелѣніе, неблагопріятное для реакціоннаго большинства комитета: Пятову, позволившему себѣ въ изложеніи своего отзыва неумѣстная выраженія, объявить строгій выговоръ. Меньшинству изъявлялось Высочайшее благоволеніе. „Дворянамъ же, подписавшимъ ни съ чѣмъ несообразное мнѣніе Пятова, сдѣлать строгое замѣчаніе“. Эти послѣднія слова Государь на докладѣ Ланского написалъ собственноручно.

Повидимому, ни эта резолюція, ни рѣчи, которыя Государь произносилъ въ разныхъ городахъ, направляясь къ Нижнему, не могли обѣщать ничего хорошаго реакціонерамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было извѣстно, что крѣпостническая партія при дворѣ не сдавалась, и Ланской уже просилъ у Государя отставки по вопросу о введеніи генераль-губернаторовъ. Отставка не была принята, но Государь сдѣлалъ на докладѣ Ланского нѣсколько гнѣвныхъ замѣчаній. Шереметевъ и нижегородскіе купечества получали ободряющія письма. Муравьевъ, по словамъ Воронина, одно время сталъ мраченъ. Потомъ, получивъ письма Ланского, перемѣнился. Для постороннихъ эта перемѣна не сказалась ни въ чёмъ, но мы-то, близкіе, говорилъ Воронинъ,—видимъ: въ глазахъ у старика забѣгали какие-то огоньки... Значить, можно думать, готовится какая-нибудь неожиданность.

А всетаки... положеніе было сомнительное. Все время носились, какъ вихри, самые различные слухи, и каждый день могло повернуться по иному... Газетъ тогда было мало, извѣстія о Высочайшихъ приемахъ и рѣчахъ сначала печатались въ офиціальныхъ органахъ и потомъ уже развозились въ провинцію. Частныя письма и пріѣзжіе, какъ это бываетъ всегда, распространяли самые противорѣчивые слухи.

Наконецъ, 18 августа царскій поѣздъ появился въ виду Нижняго и переправился черезъ Оку. „Дворецъ“ наполнился блестящей придворной свитой. Утромъ 19-го предстоялъ въ большомъ дворцовомъ залѣ приемъ дворянства.

Залъ уже заранѣе сталъ наполняться: кто только могъ пріѣхать изъ самыхъ дальнихъ уѣздовъ,—всѣ, конечно, явились: случай увидѣть Государя, да еще въ такую историческую минуту, представлялся не часто. Скоро въ залѣ стало тѣсно отъ дворянскихъ мундировъ. Особенно выдѣлялась фигура Шереметева. Къ нему подходили, жали руки, съ тревогой или надеждой смотрѣли ему въ глаза. Видъ у Шереметева въ это утро былъ самоувѣренный и великолѣпный.

— Потомъ вышелъ и „старикъ“, — рассказывалъ Воропинъ.— Посмотрѣлъ и на него,—сердце такъ и упало: узнать нельзя,—сгорбился, опустился весь, даже ростомъ сталъ меньше. Точно его въ эту ночь расшибло параличомъ, и онъ едва поднялся, чтобы встрѣтить Государя. А послѣ, дескать,—хоть въ могилу. Идетъ, на палочку опирается. Велѣль поставить себѣ стулъ у стѣнки, недалеко отъ входа, сѣлъ, опустилъ голову на посошокъ... Чисто сирота казанская. Мы, муравьевцы, стали около него, стоимъ, какъ отверженные. Что будетъ? Только разъ подозвалъ меня старикъ распорядиться о чѣмъ-то, по надобности, и встрѣтился я съ его глазами. Лицо удрученное, а въ глазахъ огонь бѣгаetъ...

Нѣтъ, думаю, что-нибудь не такъ. Что-то, должно быть, знаѣтъ.

Вернулся я,—въ залѣ становится тише. Скоро Государь долженъ выйти. Одинъ за другимъ входятъ свитскіе. И какъ войдетъ, взглянетъ кругомъ, — сейчасъ къ Шереметеву. Все вѣдь друзья старинные, пріятели,—всякій {прежде всего къ нему и подходитъ. Губернатора на стульчикѣ у двери никто не замѣчаетъ. Адлербергъ,—великолѣпная тоже фигура, огромнаго роста, весь въ регалияхъ,—кажется, и замѣтилъ, но посмотрѣлъ этакъ вскользь сверху и тоже прошелъ къ Шереметеву. Кругомъ Сергея Васильевича сразу точно цвѣтуший островъ образовался: эполеты, ленты, звѣзды, живой, веселый разговоръ, французскія фразы, со всѣми почти на ты. Однимъ словомъ, потентатъ, такъ сказать, олицетвореніе силы... Ну, а вокругъ нашего старика — пустота. Подойдетъ кто-нибудь изъ „либераловъ“, поздоровается съ озабоченнымъ этакимъ видомъ и отходитъ... Вдругъ, все затихло. „Государь!..“

Сталъ въ дверяхъ. Молодой, красивый, точно въ сіяніи какомъ-то. Бросилъ быстрый взглядъ и увидѣлъ „старика“. Тотъ,—если такъ же, разслабленный, незначительный, при самомъ

уже входѣ Государя, поднялся со стула. Царь сдѣлалъ нѣ сколько шаговъ и, остановившись противъ него, спросилъ:

— Это у васъ кресть за что?

— За сраженіе при Кульмѣ, Ваше Величество.

— Вы были ранены? Вамъ трудно стоять? Пожалуйста, садитесь.

И потомъ повторилъ опять милостивымъ, но настойчивымъ голосомъ: „Садитесь!“. Старикъ съ такимъ же убитымъ и покорнымъ видомъ сѣлъ. Въ залѣ наступила такая тишина, что можно было слышать полетъ мухи. Государь повернулся и началъ рѣчь...

VIII.

Рѣчъ Александра II въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ она напечатана въ офиціальныхъ изданіяхъ, теперь звучитъ довольно блѣдно.

„Господа. Я радъ, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступали добросовѣстно: ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ благодарю васъ за то, что вы первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта. По этому самому я хотѣлъ васъ отличить и принялъ вашихъ депутатовъ... Вы знаете цѣль мою: общее благо. Ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды съ общей пользой. Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности. А личности всякое дѣло портятъ. Это жаль. Устраните ихъ. Я надѣюсь на васъ, надѣюсь, что ихъ больше не будетъ, и тогда это общее дѣло пойдетъ... Я полагаюсь на васъ, я вѣрю вамъ, вы меня не обманете... Путь указанъ, не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ моемъ рескриптѣ“...

И затѣмъ—нѣсколько заключительныхъ фразъ въ томъ же родѣ...

Такъ передана эта рѣчъ въ офиціальныхъ отчетахъ, но въ изложеніи Воронина она звучала совершенно иначе.

— Да что тутъ говорить,—горячо отмахнулся онъ, когда кто-то изъ присутствующихъ напомнилъ, что рѣчъ была напечатана въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, и текстъ ея есть у А. С. Гацискаго.—Что тамъ офиціальные отчеты! Небо и земля. Напечатано, какъ было заранѣе заготовлено, а царь говорилъ не по ихъ бумажкамъ. До сихъ поръ вотъ... Закрою глаза, — вижу эту фигуру. Прямой этакой, голова откинута,

брови сжаты, и каждый звукъ летаетъ въ затихшемъ залѣ, точно въ колоколь бьетъ.

Дойдя до того мѣста, что вотъ шло хорошо, царь остановился. Стало еще тише, не дохнетъ никто. Точно вотъ всѣмъ сейчасъ съ крутой горы спускаться. Ждуть, что-то будетъ за этой паузой. Прошла, можетъ, секунда, другая, а повѣрите, мнѣ показалось, что прошелъ часъ...

Вдругъ выпрямился еще больше, брови сдвинулись...

— Теперь узнаю, что среди васъ завелась... измѣна...

Пролетѣло это слово, какъ громъ среди лснаго неба... И весь залъ, все мундирное и расшитое дворянство повалилось сразу на колѣни... А надъ колѣнопреклоненной толпой неслись слова царской рѣчи, возбужденныя, гнѣвныя...

Кончилъ, повернулся и вышелъ...

И какъ только вышелъ, дворяне, какъ одинъ человѣкъ, кинулись къ Муравьеву, который подъ конецъ рѣчи всталъ со своего стула, даже роль свою забылъ. Кругомъ поднялся гулъ: — Ваше сиятельство. Верните Государя! Увѣрьте его: здѣсь нѣть измѣнниковъ... Мы всѣ готовы... Ваше сиятельство... Дворянство васъ умоляетъ...

Но стариkъ опять опустился, одряхлѣль и сталъ меныше ростомъ. Махнулъ рукой. Помолчалъ минутку, потомъ покачалъ этакъ прискорбно головой и говорить:

— Нѣть, господа. Не могу. Не рѣщаюсь... Подумайте сами: какъ мнѣ теперь явиться къ Государю на глаза? У меня... въ губерніи... измѣна! Господи Боже!

Опять поднялись крики и просьбы. Стариkъ опять махнулъ рукой... Глижу, въ глазахъ искорки такъ и бѣгаютъ, бѣгаютъ...

— Ну, что дѣлать... Для васъ, господа, попробую.

Посмотрѣль въ толпу, намѣтилъ нѣсколько „своихъ“ изъ меньшинства разгромленного комитета, и говоритъ:

— Прошу вѣсть, господа, ко мнѣ, надо посовѣтоваться. А вы, господа, погодите. Я сейчасъ...

Черезъ нѣсколько минутъ возвращается, совсѣмъ убитый, еще болѣе сгорбившійся, чѣмъ прежде, и говоритъ почти шопотомъ:

— Нѣть... Не м-могу. Государь въ страшномъ гнѣвѣ... У себя... Можетъ быть, отдыхаетъ. Скоро депутаціи отъ горожанъ и крестьянъ. Теперь вамъ всего лучше на время уйти. Пойѣзжайте въ свое собраніе, ждите тамъ, а я, можетъ быть, осмѣлюсь... Сдѣлаю, что могу.

Потомъ повернулся ко мнѣ глазами и говоритъ:

— А пока, чтобы не тревожить Государя... молодой человѣкъ! Проводите, пожалуйста, господъ дворянство по другой лѣстницѣ... Знаете?

У меня по спинѣ даже мураски прошли... Вѣдь, это, значитъ, мнѣ придется проводить ихъ чернымъ ходомъ. Посмотрѣлъ я на старика умоляющимъ этакимъ взглядомъ: дескать,— что вы со мной-то дѣлаете?.. Но встрѣтился съ его глазами: гижу—ничего не подѣлаешь,—сталь. Повернулся я, ни живъ ни мертвъ.— „Пожалуйте, господа“.

И новель. Вы, господа, знаете этотъ ходъ? Дворецъ—постройка довольно старая: съ лица—парадъ, широкая лѣстница, колонны,—а съ изнанки — тѣснота, темнота, вообще весьма непривлекательно. Иду впереди, дворяне, ошеломленные, еще ничего не соображающіе — за мной. Повѣрите: какъ сталь спускаться съ лѣстницы впереди этой толпы,—ощущеніе такое: будто валится на меня обвалъ какой-то, лавина. Сей часъ вотъ хлынетъ и задавитъ. И прямо за собой слышу,—грузные шаги... Шереметевъ. Дошли до половины лѣстницы,—смотрю—чья-то рука, большая, сильная, схватилась за перила... Дрожитъ, и перила дрожать. Оглянулся я: Шереметевъ стоитъ, покачивается. Вотъ-вотъ—кондрашка. И говорить сквозь стиснутые зубы:— „Кат-торжникъ... Проклятый!..“

Въ этомъ мѣстѣ своего разсказа Воропинъ, иллюстрировавший его очень выразительными жестами, остановился въ волненіи. Было ли это волненіе отъ воспоминанія дѣйствительно пережитой минуты, или это было волненіе „творчества“ — сказать трудно. Никогда больше я не слышалъ подтвержденія этой драматической легенды, изображающей какъ бы апоѳеозъ „демократического самодержавія“. И никогда она не встрѣчается въ письменныхъ мемуарахъ. Несомнѣнно только, что Воронинъ въ ту минуту вѣрилъ въ свои видѣнія или воспоминанія, и мы, его слушатели, вѣрили тоже. Все было здѣсь закончено, цѣльно, согласовано. Вопросъ о кульмскомъ крестѣ, забвеніе освободительныхъ увлеченій изъ-за освободительныхъ заслугъ есть указаніе, что настоящая измѣна — въ козняхъ противъ великаго дѣла свободы...

Въ концѣ концовъ, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что этого не было, по крайней мѣрѣ, въ такой полнотѣ... Что, загораясь воспоминаніями о героическомъ періодѣ своей жизни, Воронинъ черта за чертой создавалъ свою легенду и, въ концѣ концовъ, завершилъ ее апоѳеозомъ самодержавія, твердой рукой, въ сознаніи своей силы и власти, направлявшаго дѣло освобожденія черезъ рифы сословныхъ и иныхъ препятствій... Хотя несомнѣнно также, что въ періодѣ великой реформы еще мелькали эти черты изъмечтанныхъ славянофилами самодержавія... И что безъ нихъ колесо истории повернулось бы иначе... Къ худшему или къ лучшему, но — иначе...

IX.

То, что Воронинъ разсказывалъ дальше. — опять можетъ быть слегка прикрашено фантазіей, но въ главномъ совпадаетъ съ фактами, установленными мѣстной исторіей. Комитетъ былъ возстановленъ, либеральное меньшинство вновь приобрѣло значеніе въ союзѣ съ прогрессивной администрацией. Но въ жизни продолжалась борьба упорная, страстная. Шереметевъ не сдавался. Надежды остановить ходъ надвигавшейся катастрофы не умирали. Въ народѣ росло нетерпѣніе и глухія темныхъ вспышки. Исправники и становые почти не жили въ своихъ квартирахъ, то и дѣло вызываемые жалобами помѣщиковъ на непокорство и бунты. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы въ то время существовало могучее орудіе нынѣшихъ ретроградовъ — провокациѣ, то вскорѣ на мѣсто освобожденія съ землей выступилъ бы лозунгъ: „прежде успокоеніе...“

Но провокациї не было, а народное нетерпѣніе, глухое и темное, сдерживалось надеждой. Не смотря на жалобы помѣщиковъ, недвусмысленно обвинявшихъ декабриста-губернатора въ подстрекательствѣ, въ Нижегородскомъ краѣ народныхъ вспышекъ и бунтовъ было менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было... Особенно жестокихъ помѣщиковъ начали удалять изъ имѣній...

Однажды, уже въ 1859 году, Муравьевъ опять передъ вечеромъ позвалъ Воронина. У крыльца стояла наготовѣ почтовая тройка. Губернаторъ ждалъ въ своемъ кабинетѣ и при входѣ Воронина заперъ дверь.

— Ну, молодой человѣкъ, послужите. Садитесь къ столу. Вотъ подорожная. Впишите въ нее свою фамилію... съ будущимъ. Теперь возьмите вотъ этотъ приказъ. Впишите фамилію: „тайный советникъ Сергій Васильевичъ Шереметевъ“.

Это былъ приказъ губернскому секретарю Воронину отправиться немедленно въ село Богородское и, предъявивъциальному советнику Сергию Васильевичу Шереметеву, на основаніи ст. такой-то, распоряженіе ministra внутреннихъ дѣлъ за номеромъ такимъ-то,—предложить немедленно съ нимъ же, Воронинымъ, прибыть въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и проживать безвыѣздно.

Воронинъ дрожащей рукой вписалъ грозную фамилію и спросилъ:

— Съ кѣмъ прикажете мнѣ отправиться?

— Одному.

— Ваше превосходительство... — взмолился бѣдляга.

— Ну, что?

— Какъ же это... Кто онъ, а кто я?

— Онъ—тайный совѣтникъ Шереметевъ, а вы—чиновникъ, исполняющій порученіе.

Въ глазахъ его засверкалъ огонекъ, и онъ прибавилъ:

— Вы поѣдете одинъ, чтобы не огорчать его превосходительство излишней оглаской. Не бойтесь, молодой человѣкъ, не бойтесь... Я вамъ говорю: поѣдетъ! Ну, а...

И глаза Мураша загорѣлись...

— Поѣзжайте съ Богомъ. Надо служить, молодой человѣкъ. Я на васъ надѣюсь.

По правиламъ, слѣдовало сообщить жандармской власти и требовать содѣйствія. Но, такъ какъ были примѣры, что жандармскій полковникъ затягивалъ свой отъѣздъ, а подъ рукой предупреждалъ пріятелей-помѣщиковъ, то Мурашъ приказалъ своему чиновнику выѣхать немедленно, не дожидаясь „содѣйствія“. Извѣщеніе жандарму было послано уже передъ утромъ.

— Никогда я не забуду этой ночи,— говорилъ Воронинъ.

— Струсили?—спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Подите вы! Какъ тутъ не струсить... Правду сказать: проклиналъ Мураша. Ему что. Игра у него крупная, и кошыри въ рукахъ... А мнѣ каково! Вотъ, думалъ, въ клубъ сходить, въ картишки переметнуться, потомъ въ постель. А тутъ—не угодно ли. Ночь, темнота, колокольчикъ. И какъ подумаю, что придется одному, съ мужикомъ-старостой явиться передъ грознымъ взглядомъ магната... Бр... пропалъ ты, думаю себѣ, Василій Михайловъ, ни за гроши. Гдѣ тебѣ, губернскому секретаришку, этакій дубъ голыми руками вырвать... Ну, а всетаки, не ослушаешься. Не доѣзжай до села, — велѣлъ колокольцы подвязать, потомъ разбудилъ старосту, подѣлѣзжаемъ къ барскому дому. — Кто такой? Что нужно?—„По указу Его Императорскаго Величества!“ Сначала не смѣли и подумать будить барина, но я настоялъ. Самому, положимъ, страшновато, но за спиной чувствую Мураша. Подняли. Семья уже поднялась, дворня... точно муравейникъ, растревоженный среди ночи... Вышелъ мрачный, осмотрѣль меня съ ногъ до головы. Жутко, но всетаки взглядишь выдержалъ, подаю бумаги. Взялъ онъ, распечаталъ пакетъ и опять, какъ тогда, на лѣстницѣ, схватился рукой за столъ. Закрылъ глаза, лицо то краснѣеть, то блѣдишь. И опять слышу: „кат-торжникъ проклятый“... Такъ прошло съ минуту... Я стараюсь храбриться, вспоминаю про Мураша, а чувствую: точно надо мнѣ скала повисла. Вотъ-вотъ обрушится. Вдругъ Шереметевъ раскрылъ глаза, точно отъ сна очнулся... „Ѣдемъ!“ И сразу опустился, какъ Мурашъ передъ царской рѣчью. Мѣ-

шокъ мѣшкомъ! Собираться даже не стать, самъ торопитъ. Снарядили его домашніе насконо, одѣли... Вышли мы, сѣли въ тарантасъ. „Гони!“—Взвилась наша тройка!.. Ёду я обратно, шевельнуться не смѣю: самъ себѣ не вѣрю, что это рядомъ со мной сидѣть самъ Шереметевъ. А на душѣ все-таки гордое чувство... Завтра по всему Нижнему грянетъ, какъ громъ. И кто это исполнилъ? Воронинъ! Передъ самымъ городомъ, совсѣмъ разсвѣло,—глядимъ: мчится, сломя голову, жандармскій полковникъ. Запоздалъ бѣдняга. До сихъ поръ еще передъ глазами стоять его выпущенные глаза и испуганная физіономія, когда мы съ громомъ и звономъ пронеслись мимо...

Послѣ этого Шереметевъ выхлопоталъ разрѣшеніе выѣхать за границу, и столпъ нижегородскаго крѣпостничества исчезъ съ горизонта.

X.

Теперь, послѣ этой неполной, конечно, характеристики губернатора-декабриста, читателямъ понятны причины той глубокой ненависти, которая такъ вдохновляла крѣпостную музу. Понятно также, съ какой жадностью большинство дворянъ ловило всикій слухъ обѣ удаленіи Муравьевъ.

Воть новость первоклассная,
Воть новость на расхватъ,
Газетная, прекрасная,
И кто же ей не радъ.

Такъ начинается „Муравіада“.

Конецъ долготерпѣнію!
Нашъ префектъ, нашъ тиранъ,
По царскому велѣнію
Переведенъ въ Рязань.

Оказалось, что ликованіе было преждевременно: переведенъ былъ другой Муравьевъ, племянникъ Александра Николаевича, вятскій губернаторъ. Вскорѣ, однако, пришла очередь и декабриста.

Въ апрѣль 1861 года Ланской увидѣлъ себя вынужденнымъ подать въ отставку, уступая мѣсто Валуеву. Это былъ первый ударъ начинавшейся реакціи. Муравьевъ понялъ, что и его роль кончена, написалъ Валуеву замѣчательное по откровенной прямотѣ письмо и въ октябрѣ тоже подалъ въ отставку. Либеральная часть дворянства и общества провожала его торжественнымъ обѣдомъ. Губернскій предводитель Болтинъ отмѣтилъ твердость и тактъ, съ которыми якобинецъ и заговорщикъ сѣмѣль предупредить обычный въ то время

крестьянскія волненія. Онъ достигъ этого, внушивъ крестьянству, что и для тѣхъ, „кто въ теченіи двухъ столѣтій терпѣлъ притѣсненія и насилия, — есть правосудіе, есть законъ“. Благодаря только этому, „въ то самое время, какъ въ большинствѣ другихъ губерній потребовалось содѣйствіе войскъ для прекращенія беспорядковъ, въ Нижегородской губерніи для этого было достаточно личного появленія и устныхъ разъясненій губернатора“ ^{*)}.

Въ отвѣтной рѣчи Муравьевъ сказалъ, между прочимъ, что въ этомъ „много содѣйствовали ему сами крестьяне, которые съ глубокою благодарностью къ великимъ милостямъ императора приняли новое положеніе и въ совершенномъ порядкѣ,тишинѣ и спокойствіи исполнили всѣ требованія онаго... Тѣмъ самымъ, — закончилъ растроганный декабристъ, — равно, какъ и дарованными имъ правами гражданства, они удостоились участія въ настоящемъ обѣдѣ“.

Дѣйствительно, за столомъ, среди дворянскихъ и чиновничихъ мундировъ, виднѣлись мужички кафтаны. Какъ они чувствовали себя въ этомъ положеніи, — вопросъ другой, но въ газетныхъ статьяхъ по поводу знаменательного обѣда указывалось на это „явленіе“, какъ на символъ нового строя, воплощеніе наступившаго равенства и братства...

Съ этихъ поръ о Муравьевѣ ничего уже не слышно. За праздникомъ освобожденія наступили будни. Вверху на мѣстѣ Ланскихъ и Милютинскихъ водворились Валуевы и Толстые. Внизу — пережившіе свой героическій періодъ Воронины становились исправниками обычнаго типа. И только порой, въ глухіе восьмидесятые годы, проносились воспоминанія о героническомъ подъемѣ освободительной эпохи...

А. С. Гацискій, историкъ и знатокъ Нижегородскаго края, въ статьѣ, посвященной Муравьеву, находитъ, что онъ ушелъ во время. Это, можетъ быть, правда. Революціонеръ и мечтатель въ юности, прошедший долгую школу дoreформенного режима, — самъ онъ стоялъ на грани двухъ періодовъ русской жизни. Свободолюбецъ мечтой, всѣми привычками и приемами, — онъ принадлежалъ къ старому типу самовластнаго дoreформенного чиновничества. Необыкновенно даровитаи натура, онъ въ совершенствѣ овладѣлъ этими приемами и направилъ ихъ, какъ новый Валленродъ, на разрушеніе основъ этого строя.

Но когда стѣна вѣкового рабства, наконецъ, рухнула, увлекая за собою и многое другое, — старый декабристъ и

*) А. А. Савельевъ. „Р. Старина“, июнь, июль 1898 г.

бывший городничий очутился лицомъ къ лицу съ новыми требованіями жизни, къ которымъ примѣниться ему уже было трудно. Мы видѣли приемы его борьбы. Они были старые и годились только въ примѣненіи къ старому...

А стремился онъ къ новому до конца. И черезъ всѣ человѣческіе недостатки, тоже, можетъ быть, крупные въ этой богатой, сложной и независимой натурѣ, свѣтится все таки рѣдкая красота ранней мечты и борьбы за нее на закатѣ жизни.

1911 г.

Къ исторіи отжившихъ учрежденій*).

1768—1771 гг.

I.

Раннимъ осенимъ утромъ 1768 года, выборные изъ балахонского купечества, суды словеснаго суда Михайло Сыромятниковъ столовыщи приведены были въ немалое смятеніе. У дверей земской избы, опершись о косякъ и руки держа на рукояткѣ своего палаша, стоялъ нижегородскаго баталіона сержантъ Митрофанъ Масловъ, въ выжидательномъ положеніи, а на столѣ лежали нѣкіе документы, на которые суды взирали съ неохотою и сумнительствомъ.

Нужно сказать, что и вообще, когда въ купеческомъ магистратѣ или въ подвѣдомственномъ магистрату словесномъ судѣ появлялись изъ Нижняго солдаты, то это не предвѣщало ничего хорошаго. Это значило, что по поводу какой-нибудь волокиты и кляузъ высшая нижегородская команда, т. е. губернскій магистратъ, губернская канцелярія или какая-нибудь изъ многочисленныхъ „канторъ“ рѣшились прибѣгнуть къ наивицѣшему купеческихъ судей принужденію, дабы, оставивъ лакомство и къ одной сторонѣ поноровку, они не чинили бы на другую сторону посагательства и притѣсненій, а дѣло рѣшили бы всеконечно въ указные сроки. Въ тѣ времена не церемонились относительно средствъ къ такому принужденію. „Для сего, писалось въ указахъ, посылается штатной команды сержантъ по инструкціи: доколѣ то дѣло рѣшеніемъ произведено не будетъ, дотолѣ того магистрата присутствующихъ и повытчика держать при ихъ мѣстахъ безъ выпуску“. Порой, когда высшая команда приходила во всеконечное петерітніе или когда въ дѣлѣ замѣшаны были интересы сильныхъ персонъ,—на бѣднаго повытчика приказывали, вдовавокъ, надѣвать кандалы; приходившіе по дѣламъ въ маги-

*.) Фочеркъ этотъ составленъ на основаціи подлинныхъ дѣлъ бывшаго балахонскаго городового магистрата.

стратъ обыватели имѣли тогда случай видѣть своего выборнаго подьячаго *) за письменнымъ столомъ, съ гусинымъ перомъ за ухомъ, съ кандалами на ногахъ.

Немудрено поэтому, что и на сей разъ, когда, постѣ ожиленной бѣготни изъ земской избы (гдѣ засѣдали словесные суды) въ магистратъ и обратно, сержантъ Масловъ, позванивалъ налашомъ, прошелъ черезъ канцелярію и „впущенъ быль передъ присутствіе“, то между пищиками и канцеляристами пошелъ говоръ и разныя догадки; по какому дѣлу явился сержантъ и кого будетъ понуждать? Случаевъ для этого, конечно, всегда было въ изобилии. То „бывшій балахонскій посадникъ, что нынѣ города Алаторя публичной нотаріусъ“, Андрей Щуровъ, давно и съ великимъ успѣхомъ боровшійся съ магистратомъ, подносилъ магистратскимъ законникамъ какую-нибудь неожиданную затѣйную кляузу, то другой исконный магистратскій врагъ, соляной промышленникъ, а стеклянной фабрики содергатель, Филипп Городчаниновъ, человѣкъ богатый и со связями, требовалъ себѣ, черезъ высшія команды, законнаго удовольствія, обвиняя магистратскихъ судей въ неправедныхъ къ сторонѣ купечества послабленіяхъ, а ему, промышленнику, въ утѣсненіи, „отчего уже и приходитъ во всеконечное разореніе“... Вообще, трудно было бы перечислить всѣ случаи, которые могли подать поvodъ къ той или другой невзгодѣ, и, поистинѣ, безъ традиціонной подьяческой пронырливости, ставшей притчею во языцѣхъ, приказныя дѣла вести въ тѣ времена было бы „весьма невозможно“.

II.

Дѣло, по которому сержантъ Масловъ утруджалъ словесныхъ судей, а теперь, по сумнительству, впущенъ быль передъ ясныя очи бургомистра Латухина и ратмановъ, было очень просто и, повидимому, не требовало особыхъ соображеній; въ маѣ 1768 года титуллярный совѣтникъ Колокольцовъ, застигнутый трудными обстоятельствами, занялъ 70 рублей 50 копѣекъ и выдалъ вексель. Въ августѣ наступилъ срокъ, титуллярный совѣтникъ платежа не учинилъ, почему нижегородскій публичный нотаріусъ, во охраненіе вексельнаго права, сыскивалъ его въ Нижнемъ Новѣ-городѣ, приходя къ его дому съ понятими. Но дома его не изошелъ, а домашніе объявили, что имѣется онъ должникъ въ Балахнѣ. Вотъ почему протестованный вексель и появился на столѣ Балахонскаго магистрата.

*) Въ магистратахъ подьячіе и канцеляристы выбирались купечествомъ.

Въ тѣ времена сословныя разграничениа были чрезвычайно рѣзки, и каждое сословіе судилось особымъ судомъ. Ратуши и таможенные суды, а съ половины прошлаго столѣтія магистраты сосредоточили въ себѣ въ уѣздныхъ и провинціальныхъ городахъ всѣ дѣла, относившіяся до купечества, какъ уголовныя, такъ и гражданскія. Промышленники и фабриканты вѣдались еще въ мануфактуръ-коллегіи, крестьяне, помѣщики и разночинцы — въ воеводскихъ канцеляріяхъ, духовенство — въ своихъ духовныхъправленіяхъ. Вотъ почему у словесныхъ судей и возникло первое сумнительство: какъ отвѣтчикъ, такъ и истцы по векселю, предъявленному сержантомъ Масловымъ, были персоны не купеческаго званія, и словесный судъ охотно отослалъ бы и сержанта и его векселя въ воеводскую канцелярію, какъ это и дѣжалось прежде.

Въ присутственной комнатѣ магистрата, за столомъ, обильно закапаннымъ чернилами, засѣдали выборные изъ купечества, бургомистръ съ двумя ратманами. Бургомистръ Петръ Семеновъ сынъ Латухинъ крѣпко держалъ бразды градскаго правленія въ теченіи цѣлой четверти вѣка. За это время онъ переполнилъ магистратъ своими сродниками, свойственниками, кумовьями и крестниками до такой степени, что, казалось, въ балахонскомъ магистратѣ на вѣки вѣчные водворилась латухинская династія. Одинъ изъ ратмановъ, Михайло Рукавишниковъ, былъ ему родной племянникъ. Другой — Федоръ Рягинъ, человѣкъ совершенно безличный и подавленный, ограничивался подписью бумагъ. Пищики, подканцеляристы и канцеляристы, подьячие просто и подьячие съ приписью ожидали только маповенія латухинской главы, чтобы разорвать кого угодно въ переносномъ и даже въ буквальномъ смыслѣ.

Осмотрѣвъ вексель и выслушавъ молчаливо „сомнительство“ словесныхъ судей, Латухинъ подалъ знакъ канцеляристу Побѣдимцову. Латухинскій кумъ, человѣкъ невзрачный и потерпѣтый, нерѣдко „обращавшійся въ пьянственномъ случаѣ“, во хмѣлю строптивый и даже буйный, канцеляристъ этотъ былъ въ то же время великий законникъ, видавшій всякия передѣлки. Поэтому ему многое прощалось, и балахонское купечество много лѣтъ содержало его „на изрядномъ отъ себя трактаментѣ“. Никто лучше Сергея Побѣдимцова не могъ разобраться въ хаосѣ уложеній, регламентовъ, морскихъ и военныхъ артикуловъ и указовъ, загромождавшихъ огромный черный шкафъ, изъ коего магистрату приходилось почерпать свои аргументы. Мигомъ найдя что было нужно, подканцеля-

ристъ вынълъ изъ нѣдръ шкапа вексельные уставы и прочиталъ:

„Когда кто изъ воинскихъ, статскихъ, духовныхъ или иныхъ чиновъ самъ себя привяжетъ въ купечество, въ переводѣ денегъ векселями или другими какими домовыми книгами подъ образомъ векселя, такимъ нигдѣ индѣ, но точю... какъ на кутицахъ, такъ и купцамъ на нихъ просить и удовольствіе чинить въ ратушахъ и таможняхъ, не смотря ни на какія ихъ представліенія, что они не того суда, понеже кутицамъ не сносно есть потеряне времени и поврежденіе купечества... И для того, кто не хочетъ себя подвергать подъ судъ ратушной и таможенной, то да не дерзаетъ самъ себя векселями и другими письмами подъ образомъ векселя съ купечествомъ привязывать или неисправнымъ показывать“ *).

Выдержка эта сразу разрѣшила всѣ сомнѣнія: словесные суды покорно взяли со стола принесенные Масловымъ бумаги и, вмѣстѣ съ сержантомъ, пошли опять въ земскую избу „для начатія тому дѣлу разбирательства и указанаго рѣшенія“, что, какъ увидимъ, сопряжено было для нихъ съ немалыми трудностями.

III.

Вексель! Едва ли есть еще какой-либо документъ, который п въ наше время пользовался бы менѣео симпатію, чѣмъ эта нѣмецкая выдумка, занесенная къ намъ реформою Петра. Сколько на этихъ клочкахъ бумаги, въ этихъ немногихъ словахъ заключено человѣческаго горя, слезъ, нужды и даже крови,—объ этомъ могутъ и теперь разсказать судебные пристава, печальная обязанность которыхъ состоять въ „осуществленіи“ скрытаго въ этой бумажкѣ реального смысла. Понистинѣ, за одно это нѣмецкое словечко „вексель“, вошедшее въ обиходъ русской жизни, память великаго преобразователя **) заслуживала бы всѣхъ тѣхъ проклятий, которыми отягчаютъ ее славянофилы, если бы... если бы это нѣмецкое слово не замѣнило собою нѣкоторыхъ чисто русскихъ, имѣвшихъ обращеніе въ допетровской патріархальной Руси. Эти самобытныя, но страшныя слова: кабала, кабальная запись, правежъ!

Какъ бы то ни было, слово вексель было въ прошломъ столѣтіи гораздо страшнѣе нынѣшняго. Въ случаѣ неплатежа

*) Вексельного устава пунктъ 33.

**) Вексельный уставъ изданъ въ 1729 году, т. е. послѣ смерти Петра. Однако, какъ и многія мѣры того времени, начало свое онъ получилъ при Петре.

или спора должника сыскивали и для разбирательства отсылали подъ карауломъ по мѣсту жительства истца, напримѣръ, изъ города Балахны въ С.-Петербургъ, Москву или Астрахань, гдѣ въ такихъ случаяхъ сторонамъ давался „судъ по формѣ суда“, и это порою изъ-за десятка рублей. Во второй половинѣ столѣтія процедура является уже значительно упрощенною... векселя предъявлялись по мѣсту жительства ответчика въ словесные суды, въ которыхъ разбирательство происходило исключительно устное. Въ случаѣ же спора и, вообще, когда дѣло доходило до письменного разбирательства, описей и продажи имущества, оно поступало въ магистраты.

Такимъ образомъ выборные изъ балахонского купечества словесные суды состояли „по апелляціи“ непосредственно въ вѣдѣніи магистрата. Словесный судъ помѣщался въ одномъ съ магистратомъ здапіи, его колодники сидѣли въ магистратской тюрьмѣ, и вообще, наравнѣ со всѣмъ магистратомъ и со всею купеческою Балахною, словесный судъ являлся покорнымъ орудіемъ всевластнаго купеческаго бургомистра. Выбранный въ 1749 году Петръ Семеновъ Латухинъ правилъ Балахною около 30 лѣтъ. Только уже въ 1770-хъ годахъ, когда, послѣ пугачовской грозы, въ воздухѣ появились какія-то новыя вѣянія, когда Екатерина писала, что теперь, сломавъ рога Пугачова, мысли множествомъ вдругъ приходить *), а губернаторы стали разсыпать во всѣ учрежденія невиданные прежде указы и письма, дабы „всѣ мѣста старались не сильнымъ чинить потакательство, но наиболѣе слабымъ и обидимымъ защищеніе“, только тогда Латухинъ, еще крѣпкій и бодрый, долженъ былъ покинуть насиженное мѣсто. И послѣ этого передъ гуманными губернаторами стали вскрываться удивительныя обстоятельства. Оказалось, напримѣръ, что одинъ балахонскій посадникъ явился къ губернатору Ступишину, бѣжавъ изъ тюрьмы, гдѣ его содержали семь лѣтъ словесные суды за долгъ Латухину,— долгъ, который вдобавокъ давно былъ покрытъ, такъ какъ въ теченіи этого времени Латухинъ держалъ у себя въ работѣ двухъ сыновей должника. Когда же губернаторъ сдѣлалъ объ этомъ запросъ, требуя объясненія, чего для толь долговременное задержаніе учинено, то оказалось, что по справкѣ въ дѣлахъ не найдено никакихъ слѣдовъ какого бы то ни было постановленія объ арестѣ.

Вотъ какова была власть купеческаго бургомистра П. С. Латухина въ уѣздномъ городѣ Балахнѣ и вотъ что могли

*.) Дубровинъ. Пугачовъ и его время, III, 324.

учинить съ балахонцемъ, выдавшимъ заемное письмо или вексель. И если теперь простое предъявление векселя ко взысканию поставило въ тупикъ словесныхъ судей, и самъ бургомистръ Латухинъ измышилъ средства, дабы неофициально склонить обѣ стороны къ уступкамъ и примиренію, то это объясняется только тѣми „персонами“, которыхъ являлись тяжущимися въ этомъ несложномъ дѣлѣ.

Прежде всего это былъ нижегородскій коменданть Трофимъ Степановичъ Іевлевъ.

Въ замѣчательномъ историческомъ документѣ,—язвительной „бумажкѣ“, которую комиссаръ Лодыженскій послалъ бравому саратовскому коменданту Бощияку наканунѣ пугачовскаго разгрома, — такъ охарактеризована роль коменданта: „Въ Россійскомъ государствѣ есть два сорта комендантовъ, изъ коихъ первые... по справедливости, могутъ называться комендантами крѣпостей. Другой же сортъ комендантовъ опредѣляется дѣлами сыску воровъ и разбойниковъ и для препровожденія изъ нихъ пойманныхъ отъ мѣста и до мѣста и для другихъ надобностей и карауловъ, и то по требованіямъ губернскихъ провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, та-ко-жъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ“ *).

Мы не можемъ теперь сказать, къ какому „сорту“ комендантовъ причислилъ бы Лодыженскій „нижегородскаго коменданта Трофима Іевлева“. Въ командовании и защите нижегородской крѣпости, сохранившей понынѣ свои старыя стѣны и башни, въ то время едва ли уже предстояла какая-нибудь надобность. Ничего также неизвѣстно о трудахъ его по искорененію воровъ и разбойниковъ. Несомнѣнно, однако, что у него подъ командою было немалое число солдатъ и сержантовъ, которыхъ онъ разсыпалъ въ разныя учрежденія съ довѣренностями по всякимъ кляузнымъ искамъ. Когда дѣло затягивалось и становилось сомнительнымъ, то нерѣдко истцы считали выгоднымъ уступить свои права коменданту, который имѣлъ сильные связи въ губернскомъ магистратѣ. Такимъ образомъ, въ Нижнемъ Новгородѣ возникла въ комендантскомъ управлѣніи своеобразная дисконтная контора, и когда губернскій магистратъ прибѣгалъ къ мѣрамъ „ионужденія присутствующихъ“, о которыхъ говорилось выше, то коменданть Іевлевъ давалъ для исполненія этихъ мѣръ солдатъ своей команды. Поистинѣ, чѣмъ-то юпитеровскимъ отзываются краткія напутствія, которыми коменданть снабжалъ при этомъ свою команду. Въ дѣлахъ балахонского магистрата сохрани-

*) Тамъ, же, III, 191.

лось, напримѣръ, слѣдующее „вѣрющее письмо“, предъявленное сержантомъ Заварзиномъ 18-го декабря 1777 года:

„Федоръ Заварзинъ

по посылке твоен въ балахну о взысканіи долговъ нотариуса Щурова имѣи крепкое стараніе, а не такъ какъ сержантъ Масловъ, дабы на васъ какой въ поноровкѣ жалобы не произошло. Пишу тебѣ я Трафимъ Иевлевъ“.

Итакъ, если Петръ Латухинъ явился въ Балахнѣ представителемъ власти несомнѣнно сильной, то и комендантъ Иевлевъ олицетворялъ ее въ своей особѣ въ степени отнюдь не меньшей. За нимъ, на той же сторонѣ, т. е. въ качествѣ истцовъ, являлись еще двѣ персоны съ очень длиннымъ и неуклюжимъ титуломъ: „Нижегородскихъ питейныхъ и прочихъ сборовъ коронныхъ повѣренныхъ господинъ оберъ-директоръ Михайло Гусятниковъ и таковыхъ же сборовъ коронныхъ повѣренныхъ директоръ Григорій Пихонинъ“. Въ нашемъ столѣтіи, отказавшемся отъ длинныхъ и кудреватыхъ наименованій, персоны эти носили бы не менѣе, однако, внушительное название откупщиковъ, и уже по тому, что видѣло отъ нихъ наше столѣтіе, мы легко можемъ судить, какова была ихъ сила въ провинціальной средѣ прошлаго вѣка.

И, однако, обѣ эти персоны предпочли перевести вексель на имя коменданта Гевлева, повидимому, плохо надѣясь на своего повѣренного Василья Теремнова, не обладавшаго никакими уже титулами. Кто же былъ противникъ, противъ котораго сплачивались такія солидныя силы, на предметъ простого взысканія съ него 70 рублей съ указными рекамбію и процентами?

Мы уже видѣли, что это былъ просто титулярный совѣтникъ Николай Потаповичъ Колокольцовъ. Титулъ, конечно, не изъ особено еще знатныхъ, и если всетаки словесный судь и магистратъ такъ неохотно принимали его векселя, то на это были особыя причины: у Колокольцова были связи и, что самое главное, онъ былъ въ данное время „града Балахны воеводскимъ товарищемъ“. Нужно прибавить, что недолго передъ тѣмъ господинъ Колокольцовъ имѣлъ уже немалую прию съ балахонскимъ купечествомъ по вопросу объ отводѣ ему приличной званію квартиры, и мы легко поймемъ, какая туча нависала надъ балахонскимъ купеческимъ управлениемъ въ лицѣ сержанта Маслова, за коимъ виднѣлись персоны директоровъ и коменданта съ одной стороны и воеводского товарища съ другой. Всѣмъ до послѣдняго пищика было ясно, что тутъ предстоять немалыя затрудненія, чреватыи всячими огорчительными неожиданностями и „репремантами“.

IV.

Какъ бы то ни было, сержанту отведена на конѣ купечества квартира, а словесный судъ приступаетъ къ предварительнымъ по щекотливому иску мѣропріятіямъ.

Обыкновенно мѣры принимались въ такихъ случаяхъ самыя простыя. Двумъ дюжимъ магистратскимъ „розыщицамъ“, (тоже выбиравшимся изъ купечества) давали сыскную, и они сыскивали должника въ дому или где „улучить было возможно“. Если это удавалось, то они, не прѣмля отговорокъ, волокли искомаго къ разбирательству и обѣявляли „при доѣздѣ“. Если же проницательный должникъ укрывался, то розыщики „получали“ кого-либо изъ домашнихъ: мать, отца, жену или сына (малолѣтки женска поду отъ привода избавлялись), и волокли ихъ въ судъ, который подвергаль ихъ задержанию подъ карауломъ, доколѣ „винный не являлся собою“, на выручку своихъ близкихъ. Въ данномъ, однако, случаѣ процедура эта признана была не совсѣмъ удобною, и потому словесный судъ возлагаетъ тонкое порученіе на одного изъ своихъ судей Федора Рукавишникова, человѣка хорошей балахонской фамиліи и потому знавшаго обращеніе съ персонами знатнаго ранга. Рукавишниковъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1768 года, ходилъ къ господину Колокольцову троекратно, и по тому троекратному хожденію принесъ отъ его благородія обѣщаніе, что онъ по дѣлу имѣть выслать въ словесный судъ своего повѣреннаго.

„Точію за многопрошествіемъ времени того довѣреннаго не выслать“. Между тѣмъ, но вексельскому уставу, въ дѣла по вексельнымъ искамъ строго повелѣвалось рѣшать „конечно, въ двухъ-недѣльный срокъ“, подъ опасеніемъ взысканія всего иску съ самихъ судей. Такъ какъ вдобавокъ и сержантъ Масловъ о „удовольствії“ своего начальника требовалъ неотступно, угрожая непремѣннымъ по командѣ доношеніемъ, то словесный судъ усиливаетъ первую мѣру: онъ посыпаетъ къ Колокольцову двухъ розыщицковъ, Федора Мартющева и Дмитрия Неслухтина, которые привыкли къ рѣшительнымъ поступкамъ и не боялись суроваго отпора. Оба эти розыщица къ его благородію неоднократно ходили и получали его видѣть на квартирѣ, точію его благородіе отвѣтствовалъ, яко-бы онъ на тотъ вексель сочиняеть иѣкакой документъ. Такъ какъ никакихъ документовъ словесный судъ принимать былъ отъ ответчиковъ не вправѣ, то розыщицамъ дается еще болѣе рѣшительная инструкція: „его благородія въ словесной судъ требовать имъ неотступно, а ежели самъ не пой-

деть и повѣренного не отдать (sic!), то взять изъ людей его, кого улучить можно“.

Его благородіе принялъ свои мѣры и розсыпщики, за ко-
нечнымъ невищущенiemъ ихъ въ квартиру для взятія людей
его и за неполученiemъ ихъ нигдѣ въ городѣ, никого при-
доѣздѣ объявить были не въ состояніи. Но за то 29-го октября
того же года въ земскую избу, где словесный судъ имѣлъ
засѣданія, явился съ превеликою надменностю балахонской
воеводской канцеляріи подканцеляристъ Поповъ (одинъ изъ
безчисленныхъ Поповыхъ, которыми книѣли всѣ канцеляріи),
который „бросилъ на столъ гербовой бумаги, повидимому,
листъ одинъ“, и затѣмъ удалился, сказавши только, что это
и есть „его благородія на вексельный искъ объявленіе“.

Въ объявлениіи было написано просто, что хотя тѣ по ве-
кселю деньги имѣ, Колокольцовыи, и подлинно взяты, точію
къ уплатѣ виннымъ себя не признааетъ, ибо-де уже упла-
тилъ, отославши ону ѿ сумму сестры своей родной Татьяны
Толстой съ крестьяниномъ. Ни платежной расписки, ни сви-
дѣтелей уплаты при этомъ не представлено и показаніе отно-
сительно уплаты (виослѣдствіи совершенно опровергнутое) ни-
чѣмъ не подтверждалось. А такъ какъ, кромѣ того, письмен-
ные объясненія, по инструкціи словеснаго суда, не подлежали
даже разсмотрѣнію,—то суды вновь посылаютъ розсыпщика.
Злополучный Мартюшевъ, возвратясь, показать, что его bla-
городіе окончательно ему отказалъ, „дабы розсыпщикамъ бо-
льше къ нему въ домъ ни за чѣмъ неходить, а словесному
суду производить по тому объявлению“. Словесный судъ за-
писалъ слова розсыпщика въ протоколъ, закончивъ его слѣ-
дующими словами: „а онъ, Мартюшевъ, въ семъ доѣздѣ, по-
казалъ чистую правду, подвергая себя въ противномъ случаѣ
законному истязанію“, и затѣмъ рѣшилъ, что теперь дѣло
словеснаго суда кончено, такъ какъ довелось уже до письмен-
наго разбирательства, подлежащаго вѣдѣнію магистрата. По-
чему 3-го ноября дѣло и препровождено при доношении на
усмотрѣніе господѣ балахонскаго магистрата.

Такимъ образомъ, первый актъ борьбы кончился и госпо-
дину Колокольцову, титулярному совѣтнику и воеводскому то-
варищу, не пришлося представить передъ низшою инстанціею
выборнаго суда балахонскихъ купчишекъ. Теперь ему пред-
стояло имѣть дѣло съ самимъ магистратомъ.

V.

Разсмотрѣвъ препровожденіе отъ словеснаго суда объявле-
ніе, магистратъ, конечно, не могъ усмотрѣть въ немъ никак-

кого здраваго резону, кромъ развѣ памека на родство съ Толстыми (изъ коихъ одинъ, служившій прежде въ Нижнемъ, былъ оберъ-крайгель-комиссаромъ), тѣмъ болѣе, что ежели бы подлинно тѣ деньги имъ, Колокольцовыемъ, отдаваны были, то бы могъ имѣть каковой-либо документъ. Въ виду этого магистратъ начинаетъ противъ воеводскаго товарища военныя дѣйствія съ своей стороны.

3-го ноября „правищему по выбору отъ балахонскаго купечества полицейскую должность“, а въ торжественныхъ служаихъ называемому „выборнымъ балахонскимъ полицѣ-майстеромъ“, купцу Икову Щепетильникову вручена отъ магистрата инструкція: „Иди тебѣ въ домъ, гдѣ г. Колокольцовъ жительство имѣеть, и оному Колокольцову объявя, требовать, дабы по имѣемому на него векселю и по приносимой имъ спорности въ балахонской магистратѣ явился бы собою въ неукоснительномъ времени или бы прислалъ повѣренаго“, о чёмъ особо составленную промеморию онъ же, Щепетильниковъ, имѣеть объявить въ балахонской воеводской канцеляріи воеводѣ или же секретарю. Посылка эта увищчалась столь же малымъ успѣхомъ, какъ и предыдущія: Колокольцовъ не являлся, а воевода съ секретаремъ магистратской промеморію не принялъ, „яко гласящую по вексельному дѣлу, каковыя дѣла по регламенту до воеводы не принадлежательны“.

Тогда магистратъ обращается въ высшую команду, а именно въ губернскую канцелярію, требуя доношеннемъ, дабы благоволено было тому Колокольцову о явкѣ въ магистратъ, а воеводской канцеляріи о взг҃тіи съ него подписки подтвердить указами. Кромъ того, магистратъ просить наложить запрещеніе на имущество Колокольцова или, паконецъ, о вычетѣ изъ его жалованія, сообщая, что иначе балахонскій магистратъ, за упорной неявкой Колокольцова „и какъ оной находица здѣшняго града воеводскими товарищемъ“, ко взысканію приступить собою не можетъ.

Этотъ воипль магистрата, призывавшагося въ свое мѣсто безсиліи, встрѣченъ очень холодно: указавъ сухо на 38 пунктъ вексельного устава, въ силу коего оный Колокольцовъ подлинно надлежитъ быть отосланъ въ магистратъ, Петръ Рагозинъ (подписавшій указъ губ. канцеляріи) говорить затѣмъ, что до рѣшенія дѣла (!) ни удержанія жалованія, ни запрещенія на имущество и требовать не надлежало, почему на предбудущее время рекомендуется магистрату отъ таковыхъ недѣльныхъ предложений себя воздержать.

Тогда, 22-го декабря, правицій полицейскую должность снабжается отъ магистрата новою инструкціею, составленную

въ выражениихъ тонкихъ, но еще болѣе рѣшительныхъ: „Иди тебѣ въ домъ къ г-ну Колокольцову и, во-первыхъ, объявить училиымъ образомъ, требуя ево въ балахонской магистратъ собою, если-жъ не пойдетъ и воспостѣдуетъ отъ нево какое тебѣ препятствіе, тогда какъ возможно къ тому позыву и взято приложить тебѣ усильное стараніе“.

VI.

Время было выбрано магистратомъ въ высшей степени удачно, и если бы купеческій полицеймейстеръ оказался на высотѣ своей задачи, то его экспедиція на сей разъ могла бы разрѣшиться или торжествомъ магистрата, или круиною катастрофою. Въ первомъ случаѣ воеводскій товарищъ былъ бы объявленъ „при доѣздѣ“ въ купеческое судилище „усилѣмъ“, во второмъ— балахонская воеводская канцелярія во всемъ составѣ вынуждена была бы нарушить нейтралитетъ и вступить въ рукопашную, защищая своего „воеводского товарища“ отъ купеческой посылки. Дѣло въ томъ, что съ послѣднихъ дней передъ Рождествомъ и до 8-го января обыкновенно прекращались въ присутствіяхъ текущія дѣла и даже,—трагательная черта среди жестокихъ нравовъ того вѣка,—раскрывались двери тюремъ, и колодники распускались по домамъ, на подпиську и поруки, дабы могли провести святой праздничникъ дома и слушать въ церквиахъ божіихъ молебна го пѣнія. Въ тюрьмахъ на это время оставались лишь тѣ, относительно которыхъ состоялись постановленія: „держать неисходно безъ выпуску“ (что, замѣтимъ кстати, далеко не всегда сообразовалось съ важностью преступленія).

Колокольцовъ, понятно, не думалъ, что въ такие дни, передъ самыми праздниками, магистратъ откроетъ рѣшительныя дѣйствія, и потому спокойно отправился въ воеводскую канцелярію и такъ же спокойно оттуда вышелъ. Но на выходѣ былъ встрѣченъ отрядомъ изъ пяти балахонцевъ, подъ предводительствомъ Щепетильникова, которые уже были въ его квартирѣ и теперь ко взятю его намѣревались приложить усильное стараніе. Застигнутый такимъ образомъ, его благородіе сильно сбавилъ тонъ: ссылаясь на самонужнѣйшія дѣла по воеводской канцеляріи, онъ самымъ училиымъ образомъ сталъ увѣрять, что нынѣ уже за наступленіемъ праздничныхъ дней тому дѣлу произвожденія чинить не можно, но что за то на 8-е число января имѣть быть въ присутствіи магистрата неотмѣнно.

Купеческій полицеймейстеръ на эти, многократно уже не сдержанія, обѣщанія сдался. Подѣйствовало ли на купца

обаяніе барской любезности, а можетъ быть, онъ просто стру-
силъ вблизи воеводской канцеляріи, команда которой нерѣдко
вступала съ представителями магистрата въ смертный бой и
даже разбивала магистратскія двери; какъ бы то ни было, но
и на этотъ разъ онъ отступилъ. Воеводскій товарищъ избѣгъ¹
„приводу“, хотя и не безъ урону своей надменности, послѣ
любезно тонкихъ отговорокъ на улицѣ, при собраніи народа
немалаго числа, сбѣжавшагося поглазѣть на взятіе купцами
воеводскаго товарища. „За приведенными резонами, рапортова-
валъ малодушный Щепетильниковъ, я его благородія взять
не отважился“.

VII.

Повидимому, воеводскій товарищъ Колокольцовъ поставлялъ
свою честь въ томъ, чтобы по векселямъ своимъ не платить
и пренебречь магистратскимъ судилищемъ. Иначе трудно
объяснить, почему онъ рѣшился такъ упорно выносить все
послѣдующее. Понятно, что ни 8-го января, ни послѣ онъ
въ магистратъ не являлся, а такъ какъ Щепетильниковъ,
устыженный неудачею, теперь ходилъ около дома со своею
командою, стараясь его улучить всемѣрно, то Колокольцовъ
прекратилъ ходить даже въ присутствіе. Между тѣмъ, под-
канцеляристъ Побѣдимцовъ, тщательно порывшись въ своемъ
арсеналѣ, изъ самой глубины чернаго шкапа извлекъ про-
тивъ Колокольцова грозное оружіе, какъ кажется, давно уже
не бывшее въ употребленіи.

„Соборнаго уложенія главы десятой въ пунктѣ третьемъ
изображенено: „Будеть которой ответчикъ учнетъ у пристава
укрыватися и во дворѣ у себя не учнетъ сказыватися, и при-
ставу, взявъ съ собою товарищѣй, сторожить у двора ево
день, и два, и три, доколь тогъ ответчикъ самъ или человѣкъ
ево или дворникъ со двора сойдетъ, и того ответчика или
человѣка его или дворника взявъ, привести въ приказъ“.

На основаніи этого пункта, нынѣ извлеченного изъ пыль-
наго забвенія противъ необычно храбраго противника, сфор-
мированъ, подъ начальствомъ Щепетильникова, въ маѣ
1769 года, настоящій отрядъ изъ двѣнадцати балахонскихъ
„посадниковъ“ и купцовъ, которые, расположась у дома Коло-
кольцова, непрестанно его стерегли, чиня денно и нощно
засаду.

Домъ превратился въ осажденную крѣпость. Ни г. Коло-
кольцовъ, ни его домашніе не отваживались теперь выходить
на улицу, гдѣ ихъ ждали балахонцы со своимъ „третьимъ
пунктомъ“. Изъ купечества никто, конечно, также не осмѣ-
12*

ливался на върху входить къ осажденнымъ, такъ какъ падъ своими-то гражданами у магистрата было достаточно власти. Квартира Колокольцова оказалась такимъ образомъ блокированной и, пожалуй, храбрый воеводскій товарищъ увидѣлъ бы себя вынужденнымъ сдаться магистратской арміи, если бы блокаду не нарушили то и дѣло солдаты воеводской канцелярии, которыхъ это дружественное Колокольцову учрежденіе откомандировало на помощь и которые то и дѣло проходили въ ворота и обратно, не обращая вниманія на осаждающихъ. Такъ какъ это не были ни „люди“ Колокольцова, ни его дворники, то, конечно, соборное уложеніе не уполномочивало Щепетильникова брать ихъ и приводить въ приказъ.

VIII.

Такъ прошло около мѣсяца.

13-го юна того же 1769 года, на базарѣ города Балахны учинился немалый крикъ и смутеніе. Дѣло въ томъ, что предводитель магистратскаго отряда, оставивъ подчиненныхъ въ обычной засадѣ, отлучился для своихъ нуждъ и во время той отлучности ходилъ по базару. Въ то же время изъ дома Колокольцова, обманувъ бдительность отряда, остававшагося безъ предводителя (и, конечно, не всегда сторожившаго съ одинаковымъ усердіемъ), вышелъ для покупки солоду и соли дворовый человѣкъ Наумъ Козьминъ. Послѣдній, закупивъ припасы, хотѣлъ уже было отправляться обратно, не чая напасті и не подозрѣвая, что купеческій полицеймейстеръ уже усмотрѣлъ его своимъ бдительнымъ окомъ. Собравъ наскоро летучій отрядъ изъ четырехъ балахонцевъ, Щепетильниковъ обошелъ врага, окружилъ его и быстрымъ патискомъ взялъ его въ пленъ вмѣстѣ съ солодомъ и солью.

Это была еще первая добыча магистрата. Понятно, что Наумъ Козьминъ былъ встрѣченъ въ магистратѣ съ немалымъ торжествомъ и немедленно сданъ за руки земской тюрьмы сторожамъ, для содержанія въ оной тюрьмѣ безъ выпуску. Козьминъ,当然, неожиданно попавшій съ базара за рѣшетку, конечно, подчинился своей участіи съ тѣмъ фатализмомъ, съ какимъ привыкъ подчиняться подобнымъ невзгодамъ русскій человѣкъ, въ особенности же русскій человѣкъ доброго старого времени, когда, напримѣръ, его, Козьмина, могли продать съ публичнаго торгу, какъ движимое имущество. Очень можетъ быть, что дѣло и получило бы этотъ натуральный по обстоятельствамъ исходъ и Козьминъ пошелъ бы въ продажу для уплаты Трофиму Іевлеву хотя бы одной только рекамбы, если бы противная сторона не изобразила

такого способа, который заставил магистратъ поскорѣе отказаться отъ своей добычи.

Попавъ за рѣшетку, Козыminъ могъ бы, конечно, совершенно успокоиться, если бы не одно обстоятельство: на рукахъ у него остались хозяйскіе солодъ и соль. Мысль, что его хозяйка тщетно ожидала теперь этихъ припасовъ, доставляла вѣрному холопу великое огорченіе, и поэтому, увидя въ окно проходившаго мимо балахонца посадскаго человѣка Михайла Оголихина, онъ подозвалъ его и повѣдалъ ему свое рабье горе.

Михайло Оголихинъ былъ именно такой человѣкъ, какого нужно было Козымину въ данную минуту; дѣло было не только въ томъ, чтобы найти сочувствіе къ заточенію хозяйстваго солода, нужна еще была храбрость, чтобы пойти противъ магистрата и проникнуть съ вѣстью во враждебный лагерь. А къ этому именно, то есть къ учиненію магистрату всякой противности, былъ во всякое время охочъ Михайло Оголихинъ.

У него съ магистратомъ были старые и весьма непріятные счеты. Начиная съ горькой жалобницы подканцеляриста Попова, котораго Оголихинъ называлъ „здѣшняго града посадскихъ людей разорителемъ“, въ архивѣ сохранилось немало дѣлъ, съ перечисленіемъ многихъ того Оголихина великихъ продерзостей: однажды, во время собранія купечества, схвати составленный купечествомъ приговоръ, Оголихинъ его сверху доизу разодралъ „и въ томъ числѣ императорскаго величества въ титулѣ букву (в) разодралъ же“. Такая продерзость въ тѣ времена „касалась уже важности“ и потому Михайла Оголихина, по доношенію магистрата, требовали для изслѣдованія въ высшія команды. Чѣмъ кончилось это изслѣдованіе—неизвѣстно. Извѣстно только, что „знатный купецъ“ въ концѣ 1740-хъ годовъ, въ описываемое время онъ уже былъ разоренъ, озлобленъ и имѣлъ свое кормленіе отъ красильного мастерства; изъ-за этого мастерства, вдобавокъ, онъ вступалъ въ неоднократные бои съ городецкими и иными окрестными крестьянами, которые тоже занимались, вопреки указамъ, красильнымъ дѣломъ въ городѣ Балахнѣ... Понятно, что такой воинственный образъ жизни еще болѣе способствовалъ развитию строптивости и духа противленія.

Когда Козыminъ кликнулъ его въ окошко, то Оголихинъ тотчасъ же взялъ у него солодъ и соль, отправился съ ними къ Колокольцову, безстрашно прошелъ мимо стражи во дворъ и не преминулъ разскѣзть обо всемъ, постигшемъ вѣрнаго холопа. Послѣ этого онъ, вдобавокъ, небрежа магистратскимъ гнѣвомъ, вернулся обратно и успокоилъ узника извѣстіемъ, что солодъ и соль попали, наконецъ, въ хозяйскія руки.

IX.

А въ домѣ Колокольцова закипѣла работа. Какъ нѣкогда князь Курбскій, хозяинъ знаменитаго Васьки Шибанова, такъ теперь хозяева злополучнаго Козыmina гораздо больше думали о томъ, какъ бы покрѣпче насолить магистрату, чѣмъ обѣ участіи вѣрнаго холопа. Изъ воеводской канцеляріи былъ позванъ опытный пищикъ, который тотчасъ же сочинилъ, отъ имени Мары Дмитріевны Колокольцовой, весьма затѣйное явочное челобитье, присланное воеводою на другой же день въ магистратъ.

„Отъ брата-де родного Колокольцовой жены, прaporщика Козлова, отданъ ей былъ на время крестьянинъ, который и находился при домѣ ея во услуженіи...“

Уже изъ этихъ первыхъ словъ бумаги, упавшей въ магистратъ, какъ разрывная бомба изъ осажденной крѣпости,—и бургомистръ, и оба ратмана, и самъ законникъ Побѣдимцовъ тотчасъ же усмотрѣли, что они дали маxу: захватили собственность прaporщика, совсѣмъ непричастнаго дѣлу. Но дальше было нѣчто, отъ чего лица присутствующихъ вытянулись еще болѣе.

„...А нынѣ, продолжала Марья Дмитріевна, со означеннымъ человѣкомъ послано было собственныхъ ея денегъ для размѣну къ здѣшнему купечеству на мелкія деньги пять десяти-рублевыхъ имперіаловъ, который-де (т. е. Козыminъ) и посейчасъ съ тѣми деньгами въ домѣ не бывалъ и гдѣ находитца, о томъ она, Колокольцова, неизвѣстна“. Коварный документъ кончается невинною просьбою: „дабы о сыску онаго дворового брата ея человѣка и о публикованіи о томъ всенародно въ балахонской магистратѣ сообщить“.

Получивъ такую неожиданную „промеморію“, магистратъ увидѣль, что дѣло его и на сей разъ проиграно. Правда, злополучный Козыminъ, столь неблагодарно оклеветанный хоziйкою въ похищениі яко-бы знатной суммы, будучи того-жъ часу позванъ къ допросу, простодушно объяснилъ, что онъ подлинно данъ госпожѣ своей отъ ея брата, „а на базарь не для чего другого посыланъ былъ, какъ для взятія солоду и отъ казенной протажи соли“, послѣ чего приучился еще быть на базарѣ, какъ на него нагрянули Щепетильниковъ стоварыщи и увели въ магистратъ.

Такимъ образомъ, показаніе Колокольцовой насчетъ имперіаловъ не подтвердилось. Но магистрату было хорошо извѣстно, что значить въ такомъ случаѣ показаніе холопа. При томъ же дальнѣйшіе разспросы Козыminу будутъ произ-

водиться „по вѣдомству его, въ воеводской канцеляріи“, а магистрату было также известно, какія показанія можно порой добыть изъ человѣка при умѣломъ „устрашиваніи“, которое тогда все еще было „за обычай“. Понятно, что въ этомъ случаѣ бѣднягѣ Козьмину не осталось бы ничего болѣе, какъ показать, что-де „тѣ монеты взяты у него при задержаніи тогоже балахонскаго магистрата присутствующими“. Правда, это была бы ложь... Но не отъ всѣхъ же можно ждать шибановской твердости, да къ тому же интересы раба совиали бы въ этомъ случаѣ съ интересами господина...

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Козьминъ тотчасъ же отправленъ съ розсыпщикомъ въ воеводскую канцелярію, гдѣ и сданъ подъ расписку...

X.

Бываютъ нравственные побѣды, которые мѣняютъ сразу взаимное отношеніе воюющихъ сторонъ. Такую именно поѣду одержалъ теперь титулярный совѣтникъ Николай Шотаповичъ Колокольцовъ надъ купеческимъ магистратомъ. Послѣ этого эпизода, дѣйствія магистрата идутъ нерѣшительно и вяло. Новая инструкція розсыпщикамъ, новыя бумаги въ воеводскую канцелярію, и изъ Нижняго новый „репремантъ“: „а ежели и затѣмъ произойдетъ упущеніе, то уже неотмѣнно взыскано быть имѣть съ самихъ того магистрата присутствующихъ“.

Однако, до 10-ти 1771 года деньги съ воеводского товарища оставались не взысканы. Дальше дѣло сильно попорчено сыростью и такимъ образомъ продолженіе этой борьбы магистратскаго правосудія съ совѣтникою надменностью погружено во мракъ вѣчнаго забвенія. Впрочемъ, одна, хотя и сильно истлѣвшая страница, кидаетъ небольшой еще лучъ свѣта. Тутъ видимъ мы воюющія стороны въ слѣдующемъ положеніи: правящій полицейскую должность съ посадскими людьми вновь нерѣшительно подступаютъ къ дому... „но онаго Колокольцова вороты содержатца завсегда заперты... Напослѣдокъ же, вышедъ изъ полатъ на крылецъ и паки не впукшая ихъ, балахонцевъ, на дворъ, отвѣтствовалъ его благородіе съ немалымъ крикомъ, что онъ въ магистратъ итти не долженъ, и устрашивалъ ихъ, балахонцевъ, бить дублемъ. За каковыми его крикомъ и устрашиваніемъ ко взятью ево, Колокольцова, отважитца никакъ невозможно“.

Ветхая страница разсыпается въ рукахъ, послѣдній лучъ угасаетъ и фигура дерзновеннаго воеводского товарища на крылецѣ, вмѣстѣ съ робкою кучкою защитниковъ магистратскаго авторитета, тонуть безвозвратно въ туманѣ минувшаго...

Миръ твоимъ тѣнямъ, доброе старое время!

Отголоски политическихъ переворотовъ въ уѣздномъ городѣ XVIII вѣка.

(Изъ балахонской старины).

17 октября 1740 года умерла „блаженная и вѣчныя славы достойная памяти“ императрица Анна Ioанновна. На престолъ вступилъ младенецъ государь Ioанинъ, во всѣ концы Россіи были посланы указы, и въ числѣ прочихъ уѣздный городъ Балахонскъ тоже принялъ присягу Ioанину и регенту, пресвѣтлѣйшему герцогу Курляндскому. Затѣмъ жизнь городка потекла своимъ чередомъ. Балахонцы занимались своимъ дѣломъ, строили суда, производили на своемъ усольѣ вареніе соли немалаго числа, которую отправляли на судахъ въ разные города и села, судились въ ратушахъ и у воеводъ, посыгали въ бракъ и замужество, плодились и умирали, мало тревожимые новыми политическими бурями, которыя происходили вверху.

Въ теченіи кратковременного царствованія Ioанна была выпущена монета и печатные листы съ его именемъ и портретомъ, а можетъ быть (точно не знаю) съ именемъ и портретомъ регентши. Отъ Балахни до Петербурга не близко, особенно если принять въ соображеніе тогдашніе пути сообщенія и медленность торговыхъ сношеній. Монета нового образца едва ли успѣла, выйдя въ Петербургъ, достигнуть до Балахонска, какъ уже совершился при помощи лейбъ-кампанцевъ новый переворотъ, и во всѣ концы Россіи опять поскакали курьеры. „попы разныхъ церквей“ въ Балахнѣ со причетомъ пѣли благодарственные молебны, а посадскіе и другіе разнаго званія вольные люди приносили новую присягу. И опять гор. Балахонскъ на берегу Волги зажилъ прежнею своею жизнью, готовясь къ новой зимней вываркѣ соли на варницахъ, сводя счеты по лѣтнимъ наемкамъ и становя суда на зимовки. Бургомистры и ратманды, подьячіе, канцеляристы и пищики съ 6 часовъ утра собирались въ присутствіе, и въ

застѣникахъ отъ утренней зари раздавались стоны и записывались разспросы и пыточныя рѣчи...

Судьба брауншвейгской фамиліи совершилась извѣстной печальной чредой. Добродушная, по тогдашнему, и счастливая Елизавета имѣла сначала намѣреніе отпустить „фамилію“ за границу, но ее запугали, и доброе побужденіе осталось неосуществленнымъ. Потомъ заговоръ Турчанинова и громкое дѣло Лопухиныхъ вселили въ Елизавету почти суевѣрный ужасъ передъ именемъ Иванушки, и она ссылала „фамилію“ все дальше и дальше. Сначала ихъ помѣстили въ Юнамюнде, потомъ перевели въ Раненбургъ въ 1744 и въ томъ же году повезли въ Архангельскъ. Въ октябрь несчастная Анна Леопольдовна глядѣла на холодный льдины, угрюмо сиивавшіяся у бѣломорского берега и загородившія дорогу въ Соловецкій монастырь, а затѣмъ, по представленію Корфа, фамилія оставлена въ Холмогорахъ подъ строгимъ, мелочнымъ, порой добродушнымъ, порой безчеловѣчнымъ досмотромъ приставовъ. Корфа смѣнилъ Гурьевъ, Гурьева — капитанъ Вымдонскій, послѣдняго — Миллеръ, который писалъ, между прочимъ, своему начальнику: „г. капитанъ вамъ напишетъ, что я морю безъ кофею извѣстныхъ персонъ“... (Соловьевъ).

Пока, такимъ образомъ, для несчастной фамиліи весь мѣръ замкнулся тѣснымъ холмогорскимъ горизонтомъ или даже стѣнами бывшаго архіерейскаго дома, а вопросъ о кофе отмѣчалъ въ ту или другую сторону перемѣны въ ихъ политическомъ положеніи,—въ военныхъ кружкахъ, привыкшихъ смотрѣть на себя, какъ на творцовъ переворота,—продолжало кое-гдѣ тлѣть глухое броженіе неудовлетворенныхъ честолюбій, и имя бѣднаго Иванушки отъ времени до времени пробѣгало, какъ искорка. За Турчаниновымъ послѣдовалъ заговоръ Лопухиныхъ, и Елизавета, испуганная, оскорблена, какъ царица и какъ женщина, — проявила по отношенію къ замѣшаннымъ несвойственную ей до тѣхъ поръ жестокость.—Пытка, плеть, отрѣзаніе языка... Красавицу Ягужинскую-Бестужеву, обнаженную до пояса, палачъ держалъ на себѣ за руки, и народъ смотрѣлъ, какъ изъ-подъ плети брызжетъ кровь великосвѣтской лѣвицы...

Все это, разумѣется, совершилось въ центрѣ, у вершинѣ политической жизни. Правда, и въ остальной Россіи, особенно на окраинахъ, среди казачества и вольницы уже и въ то время вставали отъ времени до времени неясные еще, мимолетные призраки самозванства, которому суждено было впослѣдствіи разразиться такой страшной грозой надъ всею Русью. Однако, можно сказать съ полной увѣренностью, что

имя Іоанна Антоновича изъ брауншвейгской фамиліи играло здѣсь менышую роль, чѣть другія. Тѣмъ не менѣе, было бы ошибкой думать, что „тамъ, въ глубинѣ Россіи“ всѣ эти перевороты проходили безслѣдно, и что глухіе городишки, а порой и села не имѣли своихъ жертвъ политическихъ перемѣнъ и событий. Правда, ни Турчаниновъ, ни Лопухины не могли имѣть въ какомъ-нибудь гор. Балахонскъ ни сообщниковъ, ни связей. Однако, и въ городѣ Балахонскѣ приходили манифесты отъ имени Иванушки и регентовъ и привозились монеты,—которая потомъ отбирались *); и въ гор. Балахонскѣ давалась присяга, которая потомъ ломалась; и въ городѣ Балахонскѣ происходило известное движение совѣсти, которое вызывали толки въ убогихъ хижинахъ со слюдяными окнами, на баркахъ, тихо плывущихъ по Волгѣ, на усольѣ за вываркою соли... Приходили и въ городѣ Балахонскѣ изъ Петербурга купецкіе и торговые люди, подрядчики казенныхъ работъ или поставщики въ петербургскіе магазины казенаго провіанта и соли, записные кирпищики и лопатники, которыхъ наряжали и посыпали на казенные работы. А черезъ Нижній, черезъ верховыѣ и низовыѣ города, гдѣ десятками работали балахонскіе посадскіе люди, тянулись команды солдатъ и офицеровъ, сопровождавшихъ секретныхъ колодниковъ, съ исполосованными спинами, kleymenыхъ, съ урѣзанными языками... И за всѣмъ этимъ, точно невидимая зараза за поѣздомъ чумныхъ мертвѣцовъ, тянулся цѣлый хвостъ разговоровъ и сужденій, простодушныхъ и опасныхъ, къ которымъ тогдашнее петербургское правительство, по жестокой традиціи конца удѣльного періода и татарщины, относилось необыкновенно ревниво и чутко. А гербовые листы и монета, не смотря на публикаціи, продолжали тоже ползти по Россіи все дальше и дальше,—и съ каждымъ листомъ, съ каждымъ рублемъ, отмѣченнымъ именемъ павшаго правительства, связана была смертельная, роковая, чисто стихійная опасность. И кто знаетъ, если сосчитать послѣ любого переворота число его жертвъ въ губернскихъ, уѣздныхъ и „правинціальныхъ“ городахъ, жертвъ безсознательныхъ, простодушныхъ, невѣдомыхъ и не вѣдавшихъ, за что именно они погибаютъ,—то не померкнутъ ли передъ этой необъятной массой разбитыхъ жизней, маленькихъ, незамѣтныхъ и безвѣстныхъ, ляркіи драмы болѣе видныхъ дѣятелей политической жизни, отмѣченныхъ историками.

*) Полное Собр. Законовъ 1745 г., № 9192 и 9197 объ отборашъ указовъ, въ правленіе герцога Куриндскаго и принцессы Брауншвейгъ-Люнебургской изданныхъ, и о храненіи ихъ за печатью въ Тайной Канцелярии.

II.

Двѣ изъ такихъ почти стихійныхъ драмъ, служащихъ лишь запоздалымъ *) отголоскомъ въ маленькомъ городѣ крупнаго политического переворота, уцѣлѣли случайно въ дѣлахъ балахонскаго городового магистрата, и теперь я предлагаю ихъ вниманію читателя.

Какъ известно, въ гор. Балахнѣ еще въ настоящемъ столѣтии дѣйствовали солинныя варницы, отъ которыхъ теперь, на бывшемъ усольѣ, уцѣлѣла лишь одна варница да остатки нѣсколькихъ разсолинныхъ трубъ, съ высокими столбами, окованными желѣзомъ и производящими странное впечатлѣніе среди пустыря, изрытаго ямами и покрытаго буграми... Говорить, выварка соли начата еще предпримчивыми новгородцами, поселившимися здѣсь послѣ разгрома новгородскаго иѣча, и долгое время балахонское усолье играло видную роль въ промышленной жизни Поволжья. Впослѣдствіи пермская и эльтонская соль вытеснила балахнинскую изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, по ближайшиe города и села: Юрьевецъ, Семеновъ, Лухъ, Галичъ получали соль исключительно изъ Балахны... У солиной продажи въ этомъ городѣ сложилась цѣлая своеобразная организація, состоявшая изъ солиного головы, цѣловальниковъ и ларечныхъ, по выбору изъ купечества городовъ Нижнаго, Арзамаса, Юрьевца, которые, смѣняя другъ друга, жили въ Балахнѣ „по присяжной должности“, принимали соль отъ промышленниковъ въ „важенный анбаръ“ и отпускали ее „въ кулевую“ торговцамъ и „въ розничную продажу“—обывателямъ.

Довѣріе къ личной честности было въ доброе старое время очень незначительно и потому соляная торговля, составлявшая monopolію правительства, обставлялась самыми строгими и мелочными правилами, почти обрядами. Между прочимъ, въ каждомъ амбарѣ ставился запертыи и запечатанный ящикъ, съ небольшимъ отверстиемъ, въ которое ларечные и цѣловальники обязаны были опускать получаемыя за соль деньги тотчасъ же, „безъ всяаго времени продолженія, подъ страхомъ за неисполненіе указанаго истязанія“. Такіе же ящики давались тѣмъ изъ цѣловальниковъ, которые отправлялись для соляной продажи въ Городецъ и Семеновъ. Разъ въ мѣсяцъ всѣ они привозились въ Балахну, гдѣ одинъ изъ ратмановъ магистрата, обще съ головой соляной продажи, снималъ пе-

*) За первое десятилѣтие по вступленіи Елизаветы Петровны на престолъ въ нашемъ архивѣ дѣлъ не сохранилось.

чали и производилъ „высыпку“ денегъ, сбѣряя ихъ съ составляемой ежемѣсячно „высыпочной вѣдомостью“, въ которой голова стоварыщи писалъ, „какое число надлежить за принятую соль въ прошедшемъ мѣсяцѣ высыпать денежной казны“.

3 октября 1751 года такимъ же порядкомъ были представлены три денежныхъ ящика, изъ коихъ ратманомъ Рукавишниковымъ обще съ головой Вольяшниковымъ и произведена „высыпка“, которая, какъ значится въ составленномъ по этому случаю протоколѣ,—съ высыпочной вѣдомостью явилась во всемъ сходственна. Только у арзамасца Степана Павлова, продававшаго соль въ Городцѣ, по разсмотрѣніи денежной казны, явилась монета, которую ратманъ Рукавишниковъ въ своемъ донесеніи магистрату attestуетъ съ зловѣщей краткостью: „въ числѣ тысячи двенадцати рублейъ двенадцати копѣекъ счетью явился одинъ рублевой манетъ известной персоны“. Хотя дальше въ дѣлѣ нигдѣ неѣтъ указанія на то, что это за персона, однако, кажется, нельзя сомнѣваться, что злополучный арзамасецъ принялъ отъ продавца и „безъ всякаго времени промедленія“ опустилъ въ ящикъ одинъ изъ рублевиковъ, выпущенныхъ въ короткое царствование злополучного Иоанна Антоновича. И вотъ, нечайно-негаданно, мрачная судьба царевича, точно зараза, черезъ „рублевой манетъ“ передается арзамасцу Степану Павлову и разбиваетъ его жизнь.

Безъ всякаго сомнѣнія, среди членовъ магистрата, среди ларечныхъ и цѣловальниковъ, видѣвшихъ внезапное появленіе грознаго „рублеваго манета“, не было ни одного человѣка, который бы могъ вывести изъ этого заключеніе, что арзамасецъ Степанъ Павловъ въ какой бы то ни было мѣрѣ причастенъ къ заговору и желаетъ возстановленія брауншвейгской фамиліи на россійскомъ престолѣ. И однако, отъ самыхъ буквъ стариннаго дѣла, отмѣчающихъ появление „манета“, повидимому, вѣеть какимъ-то мистическимъ ужасомъ, и воображеніе невольно рисуетъ оторопѣлость, иснугъ и пустоту, внезапно окружившую несчастнаго Павлова, который, быть можетъ, мечталъ уже о скоромъ возвращеніи въ домъ свой, къ женѣ и дѣтямъ. Не смотря на то, что всѣ, рѣшительно всѣ признавали его совершение невиннымъ,—всѣ также смотрѣли на него, какъ на уличеннаго и приличившагося къ „нѣкоторой тайности“, поступавшаго отныне въ распоряженіе стихійной силы, состоявшей изъ бумажныхъ указовъ, высшихъ командъ и изъ орудій „разспроса“ подъ пристрастіемъ... И всякий, вѣроятно, считалъ себя несчастнымъ изъ-за того, что онъ

еще недавно имѣть спошения съ обреченнымъ человѣкомъ — и такимъ образомъ самъ рискуетъ приличиться къ тайности, жестокой, безмысленной и бездушной, какъ стихія...

Степана Павлова она захватываетъ тотчасъ же руками людей, убѣжденныхъ въ его невинности. Магистратъ составляетъ опредѣленіе, коимъ прежде всего, для соблюденія Ея Величества казеннаго интересу, надлежить за явившійся „рублевой манетъ“ извѣстной персонѣ взыскать съ Павлова другую ходячую монету по силѣ указовъ. „А онаго цѣловальника и тотъ манетъ при доношеніи отослать внижегородскій губернскій магистратъ въ немедленномъ времени“, для чего онъ отдастся магистратскому „рассыльщику“ Федору Ряхину стоварышемъ.

Все дѣло, изъ котораго мы извлекаемъ этотъ эпизодъ, велось съ какой-то торопливою краткостью и поэтому въ немъ не сохранилось коинъ съ инструкціей, которую снабжены были Федоръ Ряхинъ стоварышемъ, препровождавшіе въ Нижній-Новгородъ злополучнаго арзамасца. Однако, изъ многихъ другихъ дѣлъ того же рода мы легко можемъ возстановить эту инструкцію, которая стремилась внушить россыльщикамъ понятіе о важности возложеннаго на нихъ порученія. „Понеже арзамасецъ а городецкой соляной продажи целовальникъ Степанъ Павловъ приличился къ секретному дѣлу, — того ради предписывается тебѣ Федору Ряхину стоварышемъ учинить слѣдующее: 1) взивъ запечатанной пакетъ и при немъ онаго Степана Павлова бѣхать вамъ въ Нижній и представить оной пакетъ и показанного Павлова въ губернскій магистратъ въ самой скорости и въ пріемъ требовать расписку; 2) будучи при той присяжной должности никому никакихъ обидъ и налоговъ ни подъ какимъ предлогомъ не чинить и взяткамъ не касатца подъ опасенiemъ жесточайшаго по указомъ истязанія. 3) А ежели что при томъ исполненіи въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ не писать, ниже къ тому, отъ кого отправлены, кромѣ настоящихъ реляций... А ежели въ чемъ будетъ вашему дѣлу отъ кого препятствіе, то писать... токмо упоминая о врученномъ вамъ генерально“...

Интересно, что между появлениемъ „манета“ и отправлениемъ Павлова въ Нижний всетаки проходятъ 3 дня. Очень можетъ быть, что въ это время магистратъ еще колебался и члены его совѣщались о томъ, — нельзя ли спасти певинно погибающаго человѣка, нельзя ли скрыть „явившійся манетъ“ и ограничиться замѣной его другою ходячею монетою безъ огласки.

Но — таково уже свойство этихъ дѣлъ, что остановить ихъ всякий „имѣеть опасность“, также какъ оставить въ домѣ чумного больного. Магистратъ, вѣроятно, чувствовалъ, что слухъ о „манетѣ“ уже разнесся и если бы члены присутствія оставили дѣло безъ послѣдствій, „манетъ“, какъ непохороненный мертвѣцъ, постучится въ ихъ собственныя двери, потребуетъ себѣ новыя жертвы. И вотъ, 7 числа розыльщикъ Федоръ Рахинъ отдаетъ Павлова въ Нижнемъ губернскаго магистрату копенисту Луковникову подъ расписку. Губернскій магистратъ, въ свою очередь, отправляетъ его въ губернскую канцелярію, а черезъ мѣсяцъ въ Балахнѣ становятся извѣстны и первые результаты дѣла. Оказалось, что въ губернской канцеляріи Степанъ Павловъ „въ пріемѣ“ оного манета съ патретомъ извѣстной персоны допрашиванъ, токмо-де въ то же умыселу отъ него никакова не оказалось. Однако... по резолюціи оной канцеляріи ему, Павлову, за неосмотрительный пріемъ въ казну показанного рублевика спатретомъ извѣстной персоны въ той канцеляріи учинено наказаніе битъ п.п.т.м.и и по наказаніи оного же октября 28 дня присланъ при промеморіи въ нижегородскій магистратъ *по прежнему*“. Нижегородскій же магистратъ, тоже по прежнему, посыпаетъ его къ соляной продажѣ, продолжать опасное служеніе.

„По прежнему“ — это значитъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. „Бить въ канцеляріи“ (а не на торгу) — это значило, что наказаніе не имѣло публичнаго характера, произведено, такъ сказать, келейно, не дѣлало Павлова шельмованнѣмъ, подозрительнымъ, „публичнымъ“ человѣкомъ, котораго нельзя было бы приставить къ дальнѣйшему служенію, а следовало сдать въ рекрутъ или отослать за общество въ крѣпостныхъ работахъ. Такимъ образомъ, въ этомъ удивительномъ постаповленіи, которое такъ поражаетъ насъ теперь при чтеніи этихъ старыхъ страницъ, слѣдуетъ видѣть, пожалуй, черты извѣстной снисходительности и даже можно думать, что въ губернской канцеляріи хотѣли спасти и выгородить арзамасца Павлова, — плетьми защитить его отъ худшей грозы высшихъ команда, сохранить обществу человѣка для житія и служенія по прежнему.

Но „по прежнему“ арзамасцу Павлову быть уже не доводилось. Машина, безпощадная и ужасная, была уже въ полномъ ходу, отъ губернской канцеляріи и магистрату бумаги съ изложеніемъ дѣла летѣли все выше, и чѣмъ дальше отъ живого человѣка, отъ знакомаго арзамасца Павлова, еще недавно жившаго, какъ и всѣ, въ средѣ своихъ близкихъ, — тѣмъ отвлеченнѣе и безпощаднѣе становились решения. Каждая

инстанція въ такихъ случаяхъ смотрѣла только на указы и очищала себя на бумагѣ отъ „поноровки“ и послабленія, которыя, по наивно сильному выраженію тогдашніхъ людей,— „могли быть причтены къ безвинному насъ присутствующихъ истязанію“. И вотъ, по рѣшенію одной изъ такихъ инстанцій, оказалось, что, выдравъ плетью явно безвиннаго человѣка и отдавъ его въ Балахну по прежнему,— губернская канцелярія поступила еще слабо и не по указамъ. Монетная контора 16 декабря требуетъ, чтобы оного цѣловальника Павлова сыскать вторично, опять привезти въ Нижній и здѣсь „отдать на знатныя поруки, съ росписками впредь, съ поставкою до указу“, такъ какъ монетная контора въ свою очередь будетъ еще изслѣдовать, и можетъ быть разспрашивать подъ пристрастиемъ, и можетъ быть—еще быть плетью или кнутомъ...

Но арзамасецъ Павловъ не сталъ дожидаться своей участіи. Указъ полученъ въ Балахнѣ 24 декабря, наканунѣ Рождества Христова и, можетъ быть, пользуясь тѣмъ, что наступали неприсутственные дни,— магистратъ не приступаетъ къ немедленному сыску. Справка отъ соляной продажидается магистрату лишь въ январѣ мѣсяцѣ, а въ это время Вольшаниковъ съ товарищи извѣщаются, что „опой Павловъ безъ вѣдома ихъ сборщиковъ бѣжалъ изъ Балахны въ домъ свой, въ городъ Арзамасъ,— и въ томъ они сказали сущую правду подъ опасеніемъ законнаго истязанія“.

Дальше о Павловѣ ничего уже неизвѣстно. Бѣжалъ ли онъ въ домъ лишь затѣмъ, чтобы въ послѣдній разъ обнять жену и дѣтей и отданться во власть безсмысленной и грозной судьбы; или, быть можетъ, ушелъ совсѣмъ, отрекшись отъ семьи, куда-нибудь въ украинныя степи, гдѣ казаки охотно принимали безпаспортныхъ съ темнымъ прошлымъ. Или присоединился на Волгѣ къ какой-нибудь шайкѣ воровскихъ людей, съ которыми стакався чинилъ воровства и пожоги, церковную татѣбу и убивства, пока не былъ пойманъ командами и замученъ палачами. Или наконецъ—дождался семидесятыхъ годовъ, когда много безъ вины виноватыхъ присоединились къ отчаяннымъ людямъ и отводили свои душеньки, справляя свой пиръ, кровавый и короткий... Все это вопросы, на которые „дѣло о рублевомъ манетѣ“ не даетъ прямыхъ отвѣтовъ, предоставляемъ ихъ воображенію читателя...

III.

Другое дѣло этого же рода, повидимому, кончилось не такъ трагически, но зато начинается очень бурно. На усольѣ была своя церковь,— „Николая чудотворца, что въ варницахъ“, а

въ той церкви имѣлся „попъ Василей Ивановъ“, человѣкъ жизни непорядочной и почасту „обращавшійся въ пьянство“. 27 августа 1752 года попъ Василей, повидимому, тоже находился „въ пьянственномъ случаѣ“ и „въ исходѣ послѣдняго часа дня пришедъ ко двору балахонца посадскаго человѣка Костянкина Андреева Торговкина съ рогатиною и притомъ его Торговкина и жену ево Агафью Петрову дочь браниль непорядочною бранью и отбивалъ у избы его окна“. Хозяинъ, Костянкинъ Торговкинъ, видя тое брань и оконъ отбиваніе, ко оному попу вышелъ на дворъ „и сталъ разговаривать“. Въ результатѣ этого „разговора“ оказалось, что рогатина перешла изъ рукъ пастыря въ руки его духовнаго чада. Надо думать, что при этомъ было и еще что-нибудь болѣе для онаго попа непрѣятно, хотя, по словамъ Торговкина, дѣло ограничилось тѣмъ, что попъ Василей „сухватя ево Торговкина за воротъ началь было быть, на что онъ Торговкинъ сѣда могъ у нево попа вырваться. И постѣ того онай попъ, еще бранясь всячески-жъ, пошелъ въ домъ свой, а онъ Торговкинъ взошелъ въ свою избу“.

Здѣсь, однако, побѣдителя ждалъ неожиданный сюрпризъ: на лавкѣ лежалъ какой-то полулистъ печатной, неизвѣстно откуда взявшійся,—, а въ какой силѣ тотъ печатной польлиста обстоить“—того ни онъ Торговкинъ, ни его семейные знать не могли, понеже всѣ неграмотны. „Однако, признается онъ, что тотъ полулистъ не иначе, только во время объявленнаго штурму въ избое окно опустить реченный попъ Василей Ивановъ“,—и ужъ, конечно, не для чего иного, какъ для причиненія ему какого-либо вредительства...

Легко представить себѣ, что происходило дальше. Въ избу Торговкина входили сосѣди, стояли, качали головами, вздыхали,—а въ какой силѣ онай полулистъ обстоить,—того, конечно, тоже не знали. Знали только, что если постѣ штурму попъ, человѣкъ грамотный и „знающій“—этотъ листокъ подкинулъ, то уже, конечно, въ листѣ обстоитъ какая-нибудь особенная сила.

Какъ ее сдѣлать безвредной, какъ отвести это попово „пасланіе“? Когда въ полѣ, на полосѣ созрѣвающаго хлѣба появляется невѣдомо кѣмъ сдѣланная „закрута“, то надѣять также стоять и качають головами жнецы, по раздѣлать закруту можетъ только человѣкъ, знающій „слово“. Очевидно, такого знающаго человѣка не было въ тотъ вечеръ въ избѣ Костянкина Торговкина. Иначе, огнъ бы сказалъ, что ему Торговкину надлежитъ учинить въ немедленномъ времени. А надлежало учинить слѣдующее: бѣжать тотчасъ же во всѣ ло-

патки въ магистратъ или, если присутствие кончилось, — къ „правлению полицейской должности“, гдѣ обрѣтались во всякое время выборные изъ купечества къ тому правлению „полицыместеръ“ и его команда,—и объявить извѣсть о явившемся подулистеѣ прежде, чѣмъ попъ въ свою очередь добѣжитъ до воеводской канцеляріи или до своего духовнаго правлений. Ибо въ соборномъ уложеніи главы 21 въ статьѣ 8 напечатано ясно: „которые люди приведутъ въ губу тата или разбойника, а тѣ разбойники или тати учнутъ на тѣхъ людей, которые ихъ въ губу приведутъ, говорить разбои или татьбу или иное воровство,—и тому не вѣрить, чтобы всяkimъ людямъ безстрашино было воровъ имать и въ губу приводить“.

Такимъ образомъ, исходъ дѣла зависѣлъ отъ быстроты ногъ и своевременности заявленія. Если бы Торговкинъ принесъ свой извѣстіе ранѣе, то Василей Ивановъ становился тѣмъ самымъ „воромъ“, котораго Торговкинъ привелъ въ губу и коего извѣстіемъ уже не надлежало вѣрить; наоборотъ, если извѣстіе попа опередилъ бы заявленіе Торговкина, то уже никакія его свидѣтельства не имѣли силы, дабы тому почу и впредь такихъ воровъ имать и въ губу приводить было безстрашино.

Константина Торговкинъ сдѣлалъ большую неосторожность: листъ, повидимому, почеваль у него въ домѣ и только на слѣдующее утро онъ его сволокъ въ магистратъ и объявилъ при словесномъ извѣстіи, сославшись на соѣдей... Магистратъ оной извѣстіе принялъ и листъ осмотрѣлъ. „Которой по усмотрѣнію того магистрата оказался напечатанной *сыменемъ извѣстной персонѣ*“. Того-жъ часу Торговкинъ отдалъ разсыльщику Макару Смолникову съ товарыши при запечатанномъ пакетѣ и въ крайней скорости отправленъ въ Нижний, откуда черезъ двѣ недѣли присланъ къ слѣдствію въ воеводскую канцелярію...

Изъ этого видно, что попъ Василей вѣроятно донесъ о листѣ воеводѣ. Когда? Если того-жъ дня,—то надо думать, что спина Торговкина до конца его жизни носила слѣды плетей, какъ и спина арзамасца Степана Павлова. Изъ дѣла, которое было у меня въ рукахъ—окончанія не видно. Оно кончается только вызовомъ свидѣтелей и депутата отъ купечества въ воеводскую канцелярію. Можетъ быть, однако, на счастіе Торговкина, и попъ Василей, находившійся въ пьянственномъ случаѣ,—не успѣлъ довести до конца своего вредительного умысла, а дойдя нетвердыми стопами до своего дому, завалился спать и принесъ извѣстіе на слѣдующій день, одновременно съ Торговкинымъ. Во всякомъ случаѣ, былъ ли Торговкинъ бить плетьми или не былъ,—по „публичнымъ чело-

иѣкомъ" и онъ не сдѣлался; это явствуетъ изъ того обстоятельства, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ почтенъ отъ балахонского купечества и посадскихъ людей выборной должностю: въ 1758 году мы встрѣчаемъ его имя въ разныхъ дѣлахъ,— въ скромномъ, правда, званіи магистратскаго розыльщика, которому, почему-то, преимущественно передъ другими, отдавались для погребенія „неизвѣстно кому принадлежащія" мертваго тѣла, повсядушно находившіяся въ разныхъ города Балахнинска урочищахъ, въ большомъ изобиліи...

Что касается до другого дѣйствующаго въ этомъ эпизодѣ лица, то о немъ имѣются въ дальнѣйшихъ дѣлахъ свѣдѣнія болѣе печального свойства. Попъ Василей продолжалъ обращаться въ повседневномъ льянствѣ и однажды, отлучившись изъ дома вечеромъ, домой на ночь не вернулся. „Котораго попа Василья дочь его, а бываго посадскаго человѣка Мотохова ждова Параксева Иванова по улицамъ и въ протчихъ мѣстахъ искала напрасно. А на утро вблизости варницы директора Осокина называемой Соболья, въ варничномъ чану, усмотрѣла плавающую шляпу. И по признанію той шляпы съ прилучившимися тутъ балахонцами стали ево попа Василья въ томъ чану искать, котораго багромъ едва и вытащить могли".

По этому поводу воеводская канцелярія опять вступила въ переписку съ магистратомъ: „отъ полицейской должности,— спрашивалъ воевода,—въ ночные времена обходы бываютъ ли и для чего таковыхъ непорядковъ не усмотрено и какихъ ради притчинъ находящіеся при варницахъ чаны, которые состоять самые опасные,—незасыпаны". Впрочемъ по учіненіи надлежащаго тому мертвому тѣлу осмотра боевыхъ знаковъ не явилось. „Кое и похоронено при церкви божіи".

И можетъ быть тотъ же Костянкинъ Торговкинъ помогалъ предавать землѣ мертвое тѣло своего бывшаго врага и „обносителя".

Русская пытка въ старину. (исторический очеркъ).

I.

Современникъ Алексѣя Михайловича, русскій человѣкъ и эмигрантъ семнадцатаго вѣка, Григорій Карповичъ Кошихинъ, среди другихъ учреждений допетровской Руси, такъ описываетъ простые пріемы тогдашняго „изслѣдованія истины“ по уголовнымъ дѣламъ:

„Разбойный приказъ. А въ немъ сидѣть бояринъ или окольничій да стольникъ, да два дьяка. И въ томъ приказѣ вѣдомы всего московскаго государства разбойные, татинные и приводные дѣла и мастера заплечные... Также и въ городахъ для разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ устроены приказныя и губныя избы, и вѣдаются такія дѣла выборные дворянне за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ, которые за старостью полковыхъ службъ служити не могутъ... И кто будетъ быль на разбоѣ и учинилъ убийство или поджогъ и татьбу, а товарищи ихъ разбѣжались и не пойманы, и такихъ злочинцовъ въ праздники (!) и въ иные дни пытаются и мучатъ безъ милосердія, для того, что воръ и самъ, не разбирая дней, воровства свои и убийства дѣлаетъ, да и для того, чтобы по ихъ сказкѣ смѣкать и товарищей ихъ. Также и иныхъ злочинцовъ потому-жъ пытаются смотря по дѣлу, однажды и дважды, и трижды и послѣ пытокъ указъ чинить къ чему доведется... ...И будеть съ пыткой не повинятся (были, значить, такие терпѣливые люди), и такихъ сажаютъ въ тюрьму, доколѣ на нихъ поруки будутъ... А какъ они отсидить въ тюрьмѣ года два и больше, а порукъ не будетъ, и такихъ изъ тюрьмы освобождаютъ и ссылаютъ въ дальние города, въ Сибирь и въ Астрахань на вѣчное житѣе“.

Самые приемы пытки Григорій Карповичъ описываетъ съ такимъ же эпическимъ спокойствиемъ:

„А устроены для всякихъ воровъ пытки: сымутъ съ вора рубашку, и руки его назадъ завяжутъ подлѣ кисти веревкою, обшита та веревка войлокомъ; и подымутъ его кверху, учинено мѣсто что и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ. И одинъ человѣкъ, палачъ, вступить ему въ ноги на ремень своею ногою и тѣмъ его стягиваетъ, и у того вора руки станутъ противъ головы его, а изъ суставовъ выйдутъ вонъ; и потомъ сзади палачъ начнетъ бити по спинѣ кнутомъ изрѣдка: въ часть боевой ударовъ бывастъ тридцать или сорокъ... А учиненъ тотъ кнутъ ременной, толстой, на концѣ ввязанъ ремень толстой, шириной на палецъ, а длиною будетъ въ 5 локтей...“

„...И будетъ съ первыхъ пытокъ не винятся, и ихъ, спустя недѣлю времени, пытаютъ вдругорядь и втретie. И жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь, а инымъ, разжегши желѣзные клещи накрасно,—ломаютъ ребра...“

„...Женскому полу бываютъ пытки противъ того же, что и мужскому полу, окромъ того, что на огнѣ (не) жгутъ и ребра (не) ломаютъ...“ ^{**})

Впослѣдствии, черезъ сто лѣть послѣ временъ Алексея Михайловича и его историка, императрица Екатерина II пожелала узнать, что такое российская пытка, и сдѣлала по этому предмету запросъ. Ей были доставлены любопытныя свѣдѣнія, озаглавленныя:

„обрядъ како обвиненный (*sic*) пытается“ ^{**}). „Въ застѣнкѣ,—говорится, между прочимъ, въ этомъ „обрядѣ“,—для пытки сдѣлана дыба, состоящая въ трехъ столбахъ, изъ которыхъ два вкопаны въ землю, а третій сверху, поперекъ“... „Палачъ долгую веревку перекинеть черезъ поперечной въ дыбѣ столбъ и, взявъ подлежащаго къ пыткѣ, руки назадъ заворотить и, положа ихъ въ хомутъ черезъ приставленныхъ для того людей, вытягивается, дабы пытаемой на землѣ не стоять, у котораго и руки выворотить совсѣмъ назадъ, и онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги и привязываетъ къ сдѣланному нарочно впереди дыбы столбу. И растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и

^{*)} Исторія Кошихина: „О Россії въ царствованіе Алексея Михайловича“. Спб. 1840. Гл. III, 34.

^{**) „Русская Старина“, іюль 1873 г.— Цѣллкомъ приведенъ г. Мережковскимъ въ романѣ „Петръ“. Къ Петровскому времени, пожалуй, болѣе подходитъ бы описание Кошихина.}

спрашивается о злодействахъ, и все записывается, что тако-
вой сказывать будеть“.

По сравненію съ тѣмъ, что разсказываетъ Кошихинъ, нельзя не замѣтить иѣкотораго прогресса: во времена Григо-
рія Карповича была та же дыба, но руки пытаемаго связы-
вали простой веревкой („общита та веревка войлокомъ“). Ко
временамъ Екатерины пыточная техника уже придумала хо-
мутъ.

Въ обоихъ случаяхъ, однако,—прежде всего пытаемаго поднимали на воздухъ; эту подробность не мѣшаешь запомнить:
она,—увы!—встрѣчается еще и въ наше время.

Подвѣшиваніе и сѣченіе составляли первый актъ розыска.
Если обвиняемый послѣ него не сознавался, то, по словамъ „обряда“, для дальнѣйшаго „изысканія истины“ употребля-
лись еще:

1) „Тиски, сдѣланныя изъ жѣлѣза въ трехъ полосахъ съ винтами, въ которые кладутся злодѣя персты сверху большие два изъ рукъ, а внизу ножные два и свинчиваются отъ палача до тѣхъ поръ, пока или повинится, или не можно будетъ больше жать перстовъ, и винтъ не будетъ дѣйствовать“.

2) „Наложа на голову веревку и просунувъ кляпъ, вер-
тять такъ, что онъ изумленнымъ бываетъ. Потомъ простри-
гаютъ волосы до тѣла и на то мѣсто льютъ холодную воду,
отчего также въ изумленіе приходить“.

3) „Для изысканія истины пытенному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ па ремень, которымъ онъ связаны, бревно и на оное палачъ становится затѣмъ, дабы болѣе истязанія чувствовалъ“... Если пытаемый упорствуетъ,—его снимаютъ съ дыбы, „правятъ руки, а потомъ опять на дыбу такимъ же образомъ поднимаютъ для того, что и черезъ то боли бываетъ больши“.

Снѣгиревъ въ своей работе о пыткахъ, приводимой г. И. Б. въ „Русскомъ Архивѣ“ *), прибавляетъ, что „вися-
щаго на вискѣ не только были кнутомъ, но еще водили по спинѣ зажженными вѣникомъ, стряхивая искры. Кромѣ того пытали „шиною“, т. е. разожженнымъ жѣлѣзомъ, водимымъ „съ тихостю по тѣламъ человѣческимъ, которая отъ того кипѣли, шкварились и вздымались“. Пыточныя рѣчи, по сло-
вамъ того же автора, записывались въ три приема: первый—
съ подъему, когда пытаемый поднять съ вывихнутыми суста-
вами; второй—съ „пытки“, когда подвѣшенного были кнутами,
и третий—„съ огня“, когда его снимали и жгли огнемъ (какъ описано въ „обрядѣ“).

*) „Русский Архивъ“, 1877 г., кн. 7, статья „Русская пытка“.

„Маловажныхъ преступниковъ, — говорить Снѣгиревъ о поздѣйшихъ временахъ,— допрашивали въ полиціяхъ подъ кошками (?) или плетьями или кормили селедкой и не давали пить“. Тутъ ужъ, конечно, никакихъ особыхъ обрядовъ не полагалось, и все сводилось къ личной изобрѣтательности полицейскихъ. Сомнительно, чтобы при этомъ употреблялись кошки. По словамъ М. И. Пыляева, кошка, это—кнутъ съ желѣзными ланами. Для „изысканія истины“ онъ не годился, такъ какъ убивалъ слишкомъ быстро. „Батожьемъ“ назывались простыя палки, которыми были по голой спинѣ, самымъ примитивнымъ образомъ растянувъ человѣка на землѣ и сѣвъ на ноги и на голову. Шелепы были длинные узкие мѣшки, наполненные мокрымъ пескомъ. Признаются „удобными“ (еще и въ наши дни), потому что оставляютъ мало наружныхъ следовъ.

Такъ дѣтски-наивная и варварская сѣдая старина „обыкла разыскивать самую правду“ въ уголовныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, на пыточное дѣло наши предки XVI и XVII вѣковъ смотрѣли очень просто. Сохранился, напримѣръ, документъ, рисующій слѣдующую яркую картинку бюрократическихъ нравовъ. Въ 1641 году, мая въ двадцатый день, на Москвѣ, въ Трубницахъ, во дворѣ Сибирскаго приказа приставъ Яковъ Китаевъ волилъ во всю голову... Когда на оный неистовый крикъ сбѣжался народъ, то приставъ рассказалъ, „что-де онъ Яковъ сейчасъ привезенъ изъ застѣнка пытанъ. А пыталъ-то его Большаго приказу дьякъ Иванъ Дмитріевъ въ томъ, что у Сибирскаго приказу они, приставы, въ Господскіе праздники и въ воскресные дни на правежѣ государевы долговые и исковые иски править ли?“ Такимъ образомъ дьякъ Иванъ Дмитріевъ примѣнилъ къ Якову Китаеву пытку единственно для снятія съ него достовѣрного показанія: достаточно ли ревностно Сибирскій приказъ взыскиваетъ казенные и частные долги. А между тѣмъ,—на той пыткѣ „его Якова испортили, руки ему на дыбѣ вывертѣли, и палачи-де у него шапку и опоясь кушачную сняли“ *).

II.

Въ „обрядѣ“, который мы приводили выше, очень характерно, что пытаемый называется уже „обвиненнымъ“ („како обвиненный пытаются“). Старинное производство плохо различало понятія: подозрѣваемый, обвиняемый и обвиненный.

*) Н. Н. Оглоблинъ: „Бытовыя черты XVII вѣка“. „Русская Старина“, 1892 г. Октябрь. Стр. 1721.

Въ старину „всякая вина была виновата“, и разъ человѣкъ „доводился пыткѣ“, то само собой разумѣется, что вина почти неизбѣжно подтверждалась вынужденнымъ признаніемъ. Хорошо ли различаетъ эти понятія практика нашего пореформенного дознанія и слѣдствія,—это мы постараемся указать въ другомъ мѣстѣ, какъ и то, насколько наши обычные слѣдственные порядки въ самое мирное и тихое время свободны отъ пытокъ. А пока скажемъ, что опасная сторона и вредъ послѣднихъ теоретически сознавались уже давно.

Уже Петръ Великій, одержимый лично странной, вѣроятно, болѣзнерной склонностью присутствовать при самыхъ страшныхъ истязаніяхъ, а иногда и принимавший въ нихъ участіе—все же своимъ яснымъ умомъ оцѣнивалъ недостатки пытокъ, какъ средства „изысканія истины“, и стремился ихъ ограничить. Онъ первый воспретилъ пытки въ малыхъ дѣлахъ, страшныя своей многочисленностью и тѣмъ, что пыткой распоряжались мелкие приказные ярыги.

Нѣкоторые изъ сподвижниковъ Петра раздѣляли эти взгляды и, въ свою очередь, стремились ограничить судебнаго истязанія. Такъ, извѣстный В. Н. Татищевъ во время своего управления сибирскими заводами запретилъ земскимъ людямъ (иначе „земскимъ ярыжкамъ“) производить пытки безъ согласія главнаго заводскаго управленія *), что, конечно, вело къ значительному сокращенію истязаній уже вслѣдствіе связанной съ этой процедурой проволочки. То же встрѣчалось и въ другихъ мѣстахъ. Между прочимъ, до насъ дошло интересное предписаніе архіепископа холмогорскаго Афанасія (ум. въ 1702 г.), увѣщавшаго иноковъ Соловецкой обители, въ лицѣ архимандрита — не производить у себѣ въ монастырѣ пытокъ **), къ коимъ эта обитель, какъ увидимъ, питала склонность, неискоренимую ниувѣщаніями, ни даже указами.

Но мѣры эти имѣли характеръ частичный. Каждая изъ нихъ была лишь попыткой изѣять изъ пыточного производства ту или другую категорію дѣлъ, запретить пытки въ низшихъ учрежденіяхъ. Наступало другое время, и кровавыя истязанія возвращались съ прежней силой. Реакціонная бироновщина была вмѣстѣ и страшнымъ рецидивомъ жестокости. Людей жгли живьемъ за волшебство и поджоги, а пытка принимала ужасающія формы. Въ начать царствованія Екатерины Н. И. Панинъ однажды замѣтилъ, что онъ „недавно читалъ дѣло Волынского, и чуть его параличъ не убилъ“. Такія мученія

*) Соловьевъ, XX, 203 (1-е изданіе).

**) „Русская Старина“, LV, 338 (1887 г.).

претерпѣлъ несчастный Волынскій и такъ очевида его не-
винность" **). Тотъ же Панинъ говорилъ Порошину, что онъ
„съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за такія вины кнутьями
сѣчены и въ ссылки посланы были, за которыхъ бы только
выговоромъ строгимъ наказать было достаточно, и что по тому
иѣкоторымъ образомъ можно было разсуждать о нравахъ тѣхъ
временъ" ***).

Въ 1742 году новгородскій архіепископъ Амвросій вновь
вынужденъ былъ обратиться къ архангельскому архіепископу
Варсонофію съ увѣщаніями относительно все той же святой
Соловецкой обители ***).

Нравы XVIII вѣка подъ вліяніемъ европейскихъ идей по-
степенно мѣнялись; уже елизаветинцамъ казались дикими
приемы бироновскаго времени. Извѣстный публицистъ и исто-
рикъ кн. Щербатовъ разсказываетъ, между прочимъ, что
составители уложенія елизаветинскихъ временъ „свой проектъ
наполнили неслыханными жестокостями пытокъ и истязаній" ...
„Когда, по сочиненіи, оное было, безъ чтенія сенатомъ и дру-
гими государственными чинами, поднесено къ подписанию
государыни, и уже готова была сія добросердечная монархія,
не читая (!), подписать,—перебирая листы,—вдругъ попала
на главу пыткъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и,
не подписавъ, вѣдѣла передѣлывать" ...

Собственныя мѣры Елизаветы въ направленіи ограниченія
ужаснувшаго ее тиранства были благожелательны, но не осо-
бенно выдержаны, такъ какъ „сія добросердечная монархія",
при всемъ благодушіи, была лѣнива и беспечна. Впрочемъ,
противъ бироновскихъ временъ чувствовалось значительное
облегченіе. Въ 1742 году отмѣнена пытка для провинившихся...
въ опискѣ императорскаго титула. До этого указа злополуч-
ныхъ пищиковъ и канцеляристовъ, новинныхъ въ этомъ
ужасномъ посягательствѣ на самодержавіе, пытали, чтобы
узнать: „не съ вымыслу ли и не по чьему ли наученю они
сдѣлали таковую описку, дабы пакети высочайшему титулу
умаленіе и чести великой государыни поруху". При Елизавете
сенатъ ограничилъ также „розыски" надъ крестьянами, при-
частными къ самовольнымъ порубкамъ лѣса и къ бунтамъ,
а въ проектѣ комиссіи по составленію уложенія предпола-
галось постановить, что „дворянство имѣть надъ людьми и
крестьянами своими... полную власть безъ изъятія, кромѣ

*) „Записки Порошина“. Изд. „Русск. Стар.“ 69, 70.

**) Ib. 428—429.

***) Чтеніе въ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1880, кн. I, стр. 7—10.

отнятія живота, наказанія кнутомъ и произведенія надъ оними пытокъ“.

Въ это же царствованіе отмѣнена пытка для малолѣтнихъ. Впрочемъ,— по настоянію святѣйшаго синода, малолѣтними постановлено считать только дѣтей до 12 лѣтъ. Тринадцатилѣтнихъ въ царствованіе сей добросердечной монархии продолжали пытать, какъ взрослыхъ. Въ 1751 году пытку отмѣнили въ дѣлахъ корчемыхъ. Историкъ С. М. Соловьевъ, питавшій вообще иѣкоторую слабость къ Елизаветѣ, ставить ей въ заслугу, что съ ея царствованія „Россія уже не знала пытокъ въ дѣлахъ политическихъ“. Это не совсѣмъ вѣрно. Не говоря уже о нашихъ счастливыхъ временахъ, когда запросы о рижскихъ и иныхъ застѣнкахъ доходили до Государственной Думы,—Россія знала пытки по дѣламъ политическимъ и при Елизаветѣ, и при Екатеринѣ.

Наконецъ, можно ли говорить о томъ, что Россія съ Елизаветы не знала пытокъ по дѣламъ политическимъ, когда въ теченіи всего ея царствованія свирѣпствовало еще „ненастное израженіе слово и дѣло“ и Тайная Канцелярия. Произнесеніе этой волшебной государственной формулы сопровождалось немедленнымъ закованіемъ въ кандалы, какъ произнесшаго, такъ и обвиняемаго, а иногда и свидѣтелей, и отправленіемъ всѣхъ присутствующихъ для слѣдствія въ высшія инстанціи. Изъ разсмотрѣнныхъ мною когда-то старинныхъ дѣлъ балахнинского магистрата видно, что всѣ такие случаи „розыскивались“ съ примѣненіемъ кнута и истязаний.

Вообще, съ добросердечной Елизаветой повторялась обычная исторія многихъ самодержавныхъ царствованій. Вначалѣ привозглашались гуманныя идеи, потомъ они ослаблялись, урѣзывались и пускались въ забытіе. Благодушіе Елизаветы, напримѣръ, совершенно ее покинуло, когда былъ открытъ бестужевскій заговоръ. По окончаніи этого дѣла Петербургъ видѣлъ ва эшафотѣ изящнѣйшихъ фрейлинъ Елизаветинского двора, обнаженными до пояса; палачи грубо схватывали ихъ за руки, вскидывали себѣ за плечи, и кнутъолосоватъ нѣжное тѣло придворныхъ красавицъ, вырѣзывая, точь въ точь какъ разсказывалъ когда-то Кошихинъ: „ремни чуть не до самыхъ костей“. Послѣ этого палачъ хваталъ рукой языки, вытягивалъ ихъ и рѣзать ножомъ, дабы впередъ никому не повадно было злословить „добросердечную монархію“. Въ застѣнкахъ съ „сообщниками“ тоже не церемонились. Относя известную долю этихъ жестокостей за счетъ того времени, нужно всетаки сказать, что значительная часть остается и на долю мстительности и мелкаго жестокаго тычеславія самой

Елизаветы... Кажется, что эти спирьпия казни въ угоду самодержицѣ не сооствѣтствовали уровню взглядовъ и понятій тогдашняго общества. Въ елизаветинское время были уже люди, далеко опередившиe ее въ своихъ взглядахъ на пытку. Такъ, извѣстенъ случай, когда новгородскій губернаторъ Орловъ,—отецъ будущаго екатерининскаго фаворита,—запретилъ примѣнить пытку въ уголовномъ дѣлѣ, высказавъ принципіальное осужденіе этого „весьма ненадежнаго способа для открытия истины“ *).

Начало царствования Петра III-го, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ его соvѣтниковъ (главнымъ образомъ, Волкова), означалось нѣсколькими прогрессивными указами, въ томъ числѣ и въ интересующей насъ области. Первой изъ этихъ мѣръ было уничтоженіе Тайной Канцелярии и „ненавистнаго израженія слово и дѣло“, изъ-за котораго лилось столько крови. Кроме того, сенату было повелѣно спабдить всѣ присутственныя мѣста—особенно отдаленныя—приказомъ, чтобы добрости, какъ свидѣтелей, такъ и доносителей, производились сколь возможно безъ пытки **). Пожеланіе очень скромное, если принять въ соображеніе, что это сколь возможно относилось даже не къ обвиняемымъ, а къ доносителямъ („доказчику первый кнутъ“) и... къ свидѣтелямъ, ни мало уже ни въ чёмъ не повиннымъ! И, конечно, указъ, сопровождаемый словомъ „по возможности“, имѣлъ характеръ чисто платонического пожеланія, къ исполненію необязательнаго***).

Царствование Екатерины сразу отразилось замѣтыми смягченіями противъ временъ Елизаветы. На русскомъ престолѣ была молодая государыня, не имѣвшая на него никакихъ законныхъ правъ и считавшая, что можетъ удержаться только „любовью народа“. Личные взгляды ея были тоже прогрессивны. Въ свое время она дала Вольтеру разрѣшеніе, въ его протестѣ противъ инквизиціонныхъ приемовъ въ дѣлахъ Калласа и Сирвена, поставить ея имя „во главѣ тѣхъ“, кто помогалъ ему раздавить фанатизмъ и сдѣлать людей болѣе снисходительными и человѣчными“. Она вела переписку съ юнциклопедистами и звала въ Россію Беккаря, знаменитаго автора „Преступленія и наказанія“. Взгляды эти раздѣлялись уже многими изъ ея приближенныхъ (начиная съ Григорія

*.) Членѣ въ О-вѣ Нестора Лѣтописца, 1891, кн. V.

**) „Полное собраніе законовъ“, т. XV, № 11445.

***) Въ 1761 году обнаружилось, что въ городѣ Шадѣ, въ частномъ домѣ канцеляриста Шетаковскаго, существуетъ застѣнокъ. Его велико сложить (изъ „Чт. въ О-вѣ Нестора Лѣт.“ 1891, кн. V).

Орлова, унаследовавшаго традиции своего отца), проникали въ науку, въ литературу, въ общество. 28 июня 1767 г. въ Москвѣ профессоръ естественного народнаго права К. И. Лангеръ произнесъ рѣчъ, въ которой открыто нападалъ на институтъ судебныхъ пытокъ.

Въ 1769 году нѣкто Каринъ издалъ основанную на идеяхъ Беккаріа книгу „Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награжденіяхъ, служащее послѣдованиемъ разсужденія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, переводъ съ французскаго языка“. Появленіе такой книги въ то время имѣло относительное значение гораздо большее, чѣмъ мы можемъ обѣ этомъ судить въ наши времена. 23 июня 1777 года директоръ Академіи наукъ, Домашневъ, говорилъ на торжественномъ актѣ: „Наша эпоха почтена прекраснымъ названіемъ философской не потому, чтобы многие имѣли право на званіе философовъ или чтобы увеличилось количество познаній, а потому, что философскій духъ сдѣлался духомъ времени, священнымъ начальствомъ законовъ и нравовъ. Онъ освятилъ правосудіе человѣко любіемъ, обычай — чувствомъ. Онъ легъ въ основаніе двухъ важныхъ предметовъ — законодательства и нравственности“ *). Люди, которые покровительствовали такимъ ученымъ, какъ Лангеръ, участвовали сами въ созданіи новыхъ законовъ. Книга Карина была посвящена А. И. Бибикову, просвѣщенному маршалу комиссіи по составленію уложенія. Идеи Монтескіе и Беккаріа, которыхъ владѣли умомъ императрицы, отразились очень замѣтно въ наказѣ. Такъ, въ главѣ X этого наказа впервые еще въ Россіи официально высказанъ принципъ, что „человѣка не можно считать виновнымъ прежде приговора судей, и законы не могутъ лишать его защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные“.

Этимъ пытка была безвозвратно осуждена въ идей, и это осужденіе высказывалось съ высоты престола. Практика приглашалась слѣдовать этимъ общимъ указаніямъ.

Первые практическіе шаги Екатерины въ направлении полнаго упраздненія пытокъ были, однако, нерѣшительны. Приступивъ однажды въ сенатъ въ 1763 году, она произнесла рѣчъ, въ которой еще не отрицала пытки цѣликомъ, а позволила только „стараться какъ возможно уменьшить кровопролитіе; если же всѣ средства будутъ истощены, тогда уже пытать“ **). Такимъ образомъ, пытка еще признавалась прин-

*.) „Акты Акад. Наукъ“ за 1777. I. 12—20.

**) Чтение въ Историч. О-вѣ Нестора Лѣтои. Кн. V (1891). Ст. В. С. Иконникова: „Страница изъ исторіи Екатер. Наказ“.

ционально („если все средства будуть истощены“), но тут же Екатерина вводила и важное практическое ограничение; указомъ 15 января 1765 г. повелѣвалось: „въ приписныхъ городахъ пытокъ не производить, а отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, чтобы какъ-нибудь съ виновными и невинными не понесли напраснаго истязанія“ *). Застѣнки же и заплечныхъ мастеровъ въ этихъ городахъ упразднить. Въ томъ же году, когда вновь возникъ вопросъ, съ какого возраста считать совершеннолѣтіе для пытки, возрастъ этотъ опредѣленъ уже въ 17 лѣтъ. Черезъ два года Екатерина дѣлаетъ шагъ уже въ направлениі полной отмѣны пытокъ: указомъ отъ 13 ноября 1767 года повелѣно всемъ губернаторамъ послать по одному экземпляру наказа, съ тѣмъ, чтобы они, впредь до нового указа, „въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки, осцовывали свои резолюціи и изысканія доказательствъ и облики на правилахъ X главы упомянутаго наказа“. Иначе сказать, губернаторамъ во всѣхъ дѣлахъ, которыхъ имъ будутъ присыпаться изъ „приписныхъ городовъ“, предписывалось совсѣмъ устранить пытки.

Это была новая победа „духа времени“. Повидимому, такія победы доставались не безъ борьбы разныхъ влияній. Одинъ изъ видныхъ екатерининскихъ дѣятелей, Сиверсъ, принципіальный и горячій противникъ пытокъ, принялъ изъ рукъ императрицы эту инструкцію съ восторгомъ, ставъ на колѣни. Но, по свидѣтельству современника, въ придворныхъ кругахъ говорили съ неудовольствіемъ, что теперь, ложась спать, никто не можетъ до утра ручаться за свою жизнь **)... Придворнымъ господамъ не трудно было осуждать „смѣлое“ новшество. Грубыя времена, когда (какъ, напримѣръ, при Петре Великомъ) сенатъ грозилъ даже вицѣ-губернаторамъ за служебный упущенія „чревы на кнутьяхъ вымотать“, уже прошли. Но отношенію къ дворянству и чиновничеству, вообще къ лицамъ привилегированнымъ, пытка на практикѣ уже вышла изъ употребленія. Еще въ февралѣ 1763 года, вскорѣ по вступлениі на престолъ, Екатерина, призывавшая еще пытку въ случаѣахъ, когда другія средства будутъ истощены, приказала всетаки дѣлать и въ этомъ различіе между людьми „подлаго и неподлаго званія“ ***). Это сказалось очень оригинальнымъ образомъ въ дѣлѣ кровожадной Салтычихи, замучившей самымъ звѣрскимъ образомъ десятки своихъ

*.) Соловьевъ. XXV, 273 (цит. по 1-му изд.).

**) В. С. Иконниковъ. Чл. въ Общ. Нестора Лѣтоп., 1891, кн. V.

***) С. М. Соловьевъ, XXV, 273 (цит. по старому изданию).

крѣпостныхъ. Когда „по дѣлу она довелась до пытки“, то ее, въ виду ея дворянскаго званія, не пытали, а только „для устрашения показывали жестокость розыска надъ приговореннымъ (!) преступникомъ“ *). То есть, въ поученіе злодѣйкѣ дворянскаго сословія производили примѣрный розыскъ надъ приговореннымъ преступникомъ „подлаго званія“, хотя, казалось бы, Салтычиха была отлично знакома съ истязаніями всякаго рода, и едва ли даже приговоренный преступникъ могъ сравняться съ нею въ звѣрской жестокости.

Такимъ образомъ нѣкоторые „придворные круги“ вполнѣ безопасно для себя и близкихъ могли роптать на смѣлыя новшества императрицы. Въ широкихъ слояхъ тогдашнаго общества указъ 1767 года вызвалъ, однако, живѣвшую радость. Впрочемъ, этотъ указъ былъ еще составленъ въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ (предписывалось руководствоваться идеями X главы наказа, т. е. давалось общее руководство, изъ котораго лишь вытекали извѣстныя заключенія). И при томъ указъ этотъ оставался строго секретнымъ. Еще семь лѣтъ спустя, 15 ноября 1774 года (наканунѣ пугачовщины!) послѣдовалъ обѣщанный еще въ сиверсовской инструкціи новый указъ „о недѣланіи въ присутственныхъ мѣстахъ ни по какимъ дѣламъ, ни подъ какими видами, никому, никакихъ при допросахъ тѣлесныхъ истязаній для познанія въ дѣйствіяхъ истины“ **).

III.

Собственно говоря, съ этого указа слѣдовало бы, повидимому, считать отмѣну пытокъ въ Россіи. Здѣсь не было уже ни оговорки Петра III („по возможности“), ни екатерининской формулы: „когда всѣ средства истощены“, ни разрѣшенія пытокъ губернаторскою властью. Здѣсь говорилось просто и категорично, что пытки *нигдѣ и ни подъ какими видами* применяться не должны.

Но и этотъ указъ былъ изданъ „весьма секретно“. Это было нѣчто вродѣ щедринского „подметного закона“, тайно кинутаго по губернаторскимъ канцеляріямъ. Правящему чиновничеству предписывалось прекратить въ судахъ пролитіе крови, но такъ, чтобы народъ этого не могъ замѣтить. Если бы губернаторъ не захотѣлъ исполнить гуманиаго указа, то заинтересованный обыватель не имѣлъ законной точки опоры для борьбы съ этимъ злоупотребленіемъ: нельзя ссылаться на тайный законъ...

*.) „Русск. Старина“, окт. 1874, 500 — 541.

**) „Русск. Старина“, 1874, окт.

И, однако, уже эти общія идеи, пущенные въ обращеніе съ высоты престола въ прогрессивные годы царствованія Екатерины, — оказали свое влияніе. Фраза „сколь возможно уменьшить пролитіе крови“ — стала часто попадаться въ бумагахъ и мотивахъ даже уѣздныхъ учрежденій.

Я имѣлъ случай, работая въ нижегородской архивной комиссіи, просмотрѣть нѣсколько сотъ архивныхъ дѣлъ балахинского городового магистрата, разыскивая тамъ не крупные исторические факты, которые, конечно, отражались въ центральныхъ учрежденіяхъ, а тѣ мелкія черточки, которыя являются характерными для самой глубины народной жизни. При этомъ мнѣ попадались также и дѣла, въ которыхъ отмѣчалось производство пытокъ при „разспросахъ“ и „розыскахъ“. Пытка еще во времена Елизаветы была явленіемъ широко распространеннымъ. Заплечные мастера жили въ малыхъ городахъ и при переписи такъ и отмѣчалось ихъ званіе: „заплечный мастеръ“. Въ одномъ дѣлѣ 1756 года есть смутное указаніе на личную драму одного изъ этихъ „мастеровъ“. Можетъ быть, тяготясь жестокимъ и гнуснымъ занятіемъ, заплечный мастеръ Петръ Ивановъ сынъ Животовскій сѣжалъ изъ Балахны въ Унженскіе Рымовскіе починки, гдѣ „живъ въ дикихъ лѣсахъ“. Съ нимъ вмѣстѣ удалилась въ дикіе лѣса посадская женка Авдотья Иванова. Попытка эта уйти отъ жестокой жизни въ дремучие лѣса, заселенные только бѣглыми да раскольничими скитами, не увѣнчалась успѣхомъ: оба были пойманы и биты плетьми. Вlopолучному заплечному мастеру пришлось на себѣ испытать искусство какого-нибудь изъ своихъ сотоварищѣй *).

Еще въ 1763 году, при поискѣ фискаломъ въ Балахнѣ побрублennаго казеннаго лѣса, отмѣченъ также обыскъ во дворѣ палача Петра Волкова **).

Но уже въ 1767 году (послѣ цитированнаго указа Екатерины) мѣстные заплечные мастера и палачи въ Балахнѣ не встрѣчаются, и когда въ этомъ году пришлось привести въ исполненіе приговоръ магистрата о *наказаніи кнутомъ* преступника, то магистрату пришлось просить о присылкѣ въ Балахну заплечного мастера отъ нижегородской губернскай канцеляріи. На этотъ разъ требование было исполнено, и въ Балахну присланъ заплечный мастеръ Коноваловъ...

Вообще есть не мало указаний на довольно замѣтный переломъ въ пыточной практикѣ, произшедший вслѣдствіе указовъ Екатерины. Въ Елизаветинское время пытка произво-

*) Дѣло балахинскаго гор. магистрата, № 327.

**) Ib. № 188.

дилась съ удивительной простотой и какой-то прямо простодушной свирѣпостью. Благодаря тому, что при воеводской канцелярии былъ свой палачъ, — даже частныя лица пользовались услугливымъ „пристрасіемъ“ этой канцелярии для взысканія своихъ партикулярныхъ и при томъ часто неосновательныхъ исковъ. Сохранилась, напримѣръ, жалоба вдовы посадскаго человѣка Ульяны Якимовой, которую купецъ Лоушкинъ дважды „усиліемъ“ водилъ въ воеводскую канцелярию, гдѣ ее сѣкли и „пристрасіемъ“ вынуждали платить деньги, которыхъ ей „платить весьма не надлежало“ *). Точно также частныя лица, приводя въ магистратъ заподозрѣнныхъ въ воровствѣ людей, простодушно заявляли, что они уже до привода чинили имъ допросъ съ „пристрасіемъ“. Такъ, въ 1758 году посадскій человѣкъ Баташевъ заявилъ, что онъ „доопрашивалъ съ пристрасіемъ“ свою дворовую дѣвку, которая отъ этого пристрасія зарѣзала, заявивъ передъ смертію, что ее мучили невинно. Магистратъ не обратилъ на это дѣло особаго вниманія и запросилъ только, есть ли у Баташева на оную дѣвку купчая (№ 377).

Въ одномъ дѣлѣ, относящемся къ началу царствованія Екатерины, этотъ старый елизаветинскій порядокъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ новыми теченіями. Въ маѣ 1764 года былъ пойманъ съ вещами, покраденными у посадскаго человѣка Мизгирева, — иѣкій Трубниковъ. Онъ чистосердечно во всемъ сознался, но въ его показаніи вышло иѣкоторое разногласіе съ показаніями потерпѣвшаго: по словамъ Мизгирева у него пропало денегъ серебромъ 5 рублей и мѣдью 15 копѣекъ, а Трубниковъ утверждалъ, что онъ взялъ 4 рубля серебромъ, а мѣдью одинъ рубль 10 копѣекъ. Показанія не сошлись въ пятакъ и въ родѣ монеты. Магистратъ сначала примѣнилъ „пристрасіе“. Потомъ призывали „ученаго поша“ для увѣщанія. Трубниковъ стоялъ на прежнемъ показаніи. Магистратъ нашелъ, что теперь его „надлежало бы пытать“, но, принимая во вниманіе новые указы, — пытки Трубникому не чинили. Очевидно, до этихъ новыхъ указовъ человѣка вздернули бы на дыбу и вывернули бы суставы для точнѣшаго удостовѣренія — мѣдью или серебромъ онъ укралъ одинъ рубль десять копѣекъ (№ 515).

Любопытно, что въ первую (прогрессивную) половину екатерининскаго царствованія, у мѣстныхъ губернскихъ властей является стремленіе толковать ся указы въ расширительномъ гуманномъ смыслѣ. Такъ, 5 марта 1772 года балахнинскій

*) Ib. № 400.

магистратъ приговорилъ иѣкоего Латышева за покражу двухъ кулей пшеницы къ наказаню кнутомъ. Такъ какъ въ то время собственнаго заплечнаго мастера въ Балахнѣ уже не было,—то магистратъ препроводилъ приговоръ въ нижегородскую губернскую канцелярію, прося прислать налача. Отвѣтъ этой канцеляріи, подписанный Макшеевымъ, очень интересенъ: такъ какъ-де, въ силу указовъ „въ приисныхъ городахъ пыткъ производить не вѣльно и потому заплечныхъ мастеровъ не опредѣлено, то означеному магистрату, яко городовому, и къ наказаню кнутомъ приступать не должно“. Эта скромный Макшеевъ,ничѣмъ въ исторіи не отмѣченный, явился, очевидно, однимъ изъ маленькихъ маиковъ, свѣтившихъ въ суровыя и темныя времена свѣтомъ своей личной человѣчности. Онъ, очевидно, жертвовалъ буквой указовъ ихъ гуманному смыслу, находя совершенно справедливо, что наказаніе кнутомъ, по своей жестокости, ничѣмъ не уступаетъ жестокостямъ пытки (д. № 704). Отсюда онъ заключалъ уже къ отмѣнѣ жестокихъ наказаний. На этотъ разъ подсудимый отдался плетми.

Однако, жизнь не всюду и не такъ ужъ податливо слѣдовала за гуманными указами. Налачи въ приисныхъ городахъ упразднены, орудія пытки предписано было уничтожить. Но самая пытка еще притаилась подъ видомъ „пристрастія“. Подъ этимъ словомъ этимологически слѣдовало бы разумѣть угрозу: допрашиваемому показывали, что его ожидаетъ въ случаѣ засирательства. Однако, изъ многихъ дѣлъ видно, что на практикѣ „пристрастіе“ не ограничивалось угрозами, а состояло въ предварительномъ примѣненіи въ болѣе легкихъ формахъ предстоящей пытки. Мы видѣли уже, каково оказалось „пристрастіе“ для дворовой дѣвки Баташева. И до указовъ Екатерины, и послѣ нихъ въ дѣлахъ часто упоминается объ этихъ допросахъ съ пристрастіемъ, сила и жестокость которыхъ зависѣла совершенно отъ усмотрѣнія людей, привыкшихъ къ истязательной практикѣ. Порой, конечно, они переходили даже за предѣлы форменныхъ пытокъ.

Нужно было продолжительное и неослабное напряженіе власти, чтобы поощреніемъ гуманныхъ Сиверсовъ и Макшеевыхъ, обузданіемъ рутинеровъ-истязателей выводить изъ практики закоренѣлыхъ истязательскія привычки. Макшеевы и Сиверсы были далеко не всюду, а благожелательныя реформы Екатерины, не опиравшіяся на признанное содѣйствіе широкихъ общественныхъ слоевъ, висѣли въ воздухѣ. Многіе губернаторы,—самодержцы въ своихъ губерніяхъ,—смотрѣли на гуманные указы, какъ на иѣкую „невѣстимую“ странность

слишкомъ любвеобильной монархии, — странность, которую имъ, практикамъ, приходится исправлять, ограничивать или просто оставлять втунѣ. Поэтому во многихъ мѣстахъ пытки продолжались по старому и даже наивно отмѣчались въ дѣлахъ, доходившихъ до сената. Такъ, въ 1774 году, то есть, семь лѣтъ спустя послѣ указа 1767 года, въ дѣлѣ о поджогахъ въ Луганской станицѣ сенатъ усмотрѣлъ, что обличаемые жестоко пытали, почему „виновные“ (?) совсѣмъ освобождены отъ дальнѣйшаго наказанія. А въ 1778 году, т. е. четыре года спустя послѣ рѣшительнаго указа 1774 года, воронежскій губернаторъ навлекъ на себя взысканіе сената за то, что примѣнилъ жестокія истязанія „для отысканія паспортовъ и денегъ убитыхъ людей“. Но все это, конечно, открывалось только случайно и рѣдко. Въ сущности же благожелательные, но скрытые указы скорѣе давали возможность гуманнымъ губернаторамъ избѣгать у себя пытокъ, чѣмъ удерживали отъ нихъ губернаторовъ жестокихъ. И когда какое-нибудь дѣло обращало на себя вниманіе Екатерины, особенно же, если оно могло стать „извѣстно въ Европѣ“, то государынѣ приходилось еще сепаратно требовать, чтобы оно производилось безъ пытокъ.

Такія требованія она предъявляла въ дѣлѣ о попыткѣ Мироровича освободить бѣдного Иванушку, заключеннаго наслѣдника россійскаго престола, заключенного въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ дѣлѣ о Яицкомъ бунтѣ и о возстаніи Пугачова (1773 и 1775 годы) эта настойчивость уже измѣнила напуганной Екатеринѣ. Комиссія генерала Фреймана, производившая за два года до появленія Пугачова разслѣдованіе о бунтѣ яицкихъ казаковъ „войсковой стороны“, производила всѣ свои допросы „съ пристрастиемъ“, и около 130 человѣкъ умерло среди страшныхъ истязаній *). Во время самой пугачовщины, вызвавшей большой интересъ въ Европѣ (гдѣ газеты называли Пугачова „Prince Pougacheff“), Екатерина особенно опасалась, что Европа „причтетъ наше ко временамъ Ивана Васильевича“ **). Поэтому, назначая гр. П. И. Панина начальникомъ войскъ для подавленія бунта (послѣ Бибикова, которому такія напоминанія были излишни), — императрица требовала, „чтобы суровыя казни нигдѣ мѣста не имѣли, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употреблены не были“. Она запретила также производить пристрастные допросы ***). Все это, однако, болѣе назначалось для Европы,

*) Витевский. „Яицкое войско“.— „Р. Архивъ“, 1879 г., III—155.

**) Записки А. И. Бибикова.

***) „XVIII-й вѣкъ“, изд. Бартенева, I—129.

Сочиненія В. Г. Короленко. Т. IX.

чѣмъ для внутренняго употребленія. Въ Москвѣ, гдѣ на казни Пугачова и его сообщниковъ присутствовали иностранные корреспонденты,—даже самозванцу палачъ (яко-бы по ошибкѣ) сразу отрубилъ голову, не прибѣгая къ предварительному четвертованію (т. е. ему учинена казнь простая и не *суро-вая*). Но въ глубинѣ уфимскихъ и оренбургскихъ степей даже второстепенныхъ пугачовцевъ (въ томъ числѣ несчастнаго башкирскаго поэта Салавата) казнили мучительною смертью. Назначенный для производства слѣдствія въ Казани, низкій и бездарный кузенъ временщика Павель Потемкинъ, несомнѣнно, примѣнялъ пытки и къ Пугачову, и его сообщникамъ. При всѣхъ его допросахъ присутствовали палачи и по временамъ (по свидѣтельству Руничса) онъ удалять изъ присутствія всѣхъ чиновниковъ. Онъ не скрывалъ этого даже отъ самой Екатерины, конечно, смягчая дѣйствительность. Въ одномъ изъ писемъ къ государыѣ онъ говорить прямо, что для открытия тайны „учинено ему было малое наказаніе, и по доводамъ тѣмъ (!) убѣждаемъ быть злодѣй и открылся противъ вопросительныхъ пунктовъ“ *).

Легко представить, что въ дѣйствительности скрывалось за этими „доводами“ и „малыми наказаніями“ еще до суда. На всемъ пугачовскомъ дѣлѣ лежитъ несомнѣнная печать пыточнаго производства, и, если исторія останавливается въ недовѣрѣ передъ иѣкоторыми недомолвками и „тайными“ пугачовскаго бунта, то, конечно, потому, что показанія диктовались бездарнымъ родственникомъ временщика изъ-подъ кнута. Тотъ же Потемкинъ создалъ совершенно небывалое преступление казанскаго епископа Веніамина, на котораго показали „съ разспросу“ иѣкоторые мелкіе участники бунта. Веніамина долгое время было очень трудно опровергнуть эту пыточную клевету.

Пыточные привычки были до такой степени въ нравахъ тогдашней чиновничьей среды, что даже служитель музъ, пѣвецъ Фелицы, Гаврила Романовичъ Державинъ не былъ чуждъ этой „слабости“ своего вѣка. Будучи командированъ въ Мечетную слободу „для сыску и поимки воровскихъ самозванцевой партии людей“, выбѣгавшихъ на Волгу съ Яика и отъ Узеней,— онъ тоже прибѣгалъ къ допросу съ иѣкоторымъ „пристрастиемъ“. Самъ поэтъ, не безъ иѣкотораго даже юмора, разсказывавшъ въ своихъ запискахъ о томъ, какъ, поимавъ одного бѣглого солдата и заподозривъ въ немъ виднаго сообщника самозванца, вынудилъ у него побоями при-

*.) „Чтения въ Моск. О-вѣ исторіи“, 1858 г., II (стр. 39). В. С. Иконниковъ (20).

знаніе, будто онъ есть „первый секретарь онаго государстvennаго злодѣя, Емельки Пугачова“. Поэтъ уже радовался своей удачѣ, строя въ воображеніи воздушные замки насчетъ отличій и наградъ за поимку столь важной уголовной персоны, пока пріѣзжіе лицкіе купцы не разрушили уголовно-фантастическую поэму, которую Гаврила Романовичъ сочинилъ при помощи суковатой трости, ударяя оною по головѣ и спинѣ злополучнаго бѣлага солдата. „Первый секретарь“ оказался довольно безобиднымъ пьяницей и балагуромъ.

Дворянство тоже примѣняло пытки по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ и кое-гдѣ по усадьbamъ бывали настоящіе застѣнки. Такъ, въ сслѣ Рузаевѣ, Сараискаго уѣзда, по словамъ проф. Ключевскаго, жилъ „просвѣщенный“ помѣщикъ, поклонникъ великія Екатерины и даже поэтъ, у котораго въ усадьбѣ была „судебная изба“. Въ ней онъ лично производилъ „судъ по формѣ суда“ и если дѣло доводилось до пытки, то истязанія въ этомъ застѣнкѣ производились по всѣмъ правиламъ заплечнаго мастерства. Объ этомъ отлично знали мѣстныя губернскія власти, но никто не смѣлъ вмѣшаться въ „патріархальныя отношенія“ между помѣщикомъ и крестьянами. Этотъ помѣщикъ-истязатель былъ человѣкъ просвѣщенный; имѣлъ въ своемъ имѣніи вольную типографію, въ которой, впрочемъ, печаталъ только собственныя весьма нелѣпныя стихотворенія, и умеръ, какъ говорили, отъ горести, узнавъ о смерти „великія Екатерины“. Другую фигуру въ томъ же родѣ рисуетъ г. Грибовскій *). Это—орловскій помѣщикъ Шеншинъ, владѣлецъ с. Шумова, гдѣ у него тоже былъ устроенъ застѣнокъ „со всѣми новѣйшими усовершенствованіями“. Впрочемъ, по описанію, застѣнокъ этотъ ничѣмъ не отличался отъ того, какъ онъ изображенъ еще у Кошихина. Это была дыба или „виска“. Къ ногамъ пытаемаго привѣшивалось бревно, палачъ нажималъ его, постепенно усиливая давленіе, и встряхивалъ. Допросы производились часто по вымышленнымъ преступленіямъ! Это была своего рода „игра въ пытки“. Надъ женщинами производились утонченныя истязанія, соединенные съ садизмомъ.

Безъ сомнѣнія, такихъ помѣщиковъ и такихъ застѣнковъ было не мало въ крѣпостной Руси. Имя Салтычихъ осталось въ народѣ мрачнымъ символомъ крѣпостного самовластія и, конечно, маленькихъ Салтычихъ въ то время насчитывалось сотнями. Быть можетъ, ярче всѣхъ этихъ рассказовъ небольшой эпизодъ чисто бытового характера, который рисуетъ

*) „Вѣстикъ Всемирной исторіи“, февр. 1900 года.

въ своихъ замѣчательныхъ мемуарахъ Андрей Тимофеевичъ Болотовъ. Въ домѣ одного изъ его соѣдей долгое время и завѣдомо всѣмъ истязали мол҃одую дѣвшку-кружевницу, которая пытала убѣжать въ Москву. Ее заставляли цѣлые дни работать въ особомъ ошейнике съ щипцами, вонзающимися въ тѣло, когда усталая голова наклонялась... Бѣдная кружевница, мечтавшая, подобно чеховскимъ сестрамъ, о тогданѣй Москвѣ, — такъ и умерла отъ этихъ истязаній, безъ всякихъ послѣдствій для мучителей. И только самъ Андрей Тимофеевичъ, человѣкъ по тому времени исключительно гуманный, выразилъ свой протестъ тѣмъ, что пересталъѣздить въ гости въ семью своихъ варваровъ...

IV.

Можно бы ожидать, такъ сказать, а priori, что церковь во имя христіанской любви станеть смягчать эти жестокости. Исторія говоритъ другое: самыя жестокія пытки на Западѣ примѣнила именно духовная монашеская инквизиція. Греческие епископы требовали у своихъ духовныхъ дѣтей, кіевскихъ князей, примѣненія смертной казни, которая не была въ нравахъ славянъ (Ключевскій). Въ вопросѣ о постепенномъ смягченіи судебныхъ пытокъ официальная церковь наша шла даже позади свѣтской власти. Въ монастыряхъ были и казематы, и застѣнки. Я уже приводилъ выше указаніе на грамоту холмогорского архіепископа Аѳанасія соловецкому архимандриту, въ которой онъ увѣщаетъ не производить пытокъ *). Кроткіе иноны не спѣшили подчиняться увѣщаніямъ, и въ 1742 году мы встрѣчаемъ новое увѣщаніе такого же рода: новгородскій епископъ Амвросій Юшкевичъ увѣщиваетъ архангельского епископа Варсонофія (дѣло касается опять Соловецкой обители **). Очевидно, и это увѣщаніе осталось безъ результатовъ. Надо думать, что даже на екатерининскій указъ объ упраздненіи мелкихъ застѣнковъ и о передачѣ пыточныхъ дѣлъ въ губернскія и провинціальныя канцеляріи — соловецкіе иноны обратили не больше вниманія. Но крайней мѣрѣ, въ 1774 году, послѣ указа, запрещающаго производить пытки гдѣ бы то ни было, архангельский губернаторъ счелъ необходимымъ извѣстить объ этомъ и соловецкаго настоятеля: „Во исполненіе сего всевысочайшаго повелѣнія,—писалъ свѣтскій чиновникъ крот-

*.) Колчина. „Русск. Стар.“ 1887 г. Ноябрь.

**) Чт. въ общ. Нестора лѣтоп. „Страница изъ исторіи Екат. Нак.“ 1891, кн. V. Ссыка на „Чт. въ Моск. О-вѣ Нест.“ 1880, кн. I, 7—10.

кому монаху, — предписавъ во всѣ вѣдомства моего присутственная мѣста, — за должное нашелъ, въ разсужденіи могутъ иного быть и въ Соловецкомъ монастырѣ такихъ дѣлъ, сообщить о томъ вашему высокопреодобію, прося содергать оное въ строжайшемъ секрѣтѣ". Губернатору, разумѣется, хорошо было извѣстно существованіе въ Соловецкомъ монастырѣ застѣнка, который впослѣдствіи краснорѣчиво описанъ Снѣгиревымъ. „Въ 184... году, — писалъ г. П. Б. въ цитированной уже выше статьѣ, — я два раза былъ въ Соловецкомъ монастырѣ и видѣлъ тюрьмы, описанныя Снѣгиревымъ. Въ сѣверо-западномъ углу находится башня, называемая „Корожня“, въ которой въ прежнее время содержались узники. Въ нижнемъ этажѣ былъ застѣнокъ: сохранился еще крюкъ въ сводѣ, служившій, вѣроятно, для подъема на дыбу“ *). Тотъ же Снѣгиревъ осматривалъ въ башняхъ Прилуцкаго монастыря въ Вологдѣ ужасные „каменныя мѣшки“, куда сажались арестанты. Снѣгиревъ (едва ли основательно) относитъ это сажаніе ко временамъ еще Иоанна Грознаго.

Всего лучше, быть можетъ, роль официальной россійской церкви въ вопросѣ о пыточномъ варварствѣ обрисована по-коинмъ К. П. Побѣдоносцевымъ. Въ своей книгѣ „Историческая изслѣдованія и другія статьи“ онъ разсказываетъ, между прочимъ, что въ 1742 г. состоялось соединеніе собраніе сената и синода по вопросу о смягченіи судебнаго „розыска“. Рѣчь шла оѣбъ опредѣленіи возраста, съ котораго можно подвергать пыткѣ. Свѣтскіе сенаторы предлагали признавать малолѣтними всѣхъ, недостигшихъ еще семнадцати лѣтъ. Но представители правящаго россійскою церковью чернаго духовенства находили, что сенаторы слишкомъ спокойствительны. Ссылаясь на то, что церковь въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволяетъ вступать въ бракъ (!) и ранѣе 17 лѣтъ, православные іерархи сдѣлали выводъ, что, значитъ, и съ пыткой незачѣмъ дожидаться этого возраста. Мнѣніе это взяло верхъ ***) и... хотя тринадцатилѣтнихъ дѣтей ни въ какихъ уже случаяхъ женить не дозволялось, но относительно пытокъ они до 1765 года приравнивались къ женихамъ и пытались наравиѣ съ совершеннолѣтними.

Такимъ образомъ, если въ теченіи почти четверти вѣка послѣ этого знаменательнаго собранія сената и синода въ русскихъ застѣнкахъ все еще лилась порой кровь тринадцати и че-

*) Р. Архивъ, 1867, кн. 7-я.
**) К. П. Побѣдоносцевъ. „Историч. изслѣдов. и статьи“. Стр. 288.

тысячелетнихъ дѣтей, то этимъ наше отечество, по компетентному указанию К. И. Побѣдоносцева, — обязано было с урой непреклонности монашествующихъ вождей официальной российской церкви...

V.

Екатерина умерла. Короткое царствование Павла пропало вспышкой пожаровъ — среди истязаний въ рядахъ близкой къ царю гвардіи, но мало отразившихъ на остальной Россіи. На престолъ вступилъ молодой императоръ Александръ I, окруживший себя на первое время молодежью, раздѣлявшей его восторженныя и „свободолюбивыя“ стремленія.

Въ это время, въ Казани вспыхнула эпидемія пожаровъ, вызвавшая сильное волненіе въ народѣ. Администрація, по видимому, тоже потеряла спокойствіе, и вотъ — къ одному изъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ была примѣнена „тайно запрещенная“ Екатериной пытка. Подсудимый, не выдержавъ мученій, призналъ себя виновнымъ, но затѣмъ взялъ это сознаніе обратно. Тѣмъ не менѣе, пыточное дознаніе было признано достаточнымъ, и приговоръ состоялся. Несчастного подвергли „торговой казни“ и онъ умеръ подъ кнутомъ.

Повидимому, случай произвелъ глубокое впечатлѣніе, и о немъ стало известно въ Петербургѣ. 27 ноября 1801 г. послѣдовалъ замѣчательный указъ сенату, который приводимъ полностью:

„Съ крайнимъ огорченіемъ дошло до свѣдѣнія моего, что, по слухамъ частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани, взять быль, по подозрѣнію въ поджигательствѣ, одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не сознался, но пытками и мученіями исторгнуто у него признаніе, и онъ преданъ суду. Въ теченіи суда вездѣ, где было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденного признания, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу — осудили на казнь *). Въ серединѣ казни и даже по совершенніи оной, тогда, какъ не имѣлъ уже онъ причины искать во лжи спасенія, онъ призвалъ всенародно Бога въ свидѣтели своей невинности и въ семъ призываѣ умереть. Жестокость толико вопіющая, злоупотребленіе власти столь притѣснительное и нарушение законовъ въ предметѣ толико существенно важномъ заставили меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего происшествія въ истинѣ онаго, и на сей конецъ отправилъ я въ Казань флигель-адъютанта моего, подполков-

*). Рѣчь идетъ „о торговой казни“, т. е. битіи кнутомъ или пытками на эшафотѣ.

ника Альбедиля, чтобы съ извѣстнымъ миѣ безпристрѣствомъ обнаружилъ онъ всѣ дѣла сего обстоятельства. Донесеніе его, на очевидныхъ обстоятельствахъ основанное, къ истинному сожалѣнію моему, не только утвердило свѣдѣнія, до меня дошедшія, но и удостовѣрило, что *не въ первый разъ допущены таинственныи правительствомъ таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры*. Препровождая при семъ въ оригиналѣ донесеніе сie и всѣ доказательства, на коихъ оно основано, повелѣваю Правительствующему Сенату, немедленно войдя въ разсмотрѣніе его, всѣхъ, кои окажутся виновными въ семъ дѣлѣ по злоупотребленію власти, какъ въ главномъ управлениі, такъ и въ исполненій оного, по отступленію отъ порядка въ производствѣ и ревизіи слѣдствія и суда и по неуваженію его гласности и явныхъ слѣдовъ пристрастія, — судить по всей строгости и нелицепріятности закона и по отрѣшенніи подсудимыхъ отъ должности поступал по точной силѣ оного, — на мѣста, зависящія отъ утвержденія моего, представить кандидатовъ, прочія же наполнить достойными чиновниками по установленному порядку. Правительствующій сенатъ, зная всю важность сего злоупотребленія и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставить при семъ случаѣ сдѣлать повсемѣстно по всей имперіи строжайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ низшихъ правительствахъ и судахъ, — никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допускать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобы присутственный мѣста, коимъ закономъ предоставляетъ ревизія дѣлъ уголовныхъ, во основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ передъ судомъ сознаніе, что въ теченіи слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ, и чтобы, наконецъ, самое название пытка, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, — изглажено было навсегда изъ памяти народной” *).

Трудно, быть можетъ, найти другой актъ, въ которомъ чувства, одушевлявшія „дней александровыхъ прекрасное начало“, сказались бы болѣе выразительностью и силой. Каждое слово какъ будто проникнуто одушевленіемъ, негодованіемъ и печалью. Юный монархъ, еще до глубины души потрясенный своимъ воцареніемъ послѣ насилиственной смерти отца,—искалъ нравственной опоры въ стремленіяхъ къ высшей правдѣ, человѣ-

*) „Р. Архивъ“, 1887 г., кн. IV. Полное Собр. Зак. 20222.

вѣчности и счастию своего народа. Это была короткая, но прекрасная идиллия просвѣщенного и благожелательного самодержавья. Ни противорѣчій въ самомъ характерѣ Александра I-го, ни утопизмъ его стремлений, ни трезвая проза управления огромнымъ полу-азіатскимъ государствомъ — еще не успѣли вскрыться,—и казанское варварство стало лицомъ къ лицу съ гуманнымъ одушевленіемъ царя и его приближенныхъ. Флигель-адъютантъ Альбединъ, вѣроятно, тоже раздѣлялъ прогрессивныя идеи тогдашняго общества,—и въ его докладѣ кровавая нелѣпость всей этой исторіи встала въ ея настоящемъ неприкрашенномъ видѣ. Пыточная рутина была поставлена на очную ставку съ просвѣщенными взглядами вѣка.

Въ указѣ прямо говорится, что провинціальнымъ „правительствомъ не въ первый разъ допущены таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры“... Самое явление было, значитъ, не ново.. Ново и свѣжо было отношеніе къ нему молодого правительства. Тайный указъ Екатерины выдохся, и жизнь притечьлась къ тому, что власти вновь пытаются, какъ въ старинныхъ приказахъ, не скрывая этого даже въ официальныхъ отчетахъ. И вдругъ съ высоты престола заявляется всенародно, что пытка есть злоупотребленіе, „противное самимъ основаніямъ правосудія и притѣснительное правамъ гражданскимъ“. Еще робкіе и „весыма секретно“ издававшіеся указы Екатерины, покрытые пылью въ архивахъ,—теперь встаютъ изъ забвенія, окруженные грозой закона: казанская администрація отдана подъ судъ и разсѣяна, мѣста истязателей „наполнены достойными чиновниками“, готовыми слѣдовать новымъ началамъ правосудія. Передъ подсудимыми не только не скрываютъ, что пытка запрещена, но отъ нихъ требуютъ удостовѣренія, что слѣдствіе производилось безъ истязаній.

Все это направляется къ тому, „чтобы самое слово пытка, позоръ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было изъ памяти народной“.

Со времени этого указа прошло сто десять лѣтъ... Въ какой мѣрѣ это пожеланіе Александра I-го, высказанное па зарѣ XIX вѣка, осуществилось къ началу XX-го,—это мы, быть можетъ, увидимъ въ слѣдующихъ очеркахъ.

ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

Въ успокоеной деревнѣ.

(Картишки подлинной дѣйствительности).

I.

Я уѣхалъ изъ столицы на рождественскіе праздники далеко въ глушь, въ саратовскую деревню. Уединенный помѣщичій хуторъ, бѣлны поля, купы деревьевъ, всѣ въ бѣломъ инѣѣ. Почта—въ 12-ти верстахъ, ближайшая желѣзнодорожная станція—въ 16-ти. Газеты привозятся не каждый день, да вѣдь и читать ихъ необязательно. Однимъ словомъ,—отдыхъ среди природы! Въ одной сторонѣ изъ-за снѣжныхъ сугробовъ видны крылья мельницы. Въ другой, надъ оврагомъ, выстроились въ рядъ избы съ соломенными крышами. Двѣ деревеньки. Опѣтеперь, какъ извѣстно, уже „успокоены“. Щедшъ по дорогѣ,— попадется крестьянскій мереноокъ съ розвальнями, сидящіе въ саняхъ снимають шапки.

Вспоминаются старые деревенскіе мотивы: „Вы — наши, мы — ваши“...

Какъ-то, послѣ Крещенія, въ ясное морозное утро къ хутору подѣхала пара саней. Шесть мужиковъ вошло въ переднюю, отряхаются, натоптали снѣгу. Приѣхали по своему дѣлу къ хозяину хутора. Посовѣтоваться.

— Въ чёмъ дѣло?

Они разсказываютъ. И я хочу теперь въ свою очередь разсказать читателямъ про это небольшое, довольно обычное въ успокоеной деревнѣ „дѣло“, не новое, не оригинальное, но всетаки поразительное. Вы читали это десятки разъ, и я тоже. Но мнѣ хочется дать вамъ хоть разъ полную и законченную картину того, о чёмъ и вы, и я читаемъ ежедневно. Я буду передавать именно такъ, какъ мнѣ рассказано, не прибавляя ни одной черты отъ себя. Только, во избѣженіе

длиннотъ и повтореній, сведу шесть рассказовъ въ одинъ и прибавлю къ нимъ еще нѣсколько, слышанныхъ отъ „стороннихъ свидѣтелей“ впослѣствіи.

II.

Ихъ шестеро: три отца, да три сына. Чубаровской волости, Сердобского уѣзда, деревни Кромщины, крестьяне: Семенъ Устиновъ Трашениковъ, да Семенъ Мирополь Коноплиникінъ, да Созонъ Макаровъ Еткаренковъ.

Это—отцы. Съ ними—сыновья: Трашениковъ Павелъ, почти еще юноша, съ красивымъ правильнымъ лицомъ, да Коноплиникінъ Абрамъ (скучастое лицо общедеревенского типа), да еще Еткаренковъ Василій (лицо умное, выразительно-печальное).

Съ ними произошла вотъ какая непріятная случайность.

Въ дер. Кромщинѣ живетъ богатый мужикъ Дмитрій Евдокимовъ Шестерининъ. Мужикъ—хозяйственный, крѣпкій, изъ тѣхъ „сильныхъ“, на которыхъ теперь держится правительственная ставка. Между прочимъ и ростовщикъ. Въ ночь съ 27-го на 28-е октября истекшаго года у него случилась покража: взломали кладовую и вытащили два сундука. Наутро сундуки нашлись въ оврагѣ, разбитые. Большая часть содережимаго оказалась на лице: воры, очевидно, искали денегъ и цѣнныхъ вещей. Шестерининъ сначала показать убытки на 300 рублей (въ томъ числѣ долговая расписки разныхъ лицъ), потомъ свелъ до 90 рублей. Бабы жаловались на проажу холстинъ да миткаля.

Кто укралъ,—неизвѣстно. Надо узнавать.

Въ роду у Шестерининыхъ есть свой мудрецъ, Василій Вонифатьевичъ Шестерининъ, который гадаетъ о покражахъ. Позвали его, и долго вечерами въ избѣ Шестерининыхъ шло колдовство. „Канифатычъ“ раскрываетъ Псалтирь и читаетъ „каку-то псалму“. На лѣвой рукѣ у него на палецъ намотана нитка отъ клубка. На клубокъ надѣты замокъ (или ключъ) и ножницы. По прочтениіи „псалмы“ Канифатычъ начинаетъ называть разныя имена. На чьемъ имени ножницы задрожать и повернутся, тотъ и есть воръ. Признакъ: съ этихъ поръ онъ начнетъ чернѣть.

Колдовали нѣсколько дней; ножницы указывали нѣсколько именъ, особенно часто вздрагивали они при имени нѣкоего Григорія Чикалова, который, надо замѣтить, былъ въ ссорѣ съ Шестерининами. Но Григорій чернѣть не чернѣетъ...

Въ это время по деревнямъ много свадебъ. Въ началѣ ноября на одной изъ такихъ свадебъ къ Шестериницу подсѣль

Никифоръ Кожинъ, мужичонко изъ такихъ, которые смотрять въ глаза богатымъ мужикамъ. Знать ли онъ, что на Чикалова указываютъ ножницы съ клубкомъ, а тотъ упорно не чернѣеть, или просто ждалъ угощенія и съ этой цѣлью хотѣлъ сказать богатею что-нибудь приятное, только подсѣль этотъ Кожинъ и говоритъ:

— Позови меня, Митрій Евдокимычъ, къ себѣ. Угостишь, я тебѣ вѣсточку скажу, о пропажѣ обѣ твоей.

Кожина позвали, угостили. Въ благодарность услужливый человѣкъ сообщилъ, что онъ живеть въ экономіи помѣщика Йданова и тамъ же есть работникъ Григорій Чикаловъ. Такъ вотъ ему, Кожину, известно, что этотъ Чикаловъ въ ночь кражи куда-то отлучался. И знать обѣ этой отлучкѣ Абрамъ Коноплянкинъ. Все это Кожинъ безсовѣстно лгалъ. Впослѣдствіи оказалось, что въ ту ночь Чикаловъ долго игралъ въ карты съ другимъ работникомъ. Это видѣли всѣ рабочіе и даже староста... Но „вѣсточка“ всетаки была приятная: подтверждались указанія клубка и ножницъ, и свидѣтелемъ назывался Абрамъ Коноплянкинъ, состоявшій въ отдаленномъ родствѣ съ Шестерининомъ. Значитъ подтвердить.

Послѣ этого Шестерининъ обратился къ уряднику, и на сцену выступаютъ три доморощенныхъ Шерлока Холмса. Первый изъ нихъ — самъ урядникъ, носящий странное ими Гая, Гай Владимировичъ, господинъ Ивановъ. Съ нимъ — два стражника, имена которыхъ мнѣ сообщить не могли. Впрочемъ фамилія одного изъ нихъ — Борисовъ. Человѣкъ — грубыЙ, грузный, тяжелый. Извѣстенъ уже ранѣе производимыми „дознаніями“. Особенно говорятъ о дознаніи въ сель Алемасовѣ. Розыскные таланты его покоятся главнымъ образомъ на природныхъ дарованіяхъ: огромный кулакъ и очень грузное тѣлосложеніе. „Ударить, — съ ногъ долой. Послѣ этого вскочить на человѣка, топнешь разъ — другой, — человѣкъ дѣлается безъ памяти“...

Эта полицейская тройка приступила немедленно къ „слѣдственнымъ дѣйствіямъ“. Было это вечеромъ съ 13-го на 14-е ноября, передъ самымъ, значитъ, крещенскимъ постомъ: „сильная власть“ любезно явилась въ домъ потерпѣвшаго Шестеринина. Въ этомъ домѣ — три избы. Передняя, въ которой производились первые допросы. Во второй (средней) стоялъ самоваръ, водка и обычныи деревенскія закуски: куричина и яйца. За столомъ происходило обильное угощеніе: шестерининскія бабы то и дѣло мѣняли самовары и подавали новые бутылки. Въ комнатѣ было людно: кромѣ трехъ полицейскихъ и хозяевъ, тутъ присутствовалъ староста (двоюрод-

ный братецъ хозяина, тоже Шестеринин) и двое десятскихъ, которыхъ потребовалъ урядникъ. Черезъ нѣкоторое время явились еще двое понятыхъ, которыхъ пригласили въ серединѣ вечера, и два подводчика *). Очевидно, господа полицейскіе и не думали облекать свои дѣйствія покровами какой бы то ни было тайны. Они были увѣрены и въ себѣ, и въ силѣ своей власти, и въ своемъ „полномъ правѣ“.

Была еще третья изба, задняя. Окна въ ней были тщательно занавѣшены...

Прежде всего позвали предполагаемаго свидѣтеля, Абрама Коноплянкина. Я сказалъ выше, что онъ—далній родственникъ Шестерининыхъ. Предполагалось, что „по родственному“ онъ сразу же сдѣлаетъ всѣмъ удовольствіе и подтвердить извѣсть Кожина (который былъ тутъ же).

Этотъ Абрамъ, рыжеватый парень съ широкимъ простодушнымъ лицомъ, такъ передавалъ мнѣ о своихъ „свидѣтельскихъ показаніяхъ“:

„Позвать меня десятскій. Я пришелъ. Въ передней избы у Шестерининыхъ встрѣтилъ меня урядникъ и говорить добромъ: „Вотъ Абрамъ, скажи, ты видаль, что Григорій Чикаловъ уходилъ въ ту ночь, какъ случилась кражѣ?“— „Нѣть, говорю, я этого не видаль“. Урядникъ вышелъ въ середнюю комнату. Тамъ чай пили. Поговорили что-то между собой. Потомъ зовутъ меня. Выходятъ урядникъ и два стражника изъ-за стола, губы обтираютъ. Урядникъ опять спрашивается: „Говори, Абрамъ, ты видаль, что Григорій уходилъ?“— „Ни-какъ нѣть, говорю, не видаль“.— „А какъ же вотъ Кожинъ говоритъ, видѣлъ ты. Говори, Кожинъ: онъ видѣлъ?“ Кожинъ говоритъ: „Видаль. Онъ съ нѣмъ спаль вмѣстѣ“.— „Нѣть, я говорю, я не съ нѣмъ спаль. Я на нижнихъ нарахъ спаль съ Мироновымъ. Спросите у людей. Всѣ знаютъ“.

При видѣ такого „упорства“ урядникъ размахнулся и ударилъ Абрама; потомъ принялись бить его втроемъ со стражниками. „Говори, что видаль“. — „Я, говорю, не видаль“. Урядникъ—опять по щекѣ. Я упалъ. Онъ меня давай ногами топтать. Всталъ съ полу. Тутъ стражникъ одинъ ткнулъ на гайкой въ бокъ, черенокъ сломался. Потомъ давай раздѣвать меня... Я вижу, бѣда будетъ. Не дался раздѣвать, спугнулся. И говорю: „Ну, видаль. Уходилъ Григорій. А зачѣмъ уходилъ, не знаю. Можетъ, до-вѣтру“... Меня отпустили. Сѣль

*) Фамиліи понятыхъ: Митрофанъ Степановичъ Илюшинъ и Василий Филипповичъ Танинъ. Одинъ изъ подводчиковъ — Григорій Варламовичъ Ходоловъ.

л рядомъ съ Кожинымъ. Сидимъ. Онъ ничего не говорить, и я ничего. Я весь избитый, морда въ крови, болитъ все“...

Такимъ необыкновенно искуснымъ и остроумнымъ путемъ получено второе свидѣтельское показаніе противъ Григорія Чикарова. Теперь, значитъ, противъ него уже — ножницы, извѣтъ Кожина и показаніе Абрама. Позвали самого Григорія. Его ввели прямо въ среднюю избу и поставили передъ всей компанией, у стола съ самоваромъ и закусками.

— Ну, Григорій, говори, ты куда ходилъ въ ту ночь, когда у нихъ вотъ кража случилась?

— Да я никуда не ходилъ.

— А, ты отказываешься?

Хватъ Григорія по лицу кулакомъ, и опять принялись бить втроемъ. Били уже не такъ, какъ Абрама, который, какъ-никакъ, Шестеринину родня. Григорій „не сознавался“.

— Ну, веди его въ заднюю комнату!

То, что должно было происходить въ задней комнатѣ, очевидно, уже входило въ область профессиональной тайны и совершалось „при закрытыхъ дверяхъ“. Григорія ввели туда, и тотчасъ Шестерининъ родитель и его взрослый сынъ навалились снаружи на двери. Оттуда послышались нечеловѣческие крики. Черезъ нѣкоторое время дверь открылась. Вышелъ Григорій, шатаясь, весь избитый. Рубашка на немъ была вся изсѣчена нагайками. Его заставили умыться. Увидя въ первой избѣ подводчика Григорія Варламова Хохлова, Григорій подошелъ къ нему и сказалъ:

— Тезка, сходи къ женѣ, принеси другую рубаху. Виши эту „всю изсѣкли“.

Тотъ пошелъ.

Жена рубаху принесла, просится въ избу, плачетъ. Ее не пустили, а Григорія опять повели въ заднюю комнату, откуда опять понеслись удары и крики. Такъ его три раза выволакивали въ беспамятствѣ, обливали водой и принимались опять. Били, душили за глотку, рвали губы (мужики говорятъ: „дѣляли исchezаніе“ до трехъ разъ)... За третьимъ разомъ Григорій повинился: Уходилъ,—говоритьъ,—ночью воровать.

Тогда его вывели, умыли опять, посадили на лавку; урядникъ поднесъ ему двѣ чашки водки.

— Вотъ видишь, сразу бы такъ. Ну, теперь говори: кто съ тобой былъ еще, кому отдали добро на храненіе?

Григорій отъ водки немного ободрился и говорить:

— Господа, сдѣлайте божескую милость: какъ же я на людей буду говорить, когда и самъ я не бывалъ и ничего не знаю.

Тогда его повели въ заднюю комнату въ четвертый разъ. Когда его оттуда опять выволокли и умыли, онъ признался окончательно и назвалъ еще двухъ: Павла Трашенкова и Еткаренкова, Василія.

III.

Рассказъ этихъ двухъ молодыхъ людей (и нѣкоторыхъ стороннихъ свидѣтелей) прибавляетъ новые черты къ картинѣ. Урядникъ и стражники устали. За столомъ они сидѣли уже потные, взопрѣвшіе, въ однѣхъ рубахахъ. Угощались. Когда выволакивали избитаго, то кричали: „Проходную, хозяинъ!“ И имъ приносили водки. Павла урядникъ ударилъ сразу, не говоря еще ни слова, и свалилъ съ ногъ, а затѣмъ, когда тотъ поднялся, размахнулся вторично. Павелъ отшатнулся. Движенія урядника уже потеряли отчетливость, и онъ сшибъ руку объ стѣну. Это его обозлило. Онъ приказалъ: „Скрой глаза, опусти руки!“ Это, очевидно, — во избѣжаніе „сопротивленія при исполненіи обязанностей“... Увели опять въ третью комнату. Здѣсь били сначала нагайками, но черенки у всѣхъ трехъ нагаекъ изломались. Тогда стали бить кулаками, ногами и какимъ-то желѣзнымъ пруткомъ. Урядникъ приставлялъ къ груди револьверъ. Павель три раза терялъ сознаніе; три раза его выволакивали и обмывали... И это видѣли всѣ присутствовавшіе у Шестерининъхъ. Подъ окнами собирался народъ. Стражники отгоняли... Павель всетаки не новинился. Вышелъ онъ изъ этой передѣлки безъ образа человѣческаго, весь въ крови и съ выбитыми зубами.

Принялись за Василія Еткаренкова.

Василий — старше двухъ предыдущихъ. У него уже четверо дѣтей. Это — блондинъ, съ широкимъ, умнымъ лицомъ; выраженіе — подавленное, печальное... Во время разсказа порой смолкаетъ, опускаетъ голову, чтобы подавить подступающія къ горлу рыданія...

Когда его привелъ десятникъ къ Шестерининъмъ, усталые стражники лежали на кровати, отдыхали отъ работы. Урядникъ его спросилъ, потомъ ударилъ. Но стражники, преодолѣвъ усталость, поднялись съ кровати и говорятъ:

— Нечего съ нѣмъ болтаться. Веди прямо въ заднюю комнату.

Здѣсь сразу его повалили, раздѣли и начали сѣчь нагайками. Потомъ опять сказали: „Нечего его обрывками сѣчь. Давай такъ“. И стали бить „такъ“. Шинали кулаками, сапогами; урядникъ вскочилъ на него и топнулъ. Тогда стражникъ Борисовъ говорить:

— Эхъ, ты не умѣши.

Самъ вскочилъ на лежачаго и топнулъ два раза. Урядникъ—сердитый да легкій. Стражникъ—тяжелый, грузный. Василій потерялъ сознаніе.

Его тоже выволакивали три раза, обливали водой и принимались опять. Въ четвертый разъ урядникъ былъ одинъ. Сначала ударилъ желѣзнымъ пруткомъ по головѣ, потомъ приставлялъ къ груди револьверъ. Наконецъ, выхватилъ шапику, размахнулся. Помѣщеніе, повидимому, тѣсновато; урядникъ саблей расшибъ икону, послѣ чего вбѣжалъ одинъ изъ стражниковъ и отнялъ шапику.

Урядникъ послѣ этого вышелъ, дыша „какъ запаленая лопадь“, и тоже легъ на кровать, подложивъ подъ спину подушки. И здѣсь произошло заключительное „служебное дѣйствіе“. Гай Владимировичъ Ивановъ чувствовалъ, повидимому, иѣкоторую неудовлетворенность: повинился одинъ Григорій, да и то неполно. Остальные выдержали истязаніе (мѣстные жители говорятъ: „исчезаніе“), а между тѣмъ начальство уже выбилось изъ силы. Гай Владимировичъ лежалъ на постели „и тяжело дыхалъ,—уморился“. Но сердце у него все горѣло на упорщиковъ. Поэтому онъ приказалъ подвести Павла и Василія къ своей постели. Когда ихъ подводили, онъ, лежа на подушкахъ, пиналь ихъ ногой. „Шибањетъ ногой подъ грудь, потомъ кричитъ: „Подходи, подходи опять! Ведите ихъ!“ Стражники подводятъ, а онъ подниметъ ногу, опять нацѣливаются, куда ударить, чтобы побольнѣе“...

IV.

Ночью, подъ утро, истерзанныхъ, истоптаанныхъ, избитыхъ повезли въ Чубаровку. Кто попадался павстрѣчу этому ночному поѣзду, тѣ со страхомъ сворачивали съ дороги и крестились, оглядываясь на эти сани, въ которыхъ виднѣлась темная груда людей, высился полицейскія папахи и неслись стоны.

„Приплюсъ подыматься на гору,—рассказывалъ мнѣ подводчикъ Григорій Варламовъ Поповъ. — Я говорю: „Пожалуйста, ребята, сойдите маленько: не всташтить вѣдь лошаденка моя. Усталая“. Стражники тотчасъ сошли, а ребята говорятъ: „Извини, дядя Григорій, — не сойти намъ. Избиты очень“. А Василій Еткаренковъ говорить: „Вотъ талперь уже, товарищи, я чую: не жилецъ я. До лѣта не дотяну. Бить-то били, да еще ногами встануть, да прыжкомъ. Нутренности отбили вовсе“. И заплакалъ“.

Въ Чубаровкѣ истязатели подвели итоги. Они оказались

неутешительны. Всёдь надо будет доставить „обвиняемых“ къ следователю. Кромѣ откровеній клубка и ножницъ, да оговора пьяного Кожина, у нихъ было только вымученное сознаніе Григорія Чикалова. Вдобавокъ въ числѣ арестованыхъ и избитыхъ у нихъ былъ Абрамъ Коноплянкинъ, — только свидѣтель! Пришлось нѣсколько оформить это дѣло. Принялись опять за Григорія, и, конечно, онъ скоро показать, что Абрамъ воровалъ съ нимъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, уже въ Чубаровкѣ этотъ свидѣтель для „законности“ сталъ тоже воромъ. Затѣмъ у Григорія стали требовать, чтобы онъ указалъ, куда дѣвалось шестерининское добро. Этого, конечно, Григорій не могъ сказать даже и подъ кулагами, такъ какъ не обладалъ даромъ ясновидѣнія. Чтобы имѣть хотя временный отдыхъ отъ истязаній, онъ началъ пугать: показалъ сначала, что „добро“ скрылъ Андрей Архиповъ Чикаловъ (зять избитаго уже Павла). Андрея арестовали и привезли въ Чубаровку, но оговоръ оказался явно-невѣроятнымъ и Григорій отъ него отказался. Его, конечно, стали опять бить. Тогда онъ повелъ всѣхъ въ оврагъ, заставлять въ разныхъ мѣстахъ рыть землю, но, конечно, ничего не находилось. Чтобы стучить его отъ такой лживости, ему стали рвать ротъ: „Засунеть въ ротъ два пальца и рвешь на стороны“. Григорій показалъ, что „добро“ — въ деревнѣ Дубровкѣ, у Лаврентія Хохлова. Отправились въ Дубровку, къ Лаврентію. „Давай сюда ворованное добро“. Такъ какъ Лаврентій отказался, то его тоже принялись бить. Но тутъ...

Въ первый еще разъ во всей этой истории нашелся, наконецъ, человѣкъ съ нѣкоторымъ гражданскимъ сознаніемъ, который рѣшился стать противъ официально-полицейского разбоя. Дубровскій староста надѣлъ свою цѣпь и рѣшительно заявилъ, что онъ не дозволитъ бить своихъ односельцевъ.

— Подводу дадимъ. Можете арестовать. А бить не позволяю.

Истязатели отступили передъ этимъ заявлениемъ и увезли всѣхъ въ Трескино, гдѣ живетъ приставъ.

Зовутъ этого старосту Степанъ Николаевъ Кузнецovъ

V.

Мой невеселый разсказъ и безъ того затянулся. Поэтому я опускаю нѣкоторыя черты, которыми, съ своей стороны, сочли нужнымъ дополнить „картину дознанія“ трескинскій урядникъ и самъ г. приставъ (обратившіе почему-то особенное вниманіе на Абрама Коноплянкина)... Достаточно сказать, что г. приставъ нашелъ, повидимому, „все въ порядкѣ“ и что те-

перь уже можно препроводить „преступниковъ“ для формального слѣдствія. Такъ, какъ были, избитыхъ и изувѣченныхъ, ихъ доставили сначала къ уѣздному члену, а затѣмъ къ судебному слѣдователю въ г. Сердобскъ.

Я, конечно, не знаю, насколько часто г. судебному слѣдователю приходилось получать отъ приставовъ для дальнѣйшаго производства полицейскія дознанія, подготовленныя такъ образцово. Во всякомъ случаѣ, относительно этихъ четырехъ человѣкъ было единственное, правда, очень выразительное доказательство ихъ вины: всѣ они были жестоко избиты. Григорій Чикаловъ тотчасъ же отказался отъ всѣхъ вымученныхъ оговоровъ. Это, конечно, опять огорчило урядника.

— Какъ же ты самъ сознался?

Но Григорій, осмѣлѣвшій въ присутствіи слѣдователя, отвѣтилъ:

— Дай-ка я тебя начну бить, да топтать, да отливать водой. Небось и ты признаешься. Кулаки—не пироги. Тутъ не пожалѣешь и родного отца.

Затѣмъ „обвиняемые“ сослались на десятки свидѣтелей. Слѣдователь отпустилъ всѣхъ четырехъ съ миромъ, посовѣтовавъ на побои подать жалобу прокурору...

VI.

Мой разсказъ конченъ. Но читатель, быть можетъ, не поѣтуетъ, если я дополню его еще иѣкоторыми „чертами нравовъ“.

Какъ отнеслась ко всему этому крестьянская среда? Домъ Шестерининыхъ находится въ деревнѣ, не въ глухомъ лѣсу. Всѣ знали, что тамъ происходитъ. Наконецъ, у истязуемыхъ есть родители, родственники, сосѣди...

Прежде всего о родныхъ. Жена Григорія Чикалова приносila рубаху, плакала, просила допустить ее къ мужу. Ее прогнали... Одинъ изъ отцовъ, человѣкъ храбрый, явился на мѣсто. Урядникъ прежде всего избилъ его, чтобы онъ не заступался за преступниковъ. Но всетаки онъ остался сидѣть въ передней комнатѣ съ подводчиками. Въ одинъ изъ перерывовъ, когда истязатели подкрѣплялись и отдыхали, а истязуемые умывались, онъ скромно подсѣлъ къ стражнику (вѣроятно, Борисову), и между ними произошелъ слѣдующій любопытный разговоръ:

Отецъ. Эхъ, господа. Напрасно вы это, право напрасно дѣлаете исчезаніе. Не виновны эти ребята.

Стражникъ. Какъ! Ты это можешь ручаться?

Отецъ. Могу поручиться за свою сына вполнѣ.

Стражникъ. Ну, когда такъ, — доставай двѣстіи рублей, клади за руки. И я тоже положу. Я тебѣ говорю: къ утру я у твоего сына вымучу, что онъ признается. Тогда прошали твои деньги. А не вымучу, — твое счастье. Бери мои двѣстіи рублей.

Отецъ, конечно, отказался отъ такого поощренія стражнико-аго усердія. „То-то вотъ и есть!“ — сказалъ стражникъ и отиралился въ заднюю комнату продолжать свое дѣло.

Извѣстія о томъ, что дѣлается у Шестерининыхъ, конечно, разнеслись по деревнѣ. По избамъ не спали. Бабы плакали. Подходили къ дому Шестерининыхъ, прислушивались съ ужасомъ къ стонамъ, глядѣли на плотно занавѣщенныя окна „задней комнаты“. Но „престижъ полицейской власти“ поднять теперь такъ wysoko, что населеніе давно перестало отличать въ его дѣйствіяхъ „исполненіе обязанности“ отъ самого гнуснаго злодѣйства. Поэтому, вместо „сопротивленія“, мужики только жались кругомъ дома, шарахаясь въ темноту, когда открывалась наружная дверь...

Должно быть, расходившіеся стражники и урядникъ дѣйствительно внушали ужасъ. Подводчикъ Григорій Хохловъ, котораго позвали, чтобы везти арестованныхъ въ Чубаровку, вошелъ къ Шестерининымъ какъ разъ въ ту минуту, когда урядникъ кричалъ: „Веди сюда Григорія!“ Онъ разумѣлъ Григорія Чикалова, но такъ какъ подводчикъ — тоже Григорій, то онъ подумалъ, что это зовутъ на истязаніе его, и въ ужасѣ кинулся, ища какого-нибудь убѣжища, чтобы спрятаться. Вотъ — истинное торжество сильной власти, прочная основа „успокоенія“!

Ночью, когда, наконецъ, арестованныхъ увезли, бабы шестерининской семьи принялись за уборку избы, где полицейские пили водку и лили человѣческую кровь. Крови было много на полу, на стѣнахъ задней комнаты. „Барана зарѣжешь, — столько крови не будетъ“, — говорилъ мнѣ одинъ очевидецъ. Крестьяне упорно говорятъ, что въ избу прежде всего пустили собакъ, которыхъ вылизывали кровь. Но человѣческая кровь смывается нелегко: послѣ собакъ шестерининская бабы долго еще мыли и скоблили, но, говорятъ, не отмыли и не отскобили и до сихъ поръ...

На утро страшныя вѣсти подняли всю деревню. 15-го ноября, въ понедѣльникъ, когда урядникъ былъ у Шестерининыхъ, ему сообщили, что собрались „старики“ и требуютъ его на сходъ. Сходъ дѣйствительно гудѣлъ, обсуждая событія страшной ночи. Всѣмъ уже было извѣстно, что ни одинъ изъ истязаемыхъ не могъ принимать участія въ кражѣ: въ

деревни не скроетъ. Нашлись люди, видѣвшіе каждого изъ заподозрѣнныхъ, а больше всѣхъ пострадавшій Василій Еткаренковъ гулялъ на свадьбѣ въ сосѣдней деревнѣ Зыбинѣ, гдѣ мужики составили обѣ этомъ бумагу съ 22-мя подписями.

Урядникъ сначала на сходѣ не пошелъ. Его звали два раза. На третій разъ сходѣ послать уже старосту, того самаго двоюроднаго брата Шестеринина, который сидѣлъ за столомъ и пилъ водку, когда истязали его односельцевъ. Приказъ „міра“ былъ такъ рѣшителенъ, что староста, робѣвшій прежде передъ своимъ богатымъ родственникомъ и урядникомъ, теперь оробѣлъ передъ міромъ и пошелъ. Урядникъ, наконецъ, явился на сходѣ.

Сначала онъ тоже нѣсколько растерялся, почувствовалъ, что перехватилъ черезъ край и что мужичій міръ всколыхнулся.

Спустя мѣсяцъ послѣ происшествія Павелъ Яковлевъ Глуховъ, солидный и строгій мужикъ, „ходившій въ волостныхъ судьяхъ“ и самъ не склонный, повидимому, „давать потачку“, рассказывалъ мнѣ о томъ, что было, и въ его голосѣ еще слышалось глубокое волненіе.

— Я у себя на печи заснуть не могъ. Думалъ, эти ребята къ утру кончатся. „Исчезаніе“ было страшное... Кажется, если бы у меня тройку лошадей свели,—я бы не согласился на этакое дѣло... Богъ съ ними. А тутъ надѣялся на повинными чего сдѣлали!..

Міръ приступилъ къ уряднику:

— Вотъ, г. урядникъ, мы васъ пригласили. Отвѣчайте міру: какое вы имѣете полное право лить христіансскую кровь? Вѣдь это страшное дѣло,—такое „исчезаніе“. Если ихъ подозреваете, можете арестовать, представить по начальству, куда слѣдуетъ; а вы у Шестеринина допрашиваете? Это вамъ—канцелярія? Гдѣ такие законы?

Урядникъ сталъ отрицать истязаніе. Но тутъ, среди бѣлага дня и на міру престижъ власти упалъ. Одинъ за другимъ выступали свидѣтели: десятскіе, подводчики, ионты, которыхъ онъ пригласилъ вчера послѣ первого сознанія Чикалова. Всѣ говорили открыто, съ волненіемъ и негодованіемъ. Положеніе становилось непрѣятно.

Но... сходѣ говорилъ всетаки торжественно и сравнительно спокойно, спрашивая о законахъ и правѣ, а тутъ, какъ извѣстно, сильная власть чувствуетъ себя довольно свободно. Урядникъ ободрился и въ свою очередь перешелъ въ нападеніе.

— Это дѣло не ваше! Какое вы имѣете полное право вмѣ-

шиваться въ дѣйствіе полиції? Указы знаете? Я васъ всѣхъ сошлю, потому что я исполняю службу. Вы еще не имѣете полнаго права требовать меня на сходъ... За это отвѣтите строго...

Послѣ этого урядникъ ушелъ...

VII.

Таково теперь положеніе въ Кромщинѣ. О потерпѣвшихъ говорять, что они уже не работники. Особенно пострадалъ Василій Еткаренковъ. Настоящій богатырь по сложенію, теперь онъ больше лежитъ на печи, стонетъ и часто плачетъ. На утѣшеніе моего родственника: „Ну, Василій, поправишился, выѣхать на охоту пойдемъ“, онъ понурѣль голову и сказалъ глухо:

— Нѣть ужъ, С. А., не охотникъ я больше. Грудь болить, разломило всего. У сердца сосетъ и вотъ тутъ будто вода колышется. Все у меня отбили. Съ полой водой уйду и я, вѣрно, со свѣту бѣлаго.

Шестерининымъ, особенно бабамъ, нѣть проходу. Ихъ стыдятъ, при ихъ появлѣніи кричатъ: „Кровопивное семейство!“ и спрашиваютъ, какъ у нихъ собаки человѣчью кровь лизали.

Урядникъ, говорять, удалень, но, кажется, по другому дѣлу. Вообще же деревенскіе Шерлоки Холмы не унываютъ. Кажется, они считаютъ истязаніе при всякомъ дознаніи необходимой прерогативой своей службы.

— Въ Алемасовѣ изъ-за самовара я одному вовсе ротъ разорвалъ,—говорить будто бы въ поученіе мужикамъ одинъ изъ этихъ стражниковъ.—Ничего. Не виновать передъ своимъ начальствомъ остался. Потому—служба.

— И вѣрно,—ничего имъ не будетъ!—говорилъ мнѣ какъ-то мѣстный мужикъ, сверкая глазами.—Мы, господинъ, народъ темный. Закону для мужика на этомъ свѣтѣ нѣту, и доступить его мы не умѣемъ. У насть такъ: терпимъ-терпимъ, а то уже, когда сердце загипитъ,—за оглоблю!

— И опять виноваты остаемся,—вздохнулъ другой.

На этотъ разъ, положимъ, сдѣлана попытка „доступить своего закону“: отцы истязуемыхъ 7-го или 8-го декабря подали жалобы прокурору въ Саратовъ, но вѣры „въ законъ и для мужика“ у возмущеннаго населенія, правду сказать, какъ-то мало. Больше двухъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ кромщинскіе псы лизали человѣчью кровь. Больше полутора мѣсяцевъ, какъ подана жалоба. Но никто не торопится разслѣдовать это вопіющее дѣло. Установившаяся практика смотрѣть на такія „происшествія“ не какъ на преступленіе и вопіющее злодѣйство, а лишь какъ намаловажный служебный проступокъ... Нѣсколько излишнее усердіе, нимало не нарушающее деревенскаго „ успокоенія“...

Истязательская оргія.

Въ № „Рѣчи“ отъ 16-го декабря, въ статьѣ г-на Базилевича была обрисована „порядки“, царящіе въ псковской каторжной тюрьмѣ. То, что отчасти описалъ г. Базилевичъ, глухо доносилось и ранѣе изъ-за мрачныхъ стѣнъ этой тюрьмы, и наконецъ, ужасающій режимъ разразился „естественными“ послѣствіями: сто пять человѣкъ объявили голодовку, а начальство приняло противъ этого акта отчаянія свои обычныя мѣры. Прежде всего трое зачинщиковъ подвергнуты поркѣ.

Теперь предо мною номера двухъ мѣстныхъ газетъ: „Псковской Жизни“, газеты прогрессивнаго направленія, и „Правды“, органа мѣстныхъ „националистовъ“. Вотъ что пишутъ въ этихъ газетахъ, представляющихъ два противоположныхъ течения псковской общественной мысли и зависящихъ всецѣло отъ дискреціонной власти мѣстной администраціи.

„Псковская Жизнь“ сообщаетъ лишь факты. Статья ея начинается словами: „Нами получено письмо изъ каторжной тюрьмы“...

Въ письмѣ — потрясающія дополненія, варианты и иллюстраціи къ тому, что оглашено въ „Рѣчи“. Точнѣе называются имена, подробнѣе излагаются событія: предатель, нарочно посаженный начальникомъ тюрьмы въ камеру, чтобы раздражать ее и провоцировать какіе-нибудь экспессы, называется Плохой. Душевно-больной, котораго тотъ же начальникъ лѣчилъ собственными средствами, нарочно удерживая его въ той же камерѣ, где онъ считалъ себя окруженнymъ врагами, — Клементьевъ. Несчастный, въ концѣ концовъ, покончилъ самоубійствомъ, но по однимъ лишь показаніямъ бѣдного маніака, подстрекаемаго провокаторомъ, перепорото розгами 8 человѣкъ... Врачи констатировали острое помѣшательство Клементьева...

Заключенный Николай Ивановъ отказался въ Пасху принять „красное личко“ изъ рукъ, которыхъ запятнаны такими „христіанскими“ дѣлами. На всякий безпристрастный взглядъ,

заключенный Ивановъ проявилъ только болѣе искреннее и правдивое отношеніе къ трогательному пасхальному обычаю, чѣмъ его начальникъ. Въ Пасху его не пороли, но затѣмъ... его высѣкли уже за то, что онъ „не смотрѣлъ въ глаза своему начальству“...

Кромѣ того, старшій надзиратель Брюминъ, явившись къ Иванову въ одиночку съ двумя другими надзирателями, набросились на него и стали избивать, при чемъ одинъ изъ нихъ держалъ за ноги, другой давилъ горло, а Брюминъ билъ шашкой, пока вся постель не была залита кровью... Это говоритъ заключенный... Но онъ ссылается на свидѣтеля. И этотъ свидѣтель—тюремный священникъ Калиберскій.

Въ нашемъ распоряженіи есть еще много другихъ фактovъ, подобныхъ этимъ и даже болѣе ужасныхъ. Но—пока развѣ не достаточно и того, что огласили мѣстныя газеты?

По каторжной анкѣтѣ, приводимой г. Базилевичемъ, по разнымъ причинамъ, вродѣ указанныхъ выше, 130-ти заключеннымъ было дано 5.625 ударовъ розгами.

Пять тысячъ шестьсотъ двадцать пять!..

Жаловаться?.. Въ той же псковской газетѣ сообщается, что заключенные жаловались... Это былъ героизмъ: они излагали свои жалобы самому г. Хрулеву, и тутъ же стоялъ начальникъ тюрьмы. Г. Хрулевъ человѣкъ гуманный. Газета приводитъ двѣ его чрезвычайно благодушныя фразы, которыя, повидимому, должны были бы утѣшить и тѣхъ 8 человѣкъ, которыхъ пороли изъ психиатрическихъ соображеній, для пользы бѣднаго маніака, и того Николая Иванова, котораго въ глухомъ казематѣ три человѣка (!?) душили за горло и заливали кровью. Первымъ г. Хрулевъ сказалъ: „Дѣло прошлое, надо простить!“ Второму: „Это было давно, надо забыть!“ *)...

О, я, конечно, понимаю: это г. Хрулевъ только поддерживалъ престижъ власти. Можетъ быть... вѣроятно... скажемъ даже, навѣрное, наединѣ съ г. Черленкѣвскимъ г. Хрулевъ такъ же гуманно и мягко сказалъ свое „надо простить.“ и истязателю... Онъ только не принялъ въ соображеніе, что есть вещи, которыя не покрываются простымъ благодушіемъ. У него просили справедливости, а не прекраснодушія. А отказать въ такой справедливости доводить до крайняго отчаянія.

И вотъ, послѣ „ревизії“ г-на Хрулева, 105 человѣкъ рѣшаются голодать, а тюремный начальникъ напутствуетъ ихъ... розгами... Жестокость всегда цинична!

*) „Псковская Жизнь“, 3 дек., № 521.

Таковы извѣстія псковской прогрессивной газеты. Въ Псковѣ есть еще газета монархистовъ „Правда“. Передо мной номеръ 82-й этого националистического органа (отъ 14 декабря). Тутъ есть статья: „Россія, Америка и евреи“, есть нападки на елецкихъ „кадетъ“, „втершихся въ городскую думу“, вообще все, что можно обычно встрѣтить въ органахъ этого рода. Но есть также статья о тюремныхъ патронатахъ и затѣмъ, будто обведенная траурной рамкой, бросается въ глаза замѣтка: „По поводу порядковъ въ нашей каторжной тюрьмѣ“.

„Когда появилась въ „Псковской Жизни“ первая замѣтка о порядкахъ, установленныхъ г. Черленіовскимъ въ мѣстной каторжной тюрьмѣ, — пишетъ сотрудникъ газеты, подписавшись буквою И., — мы ожидали, что по поводу изложенныхъ въ ней иѣкоторыхъ фактовъ послѣдуетъ, если не опроверженіе, то какое-либо разъясненіе изъ офиціальныхъ сферъ, тѣмъ болѣе, что въ замѣткѣ сдѣланы были прямые ссылки на личность главнаго начальника тюремного управлѣнія и на его отношеніе къ обнаруженнымъ ревизіей тюрьмы иѣкоторымъ непорядкамъ...“

„Ни разъясненій, ни тѣмъ болѣе опроверженій не послѣдовало... что даетъ намъ извѣстное право заключить, что большая часть данныхъ, приведенныхъ въ письмѣ арестанта, соответствуетъ дѣйствительности... Въ настоящее время новымъ подтвержденіемъ служать факты, оглашенные „Жизнью“ отъ 13 декабря“.

Отсюда газета заключаетъ, что начальникъ псковской тюрьмы, прибѣгая къ описаннымъ карательнымъ и репрессивнымъ мѣрамъ, „далеко перешелъ за предѣлы разумной и неизбѣжной строгости“...

До сихъ поръ газета держится условно въ предѣлахъ сообщенія „Псковской Жизни“. Но дальше она говоритъ прямо отъ себя, что, по ея мнѣнію, г. Черленіовский „... вполнѣ заслуживаетъ обращенія къ нему не только со столбцовъ мѣстной печати, но и со стороны всѣхъ, знакомыхъ съ его тюремной дѣятельностью частныхъ лицъ обвиненія въ жестокости и полной безсердечности“...*)

Не принадлежа къ категоріи лицъ, „которыя желали бы обратить наши тюрьмы въ богадѣльни“, авторъ статьи находитъ, однако, что „начальникъ тюрьмы все же долженъ смотрѣть на находящагося въ его вѣдѣніи заключеннаго... какъ на человѣка, а не какъ на бездушную, обреченную на безыс-

*) Курсивъ всюду мой. В. К.

ходных страданія тварь, по отношенію къ которой допустимы всякия насилия и, что еще хуже,—издѣвательства“. Поэтому,— заканчивается замѣтка,—

„...Мы объявляемъ себя всецѣло солидарными со взглядами, излагаемыми по поводу дѣятельности г. Черленюовскаго въ мѣстныхъ газетахъ, и раздѣляемъ выражаемое ими чувство искренняго возмущенія“ *).

Итакъ, весь Псковъ зналъ о томъ, что жестокость тюремной администраціи давно вышла за предѣлы „разумной строгости“, что въ тюрьмѣ съ заключенными обращаются не какъ съ людьми, а какъ „съ тварями“. Ужасы псковскаго застѣнка, просачиваясь сквозь его стѣны, возбуждали въ городѣ осужденіе и негодованіе...

Не значитъ ли это, что мѣра истязательства переполнена. Эти ужасы вышли уже за предѣлы крайнихъ политическихъ разнорѣчій, даже крайнихъ политическихъ страстей. Это мучительство и эти страданія заставляютъ смолкнуть политику, апеллируя ко всякому сердцу, въ которомъ еще не вполнѣ заглохло человѣческое чувство, вызывая движение сочувствія и жалости даже къ политическимъ врагамъ, чувство гнѣва и отвращенія къ такимъ союзникамъ...

Теперь Псковъ является ареной захватывающей и потрясающей трагедіи. 15-го декабря въ „Псковской Жизни“ писали, что „голодовка въ тюрьмѣ продолжается. Нѣкоторые изъ голодающихъ проявляютъ большую слабость... Тюрьму посѣтилъ жандармскій офицеръ г. Злобинъ“... Этотъ ужасъ продолжаетъ, значитъ, висѣть надъ городомъ, объединяя общество въ одномъ чувствѣ. Но что можетъ сдѣлать общество? Растерянная администрація предоставляетъ мѣстной прессѣ кидать свои страшныя обвиненія... А въ это время 105 человѣкъ пытаются умереть, а тюремная администрація, быть можетъ, опять розгами стремится возбудить въ нихъ охоту къ жизни.

Берхтурье, Вятка, Пермь, Вологда, Зерентуй... Теперь Псковъ! Что это за ужасная „автономія истязательства“ за этими каторжными стѣнами!...

1911 г.

---

*.) „Правда“, 14 декабря 1911 г., № 82.

О „России“ и о революции.

(Полемическая заметка).

Въ „России“ (№ 1872) въ связи съ псковскими событиями появилась статья, озаглавленная: „Прокламационная литература“. Официозному органу угодно было поставить меня въ центръ этой ужасной литературы и еще болѣе ужасной революционной интриги.

Г. Короленко, по словамъ „России“, заявлять будто бы, что въ основу своего выступления онъ кладеть „рядъ документовъ“... „Онъ забылъ, однако, прибавить, что все, имъ разсказываемое, является буквальнымъ воспроизведеніемъ революционной (?) прокламаціи, озаглавленной „ко всѣмъ соціалистическимъ партіямъ въ Россіи и за границей отъ политическихъ арестантовъ псковского централа“. Такимъ образомъ,—продолжаетъ авторъ статьи,—„предъ нами еще одна попытка отстоять революционные задачи“...

Начну съ того, что Короленко совершенно определенно указалъ печатные источники (а не „документы“), которые положены въ основу замѣтки „Истязательская оргія“. Это, во-первыхъ, статья г-на Базилевича въ „Рѣчи“. Это, во-вторыхъ, мѣстная прогрессивная газета „Псковская Жизнь“ и это, въ-третьихъ, мѣстная же правая националистическая газета „Правда“. Ни одна изъ этихъ замѣтокъ не составляетъ не только буквального, но и никакого воспроизведенія „прокламаціи“. Въ „Псковской Жизни“ была помѣщена не прокламація, а просто „письмо изъ тюрьмы“. Псковская „Правда“ его перепечатала, прибавивъ отъ себя, что, по ея мнѣнию, г. Черленюковскій „вполнѣ заслуживаетъ обращенія къ нему... со стороны всѣхъ знакомыхъ съ его тюремной дѣятельностью частныхъ лицъ обвиненія въ жестокости и полной безсердечности“, что псковская администрація смотрѣть на арестанта не какъ на человѣка, а какъ на „бездушную тварь, обреченную на безысходныя страданія и — что еще хуже — издѣвательства“.

И это „все (?) буквальное воспроизведение революционной прокламации“? „Россия“, очевидно... заблуждается: это просто свидетельское показание правой газеты, утверждающей, что тюремные жестокости вызывают негодование в обществе, независимо отъ „правыхъ“ или „левыхъ“ убѣжденій. Рѣчь идетъ о самомъ элементарномъ безчеловѣчіи... Это крикъ возмущенія, и „офиціозу“ было бы небезнолезно научиться, наконецъ, отличать такжѣ крики отъ революционныхъ призывовъ.

Однако, разъ уже „Россия“ упомянула о „прокламации“, которую яко-бы я воспроизвелъ буквально, то и мнѣ приходится обратиться къ этому документу. Въ ней политические заключенные говорятъ о томъ, что „оторванные отъ родной стихии революционной борьбы“,—они нѣкоторое время пытались еще бороться за свои человѣческія права. Порой, „платя жизнью“, имъ удавалось, по ихъ словамъ, „приводить въ замѣшательство своихъ враговъ, не находившихъ „законныхъ“ основаній (sic) для своихъ дѣйствій“. Послѣ суда они очутились передъ перспективой „законной“ порки въ центральныхъ тюрьмахъ, подъ давлениемъ, во-первыхъ, „каторжнаго“ закона, во-вторыхъ,—еще болѣе отягчающихъ его временныхъ правилъ, и въ-третьихъ,—личнаго усмотрѣнія тюремщиковъ. Изолированные не только отъ вѣнчанаго міра, но и другъ отъ друга, они „теперь думали только объ одномъ: объ устраненіи всякихъ съ своей стороны поводовъ для примѣненія розогъ“.

„За все время существованія псковскаго централа съ декабря 1908 г.,—говорятъ они,—не было сдѣлано ни одной попытки къ побѣгу, ни подготовки къ нему. Ни разу не было ни частныхъ, ни общихъ беспорядковъ... ни даже попытокъ къ таковымъ... А, между тѣмъ, по количеству наказанныхъ розгами псковская тюрьма, по ихъ мнѣнію (можетъ быть, и ошибочному) занимаетъ едва ли не первое мѣсто. Чувствуя приближеніе назрѣвающей катастрофы, авторы просятъ по возможности сдѣлать известнымъ ихъ заявление и перечисляютъ разные случаи безпричинныхъ наказаний, которыхъ мы здѣсь воспроизводить теперь не станемъ.

Такъ вотъ это и есть „революція“??

Люди, присужденные уже къ тяжкимъ наказаніямъ, заявляютъ, что они мечтаютъ уже только о томъ, чтобы ихъ не пороли... На разныхъ конгрессахъ по тюремовѣдѣнію наши официальные представители говорятъ много хорошихъ словъ и развиваются много правильныхъ теорій. Но есть одна общепризнанная аксиома: мѣру наказанія за то, что сдѣлано до суда, опредѣляетъ только судь. Тюремное начальство полу-

чаетъ отъ суда людей, приговоренныхъ къ столькимъ-то го-
дамъ. И только. Позвольте тюремщикамъ и съ своей стороны
усиливать мѣру наказанія изъ политическихъ видовъ, допу-
стите въ тюрьму борьбу не съ поведеніемъ арестантовъ, а
съ убѣжденіями людей,—и вы получите именно то, что теперь
происходитъ въ Россіи во многихъ мѣстахъ: тюремную же-
стокость, ростущую, какъ лавина. Всякая жестокость, не
сдержанная во-время, всегда имѣеть тенденцію рости, какъ
лавина...

И вотъ, возставать противъ этого—значитъ затѣвать „ре-
волюціонную“ интригу?!

Мнѣ вспоминается слѣдующій случай. Я былъ еще моло-
дымъ человѣкомъ, когда мой знакомый, совсѣмъ юноша, спро-
силъ меня:

— Ты знаешь, что такое революція?.. И соціализмъ?..

— А что?

— Вотъ, прочитай.—И онъ подалъ мнѣ номеръ „Голоса“,
стъ корреспонденціей, кажется, изъ Екатеринослава. Разска-
зывалось о засѣданіи съѣзда мировыхъ судей. Мѣщанинъ-
портной искалъ долгъ съ вице-губернатора. Когда съѣздъ
постановилъ съ его превосходительства деньги взыскать, къ
очевидному торжеству истца-мѣщанина, — то одинъ изъ чле-
новъ съѣзда, старый почетный мировой судья изъ „послѣды-
шней“, демонстративно поднялся съ мѣста, заявивъ, что онъ
этого постановленія не подпишетъ и дальше участвовать въ
разборѣ дѣль „съ революціонерами и соціалистами“ не
станетъ.

Это смѣшно. Но это и знаменательно. Тогда это была струя
уходящая, теперь это струя вновь водворяющаяся. „Только
при господствѣ революціи мѣщане-портные и вообще простые
люди могутъ разсчитывать на справедливое удовлетвореніе
своихъ исковъ къ гг. вице-губернаторамъ“...—вотъ вѣдь что
въ сущности говорить екатеринославскій „послѣдышъ“...—
Только революціонеры могутъ возставать противъ беззѣль-
ныхъ жестокостей, „превосходящихъ всякую мѣру разумной
строгости“... Такъ хочетъ нась увѣдѣть офиціозная „Россія“
своими киваніями на революціонныя прокламаціи, мечтающія
только... объ „избѣжаніи розогъ“...

Иначе сказать: существующій строй и свобода вице-губер-
наторовъ отъ оплаты счетовъ портного... существующій строй
и жестокости въ тюрьмахъ—неразлучны?..

Къ такимъ выводамъ приводить иной разъ излишество
охранительного усердія...

На первый взглядъ это можетъ показаться своего рода

„программой“ и даже довольно удобной. Мечтали о республикѣ,—пусть теперь помечтаютъ о простомъ человѣческомъ обращеніи, безъ розогъ... Задачи „революціи“ съужены и ото-гнаны отъ настоящей политики въ область элементарнѣйшихъ вопросовъ.

Да... Но за то, посмотрите, какъ расширяется количество „революціонеровъ“. Воспроизведеніемъ революціонныхъ прокламаций приходится признавать уже статьи правой газеты, „раздѣляющей негодованіе противъ истязаній“. Вотъ и г. Панчулидзевъ со своими саратовскими единомышленниками недавно разоблачилъ на судѣ (г-на Панчулидзева судили за „клевету“) истязательскіе подвиги саратовской полиціи и излишнюю терпимость къ нимъ саратовской губернскай власти. Г. Панчулидзевъ, сколько намъ известно, — ультраправый. Однако, спросите теперь саратовскую администрацію: пожалуй, окажется, что съ ея точки зрѣнія г. Панчулидзевъ — тайный революціонеръ, расшатывающій основы власти разоблаченіемъ того, что для власти удобнѣе скрывать.

Мы позволимъ себѣ обратить сыскное вниманіе „Россіи“ еще на одинъ документъ революціоннаго характера. Исходить онъ отъ... генерала Мищенко.

Имя генерала Мищенко — очень извѣстно.

Я не считаю себя компетентнымъ въ оцѣнкѣ чисто военныхъ явлений, но и для профана ясно, что среди неудачъ, преступлений и несчастий, составляющихъ, въ совокупности, исторію прошлой войны, ген. Мищенко вынесъ репутацію мужественнаго человѣка и талантливаго военачальника. А на гражданскомъ поприщѣ еще не успѣлъ заявить себя такъ ярко, какъ некоторые другіе генералы, далеко не столь счастливо воевавши въ Манчжурии...

Теперь ген. Мищенко состоитъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ Донской области и недавно произвелъ осмотръ тюремъ. Онъ нашелъ, кромѣ всякихъ другихъ непорядковъ, также и непорядки „режима“: грубое обращеніе, побои, отсутствіе врачебной помощи и т. д. Но особенно интересно, что генераль Мищенко, среди этихъ злоупотребленій, отмѣчаетъ еще одно: „предъявленіе несоответствующихъ требованій по отношенію къ политическимъ заключеннымъ, сопровождающееся несоразмѣрнымъ наказаніемъ“ *).

Теперь припомните, что въ ужасной прокламаціи, которую открыла „Россія“, — подъ всѣми печатными протестами по поводу Пскова, — есть какъ разъ и это: отъ политическихъ

*). Цит. изъ „Нижег. Листка“ отъ 19 сент. 1911 г., № 255.

арестантовъ требуютъ воинской выправки, и на привѣтствіе „здраво“, они обязаны отвѣтить: „здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе“. Когда они отвѣчали вѣжливо, но иначе,— ихъ жестоко пороли...

Что же: генералъ ли Мищенко заимствовалъ цѣликомъ свое мнѣніе о такомъ образѣ дѣйствій изъ „революціонной прокламаціи“? Или, наоборотъ, прокламація почерпнула это изъ приказа генерала, считающаго, что даже „политического“ врага можно побѣдить, но не слѣдуетъ унижать, истязать и преслѣдоватъ за убѣжденія; что каторга есть мѣсто сурогато на казанія по закону, но не беспредѣльныхъ унижений и издѣвателства по усмотрѣнію тюремщиковъ.

А „Россія“ находитъ, что такія мнѣнія можно заимствовать только изъ революціонныхъ прокламацій?

Я могъ бы ограничить этимъ мой отвѣтъ на инсинуаціи офиціоза по поводу псковской исторіи. Но я вынужденъ еще просить мѣста для нѣсколькоихъ словъ по личному вопросу.

Господину изъ „Россіи“, скрывшему свою фамилію подъ загадочной буквой Б.,—угодно по поводу псковской исторіи вспомнить исторію филоновскую. Онъ говорить:

„Извѣстный писатель Короленко, соблазненный успѣхомъ, который выпалъ на его долю въ дѣлѣ совсѣмъ полного прокламаціи Павла Федорова, убитаго революціоннымъ подпольемъ, сейчасъ же (?) посыпалъ статьи г. Короленко... и т. д.“.

„Россія“ повторяетъ уже въ третій разъ эту низкую клевету, которой одно время были полны десятки „правыхъ“ газетъ... Въ самый день похоронъ Филонова, когда я былъ еще въ Полтавѣ,—раздавали на улицахъ мѣстную газету съ „посмертнымъ письмомъ“ Филонова писателю Короленко... Я не жаловался тогда, что это „подстрекательство“ противъ меня. Я только доказалъ въ свое время и установилъ официально, что это письмо есть самый безстыдный и завѣдомый подлогъ, что въ немъ нѣть не только ни слова правды, но и ни одного слова, написанного Филоновымъ... А затѣмъ, судебное разслѣданіе доказало, что, наоборотъ, все, что я написалъ въ своемъ открытомъ письмѣ, была правда, и ее только подтвердили показанія свидѣтелей: полицейскихъ, священниковъ и даже участниковъ экспедиціи, казачьихъ офицеровъ и урядниковъ. Подтвердило ее и постановление суда...

Теперь офиціозъ продолжаетъ пользоваться этой низкой и давно гласно опровергнутой ложью, начавшейся съ подлога. Съ тѣхъ поръ, какъ она опровергнута и оглашена *),—она

*) См. мою брошюру „Сорочинская трагедія“

стала ложью завъдою. Но для „российской официозной газеты“ и это орудие достаточно чисто. Правда, они дѣлаютъ это съ похвальной осторожностью: бережно держась у самыхъ предѣловъ закона и квалифицируемой клеветы,—они извиваются и шипятъ въ сумеречной области ползучихъ инсинуаций, намековъ и „злословія“... Выскажитесь, господа, нѣсколько точнѣе и опредѣлениѣе, тогда я не откажусь еще разъ поднять передъ обществомъ все это дѣло. И еще разъ докажу, что, если во всемъ этомъ мрачномъ клубкѣ, начавшемся административными арестами послѣ манифеста, продолжавшемся буйствомъ толпы, загипнотизированной неизвѣстнымъ агитаторомъ, и закончившемся еще болѣе мрачными массовыми истязаніями сотенъ людей, стоявшихъ на колѣняхъ въ синѣ... Если былъ среди этого ужаса голосъ, напоминавшій о законѣ, равномъ для мужика и чиновника, указывавшій, хотя и безъ усилѣя, единственный законный выходъ; если былъ человѣкъ, пытавшійся стать между револьверомъ террориста и безнаказанностью волюющаго беззаконія,—то это былъ только мой голосъ, и это былъ только я, столь усердно оклеветываемый вами, господа официозные писатели—ниженод-писавшійся В. Г. Короленко.

24 декабря
1911 г.

Ликвидация псковской голодовки.

Псковская тюремная голодовка ликвидирована. Какъ? Объ этомъ разные источники даютъ различныя свѣдѣнія. „Россія“ утверждаетъ, будто ничего въ режимѣ псковской тюрьмы не измѣнилось. Мы не хотимъ этому вѣрить, хотя наше время пріучило насъ къ пессимизму. Мы думаемъ всетаки, хотимъ думать, по крайней мѣрѣ, что голодовка полуторыхъ сотъ человѣкъ, доведенныхыхъ до отчаянія, и единодушное разоблаченіе въ печати режима, „далеко перешедшаго за предѣлы разумной строгости“ (выраженіе правой мѣстной газеты),— не могли не оказать хоть нѣкотораго вліянія. Голодовка продолжалась 4 дня, въ ней принимали участіе сначала 170, подъ конецъ 140 человѣкъ. Голодающіе сильно ослабѣли, одинъ, голодавшій въ карцерѣ, пытался повѣситься, но былъ во-время замѣченъ... И за всѣмъ этимъ съ напряженіемъ слѣдилъ весь городъ. Тюремныя стѣны какъ бы раскрылись, обнаруживая годами таившіяся за ними драмы. Нѣтъ, что бы ни говорила „Россія“, мы вѣримъ псковичамъ, которые утверждаютъ, что привычные рефлексы г-на Черленіовскаго, пытавшагося вначалѣ,—точно автоматическая машинка для сѣченія,—воздѣйствовать на голодающихъ розгами, кѣмъ-то были всетаки остановлены на-ходу и заведены на другой ладъ. Надолго ли или на время, но режимъ псковской тюрьмы не могъ не измѣниться, потому что есть вещи, на которыхъ указать гласно—значитъ осудить ихъ.

Мѣстная администрація съ ликвидацией голодовки тоже вышла изъ периода временной растерянности. Но если привычные рефлексы тюремщиковъ при неожиданномъ „раскрытии тюремныхъ стѣнъ“ оказались временно парализованными, поднятые руки застыли въ воздухѣ и свистъ розогъ, „перешедший всяку мѣру разумной строгости“, прекратился,—то, наоборотъ, привычно-административные рефлексы губернскихъ властей вступили въ обычное дѣйствіе. „Псковская Жизнь“ уже оштрафована на 300 рублей. Тяжеловѣсное, но сдава ли

убѣдительное опроверженіе заднимъ числомъ! Мы позволляемъ себѣ думать, что самое скромное судебное разслѣдованіе оглашеннныхъ газетами фактовъ могло бы быть гораздо убѣдительнѣе самаго громкаго штрафа...

Но... у насъ это теперь не въ модѣ. Законъ,—„это такъ бездушно“, и потому законъ въ такихъ случаяхъ окончательно молчитъ, предоставляя такимъ дѣламъ ликвидироваться своеобразными чисто-российскими путями. Ну, вотъ и этотъ эпизодъ ликвидированъ столь благополучно, что нельзя даже разобрать, измѣнилось что-нибудь, или ничего не измѣнилось. А вѣдь могло получиться и иначе. Говорилъ ли г. Хрулевъ „надо забыть“, „надо простить“, какъ это было напечатано въ газетахъ, или не говорилъ,—во всякомъ случаѣ г. Черленковскій не пожелалъ „простить“ и измѣнить привычный образъ дѣйствій, а они не могли забыть того, что продолжалось. Свыше полуторыхъ сотъ человѣкъ принялись голодать, г. Черленковскій принялъ сѣчь „зачинщиковъ“. До чего бы это могло дойти, если бы не газета... Газета „раскрыла стѣны“, и все ликвидировано. И даже бездушный законъ ни мало не потревоженъ: никто какъ будто не требуетъ его вмѣшательства... Все разыгралось именно въ духѣ приписанныхъ г-ну Хрулеву словъ.

За что же было карать газету?

1911 г.

КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ.

Домъ № 13. (ОЧЕРКЪ).

I.

И приѣхалъ въ Кишиневъ спустя два мѣсяца послѣ по-грома *), но его отголоски были еще свѣжи и рѣзко отдавались по всей Россіи. Въ Кишиневѣ полиція принимала самыя строгія мѣры. Но слѣды погрома изгладить было трудно: даже на большихъ улицахъ виднѣлось еще много разбитыхъ дверей и оконъ. На окраинахъ города этихъ стѣдовъ было еще больше...

Настроеніе было напряженное, тяжелое... Газеты принесли извѣстіе, что въ Петербургѣ еврей Дащевскій ударили ножомъ г-на Крушевана и, что было еще страшнѣе, — другой еврей, врачъ, хотѣлъ подать раненому первую помощь. Г-нъ Крушеванъ въ ужасѣ отказался отъ помощи и писалъ, что „душа Дащевскаго принадлежитъ ему“; вмѣстѣ съ г-мъ Комаровскимъ онъ требовалъ для Дащевскаго смертной казни на томъ основаніи, что онъ, г-нь Крушеванъ, не простой человѣкъ, а человѣкъ государственной идеи. А дни два или три спустя, уже во время пребыванія моего въ Кишиневѣ, три неизвѣстныхъ молодыхъ человѣка кинулись на шедшаго изъ училища свѣрской юношу, и одинъ изъ нихъ ткнулъ его въ бокъ кинжаломъ; кинжалъ былъ направленъ гораздо искуснѣе, чѣмъ у Дащевскаго, и только книга, которая была у юнаго еврея подъ застегнутымъ пиджакомъ, ослабила ударъ, но не избавила его отъ раны. Еврѣйский юноша, мирно шедшій изъ училища, не былъ, разумѣется, „человѣкомъ государственной идеи“, и потому о происшествіи (по крайней мѣрѣ за все

* Писано въ 1903 году.

Сочиненія В. Г. Короленко. Т. IX.

время моего пребыванія) не только г-нъ Комаровъ и г-нъ Крущеванъ, но и мѣстная газета „Бессарабецъ“ не говорили ни одного слова, только евреи передавали объ этомъ съ весьма понятной тревогой.

Говорили, между прочимъ, будто этотъ ударъ, нанесенный школьнику, есть отвѣтъ на покушеніе Дащевскаго. Какъ это ни нелѣно, но все же похоже на правду. Впрочемъ, „все (теперь) похоже на правду“, все можетъ случиться въ Кишиневѣ, гдѣ самый воздухъ еще весь насыщенъ дикой враждой и ненавистью. Жизнь города какъ бы притихла. Постройки простояли: евреи охвачены страхомъ и неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ.

II.

Въ такие дни я прѣѣхалъ въ Кишиневъ и, стараясь разъяснить себѣ страшную и загадочную драму, которая здѣсь разыгралась такъ недавно, бродилъ по городу, по предмѣстьямъ, по улицамъ и базарамъ, заговаривая о проишшедшемъ съ евреями и христанами.

Я, конечно, не имѣю претензій разъяснить здѣсь сколько-нибудь исчерпывающимъ образомъ этотъ потрясающій эпизодъ, этотъ изумительный процессъ быстрого, почти внезапнаго исчезновенія всѣхъ культурныхъ задержекъ, изъ-подъ которыхъ неожиданно прорывается почти доисторическое звѣрство. Нѣть ничего тайного, что бы не стало явнымъ. Очень можетъ быть, что и всѣ пружины этого преступнаго дѣла когда-нибудь выступятъ наружу, и все оно станетъ понятно, какъ механизмъ разобранныхъ часовъ. Нѣть сомнѣнія, однако, что и затѣмъ останется еще нѣкоторый остатокъ, который трудно будетъ свести на тѣ или другія обстоятельства даннаго мѣста и даннаго времени. И это будетъ вѣчно волнующій вопросъ о томъ, какимъ образомъ человѣкъ обыкновенный, средний, иногда, можетъ быть, недурной человѣкъ, съ которымъ порой пріятно вести дѣло въ обычное время, вдругъ превращается въ дикаго звѣря, въ цѣлую толпу дикихъ звѣрей.

Нужно много времени и труда, нужно очень широкое, внимательное изученіе, чтобы просто восстановить картину во всей ее полнотѣ. Для этого у меня нѣть возможности, да можетъ быть, для этого еще не наступило время. Хотѣлось бы думать, что судъ сдѣлаетъ это, хотя есть основаніе опасаться, что и судъ этого не сдѣлаетъ... Но мнѣ хочется всетаки подѣлиться съ читателемъ хоть блѣднымъ отраженіемъ этого ужаса, которымъ нахнуло на меня отъ моего короткаго пре-

бывалъ въ Кишиневѣ, спустя два мѣсяца послѣ погрома. Для этого я попытаюсь возстановить, по возможности точно и спокойно, одинъ эпизодъ. Это будетъ исторія знаменитаго нынѣ въ Кишиневѣ дома № 13.

III.

Домъ № 13 расположень въ 4-мъ участкѣ города Кишинѣва, въ переулкѣ, который носитъ название „Азіатскаго“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ Ставрійскимъ нерегулярнымъ. Впрочемъ, названія этихъ узкихъ, кривыхъ и запутанныхъ улицъ и переулковъ даже кишиневцы знаютъ довольно плохо, и еврей извозчикъ (здесь очень много извозчиковъ евреевъ, и среди нихъ тоже были раненые и убитые) сначала не понялъ, куда намъ надо. Тогда мой спутникъ, который больше успѣлъ ориентироваться среди мѣстныхъ достопримѣчательностей, свизанныхъ сть погромомъ,—пояснилъ:

— Домъ тринацдатый... Гдѣ убивали...

— А... знаю,—сказалъ извозчикъ, мотнувъ головой, и хлестнулъ свою лошадь, тощую, какъ и онъ самъ, и, какъ онъ, невзрачную и унылую. Лица его мнѣ не было видно, но я слышалъ, какъ онъ бормоталъ что-то въ бороду. Мнѣ казалось, что я разслышала слова: „Нисензонъ“ и „Стекольщикъ“.

Нисензонъ и Стекольщикъ—это еще недавно были живые люди. Теперь это только звуки, воплощающіе ужасъ недав资料的 pograma.

Ѣхали мы долго и, миновавъ людныя широкія и сравнительно культурныя улицы новаго города, долго вертѣлись по узкимъ, кривымъ, очень своеобразнымъ переулкамъ старого Кишинѣва, гдѣ камень, черепица и известка глашатъ тощія деревца, ростущія тоже изъ камня, и гдѣ, кажется, носятся еще тѣни какихъ-то старыхъ исторій временъ боярства, а можетъ быть, и турецкихъ набѣговъ. Дома здѣсь малы, много каменныхъ стѣнъ, какъ бы маскирующихъ входы во дворы; кое-гдѣ сохранились узкія окна, точно бойницы.

Наконецъ, по одному изъ такихъ переулковъ мы спустились къ искомому дому. Невысокій, крытый, какъ вся кишиневскіе дома, черепицей, онъ стоитъ на углу, въ сосѣдствѣ съ небольшой площадью, какъ бы выдаваясь въ нее тупымъ мысомъ. Кругомъ видныются убогіе домики подъ черепицей, значительно меныше и невзрачнѣе. Но между тѣмъ, какъ вся они производятъ впечатлѣніе жилыхъ, домъ № 13 похожъ на мертвѣца: онъ зіяетъ на улицу пустыми окнами съ исковерканными и выбитыми рамами, съ дверьми, заколоченными кое-какъ досками и разными обломками... Нужно отдать спра-

ведливость кишиневской полиции,—хотя она не особенно противилась погрому, но теперь принимаетъ энергичныя мѣры, понуждая евреевъ къ скорѣйшему приведенію въ порядокъ разрушенныхъ и поврежденныхъ зданій. Но надъ хозяиномъ дома № 13 она уже не имѣть никакой власти...

Дворъ еще носить выразительные слѣды разгрома: весь онъ усыпанъ пухомъ, обломками мебели, осколками разбитыхъ оконъ и посуды и обрывками одеждъ. Достаточно взглянуть на все это, чтобы представить себѣ картипу дикаго ожесточенія: мебель изломана на мелкія щепки, посуда растоптана ногами, одежда изодрана въ клочья: въ одномъ мѣстѣ еще валяется оторванный рукавъ, въ другомъ—обрывокъ дѣтской кофточки. Рамы съ оконъ сорваны, двери разбиты, кое-гдѣ выломанные косяки висятъ въ черныхъ впадинахъ оконъ, точно перебитыя руки.

Въ лѣвомъ углу двора, подъ навѣсомъ, у входа въ одну изъ квартиръ, еще виднѣется ясно большое бурое пятно, въ которомъ не трудно узнать засохшую кровь. Она тоже смѣшана съ обломками стекла, съ кусками кирпича, известкой и пухомъ.

IV.

— Здѣсь убивали Гринишпунна...—сказать кто-то около насъ страннымъ глухимъ голосомъ.

Когда мы входили въ этотъ дворъ, все было здѣсь мертвое и пусто. Теперь рядомъ съ нами стояла дѣвочка лѣтъ 10—12. Впрочемъ, это казалось по росту и фигурѣ. Но выраженію лица можно было дать гораздо больше, глаза глядѣли не по дѣтски... Этотъ ребенокъ видѣлъ все, что здѣсь дѣжалось еще такъ недавно. Для нея вся эта картина разрушенія на молчаливомъ дворѣ подъ знейными лучами солнца была полна незабываемаго ужаса. Послѣ этого она ложилась много разъ спать, просыпалась, вставала, дѣлала все, что дѣлала и прежде, и, значитъ „успокоилась“. Но ужасъ, который долженъ быть исказить это дѣтское лицо, весь не исчезъ. Онъ оставилъ по себѣ постоянный осадокъ въ видѣ недѣтского выраженія въ глазахъ и какой-то застывшей судороги въ лицѣ. Голосъ у нея былъ какъ бы придушенный, а рѣчъ ея было тяжело слушать: звуки этой рѣчи выходили съ усилиемъ, какъ у автомата, и, становясь рядомъ, образовали механически слова, не производившія впечатлѣнія живой рѣчи.

— Онъ вотъ тутъ... бѣжалъ...—говорила она, тяжело переводя дыханіе, показывая рукой по направлению къ навѣсу и лужѣ крови.

— Кто это? Стекольщикъ? — спросилъ мой спутникъ.

— Да-а... Стекольщикъ. Онъ бѣжалъ сюда... и онъ упалъ вотъ здѣсь... и тутъ они его убивали...

Съ невольнымъ ощущеніемъ дрожи мы отошли отъ этого пятна, въ которомъ кровь перемѣшалась съ известкой, грязью и пухомъ.

Въ домѣ все было разрушено съ такимъ же стараніемъ, какъ и во дворѣ: сорваны обои, выломаны двери, разломаны печи, стѣны пробивались насквозь. Эта чрезвычайная тщательность дикаго разрушенія породила въ городѣ разсказъ, будто передъ погромомъ одинъ изъ полуинтеллигентныхъ и довольно вліятельныхъ „антисемитовъ“ заготовилъ цѣлую партию ломовъ съ крючками, розданную погромщикамъ и отобранную затѣмъ обратно особыми „агентами“.

Не могу сказать, сколько тутъ правды, но въ самомъ слухѣ не мало характерности. Какъ бы то ни было, трудно представить, что еще недавно въ развалинѣ, которую мы рассматриваемъ, текла обычная мирная жизнь.

Домъ № 13 состоялъ изъ семи квартиръ, въ которыхъ, по обыкновенію, скученно и тѣсно жило восемь еврейскихъ семей, всего около 45 человѣкъ (съ дѣтьми). Хозяинъ его былъ Мовша Маклинъ, коміssіонеръ и владѣлецъ скромной лавки въ городѣ. На всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, т. е. въ качествѣ домовладѣльца, коміssіонера и лавочника онъ получалъ 1500 рублей въ годъ. Среди остальныхъ обитателей дома онъ, конечно, долженъ быть считаться богачемъ и счастливцемъ. Самъ онъ, впрочемъ, въ домѣ № 13 не жилъ, но одну изъ квартиръ занимала дочь его съ мужемъ и дѣтьми.

Одинъ изъ видныхъ жильцовъ былъ мелкій лавочникъ, Навтула Серебрянникъ. Лавка его была въ самомъ углу. Теперь ее можно узнать по обломкамъ деревянныхъ ларей, составлявшихъ прилавокъ и валяющихся на грязномъ полу среди ободранныхъ стѣнъ.

Затѣмъ въ домѣ жили еще: приказчикъ галантерейной лавки Берлацкій, съ женой и четырьмя дѣтьми. Онъ зарабатывалъ 48 руб. въ мѣсяцъ. Нисензонъ, человѣкъ лѣтъ 46, былъ бухгалтеромъ, т. е. ставилъ бухгалтерскія книги и водилъ денежную отчетность. Эту, отчасти ученую, профессію онъ выполнялъ сдѣльно, вырабатывая рублей 25—30 въ мѣсяцъ. Мовша Паскаръ служилъ приказчикомъ, получалъ рублей 35. У него была жена Ита и двое дѣтей. Ицекъ Гервицъ былъ служителемъ больницы, но въ послѣднее время, кажется, бѣдствовалъ, оставшись безъ мѣста. Мовша Туркеницъ имѣлъ столярную мастерскую, въ которой держалъ трехъ

рабочихъ, а Чася Барабашъ торговала мясомъ. Наконецъ, стекольщикъ Гриншпунъ ежедневно отправлялся съ оконными стеклами и возвращался вечеромъ домой со своимъ заработкомъ.

Цифры взяты изъ показаний потерпѣвшихъ и ихъ родственниковъ. Изъ нихъ видно, какими богачами былъ населенъ домъ № 13. Между тѣмъ, показанія, данныя при заявлении убытоковъ, можно скорѣе заподозрить въ преувеличениихъ, чѣмъ въ утайкѣ...

Такъ мирно и тихо жилъ этотъ домъ до 6-го апрѣля. Ни сезона ходилъ по лавкамъ и „ставиль въ нихъ бухгалтерію“, Берлацкій и Мовша Паскаръ продавали товары въ чужихъ лавкахъ, Навтула Серебрянникъ отпускалъ сосѣдимъ евреямъ, молдаванамъ и русскимъ свѣчи, мыло, спички, керосинъ, дешевый ситецъ и дешевые конфеты, Ицекъ Гервицъ искалъ мѣста, а стекольщикъ Гриншпунъ вставлялъ разбитыя стекла... И никто не предчувствовалъ того, что должно было случиться.

6-го апрѣля, въ первый день величайшаго изъ христианскихъ праздниковъ, въ городѣ начались погромы. Вѣсти о нихъ, конечно, распространились по всему Кишиневу, и легко представить, какие часы пережили жильцы тѣсно набитаго евреями дома № 13 при рассказахъ о томъ, что происходит въ городѣ и какъ относится къ этому православное общество и начальство. Впрочемъ, говорили, что происходит это потому, что губернаторъ ждетъ какого-то „приказа“. Ночью приказъ долженъ прийти непремѣнно, и значитъ—утромъ все будетъ спокойно.

Къ вечеру беспорядки сами собой затихли, и ночь прошла въ страхѣ, но безъ погромовъ.

V.

То, что произошло на слѣдующее утро, бывшіе жильцы № 13 и ихъ сосѣди описываютъ слѣдующимъ образомъ:

Около 10 часовъ утра появился городовой „бляха № 148“, человѣкъ хорошо, конечно, извѣстный въ данной мѣстности, который, очевидно, заботясь о судьбѣ евреевъ, громко совѣтовалъ всѣмъ имъ спрятаться въ квартиры и не выходить на улицу. Евреи, конечно, исполнили этотъ совѣтъ, и тѣсныя еврейскія квартирки наполнились испуганными жильцами. Двери, ворота и ставни были заперты, и вся площадь около Азяйтского переулка замерла въ пугливомъ ожиданіи.

И имѣю основаніе думать, что эта картина: запертая ставни, опустѣвшія улицы и пугливое ожиданіе того, что должно случиться, является характерной для предмѣстій Кишинева въ

началъ второго дня погрома. Я имѣлъ печальную возможность видѣть и говорить съ однимъ изъ потерпѣвшихъ въ другомъ мѣстѣ. Это пѣкто Мееръ Зельманъ Вейсманъ. До погрома онъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ. Во время погрома что-то изъ „христіанъ“ счелъ нужнымъ выбить ему и другой. На мой вопросъ, знаетъ ли онъ, кто это сдѣлалъ,—онъ отвѣтилъ совершенно безстрастно, что точно этого не знаетъ, но „одинъ мальчикъ“, сынъ сосѣда, хвастался, что это сдѣлалъ именно онъ, посредствомъ желѣзной гири, привязанной на перевѣку.

Этотъ Зельманъ жилъ около бойни на Magalѣ (предмѣстїи). Совершенно такъ же, какъ и жильцы дома № 18, въ этомъ предмѣстїи всѣ слышали съ большой тревогой о томъ, что происходило въ городѣ, такъ же ждали приказа, который придется въ ночь и не допустить дальнѣйшихъ беспорядковъ. И такъ же на слѣдующее утро въ предмѣстїе, еще не испытавшее погрома и только ожидавшее со страхомъ и недоумѣніемъ,—изъ города явился мѣстный же городовой, состоявший около бойни. Его тотчасъ же окружили жители предмѣстїя—молдаване, сосѣди евреевъ. Мееръ Вейсманъ не слышалъ, что имъ говорилъ городовой. Я не предполагаю, что городовой говорить что-либо дурное или прямо подстрекающее, я думаю, что онъ только не чувствовалъ себѣ официальнымъ лицомъ и говорилъ, какъ съ добрыми сосѣдями, одну чистую правду. А правда состояла въ томъ, что онъ вернулся на свой постъ безъ всякихъ специальныхъ приказовъ и въ городѣ видѣль, какъ погромъ идетъ съ усиливающейся жестокостью въ присутствіи войскъ и полиції. Изъ этого сообщенія молдаване, жившіе около бойни, сдѣлали свои выводы. Они стали держать совѣтъ, который исходилъ изъ общаго положенія, что имъ, живущимъ около боенъ, очевидно, нужноѣтъ то же, что дѣлаютъ въ другихъ мѣстахъ города. Изъ этого совѣщанія Вейсманъ передаетъ одну подробность. Вопросъ имѣлъ о двухъ братьяхъ, евреяхъ: толпа рѣшила, что одного изъ нихъ можно „оставить“...

Затѣмъ евреи стали прятаться, гдѣ кто могъ. Меера Вейсмана съ семьей скрылъ у себя добрый человѣкъ,сосѣдъ молдаванинъ, но жена его пришла съ улицы и сказала, что толпа грозитъ за это расправиться и съ ними. Тогда,—говорилъ Мееръ Вейсманъ,—„мы стали бѣгать“. Ему пришлось потерять много времени для того, чтобы пристроить хоть маленькихъ дѣтей въ семье одного зажиточного соотечественника, иринявшаго христіанство. Его дочери принимали малютокъ, но отецъ три раза выбрасывалъ ихъ обратно черезъ

зaborь. Пришлось скрываться вмѣстѣ съ дѣтьми; Мееръ Вейсманъ бѣжалъ на салотопный дворъ. Черезъ нѣкоторое время, „туда пришли моддаване съ дрючками и стали бить“. Больше ничего онъ не помнить... Хотя исторія Вейсмана со-ставляетъ нѣкоторое отступленіе отъ прямой нити моего по-вѣствованія о домѣ № 13, но я хочу доказать ее. Когда онъ очнулся въ больницѣ, то первый вопросъ его былъ о семье и о дочери.

— Ита! Гдѣ моя Ита?

— Я здѣсь, — отвѣтила Ита, стоявшая у постели. Но больной заметался сильнѣе и позвалъ опять:

— Ита, Ита, гдѣ же ты?..

Когда она наклонилась къ нему и опять повторила, что она здѣсь,—Мееръ Вейсманъ, не понимая еще, что случилось, сталъ шарить въ воздухѣ руками и жаловаться, что не видить дочери.

Онъ ее не видѣлъ потому, что „христіанскій мальчикъ“ выбилъ ему гирей другой глазъ, вѣроятно, для симметріи. Впрочемъ, многие думаютъ, что Мееръ Вейсманъ „самъ виноватъ“ и уже „съ избыткомъ вознагражденъ“ за то, что никогда не можетъ увидѣть любимую дочь... Что же касается христіанского мальчика, совершившаго надъ евреемъ операцию съ гирей, то онъ, конечно, не заслуживаетъ словъ укоризны. Онъ скорѣе является „жертвой“...

Что-жъ, можетъ быть, это и правда. Войти въ жизнь съ такимъ дѣломъ на совѣсти... Какой ужасъ, если христіанскій мальчикъ пойметъ, что онъ сдѣлалъ. Если же не пойметъ, то онъ, дѣйствительно, жертва, еще болѣе несчастная. Только... дѣйствительно ли это Мееръ Вейсманъ повиненъ въ этой жертвѣ?

VI.

Совершенно такъ же, какъ около боенъ, начиналась, повидимому, трагедія дома № 13. Городовой „бляха № 148“ такъ же, какъ его сослуживецъ, вернулся утромъ изъ города, гдѣ, вѣроятно, ждалъ ясныхъ и точныхъ приказаний, такъ же не получилъ ихъ, такъ же явился въ свой кварталь и такъ же не могъ дать другого совѣта, кроме:—Эй жиды, прячьтесь по домамъ и сидите тихо!—И такъ же, какъ около бойни, въ числѣ громили явились сосѣди изъ окрестныхъ улицъ и перулковъ.

Городовой „бляха № 148“, отдавъ свое благожелательное распоряженіе, сѣлъ на тумбу, такъ какъ ему явно больше ничего не оставалось дѣлать и, говорить, просидѣлъ здѣсь

все время въ качествѣ незамѣнной патуры для какого-нибудь скульптора, который бы желалъ изваять эмблему величайшаго изъ христіанскихъ праздниковъ въ городѣ Кишиневѣ.

А рядомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого философа—трагедія еврейскихъ лачугъ развертывалась во всемъ своемъ стихійномъ ужасѣ. Толпа явилась около 11 часовъ, въ сопровожденіи двухъ патрулей, которые, къ сожалѣнію, тоже не имѣли никакихъ приказаний. Она состояла человѣкъ изъ пятидесяти или шестидесяти, и въ пей легко можно было замѣтить добрыхъ сосѣдей съ молдаванскими фамиліями. Говорятъ, они прежде всего подступили къ винной лавкѣ, съ хозяиномъ которой, впрочемъ, поступили довольно благодушно. Ему сказали: „Дай тридцать рублей, а то убьемъ“. Онъ далъ тридцать рублей и остался живъ, — конечно, спрятавшись куда было можно, чтобы всетаки не быть на виду и не искушать снисходительность дикой толпы... Послѣдняя же приступила къ погрому. Площадь въ нѣсколько минутъ покрылась стекломъ, обломками мебели и пухомъ.

Вскорѣ, однако, всѣ почувствовали, что самое главное должно произойти около дома Мошки Маклина.

Почему,—сказать трудно. Быль ли дѣйствительно у этихъ громилъ какой-нибудь планъ, руководила ли ими какая-то тайная организація, какъ объ этомъ многіе говорятъ въ городѣ, или ярость толпы—этотъ слѣпой призракъ съ закрытыми глазами, устремляющійся впередъ съ чисто стихійной безсознательностью,—это вопросъ, который, можетъ быть, разрѣшить (а можетъ быть, и не разрѣшить) предстоящее судебнное разбирательство. Какъ бы ни было, въ домѣ № 13 къ грохоту камней, треску стѣнъ и звону стеколъ вскорѣ должны были бы присоединиться крики убийства и смерти...

Налѣво отъ воротъ, въ углу, около котораго сохранилась лужа крови до сихъ поръ, есть нѣсколько небольшихъ деревянныхъ сараевъ. Въ одинъ изъ нихъ спрятались отъ толпы громилъ стекольщикъ Гринишунъ, его жена съ двумя дѣтьми, Ита Паскаръ тоже съ двумя дѣтьми и еще дѣвочка 14 лѣтъ, служанка. Изнутри сарай не запирался, и, вообще, всѣ эти саран напоминаютъ карточные ящики. Преимущество ихъ было только то, что въ нихъ нечего было ломать и грабить, и евреи разсчитывали, что здѣсь они будутъ не на виду. О защищѣ нечего было и думать: въ домѣ было только восемь мужчинъ: городовой № 148, не получивъ никакихъ приказаний, сидѣлъ на тумбѣ, а два патруля стояли въ переулкахъ выше и ниже разрушенного дома. А въ толпѣ уже соверши-

лось загадочное наростаніе стихійного процесса, при которомъ изъ-подъ тонкаго налета христіанской культуры прорываются вспышки животнаго звѣрства. Разгромъ былъ въ разгарѣ: окна были выбиты, рамы сорваны, печи разрушены, мебель и посуда обращены въ осколки. Истки изъ священныхъ книгъ валялись на землѣ, горы пуху лежали во дворѣ и кругомъ дома, пухъ носился по воздуху и устипалъ деревья, какъ иней. Среди этого безумнаго ада изъ грохота, звона, дикаго гоготанія, смѣха и воплей ужаса — въ громилахъ просыпалась уже жажда крови. Они безчинствовали слишкомъ долго, чтобы остаться людьми.

Прежде всего кинулись въ сарай. Здѣсь былъ только одинъ мужчина: стекольщикъ Гриншпунъ. Сосѣдъ съ молдаванской фамиліей, котораго вдова Гриншпуна называла по имени, какъ хорошаго знакомаго, первый ударилъ стекольщика ножомъ въ шею... Несчастный кинулся изъ сарая, но его схватили, поволокли подъ навѣсъ и здѣсь докончили дубинами именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь сохранилось кровяное пятно.

На вопросъ,—дѣйствительно ли вдова убитаго знаетъ убійцу и не ошибается, что это былъ не захожій разбойникъ, не албанецъ изъ Турціи и не болглый каторжникъ изъ тюрьмы, еврейка сказала съ убѣжденіемъ:

— И его держала ребенкомъ на свои руки. Даи Богъ такъ жить, какъ хорошиѣ были знакомые.

Этотъ „хорошій знакомый“ и нанесъ первый ударъ ножомъ въ домѣ № 13. Послѣ этого положеніе опредѣлилось: первый предсмертный стоикъ стекольщика,—и евреямъ, а быть можетъ и самой толпѣ, стало ясно, чего отъ нея слѣдуетъ ожидать дальше. Евреи заметались, „какъ мыши въ ловушкѣ“, — выраженіе одного изъ кишиневскихъ „христіанъ“, веселаго человѣка, который и въ подобныхъ эпизодахъ находилъ поводы для веселья...

Нѣкоторые изъ нихъ кинулись на чердакъ... Въ томъ самомъ павѣсѣ, подъ которымъ былъ убитъ Гриншпунъ, есть вверху темное отверстіе, представляющее ходъ на чердакъ. Ходъ тѣсный и неудобный. Первый кинулся туда Берлацкій съ дочерью, за ними послѣдовалъ домохозяинъ Маклинъ. Маклинъ, какъ было уже сказано, не жилъ въ этомъ домѣ. Но здѣсь жила его дочь и, обеспокоенный ея судьбой, онъ явился на мѣсто трагедіи. Дочери онъ не засталъ. Она уже ранѣе уѣхала въ городъ съ дѣтьми... Теперь ему приходилось спасаться самому.

Всѣ трое проникли на чердакъ безпрепятственно. Изъ этого

следуетъ, конечно, заключить, что далко не вся толпа была проникнута жаждой крови, иначе несомнѣнно ихъ бы не допустили скрыться въ этомъ темномъ отверстіи, куда приходилось пролѣзать съ трудомъ, на виду у погромщиковъ, находившихся на дворѣ. Они скрылись,—значитъ ихъ допустили скрыться люди, которые считали для себя удовольствіемъ (или обязанностью) громить имущество, но не убивать людей. Однако, вскорѣ за бѣглецами кинулись на чердакъ и убийцы...

Чердакъ дома № 13—мрачное, полутемное помѣщеніе, загроможденное балками, боровами трубъ и подпорками крыши. Несчастные бѣглецы, сдѣлавъ иѣсколько поворотовъ (домъ расположено покоемъ), увидѣли всетаки, что здѣсь, въ полутиѣ чердака, душного и тѣснаго, имъ не скрыться. Слыша сзади крики погони, они въ отчаяніи стали ломать крышу.

Два черныхъ отверстія съ разметанными вокругъ черепицами еще видны на крышѣ дома № 13 въ то время, когда я пишу эти строки. У одного изъ нихъ лежалъ во время нашего посѣщенія синій желѣзный умывальныій тазъ. Нужно было много отчаянія, чтобы въ иѣсколько минутъ смертельной опасности голыми руками пробить это отверстіе. Но это имъ удалось: они хотѣли во что бы то ни стало взобраться на верхъ. Тамъ былъ опять свѣтъ солнца, кругомъ стояли дома, были люди, толпа людей, городовой бляха № 148, патрули... Это былъ всетаки день, свѣтъ солнца, и люди... И они проломали въ крышѣ два отверстія. Первымъ пролѣзъ въ одно изъ нихъ Мовша Маклинъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ „маленький и легкий“ (характеристика одного изъ очевидцевъ). Берлацкому же предстояло сначала подсадить дочь Хайку. Затѣмъ, когда онъ полѣзъ самъ, то одинъ изъ преслѣдователей былъ уже тутъ и схватилъ его за ногу.

И вотъ, на глазахъ у всей толпы началась отчаянная борьба. Дочь тащила отца кверху, снизу его держалъ одинъ изъ преслѣдователей. Борьба, конечно, была не равная, и, разумѣется, Берлацкому не увидѣть бы еще разъ солнечнаго свѣта... Но тутъ Хайка Берлацкая перестала тянуть отца и, наклонившись къ отверстію, попросила громилу отпустить его.

Онъ отпустилъ...

Пусть этому человѣкѣ отпустится часть его вины за то, что хотя на одно короткое мгновеніе, среди этой тьмы изступленного звѣрства, онъ допустилъ въ свою душу лучъ человѣческой жалости, что страхъ дочери-еврейки за жизнь еврея-отца всетаки проникъ въ его омраченную душу... Онъ отпустилъ жида.

Что онъ сдѣлалъ постѣ этого? Можетъ быть ушелъ съ по-
боища, устыженный и прозрѣвшій, внявъ голосу Бога, кото-
рый, какъ обѣ этомъ говорятъ всѣ религіи, проявляется въ
любви и братствѣ, а не въ убійствѣ беззащитныхъ... А мо-
жетъ быть онъ очнулся отъ мгновенного порыва и „раскаялся“,
но не въ порывѣ звѣрства, а въ движеніи человѣческой жа-
лости къ убиваемымъ евреямъ, какъ это мы видѣли и на дру-
гихъ примѣрахъ.

Какъ бы то ни было, а три жертвы оказались на поверх-
ности крыши. Еще разъ они увидѣли свѣтъ Божій: и пло-
щадь, и дома, и сосѣдей, и синее небо, и солнце, и городо-
вого бляха № 148 на тумбѣ, и патрулей, ждавшихъ приказа,
и можетъ быть еще того священника, который, руководимый
христіанскимъ сознаніемъ, пытался одинъ и безоружный по-
дойти къ разсвирѣпившей толпѣ громилѣ.

Этотъ священникъ случайно проходилъ по площади, и евреи,
которые смотрѣли съ сосѣднихъ домовъ на то, что творилось
въ домѣ № 13, стали просить, чтобы онъ заступился. Имени
священника я, къ сожалѣнію, не знаю. Повидимому, это былъ
добрый человѣкъ, который не думалъ, что есть на „святой
Руси“ или гдѣ бы то ни было такой народъ, который заслу-
жилъ, чтобы его людей убивали за какіе-то огульные грѣхи,
какъ дикихъ звѣрей. Не думаль онъ, очевидно, и того, что
могутъ быть на Руси люди, которые имѣютъ право убивать
толпой беззащитныхъ евреевъ, не стыдясь свѣта и солнца.
Непосредственное первое, самое правильное побужденіе за-
ставило его подойти къ толпѣ съ словомъ христіанского увѣ-
щанія. Но громилы погрозили ему, и... онъ отступилъ. Это,
очевидно, былъ простой добрый человѣкъ, но не герой хри-
стіанского долга. Но хочется думать, что, по крайней мѣрѣ,
онъ не стыдится своей попытки и своего первого побу-
жденія.

Въ эту ли самую минуту или въ другую произошло этоъ
эпизодъ, во всякомъ случаѣ, три жертвы очутились на крышѣ,
среди города, среди сотенъ людей, — безъ всякой защиты.
Всѣдѣ за ними въ тѣ же отверстія показались убийцы.

Они стали бѣгать кругомъ по крышѣ, перебѣгая то въ
сторону двора, то появляясь надъ улицей. А за ними бѣгали
громилы. Берлацкаго первого ранилъ тотъ же сосѣдъ, который
нанесъ ударъ Гринишуну. А одинъ изъ громилъ кидалъ подъ
ноги бѣгавшихъ синій умывальныій тазъ, который лежалъ на
крышѣ еще два мѣсяца спустя постѣ погрома... Тазъ ударялся
о крышу и звенѣлъ. И, вѣроятно, толпа смѣялась...

Наконецъ, всѣхъ троихъ кинули съ крыши. Хайка попала

въ гору пуха во дворѣ и осталась жива. Раненые Маклинъ и Берлацкій ушиблись при паденіи, а затѣмъ подлая толпа охочихъ палачей добила ихъ дрючками и со смѣхомъ закидала горой пуха... Потомъ на это мѣсто вышли нѣсколько бочекъ вина, и несчастныя жертвы (о Маклинѣ говорять положительно, что онъ нѣсколько часовъ былъ еще живъ) задыхались въ этой грязной лужѣ изъ уличной пыли, вина и пуха.

VII.

Послѣднимъ убили Нисензона. Онъ съ женой спрятался въ погребѣ, но, услышавъ крики убиваемыхъ и понявъ, что въ домѣ № 13 уже вошло убийство и смерть, они выбѣжали на улицу. Нисензонъ успѣлъ уѣхать во дворѣ напротивъ и могъ бы спастись, но за его женой погнались громилы. Опѣ кинулся къ ней и сталъ ее звать. Это обратило на него внимание. Жену оставили и погнались за мужемъ; онъ успѣлъ добѣжать до дома № 7 по Азіятскому переулку. Здѣсь его настигли и убили. При этомъ называются двѣ фамиліи, одна съ окончаніемъ польскимъ, другая молдаванская. Передъ Насхой шли дожди, въ ямахъ и по сторонамъ улицъ еще стояли лужи. Нисензонъ упалъ въ одну изъ такихъ лужъ, и здѣсь убийцы, смѣясь, „полоскали“ жика въ грязи, какъ полощутъ и выкручиваютъ стираемую тряпку.

Послѣ этого толпа какъ бы удовлетворилась и уже только громила дома, но не убивала. Евреи изъ ближайшихъ домовъ вышли, чтобы посмотретьъ несчастнаго Нисензона. Онъ былъ еще живъ, очнулся и попросилъ воды. Руки и ноги у него были переломаны... Они вытащили его изъ лужи, дали воды и стали отмывать отъ грязи. Въ это время кто-то изъ громилъ оглянулся и крикнулъ своимъ. Евреи скрылись. Нисензонъ остался одинъ. Тогда опять тотъ же человѣкъ, который убилъ Гриншпуна и первый ранилъ Берлацкаго, ударилъ несчастнаго ломомъ по головѣ и покончилъ его страданія...

Затѣмъ толпа продолжала работать дальше. Площадь была загромождена обломками мебели, обрывками всякаго старья и выломанными рамами до такой степени, что проходить по ней было очень трудно. Одна еврейка рассказывала мнѣ, что ей нужно было пробраться на другой конецъ, гдѣ остались ея дѣти; на рукахъ у нея былъ грудной ребенокъ, и она напрасно дважды пыталась пройти. Наконецъ, знакомый христіанинъ взялъ у нея ребенка, и только тогда она кое-какъ прошла черезъ эти беспорядочные баррикады...

Въ пять часовъ этого дня стало известно, что „приказъ“,

котораго съ такой надеждой евреи ждали съ первого дня, наконецъ получень....

Въ часъ или полтора во всемъ городѣ водворилось спокойствіе. Для этого не нужно было ни кровопролитія, ни выстрѣла. Нужна была только опредѣленность.

А теперь нужны будуть годы, чтобы хоть сколько-нибудь изгладить подлое воспоминаніе о случившемся, такимъ грязно-кровавымъ пятномъ легшее на „совѣсть кишиневскихъ христіанъ“...

И не только на совѣсть тѣхъ, которые убивали сами, но и тѣхъ, которые подстрекали къ этому человѣконенавистничествомъ и гнусною ложью, которые смотрѣли и смеялись, которые находятъ, что виноваты не убийцы, а убиваемые, которые находятъ, что могутъ существовать огульная безответственность и огульное неправдѣ...

Я чувствую, какъ мало я даю читателю въ этой замѣткѣ. Но мнѣ хотѣлось всеетаки выдѣлить хоть одинъ эпизодъ изъ того спутанного и обезличенного хаоса, который называется „погромомъ“, и хоть на одномъ конкретномъ примѣрѣ показать, что это было „въ натурѣ“. Для этого я пользовался живыми впечатлѣніями очевидцевъ, переданными отчасти мнѣ лично, частью же моему спутнику, который помогъ мнѣ восстановить черта за чертой эту картину. Правда, это основано на показаніяхъ евреевъ, но нѣть основанія сомнѣваться въ ихъ достовѣрности. Фактъ несомнѣненъ: въ домѣ № 13 убивали толпой беззащитныхъ людей, убивали долго, среди люднаго города, точно въ темномъ лѣсу. Трупы на лицо... А затѣмъ,—не все ли равно евреямъ, какъ именно ихъ убивали? Для чего имъ выдумывать подробности?..

Мораль ясна для всякаго, въ комъ живо человѣческое чувство... Но во многихъ ли оно живо?..

Этотъ тяжелый вопросъ встаетъ невольно, когда увидишь то, что мнѣ пришлось увидѣть въ Кишиневѣ.

VIII.

А впрочемъ... Подавленный этимъ ужасающимъ матеріаломъ, я кончалъ свои беспорядочные наброски, когда прочиталъ въ газетахъ о смерти нотаріуса Писаржевскаго. Имя этого человѣка было у всѣхъ на устахъ въ то время, когда я былъ въ Кишиневѣ. Молодой, красивый, богатый, вращавшійся въ „лучшемъ обществѣ“, онъ искалъ еще новыхъ впечатлѣній. Десятки людей говорили мнѣ о томъ, что Писаржевскій, несомнѣнно, лично участвовалъ въ погромѣ, поощряя громилъ. Говорили такъ же много о томъ, какія сильныя

средства пускались въ ходъ, чтобы затушевать это воинственное дѣло и скрыть прямое участіе въ погромѣ кишиневскаго свѣтскаго льва. Хотѣлось бы думать, что не все вѣрно, что рассказывали по этому поводу, но и то, что вѣрно, составило бы очень подходящее прибавленіе къ странной исторіи кишиневского погрома...

Эти усилия не удались. Истина была слишкомъ очевидна, и въ газетахъ появилось извѣстіе о привлечении Писаржевскаго къ дѣлу.

Послѣ этого онъ продолжалъ прежній образъ жизни: вращался въ свѣтѣ, кутилъ, игралъ въ карты. Въ роковую ночь ему очень везло въ игрѣ, онъ былъ очень веселъ, а на зарѣ ушелъ въ садъ, написалъ на скамьѣ: „здесь умеръ нотаріусъ Писаржевский“, — и застрѣлился.

Въ газетныхъ комментаріяхъ сообщаютъ, что онъ былъ наследственный алкоголикъ, что его угнетала перспектива суда, что ему не удались какія-то любовныя комбинаціи...

Все ли это?.. Теперь фактъ уже совершился, печальная расплата закончена... Мне кажется, я не увижу памяти несчастнаго человѣка, если предположу, что въ томъ счетѣ, итогъ котораго самъ онъ вывелъ на скамейкѣ, могли участвовать еще нѣкоторыя цифры. Что на зарѣ его послѣд资料ого дня передъ нимъ встало также сознаніе того, что стѣгалъ онъ, интеллигентный человѣкъ, — по отношенію къ евреямъ, которыхъ убивали христіане, и по отношенію къ христіанамъ, которые убивали евреевъ.

Впрочемъ, все это, конечно, только предположенія и, быть можетъ, даже слишкомъ оптимистическая. Несомнѣнную, хотя далеко не неожиданную истину высказалъ мнѣ передъ самимъ моимъ отѣздомъ одинъ простой человѣкъ, извозчикъ, родомъ, впрочемъ, изъ Россіи. Когда мы разговорились съ нимъ о погромѣ и его послѣдствіяхъ, онъ сообщилъ мнѣ, что недавно возилъ по городу знакомаго садовладѣльца. Садовладѣлецъ приѣхалъ, чтобы, по обыкновенію, занять денегъ для пайма лѣтнихъ рабочихъ. Но евреи, все еще неувѣренные въ завтрашнемъ днѣ, закрыли кредитъ. Садовладѣльцу по неволѣ пришлось обратиться, вместо ростовщиковъ евреевъ, къ ростовщикамъ православнымъ. „А уже это, господинъ, я вамъ скажу, дѣло извѣстное, — закончилъ онъ тономъ глубокаго убѣженія: — когда жидъ спущалъ одну шкуру, то свой теперь ростовщикъ три шкуры спустить“.

Этотъ мотивъ очень замѣтенъ теперь въ городѣ... И среди людей, завѣдомо сочувствовавшихъ погрому и разжигавшихъ въ толпѣ темные предразсудки, пламенную ненависть и дикіе

инстинкты грабежа и убийства, местные люди могут указать весьма известныхъ ростовщиковъ, которые теперь дождались своего праздника...

Я не имѣлъ въ виду создавать проекты решения еврейского вопроса. Но если бы я былъ одинъ изъ тѣхъ еврейскихъ миллионеровъ, которые заняты этимъ вопросомъ, я бы, признаюсь, не устоялъ противъ соблазна произвести одинъ социальный опытъ: я бы переселилъ, чего бы это ни стоило, если не всехъ, то огромное большинство евреевъ изъ места погрома. Я вернулъ бы богачу его богатство и сдѣлалъ бы бѣдняка зажиточнымъ человѣкомъ подъ условиемъ немедленнаго переселенія. И когда изъ-подъ снятаго такимъ образомъ пласта еврейского капитала выступилъ бы въ данномъ месте свой отечественный и даже патріотический капиталъ безъ примѣси и безъ усложняющихъ обстоятельствъ, когда г. Крушиневану не на кого было бы взводить мрачныи небылицы о ритуальныхъ убийствахъ, а ростовщики и скупщики щеголили бы не въ еврейской одеждѣ,—тогда, надо думать, стало бы ясно, въ чёмъ тутъ дѣло и можно ли решать эти вопросы погромами и убийствомъ „бухгалтеровъ“ Нисензоновъ, несчастныхъ стекольщиковъ Гринишуновъ, извозчиковъ евреевъ, добывающихъ свой горький хлѣбъ трудомъ такимъ же тяжкимъ, какъ и трудъ ихъ христіанскихъ собратьевъ...

И действительно ли гнѣть ростовщика легче, если онъ не носитъ еврейскую одежду и называетъ себя христіаниномъ?..

1903 г.

„Декларація“ В. С. Соловьева.

(Къ истории Европейского вопроса въ русской печати).

Въ октябрѣ 1890 года я получилъ отъ некоинаго Владимира Сергеевича Соловьева (изъ Москвы) письмо, въ которомъ говорилось между прочимъ:

„Посылаю вамъ прилагаемое заявление литераторовъ и ученыхъ съ просьбой подписать его, считаю лишнимъ распространяться о томъ, насколько подпись (этн) необходима *). Уѣзжая на дниахъ въ Петербургъ, покорнейше прошу подписанное вами заявление прислать мнѣ туда по слѣдующему адресу: Европейская гостиница на Михайловской улицѣ. Съ совершеннымъ почтенiemъ, готовый къ услугамъ Владимиръ Соловьевъ“.

Самое заявление, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, — составленное Соловьевымъ, кѣмъ-то подписанное и затѣмъ опять кое-гдѣ поправленное рукой Соловьева, — состояло въ слѣдующемъ:

„Въ виду систематическихъ и постоянно возрастающихъ нападеній и оскорблений, которымъ подвергается еврейство въ русской печати, мы, нижеподписавшіеся, считаемъ нужнымъ заявить:

„1) Признавая, что требование правды и человѣкобудія одинаково примѣнимы ко всѣмъ людямъ, мы не можемъ допустить, чтобы принадлежность къ еврейской народности и Моисееву закону составляла сама по себѣ что-нибудь предосудительное (чѣмъ, конечно, не предрѣшается вопросъ о желательности привлечения евреевъ къ христіанству чисто духовными средствами) и чтобы относительно евреевъ не имѣть силы тотъ общий принципъ справедливости, по которому евреи, неся равные съ прочимъ населенiemъ обязанности, должны имѣть таковыя же нрава.

Пропускаю пѣсколько фразъ. В. К.
Сочиненія В. Г. Короленко. Т. IX.

„2) Если бы даже и было вѣрно, что тысячелѣтнія жестокія преслѣдованія еврейства и тѣ ненормальныя условія, въ которыхъ оно было поставлено, породили известныя нежелательныя явленія въ еврейской жизни, то это не можетъ служить основаніемъ для продолженія такихъ преслѣдованій и для увѣко-вѣченія такого ненормального положенія, а напротивъ, должно пробуждать настъ къ большей синходительности относительно еврееевъ и къ заботамъ объ исцѣленіи тѣхъ язвъ, которыи панесены еврейству нашими предками.

„3) Усиленное возбужденіе национальной и религіозной вражды, столь противной духу истинного христианства, подавливания чувства справедливости и члены-колюбія, въ корыѣ развращаетъ общество и можетъ привести его къ нравственному одичанію, особенно при нынѣ уже замѣтномъ упадкѣ гуманистическихъ чувствъ и при слабости юридического начала въ нашей жизни.

„На основаніи всего этого, мы самыиъ рѣшительнымъ образомъ осуждаемъ антисемитическое движение въ печати, перенесшее къ намъ изъ Германии, какъ безнравственное по существу и крайне опасное для будущности Россіи“.

Въ то время, когда это заявленіе попало ко мнѣ, подъ нимъ подписались уже слѣдующія лица: Л. Н. Толстой, профессоръ Герье, проф. Виноградовъ, проф. Тимирязевъ, проф. Янжулъ, проф. А. И. Веселовскій, В. А. Гольцевъ, Безобразовъ, профессоръ Ф. Фортунатовъ, С. Фортунатовъ, В. С. Соловьевъ, проф. Всев. Миллеръ, проф. А. И. Чупровъ, И. Н. Милковъ, Сизовъ, Гамбаровъ, Щепкинъ, Г. А. Джаншиевъ, Р. Р. Миниловъ, С. А. Муромцевъ, проф. Столѣтовъ, профессоръ гр. Камаровскій, проф. Гротъ.

Я охотно присоединилъ свою подпись и поблагодарили Соловьева за память обо мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Кое-какія детали редакціи вызывали меня на нѣкоторыя замѣчанія, но изъ-за отѣнковъ я не считалъ нужнымъ отклоняться отъ дѣла. Такъ же, очевидно, смотрѣть и В. С. Соловьевъ. Относительно одной поправки, сдѣланной его рукой (германское происхожденіе русского антисемитизма), онъ сообщилъ мнѣ, что вписалъ это по требованію нѣкоторыхъ изъ подписавшихъ, считая эту вставку излишней, но и не желая затягивать дѣло спорами о редакціи.

Моя подпись была далеко не послѣдняя. Соловьевъ очень горячо, даже страстно относился къ этому литературному предпріятію, стараясь соединить подъ заявлениемъ видныя имена литературы и науки, независимо отъ нѣкоторыхъ различій во взглядахъ по другимъ вопросамъ. На его краткую формулу

должны были прежде всего отзоваться люди, для которыхъ религіозная и национальная терпимость составляетъ органическую часть общаго строя убѣжденій. Къ людямъ же, съ которыми онъ былъ близокъ другой стороной своего очень сложнаго умственнаго склада, онъ обращалъ аргументацію чисто-христіанской морали, въ которой было много силы и подкупающаго обаянія. Въ *своемъ* христіанствѣ онъ не шелъ на компромиссы. Для него христіанство было источникомъ абсолютной морали. Изъ этого источника онъ извлекъ и формулу по еврейскому вопросу, отличавшуюся необыкновенной ясностью и простотой. Онъ говорилъ: „Если евреи — наши враги, поступайте съ ними по заповѣди: любите враговъ вашихъ. Если же они не враги (а онъ именно думалъ, что не враги), тогда незачѣмъ ихъ преслѣдовать“. Многіе догматические взглѣды Соловьевъ окутаны густыми, иной разъ почти непроницаемыми метафизическими туманами. Но когда онъ спускался съ этихъ туманныхъ высотъ, чтобы прилагать тѣ или другія основныя формулы христіанства къ текущей жизни, онъ былъ иной разъ великодушенъ по отчетливой ясности мысли и по умѣнію найти для неи простую и сжатую формулу. Такова и аргументація его по еврейскому вопросу. Слушая ее, люди, претендующіе на обладаніе искренней христіанской вѣрой, должны были или соглашаться съ его выводомъ, или признать, что христіанство есть лишь отвлеченная доктрина, неприложимая къ широкимъ явленіямъ современной жизни, которая должна уступать передъ антихристіанскими призывами къ ненависти и мщению. А это съ точки зрѣнія искренно вѣрующаго человѣка есть кощунство. Такимъ образомъ, къ формулѣ чистаго либерализма по данному вопросу именно Соловьевъ способенъ былъ пріобщить широкій кругъ людей. далеко, быть можетъ, не либеральныхъ въ точномъ значеніи этого слова, но чуткихъ къ логикѣ искренней вѣры, которая слышалась въ либеральной формулировкѣ Соловьева.

Въ январѣ 1891 года я получилъ отъ него другое письмо по тому же предмету. Въ немъ между прочимъ говорилось: „Одинъ мой пріятель печатаетъ книжку по еврейскому вопросу и просилъ меня освѣдомиться у васъ, разрѣшите ли вы ему печатать то ваше письмо, которое вы мнѣ прислали при вашей подписи подъ извѣстнымъ вамъ литературнымъ заявленіемъ... Судьба этого послѣдняго вамъ, вѣроятно, извѣстна“. Въ концѣ письма сообщалось, что наше заявленіе напечатано не въ Россіи, а за границей...

„Судьба“ заявленія мнѣ еще тогда извѣстна не была, и, только пріѣхавъ въ Петербургъ, я узналъ, въ чёмъ дѣло. А

дѣло было въ томъ, что, пока Соловьевъ хлопоталъ и собиралъ подиши, толки обѣ его затѣѣ широко распространились въ литературной средѣ. Дошли они между прочимъ и до извѣстнаго публициста ретрограднаго лагеря, г. Иловайскаго, который сейчасъ же и удариль по этому поводу въ набатъ. Тревогу подхватила по всей линіи антисемитской и ретроградной прессы. Къ сожалѣнію, я не могу въ настоящее время привести здѣсь лучшіе перлы этой односторонней полемики, хотя это могло бы быть любопытно. Самая, впрочемъ, выдающаяся черта ея состояла въ томъ, что эти господа обрушились не на высказанное мнѣніе, а на самое намѣреніе его высказать. Въ тонѣ Марата въ „Другѣ Народа“ или Гебера въ „Père Duchesne“ гг. Иловайскіе провозглашали отечество въ опасности и взывали къ консуламъ, даже не называя опредѣленно именъ, а только неопределенно зловѣщими чертами рисуя надвигающуюся „крамолу“.

Шумная трескотня возымѣла обычное дѣйствіе. Послѣдовать циркуляръ главнаго управления, и затѣянная В. С. Соловьевымъ декларациѣ въ то время въ Россіи такъ и не появилась.

Какъ настоящая „крамола“, она была напечатана за границей (одновременно въ Парижѣ и Вѣнѣ). Для европейцевъ, разумѣется, заявление русскими писателями признанныхъ культурнымъ міромъ аксомъ могло имѣть значение развѣ въ качествѣ курьезной иллюстраціи русскихъ цензурныхъ порядковъ. Но для насъ даже и теперь есть нѣчто поучительное въ этомъ маленькомъ эпизодѣ. Употребили столь героическая усилия, чтобы задушить попытку Соловьева въ зародыши, тогдашній антисемитизмъ какъ бы отдавалъ своимъ противникамъ нѣкоторую дань страха и уваженія. Признавалось, что самый фактъ категорического заявленія передовой группы русскихъ писателей можетъ нанести чувствительный ударъ антисемитизму, поддерживающему правительствомъ...

Теперь это уже tempi passati. Правда, передовая русская печать *сказала*, пожалуй, все, что слѣдовало сказать по данному вопросу. Зато и антисемитизмъ *сдѣжалъ* чуть не все, чего не слѣдовало дѣлать, отбросивъ въ сторону всякие счеты съ „высшими начальами“ и христіанской, и всякой другой морали.

Къ вопросу о ритуальныхъ убийствахъ.

I.

Въ исторії ритуальной легенды на протяженіи вѣковъ характеристична одна особенность: она возникаетъ стихійно, спорадически, точно своего рода сувѣрная эпидемія. Всего быстрѣе и легче отъ нея воспламеняется темная масса, реагирующая погромами. Порой, при помощи пытокъ и другихъ приемовъ инквизиціоннаго процесса, добываются подтверждающіе ее судебные приговоры. Но каждый разъ, какъ къ ней подходятъ съ компетентнымъ изслѣдованіемъ, въ условіяхъ, обезпечивающихъ безпристрастіе, она разлетается, какъ туманные призраки вальпургіевой ночи при свѣтѣ зари. Истина раскрывается,—порой слишкомъ поздно для массового легко-вѣрія... „Тогда наиболѣе разумныхъ и справедливыхъ людей христіанскаго міра охватываетъ негодованіе и стыдъ“.

Историческими памятниками такого настроенія осталась цѣлая литература папскихъ булль и грамотъ свѣтскихъ властителей, „которые клеймили злое суетѣріе и разъ навсегда запрещали придавать разслѣдованію убийствъ вѣроисповѣдное значение“.

Это—фактъ несомнѣнныи, исторически установленный и очень знаменательный. Исторія сохранила десятки такихъ булль, эдиктовъ и указовъ, и почти каждый разъ они вызывались точнымъ разслѣдованіемъ кровавыхъ случаевъ, гдѣ евреи гибли невинными жертвами темнаго предразсудка. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ очень выразительны.

Такъ, папа Иннокентій IV въ булль къ епископу Віенны (Viennе) отъ 18 августа 1247 года излагаетъ подробно жалобы евреевъ на то, что „нѣкоторые духовные и свѣтскіе князья, чтобы не по праву присвоить себѣ ихъ имущество, выдумываютъ противъ нихъ безбожныя обвиненія... Хотя св. Писание запрещаетъ имъ въ Пасху дотрогиваться до

умершаго, ихъ должно обвинять, будто именно въ Пасху они дѣлять между собой сердце убитаго мальчика. И злонамѣренно имъ приписываютъ убийство, если гдѣ-нибудь находятъ трупъ".— „Мы не желаемъ,—гласить папскій приговоръ,— чтобы упомянутыхъ евреевъ несправедливо мучили (*injuste vexari*)—и потому повелѣваемъ вамъ, чтобы вы... не терпѣли, чтобы евреевъ и дальше оскорбляли безъ причинъ по этому или другимъ поводамъ". Папа Григорій X (1271—1276), Николай V (1447—1455), Павелъ III, Климентъ XIII (1758—1769), Климентъ XIV (1769—1774) повторяли буллу „*Sicut Judaei*“, прибавляя еще болѣе категорическія запрещенія. „Чтобы легче возбудить ненависть христіанъ къ евреямъ,— писалъ папа Николай V,—нѣкоторые позволяютъ себѣ должно утверждать и убѣждать христіанъ, будто евреи не могутъ спасти... нѣкоторыхъ праздниковъ безъ печени и сердца христіанъ... Этимъ неизмѣннымъ нашимъ опредѣленіемъ мы запрещаемъ навсегда и самымъ строгимъ образомъ... всѣмъ вѣрующимъ во Христа, самимъ или черезъ другихъ, открыто или тайно, посредствено или непосредственно предпринимать что-либо подобное противъ евреевъ вообще или противъ отдѣльного еврея".

Во второй половинѣ XVIII вѣка, по просьбѣ польскихъ евреевъ, вопросъ былъ подвергнутъ тщательному и продолжительному разслѣдованию при папскомъ престолѣ, и въ 1760 году кардиналъ Корсини писать отъ имени папы Клиmentа XIII папскому нунцию въ Варшавѣ: „Имъ (евреямъ) дѣлаются величайшую несправедливость, если черны, обвиняется ихъ въ убийствахъ, основываясь на ложномъ мнѣніи, будто они для своихъ пасхальныхъ опреѣноковъ имѣютъ надобность въ христіанской крови" (Хольсонъ). При тщательномъ изслѣдованіи этого предмета, папа признаетъ, что обвиненіе „не имѣеть никакихъ доказательствъ, достаточно ясныхъ и вѣрныхъ".

Кардиналъ Лоренцо Ганганелли, впослѣдствіи папа Климентъ XIV, будучи еще членомъ св. коллегіи въ Римѣ, занимался этимъ вопросомъ и впослѣдствіи (уже въ качествѣ папы) подчеркнулъ особенно, „что ни одинъ папа не признавалъ справедливымъ обвиненіе въ употреблении крови".

Можно также привести не менѣе краснорѣчивыя заявленія свѣтскихъ правителей. Въ этомъ смыслѣ особенно выразительные результаты дало разслѣдованіе, предпринятое императоромъ Фридрихомъ II (Гогенштауфеномъ) въ 1285 году. Оно было вызвано кровавыми происшествіями въ городѣ Фульдѣ. Здѣсь, во время прохода черезъ городъ отряда крестоносцевъ, найдены убитыми 5 христіанскихъ мальчиковъ. Тотчасъ же

поднялось традиционное обвинение, и еврейская часть населения подверглась настоящему разгрому, начавшемуся, по обычаямъ того времени, пыткой, вынудившей у подозреваемыхъ сознаніе.

Событие произвело огромное впечатлѣніе, и Фридрихъ, занятый въ то время другими болѣе важными дѣлами, счѣль, однако, необходимымъ выяснить вопросъ основательно и всесторонне.

„Чуть знаютъ,—гласила затѣмъ императорская грамота,— пусть знаютъ всѣ живущіе теперь и будущія поколѣнія. По поводу убийства нѣсколькихъ мальчиковъ въ Фульдѣ противъ живущихъ тамъ евреевъ было высказано тѣжкое обвиненіе, и вслѣдствіе того же печального случая противъ остальныхъ евреевъ повсюду въ Германіи общественное мнѣніе было возбуждено, хотя явныхъ признаковъ того, въ чемъ ихъ обвиняли, и не было обнаружено. Поэтому мы, чтобы выяснить правду о вышеупомянутомъ обвиненіи, рѣшили созвать къ себѣ отовсюду и разспросить многихъ князей, знатныхъ и благородныхъ людей государства, а также аббатовъ и духовныхъ лицъ“. Въ это собраніе были приглашены также тѣ, „которые раньше были евреями и затѣмъ обратились въ христіанскую иѣру; они, какъ противники ихъ, ничего не утаить изъ того, что знаютъ противъ нихъ... И хотя мы, по совѣсти, на основаніи многихъ писаний, съ которыми ознакомилось наше величество, считали достаточно доказанной невинность вышеупомянутыхъ евреевъ, но все таки для успокоенія какъ необразованного народа, такъ и чувства справедливости, мы, съ единогласного одобренія князей, знатныхъ и благородныхъ людей, аббатовъ и духовныхъ лицъ, отправили чрезвычайныхъ посланниковъ ко всѣмъ властителямъ Запада, которые затѣмъ прислали намъ изъ различныхъ государствъ много крещеныхъ евреевъ, свѣдущихъ въ еврейскомъ законѣ... Постѣ тщательного обсужденія всѣхъ отзывовъ эта авторитетная комиссія высказала мнѣніе, которое императоръ и излагаетъ въ заключеніи: „Поэтому мы, съ одобренія князей, объявили евреевъ вышеупомянутаго мѣстечка вполнѣ оправданными отъ приписываемаго имъ преступленія, а остальныхъ евреевъ Германіи отъ такого тѣжелаго обвиненія“.

Для жителей мѣстечка Фульда королевская грамота явилась слишкомъ поздно. Легенда обрушилась на нихъ всею своею тѣжестью: во время разгрома было убито крестоносцами болѣе 40 человѣкъ. Императорскій указъ только восстановилъ правду и стремился оградить другихъ евреевъ Германіи отъ общаго возбужденія.

Воспоминанія о трагедії въ Фульдѣ, повидимому, долго сохраняли свою волнующую свѣжесть, и вслѣдъ за Фридрихомъ Гогенштауфеномъ, противникомъ и борцомъ противъ свѣтской власти папы, о ней говорилъ и папа Иннокентій IV (въ 1253 г.); „Такъ какъ въ Фульдѣ и многихъ другихъ мѣстахъ многихъ евреевъ убивали изъ-за подобныхъ подозрѣній, то мы запрещаемъ“ и т. д. Около этого же времени и, можетъ быть, въ связи съ отголосками фульдской трагедіи король богемскій Оттокаръ II (въ 1254 году) издалъ распоряженіе, въ которомъ „согласно опредѣленій папы и именемъ св. отца“ настрого воспретилъ обвинять впредь живущихъ въ государствѣ евреевъ въ томъ, что они употребляютъ христіанскую кровь... Если же,—говорится далѣе,—христіанинъ обвиняетъ еврея въ убійствѣ христіанского ребенка, и еврей будетъ уличенъ, то онъ долженъ быть наказанъ,—но „только данный евреи и только установленнымъ въ законѣ за это преступленіе наказаніемъ“.

Въ соцѣдней съ нами Польшѣ цѣлый рядъ королей боролся съ насилиями и фанатизмомъ, порождаемыми лживой легендой. Болеславъ, герцогъ Калишскій, Гнѣзенскій и Великопольскій, первый внесъ въ польское законодательство постановленія относительно евреевъ короля Оттокара богемскаго. За нимъ слѣдовали короли Казимиръ III, Казимиръ IV и еще одиннадцать польскихъ государей *).

Мы далеко не исчерпали этихъ историческихъ актовъ, въ которыхъ такъ ясно сказалась реакція здраваго смысла и христіанской совѣсти противъ злобы и темнаго фанатизма, разсѣваемыхъ приверженцами лживой легенды. Общее ихъ значеніе совершенно точно характеризовано словами возвзванія: духовные и свѣтскіе правители Запада дѣйствительно клей-

*.) Всѣ эти цитаты за исключеніемъ одной, отмѣченной именемъ Хвольсона, мы беремъ изъ недавно появившейся въ русскомъ переводе книги „Кровь въ вѣрованіяхъ и суетѣріяхъ человѣчества“. Авторъ Г. Л. Штракъ, докторъ философіи и богословія, профессоръ богословія въ берлинскомъ университѣтѣ. Къ свѣдѣнію антисемитовъ онъ сообщаетъ въ предисловіи къ 4-му изданію своего ученаго труда, что всѣ предки его—чисто „христіанско-германскаго происхожденія, а мужчины были по большей части духовными лицами и учителями“.

Штракъ является сильнымъ противникомъ ригуазльной легенды и цѣль своей борбы объясняетъ тѣмъ, что „Иисусъ хочетъ не лжи, а истины, ис неизвѣсти, а любви... „Пусть моя борьба съ ложью,—прибавляется пѣмецкій богословъ,—хоть въ малой мѣрѣ способствуєтъ миру и чистому богоизображенію на землѣ“. Русский переводъ изданъ подъ редакціей И. Д. Андреева, проф. церковного права въ петербургскомъ университетѣ. Изданіе этой превосходной книги является особенно кстати въ наше искитово-погромное время.

мили злую выдумку и разъ навсегда запрещали придавать разслѣдованіямъ убийствъ вѣроисповѣдное значеніе...

У насъ, въ Россіи, актъ того же характера былъ изданъ въ царствованіе императора Александра I-го. 6 марта 1817 года гродненскому губернатору, а также губернаторамъ другихъ губерній, гдѣ тогда было дозволено пребываніе евреямъ,—былъ разосланъ слѣдующій циркуляръ главноуправляющаго церковными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, кн. Александра Голицына:

„По неосновательному подозрѣнію на евреевъ, будто они употребляютъ въ опрѣснокахъ христіанскую кровь, неоднократно во время польского управліенія были дѣланы на нихъ извѣты въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей; но производившіяся слѣдствія доносовъ сихъ не оправдывали. Бывшій король польскій Сигизмундъ Августъ, по таковымъ бездоказательнымъ извѣстамъ на евреевъ, грамотами своими 1564 г., августа 9-го и 1566 г., мая 20 дня, запретилъ обвинять евреевъ безъ всякаго основанія въ употребленіи христіанской крови, зная изъ священнаго писанія, что евреи въ оной не нуждаются. Въ послѣднее же время, именно въ 1763 году, марта 21 дня, папскій нунцій по дѣлу евреевъ писалъ: и въ недавнее время римскій престоль изслѣдоваль всѣ основанія, на которыхъ утверждается мнѣніе, что евреи имѣютъ надобность въ человѣческой крови для дѣланія своихъ опрѣсноковъ, но не нашелъ довольно ясныхъ доказательствъ, которыя достаточны были бы къ подтвержденію сего предразсудка противъ евреевъ, такъ, чтобы можно было, въ силу оныхъ, объявить ихъ виновными... и потому не призналъ правильнымъ въ подобныхъ объясненіяхъ утверждать на семъ основаніи сужденія.

„По поводу оказывающихъ и нынѣ въ пѣкоторыхъ, отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, яко-бы для той же надобности, его императорское величество, приемля во вниманіе, что таковые извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: объявить всѣмъ гг. управляющимъ губерніями монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что яко-бы они имѣютъ нужду въ христіанской крови; но если бы гдѣ случилось смертоубийство, и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія однако-жъ, что они сдѣлали сіе для получения христіанской крови, то было бы произво-

димо слѣдствіе на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнъ съ любыми вспыхъ прочихъ исповѣданій, которые уличились бы въ преступленіи дѣтоубийства“.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы изложеніе книга Голицына вполнѣ удовлетворило требованіямъ точнаго кодификаціоннаго стиля. Бумага его напоминаетъ мозаичный слѣпокъ изъ тѣхъ историческихъ актовъ, на которые онъ ссылается, и это подало поводъ нашимъ современнымъ приверженцамъ и распространителямъ легендъ утверждать, что указъ запрещаетъ только обвинять евреевъ въ ритуальныхъ убийствахъ безъ всякихъ къ тому основаній.

Объясненіе чрезвычайно характеристичное. Если бы это было такъ, то и это было бы очень выразительно: значить, судебнаго обвиненія евреевъ „безъ всякихъ къ тому оснований“ и съ нарушеніемъ элементарныхъ требованій правосудія составили такое широко распространенное и часто повторяющееся явленіе, что для борьбы съ ними приходилось издавать особыя высочайшія повелѣнія, буллы и эдикты, напоминающія, что нельзя казнить людей безъ всякихъ доказательствъ вини.

Фактически это близко къ истинѣ,—но все же достаточно внимательно прочесть циркуляръ кн. Голицына, чтобы понять его основную мысль. Прежде всего излагаемый имъ актъ верховной власти ставится въ прямую связь съ такими же грамотами папъ и польскихъ королей. На протяженіи всего текста мнѣніе объ употребленіи („яко-бы“) христіанской крови признается „предубѣжденіемъ“ и „предразсудкомъ“. Трижды указывается, что беспристрастныя слѣдствія этихъ обвиненій никогда не подтверждали, и, наконецъ, совершиенно опредѣленно ставится то же требование, которое взято польскими королями изъ статута Отточара II: запрещается обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Можно обвинять и наказывать только даннаго еврея и только установленнымъ въ законѣ для всѣхъ за данное преступленіе наказаніемъ (Отточаръ II). Обвиненія евреевъ должны производиться безъ предупрежденія, что они сдѣлали сіе для употребленія христіанской крови, наравнѣ съ людьми прочихъ исповѣданій (Александръ I).

Дальше я приведу авторитетныя квалификаціи высочайшаго повелѣнія 1817 года именно въ этомъ его значеніи. Здѣсь остановлюсь только на нѣкоторыхъ указаніяхъ, исходящихъ изъ лагеря горячихъ приверженцевъ „легенды“, которыхъ вносятъ въ мрачную тему легкій отблескъ непосредственнаго комизма.

Газета „Земщина“, органъ одного изъ самыхъ темныхъ черносотенныхъ толковъ, 26 юния текущаго года разослала своимъ немногочисленнымъ читателямъ и постаралась распространить широко за ихъ предѣлами длинный списокъ ритуальныхъ убийствъ, яко-бы совершенныхъ евреями въ теченіи вѣковъ. Это собраніе всѣхъ указаний и басенъ этого рода, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, безъ маѣщей поисытки критики и сопоставленія съ другими источниками, кромѣ ученыхъ трудовъ вродѣ книги пресловутаго и давно разоблаченаго Люстостанскаго. Нехитрая работа является, по словамъ газеты, результатомъ изысканій молодого ученаго, не пожелавшаго, къ сожалѣнію, обнаружить свое славное имя. Газета громко и многократно взываетъ къ противникамъ, чтобы они опровергли хоть одно (!) изъ этихъ указаний, самымъ забавнымъ образомъ не замѣчая, что такія опроверженія сдѣланы гораздо ранѣе, чѣмъ эти мрачныя исторіи попали въ кругъ научныхъ изысканій еи „ученаго друга“.

Одна изъ исторій, означенная въ списѣ номеромъ 18-мъ, гласить буквально:

„№ 18. Годъ 1236. Мѣсто убийства: Фульда (?). Жертвы: 5 мальчиковъ. Мальчики убиты для получения крови. Императоръ Фридрихъ II, сдѣлавъ дознаніе, „не нашель никакихъ точныхъ данныхъ“ объ употреблении крови. Получивъ отъ жидовъ крупную сумму, онъ усиокоилъ возникшее волненіе. Послѣ дополнительного сдѣствія (?) онъ, однако, по сообщенію лѣтописца, убѣдился въ вѣрности взвѣденныхъ на евреевъ обвиненій. Евреи казнены. Погромъ. Rupert. Павликівскій. Современный лѣтописецъ Альбертъ Страсбургскій“.

Читатель узнаетъ то самое дѣло, по поводу котораго блестящій Гогенштаufenъ созывалъ и князей, и прелатовъ, и аббатовъ, и благородныхъ рыцарей, слать посланства ко всемъ государямъ, прося прислать экспертовъ, и послѣ тщательнаго обсужденія гласно издалъ свой указъ: „Пусть знаютъ всѣ живущіе теперь и будущія поколѣнія“... И вотъ, достаточно противопоставить этому гласному широко-государственному акту авторитетъ г-па Павликонскаго, г-на Люстостанскаго и темнаго лѣтописца,— и концоѣть рѣшеніе. Знаменитый императоръ, придавший такой блескъ императорской коронѣ,—просто подкупленъ жидами, и легенда вновь годна къ употребленію. Подкуплены, точно какой-нибудь околоточный западнаго края,— и императоръ, и знатные чины, и князья, и прелаты, и папа Климентъ IV, тоже признавшій погромъ въ Фульда неправеднымъ убийствомъ невинныхъ, и

послѣдовавшій примѣру нашы Оттокарт, II богемскій... Всѣ подкуплены, и фульдскій погромъ обращается изъ опроверженія ритуальныхъ убийствъ, какимъ онъ гласно объявленъ къ свѣдѣнію всѣхъ живущихъ теперь и будущихъ поколѣній,—ъ доказательство существованія кроваваго ритуала...

Въ этомъ же ученомъ трудѣ подъ № 144 излагается эпизодъ, имѣвшиъ большое значеніе для исторіи вопроса въ Россіи. „Мѣсто дѣйствія—Гродно. Жертва: дѣвочка Маріанна Адамовичева... Слѣдствіе указало на евреевъ, но до окончанія его евреямъ удалось, выставивъ дѣло, какъ польскую противъ нихъ интригу..., исходатайствовать Высочайший указъ 28-го февраля 1817 года (6 марта) „о запрещеніи обвинять евреевъ по предразсудку въ подобныхъ преступленіяхъ“.

Такъ просто объяснено происхожденіе указа императора Александра I. А вотъ и случай яко-бы судебнаго истолкованія.

„№ 152. Мѣсто дѣйствія—Минская губернія. „Еврей Орко купилъ у матери дѣвочку 12 лѣтъ, нанесъ ей рану въ високъ, изъ которой выпустилъ кровь (замѣчательный пріемъ для обезкровленія тѣла. В. К.). Фактъ былъ констатированъ. Еврей Орко осужденъ судомъ за убийство, но не присужденъ къ наказанію въ виду запрещенія Высоч. указомъ 1817 года поднимать подобныя дѣла“ (ссылка на высокій авторитетъ Лютостанскаго!).

Итакъ: не смотря на запрещеніе „поднимать“ такія дѣла,— дѣло всетаки было поднято. Когда же „по доказательствамъ, до самаго происшествія относящимся“, убийство установлено, то виновный отпущенъ съ миромъ!

Нужно ли опровергать это наивное бормотаніе нашихъ *obscurogum virorum* (темныхъ людей). Впрочемъ, „Новое Время“ иронически приписываетъ стремленіе къ такому именно истолкованію закона ученымъ и писателямъ лѣваго лагеря, а также депутатамъ, подписавшимъ возваніе.

Междудѣмъ, смысль всѣхъ актовъ этого рода совершенно ясенъ:

Когда возникаетъ обвиненіе въ убийствѣ,— оно касается даннаго отдельного лица и его прямыхъ сообщниковъ. Оно индивидуально.

Совершенно другое—въ случаихъ, когда убийству придается ритуальный характеръ. Здѣсь за индивидуальнымъ убийцей всегда предполагаются его моральные сообщники и подстрекатели, для которыхъ это дѣлается. Обвиненіе страшно расширяетъ свои предѣлы, захватывая цѣлое племя или значительную часть его, исповѣдующую данное вѣроученіе. Вотъ

это второе обвинение, коллективное, массовое, племенное, въроисповѣдное, и объявлялось такъ уже много разъ вреднымъ предразсудкомъ, который будить дурныхъ и темныхъ страсти и мѣшаетъ настоящему правосудію раскрыть истину. Нельзя, конечно, предвидѣть, какія еще формы въ будущемъ могутъ принимать индивидуальныя извращенія и проявленія злой воли среди евреевъ, какъ и среди другихъ націй. Область такихъ проявленій безконечна; безчисленное множество индивидуальныхъ преступленій дремлютъ еще въ видѣ мрачныхъ возможностей въ нѣдрахъ будущаго, и множество преступниковъ еще не родились на свѣтѣ. Но есть одинъ подсудимый, который родился давно, котораго много разъ обвиняли и котораго давно реабилитировала исторія. Этотъ подсудимый — еврейскій народъ, обвиняемый въ употреблении христіанской крови. Движенія индивидуальной воли предумѣтствіе этимъ вѣрованіямъ того или другого вѣроисповѣднаго явленія, достовѣрность постоянно возникающей и столько разъ опровергнутой легенды, — все это вопросы широкаго значенія, поддающіеся точному изслѣдованию, не нуждающіеся все въ новой и новой постановкѣ. Исторія сотнями авторитетныхъ голосовъ уже произвела это изслѣдованіе, и еврейскій народъ ею оправданъ.

Вотъ то значеніе, которое имѣли папскія буллы и королевскіе указы. Это и только это имѣль въ виду и Высочайший актъ 6-го марта 1817 года, повелѣвавшій судить индивидуальныя преступленія евреевъ, не привлекая каждый разъ на скамью подсудимыхъ цѣлое племя.

II.

Этотъ указъ былъ нарушенъ въ царствованіе того же государя въ знаменательномъ Велижскомъ дѣлѣ, которое исторія занесетъ на свои страницы, какъ примѣръ наиболѣе яркаго проявленія мрачнаго предразсудка въ новые времена и наиболѣе осознательнаго его опроверженія.

Я не стану воспроизводить всѣхъ подробностей этого дѣла, отсылая читателя къ печатнымъ источникамъ *), и ограничившись наиболѣе характерными чертами.

22-го апреля 1822 года, въ первый день христіанской

*) „Архивъ графовъ Мордвиновыхъ“ съ предисловіемъ и примѣчаніями В. А. Бицѣбасова, т. VIII, стр. 407—497, и брошюра Ю. И. Гессена: „Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма“. Спб. 1905 г. Я имѣлъ случай въ самое посѣднее время видѣть также подписанное дѣло въ Архивѣ Государственнаго Собрѣ.

Пасхи, ушелъ изъ дома и не возвратился малолѣтній сынъ солдата Емельянова, Осдорп Емельяновъ. 2-го мая тѣло его было найдено за городомъ на кочкѣ со слѣдами задушенія и мучительныхъ истязаній.

Этому событию предшествовало слѣдующее сверхъестественное явленіе: 12-лѣтняя дѣвочка Еремѣева, прослывшая въ простомъ народѣ предсказательницею, за мѣсяцъ до похищенія мальчика Емельянова разгласила, что въ ночь на Благовѣщеніе она видѣла, во снѣ ли или въ безпамятствѣ, или въ иномъ какомъ-либо представлении, того не знаетъ, старика въ священнической епитрахили, ведущаго за руку въ стихарѣ архистратига Михаила, который водилъ ее по разнымъ мѣстамъ. Въ семь путешествіи увидѣла она младенца, на котораго изъ цвѣтовъ шипѣла змѣя; на вопросъ о немъ Еремѣевой старикъ сказалъ, что онъ назначенъ страшальцемъ Господнимъ въ гор. Великѣ. Въ другой разъ, уже въ ночь на 22 апрѣля, тотъ же старикъ опять явился къ Еремѣевой, вывелъ ее за руку къ воротамъ и, показывая рукой на Великѣ, надъ которымъ, будто отъ пожара, разливалось пламя, повторилъ предсказаніе и указалъ даже домъ, гдѣ должно произойти убийство.

Предсказаніе сбылось: мальчикъ пропалъ безъ вѣсти въ первый день Пасхи. „На другой день послѣ сего происшествія крестьянка Терентьевы, женщина, неизвѣстная родителямъ похищенаго мальчика, явилась къ нимъ въ домъ и посредствомъ ворожбы обнаружила мѣсто укрывательства ихъ сына, указавъ прямо на домъ еврейки Мирки, на рыночной площади. На слѣдующіе дни Еремѣева и Терентьевы согласно объясняли опасное положеніе мальчика въ мѣстѣ его заключенія и упрекали родителей въ равнодушіи къ судьбѣ ихъ сына“.

Впослѣдствіи департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственного Совѣта посмотрѣлъ на это „чудо“ очень прозаически и съ большой трезвостью.

„Таковыя явленія, — говорится въ заключеніи департамента, — (велижская слѣдственная) комиссія, поставивъ въ заглавіе своихъ общихъ доказательствъ, для вицшаго убѣжденія указуетъ на день Благовѣщенія. Но департаментъ усматриваетъ, что обстоятельства сіи ясно обнаруживаются замыслѣ обвиненія евреевъ, заблаговременно обдуманный. Ибо, если бы Терентьевы... имѣла чистое намѣреніе обнаружить угрожавшихъ ему (мальчику) убійцъ, то она должна была, не теряя времени въ бесполезныхъ разглашеніяхъ, объявить о семъ правительству. Самая дѣвочка Еремѣева, по возрасту

своему не долженствовавшага бы участвовать въ семь замыслѣ, употреблена въ ономъ для вѣрильшаго усиѣха, какъ извѣстная въ народѣ предсказательница. Близкія сношенія ея съ Терентьевою, несмотря на взаимнаго отрицанія, не подлежать сомнѣнію” *).

По мнѣнію департамента, если бы слѣдственная власти обратили должное вниманіе на этихъ лицъ, знатившихъ заранѣе (почти) за мѣсяцъ (!) о предстоящемъ преступленіи и производившихъ объ этомъ „разглашенія“ въ народѣ, если бы они постарались сразу же обнаружить и ихъ виновителей, то это могло бы повести къ раскрытию важныхъ обстоятельствъ и, вѣроятно, обнаружило бы настоящихъ преступниковъ. Но и слѣдственная комиссія, и затѣмъ, особенно, генераль-губернаторъ Хованскій принялъ разглашенія Терентьевой и Еремѣевой за настоящее чудо, и этотъ элементъ чудеснаго Хованскаго проводить черезъ все дѣло, примѣшивая его къ виновнѣстямъ уличенныхъ виослѣдствіи лжесвидѣтелей. Терентьева и Еремѣева много разъ мѣнили свои показанія, но и это не лишило ихъ довѣрія въ глазахъ властей. Изслѣданіе сразу же направилось въ одну сторону, поддержаною мрачнымъ предубѣжденіемъ и „сильной рукой“ Хованскаго.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилия, установить виновность евреевъ „по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся“, не удавалось, и дѣло въ первой инстанціи было прекращено.

Г. Замысловскій, одинъ изъ защитниковъ въ Государственной Думѣ запроса по дѣлу Юцинского, пытался использовать также и Великое дѣло въ цѣляхъ оживленія старого суетѣрія. По его словамъ, конечно, мѣстныя власти были подкуплены, „и настоящее разслѣдованіе началось только тогда, когда, спустя значительное время послѣ преступленія, Государь Императоръ проѣзжалъ черезъ Велижъ и христіанская женщины успѣли подать ему члобитную... И вотъ тогда началось разслѣдованіе въ настоящемъ масштабѣ“ **).

Фактически это отчасти вѣрно. Дѣйствительно, послѣ проѣзда Государя дѣло получило направленіе въ исключительномъ порядке, велось не „наравнѣ съ людьми всѣхъ прочихъ исповѣданій, которые уличались бы въ преступленіи дѣтоубийства“, а съ допущеніемъ предубѣжденія,— „что они сдѣлали сіе для получения христіанской крови“.

*) „Архивъ гр. Мордвиновыхъ“, т. VIII, стр. 479—480. Подлинное дѣло Архива Госуд. Совѣта, кн. 127. г. 1834, л. д. 252—3—4.

**) Стеногр. отчетъ Госуд. Думы III созыва, Сессія V, засѣд. XVII, стр. 1436.

Г. Замысловский, имѣющій доступъ къ подлиннымъ дѣламъ Архива Государственнаго Совета, не пожелалъ только ознакомить членовъ „высокаго собранія“ съ двумя очень, однако, интересными черточками этого эпизода. Прежде всего — въ качествѣ матери, умоляющей государя о правосудіи, выступила... все та же крестьянка Терентьева, которая, „дабы достичнуть возобновленія дѣла, судебнымъ порядкомъ уже законченного, по коему евреи были оправданы, — должно приняла на себя имя матери убитаго солдатскаго сына“ *). Эта „облыжная“ мать и стала опять центромъ обвиненія. Это была „женщина, преданная пьянству“. Съ нею шли обѣ руки „Максимова, тоже поведенія нетрезваго, и шляхтянка Козловская, евреямъ мало извѣстная“ **). Для Государственнаго Совета представлялось несомнѣннымъ, что онъ дѣйствовали не по собственному почину: „обвиненіе евреевъ въ ужасныхъ преступленіяхъ имѣло источникомъ злобу и предубѣждѣніе и было ведено подъ какимъ-то сильнымъ вліяніемъ, во всѣхъ движеніяхъ дѣла обнаруживающимся“ ***).

Г. Замысловский не пожелалъ также подѣлиться съ депутатами своими свѣдѣніями о томъ, какие результаты дало это „настоящее разслѣдованіе“, возобновленіе въ исключительномъ порядке.

Между тѣмъ, они-то и интересны для занимающаго насъ вопроса.

Дѣло велось 8 лѣтъ. Изъ одного обвиненія выросло семь. Сорокъ два человѣка томились въ тюрьмахъ подъ тяжестью ужаснаго извѣста, который распространился на всѣхъ евреевъ, вызывавъ волненіе среди христіанъ и тревогу въ еврейскихъ массахъ всего западнаго края. Весь слѣдственный матеріалъ переданъ затѣмъ для сужденія въ сенатъ, судившій евреевъ заочно, безъ выслушанія ихъ возраженій. Тутъ онъ вызвалъ недоумѣніе и колебаніе. Сенатъ уже склонялся къ осужденію, когда гр. В. Н. Панинъ, подвергшій этотъ матеріалъ тщательному анализу, — внесъ докладъ, который опять поколебалъ увѣренность значительнаго числа сенаторовъ въ виновности евреевъ... И, наконецъ, дѣло поступило для окончательнаго рѣшенія въ Государственный Советъ.

Здѣсь оно попало въ руки знаменитаго адмирала Мордвинова.

*) „Архивъ гр. Мордв.“, т. VIII, стр. 481. Подписанное дѣло, № 127, стр. 256 (обор.).

**) Л. дѣла 256, об.

***) Архивъ, т. VIII, стр. 191. Листъ подъ дѣла 274.

„Русский лордъ“, истый дворянинъ, даже, пожалуй, крѣпостникъ по убѣждениемъ, въ то же время приверженецъ идей Бентама, блестяще образованный, смѣлый, умный, независимый, всегда стоявший на стражѣ закона,—онъ въ свое время вызывать удивленіе въ образованномъ русскомъ обществѣ. Современный поэтъ въ одѣ, посвященной Мордвинову, говорилъ:

Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей
Въ совѣтѣ бодрствууетъ Мордвиновъ...

Панинъ въ сенатѣ, Мордвиновъ въ Государственномъ Собрѣ,—это значило, что противъ темнаго суевѣрія встали два государственныхъ человѣка совершенно различнаго, даже противоположнаго типа.

Мордвиновъ явился докладчикомъ, и ему не стоило много труда — вскрыть истинную подкладку инквизиціоннаго процесса. Превосходнымъ языкомъ, точнымъ, яснымъ и сильнымъ, онъ излагаетъ ходъ всего дѣла, разбирая всѣ улики съ точки зрѣнія закона и здраваго смысла.

Перечисливъ нѣкоторые историческіе акты, которые мы приводили выше, и указавъ, что „римскій престолъ, изслѣдовавшій уже всѣ основанія, на коихъ утверждается сіе мнѣніе (о ритуальныхъ убийствахъ), въ 1763 году торжественно призналъ обвиненіе евреевъ несправедливымъ слѣдствіемъ одного предубѣжденія“, — протоколъ гражданскаго департамента продолжается: *въ семъ же духѣ дѣйствовало и российское правительство въ 1817 году* (следуетъ цитата изъ Высочайшаго повелѣнія Александра I). Затѣмъ приводятся нѣкоторыя возникавшія до того времени дѣла и доказывается неосновательность обвиненій. Гражданскій департаментъ единогласно принялъ слѣдующее мнѣніе:

1) По внимательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ многосложнаго и запутаннаго велижскаго дѣла, гражданскій департаментъ находитъ, что показанія доказчицъ Терентьевой, Максимовой и Козловской, наполненные противорѣчіями, вымыслами и несообразностями съ обстоятельствами дѣла и съ здравымъ смысломъ, не могутъ быть приняты судебнѣмъ доказательствомъ... и что вообще мнѣніе объ употребленіи евреями христіанской крови есть слѣдъ одного предубѣжденія, и древними, и новѣйшими фактами опровергнутаго. Въ семъ убѣжденіи гражданскій департаментъ полагаетъ:

- 1) Евреевъ подсудимыхъ... какъ ничѣмъ не уличенныхъ немедленно освободить.
  - 2) Запечатанныя еврейскія школы (синагоги) въ Велижѣ открыть, дозволивъ въ оныхъ служеніе.
  - 3) Участъ означенныхъ подсудимыхъ, претерпѣвшихъ тюремное заключеніе въ продолженіи 8 лѣтъ... подвергнуть монаршему воззрѣнію съ тѣмъ, что не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству въ вознагражденіе освободить ихъ на 8 лѣтъ отъ платежа казенныхъ повинностей.
  - 4) Крестьянку Терентьеву, солдатку Максимову и пляхтинку Козловскую, хотя и слѣдовало бы за недоказанный доносъ и за должно принятое на себя участіе въ важныхъ преступленіяхъ, наказавъ первыхъ двухъ кнутомъ, а послѣднюю лишениемъ пляхтетства, сослать всѣхъ въ Сибирь, въ каторжную работу, но по уваженію, что онъ вовлечены въ сіи дѣйствія, какъ по всѣмъ соображеніямъ заключить должно, — постороннимъ вліяніемъ... — сослать всѣхъ въ Сибирь на поселеніе.
  - 5) Крестьянскую дѣвку Еремѣеву, сильно подозрѣваемую въ тайныхъ сношеніяхъ съ Терентьевой и Максимовой и при томъ разглашавшую себя въ простомъ народѣ предсказательницей,—по уваженію, что она въ поступки сіи вовлечена во время малолѣтства,—сослать въ монастырь на исправленіе.
  - 6) Крестьянокъ Меланію Желнову и солдатку Агафью Демидову, какъ ни въ чемъ неповинныхъ, освободить.
  - И наконецъ:
  - 7) Дабы положить конецъ предубѣжденію объ употребленіи евреями христіанской крови... и отвратить возрожденіе дѣтъ, подобныхъ велижскому производству,—новсемѣстно подтвердить, чтобы Высочайшее повелѣніе... отъ 6 марта 1817 года исполнено было во всей силѣ.
- Общее собраніе согласилось въ принципѣ съ гражданскимъ департаментомъ, что „сіе мрачное и чуждое понятіямъ нашего вѣка предубѣжденіе“... „не доказано достовѣрными событиями, ни подтверждено когда-либо судебнымъ слѣдствиемъ въ строгомъ юридическомъ смыслѣ“ *) и приняло всѣ заключительные пункты, предложенные департаментомъ (за исключеніемъ освобожденія потерпѣвшихъ отъ податей). Но на Высочайшее утвержденіе эти пункты были внесены не въ одинъ приемъ. 18 января 1836 г. императоръ утвердилъ резолюцію объ освобожденіи оправданныхъ евреевъ, а также

*) Листъ № 237.

Нельновой и Демидовой... и о ссылкѣ въ Сибирь лжесвидѣтельницѣ. Затѣмъ повелѣно открыть еврейскія синагоги въ гор. Великѣ.

Но съ мнѣніемъ о необходимости подтвердить Высочайшее повелѣніе отъ 6 марта 1817 г. Николай Павловичъ не согласился, сославшись на отсутствіе у него „внутренняго убѣжденія, чтобы убийство евреями произведено не было“... „Не думая отнюдь,—заключаетъ Государь свою отмѣтку,—чтобы обычай сей могъ быть общимъ евреямъ, не отвергаю, чтобы среди ихъ не могли быть столь же ужасные суевѣры, какъ и между нась, христіанъ“.

Дѣйствіе указа отъ 6 марта 1817 года фактически прекратилось...

III.

Нужно ли возобновлять его, и можно ли такимъ способомъ бороться съ вреднымъ „предубѣжденіемъ“?

Десятки папскихъ булль... одиннадцать королевскихъ указовъ... Уже самая необходимость этихъ повтореній показываетъ ясно, что указы этого рода дѣйствовали слабо. Одинъ король издастъ эдиктъ, другой терпитъ его нарушеніе. А у насъ тотъ самый императоръ, который, послѣ разслѣдованія возмутительного дѣла, издаетъ запретительное повелѣніе,—самъ направляетъ новое дѣло исключительнымъ порядкомъ, подъ впечатлѣніемъ комедіи съ подставной матерью и мистического зарева, облекающаго возникновеніе дѣла.

Съ того дня, какъ крестьянская дѣвка Еремѣева предсказала въ гор. Великѣ предстоящее убийство несчастнаго мальчика Емельянова и какъ онъ затѣмъ былъ дѣйствительно найденъ въ окрестностяхъ города задушеннымъ и исколотымъ,—прошло почти цѣлое столѣтіе.

И вотъ въ Киевѣ, на окраинѣ города, у какой-то пещеры находятъ оную тѣло мальчика Ющинского. И опять колективный обвиняемый, еврейскій народъ, призывается къ отвѣту вмѣстѣ съ арестованымъ по этому дѣлу Бейлисомъ.

Нападая на подписавшихъ „воззваніе“, „Новое Время“, всегда усердно распространявшее старую ритуальную легенду, говоритъ между прочимъ:

„Самое вѣское слово скажетъ судь, и не надо мышать ему ни погромщикамъ, ни еврейскимъ и еврействующимъ публикамъ лѣвой печати“.

Такъ ли это?

Газета г-на Суворина хорошо знаетъ, что это не такъ. Отрицательный вердиктъ суда всегда имѣеть значеніе только ограниченное: такие-то велижские евреи не виновны... Или: Бейлисъ не виновенъ... А легенда продолжаетъ существовать, питаясь нерѣдко даже тѣми дѣлами, по которымъ послѣдовало судебное опроверженіе.

И вообще, „ждутъ ли спокойно“ судебнаго рѣшенія само „Новое Время“ и его союзники? Ждалъ ли его г. Меньшиковъ, когда усердно печаталъ въ газетѣ фантастической измышленія г-на Савенки о мнимыхъ результатахъ кievскаго слѣдствія?

Нѣтъ, они этого не ждали. Они никогда не ждутъ приговоръ суда и всегда торопятся поскорѣе использовать темную молву въ цѣляхъ самой низменной агитации, — подхватывая въ толпѣ дикие слухи и швыряя ихъ оцѣнить въ ту же толпу раздутыми, преувеличенными, подкрѣплennыми авторитетомъ печатного слова... Темные слухи питають газетную агитацию. Газета питаетъ темное волненіе толпы.

Такъ бывало ужে много разъ. По поводу памятнаго убийства мальчика въ Дубоссарахъ, Крущевановская газета въ теченіи цѣлыхъ недѣль передъ Пасхой развертывала передъ населеніемъ ужасающую подробности истязаній несчастнаго мальчика цѣлой толпой изувѣровъ-евреевъ.

Все это тоже выдавалось за результаты слѣдствія, и все это была самая гнусная и вполнѣ сознательная ложь отъ начала и до конца. Судъ впослѣдствіи опровергъ эти выдумки... Да! Но между появлениемъ агитационной лжи и судебнымъ рѣшеніемъ легла кровавая кишиневская Пасха, полная ужасовъ, крови и позора.

„Новому Времени“ и это должно быть хорошо известно, такъ какъ и оно, не „ожидалъ спокойно“ судебнаго приговора, торопливо печатало на своихъ страницахъ телеграммы, корреспонденціи и замѣтки изъ Кишинева, полныя кровавыхъ выдумокъ.

Ждутъ ли и теперь „спокойно“ судебнаго рѣшенія по дѣлу Бейлиса приверженцы и распространители легенды?

Черносотенная пресса кипѣтъ погромной агитацией. Лѣтомъ, какъ писали въ газетахъ, — изъ разныхъ мѣстъ Петербургской губ. стали приходить сообщенія о появленіи какого-то таинственного автомобиля. Огромный, окрашенный въ коричневый цветъ, онъ наводилъ страхъ на сельскихъ обывателей. З юля, задрапированный какой-то матеріей, онъ промчался съ страшной силой по улицамъ Луги, и всюду съ автомобили разбрасывались листки объ „іудейскихъ звѣрствахъ“... Въ

Киевъ чёрносотенное общество „Двуглавый Орелъ“ распространяло листокъ, призывающій къ погромамъ. Студентъ Голубевъ, видный членъ кіевскаго союза русскаго народа,— издалъ брошюру „Отрокъ-мученикъ Андрей Ющинскій“, и, наконецъ, агитаторы попытались объявить сборъ на храмъ, посвященный памяти „отрока-мученика, евреями убіеннаго“... Если бы это удалось, то даже церковь они превратили бы въ очагъ темной ненависти и погромныхъ страстей. Въ газетахъ было сообщено удивительное извѣстіе, будто губернаторъ Гирсь созывалъ къ себѣ представителей кіевскихъ монархическихъ организацій и любезно знакомилъ ихъ съ ходомъ предварительного слѣдствія, которое должно храниться въ тайнѣ по закону. Извѣстіе это было съ явнымъ удовольствіемъ сообщено „Новымъ Временемъ“... Г. губернаторъ, вѣроятно, упустилъ изъ виду, что послѣ такой любезности,— всѣ заявленія, исходящія отъ его собесѣдниковъ, пріобрѣтаютъ характеръ нѣкоторой оффіціозности.

Наконецъ, агитация всползла на каѳедру Государственной Думы. За подписью многихъ правыхъ депутатовъ внесенъ запросъ, въ которомъ доказывается существование „обрядового употребленія крови“. По содержанію это заявленіе сильно напоминаетъ работу „молодого ученаго“ изъ „Землины“ и листки, разбросанные таинственнымъ автомобилемъ. Достоинство сообщаемыхъ въ запросѣ историческихъ материаловъ и добросовѣтность составителей достаточно характеризуются слѣдующимъ небольшимъ эпизодомъ. Велижское дѣло изображается въ запросѣ признаннымъ ритуальнымъ убийствомъ, „совершеннымъ изъ религиознаго изувѣрства“, чего (яко-бы) „не отвергалъ и Государственный Совѣтъ, куда это дѣло восходило для окончательнаго рѣшенія“ (!!).

Такъ свободно гг. интерpellанты обобщили приведенное нами судебное рѣшеніе высшаго въ государствѣ учрежденія... А г. Замысловскій заявляетъ, не обинуясь, что со времени проѣзда черезъ Велижъ государя Александра I-го „разслѣданіе началось въ настоящемъ масштабѣ“, т.-е. раскрыло ритуальное убийство. И, наконецъ, г. Марковъ II оглашаетъ залъ россійского представительного собранія поистинѣ звѣриннымъ рыканіемъ. Онъ рисуетъ передъ депутатами лубочную картину „играющихъ въ садикѣ дѣтей“, къ которымъ (среди бѣлага дня!) „подкрадывается жидовскій рѣзникъ съ длиннымъ кривымъ ножомъ и, похитивъ рѣзвящагося на солнышкѣ ребенка,—тащить къ себѣ въ подвалъ“. Это аляповато и экстременно глупо: лѣвые депутаты хотели... Тогда ораторъ сталъ грозить погромомъ... „И это будетъ не погромъ еврей-

скихъ перинъ, а всѣхъ евреевъ начисто перебываютъ!“ — восклицаетъ онъ съ тѣмъ же грубымъ паѳосомъ *).

Судъ! .

Да, судъ одинъ изъ лучшихъ остатковъ эпохи реформъ и, можетъ быть, дольше, чѣмъ на всѣхъ другихъ учрежденіяхъ, на немъ еще свѣтились отблески этой прогрессивной эпохи... Это были своего рода лучи заката на горныхъ вершинахъ, когда низы жизни затягивались уже густыми сумерками реакціи. Но со временемъ нашей „конституції“ и эти отблески значительно померкли. Сначала, въ самыхъ низахъ жизни институтъ земскихъ начальниковъ поглотилъ мировую юстицію. Потомъ рядомъ „новелль“ ослаблялась независимость судейской совѣсти и, наконецъ, туманы реакціи стали заволакивать верховно-судебное учрежденіе—сенатъ.

Нельзя сомнѣваться, что и теперь еще есть много судей, помнятъшихъ лучшія традиціи, но все же въ правосудіи пробиты значительныя бреши. И средневѣковое суевѣре, со всѣми приемами инквизиціоннаго процесса, возвращается все сильнѣе.

Вотъ настоящая атмосфера для дикаго и вреднаго „предубѣжденія“, которому, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, высказанному 90 лѣтъ назадъ, „при настоящемъ состояніи просвѣщенія не должноствовало бы входить въ кругъ судебнаго разсмотрѣнія“.

Правые депутаты мотивируютъ свой второй запросъ не-законными арестами, которые производила въ связи съ дѣломъ Ющинского полиція разныхъ родовъ и ранговъ. Если бы это не служило только предлогомъ для мрачной агитации,—этому можно было бы сочувствовать. Дѣйствительно, надъ тѣломъ несчастнаго загубленнаго мальчика сразу же водворилась какая-то оргія полицейскаго беззаконія. Роль слѣдователя, котораго законъ предполагаетъ независимымъ руководителемъ слѣдствія, совершенно стушевалась: одинъ сыскной приставъ составилъ себѣ одну „теорію“, — и онъ свободно хватаетъ, кого считаетъ нужнымъ. Другой держится другого мнѣнія,—и не менѣе свободно арестуетъ родителей убитаго. Полковникъ Кулябко направляетъ свои проницательные взглѣды на Бейлиса,—и тотчасъ же арестуетъ Бейлиса...

Недавно въ гор. Таращѣ, Киевской губерніи, тоже былъ созданъ своеобразный „ритуальный процессъ“. Присяжные, среди которыхъ было 11 мужиковъ, послѣ 2-хъ-минутнаго

*) См. стенogr. отчеты Госуд. Думы. Сессия IV, засѣд. 29 апр., стр. 3114 и 3146, Сессия V, 7 ноября 1911 г., стр. 1436.

совѣщанія оправдали обвинявшуюся еврейку Хану Спекторъ. Оказалось, по словамъ газетъ, что слѣдователь не видѣлъ никакихъ оснований для возбужденія мрачно щутовскаго обвиненія, возникшаго изъ-за сплетенія о двухъ гусахъ, но долженъ былъ подчиниться прямому предписанию прокурора... И когда постановленіе о преданіи суду состоялось, газеты известнаго лагеря трубили о новомъ „доказательствѣ“ еврейскаго изувѣрства. Когда же мужики-присяжные дали урокъ прокуратурѣ, тѣ же газеты не обмолвились объ оправдательномъ приговорѣ ни словомъ.

Они использовали только досудебную почву, созданную давленіемъ прокуратуры на совѣсть слѣдователя...

Да, нужны, конечно, не зацрещенія „поднимать такія дѣла“. Нуженъ только настоящій судъ, равный для всѣхъ, не взирающій ни на лица, ни на національности. Нужно, чтобы разслѣдованіе производилось „по доказательствамъ, къ самому дѣлу относящимся“, и равно для людей всѣхъ исповѣданій...

Только тогда разсѣются эти средневѣковые туманы, и правосудіе не будетъ орудіемъ колдовскихъ шабашей и мрачныхъ средневѣковыхъ сказокъ.

1909 г.

О. погромныхъ дѣлахъ.

(ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ СОБРАНІЮ РѢЧЕЙ ПО ДѢЛАМЪ О ЕВРЕЙСКИХЪ ПОГРОМАХЪ).

Картина, которая въ разнообразныхъ подробностяхъ развертывается передъ читателемъ въ этой книгѣ,—чрезвычайно характерна и поучительна. Вдуматься въ нее необходимо всякому, кто любить родину и интересуется ея судьбами. Понять ее—значить понять очень многое въ наши знаменательные дни, когда русская жизнь стоитъ передъ обновлениемъ.

Залъ суда... Просторный, высокій и свѣтлый, или наоборотъ, тѣсный и затхлый, смотря по мѣсту дѣйствія и обстоятельствамъ. За столомъ, на которомъ стоитъ зерцало съ квинтъ-эссенціей закона, какъ его понималъ великий преобразователь Россіи,—сидятъ суды. Въ восемидесятыхъ годахъ—это были члены окружныхъ судовъ съ присяжными засѣдателями или военные суды въ эполетахъ; въ послѣдніе годы—это члены особыхъ присутствій судебныхъ палатъ съ сословными представителями или, наконецъ, гг. сенаторы, разматривающіе дѣла въ послѣдней инстанціи...

Направо отъ судейского стола—обвинитель. Налѣво, за рѣшеткой, окруженнай стражей—толпа обвиняемыхъ, толпа разнообразная, разносословная, разночинная и разнолицая. Всѣ эти люди обвишаются въ грабежахъ, въ уничтоженіи чужого имущества, въ насилияхъ или въ убийствахъ, мрачная жестокость которыхъ почти заставляетъ терять вѣру въ человѣческую природу.

Рядомъ съ ними—защитники, назначенные отъ суда или выступающіе по добровольному соглашенію съ подсудимыми. Ряды этой защиты далеко не однообразны и не солидарны. Здѣсь есть люди, скромно и честно исполняющіе свою задачу, старающіеся облегчить участъ подсудимыхъ, но воздерживающіеся отъ изъявленія сочувствія ихъ ужасному дѣлу, а порой рѣзко отгораживающіеся отъ подозрѣнія въ такомъ

сочувствии. Ряды эти не блещут крупными именами, стяжавшими известность въ погромныхъ дѣлѣ, но порой на этой скамье являются всетаки и болѣе характерныя, рѣзко окрашенныя фигуры, вродѣ г. Булацеля, г. Шмакова и др. Тогда отсутствіе солидарности въ рядахъ защиты доходитъ порой (какъ въ дѣлѣ о симферопольскомъ погромѣ) до того, что защитники по назначению „одинъ за другимъ просить судъ о сложеніи съ нихъ обязанностей, такъ какъ точки зрения у нихъ съ г. Булацелемъ будуть различныя“ (а въ одномъ случаѣ отъ услугъ г. Булацеля отказывается даже подсудимый). Иногда эта скамья гремитъ рѣчами, не чуждыми темперамента и своеобразного паѳоса. Ненависть къ освободительному движенію, тяготѣніе къ „вѣковымъ устоямъ“ и реакціи—таковы черты „идеологии“, которой проникнуты рѣчи наиболѣе яркихъ защитниковъ. Надѣй ихъ скамьей вѣеть порой мало скрываемыя сочувствіемъ не только къ положенію подсудимыхъ, но нерѣдко и къ ихъ дѣлу.

Особое мѣсто занимаетъ многочисленная группа адвокатовъ, представителей потерпѣвшихъ. Эта группа состоять изъ евреевъ и русскихъ. Достаточно назвать имена П. А. Андреевскаго, А. С. Заруднаго, Н. П. Карабчевскаго, Н. К. Муравьеваго, Н. Д. Соколова, кн. А. И. Урусова, М. М. Винавера, О. О. Груzenberга, Л. А. Куперника и др., чтобы увидѣть, на какой сторонѣ стоять въ этихъ процессахъ лучшія силы русской адвокатуры... Разнородная понациональному составу, эта группа объединена полной солидарностью во взглядахъ на свои задачи. Отвращеніе къ национальной травле, принципіальная защита равноправности, снисхожденіе къ статистамъ погромныхъ трагедій, т. е. къ „погромной толпѣ“ и нескрываемое сочувствіе къ общимъ тенденціямъ освободительного движения—таковы характерныя черты, объединяющія эту группу, гдѣ бы она ни выступала въ лицѣ наиболѣе известныхъ или самыхъ скромныхъ своихъ представителей.

Эта книга не есть полная исторія погромовъ, хотя бы только тѣхъ, которые въ ней пройдутъ передъ глазами читателей. Здѣсь неѣть ни обвинительныхъ актовъ, ни подробныхъ судебныхъ отчетовъ. Исторія однихъ послѣднихъ лѣть такъ богата этими позорными вспышками вѣковой тьмы и звѣрства, что для подробнаго свода хотя бы сухихъ отчетовъ понадобились бы цѣлые фоліанты. Въ настолицеѣ книгѣ читателю предлагаются только „рѣчи“ съ самыми краткими изложеніемъ поводовъ для ихъ произнесенія. Такимъ образомъ читатель какъ бы приглашается въ изображенномъ выше судебномъ ансамблѣ занять мѣсто на скамьѣ гражданскихъ

истцовъ, съ этого пункта рассматривать все происходящее и вмѣстѣ съ представителями потерпѣвшей отъ погромовъ стороны переживатъ разные эпизоды судебнай драмы.

Это, быть можетъ, односторонне. Но самая дѣла такъ ярки, смыслъ ихъ таѣь элементарно простъ и ясенъ, что сколько нибудь безпристрастному и неослѣпленному человѣконенавистничествомъ читателю едва ли грозить опасность заблудиться. Хотя въ этой книжѣ почти однѣ только рѣчи,—но и въ нихъ ясно отразились черты ужасающей погромной трагедіи. Тѣхъ ключковъ, которые попадутъ въ наше поле зрѣнія, совершенно достаточно, чтобы оцѣнить ея внутреннее значеніе и ея характеръ. Но, быть можетъ, главное значеніе книги—въ ясной постановкѣ принципіальныхъ началь нрава и закона, которыхъ выставляются лучшими представителями русской адвокатуры навстрѣчу кликамъ человѣконенавистничества, племенной вражды и одичания.

Бросимъ же съ этой скамы, на которой сидятъ „представители потерпѣвшей стороны“, общий взглядъ на эпопею погромныхъ дѣлъ и борьбы за попираемое право.

Первое мѣсто въ панорамѣ принадлежитъ, конечно, подсудимымъ, такъ какъ именно для нихъ создана эта судебная рамка.

Что же это за люди, обвиняемые въ томъ, что они нападали на соѣдей, громили ихъ имущество, грабили и убивали?

Въ очень многихъ погромахъ ясно сказывается работа самыхъ нижнихъ слоевъ городского общества, его подонковъ, озлобленныхъ, извращенныхъ и почти нечеловѣчески жестокихъ. Отчего бы ни происходило ихъ хроническое и часто безпредметное озлобление и чѣмъ бы оно ни объяснялось, —легко представить себѣ, что вполнѣ сформировавшійся и прочно отложившійся „на днѣ“ городской жизни,—это типъ, неспособный внушить симпатіи. „Меркурія и его пріятеля Максима всѣ боятся въ мѣстечкѣ (и не въ погромное время),—говорить кн. А. И. Урусовъ (погромъ въ мѣстечкѣ Оки).—Одинъ крикъ: Меркурій и Максимъ дѣйствуютъ — вызываетъ ужасъ“. Что же сказать, когда эти Меркуріи и Максимы безпрепятственно кидаются на евреевъ и даютъ тонъ. Тогда озвѣренію и жестокости нѣть предѣловъ. Это какой-то кошмаръ. Вотъ, напримѣръ, фигура какого-то Демьяновича въ Бѣлостокскомъ погромѣ: „онъ бралъ булыжникъ и съ размаху мозгилъ головы уже кончавшимся жертвамъ“. А вотъ Беззубикъ, его достойный товарищъ, почему-то ускользнувшій отъ суда и даже явившійся, чтобы свидѣтельствовать

въ пользу Демьяновича: „сутулая фигура съ желтымъ лицомъ, съ каплями пота на лбу, съ стеклянными, полными ужаса глазами“ (рѣчь Л. А. Хоментовскаго). Свидѣтели устанавливаютъ, что онъ „работалъ“ вмѣстѣ съ Демьяновичемъ. Вотъ двое хулигановъ, забѣгающихъ въ Симферополь въ лавку къ Марин Жельзнякъ, чтобы обмыть руки, занятнаныя человѣческой кровью. Когда г-жа Жельзнякъ (христіанка) выносить имъ икону, одинъ изъ нихъ хватаетъ ее окровавленными руками и хочетъ бросить на полъ (рѣчь г. Лейбзона). Совершенно понятна роль этихъ „героевъ“, дающихъ тонъ погромной толиѣ, а также коммарьный ужасъ еврейской массы, отдаваемой на жертву людямъ такихъ инстинктовъ. Нужно сказать, однако, что въ массѣ подсудимыхъ бывшихъ людей хотя и немало, но все же меньше, чѣмъ можно ожидать по описаніямъ самыхъ погромовъ. И это понятно: день погрома—день ихъ разгула и безнаказанности, своего рода праздникъ, когда они пользуются просторомъ и свободой дѣйствій. Онъ миновалъ, и они легче, чѣмъ другіе участники, скрываются туда, где ихъ нелегко разыскать. Слѣды ихъ короткаго разгула остались въ видѣ размозженныхъ череповъ, выбитыхъ глазъ, гвоздей, вбитыхъ въ головы. Но тѣхъ, кто это сдѣлалъ, указать трудно. Да не всегда ихъ и разыскиваютъ особенно усердно.

Основной фонъ на скамьѣ подсудимыхъ даютъ не эти „герои“ погромовъ, а погромная „чернь“, толпа. Тутъ есть крестьяне, „недавно еще честные люди, а нынѣ ждущіе приговора, обвиняющаго ихъ въ грабежахъ и убийствахъ“ (рѣчи М. Г. Ратнера, по трояновскому погрому). Въ Балтѣ исправникъ „приглашаетъ отъ 300 до 500 благонадежныхъ крестьянъ для противодѣйствія мѣщанамъ“; но, по „какому-то недоразумѣнію“, они присоединились къ горожанамъ, да вдѣбавокъ разграбили еще еврейскую колонію Абазовку (рѣчь кн. А. И. Урусова). Убиваются они рѣже, чаще грабятъ и увозятъ награбленное въ свои деревни. Особенно много во всѣхъ погромныхъ дѣлахъ—мѣщанъ. Можно даже сказать, что погромы специфически мѣщанско преступленіе. При этомъ, кидаясь на недавнихъ добрыхъ знакомыхъ и сосѣдей, съ которыми долго жили въ ладу, — они тоже проявляютъ порой страшную жестокость. Мѣщанинъ и домовладѣлецъ Климъ Ижиковичъ въ Балтѣ врывается въ домъ сосѣда еврея и ударомъ по головѣ, какимъ онъ оглушаетъ на бойнѣ быковъ, сваливаетъ старика на полъ. Рейзя Финкельманъ, знавшая Ижикевича больше 5 лѣтъ, кидается къ нему съ мольбою: „Климъ! Что ты дѣлаешь... Вѣдь мы знакомые,

Климъ!“— „Я сегодня не Климъ“,— отвѣчаетъ Ижикевичъ и нѣсколькими ударами расколачиваетъ старику черепъ (рѣчь кн. Урусова). Такіе „сосѣдскіе“ мотивы встрѣчались также въ Кишиневѣ и другихъ мѣстахъ, и фигура Ижикевича является типичной для этого мѣщанского озвѣрѣнія... Вчера онъ былъ Климъ и добрый сосѣдъ. Сегодня онъ палачъ и убийца...

Есть въ этой коллекціи мѣщане старообрядцы (погромъ въ Красиловѣ, Киевской губерніи). Есть домовладѣльцы и купцы. Иной разъ эти послѣдніе принимаютъ непосредственное участіе въ черной работе погромовъ, но это рѣдко. По большей части они только подготавливаютъ почву для другихъ, а сами стараются (довольно успѣшно) остаться въ сторонѣ. „Принимали ли они активное участіе въ самомъ погромѣ или нетъ— неизвѣстно,—такъ характеризуетъ роль почтенныхъ погромщиковъ-коммерсантовъ Л. А. Куперникъ (дѣло о красиловскомъ погромѣ). Можетъ быть да, можетъ быть иѣть,— это все равно. Но главное— они подстрекали. Они подговариваютъ, *нанимаютъ* людей, чтобы совершить погромъ, они действуютъ убѣждениемъ, „угощеніями“. Они читаютъ газеты и проводятъ въ массу изувѣрскія „идеи“ юдофобской печати. Такова общая характеристика этой группы. А вотъ изъ рѣчи Н. И. Карабчевскаго (погромъ еврейской колоніи въ Нагартовѣ и Березнеговатомъ) выхваченная живьемъ типичная фигура: это Лазарь Веремѣевъ, лавочникъ изъ посада Березнеговатаго. Подбадривая громилъ, онъ имѣеть определенную экономическую цѣль: отстранить конкуренцію, и запечтъ это—особый способъ экономической борьбы. „Экономическая теорія“ Веремѣева не лишена смѣлаго полета мысли и воображенія. Онъ желалъ бы, повидимому, немногаго: онъ желать бы только одного, чтобы на земномъ шарѣ была лишь одна лавка и чтобы эта лавка принадлежала Лазарю Веремѣеву... Сообразно этому взгляду и этимъ, въ сущности, „мирнымъ цѣлямъ упраздненія конкуренціи“ и самое поведеніе Веремѣева не лишено иѣкоторыхъ культурныхъ пріемовъ: утромъ онъ подбадриваетъ гарнѣй словами: „Бейте жидовъ! Что вы говѣете? Въ Николаевѣ давно разговѣлись“; днемъ подпинаетъ ихъ водкой, а въ ночи, когда толпа вошла во вкусъ и совершенно разнуздалась, онъ ищетъ свидѣтелей и лицемѣрно вздыхаетъ передъ нами: „ахъ, что только дѣлаютъ!“...

Въ 1882 году Веремѣевъ не только посаженъ на скамью подсудимыхъ, но и приговоренъ въ арестантскія роты. Позже его тактика была бы успѣшна: въ послѣдніхъ процессахъ

представители потерпѣвшихъ напрасно требуютъ гг. Веремѣевъхъ къ отвѣту: роль ихъ выясняется очень точно, но судебная репрессія ихъ не настигаетъ. Кишиневскіе, симферопольскіе и киевскіе Веремѣевы фигурируютъ въ судебнѣй залѣ только въ качествѣ свидѣтелей противъ потерпѣвшихъ.

Затѣмъ—въ нѣкоторыхъ процессахъ, правда, изрѣдка на скамье подсудимыхъ являются мелкіе чиновники и низшіе полицеистскіе. Въ одномъ случаѣ скамья эта украшена цѣлой группой полицейскихъ чиновъ, начиная съ городовыхъ и кончая кварт. надзирателемъ и помощникомъ пристава. Роль ихъ въ симферопольскомъ погромѣ запечатлѣна судебнымъ приговоромъ и очень картино обрисована въ рѣчи пом. прис. нов. Лейбзона. „По саду носится опьяненный не то виномъ, не то кровью околоточный надзиратель Ермоленко... Онъ стрѣляетъ въ упоръ у буфета въ лежащую глухонѣмую Толчинскую, онъ шлетъ пулю въ догонку убѣгающему Дубинскому, онъ посѣваетъ внизу, у Салгира, ударить шашкой двухъ дѣвицъ и нанести рану убѣгающему Спиро... А у входа въ садъ стоитъ величественный и спокойный шом. пристава Чупринко, который рубить шашкой евреевъ, пытающихся прорваться черезъ ворота на улицу. Разъ только Чупринко обнаруживаетъ джентльмэнство, соответствующее его наружности: когда Рылина съ мужемъ бѣжитъ къ выходу, Чупринко кричитъ громиламъ: „жida—по головѣ, а жидовку—по спинѣ“. Это значитъ, что Чупринко пожалѣлъ женщину“.

На сценѣ Ермоленко держится скромно, „стараясь избѣгать взоровъ публики“. Очевидно, „опьяненіе“ погрома прошло. Чупринко и здѣсь держится, наоборотъ, полнымъ „джентльмэномъ“, съ спокойнымъ упорствомъ отрицаючи очевидности своихъ подвиговъ *).

Въ послѣдніе годы на этой скамье появилась особая категорія подсудимыхъ, обвиняемыхъ по той же ст. 269¹. Характеристику этой статьи и ея исторію въ погромныхъ процессахъ читатель найдеть въ нѣсколькихъ рѣчахъ **). Всѣмъ известно,—говорить напр. М. В. Беренштамъ (въ дѣлѣ о житомирскомъ погромѣ), что 269¹ ст. явилась прямымъ послѣдствиемъ тѣхъ анти-еврейскихъ погромовъ, которые разыгрались въ началѣ 80-хъ годовъ на югѣ Россіи: въ Кіевѣ, Одессы, Елисаветградѣ и др. городахъ. Тогда-то создался законъ, направленный противъ громилъ въ защиту евреевъ. Вы помните,

*) Ермоленко приговоренъ на 3 года п 6 мѣсяцевъ. Чупринко на 1½ года арест. ротъ.

**) Подобнѣе другихъ останавливаются на ней М. В. Беренштамъ и А. Д. Марголинъ (житомирской и кромлевецкой погромы)

господа суды, показаніе, данное на слѣдствіи офицеромъ, явившимся на Павликовку съ ротой солдатъ. Сначала онъ направилъ штыки въ сторону евреевъ, но, убѣдившись въ ихъ спокойномъ состояніи, повернулъ роту въ сторону христіанъ". Нѣчто подобное, только въ обратномъ смыслѣ, произошло, по мнѣнію М. В. Беренштама, съ 269¹ статьей. „Ея скорпіоны были первоначально направлены противъ погромщиковъ, теперь черезъ 20 лѣтъ они направляются противъ евреевъ въ лицѣ еврейской самообороны“...

Дѣйствительно, на скамье подсудимыхъ въ послѣдніе годы рядомъ съ громилами сидѣть уже евреи, по большей части юноши, виновные въ томъ, что они подъ вліяніемъ извѣстій о полномъ бездѣйствіи (какъ въ Кишиневѣ), а иногда и несомнѣнномъ содѣйствіи властей (какъ въ Симферополѣ),— вооружались для защиты и, дѣйствительно, защищались противъ погромщиковъ. Анализируя дальше это „новое явленіе“, М. В. Беренштамъ обращаетъ вниманіе на то, что, какъ это стало совершенно ясно, никакого антихристіанского погрома въ Житомирѣ, напримѣръ, не было: на 16 еврейскихъ труповъ приходится одинъ христіанскій (о гибели студента Блинова, убитаго громилами, оратортъ считаетъ лучшимъ не упоминать), многие евреи стали нищими, тогда какъ ни одинъ христіанинъ не сталъ бѣднѣ, чѣмъ былъ до погрома: слухи о бомбахъ подъ костеломъ остались слухами, въ то время, какъ еврейскія синагоги разгромлены... Евреи, какъ масса, какъ толпа, какъ скопище, ничего въ Житомирѣ не сдѣлали... „Они не подставляли покорно свои головы подъ удары дубинъ и топоровъ, а защищались или пытались защищаться“. И только въ дальнѣйшей рѣчи того же оратора, а также въ другихъ—развивается точка зрѣнія защитниковъ потерпѣвшей стороны на самооборону, какъ на естественную реакцію разгромляемыхъ противъ активныхъ нападеній погромщиковъ и пассивнаго положенія властей. Съ этой точки зрѣнія самооборона лишена признаковъ племенной вражды или революціонныхъ цѣлей. „Убитые, легши трупами въ больницы, прекратили погромъ“,—говорить полицейскій свидѣтель Курбатовъ, который заявилъ на судѣ, что измѣнилъ свой прежній взглядъ на самооборону. Наконецъ, слѣдуетъ указать на случай, когда такъ называемая еврейская „самооборона“ сливалась съ христіанской „обороной“, образуя для вдоворенія порядка общую временную милицію (такъ, въ Кролевцѣ, если не ошибаюсь, даже по даннымъ обвинительного акта, погромъ (на четвертый день!) „быть прекращенъ полиціей съ всемѣстно съ образовавшейся изъ горожанъ милиціей“).

Если не типичнымъ, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно характернымъ представителемъ этой группы подсудимыхъ-евреевъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они „изъ племенной вражды“ рѣшились защищать оружіемъ свою жизнь и имущество, является (въ дѣлѣ о житомірскомъ погромѣ) фигура старого еврея Броварника). Объ его „преступленіи“ рассказалъ одинъ изъ подсудимыхъ, христіанинъ. Когда рассказчикъ въ субботу вечеромъ подошелъ къ его дому,—Броварникъ въ одномъ бѣльѣ (старикъ уже спалъ) выскочилъ изъ дверей и сталъ стрѣлить изъ револьвера. „Сопоставьте,—говоритъ М. В. Беренштамъ,—эти мелочи:—спаль... въ одномъ бѣльѣ... около собственного дома... выстрѣлы въ сторону того, кто нынѣ обвиняется въ погромѣ... припомните, что выстрѣлы его никому не причинили вреда“. Гдѣ тутъ въ самомъ дѣлѣ признаки 269¹ статьи и организаціи скопища изъ племенной ненависти. Безъ сомнѣнія, въ самооборонѣ участвовали не одни Броварники, и не всѣ ея выстрѣлы оставались столь же безвредными для нападающихъ. Но уже то, что этотъ „жалкій старый ломовой извозчикъ“, всю жизнь не разгибавшій спины въ тяжкомъ трудѣ и рѣшившійся защищать семерыхъ дѣтей отъ нападенія погромщиковъ, тоже посаженъ на скамью подсудимыхъ, является несомнѣнно знаменательной чертой этой судебной эпопеи. Она показываетъ, съ какой широтой примѣнялась ст. 269¹ къ защищавшимся евреямъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ составъ подсудимыхъ. Нужно ли говорить о потерпѣвшихъ? Стало уже общимъ мѣстомъ, что погромы настигаютъ по общему правилу бѣдноту. „Кто является, главнымъ образомъ, пострадавшими?—спрашиваетъ Н. А. Андреевский (погромъ въ Карповичахъ).—Въ громадномъ большинствѣ случаевъ это круглые бѣдняки, которые сами влачили жалкое существованіе и едва находили средства избавить себя отъ голодной смерти. Это именно та масса евреевъ мастеровыхъ и евреевъ мелкихъ торговцевъ, которая кишитъ въ грязи еврейскихъ мѣстечекъ и неистово плодится, несмотря на вѣчную угрозу голодной смерти“... „Какой вредъ могъ приносить христіанамъ вотъ этотъ портной,—продолжаетъ тотъ же ораторъ,—который существовалъ своимъ трудомъ и котораго единственное достояніе, приобрѣтенное имъ посредствомъ столькихъ лишений—швейная машина—на глазахъ его разбита въ мелкие кусочки, а съ нимъ самимъ поступили, какъ съ собакой, бросая въ него кольями и дрючками, когда онъ отдавалъ все грабителямъ и просилъ только пощадить его и малолѣтнихъ дѣтей“. Это говорилось въ 1882 году и съ тѣхъ поръ осталось основной чертой потерпѣвшей отъ погромовъ.

еврейской массы. И нынѣ, конечно, разскажь объ этихъ звѣрствахъ, разыгравшихся на жалкихъ чердакахъ и въ жалкихъ подвалахъ, „не можетъ не тронуть всякаго, въ комъ бываетъ человѣческое сердце, и не вселить полнаго отвращенія къ тому, что творится на нашихъ глазахъ въ послѣдніе годы“ (рѣчь П. А. Андреевскаго).

Я не задаюсь, разумѣется, цѣлью исчерпать въ этихъ краткихъ указаніяхъ все содержаніе этой книги. Внимательный читатель шагъ за шагомъ можетъ прослѣдить по ней главные мотивы погромныхъ драмъ, ихъ причины, поводы, возникновеніе, слухи и часто провокаторскія дѣйствія, имъ предшествующія, характеръ самихъ погромовъ, роль пассивную или активную, которую принимаютъ въ нихъ въ томъ или другомъ направленіи разные элементы общества и власти: администрація, полиція, войска. Здѣсь же мнѣ придется остановиться не на той борбѣ, которая происходила на улицахъ, а на той, которая, въ качествѣ эпилоговъ погромныхъ трагедій, разыгрывалась въ залахъ судебныхъ установлений...

Чего требовала защита потерпѣвшей стороны, и какъ эти требованія удовлетворялись?

Въ огромномъ большинствѣ рѣчей представители гражданского иска отстраняютъ, прежде всего, вопросъ, который въ обычныхъ гражданскихъ процессахъ играетъ главную роль: вознагражденіе за убытки отдвигается рѣшительно на задний планъ. „Не для того пришли мы сюда,—говорилъ Л. Я. Айзенштейнъ (въ симфероп. процессѣ),—чтобы требовать отъ этихъ людей уплаты за пролитую кровь. Среди насъ нѣть Шейлоковъ! И если бы вашъ приговоръ касался только нашихъ исковъ... мы отъ имени нашихъ довѣрителей сказали бы по адресу обвиняемыхъ то, что сказала разоренная и обездоленная старушка Горфинъ: „Богъ съ ними! Пусть Богъ имъ воздастъ“. Этотъ мотивъ повторяется почти всѣми защитниками и почти во всѣхъ процессахъ. За рѣдкими исключеніями,—иски прощаются или сводятся на минимумъ *), тѣмъ болѣе, что и взысканіе съ этой погромной бѣдноты почти безнадежно, а болѣе видные дѣятели не попадаютъ на скамью подсудимыхъ.

Разумѣется, гражданские защитники не могутъ примириться съ оправданіемъ виновныхъ. Идея о безнаказанности погромовъ витаетъ надъ всѣми этими кровавыми событиями. На лицахъ подсудимыхъ гражд. защитникъ Айзенштейнъ (Симферополь) даже въ залѣ суда видѣтъ вопросъ: „Что же пре-

*.) Въ одномъ случаѣ размѣръ иска сведенъ до одного рубля.

ступного въ еврейскомъ погромѣ? Что безнравственаго въ убийствѣ евреевъ? Особенно, если это дѣлалось, какъ думаетъ и г. тов. прокурора, въ защиту Бога и царя". Разсѣять это ужасное кровавое недоразумѣніе—одна изъ вѣрныхъ задачь суда. „Я прошу,—говорить защитникъ Головчинеръ (трокиновскій погр.), чтобы сидящіе на этой скамье люди не вышли отсюда съ патентомъ патріотовъ".... „Нужно, чтобы они знали, что пролитая кровь лежитъ пятномъ на ихъ совѣсти"..., „что завѣты Бога и Христа, что величія законовъ и морали относятся и къ евреямъ". Въ сознаніи подсудимыхъ,—говорить М. Б. Ратнеръ (Житомиръ),—прочно засѣла мысль о безнаказанности еврейскихъ погромовъ и о какой-то связи, существующей между погромными звѣрствами съ одной и патріотическими подвигами съ другой стороны. Является поэтому необходимость расторгнуть эту связь. Защитникъ надѣется, что въ судебнѣмъ приговорѣ подсудимые прочтутъ, „что нельзя грабить и убивать даже евреевъ и даже тогда, когда полиція даетъ на это свое благосклонное разрѣшеніе".

Съ этой точки зрѣнія полное оправданіе даже тѣхъ, кто является лишь темнымъ орудіемъ въ рукахъ болѣе сознательныхъ подстрекателей, истинныхъ интеллектуальныхъ виновниковъ,—было бы опасно и для общества, и для идеи правосудія. Но „менѣе всего защитники потерпѣвшихъ стремятся къ строгимъ приговорамъ" и отягченію участія погромныхъ статистовъ. Еще въ 1882 году, когда и власти, и суды смотрѣли на погромныя дѣла гораздо серьезнѣе и строже, чѣмъ въ послѣдніе годы,—стоя передъ военнымъ судомъ, грозившимъ погромщикамъ каторгой и смертной казнью,—представитель гражд. иска кн. А. И. Урусова такъ опредѣлялъ свою задачу:

„Не жаждой мести, не внушеніями злобы, не усердіемъ наемника и не ограниченностью фанатика должна быть проникнута рѣчь гражданского защитника. Служа прежде всего правосудію и закону, защитникъ потерпѣвшихъ не можетъ упустить изъ виду общихъ причинъ того преступленія, которое подлежитъ вашему суду. Чувство человѣческой солидарности связываетъ насъ какъ съ потерпѣвшими, такъ и съ виновными. И во имя этой солидарности, этого братства я позволю себѣ обратиться къ вамъ, гг. суды, съ просьбой, въ которой вы, быть можетъ, мнѣ не откажете. Просьба эта: будете милосердны" (рѣчь А. И. Урусова въ военномъ судѣ по дѣлу о погромѣ въ Албановкѣ).

И этотъ мотивъ остается почти неизмѣннымъ на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи погромныхъ процессовъ, даже тогда,

когда погромы почти стихийно разрастались, а репрессия тоже какъ бы стихийно слабѣла. „Мы не заинтересованы въ жестокомъ приговорѣ,—говоритъ М. Б. Ратнеръ въ трояновскомъ процессѣ.—Мы не взываемъ къ чувству мести. Эти люди, на которыхъ давили вѣка предразсудковъ, были лишь мертвымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ“... „Если значитъ что-нибудь предъ вами слово потерпѣвшихъ,—заявляетъ И. К. Муравьевъ (погромъ въ Ярцевѣ),—оно будетъ за смягченіе наказанія“. И т. д., и. т. д.

Итакъ.—не взысканіе убытоковъ и не отягченіе репрессій. Что же является цѣлью представителей потерпѣвшихъ? „Въ борьбѣ за правду, въ борьбѣ за право,—отвѣчаетъ А. Д. Марголинъ *),—нельзя уступать ни пяди. Гражданскій исکъ въ уголовномъ процессѣ,—это позиція. Пусть конечная цѣль иска (формально) *найти* то, чего ищешь, т. е. получить материальное вознагражденіе. Но для того, чтобы найти, необходимо и закономъ дозволено *искать*. И мы пользуемся этимъ правомъ, мы ищемъ. Въ настоящемъ процессѣ эти поиски являются не средствомъ, а цѣлью. И мы пришли сюда не для получения исполнительныхъ листовъ, мы не собираемся описывать домашній скарбъ подсудимыхъ. Но мы желаемъ возстановить во всей наготѣ, во всей правдѣ потрясающую картину погрома, мы желаемъ доказать, что насы громили, убѣчили, оскорбили безъ всякаго съ нашей стороны повода, но той лишь причинѣ, что мы—евреи“.

Во вскомъ уголовномъ процессѣ,—говорить И. А. Андреевскій,—всегда есть двѣ стороны: потерпѣвший и обвиняемый. Всякий судъ своимъ рѣшеніемъ въ сущности произносить приговоръ надъ обѣими сторонами, ибо каждымъ процессомъ выясняется, такъ сказать, нравственная личность обѣихъ сторонъ **). И вотъ почему—„въ тогахъ гражданскихъ истцовъ въ судѣ явились въ сущности защитники потерпѣвшихъ“ (Марголинъ).

Эта постановка защиты потерпѣвшихъ выводить ее изъ обычной прозаической сферы „гражданского иска“ и поднимаетъ на высоту важнаго, почти рокового общественного вопроса. Нигдѣ уже, быть можетъ, ни въ одной странѣ, гдѣ укоренились прочно элементы правового порядка,—такого значенія погромные процессы пріобрѣсти не могли бы. Всюду судъ разматривалъ бы вопросъ совершиенно виѣ національныхъ рамокъ, независимо отъ того, чье имущество разгромлено

*.) Дѣло о погромѣ въ Черкассахъ.

**) Погромъ въ Карповчахъ 1882 г. Киевский воен.-окруж. судъ.

и въ чью голову преступная рука вогнала желѣзный гвоздь. „Подъ эгидой закона должны находить убѣжище всѣ люди, всѣ граждане безъ различія племени, націи, религіи, сословія, класса и политической партіи. Многоразличны классификаціи людей, но одинъ и всеобъемлющъ законъ—въ этомъ его авторитетъ и могущество. Насколько объективенъ и равенъ законъ, настолько же объективно должно быть и его примѣненіе. И только тѣ приговоры пролагаютъ въ нашей спутанной, омраченной тяжкими событиями жизни свѣтлый, примиряющій путь, по которому существуетъ безпристрастная юстиція, не различающая ни эллина, ни іудея“. Эти одушевленные слова—въ сущности полный юридический триумфъ, котораго вы не услышите уже ни въ Англіи, ни въ Германіи, потому что тамъ повторять его давно уже нѣтъ надобности. У насъ въ погромныхъ процессахъ это пунктъ спора, около котораго вскипаетъ борьба мнѣній и страстей, и въ послѣдніе годы, особенно, мнѣніе о необходимости одной мѣрки для „эллина и іудея“ въ устахъ коронного представителя правосудія звучитъ такой пріятной неожиданностью, что составители настоящей книги сочли нужнымъ среди рѣчей „защитниковъ потерпѣвшихъ“ помѣстить цѣлкомъ и рѣчь обвинителя, прок. С. М. Пенского, изъ которой мы заимствовали цитированныя слова *).

Въ другихъ случаяхъ вопросъ о томъ, что такое погромъ—преступленіе или патріотическій подвигъ.—рѣшается не такъ просто даже официальными представителями правосудія, а въ средѣ защитниковъ подсудимыхъ самая постановка этого вопроса вызываетъ порой волненіе и шумъ. „Не думаете ли вы,—возбужденно спрашивалъ С. Е. Кальмановичъ во время кіевскаго процесса,—что мы пришли сюда для того, чтобы доказывать виновность вотъ этихъ подсудимыхъ... Нѣтъ, мы пришли сюда, чтобы опровергнуть тѣ клеветы, которыхъ возводятся на всю народность... Пытаются доказать, что гнусные поступки грабителей и разбойниковъ являются патріотическими подвигомъ“...

Сухой лаконический отчетъ отмѣчаетъ въ этомъ мѣстѣ „волненіе среди подсудимыхъ и защитниковъ“. Г. Шмаковъ кричитъ:—„Вы поосторожнѣй выражайтесь!“—Не пугайте меня, г. Шмаковъ, я васъ не боюсь,—отвѣчаетъ Кальмановичъ...

Изъ отчета не видно, что вызвало такое волненіе: то ли, что г. Кальмановичъ называлъ погромы „гнусными поступками грабителей и разбойниковъ“, или то, что онъ приписываетъ

*) Харьковский окруж. судъ. Дѣло о погромѣ 1905 г.

защитѣ взглѣдь на эти поступки, какъ на „патріотическій подвигъ“. Несомнѣнно, однако, что эта точка зрѣнія, такъ рѣзко подчеркнутая г. Кальмановичемъ, проходитъ красною нитью во многихъ рѣчахъ защиты въ погромныхъ процессахъ послѣднихъ годовъ.

Другимъ мотивомъ, придающимъ этимъ процессамъ захватывающее драматическое движеніе, является стремленіе защиты потерпѣвшихъ (отмѣченное еще въ рѣчи кн. А. И. Урусова) выяснить съ своей точки зрѣнія *общую причину*, обуславливающую эпидемію погромовъ, а также—вовлечь въ сферу судебнай репрессіи ихъ зacinщиковъ, вдохновителей, интеллигентуальныхъ виновниковъ, организаторовъ и, наконецъ, попустителей. Погромные процессы,—говорить одинъ изъ гражданскихъ истцовъ,— напоминаютъ, по выражению древняго мудреца,—паутину, страшную только для мелкихъ мухъ, но которую крупные шмели легко прорываютъ *). Вотъ почему на скамье подсудимыхъ околоточный надзиратель Ермоленко и помощникъ пристава Чупринко представляютъ высшую ступень чиновной іерархіи... Защита потерпѣвшихъ стремится уловить и выяснить прежде всего истинную роль попустительства и бездѣйствія, которыми вѣять отъ всѣхъ погромовъ и которая выступаютъ во всѣхъ процессахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ опереться на офиціальное признаніе такого бездѣйствія, которое, напримѣръ, въ кишиневскомъ процессѣ констатировано и въ офиціально оглашенномъ соображеніи ministra внутреннихъ дѣлъ, и въ приговорѣ суда. М. М. Винаверь (въ сенатѣ), опираясь на эти офиціальные данные и на объясненіе самого губернатора,—рисуетъ во весь ростъ фигуру генерала Ф. Раабена, просидѣвшаго у телефона первые дни погрома и тормозившаго попытки военныхъ властей. На третій день онъ, наконецъ, передалъ власть генералу Бекману, и—погромъ прекращенъ въ 2 часа. Не менѣе ясна роль кишиневскаго же вице-губернатора Устругова. Въ качествѣ цензора онъ допустилъ, вопреки прямому закону, оглашеніе данныхъ судебнаго слѣдствія по знаменательному дубоссарскому дѣлу, при чёмъ въ теченіи недѣли „Бессарабецъ“ изображалъ подробности небывалаго ритуальнаго убийства, которое волновало толпу и подготовляло къ погромамъ. Г. Уструговъ не могъ не знать, что законъ воспрещаетъ оглашеніе предварительного дознанія, и въ этомъ случаѣ „данныя“ были вдобавокъ завѣдомо ложны и имѣли явною цѣлью возбудить погромные инстинкты. Когда же по-

*.) Симферопольский процессъ. Рѣчь Л. Я. Айзенштейна.

громъ разразился, то генералъ фонт.-Раабентъ „зашерся у себя, слушать рапорты о погромѣ и ждалъ“. Вице-губернаторъ Уструговъ самолично стоялъ на улицѣ, созерцалъ погромъ и „тоже ждалъ“. Истецъ Фишманъ показалъ, что „при разгромѣ его лавки присутствовали всѣ представители всѣхъ четырехъ ступеней кишиневской администраціи: вице-губернаторъ, полицеймейстеръ, приставъ и помощникъ пристава“. „И это заявление Фишмана,—прибавляетъ М. М. Винаверь,—нынѣ подтверждено приговоромъ уголовного суда“. Когда представителямъ администраціи приходится передъ лицомъ суда объяснять причины этого бездѣйствія, то порой въ атмосферу, насыщенную глубокимъ и мрачнымъ трагизмомъ, врывается струя чисто-комическая. Такъ приставъ Войцеховичъ (въ дѣлѣ о кролевецкомъ погромѣ) говоритъ, что „на четвертый день приняты были рѣшительные мѣры, и погромъ прекратился“. Защитникъ потерпѣвшихъ А. Д. Марголинъ интересуется вопросомъ, почему „рѣшительные мѣры“ не были приняты раньше. Свидѣтель отвѣчаетъ наивно, что только на четвертый день догадались воспользоваться пожарными лошадьми. а „верхомъ на лошадяхъ уже возможно было прекратить погромъ“. Между тѣмъ, въ бѣлостокскомъ процессѣ полковникъ Штриттеръ на вопросъ о томъ, какъ могло случиться, что въ пять шагахъ отъ конного отряда драгунъ громили (Демьяновичъ съ своими достойными сподвижниками) безпрепятственно убивали людей,—отвѣтилъ, что драгуны *не могли оставить лошадей* (рѣчь М. Б. Ратнера по дѣлу о погромѣ на бѣлостокскомъ вокзалѣ).. Иногда гг. губернаторы въ рѣшительные минуты облекались таинственными нимбами и вѣщали вродѣ древнихъ оракуловъ. Такъ въ началь житомирского погрома поручикъ Материо просить у губернатора позволенія разогнать громилъ нагайками и... получаетъ отказъ. Когда же помощникъ пристава Добровольскій является за руководящими приказаніями,—то „г. губернаторъ рекомендовалъ ему принять благоразумные мѣры“. —Какія?—съ понятнымъ отчаяніемъ спрашивается подчиненный. „Губернаторъ повернулся спиной и захлопнулъ дверь“.

Въ Симферополѣ роль губернатора г. Волкова очень ярко вырисовывается на судебнѣмъ слѣдствіи. Цѣлый день въ городѣ свирѣпствовалъ погромъ съ грабежами и ужасающими убийствами, подъ звуки народнаго гимна. „И только на другой день губернаторъ Волковъ рѣшается заявить, что правительство не нуждается въ защитѣ громилъ. Еще наканунѣ (18 октября) онъ колебался по этому вопросу... Весьма вѣжливо, никого не арестуя, просилъ убийцъ разойтись. И

знасте ли почему? Потому что музыка устала, та самая музыка, которая играла народный гимнъ... даже во время убийствъ у самыхъ дверей его превосходительства. Еще болѣе замѣчательно,— продолжаетъ защитникъ,— дальнѣйшее поведеніе г-на Волкова, на глазахъ котораго совершаются убийства на плащади между синагогой и 1-мъ полицейскимъ участкомъ..."

Предсѣдатель: Пропусти васъ не касаться личности Волкова.

Защитникъ подчиняется и переходитъ къ дѣйствіямъ симферопольского полицеймейстера Кузьменка. „Довольно,—говорить этотъ полицеймейстеръ громиламъ, но не въ началѣ каждого погромнаго дѣйствія, а по его окончаніи. Объ образѣ дѣйствій этого чиновника разсказываются очень интересныя вещи даже свидѣтели полицейскіе. Онъ, по пѣкоторымъ показаніямъ, заготовляетъ дубины. „Вмѣстѣ съ гражданскимъ полковникомъ Загоскинымъ онъ сбиваѣтъ евреевъ съ толку... гонитъ ихъ изъ 1-й полицейской части, наслаждаясь убийствами евреевъ у самыхъ параллельныхъ дверей этого учрежденія. А передъ вечеромъ 18 октября Кузьменко говоритъ громиламъ: „Спасибо, братцы“,—какъ будто рѣчь идетъ о законченномъ смотрѣ или парадѣ.“

Предсѣдатель: Пропусти васъ больше не говорить о Кузьменкѣ.

Айзенштейнъ: Хорошо, я подчиняюсь. Но въ такомъ случаѣ мнѣ нельзя будетъ говорить и о бывшемъ гражданскомъ полковнике Загоскинѣ.

Предсѣдатель: Конечно. Какое отношеніе это имѣть къ гражданскимъ искаѣ?

Уже въ этомъ діалогѣ, въ формѣ еще сравнительно мягкой, опредѣлились отношеніе суда къ гражданскимъ истцамъ и та задача, которую въ восемидесятыхъ годахъ не только формулировали, но и выполняли передъ судомъ защитники потерпѣвшихъ кн. А. И. Урусовъ и П. А. Андреевскій: всестороннее выясненіе причинъ, вызывающихъ погромные вспышки и содѣйствующихъ имъ—снималось съ очереди. Задачи „иска“ вводились въ узкіе предѣлы взысканія убытковъ, поле зреінія суда болѣе и болѣе ограничивается. „Для насъ важно доказать, что погромъ былъ организованъ,—восклицаетъ въ Кіевѣ г. Кальмановичъ,—дайте же намъ возможность доказать это. Если говорить, что евреи оскорбили Государя, — то выслушайте же и наше опроверженіе этого“... Окружный судъ не соглашается. Онъ постаиваетъ вызвать новыхъ свидѣтелей по требованію г. Шмакова и отказываетъ въ вызовѣ свидѣтелей другой стороны...

Правда, положение суда трагично, какъ трагична и самая русская жизнь... Защитники потерпѣвшихъ пытаются на судѣ схватить нить, которая несомнѣнно протянулась далеко за предѣлы судебнай залы... За рядами болѣе или менѣе характерныхъ, болѣе или менѣе безцѣльныхъ фигуръ погромныхъ статистовъ въ туманной перспективѣ видныются фигуры и болѣе сознательныя, и болѣе значительныя. Въ судебній залъ врываются отголоски разоблаченій, которыя суть каѳедры первой Государственной Думы облетѣли весь цивилизованный миръ, всюду вызывая негодующее изумленіе...

Поэтому понятно, что около этого мотива судебная драма достигаетъ наибольшаго напряженія. Суду приходится дѣлать усиленія, чтобы локализировать разоблаченія скрытыхъ погромныхъ пружинъ. Предсѣдатели требуютъ, чтобы представители гражданскаго иска не касались роли лицъ, не привлеченныхъ къ суду, чтобы они не говорили объ общихъ причинахъ, чтобы они не касались общихъ условій, вызывающихъ погромы... Иди послѣдовательно этой дорогой, судъ вводить разсмотрѣніе дѣлъ въ болѣе и болѣе узкую сферу, замыкаетъ ихъ въ своего рода „черту осѣдлости“. Въ кишиневскомъ, гомельскомъ, бѣлостокскомъ, кievскомъ процессахъ это достигаетъ алогія. Запрещается, напримѣръ, касаться дѣйствій, происходившихъ за извѣстной чертой: городская черта въ Гомелѣ, площадь у вокзала въ Бѣлостокѣ, не раньше и не позже такого-то числа... Все за этими предѣлами рѣшительно устраивается.

Тогда напряженная атмосфера разряжается наконецъ открытымъ конфликтомъ. Въ отчетахъ о процессахъ 80-хъ годовъ читатель встрѣтитъ еще случаи, когда прокуроръ-обвинитель и гражданскій истецъ шли рука объ руку, какъ солидарный стороны. Послѣ 1905 года мы видимъ, какъ, наоборотъ, дороги короннаго суда, обвинителя и гражданскихъ истцовъ все болѣе и болѣе расходятся, происходитъ рядъ столкновеній, предсѣдатели порой, въ виду чрезвычайной трудности положенія и самой задачи, теряютъ самообладаніе, и напряженіе разрѣщаются коллективными отказами представителей потерпѣвшей стороны отъ исполненія своихъ обязанностей. Защитники потерпѣвшихъ оставляютъ залы засѣданій...

Здѣсь я не стану цитировать этихъ заявлений, отсылая читателей къ подлинникамъ, которые онъ найдеть въ этой книгѣ. При всей сдержанности ихъ формы, при всей корректности ихъ юридического стиля—все внутреннее значеніе этого эпилога судебнай драмы и весь ея паѳосъ чувствуются ясно. Комментаріи могли бы только ослабить впечатлѣніе.

И повторяю: я далеко не исчерпалъ въ этомъ небольшомъ обобщающимъ очеркѣ содержанія приводимыхъ въ этой книгѣ рѣчей, и мнѣ остается еще разъ рекомендовать ихъ вниманію читателей. Въ заключеніе позволю себѣ указать только еще одну черту этой эпопеи. Въ рядахъ „защиты потерпѣвшихъ“ солидарно выступали адвокаты русскіе и евреи. Во время самыхъ погромовъ кровь русскаго Блинова, убитаго въ Житомирѣ, Кравцова и Бердникова (раненыхъ въ Харьковѣ) и еще многихъ и многихъ другихъ—была пролита на защиту избиваемыхъ... „Мы скорбимъ,— говоритъ Н. К. Заболотный во время симферопольского процесса, — что въ этой тяжѣ, гдѣ такъ часто упоминается всеу имя русскаго народа, нась не судить русскій судъ присяжныхъ, судъ русской общественной совѣсти“. — „Я, какъ русскій,— говоритъ прис. пов. Хомен-тovskij (блѣстокский погромъ),—пережилъ въ этомъ процессѣ такія впечатлѣнія стыда и отвращенія, которыя заставили меня густо краснѣть за своихъ соплеменниковъ, занимающихъ скамью подсудимыхъ, и за некоторыхъ свидѣтелей, которымъ мѣсто рядомъ съ ними“... „Сначала,— говорилъ кн. А. И. Урусовъ въ 1882 г., — некоторые, не видавши лично погромовъ, утѣшали себя мыслью, будто эта „расправа“ имѣеть какой-то возвышенный и безкорыстный характеръ“. Но вскорѣ, по словамъ этого русскаго защитника потерпѣвшихъ, не осталось мѣста такимъ иллюзіямъ. И, дѣйствительно, прозрѣніе касается порой даже самихъ подсудимыхъ. Такъ группа рабочихъ, которая произвела погромъ евреевъ въ Ярцевѣ, явилась на судъ съ раскаяніемъ и заявлениемъ, что они узнали (въ тюрьмѣ!), какъ глубоко несправедливо и позорно было ихъ нападеніе на евреевъ; которыхъ теперь они считаютъ братьями... Кое-гдѣ читатель и въ „рѣчахъ“ встрѣтитъ указанія на благоразумныя усилія тѣхъ или другихъ лицъ, въ томъ числѣ, конечно, и властей — полицейскихъ и военныхъ — заступиться за избиваемыхъ, не допустить или прекратить начавшіеся погромы. Въ дѣйствительности ихъ, конечно, было еще больше, и попытки эти, конечно, бывали и успѣшны. Но тамъ, гдѣ погромы уже разыгрались,—не онѣ, къ сожалѣнію, опредѣлили общій тонъ событий.

Въ рѣчи И. И. Лебединскаго (симфероп. процессъ) мы встрѣтили характерную черту, которая запечатлѣлась въ его памяти изъ свидѣтельскихъ показаній. Среди убитыхъ, нескромсанныхъ, оскверненныхъ тѣлъ лежали люди, притворившіеся мертвыми, и среди нихъ врачъ Зусмановичъ замѣтилъ малярчика съ черными глазами.

Другой свидѣтель установилъ, что въ толпѣ, бѣжавшей съ бульвара и принимавшей участіе въ убийствѣ Ефетовича, были также мальчики-подростки... русскіе.—„Великій нѣмецкій поэтъ и мыслитель,—продолжаетъ защитникъ,—замѣтилъ, что наша жизнь почти всецѣло окрашивается впечатлѣніями дѣства. Если такъ,—печально пройдетъ жизнь мальчика съ черными глазами... Печально и будущее этихъ „русскихъ подростковъ“.

А вѣдь они—и ихъ много—ростутъ. И съ ними ростетъ будущее нашей страны. Можно разно смотрѣть на государственные формы, можно соглашаться или не соглашаться съ защитниками потерпѣвшихъ въ опредѣленіи сложныхъ причинъ погромовъ, можно разно оцѣнивать роль и значеніе национального вопроса. Но достаточно быть только неослѣпленнымъ и безпристрастнымъ, чтобы почувствовать, что передъ всѣми, кто не забылъ еще простыхъ и ясныхъ завѣтовъ любви и братства,—стоитъ та самая задача, которую по мѣрѣ силъ стремились выполнить рука объ руку адвокаты евреи и русскіе въ погромныхъ процессахъ. Эта задача — защитить хоть въ будущемъ и этого еврейского мальчика съ черными глазами отъ ужаса лежать, притворяясь мертвымъ, среди некромсанныхъ тѣлъ его близкихъ, и этихъ русскихъ подростковъ — отъ ужаса одичанія и озвѣрѣнія.

1908 г.

На Лукъяновкѣ.

(Во время дела Бейлиса).

1.

Вагонъ трамвая доставилъ насъ къ церкви св. Феодора на Дорогожицкой, откуда мы пошли по узкимъ, своеобразнымъ улицамъ. Киевъ вообще стоитъ въ разныхъ плоскостяхъ, но здѣсь, на окраинахъ, эта топографическая особенность становится необыкновенно причудлива. Я теперь понимаю частыя извѣстія, попадающіяся въ газетахъ о приключеніяхъ киевскихъ бандитовъ, отстрѣливающихъ такъ удачно въ этихъ глинищахъ и оврагахъ отъ престѣдующей ихъ полиції.

Мы приближаемся къ Лукъяновкѣ, къ знаменитой отнынѣ усадьбѣ Зайцева. Какой-то низкорослый сутулый человѣкъ, медлительно подметаетъ улицу передъ домомъ. Фигура показалась мнѣ характерной: „потомственный“ мѣщанинъ старого города. Мы подходимъ къ нему, отрываемъ его отъ полезного занятія, спрашиваемъ дорогу и кстати освѣдомляемся о томъ, какого онъ лично мнѣня объ убийствѣ Ющинскаго. Онъ кладетъ метлу на лѣвую руку, показываетъ, какъ намъ выйти на Половецкую улицу, и затѣмъ, принимаясь опять за метлу, отвѣчаетъ равнодушно:

— Ну-у... что тутъ... Никто тутъ на Бейлиса не думаетъ... Были такие, что едѣвали и безъ жидовъ...

Я пытаюсь спросить о ритуальныхъ убийствахъ вообще, но его этотъ вопросъ, видимо, не интересуетъ. Онъ бормочетъ что-то, и вокругъ него опять начинаетъ клубиться подметаемая пыль...

Этотъ мало сообщительный человѣкъ сразу взялъ ноту, ко-

торая впослѣдствіи являлась господствующей въ отзывахъ другихъ обывателей. Есть люди, которые непремѣнно добиваются рѣшить вопросъ въ корнѣ: можетъ это быть, чтобы евреи вытаскивали кровь изъ христіанскихъ дѣтей, или этого никогда не бываетъ? Для сѣраго обывателя въ данномъ случаѣ вопросъ стоитъ не такъ: онъ беретъ только данный фактъ и только въ данныхъ предѣлахъ. Погибъ мальчикъ. Кто-то убилъ, безжалостно и жестоко. Говорятъ, это сдѣлали евреи, потому что имъ нужна будто бы христіанская кровь для мацы. Богъ его знаетъ, — нужна ли? Но въ данномъ случаѣ работали другіе...

Я еще нѣсколько разъ останавливалъ, спрашивалъ о дорогѣ и задавалъ вопросы. Чѣмъ ближе къ самому мѣсту страшной драмы, тѣмъ эта увѣренность обывателя звучить опредѣленнѣе.

Газеты отмѣчали, что во время судебнаго осмотра усадьбы Зайцева по адресу Бейлиса раздавались со стороны сосѣдей голоса привѣта и участія... На судѣ иные тоже кланяются Бейлису.

II.

Мы на углу Верхней-Юрковской и Половецкой. Второй отъ угла двухъэтажный деревянный домикъ. Въ нижнемъ этажѣ надъ дѣрью вывеска — „монополія“.

Здѣсь, въ верхнемъ этажѣ, жили супруги Чеберяковы. Онъ мелкій почтовый чиновникъ, безвольный и безличный. Она — особа съ очень ярко выраженной индивидуальностью. У нихъ было трое дѣтей: мальчикъ Женя и двѣ дочери. Одѣвала она ихъ, особенно дѣвочекъ, довольно чисто, „держала, какъ барышень“. Старалась завести знакомства съсосѣдями, приглашала ихъ къ себѣ, обѣщая интересное общество профессоровъ и врачей. Теперь, если есть что-нибудь въ этомъ дѣлѣ установленное вполнѣ прочно, то это тотъ фактъ, что мнимые профессора и врачи были профессиональные воры. Въ квартирѣ г-жи Чеберяковой былъ известный поліціи воровской притонъ, и сама она осуждена за кражу.

Внизу живеть сидѣлица монополіи, г. Малицкая. Она утверждаетъ, что въ мартѣ, около дня убийства Ющинскаго, слышала у себя надъ головой сначала дѣтскіе шаги, какъ будто вѣжали ребенка. Потомъ шаги взрослыхъ, потомъ дѣтскіе заглушенные стоны и возню. Что-то тащили, и одно время эта возня имѣла такой характеръ, „какъ будто сдѣлали мѣрное танцовальное па“. Потомъ что-то пронесли, все стихло. И въ квартирѣ, по показанію другихъ свидѣтелей, нѣкоторое время

шариль будто бы темный ужасъ. Боялась чего-то Чеберякова, безотчетно пугались гости, приглашенные къ ней ночевать.

Во время судебного осмотра здѣсь дѣлали опытъ: вверху стучали и воспроизводили дѣтскіе крики. Внизу слушали.

— Я ничего не слышу. — сказалъ кто-то изъ обвинителей Бейлиса (и, значитъ, защитниковъ Чеберяковой). Но тотчасъ же раздались голоса:

— Слышно, слышно... Совершенно ясно.

Итакъ, по одной версіи, убийство произошло въ этомъ домѣ. Но эта версія не признана официалью, къ следствію ни хозяйка квартиры, ни „врачи и профессора“, посѣщавшіе Чеберякову, не привлекались...

Противъ дома стоитъ кучка любопытныхъ посѣтителей и какой-то мѣстный житель объясняетъ имъ значеніе этой двухъэтажной коробки въ дѣлѣ, интересующемъ всю Россію.

III.

Мы идемъ за уголъ, по Половецкой... Направо большая прорѣха въ заборѣ и невдалекѣ отъ забора хибарка. Она имѣеть видъ какой-то опущенности и убогости. Ходъ изъ нея на Нагорную — очевидно для удобства — въ эту прорѣху, замѣняющую калитку. Вообще здѣсь щели, прорѣхи и лазы разнаго рода — дѣло обычное.

Въ хибаркѣ живутъ супруги Шаховскіе. Ихъ профессія — зажигать фонари. Это люди бѣдные и опустившіеся: Шаховскую рѣдко видѣли трезвой. Мужъ ся тоже, выражаясь по старинному, „непрестанно обращается въ пьянствѣ“. Кромѣ общей съ женой профессіи фонарщика, — онъ имѣеть еще другую: ловить щегловъ и продаетъ ихъ: какъ всѣ люди этого типа, онъ склоненъ къ созерцанію. Въ житейскихъ разговорахъ, повидимому, довольно безтолковъ. Часто отлучается изъ дома, и зажиганіе фонарей достается на долю жены. Когда Шаховская выходитъ вечеромъ съ лѣстницей на плечахъ, то ея нетвердая походка привлекаетъ ироническое вниманіе мальчишекъ, которые порой ходятъ за ней и благодушно оказываютъ помощь.

По странной ироніи судьбы, этой парѣ. далеко неустойчиво держащейся на собственныхъ ногахъ, довелось служить одной изъ важнѣйшихъ опоръ обвиненія: мужъ и жена первые сболтнули о Бейлисѣ...

Минуемъ усадьбу Шаховскихъ и идемъ дальше. Навстрѣчу безпечной походкой школьніковъ, гуляющихъ въ праздникъ, идутъ двое мальчиковъ-подростковъ. Одинъ въ гимназической шинели. Оба въ такомъ возрастѣ, что легко могли быть то-

варищами Ющинского. Мы заговариваемъ, и юноши охотно останавливаются и даже поворачиваются съ нами.

Улица дѣлаеть уголь и ныряеть между двухъ откосовъ. Направо къ откосу, отдаляющему улицу отъ усадьбы Зайцева, лѣпится очень высокій, но очевидно и очень непрочный заборъ, придающій улицѣ мрачный и характерный видъ... Онъ устроенъ странно, какъ бы въ два яруса, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ немъ виднѣются такія же недавнія, какъ и заборъ, заплаты.

— Хотите посмотретьъ „мялъ“? — спрашиваетъ нашъ чичероне и указываетъ на щели въ заборѣ. Мы охотно подходимъ и заглядываемъ въ эти щели: о „мялахъ“ много говорили въ судѣ.

Въ щель виденъ дворъ кирпичнаго завода, навѣсы, клади кирпича. Невдалекѣ виднѣется вертикальный столбъ, на столбѣ длинный горизонтальный шестъ. Тутъ разводили глину и мяли ее. Для этого къ горизонтальному шесту запрягали лошадь, а внизу прикрѣпляли тяжелыя колеса (кажется, отъ старыхъ лафетовъ). Лошадь шла по наружному кругу, колеса подъ шестомъ бѣгали внутри и мѣсили глину.

Когда не было работы, и цистерна оставалась пуста, — это была отличная карусель... Ребята разгоняли горизонтальный шестъ и вскакивали на него. Это бывало очень весело. Порой выходилъ кто-нибудь изъ завода и прогонялъ веселую стаю...

— Вы тоже катались? — спросилъ я у гимназиста.

— Сколько разъ!

— Зачѣмъ же васъ гоняли оттуда? Кому это вредилъ?

— Понятное дѣло, — говоритъ (нѣ тономъ мальчика, начинаящаго чувствовать себя взрослымъ), — кирпичи портили.

— Гонялъ Бейлисъ?

— Ничего подобнаго. Когда же ему было самому гонять? На это есть сторожа!

Этому вопросу, — кто гонялъ? гонялъ ли Бейлисъ? — судъ посвятилъ много времени и тонкихъ обслѣдований. Сами дѣти и большинство свидѣтелей утверждали, что Бейлисъ не гонялъ. Шаховскіе, наоборотъ, первые заявили, что гонялъ. Это послужило исходнымъ пунктомъ обвинительного силлогизма: если Бейлисъ гонялъ, то могъ и догнать... Если могъ догнать, то могъ и схватить. Если могъ схватить, то могъ и унести, а дальше, конечно, могъ и выточить кровь. Ну, а могъ, — значитъ и сдѣлалъ.

Первые указали на эти возможности супруги Шаховскіе. Сначала они сказали, что по дѣлу ничего не знаютъ. Потомъ припомнили, что имъ говорила старуха Волковна, будто она видѣла, какъ за двумя мальчиками гнался человѣкъ съ черной бородой. Потомъ человѣкъ съ черной бородой опредѣлился: это былъ Бейлисъ...

Волківна—женщина тоже пьяная. Выходить, такимъ образомъ, что двое хронически пьяныхъ людей ссылаются на третьяго, тоже нетрезваго... Вдбавокъ Шаховскіе часто мѣнили показанія, а Волківна не подтвердила ссылки. Она подходила, разговаривала, но о Бейлисѣ ничего не говорилось.

При разговорѣ присутствовало третье лицо — мальчишка, привлеченный, вѣроятно, обычнымъ ироническимъ любопытствомъ къ особамъ, не вполнъ твердымъ на ногахъ. Его разыскали и спросили. Онъ, дѣйствительно, стоялъ около женщины и слушалъ. Но о Бейлисѣ Волківна ничего не говорила. У слѣдователя и на судѣ супруги Шаховскіе взяли странную ноту. На вопросъ: было ли то-то, они отвѣчаютъ: „Было“.—А можетъ и не было?—„Не было“. Побившись съ ними нѣкоторое время, слѣдователь г. Фененко, въ рукахъ котораго это дѣло имѣло еще видъ настоящей, а не „ритуальной“ слѣдственной процедуры,—махнулъ рукой, не считая возможнымъ арестовать Бейлиса на такомъ шаткомъ основаніи. Г. Машкевичъ, преемникъ г. Фененко, нашелъ, что „для ритуального дѣла“ это сойдетъ. И когда вдбавокъ къ Шаховскимъ присоединилась еще семья Чеберяковъ, дѣло окончательно опредѣлилось въ слѣдующемъ видѣ.

Около мила дѣти щебечутъ, какъ стая птицъ. Бейлису какъ разъ пуженъ младенецъ для мацы. Онъ выходитъ изъ конторы, оглядывается. Цѣлая стайка дѣтей (лѣтъ по 10-ти) катается на мялѣ... Долго ли схватить одного? Бейлисъ кидается, какъ коршунъ, дѣти разлетаются подобно воробьямъ, но онъ продолжаетъ гнаться за двумя. Одинъ изъ нихъ, Женя Чеберякъ, убѣгаеть, другой, Андрюша Ющинскій, попадаетъ ему въ руки. Вотъ и отлично. Среди бѣлаго дня, при рабочихъ, которые возятъ глину *), Бейлисъ спокойно тащитъ мальчика къ пустой печкѣ, какъ хозяйка несетъ пойманного цыпленка: дѣло, очевидно, къ спѣху.

Возможно ли привлеченіе, арестъ и судъ на основаніи обвиненія, исходящаго изъ такихъ предпосылокъ? Г-нъ Фененко отъ нихъ отказывается. Г-нъ Машкевичъ ихъ принимаетъ. Бейлиса арестуютъ.

Мы живемъ въ странные времена. Недавно, въ связи съ тѣмъ же дѣломъ Бейлиса, въ Государственной Думѣ депутатъ Марковъ живописаль слѣдующую яркую картину. Дѣти въ яркій солнечный день играютъ въ садикѣ, не чуя бѣды... Но вотъ къ нимъ (среди бѣлаго дня!) уже „подкрадывается еврейскій рѣзникъ съ кривымъ ножомъ (!) и, намѣтивъ рѣзящагося на солнышкѣ ребенка, тащитъ къ себѣ въ подвалъ“.

*). Установлено документально.

Большинство депутатовъ хохотали. Тогда „ораторъ“ сталъ прямо грозить погромомъ. И это, конечно, было единственное мѣсто рѣчи, въ которомъ звучало хотя нѣкоторое правдооподобіе.

Картина, изображенная г. Марковымъ, стала чѣмъ-то вродѣ эпиграфа къ дѣлу, торжественно разбирающемуся теперь на глазахъ у всей Россіи: г. Машкевичъ опять вызвалъ Шаховскихъ, опять получиль отъ нихъ (кажется, въ одинъ день) три противорѣчивыхъ отвѣта. Показанія Шаховскихъ были подкрайнены не менѣе достовѣрными показаніями, исходящими изъ дома Чеберякъ. И это главное, что имѣется о Бейлисе по этому дѣлу! Остальное касается цадиковъ, хасидовъ, страшныхъ рѣзниковъ съ кривыми ножами, которые сторожатъ „играющихъ на мялѣ дѣтей“, и тому подобныхъ мотивовъ въ чисто марковскомъ вкусѣ... Цѣлые засѣданія проходятъ даже безъ упоминанія имени Бейлиса...

IV.

Тонъ былъ данъ. Изъ двухъ мѣсть, о которыхъ говорили въ связи съ дѣломъ Бейлиса, вниманіе правосудія повернулось рѣшительно въ сторону усадьбы Зайцева. Двухъэтажный домъ на Юрковской взять подъ защиту, и сомнѣваться въ его благонадежности стало прямо опасно. Въ показаніяхъ Шаховского одинъ только разъ на судѣ мелькнуло что-то новое. На вопросъ, почему онъ не хочетъ сказать правды, онъ отвѣтилъ угрюмо:

— Всякому жизнь мила... Меня уже били...

— Кто, кто васъ билъ? — встрепенулись гражданскіе истцы.— Васъ били евреи?..

— Нѣть, не евреи...

Господа Мищукъ и Красовскій посильнѣ Шаховского. И, однако, стоило имъ только повернуть испытующей взглядъ къ двухъэтажному дому, на который указывала молва Лукьянинки, и они потерпѣли полное крушеніе. Опасно было сомнѣваться въ невинности „врачей и профессоровъ“, посѣщавшихъ Чеберякову... Когда я былъ въ судѣ, — я видѣлъ г-на Красовскаго уже въ штатскомъ платьѣ и въ очень щекотливомъ положеніи: господа „обвинители“ настойчиво, упорно и не особенно тонко старались внушить присяжнымъ, что онъ не просто бывшій полицейскій, а мрачный злодѣй, отравившій при помощи пирожного дѣтей Чеберяковой...

Въ ритуальномъ дѣлѣ можно, очевидно, такъ „свободно“ обращаться со свидѣтелями,ничѣмъ въ сущности не опороченнымъ.

За то надъ домомъ, гдѣ жила семья Чеберяковыхъ, на глазахъ у Лукьянинки какъ будто рѣтъ нѣкое невидимое па-

трютическое знамя... Въ судѣ происходять приблизительно слѣдующіе интересные діалоги:

— Скажите, свидѣтель, вы, не правда ли, 12 марта были заняты?

— Да, быть занятъ,— отвѣчаетъ свидѣтель, приведенный подъ конвоемъ.

— Вы въ то время взламывали магазинъ Адамовича?

— Да, взламывалъ...

— И у васъ не оставалось времени для другихъ дѣлъ?..

— Не оставалось... былъ занятъ...

Конечно, нельзя утверждать положительно, что вполнѣ правильны всѣ подробности о подозрительномъ тонотѣ, о „танцовальныхъ па“ надъ головой Малицкой, о паническомъ ужасѣ Дьяконовыхъ, о томъ, наконецъ, что убийство произведено именно данными лицами при участіи Чеберяковой... Все это могло бы быть установлено или отвергнуто только судомъ... Нельзя, однако, не считать чрезвычайно своеобразнымъ положеніе, при которомъ приходится защищать отъ судебнаго вниманія тяжко заподозрѣнныхъ лицъ при помощи такихъ экстраординарныхъ аргументовъ...

На Лукьянновкѣ тоже чувствуется это заштемпелеванное отношеніе къ посѣтителямъ и жильцамъ двухъэтажнаго дома на Юрковской...

Пока мы смотримъ въ щели забора, — къ намъ по Поло-вецкой подходятъ одинъ за другимъ новые любопытные. Сегодня воскресенье. Пріѣзжаютъ изъ города... Наша кучка становится все больше. Подходятъ, смотрятъ въ щели и молчатъ. Что-то, очевидно, мѣшаетъ общему простому и довѣрчивому разговору. Я парочно не начинаю, чтобы услышать непосредственное мнѣніе. Они молчатъ, потому что не знаютъ другъ друга, а предметъ, очевидно, считается щекотливымъ.

Такъ шло до тѣхъ поръ, пока не подошелъ къ нашей компаніи человѣкъ въ длинномъ пальто и котелкѣ, полу-мѣщанско-го, полу-чиновничьяго типа. Это былъ, очевидно, человѣкъ экспансивный, подвижной и не робкій. Въ нашу молчаливую компанію онъ врѣзлся, какъ большой шмель въ стайку мухъ, прошелъ къ забору, посмотрѣлъ въ щель и, повернувшись, сказалъ:

— Ну, только я прямо говорю: тутъ жиры столько же работали, какъ и я.

V.

Это сразу разрѣшило настроеніе, и дальше мы пошли вмѣстѣ, громко разговаривая, дѣлясь впечатлѣніями и жестикулируя.

— Вы знали Ющинского? — спросил я у гимназиста и его спутника.

— А какъ же! Пріятели были. И Женю Чеберякъ, и Валю, и Люду... Вонъ тамъ, направо, — гофманская печь, куда Бейлисъ, будто бы, потащилъ Андрющу!

— Да, среди бѣлого дня... — замѣчаетъ кто-то изъ старшихъ... — Что-жъ онъ думать: другое дѣти не скажутъ?

— Конечно.

Вообще, мнѣніе дѣтей ярко и опредѣленно. Это было замѣтно и на судѣ. Ни одинъ изъ свидѣтелей-ребятъ не далъ показаній противъ Бейлиса. Ни одинъ не повторилъ, будто Бейлисъ гонялъ ихъ съ мяла и поймалъ Андрющу. На судѣ былъ такой эпизодъ. Какой-то бутузъ говорить противъ г-жи Чеберякъ. Г-жа Чеберякъ женщина цыганского типа, съ жгучими черными глазами. На очной ставкѣ она потребовала, чтобы мальчикъ смотрѣлъ ей въ глаза.

— Пусть онъ смотрѣть мнѣ въ глаза... Пусть смотрѣть въ глаза, — говорила она настойчиво и страстно. Но дѣтскіе глаза свободно устремились въ ея лицо, и мальчикъ сказалъ просто:

— Я васъ не боюсь...

Мнѣ рассказывали еще другой случай: вызвана дѣвочка. Предсѣдатель спрашиваетъ, знаетъ ли она Бейлиса? Дѣвочка нѣсколько смущена и растеряна. Она ищетъ глазами и вдругъ встрѣчается съ взглядомъ Бейлиса. Лица обоихъ освѣщаются улыбками добрыхъ знакомыхъ. Дѣвочка кланяется „страшному“ Бейлису, который гонялъ съ „мяла“ и ловилъ дѣтей на мацу. Ни прокуроръ, ни гражданские истцы не задерживали эту явно для нихъ безнадежную свидѣтельницу.

Да, дѣти рѣшительно за Бейлиса...

Есть, впрочемъ, смутныіе показанія, — и то запоздалыя и загробныя, — о Бейлисѣ и о томъ, что онъ гнался за Ющинскимъ. Это сказалъ Женя Чеберякъ, и это показаніе суду доставилъ г. Голубевъ, извѣстный дѣятель „Двуглаваго Орла“. То же говорила на судѣ Люда Чеберякъ подъ взглядами матери. Она сама не видала. Ей говорила покойная сестра Валя...

Передъ смертью сына г-жа Чеберякъ наклонялась надъ нимъ, целовала его и умоляла:

— Скажи, что твоя мама тутъ не при чемъ...

Но мальчикъ отвернулся къ стѣнѣ и сказалъ только:

— Ахъ, мама, оставь...

Я не знаю теперь въ Россіи женщины несчастнѣе г-жи Чеберякъ. И она проявляетъ изумительное самообладаніе... Во всякомъ случаѣ, это фактъ изъ дѣла неустранимый: дѣти за Бейлиса.

VI.

Мы огибаемъ заборы зайцевской усадьбы, проходимъ мимо усадьбы Марра и подымаемся на пустырь, поросший лѣсомъ.

Это усадьба Бернера и „Загоровщина“, куда такъ влекло Андрющу вмѣсто училища. И, дѣйствительно, трудно представить себѣ място, болѣе привлекательное для дѣтей. Гора широкимъ склономъ спускается къ Кирилловской улицѣ. Внизу, за ней, точно на планѣ, лежитъ чай-то кирпичный заводъ; видны навѣсы, высокія трубы и „мѣла“. За заводомъ — широкая синяя даль, подернутая легкой дымкой, луга, излучины Почайны и далеко, на самомъ горизонте, прерывистая лента Днѣпра. Луговой и днѣпровскій вѣтеръ налетасть сюда широкими, ласковыми взмахами.

Это мястечко видѣло и Андрющу Юшинскаго, и Женю, и дѣвочечку Чеберякъ, которыхъ уже нѣть на свѣтѣ. Андрюша убитъ, Женя и Валя умерли отъ дизентерии...

— Сколько разъ мы тутъ играли! — говорить гимназистъ подъ вліяніемъ нахлынувшихъ воспоминаний.

— Андрюша былъ хороший товарищъ? — спрашиваю я.

— Очень хороший. Бывало, играемъ съ нимъ въ солдатики, или во что другое, — всегда все возвратить, никогда ничего не утащить.

Меня нѣсколько удивила мѣрка правдивости въ этой молодой компаніи, и я спросилъ невольно:

— А Женя Чеберякъ?

— Женя таскаль... И потомъ станетъ спорить: „мое“.

— А очень способный былъ!.. Чушки умѣть отливать! Сдѣлаетъ въ пескѣ форму, растошитъ олово и выпьетъ пушку... Ей-Богу! Все умѣть сдѣлать...

— Но былъ вспыльчивый. Чуть что, — сейчасъ драться.

— Бывало, пристанеть: давай, поборемся. И говорю: уходи къ чорту... — Нѣть, давай! Ну, я его разъ такъ стиснуль, что онъ только запищать.

Юноша расправляетъ плечи, какъ будто съ удовольствиемъ вспоминая о расправѣ съ задорнымъ товарищемъ и забывая, что этого товарища уже нѣть на свѣтѣ.

— Ну, а дочери Чеберяковой? — спрашиваю я...

— Дѣвочки ничего... Хорошо себя держали...

— Вы съ ними тоже играли?

— А какъ же, очень часто...

Другой улыбается улыбкой взрослого надъ педавнимъ дѣтствомъ и говоритъ:

— Даже ухаживали немногого... Дѣвочки были хороши.

Здѣсь, на Загоровщинѣ, разыгрался и эпизодъ съ прутиками... Нѣкоторые свидѣтели показываютъ, что Андрюша и Женя вырѣзали по прутику. Прутикъ Андрюши оказался лучше, и Женя заявилъ на него претензію. Андрюша не отдалъ. Женя погрозилъ: — „Я скажу твоей матери, что ты не учишься, а ходишь сюда“.

И у Андрюши сорвались роковыя слова:

— А я скажу, что у васъ въ квартирѣ притонъ воровъ...

Сказалъ и очевидно забылъ, и опять прибѣжалъ вмѣсто школы на Лукьянинку... Но злонамятный Женя не забылъ и передалъ матери, конечно, не думая о страшныхъ послѣдствіяхъ этого для товарища. Можетъ быть, во всемъ ужасномъ объемѣ не думала и Чеберякова... Но въ это время въ „работѣ“ компаний часто стали случаться неудачи: Чеберякову разъ, другой, третій арестовали, дѣлали обыски, нашли краденыя вещи, таскали по участкамъ... А законы этой среды въ такихъ случаяхъ ужасны...

И вотъ, Малицкая утверждаетъ, что она слышала пазерху возню и тошотъ, и сдавленный дѣтскій крикъ...

Гипотезы въ этомъ родѣ невольно возникаютъ на лукьянинской почвѣ между заводомъ Зайцева и двухъэтажнымъ домомъ на Юрковской улицѣ...

— Для изслѣдований вы изволили взять шесть образчиковъ глины,—спрашивается на судѣ одинъ изъ защитниковъ у эксперта г. Туфанова. — И всѣ шесть съ завода Бейлиса?

— Да.

— И тожестна ни въ одномъ не оказалось... А со двора Чеберяковыхъ глину брали?

— Нѣть, не брали...

— А! Не брали,—подчеркиваетъ защита.

Этого мотива невозможно устранить изъ этого поистинѣ странного дѣла... Все оно пресыщено такими вопросами и сомнѣніями...

Среди разговоровъ мы минуемъ большой глинистый курганъ, поросшій травой... Въ немъ виднѣется пещера.

— Нѣть,—это еще не та...

Та оказывается въ нѣсколькоихъ шагахъ дальше, тамъ, где начинается склонъ къ Кирилловской улицѣ и придонѣпровскимъ лугамъ. Холмикъ разрытъ... Видна обнаженная глина. Два дерева выросли на вершинѣ холма, соединенные корнями. Подъ этими корнями зіяетъ темный ходъ, довольно круто, коридоромъ уходящій вглубь. Въ концѣ этотъ коридоръ пересѣченъ узкимъ и короткимъ ходомъ накресть, какъ дѣлаютъ обыкно-

венно кладоискатели... Въ одномъ изъ концовъ этого креста и нашли прислоненнымъ въ темномъ углу тѣло несчастнаго Андрюши Ющинскаго... Первая опознала его Чеберякова...

— Въ пещерѣ темно, а она опознала по шитой рубашкѣ,—пронически замѣчаетъ одинъ изъ юношей... Но это уже можетъ быть бытовая легенда Лукьяновки.

VII.

Назадъ мы возвращались болѣе краткимъ путемъ, наискось съ горки, на Нагорную улицу. Влѣво уходила Половецкая улица съ ея высокимъ заборомъ и глинистымъ откосомъ. Кое-гдѣ, утоная въ этомъ мрачномъ и пустынномъ проѣздѣ, виднѣются фонари, которые зажигали Шаховскіе. Страшно, должно быть, здѣсь въ темныя весенняя ночи даже при свѣтѣ этихъ фонариковъ. И воображеніе невольно рисуетъ такую мрачную ночь и вѣтеръ, свистящій на Загоровщинѣ въ голыхъ деревьяхъ, и темныя фигуры людей, несущихъ таинственную ношу...

Кто же, кто сдѣлалъ это ужасное дѣло?

На горку, точно па богомолье, идутъ однѣ за другими кучки людей. Поднимаются двумя рядами дѣвочки школьнницы, идуть горожане, чиновники, торговцы, мѣщане... Вотъ мы встрѣчаемся съ одной кучкой, громко и возбужденно обсуждающей что-то. Они спрашиваютъ у насъ дорогу къ пещерѣ.

— Ну, вотъ, господа,—говорю я безъ дальнихъ приступовъ, — вы кievляне. Скажите же, что вы думаете объ этомъ дѣлѣ?

— То-то, что вотъ... милостивый государь.—говорить одинъ возбужденно.—Не знаемъ, что и думать. Еще недавно казалось намъ одно... Ну, теперь выходить совершенно наоборотъ...

Компанія, очевидно, до извѣстной степени черносотенная, но и для добросовѣстной черносотенной массы истина становится все болѣе очевидной. На одной сторонѣ чувствуется живая, бытоваая правда. Свѣтить солнце, играютъ дѣти, рѣжутъ прутики, ссорятся, жалуются другъ на друга, по дѣтски грозятъ... Двухъэтажное зданіе на Верхней Юрковской улицѣ кидаетъ тоже совершенно реальную тѣнь на мирную картину. Его посѣщають люди вполнѣ опредѣленного склада и профессіи, близость съ которыми для дѣтей всегда опасна. Здѣсь изобрѣтаются планы воровства, ночныхъ набѣговъ и разгромовъ...

На другой сторонѣ фантастической бульварный романъ, безъ всякой прочной связи съ бытовой обстановкой и реальной жизнью.

— Какъ вы думаете, — спросилъ я у своего спутника, интеллигентнаго киевскаго жителя, — кому слѣдовало бы судить несчастнаго Бейлиса?

— Я поручилъ бы судить его лукьянновцамъ, — отвѣтилъ онъ.

Черезъ полчаса вагонъ несъ насъ по улицамъ современаго Киева, съ красивыми домами, вывесками, газетами и электричествомъ. А въ душѣ стояло ощущеніе XVI-го столѣтія.

1913 г.

Бейлисъ и мултанцы.

I.

Въ засѣданіи кіевскаго суда 18 октября, между другими интересными разговорами, вызванными психиатрической экспертизой, произошелъ и разговоръ о памятномъ мултанскомъ дѣлѣ. Г. прокуроръ спросилъ у проф. Бехтерева: „Не приходилось ли ему въ судебной патологии встрѣтить указаний на человѣческія жертвоприношенія вотяковъ въ мултанскомъ дѣлѣ“. По самой формѣ вопроса выходило, что таковое жертвоприношеніе было въ дѣйствительности и должно бы быть занесено въ учебники судебной патологии. По этому поводу г. Грузенбергъ попросилъ предсѣдателя удостовѣрить, что мултанцы были оправданы судомъ. На это г. Замысловскій съ своей стороны замѣтилъ совершенно справедливо:

— А я заявляю, что оправдательный приговоръ послѣдовать послѣ двухъ обвинений...

Упоминаніе о мултанскомъ дѣлѣ по поводу дѣла Бейлиса было совершенно естественно: по существу обвиненія родственны. До такой степени родственны, что обвинитель вотяковъ началъ свою первую рѣчь съ категорического заявленія: „Извѣстно, что евреи употребляютъ христіанскую кровь для паекальныхъ опрѣсноковъ“. А обвинители Бейлиса заявляютъ:

— Извѣстно и должно бы быть занесено въ учебники, что мултанскіе вотяки принесли въ жертву человѣка.

Мнѣ кажется, однако, что со стороны обвинителей это шагъ нѣсколько неосторожный. Вѣдь если для насть, обывателей, публицистовъ, партикулярныхъ людей, истина далеко не всегда „есть результатъ судоговоренія“ (выраженіе Щедрина), то для прокурора въ засѣданіи суда судебный приговоръ, прошедший всѣ инстанціи, долженъ бы, кажется, имѣть значеніе нѣсколько большее, чѣмъ, напримѣръ, экспертиза г. Пранайтиса. И едва ли такимъ приговорамъ дозволительно придавать въ глазахъ присяжныхъ значеніе, прямо противоположное ихъ буквальному смыслу.

Обвинители, во время оживленного обмена мнений съ защитой, сослались, кажется, на книгу Штрака. Хотя книга эта („Кровь въ вѣрованіяхъ и предразсудкахъ человѣчества“) очень почитная, и едва ли обвинители Бейлиса съ такой же готовностью примутъ всѣ остальные ея тезисы,—но все же намъ кажется, что приговоръ русскаго суда для официальныхъ представителей правосудія компетентнѣе даже цитаты изъ этой книги.

Вообще съ этой цитатой произошла история довольно забавная. Она показываетъ, до какой степени трудна борьба съ предразсудками и съ какой легкостью, разъ уничтоженные, они оживаются въ умахъ людей, предрасположенныхъ къ этой психіатрической инфекціи.

Мултанскихъ вотяковъ обвиняли въ томъ, что они въ неурожайный годъ рѣшились умилостивить „злого Бога Курбона“ присенiemъ въ жертву „двуогаго“. Первый скѣдѣнія объ этомъ новомъ божествѣ доставилъ обвиненію одинъ изъ урядниковъ. Если не ошибаюсь, фамилія этого ритуального эксперта-этнографа—Соковиковъ. Къ просвѣщеній экспертизѣ этого урядника обвиненіе отнеслось съ трогательнымъ довѣріемъ, и свирѣпый Курбонъ водворился въ обвинительный актъ. За принесеніе ему человѣческой жертвы не только судили, но и осудили дважды семь человѣкъ...

Между тѣмъ, на дѣло обратила внимание печать, ученые этнографы и судебная медицина. Отъ этого прежде всего пострадалъ знаменитый Курбонъ. Оказалось (съ такими господами это случается частенько), что сей Курбонъ — просто самозванецъ и никакимъ, даже иноминальнымъ бытіемъ на семъ свѣтѣ не пользуется. Самое слово „Курбонъ“ значить только молитва или мѣсто моленія (сравни мусульманское Курбанъ-Байрамъ). По этой причинѣ даже обвинитель вынужденъ былъ отказаться отъ этого продукта урядницкой этнографіи, и єдиный Курбонъ подвергся позорному изгнанію изъ дѣла. Въ своемъ отечествѣ онъ пересталъ пользоваться вниманиемъ даже въ глазахъ тогдашнихъ ритуалистовъ.

Но лукавый силенъ. Въ промежуткѣ между возникновеніемъ дѣла и окончательнымъ оправданіемъ вотяковъ хитрый Курбонъ успѣлъ пробраться за границу.

Образъ этого оригинального вотскаго демона и вся картина присенія ему фантастической жертвы поразила воображеніе иностранцевъ, какъ яркий бульварный романъ, подтвержденный авторитетомъ русскаго суда! Иностранцы пріютили изгнанника. О „свирѣпомъ духѣ“ заговорили даже въ лондонскомъ антропологическомъ обществѣ, гдѣ онъ именовался „The evil spirit Courbano“. Даже послѣ того, какъ выяснилась совер-

шеннай неосновательность обвиненія, и вотяки были окончательно оправданы,—проходимецъ все еще путешествовать за границей, втихомолку пробираясь даже на страницы ученыхъ трудовъ. Такъ, онъ проникъ и въ прекрасную книгу Штрака, гдѣ и приотился въ нѣсколькихъ строчкахъ (стр. 37 — 38). Съ переводомъ этой книги на русскій языкъ Курбонъ опять вернулся на родину. А такъ какъ извѣстно, что назначеніе злыхъ духовъ сѣять заблужденія и содѣйствовать всячески искаженію истины, то здѣсь, при содѣйствіи г. прокурора, онъ внезапно вынырнулъ въ залъ кievскаго окружнаго суда, въ удобной для себя атмосферѣ, между экспертизой проф. Сикорскаго и ритуальными рассказами патера Пранайтиса. Эта духовная особа находитъ, какъ извѣстно, что „устранивъ чудесное, мы ничего не можемъ понять въ этомъ дѣлѣ“. Ну, вотъ—Курбонъ и оказался тотчасъ же къ услугамъ кievскаго правосудія для болѣе яснаго пониманія дѣла Бейлиса.

II.

Какъ бы то ни было, бѣдные мултанцы рѣшительно ускользнули съ поля зрѣнія не только проф. Сикорскаго, которое вообще фантастично и туманно, но и проф. Бехтерева, который то, что есть въ его области, — видѣть съ полною ясностью. На страницы учебниковъ „судебной патології“ попадаютъ только преступники, а мултанцы оправданы при такихъ условіяхъ, что сомнѣваться въ правильности оправдательного приговора невозможно. Мултанскіе вотяки — не еврейскіе „банкиры“ и не „капиталисты“, о которыхъ говорилъ г. Сикорский; они не имѣютъ претензій вліять на міровые денежные рынки и не держать „въ своихъ рукахъ всѣ правительства“. Они только бѣдные земледѣльцы, которымъ довелось попасть въ руки властей, одержимыхъ неодолимымъ желаніемъ раскрыть во что бы то ни стало ритуальное преступление.

Но если бѣдные вотяки не годятся такимъ образомъ въ объекты судебной психології, то это не значитъ всетаки, что и все мултанское дѣло не является поучительнымъ. Во всякомъ процессѣ неизбѣжно есть двѣ стороны: одна—обвиняемые, другая—обвинители. Обвиняемые мултанцы въ объекты криминальныхъ наблюдений не годятся. Они не преступники. Остаются, значитъ, гг. обвинители.

Это, кажется, ясно. Г. Замысловскій справедливо и весьма кстати замѣтилъ, что всетаки мултанцы были дважды осуждены. Въ данныхъ обстоятельствахъ, это значитъ, что дважды удалось добиться у присяжныхъ обвиненія невинныхъ людей.

А это уже эпизодъ несомнѣнно судебнo-психіатрической,

указывающей на серьезное въ данномъ случаѣ заболѣваніе самого правосудія, отчасти близкій къ криминалу.

Съ этой точки зреія мултанское дѣло поучительно въ высочайшей степени, и я радъ, что могу этими фактическими поясненіями дополнить упоминанія о немъ гг. обвинителей Бейлиса. При томъ и симптомы заболѣванія констатированы точно и ясно частью даже въ сенатскихъ решенияхъ. Я позволю себѣ поэтому привести здѣсь нѣкоторые характерные черты изъ скорбнаго листа, какъ онъ гласить по мултанскому дѣлу.

Болѣзнь начинается съ чрезвычайной восприимчивости къ темнымъ толкамъ, зарождающимся въ самыхъ непросвѣщенныхъ слояхъ общества. Легковѣріе достигаетъ такой степени, что судебные дѣятели съ высшимъ образованіемъ принимаютъ на вѣру экспертизу урядниковъ, и слово, означающее молитву, кощунственно превращаютъ въ судебныхъ актахъ въ темного и злого духа.

Дальнѣйший ходъ болѣзни сопровождается нѣкоторыми проявленіями жестокости и склонности къ извращенію законныхъ приемовъ слѣдствія. Въ дѣлѣ установлено официально, что поліція (дѣйствіями которой энергично руководилъ товарищъ прокурора) производила насилия надъ свидѣтелями, запугивала ихъ и даже вынуждала свидѣтелей-христіанъ къ кощунственной присягѣ надъ дугой и чучеломъ медведя (тоже результатъ урядницкой этнографіи!).

Еще дальше проявляется удивительное ослѣпленіе слѣдственныхъ и поліцейскихъ властей, мѣшившее имъ видѣть настоящихъ преступниковъ, и странная благосклонность къ свидѣтелямъ уголовного типа. Въ мултанскомъ дѣлѣ это дошло до уничтоженія слѣдовъ преступленія, вслѣдствіе чего преступники фигурировали на судѣ въ роли „благонадежныхъ свидѣтелей“.

Затѣмъ обнаруживается неодолимое тяготѣніе къ глухимъ угламъ и присяжнымъ самого сѣраго состава. Не смотря на прямыхъ требованія сената, суды всѣ три раза вдвигали разбирательство въ предѣлы того же глухого края, где присяжные почти силою состояли изъ крестьянъ (проявляется своего рода интеллекто-боязнь).

Во время самого разбирательства замѣчается, во-первыхъ, неномѣрное вліяніе на судь прокуратуры (особенно подчеркнуто сенатомъ), и во-вторыхъ, предпочтеніе обвинительныхъ показаний передъ противоположными. Эта болѣзненная склонность проявилась въ формѣ очень сильной и чрезвычайно упорной: воспользовавшись тѣмъ, что темные вотяки пропустили семидневный срокъ, саранульскій судъ отказать въ вызовѣ всѣхъ свидѣтелей защиты. Сенатъ пытался дважды вернуть судей къ здоровымъ взглядамъ на права подсудимыхъ, но усилия

остались тщетны. Всѣ три разбирательства (даже то, когда мултанцы оправданы) прошли безъ единаго свидѣтеля защиты...

Если прибавить, что во время самого разбирательства защитѣ пришлось вскрыть, въ присутствіи присяжныхъ засѣдателей, четыре подлога въ обвинительномъ актѣ и одинъ подложный планъ, приложенный къ дѣлу официально, — то тяжела картина „ритуальной“ болѣзни суда представать въ болѣе или менѣе полномъ видѣ. Послѣдствія отмѣчены г. Замысловскимъ: это было двукратное обвиненіе невинныхъ!

Таковы судебно-патологическіи данныи, которыя установлены точно въ мултанскомъ дѣлѣ, призывающіе нынѣ обвиненіемъ, какъ вспомогательный матеріалъ въ дѣлѣ Бейлиса. Отсюда, надѣюсь, ясно, что симптомы болѣзни, подлежащей внѣсенію въ учебники судебной патологии, коренились въ данномъ случаѣ не въ каннибализѣ среди, а въ серьезномъ уклоненіи правосудія отъ здороваго органическаго состоянія. Не знаю, какъ квалифицируеть эту болѣзнь судебная медицина. Мне кажется, однако, что для нея очень подходило бы название *mania ritualis*.

Болѣзнь не новая. Были вѣка, когда она съ страшною силой охватывала цѣлые мѣстности и народы. Подъ влияніемъ такого именно психо-юридического настроенія — сотнями возникали въ средневѣковой Европѣ процессы еретиковъ, колдуновъ и вѣдьмъ. Это былъ уже настоящій и очень тяжелый психозъ, длившійся вѣка. Приговоры постановлялись по всѣмъ правиламъ тогдашней юриспруденціи, и въ одной Германии въ теченіи XVI и XVII столѣтій сожжено свыше ста тысячъ вѣдьмъ. Изувѣрскіе суды считали признаніе, добытое пытками, доказательствомъ „болѣе очевиднымъ, чѣмъ сама истина“. На кострахъ гибли иной разъ „вѣдьмы“, обвиненные въ умерщвленіи дѣтей, которыхъ оказывались живы и невредимы (какъ это нынѣ то и дѣло случается съ дѣтьми, которыхъ яко-бы убиваютъ евреи). Психическая зараза достигала такой интенсивности, что доносы поступали отъ мужей на женъ, отъ братьевъ на сестеръ. И наконецъ, одинъ изъ самыхъ жестокихъ судей, авторъ книги „*Daemonolatria*“, Ремигій, дошелъ до такого изступленія, что вообразилъ себѣ одержимымъ, донесъ на самого себя и далъ себѣ сжечь на кострѣ.

Время было жестокое и полное суровой, хотя и темной искренности. Разумѣется, въ наши просвѣщеніе дни нельзѧ опасаться, что это патологическое состояніе можетъ принять такія ужасныя, самоистребительныя формы, опасныя для господина товарища прокурора и гг. частныхъ обвинителей. Нельзѧ, однако, отрицать, что и въ формахъ менѣе острыхъ, обращенныхъ лишь на третыхъ лицъ, — такая болѣзнь способна навести на самыя тревожныя размышленія.

БИБЛIOГРАФИЧЕСКИЯ ЗАМѢТКИ И РЕЦЕНЗИИ.

И. А. Гончаровъ и „молодое поколѣніе“.

(Къ 100-лѣтней годовщинѣ рожденія *).

„Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво, только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное хранилье на всѣ тоны и лады.

„Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безмыслиемъ, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ или, не открывая глазъ, плюнетъ спросонья и, почавкавъ губами или проворчавъ что-то подъ носъ себѣ,—опять заснетъ.

„А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовлений, вскочить обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоценныя минуты, схватить кружку съ квасомъ и, подувъ «на плавающихъ тамъ мухъ такъ, чтобы ихъ отнесло къ другому краю,—отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія,—промочить горло и потомъ падеть опять на постель, какъ подстрѣленный».

Я не буду продолжать этихъ выписокъ. Всякій русскій читатель хорошо помнить эту изумительную картину сна, отъ которой вѣтъ настоящимъ соннымъ кошмаромъ, которая угнетаетъ воображеніе, опутываетъ умъ какими-то частыми, клейкими, вѣжущими нитями, гипнотизируетъ и подавляетъ волю. Читаетъ и чувствуешь, что личные мускулы сжимаются, подходитъ невольная судорожная зѣвота...

Знаменательна при этомъ небольшая деталь: мухи въ кувшинѣ съ квасомъ. Онѣ уже заснули мертвымъ сномъ въ медленно убивающей тепловато-кислой гущѣ... Кто-то спросонья подулъ на нихъ и... онѣ начинаютъ шевелить ножками „въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія“. Напрасно: тотъ, кто на время привелъ въ движеніе убивающую ихъ среду,— сдѣлалъ это лишь спросонья, и опять его могучий храпъ носится надъ ихъ полусонной агоніей...

*.) Эта статья предназначалась въ I томъ, выѣтъ съ другими статьями того же характера. По случайнымъ причинамъ—она помѣщается здѣсь.

Гончаровъ былъ одинъ изъ самыхъ яркихъ реалистовъ гоголевской школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его творчествѣ часто прорывался символизмъ. Порой намѣренный и потому не особенно удачный, порой художественно-бесознательный, какъ въ этой детали. Эта картина мушиной агоніи поразительно отѣняетъ все изображеніе: является представленіе о чёмъ-то еще живомъ, способномъ летать, но уже умирающемъ въ атмосфѣрѣ неподвижнаго зноя и кошмарнаго сна. „А ребенокъ все наблюдалъ и наблюдалъ“... И вы чувствуете, что дѣтская душа тоже беспомощно бѣтесь, пытаясь взлетѣть надъ этимъ царствомъ спа, но тонкія нити уже опутываютъ линкою сѣтью дѣтскую душу... Это—исторія и Обломова, и Адуева, и Райскаго... Это, наконецъ, символическая картина всего до-реформеннаго (и отчасти и пореформеннаго) русскаго строя, Обломовка—его геніальная иллюстрація, навѣки засосанный ею Обломовъ—его типическій продуктъ, Гончаровъ—его пѣвецъ, изобразитель и сатирикъ.

Гончаровъ признавать, что Добролюбовъ вѣрою объяснилъ ему значеніе его собственнаго творчества, „Обломовъ“—страшная сатира. Но Гончаровъ, изображая ее, не чувствовалъ себя сатирикомъ. Для сознательной сатиры нуженья паѳосъ или хоть лиризмъ отрицанія, ненависти, смѣха. У Гончарова для всей описываемой имъ жизни была только симпатія и любовь... „Можетъ быть,—пишетъ онъ („Лучше поздно, чѣмъ никогда“),—мои лица кажутся другимъ не такими, какъ я понимаю ихъ... потому еще, что въ нихъ сквозитъ много близкаго и родного автору, и замѣтно пробивается кровная любовь къ нимъ“.

Гончаровъ скромничалъ: онъ долженъ былъ бы хорошо знать, что большинство выведенныхъ имъ лицъ отличаются поразительной реальностью. Онъ приписываетъ это своей любви къ изображаемому быту и говоритъ далѣе о томъ, что такая любовь къ изображаемому необходима всякому художнику. Въ примѣръ онъ приводитъ, между прочимъ, Гоголя, Тургенева и даже Щедрина. Но Гоголь, консерваторъ и крѣпостникъ въ холодной мысли, чувствовалъ пламенную ненависть къ поро-камъ тогдашней Россіи. Онъ сознательно высмеивалъ ихъ въ лицѣ своихъ героевъ. Тургеневъ еще болѣе сознательно отрица́лъ уже крѣпостное право, отдавая свои мягкия симпатіи угнетенной сторонѣ. Щедринъ прямо ненавидѣлъ Пешехонье съ его Головлевыми...

У Гончарова другое: онъ любить именно то самое, что огромный талантъ могъ ему изобразить съ такой бесознательно сатирической силой. Гончаровъ много разъ повторять,

что самъ чувствуетъ себя Обломовымъ. Конечно, относительно человѣка, написавшаго между прочимъ „Фрегатъ Палладу“ (для чего пришлось сдѣлать кругосвѣтное путешествіе на папусномъ суднѣ) и давшаго столько превосходныхъ произведеній,—это нужно понимать съ большими ограниченіями. Но психологически это все таки вѣрно. Онъ, конечно, мысленно отрицалъ „обломовщину“, но внутренне любилъ ее безсознательной глубокой любовью. При всемъ ужасѣ, который во всякомъ живомъ человѣкѣ возбуждаетъ картина обломовскаго сна,—откуда-то изъ глубины души незамѣтно просачивается баюкающая струйка, лѣниво ласкающая, тихо манящая:—Эхъ, попасть бы вотъ этакъ же... И такая же безсознательная враждебность къ слишкомъ рѣзкимъ звукамъ, нарушающимъ тяжелое благодущіе этого „покоя, близкаго къ смерти“.

Послѣобѣденный сонъ въ Обломовкѣ—это поэзія дѣтства самого Гончарова. Правда, онъ происходилъ не изъ дворянской семьи, а изъ городской, купеческой. Но бiографы отмѣ чаютъ, что домъ Гончаровыхъ былъ точная копія обломов ской барской усадьбы, а городъ, гдѣ онъ находился—Симбирскъ.

Симбирскъ—приволжскій городъ, пристань, по изъ всѣхъ приволжскихъ городовъ это самый тихій, сонный и застой ный. Всякій,ѣхавшій хотя бы въ качествѣ туриста по Волгѣ, навѣрное побывалъ въ Нижнемъ, Казани, Самарѣ, Саратовѣ... Просто изъ любопытства, потому что во время продолжитель ной стоянки парохода тамъ что-то сверкаетъ, гремитъ, переливается и манить незнакомой и бойкой жизнью. Симбирскъ спрятался за гору. Къ нему очень трудно взобраться по огромному и трудному взвозу (изображеному въ „Обрывѣ“), и самъ онъ какъ будто недоброжелательно и угрюмо желаетъ, чтобы этотъ беспокойный пароходъ съ толпой суетящихся людей отвалилъ поскорѣе, оставивъ его въ спокойной дремотѣ. Если все таки вы преодолѣете и трудности вѣзда, и какое-то ощущеніе равнодушия и даже нерасположенія, вѣющаго съ этихъ крутыхъ склоновъ, то найдете приблизительно то же, что описывалъ Гончаровъ: „По приѣздѣ домой по окончаніи университетскаго курса, меня обдало той же „обломовщиной“, какую я наблюдалъ въ дѣтствѣ“. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя. Тѣ же большую частью деревянные дома и домишкі, съ мезонинами, съ садиками, окруженные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, безконечные заборы... та же пустота и безмолвіе на улицахъ... Такъ и хочется заснуть самому“... Не смотря на то, что внизу льется бойкая жизнь ве-

ликой рѣки, городъ будто заливъ солнцемъ одурью степи. Въ послѣдніе годы мы знали много о жизни другихъ городовъ и губерній, особенно приволжскихъ. Тамъ всетаки вскипала какая-то борьба, порой заявляла о себѣ земскій либерализмъ, потомъ брала верхъ реакціи, бурлили двѣ-три газеты... Ничего подобнаго мы не слышимъ о Симбирскѣ, и даже первая газета, если не ошибаемся, явилась тамъ очень недавно... Въ этомъ сонномъ городѣ вамъ укачутъ, близъ Киндяковской рощи, бывшую Гончаровскую усадьбу, послужившую моделью для Обломовки, и обрывъ, подъ которымъ раздавались зловѣщіе выстрѣлы Марка Волохова, предвѣщающіе полосу русской жизни.

Тутъ запали въ душу Гончарова основные элементы его художественного творчества. Съ инстинктомъ крупнаго художника, онъ, сынъ купца, почувствовать, что настоящая родина его дарованія—не купеческая лавка, не бойкая пристань, а тихая патріархальная дворянская усадьба, проникнутая насквозь старыми завѣтами дореформенного строя. Въ нее онъ перенесъ и свои художественные интуїціи, и великую способность изображенія, и... свои глубокія симпатіи...

Правда, онъ не былъ ни крѣпостникомъ, ни ретроградомъ по убѣжденію; въ своихъ романахъ онъ касается многихъ „переходныхъ мотивовъ“ тогдашней эпохи, а въ своихъ автобиографическихъ статьяхъ вполнѣ благожелательно отзывается о реформахъ Александра II. Но его дѣятельные Штолцы и Тупины фигуры довольно блѣдны и всегда второстепенныя. Онъ ихъ одобряетъ,—да; но довольно къ нимъ равнодушенъ. Внутреннимъ свѣтомъ его симпатій и любви освѣщены другие персонажи: бабушка изъ „Обрыва“, Викентьевъ, Маренинъ, Вѣра, даже... Обломовъ. Обломова онъ то скливо жалѣеть, но невольно чувствуется, что весь строй бабушкинаго царства ему глубоко, органически симпатиченъ, а фигура бабушки вырастаетъ мѣстами въ полуисторическое олицетвореніе Россіи. Рисуетъ онъ ихъ съ художественной правдой, превращающей то и дѣло панегирикъ въ сатиру, но все же симпатіи его распределены довольно ясно: старозавѣтной бабушкѣ—любовное обожаніе и преклоненіе: прогрессивнымъ персонажамъ — дань полуобязательного уваженія; мечтательнымъ Райскимъ—снискожительное преибраженіе, не лишенное отвѣтника симпатій. Марку Волохову — глубокое органическое отвращеніе и ненависть.

II.

Позволю себѣ остановиться на одномъ своемъ юношескомъ воспоминаніи.

Помню, при чтении „Обрыва“, меня, тогда гимназиста, съ душой, уже смутно откликающейся на „новая вѣнія“ въ литературѣ и жизни, поразила одна черточка, брошенная Гончаровымъ вскользь и какъ бы мимоходомъ. Относится она къ бабушкѣ, и ей Малиновскому царству. Когда заболевала Марѳинка, Вѣра или хоть Райской,—бабушка тревожится, зоветъ врача, сама придумываетъ всевозможныя средства. Когда болѣзнь посѣщаетъ людскую,—бабушка тоже проявляетъ заботы (она человѣкъ очень добрый), но часто это кончается тѣмъ, что больную отправляютъ къ Меланхолихѣ.—бабѣ лѣкаркѣ, „къ которой отправляли дворовыхъ и другихъ простыхъ людей на вылѣчку“. „Вывалю, говоритъ Гончаровъ, посты ея лѣченія иного скоробить на весь вѣкъ въ три погибели, или другой перестанетъ говорить своимъ голосомъ, а только кряхтить потому всю жизнь; кто-нибудь воротится отъ неї безъ глаза или безъ челюсти, но все же боль проходила, и мужикъ или баба работали опять. Этого было довольно и больнымъ, и лѣкаркѣ, а помѣщиковъ и подавно“ *).

Гончаровъ несомнѣнно огромный художникъ, и даже второстепенные мазки его кисти трепещутъ правдой, порой совершенно неожиданно для автора. Въ приведенномъ эпизодѣ бабушка вся, съ ея личной добротой и съ чертами ея среди. Помню рѣзкое впечатлѣніе, которое на меня въ тогдапшемъ моемъ критическомъ настроеніи произвела эта Меланхолиха съ ея приемами, удовлетворившими всѣхъ, „а помѣщиковъ и подавно“. Помѣщиковъ... въ томъ числѣ и бабушку... Гончаровская бабушка внушала мнѣ лично невольную спинацию, пока я глядѣлъ на нее съ барской половины, глазами Марешинки... Отсюда бабушка—ангель. Добрая она и въ людской... Но вотъ приходятъ Базаровы и Марки Волоховы и устанавливаютъ новую точку зрѣнія. Они судятъ общественные отношения и возлагаютъ на людей ответственность за эти отношенія. И съ этой новой точки зрѣнія на крѣпостныхъ бабушекъ ложится вина даже за „доброту“ крѣпостной Россіи. Гончаровъ относится къ прошлому благодушно: онъ чувствовалъ и умѣлъ показать лицью, психологическую такъ сказать доброту бабушки. Мы видѣли въ самомъ рабовладѣльскомъ порядке злодѣйство и не прощали его даже лучшимъ изъ бабушекъ. Это была нѣкоторая односторонность. Но она противополагалась другой односторонности и въ об-

*.) Приншу благодарность незнакомой читательнице, внесшей пѣкоторые поправки въ мои цитаты, сдѣланныя въ первоначальной редакціи этой статьи,—на память и весовѣмъ точно.

щемъ эта новая точка зрѣнія несла новую правду человѣческихъ отношеній...

Я, конечно, тогда не думалъ обѣ всемъ этомъ въ такой связности и последовательности, но все же, вспоминаю, что я рѣзко ощущалъ весь этотъ зашутанный узелокъ нравственныхъ противорѣчий, изъ котораго вытекало для тогдашняго поколѣнія очень многое. Въ нихъ и была сила Марка Волохова, т. е. того, кто чудился Гончарову за этой фигуру. И мнѣ было обидно не за Марка Волохова (я тогда не зналъ еще людей этого рода), а за ту смутно предчувствуемую „радикально“ рѣзкую правду, которую Гончаровъ покрывалъ этимъ несомнѣнно враждебнымъ олицетвореніемъ. Въ воздухѣ носилась нравственная потребность новыхъ широкихъ оцѣнокъ. Малиновскій строй бабушкина царства символизировалъ для Гончарова Россію. Для настѣ выступала потребность переоцѣнки этого бабушкина строя съ совершенно новой точки зрѣнія. И было ясно, что эта переоцѣнка не можетъ остановиться такъ же благоразумно, какъ это дѣлали гончаровскіе Тушины и Волковы, у предѣловъ „свыше предначертанныхъ реформъ“. Критика уже задѣла въ бабушкиномъ царствѣ не только то, что сама бабушка благосклонно готова была признать ошибочнымъ: она переносила вопросъ въ другую плоскость, она заставляла смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія чужой, не допускающей никакого примиренія, съ точки зрѣнія, которая ангела-бабушку превращала чуть не въ злѣющаго демона, а демоновъ отрицанія, Волоховыхъ, дѣлала въ глазахъ Марениекъ ангелами... Въ своей статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ Гончаровъ пытается поставить вопросъ о томъ, какъ могла Вѣра полюбить Марка, и оставляетъ его неразрѣшеннымъ. Онъ и не могъ рѣшить его сознаніемъ. Но, какъ художникъ, онъ сдѣлалъ много для его рѣшенія. Его Волоховъ — не живой образъ, но его Вѣра жива. На мой взглядъ она понятнѣе, живѣе, индивидуальнѣе тургеневской Елены: въ ней ярче чувствуется то, что переживало тогдашнее „молодое“ поколѣніе (поколѣніе нынѣшихъ бабушекъ), когда передъ нимъ впервые сверкнулъ опьяняющій зовъ новой, совершенно новой правды, идущей на смѣну основамъ бабушкиной мудрости. Кто сказалъ А., тотъ долженъ говорить дальше до Z. Тогдашнее поколѣніе начало эту новую азбуку. Наше ее еще не договорило.

III.

Съ Марка Волохова началось рѣзкое охлажденіе къ Гончарову не только въ такъ называемомъ „молодомъ поколѣніи“, но и въ прогрессивномъ обществѣ вообще. А нельзя забы-

вать, что русское общество было тогда прогрессивно въ цѣломъ...

Это охлажденіе Гончаровъ чувствовалъ очень болѣзненно.

Въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ онъ пытается оправдать своего Волохова (какъ художественный образъ, конечно) и защититься отъ упрека, что въ Волоховѣ онъ окарикатурилъ „молодое поколѣніе“. Но защита показала только, какъ далеко ушелъ онъ отъ пониманія и этого „молодого поколѣнія“, и особенной психологіи „пуреформенного“ русского общества. Дореформенную Русь онъ понималъ и любилъ, любилъ съ ея Малиновками и Обломовками. Къ пуреформенной, суетливой и тревожной, онъ былъ чисто по обломовски равнодушенъ и скоро совсѣмъ потерялъ ее изъ виду.

„Меня крайне удивляло,—писалъ онъ,—какъ молодое поколѣніе могло принять Волохова на свой счетъ, кромѣ развѣ самихъ Волоховыхъ... Волоховъ будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформѣ—и туда уложило всѣ силы!.. Поколѣніе, которое—прежнюю, автоматическую военную массу—энергически помогло вождю ея преобразовать въ современную осмысленную и грозную силу. Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творить во всѣхъ отрасляхъ... Поколѣніе молодыхъ умовъ и дарованій... сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объясняя и проводя въ массу идеи, виды и цѣли великаго преобразователя... И все это Волоховы? Кому могла прийти такая мысль?“

Протестъ горячий и, повидимому, совершенно искренний, но въ немъ есть одно крупное недоразумѣніе. Гончаровъ признаетъ, что Волоховъ—фигура рѣзко отрицательная, но не хочетъ, чтобы ее обобщали. „Въ первоначальномъ планѣ „Обрыва“,—говорить онъ въ той же статьѣ,—на мѣсто этого рѣзкаго типа, тогда еще не существовавшаго, у меня было предположеніе сосланный по неблагонадежности подъ присмотръ полиціи, выключенный изъ службы, изъ школы либераль за грубость, за неповиновеніе начальству... Но, какъ романъ развивался со временемъ, то и лица принимали черты и духъ времени событий. И вотъ, Волоховъ уже радикаль и кандидатъ въ демагоги, отъ праздной теоріи безусловнаго отрицанія готовъ перейти къ дѣйствію—и перешелъ бы, если бы у насъ могла демагогія выразиться ярче, т. е. если бы у насъ была возможна широкая пропаганда коммунизма, интернациональная подземная работа и т. и.“.

Итакъ, Гончаровъ говоритъ „молодому поколѣнію“: что вы, Богъ съ вами! Вѣдь я это не о васъ. Я о тѣхъ грубіянахъ,

которыхъ исключаютъ со службы, которыхъ ссылаютъ. А развѣ
васъ исключаютъ, развѣ васъ ссылаютъ, васъ, помогающихъ
правительству въ его благихъ начинаніяхъ, васъ, отлично
проходящихъ разнаго вида благонадежныя поприща? И какъ
бы для того, чтобы не оставить сомнѣнія, кого именно онъ
разумѣеть подъ Маркомъ Волоховыемъ, онъ прибавляетъ въ
выносѣ:

„Къ несчастію все это (т. е. массовое появленіе Волоховыемъ)
оказалось возможнымъ и у насъ, какъ это подтверди-
лось съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1875 года, когда были написаны
эти строки“.

Съ начала 1870-хъ годовъ, какъ всѣмъ извѣстно, молодежь
была охвачена стремлѣніемъ „въ народъ“, т. е. массовой по-
пыткой перерѣшить всѣ вопросы „бабушкинаго“ благоустро-
ства“ съ новой точки зрењія, которую она считала точкой
зрењія самого народа...

И Гончаровъ паинично полагалъ, что, хвали умѣренныхъ
Тушиныхъ и благонравныхъ Винкентьевыхъ, обзываая Волоховыемъ
все, охваченное молодыми утопіями и хронически-рус-
скимъ протестантствомъ,—онъ дѣлаетъ шагъ къ примиренію
съ „молодымъ поколѣніемъ“... Или хотя бы съ тѣми, кто
представлялъ „молодое поколѣніе“ въ его время, а теперь
(т. е. когда онъ писалъ „Лучше поздно“) уже остынился и бла-
гополучно слился съ бытовымъ строемъ „пoreформенной Россіи“.

Казалось бы, почему бы и неѣть? Почему бы, по крайней
мѣрѣ, масса общества не могла простить Гончарову его Во-
лохова, во имя его признанія реформъ, которыми само оно,
повидимому, удовлетворилось, которая,—какъ можно было бы
думать,—приняло и призвало? Когда-нибудь историкъ, быть
можетъ, остановится въ недоумѣніи передъ этимъ фактомъ,
но теперь мы еще понимаемъ его. Характерная черта не-
сколькихъ пореформенныхъ десятилѣтій состоить въ рѣзкой
неудовлетворенности: молодежь въ рядѣ смѣнявшихъ другъ
друга поколѣній была охвачена рѣзко антиправительственнымъ
настроениемъ, выразившимся въ непрерывныхъ студенческихъ
безпорядкахъ и движеніяхъ къ народу, въ отказѣ отъ привилѣй
и традицій... Среднее образованное общество сочувствова-
вало молодежи, а не правительству.

Какъ бы ни относиться къ этому явленію,—одобрять или
порицать его, объяснять неопределенностью классовой струк-
туры или незаконченностью великихъ реформъ, или чѣмъ-
нибудь другимъ,—по фактѣ общеизвѣстенъ: русское общество
второй половины XIX вѣка было настроено сплошь оппози-
ціонно. У него не было своей прочной идеологии, которую

оно могло бы противопоставить утопической идеологии своей молодежи. На основании своего житейского опыта „отцы“ отрицали утопическую построение, но въ области общественной этики они конфузились и отступали передъ дѣтьми.

Еще одно воспоминаніе изъ временъ моей молодости. Комиссія по изслѣдованию важного политического преступленія допрашиваетъ въ Москвѣ юношу-студента, арестованаго по этому дѣлу. Молодой человѣкъ среди показаній жалуется, что его держатъ въ очень нездоровомъ помѣщеніи...

— Это въ какой части?—спрашиваетъ одинъ изъ членовъ комиссіи, товарищъ прокурора.

— Въ Басманной,—отвѣчаетъ молодой человѣкъ.

.И лицо товарища прокурора оживляется.

— А въ какой камерѣ?

— Въ двѣнадцатой.

Глаза у солиднаго чиновника зажигаются молодымъ огнемъ.

— Представьте,—говорить онъ живо:—столько-то лѣтъ тому назадъ я сидѣлъ въ той же камерѣ...

Теперь, можетъ быть, это было бы уже не такъ, но тогда, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, допросы еще прерывались такими разговорами, и къ воспоминаніямъ товарища прокурора еще два или три члена важной комиссіи присоединили и свои воспоминанія того же рода... И хотя эта минута поэтическихъ воспоминаний должна была смѣниться прозаическимъ продолженіемъ допроса, но все же между юношей, безпечно отвѣчавшимъ на слѣдственные пункты, и следователями протянулись какія-то нити взаимной симпатіи. То, что для него было довольно горестнымъ настоящимъ, для нихъ являлось поззіей молодости. И можно сказать, что для цѣлаго ряда поколѣній русской интеллигенціи самые яркія воспоминанія юности связываются непремѣнно съ мотивами этого рода: обыскъ, арестъ, ссылка... Молодые мечты о переустройству общества и... казематъ.

Западно-европейскій юноша мечтаетъ о томъ времени, когда онъ будетъ прокуроромъ, фабrikантомъ, купцомъ. Русский прокуроръ посыпаетъ меланхолический сочувственный вздохъ тому времени, когда самъ онъ сидѣлъ въ казематѣ... Не оттого ли это, что мечты западно-европейского юноши скромнѣе, но жизнь всетаки даетъ просторъ хотя бы скромной борьбѣ за идеалы. У насъ же она безпощадно расправляетъ со всякой идеологіей, требуя безповоротного и неприкрытаго компромисса. Повторяется адуевская трагедія („Обыкновенная исторія“) въ гораздо болѣе драматической формѣ, и сотни тысячъ людей, подъ давлениемъ грубой необходимости, ми-

рятся съ дѣйствительностью фактически, но принимаютъ ее безъ энтузіазма и уваженія. Они только тянутъ безрадостную лямку, то и дѣло кидая взглѣды назадъ, къ своей юности, съ ея безумными утопіями и поэзіей борьбы въ единственной формѣ, какую допускала дѣйствительность „попреформенной Россіи“. И вотъ почему русское общество такъ долго не прощало художнику посагательства на „молодое поколѣніе“. Не на то или другое поколѣніе молодежи,—ихъ вѣдь прошло уже такъ много, съ такими различными настроеніями,—а на молодежь вообще, на самую молодость съ ея „неразумными утопіями“, ея непримиримостью и содроганьемъ передъ компромиссами. Это вѣдь долго былъ единственный островокъ живого русского идеализма...

Такъ это было въ Россіи очень долго, можно сказать, вплоть до нашего времени, когда эти мотивы потонули въ дыму и вихрѣ неожиданно налетѣвшихъ событий.

IV.

Я чувствую, что статья моя разрослась, а тема, къ которой она привела, неисчерпаема. Поэтому мнѣ приходится пока поставить точку. Я хотѣлъ указать лишь главные моменты гончаровской жизненной драмы, основной мотивъ трагического охлажденія русского общества къ одному изъ крупнѣйшихъ своихъ художниковъ.

Фактъ этой ссоры и этого охлажденія несомнѣненъ. Гончаровъ ушелъ отъ литературы обиженный, оскорбленный, и замкнулся, какъ онъ часто выражался, въ свой „обломовский уголъ“. Недавно одинъ изъ критиковъ „Нового Времени“ (г. Перцовъ) указать,—и пожалуй, вѣрно,—что Гончарова гораздо менѣе „ругали“, чѣмъ Тургенева. Да, по это лишь потому, что въ то время, которое помнить г. Перцовъ, о Гончаровѣ вообще говорили мало. Тургеневъ раздражалъ, какъ собесѣдникъ, порой болѣю задѣвавшій самыя живыя струны тогдашнихъ настроеній. Къ нему относились страстно, бурно порицали, и такъ же бурно выражали ему любовь и уваженіе. У него была ссора, но было и удовлетвореніе триумфа. Онъ понималъ, и его тоже понимали.

А въ это время Гончаровъ тихо, прямо съ обломовскимъ трагизмомъ, задолго до физической смерти, ушелъ въ свою Обломовку, которая называлась службой по цензурному вѣдомству. Въ этомъ вѣдомствѣ въ свое время перебывало много писателей. Но между тѣмъ, какъ С. Т. Аксаковъ, напримѣръ, всетаки боролся за литературу, цензору Никитенку литература дѣйствительно кое-чѣмъ обязана,—Гончаровъ былъ са-

мымъ исполнительнымъ и робкимъ чиновникомъ. О пень Щербина (впослѣдствіи тоже цензоръ!) писалъ:

О, ты, что принялъ имя Слова,
Мы просимъ твоего покрова:
Избави насъ отъ похвалы
Позорной „Сѣверной Пчелы“
И отъ цензуры... Гончарова! }

Это ли не Обломовщина для славнаго писателя? Понятно, почему на него не обрушивались такъ страстно, какъ на Тургенева. Его давно признали классикомъ, прежняя его произведенія читали, но самого его давно поставили на полку и ничего отъ него не ждали и не требовали...

Но, какъ классику, ему, несомнѣнно, обеспечено прочное мѣсто въ русской литературѣ. Огромный и правдивый талантъ его обогатилъ наше воображеніе бессмертными типами, выходящими далеко изъ рамокъ его времени, захватывающими глубже и шире, чѣмъ его трагическая сцена, хотя бы и съ искромѣйшими поколѣніями.

Волоховъ и все, что съ нимъ связано, забудется, какъ забудется гоголевская „Цереписка“, а надъ старымъ раздроженіемъ и старыми спорами будутъ долго выситься созданія имъ фигуры. И надъ всѣми другими фигура Обломова, которую любящая правда художника превратила въ предостереженіе и въ сатиру на все, что было такъ кровно дорого самому художнику...

1912 г.

Я. Канторовичъ.—Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ.

(Юридическая библіотека, № 9). Издание Я. Канторовича. Спб. 1896.

Въ работе г. Канторовича иѣть ничего новаго и оригинального, но она касается одного изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ европейской исторіи. „Съ конца XIV до второй половины XVIII в., въ теченіи почти четырехъ столѣтій, во всѣхъ странахъ Европы не переставали пытать костры, раздуваемые невѣжествомъ, фанатизмомъ и суевѣріемъ, и сотни тысячъ невинныхъ людей, послѣ страшныхъ мученій пытки, обрекались на смерть по обвиненію въ связи съ дьяволомъ и въ разныхъ чудовищныхъ преступленіяхъ колдовства. Всего сто лѣть прошло съ тѣхъ поръ, какъ потухли костры, на

которыхъ сожигались жертвы суевѣрія, осужденныы по всѣмъ правиламъ судопроизводства, на основаніи постановленій уголовнаго законодательства, „во имя Бога, короля и правосудія“. Впрочемъ, костры, потухшіе сто лѣтъ назадъ, были далеко еще не послѣдними. Преслѣдованіе колдовства въ Испаніи продолжалось еще въ началѣ XIX столѣтія, а въ католической Мексикѣ 20 августа 1877 года пять женшинъ обвинены въ колдовствѣ по всѣмъ правиламъ судопроизводства—и всѣ сожжены на одномъ коструѣ“ (стр. 160).

Это было какое-то повальное безуміе, охватившее Европу и державшее ее четыре вѣка подъ давленіемъ кошмаря, вышедшаго изъ самыхъ мрачныхъ закоулковъ схоластики, фанатизма и религіозной нетерпимости. Основанное на вѣрѣ въ сатану, это безуміе спачала совершило извратило здравыя основы процесса, а затѣмъ само пыталось бредомъ и сказками, которыя вырывались подъ пыткой у обезумѣвшихъ жертвъ. Все это записывалось, сводилось вмѣстѣ, служило темой для специальныхъ сочиненій, которыя посыпѣ въ свою очередь давали руководящіе пріемы для допросовъ пытаемыхъ. Вѣра въ сатану укоренилась все больше, демонологія становилась чуть не наукой. Дьявольская іерархія была изучена съ полной подробностью. „Одинъ изъ демонологовъ, Jean Weier, насчитываетъ въ дьявольской арміи 72 тысячи князей, графовъ и маркизовъ и 7.405.928 простыхъ чертей“ (2).

Въ 1489 году, съ благословенія папы и одобренія кельнскаго теологического факультета издана въ Кельнѣ книга *Malleus maleficarum* (Молотъ вѣдьмъ), ставшая вскорѣ авторитетомъ для сѣверскихъ судовъ. Она написана инквизиторомъ Яковомъ Ширенгеромъ, въ сотрудничествѣ съ другимъ инквизиторомъ Кремеромъ, и представляетъ настоящій бредъ, въ которомъ самая дикия басни и самые чудовищные вымыслы о колдовстве и вѣдьмахъ санкционируются ссылками на тексты Священнаго Писания, на тезисы авторитетовъ теологіи и подтверждаются фактами изъ кровавой практики самихъ авторовъ. Книга начинается текстомъ папской буллы и имѣеть во главѣ тезисъ: „*Haeresis est maxima origo maleficarum non credere*“ *),—такимъ образомъ, всякий сомнѣвающійся въ наличии колдовства и въ существованіи вѣдьмъ—объявлялся впередъ страшнѣйшимъ изъ еретиковъ, заслуживающимъ костра. Право и религія, юриспруденція и инквизиція соединяются вмѣстѣ. Процессы о вѣдьмахъ наполняютъ

*) Величайшая ересь—не вѣрить въ колдовство.

четыре столѣтія, число жертвъ доходитъ до невѣроюятныхъ цифръ. Въ теченіи только XVI и XVII столѣтій въ одной Германіи было сожжено свыше ста тысячъ вѣдьмъ, а по всей Европѣ за періодъ XIV—XVII вв. насчитывается свыше миллиона жертвъ! Нѣкоторые насчитываютъ ихъ до 4, даже до 9 миллионовъ.

Подъ влияніемъ пытокъ, казней, костровъ, мрачное настроеніе охватывало общество, фигура сатаны получала осиятельную реальность, настояще безуміе охватывало массы, всѣ проявленіи истеріи и первыхъ разстройствъ изливались въ готовыя формы. Порой мужья доносили на женъ, матери на дѣтей, пытка подтверждала всикій доносъ. изувѣрскіе суды считали признаніе „болѣе очевиднымъ, чѣмъ сама очевидность“, и потому на кострахъ гибли не разъ вѣдьмы, обвиненные въ умерицвленіи дѣтей, которыхъ, однако, оказывались живы и невредимы. Зараза достигала такихъ предѣловъ, что одинъ изъ наиболѣе жестокихъ судей, Remigius, авторъ книги „Daemonolatria“, скончавшій въ теченіи своей 15-лѣтней практики свыше 900 вѣдьмъ, — въ концѣ своей жизни вообразилъ и себя одержимымъ сатаной и далъ себѣ скжечь на кострѣ (16). Около 1484 г. повальная истерія охватила монахинь одного монастыря,—онѣ мяукали, лаяли, катались по землѣ. Послѣ напрасныхъ попытокъ изгнать дьявола—всѣ монахини были сожжены. Въ княжествѣ Нейссѣ въ теченіи 9 лѣтъ сожжено болѣе тысячи вѣдьмъ; въ томъ числѣ были дѣти въ возрастѣ ст҃ 2 — 4 лѣтъ. Въ Швеціи, въ одномъ селеніи, у дѣтей появились судороги, сопровождавшіяся обморочными состояніемъ. Наружена комиссія, которая добилась отъ дѣтей признаній, что вѣдьмы таскаютъ ихъ стъ собою на шабашъ. На шабашѣ сатана часто бываетъ вѣдьмъ и дѣтей, иногда же, напротивъ, очень милостивъ, играетъ на арфѣ, любить, когда онъ болѣнь, чтобы вѣдьмы пускали ему кровь, а разъ даже умеръ на короткое время. Въ результатѣ присуждены къ смерти 84 женщины и 15 дѣтей, изъ остальныхъ 56 дѣтей биты плетью (118)... Въ нѣкоторыхъ деревняхъ трирскаго епископства всѣ мѣстныя женщины подпали обвиненію въ колдовствѣ, такъ что въ одной деревнѣ осталась въ живыхъ всего одна женщина (103)!

Мрачная картина, способная вищить самое безнадежное представление о свойствахъ человѣческой природы, прорывается кое-гдѣ свѣтлыми примѣрами мужественной мысли, возстававшей противъ общаго безумія и изувѣрства, не смотря на всю опасность борьбы. Корнелій Агринипа Нетесгеймскій

въ 1531 году, Іоганнъ Вейеръ изъ Мозеля въ 1523, Адамъ Таннеръ изъ Инсбрука въ 1626,—раздѣля общую вѣру въ реальность колдовскихъ явлений — подвергали анализу достовѣрность судебныхъ процессовъ и протестовали во имя человѣчности противъ жестокости пытокъ и казней. „Къ вамъ, суды, обращаюсь я и спрашиваю, — писалъ въ 1631 году благородный Фридрихъ фонъ-Шпе, посѣдѣвшій преждевременно отъ самого вида страданій невинно казненныхъ,— зачѣмъ вы такъ тщательно ищете повсюду вѣдьмъ и колдуноў? Я вамъ укажу, гдѣ они находятся. Возьмите первого капуцинскаго монаха, первого іезуита, первого священника, подвергните его пыткѣ, и онъ признается, онъ непремѣнно признается... Возьмите прелатовъ, кардиналовъ, возьмите самого папу! Они признаются, увѣряю васъ, они признаются!“...

Вторая часть очерка г. Канторовича пытається нарисовать картину вѣдовства и колдовства на Руси. Несомнѣнно, что у насъ это явленіе не имѣло ни той интенсивности, ни того глубоко мрачнаго характера, какими оно отмѣчено въ исторіи Зап. Европы. Однако, невѣрно и утвержденіе автора, будто у насъ никакихъ „религіозныхъ или иныхъ причинъ для престѣданія колдовства не было“, а процессы этого рода имѣли лишь чисто гражданскій характеръ (вознагражденіе за нанесенные вѣдовствомъ убытки). „Въ допетровскій періодъ погибло подъ пытками не мало людей, благодаря выкликаніямъ кликуши“, — говоритъ самъ авторъ на стр. 185, — въ указахъ царя Федора Алексѣевича учительямъ магіи и чернокнижія полагается сожженіе, въ артикулахъ воинскаго устава Петра Великаго говорится объ идолопоклонникѣ, чернокнижцѣ, ружью заговорителѣ, — что таковой „весъма сожженъ быть имѣть“. Все это указываетъ, что и у насъ въ народныхъ воззрѣніяхъ, въ церковныхъ и свѣтскихъ уставахъ была почва для того же явленія и только по разнымъ историческимъ условіямъ оно не развилось въ ту повальнью болѣзнь изувѣрства и безумія, которая охватила феодально-католическую Европу. Вообще, эта вторая часть книги составлена слишкомъ поверхностно и неполно, что не мѣшаетъ, однако, рекомендовать настоящее изданіе, какъ интересный и полезный очеркъ одного изъ самыхъ поучительныхъ заблужденій, въ какое впадало человѣчество.

Житейскій задачникъ для дѣтей.—Мандрыки.

Сумы. 1896.

На заглавномъ листкѣ этой книги поставленъ 1895 годъ, на обложкѣ уже 1896, прислана она намъ для отзыва въ 1897. Цензурой книга разрѣшена въ Киевѣ, печатана въ Сумахъ, подъ предисловиемъ подписано: М. Мандрыка. Гор. Каменецъ-Подольскъ. Все это можетъ поставить въ не-которое затрудненіе библіографовъ, въ случаѣ, если бы имя г. Мандрыки когда-нибудь пріобрѣло бессмертие. Но нась въ гораздо большей степени угнетаетъ вопросъ, повидимому, совсѣмъ къ дѣлу не идущій, а именно, — кто такой этотъ г. Мандрыка: просто г. Мандрыка, или Мандрыка педагогъ, Мандрыка инспекторъ, наконецъ (чего уже совсѣмъ Боже упаси!) — даже директоръ народныхъ училищъ? Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе три-четыре года печатныя упражненія не-сколькихъ гг. директоровъ пріобрѣли всероссійскую извѣстность. Мы помнимъ „руководства для учителей“ и „руководства для учениковъ“, которыхъ доставили авторамъ славу, а фельетонистамъ и ихъ читателямъ много веселыхъ минутъ. Но нась при этомъ всегда угнетаетъ вопросъ: а что доставляютъ они, напримѣръ, учителямъ, которые „обязаны“ почитать труды своего начальства, подъ серьезнымъ опасеніемъ прослыть „неблагонадежными и вольнодумцами“.

Вотъ и теперь передъ нами — „житейскій задачникъ“. Подпись: М. Мандрыка — и ничего больше. Хорошо, если такъ! Но что, если о своемъ официальномъ титулѣ г-нъ Мандрыка умолчалъ изъ скромности, или просто не желая смыкаться съ толпой своихъ сослуживцевъ, извѣстность которыхъ его не-сколько конфузить?..

Впрочемъ, не будемъ думать о человѣкѣ: дурно и примемъ г-на Мандрыку за то, за что онъ себя выдаетъ. Пусть онъ будетъ просто г. Мандрыка, живущій въ Каменецъ-Подольскѣ и предающійся на досугѣ игрѣ ума съ педагогической окраской. Тогда и мы можемъ бесѣдовать съ г. Мандрыкой болѣе или менѣе благодушно. Это, разумѣется, не помѣшаетъ намъ сказать откровенно, что его „Житейскій задачникъ“ есть книга въ высокой степени вздорная и ни къ чему не нужная. Если вѣрить предисловію, авторъ желалъ „дать дѣтямъ упражненіе, которое развивало бы на ряду съ ариѳметическими задачами (sic) изобрѣтательность, находчивость и подготовило бы ихъ къ решенію вопросовъ, поставляемыхъ житейскими обстоятельствами“. Но ариѳметический элементъ

въ книжкѣ отсутствуетъ совершенно, житейскій способъ вызвать только улыбку (при сказанномъ выше условіи — т. е. что г. Мандрыка просто только г. Мандрыка и ничего больше!). „Было два бѣдныхъ братца, и у нихъ было только одинъ тулупъ и одна пара сапогъ. Настала зима. Стали мальчики скориться и драчиться изъ-за тулупа и сапогъ. Какъ можно было ихъ помирить, чтобы оба были довольны?“ Ну, вотъ вамъ, читатель, первая задача г. Мандрыки. Какъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать этихъ мальчиковъ *довольными*? Подарить имъ еще одинъ тулупъ и еще одну пару сапогъ? Нѣтъ, г. Мандрыка даетъ другое рѣшеніе: „Назначить очередь, можно было употребить жребій“. Буквально! Жребій вмѣсто сапогъ, та-
ково „житейское рѣшеніе“, и мальчики довольны.

Г. Мандрыка скроменъ. Онъ назначаетъ свой задачникъ для дѣтей. Но, въ сущности, дѣтямъ порой можетъ крѣпко достаться отъ взрослыхъ за исполненіе совѣтовъ г. Мандрыки. Вотъ напр. „высоко на яблонѣ висѣло яблоко. Пришла маленькая девочка и задумала достать яблоко. Что она могла сдѣлать, чтобы достать его?“ Это задача 12. Рѣшеніе: „сбить длиной палкой или стрихнуть; если длиной палки нѣтъ, связать короткія и прочее“. Въ pendant къ этой, такъ и просится другая задача: садовникъ увидѣлъ, что дѣти палками сбиваютъ яблоки и дѣлаютъ еще „прочее“, не менѣе вредное для деревьевъ. Дѣти объяснили садовнику, что это ихъ научилъ г. Мандрыка. Что сдѣлаетъ садовникъ съ г. Мандрыкой? Неправда ли, вопросъ очень интересный уже не для однихъ дѣтей, но и для самого г-на Мандрыки.

Вообще, не однихъ дѣтей имѣть въ виду авторъ, составляя свой „житейский задачникъ“, но всѣ возрасты, всѣ званія и всѣ роды жизни. Вы мальчикъ, и вамъ взбрело въ голову непремѣнно кидать съ чердака яички такъ, чтобы они не разбились. Г. Мандрыка вѣсъ научить. Но вотъ вы не мальчикъ, а служанка. Вы „принесли въ кухню изъ лавки 4 булки и увидѣли, что уже кипитъ самоваръ; вы хотите разомъ внести въ комнату самоваръ, подставку для него, булки и чайникъ. При этомъ самоваръ большой. Какъ это сдѣлать?“ (задача 52). И тутъ г. Мандрыка даетъ вамъ гибельный со-
вѣтъ: „взять подставку подъ мышку, булки въ платочекъ по-
вѣсить на руку, самоваръ съ чайникомъ нести въ рукахъ“. Конечно, при этомъ у васъ подставка выскользнетъ изъ-подъ мышки (самоваръ большой!), вы обваритесь кипяткомъ, разобьете чайникъ и просыпите булки. Тогда въ оправданіе передъ хозяевами сосплитеся на г-на Мандрыку и укажите рѣшеніе задачи на стр. 36. Пусть вѣдаются съ авторомъ.

Но вотъ, вы не горничная, а прислужникъ въ кухмистерской и хотите (задача 58, отд. I) „нести въ одной руцѣ дѣй полныя тарелки супу“. Лучше бы отказаться отъ опаснаго предпріятія, но, если вамъ интересно, то послушайтесь опять гибельнаго совѣта: возьмите дощечку, поставьте на нее полныя тарелки и держите одной рукой: хозяинъ или гости, которыхъ вы обварите супомъ, пусть опять вѣдаются съ г. Мандрыкой въ гор. Каменецъ-Подольскѣ.

Вы мужикъ, у васъ лошадь съ норовомъ, — она дѣлаетъ все наоборотъ. Разъ вы хотѣли ее вести на паромъ и тянули за поводъ, она не идетъ. Что вы могли бы сдѣлать, чтобы ввести лошадь на паромъ (задача 11, отд. II)? Вы догадываетесь и, не заглядывая даже въ рѣшеніе, тяните лошадь за хвостъ. Она, конечно, лигасть и выбиваетъ вамъ нѣсколько зубовъ. Вы опять съ претензіей къ г-ну Мандрыкѣ. Извините-съ! Онъ человѣкъ хитрый и, предвидя возможность печальныхъ послѣствій, совсѣмъ не даль рѣшенія этой задачи. Догадывайтесь сами. За хвостъ-то, конечно, за хвостъ. Иначе невозможно, но за послѣствія, какъ себѣ хотите, г. Мандрыка не отвѣчаетъ.

Далѣе — вы отецъ семейства и „подъ вечеръ вышли на встречу своему семейству, которое должно было возвращаться изъ дальней части города“. При этомъ улицы идутъ какъ-то такъ безсмысленно, что вы ничего не понимаете и, слѣдяя совѣтамъ г. Мандрыки, расходитесь съ семьей и, чего доброго, встрѣчаете на бульварѣ непріятное для отца семейства приключение.

Вы — журавль (да, да, — задача 40), устраивающій свое гнѣздо на болотѣ, покрытомъ травой и кустарникомъ. Вы маленький червякъ, ползающій по большому арбузу, — и въ этихъ „житейскихъ обстоятельствахъ“ г. Мандрыка не оставляетъ васъ своими совѣтами.

Но вотъ, вы прошли весь курсъ: въ дѣствія кидали сть чердаковъ яички и сбивали палками яблоки съ деревьевъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ роняли самовары и обваривали гостей горячимъ супомъ. Разумѣется, васъ аттестуютъ дурно, и г. Мандрыка предвидитъ, что вы не кончите добромъ. И, дѣйствительно, — вы арестантъ (увы! задача 100, послѣдняго III-го отдѣла!). У васъ надѣты на рукахъ кандалы и вамъ „надо переодѣть (т. е. перемѣнить) рубаху“. Положеніе ваше трудно, но г-нъ Мандрыка не оставитъ васъ въ горѣ. Онъ васъ научить, какъ снять рубаху, не скидая кандаловъ. Правда, онъ не можетъ не чувствовать, что въ значительной степени повиненъ въ вашей печальной карьерѣ, но все же...

добрый онъ, право, этотъ г. Мандрыка! Мы охотно готовы признать это, только... ахъ, г. Мандрыка: устраните наши мрачныя подозрѣнія. Скажите правду: вы не директоръ народныхъ училищъ? Но вашему задачнику не учать и не учатся подчиненію вамъ несчастливцы?.. Гади Бога, г-на Мандрыка!..

1897 г.

Кузька—Мордовскій богъ.

(Повѣсть изъ исторіи (!) Мордовскаго народа). К... — Нижній-Новгородъ, типogr. губ. правленія. 1898.

Въ книгѣ покойнаго А. С. Гацискаго „Люди нижегородскаго Шоволжья“, среди различного ранга военныхъ и штатскихъ персонъ, заслужившихъ право хотя бы мѣстнаго бессмертія, значится странное имя „Кузьки-бога“, съ скромнымъ прибавленіемъ „мордвинъ“. Покойный изслѣдователь не успѣлъ дать намъ біографію этого мордвина, а между тѣмъ это личность дѣйствительно чрезвычайно интересная, около которой на мѣстѣ создалась легенда, которая, наконецъ, вызвала цѣлую, хотя и не обширную литературу.

Еще совсѣмъ недавно, когда въ печати обсуждалось извѣстное мултанское дѣло, „Новое Время“ въ приложеніи къ № 7160, подъ заглавиемъ „Терюханскоѳ идолище“ (!) напечатало въ извлечениіи исторію Кузьмы, въ томъ видѣ, какъ она появилась въ 1866 году въ „Отеч. Запискахъ“. Газета совершенно серьезно, въ качествѣ этнографическаго материала, сообщала изумительнейшія походженія какого-то геніальнаго мордовскаго Рокамболя, цѣлой сѣтью адскихъ обмановъ увлекшаго морду-терюханъ въ сѣти своего „лжеученія“, дошедшаго до того, что самъ Кузьма былъ признанъ богомъ. Отсюда и название „Кузька-богъ“.

Неизвѣстный авторъ, скрывшій свою фамилію подъ буквой К., разсказывалъ въ „Отеч. Запискахъ“ годъ за годомъ и день за днемъ біографію своего героя. Разсказъ этотъ ведется дубовымъ языкомъ, изложеніе сразу обличаетъ человѣка совершенно бездарнаго. Между тѣмъ, вся исторія представляеть цѣлую цѣпь фантастическихъ происшествій. Воспитанный подъ вліяніемъ какого-то коварнаго раскольника („по всей вѣроятности изъ sectы „душителей“ (!) — прибавляетъ авторъ), молодой мордвинъ, способный и грамотный, быстро

вырабатывается въ сознательного религіознаго шарлатана. После неудачной любовной исторіи въ Нижнемъ, рассказанной опять съ необычайными подробностями (какъ будто авторъ самъ присутствовалъ при любовныхъ объясненіяхъ въ качествѣ невидимки) — Кузьма возвращается къ своему племени и начинаетъ адскую интригу: коварство его доходитъ до того, какъ онъ посредствомъ самодѣльного волшебнаго фонаря производить явление ангеловъ и т. д. Все племя вскорѣ обратилось въ его послѣдователей.

Тогда Кузьма, по рецепту всѣхъ шаблонныхъ героеvъ этого рода, окружаетъ себя богатствомъ, роскошью и, конечно, развратомъ. Слѣдуетъ совершенно невѣроятный и очень грубо спланированный авторомъ романъ иѣкоего бѣднаго, но добродѣтельнаго мордвина Пахома съ красавицей Евфросиньей. Кузьма разлучаетъ любовниковъ и беретъ красавицу Евфросинью въ свой гаремъ. Добродѣтельный Пахомъ изъ мести доноситъ на него и указываетъ его притонъ въ лѣсныхъ трущобахъ. Но хитрый Кузьма отводить слѣды, планъ поимки не удается, и доносчикъ приносится въ жертву разъяренному „Кузькѣ-богу“.

Черезъ иѣкоторое время такая же участъ постигаетъ и исправника, рѣшившагося арестовать Кузьму. Это приключение по аляповатости и неуклюжести вымысла можетъ соперничать развѣ съ самыми грубыми произведеніями лубочной литературы. Исправникъ єдетъ во главѣ отряда въ колескѣ. На пути въ лѣсу встречаются завалы. Внезапно, будто чудомъ, завалы устраиваютъ съ дороги, исправникъ проѣзжасть, но за нимъ тотчасъ же воздвигается преграда, отдѣляющая его отъ его армii. Затѣмъ лошади несутся среди двухъ стѣнъ густого лѣса, трепещущій исправникъ слышитъ дикие крики озѣбрѣлой морды, и его, наконецъ, привязываютъ на полянѣ къ двумъ согнутымъ дубамъ. Мгновеніе, канаты перерубаются, деревья выпрямляются, кровь невиннаго исправника обагряетъ окрестности...

Не удивительно ли, что столь невѣроятная мазни могла найти място въ печати и при томъ въ серьезной газетѣ? И однако — нашла, и статья „Нов. Времени“ пошла гулять подъ заманчивымъ заглавіемъ („Терюханскоѣ идолище“), и ее перепечатывали десятки газетъ, въ доказательство свирѣпости язычниковъ-инородцевъ, и, конечно, въ доказательство также возможности человѣческаго жертвоприношенія въ Мултанѣ.

Нужно ли говорить, что все это смѣшной и весьма неизкусный вымыселъ? Въ „Историческомъ Вѣстнике“ была помѣщена прекрасно составленная на основаніи подлиннаго

дѣла замѣтка В. И. Сиѣжневскаго, въ которой все это излагается гораздо проще и, конечно, гораздо интереснѣе. Кузьма — дѣйствительно существовавшее лицо, неграмотный крестьянинъ Нижегородской губ., крѣпостной графини Сенъ-При, изъ терюшевской мордовы. Г. Сиѣжневскій разсказываетъ печальную исторію крещенія этого племени, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда Дмитрій Сѣченовъ въ 2 года окрестилъ до 34 тыс. человѣкъ. При этомъ морду, нерѣдко связанныхъ, опускали въ купель и тутъ насилино надѣвали кресты (Соловьевъ, Исторія, XII, стр. 28). Таковы были свѣжія еще воспоминанія, окружавшія дѣтство и юность Кузьмы. Однако, время брало свое. Кроткіе образы христіанства, — говорить г. Сиѣжневскій, — Св. Дѣва, Христосъ, ангелы, пророкъ Давидъ, — все это еще ранѣе понемногу проникало въ воображеніе народа, хотя мечтательно и смутно. Но, быть можетъ, именно потому, что эти образы были слишкомъ ужъ далеки отъ „сѣченовской“ дѣйствительности, — темный мординъ слилъ ихъ со своими мечтами о сѣдой старинѣ. Получилась странная аберрація: христіанскіе и ветхозавѣтные образы стали для мордина „старыми богами“, къ которымъ онъ апеллировалъ противъ „новой вѣры“ и въ честь которыхъ задумалъ возстановить старые обряды (моленія на полянахъ въ лѣсу, посты чего царь и начальники надѣялись бѣлыя мордовскія одежды — и наступить общее блаженство).

Мы не станемъ излагать здѣсь подробности этой наивной и трогательной исторіи, своего рода исторіи Иоанны д'Аркъ въ лицѣ неграмотнаго мечтателя мордина, отсылая интересующихся къ статьѣ г-на Сиѣжневскаго. Разумѣется, Кузьму арестовали, допрашивали, били плетьми и сослали въ 1810 году въ Сибирь. Изъ подлиннаго дѣла выясняется, однако, съ совершенной ясностью физиономія искренняго и кроткаго мечтателя, ни въ одной чертѣ не совпадающая съ свирѣпой мазней неизвѣстнаго автора „повѣсти“. Исправникъ не только не потерпѣлъ при этомъ никакихъ непрѣятностей, но взялъ Кузьму прямо съ одного изъ многолюдныхъ моленій, которыя, кстати сказать, происходили явно, въ присутствіи множества русскихъ сосѣдей, нерѣдко даже духовенства. Императоръ Александръ I, ознакомившись съ дѣломъ Кузьмы, отмѣнилъ наказаніе плетьми для участниковъ, но было уже поздно: приговоръ былъ уже приведенъ въ исполненіе.

Всякое суевѣріе имѣеть двѣ стороны, и въ данномъ случаѣ это видно особенно ясно: „Мы имѣли случай убѣдиться, — пишетъ въ своей замѣткѣ г. Сиѣжневскій, — что разсказать г. К. о „Кузьѣ-богѣ“ (который, скажемъ кстати, никогда себя

богомъ не называлъ) проникъ въ мѣстную крестьянскую среду, и теперь, если вы станете искать устныхъ преданий на мѣстѣ дѣйствія Кузьмы, мордовскаго пророка, то отъ русскихъ со-сѣдей мордвы услышите о книжкѣ, „въ которой все это написано“. И вамъ передадутъ всѣ невѣроятные эпизоды изъ разсказа „Кузька-богъ“. Это одинъ изъ случаевъ, когда письменность, вслѣдствіе предразсудка въ культурной средѣ, не закрыла преданія, а только искажила его и опошила».

Теперь эти искаженія повторены распространенными газетами въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. И вѣдь, вотъ какъ живуча всякая пошлость: не смотря на то, что подлинная исторія Кузьмы еще такъ недавно изложена въ статьѣ г. Снѣжневскаго, что въ мѣстной газетѣ („Нижегор. Лист.“, № 56, 1896 г.) она опять возстановлена господиномъ А. С. по поводу статьи „Нов. Вр.“ о Терюханскомъ идолищѣ, — въ томъ же Нижнемъ-Новгородѣ — нѣльзя лубочная „повѣсть“ появляется въ новомъ отдельномъ изданіи, при чмъ на задней оберткѣ стыдливо приоткрытое слѣдующее надписаніе: „Съ требованіемъ книги слѣдуетъ обращаться въ Нижний-Новгородъ... къ надворному совѣтнику Мих. Як. Г.“ (на книгѣ имя и фамилія проставлены полностью). Мы понимаемъ надворного совѣтника М. Я. Г. Онъ вознамѣрился получать за „повѣсть“ неизвѣстнаго автора по 1 р. съ пересылкою и для этого, подобно извѣстному герою Успенскаго, объявляетъ: „деньги обѣ это мѣсто“. Хочется думать, что г-ну М. Я. Г. хоть немного стыдно за свою, теперь уже завѣдомо дрянную книжную аферу. Въ уваженіе этого предполагаемаго нами чувства, мы выставляемъ только инициалы почтеннаго надворнаго совѣтника, прикрывая фиговымъ листикомъ наготу его вождѣтѣйнїй *).

1898 г.

Танъ.—Чукотскіе разсказы.

Слѣд. 1900.

На востокѣ отъ Колымы, вдоль береговъ Ледовитаго океана на многія тысячи верстъ раскинулась суровая страна, населенная полудикими героями этихъ разсказовъ. Отношенія чукчей къ Россіи очень своеобразны,—въ сводѣ законовъ они названы „не совершенно-подданными“. Въ одномъ изъ раз-

*) Издатель прислалъ письмо въ редакцію „Русск. Бог.“, въ которомъ заявляется, что онъ далъ лишь свое имя. Фактическимъ издателемъ является самъ авторъ. (Позднѣйшее примѣченіе В. К.).

сказовъ г. Тана („У Григорьихи“) чукча-сказочникъ передаетъ отголоски преданій о маіорѣ Павлуцкомъ, извѣстномъ усмирителѣ башкиръ, который сдѣлалъ послѣднюю попытку полного подчиненія чукчей. Въ этой легендѣ Павлуцкій называется почему-то Якунинымъ. „Пришелъ Якунинъ, огнивный Танъ (русскій), одѣтый желѣзомъ, худо убивающій... Кого поймасть, худо убивается: мужчинъ, повернувъ внизъ головой, разрушаетъ топоромъ по промежности, женщинъ раскалываетъ пополамъ, какъ рыбу для сушки“. Во время похода этого „худо убивающаго“ человѣка противъ чукчей, богатырь Эыргинъ вызываетъ его на бой и побѣждаетъ. „Съ тѣхъ поръ прекратилось жестокое убиваніе на этой землѣ“, — закончилъ рассказчикъ. Чукчи перебили весь отрядъ Павлуцкаго. „Только двухъ таныговъ, бѣдныхъ работниковъ, оставили въ живыхъ. Самыхъ бѣдныхъ, вѣчно обижаемыхъ, которыхъ всю жизнь плохо кормили, — тѣхъ оставили живыми“ и отослали въ качестве вѣстниковъ. Эта легенда довольно точно передаетъ эпизодъ, извѣстный въ исторіи, если не считать фамиліи Якунина, — повидимому заимствованной устнымъ преданіемъ у какого-нибудь казацкаго предродителя, „худо убивавшаго“, подобно Павлуцкому *). Какъ бы то ни было, походъ Павлуцкаго былъ, кажется, постѣдней попыткой этого рода, попыткой, правда, совершенно безщѣльной и ненужной. Не столько эпическое мужество чукотскихъ Эыргиновъ, сколько стихійная препятствія — малая населенность страны, суровая неподатливость природы, огромныя разстоянія — все это ставитъ пока неодолимыя преграды „полному покоренію“ суроваго племени. Государственная власть, христіанская религія, правовые нормы закона совершенно беспомощны надъ этими безконечными равнинами. Ихъ первобытная жизнь считается только съ непосредственными вѣтнѣями „духовъ“ безпощадной сѣверной природы.

Природа эта ужасна. Ужасна и жизнь подъ ея властію. До сихъ поръ мы знали (бѣ ней лишь то, что можетъ дать сухая этнографія и коллекціи музеевъ). Но вотъ, случайности послѣднихъ десятилѣтій закинули туда „Веипа“ („пишущая человѣка“), который къ тщательности изслѣдований этнографа прибавилъ черты наблюденія художественнаго. Въ теченіи цѣлыхъ годовъ г. Танъ бѣдилъ на нартахъ, запряженныхъ собаками, по этимъ бѣлымъ равнинамъ, входилъ въ зане-

*) Въ одной малораспространенной брошюрѣ миссионера свящ. Артена горю такой же легенды называется ближе къ дѣйствительности „Цолючка“.

сенные съгомъ чумы, жить въ нихъ одною жизнью съ ихъ обитателями, наблюдать эту жизнь во всевозможныхъ ея проявленияхъ. Въ результатахъ — рядъ картинъ, самая своеобразность которыхъ, проникающая однимъ тономъ всѣ подробности, ручается за ихъ полную правдивость. Трудно „выдумать“ то, что даетъ намъ авторъ въ своихъ безыскусственныхъ рассказахъ.

Лучший изъ нихъ — „На Каменномъ мысу“. Онъ начинается съ описания продолжительной мятли, когда стремительные порывы вихря, вонзаясь въ поверхность ледяного „убоя“, отрывали отъ нея мелкія, какъ сухая пыль, льдинки и наполняли ими воздухъ — и рисуетъ будничную жизнь въ двухъ чукотскихъ шатрахъ, пріютившихся подъ выступомъ каменного мыса, на берегу океана. Мы не станемъ передавать содержание рассказа, отсылая читателя къ самой книгѣ. Отмѣтимъ лишь главную черту, которая является основной и господствующей во всѣхъ очеркахъ г. Тана. Это непосредственная власть природы, одухотворенной и воплощаемой до степени полного реализма. Въ шатрахъ, вздрагивающихъ подъ дыханіемъ бури, продолжающейся целую недѣлю, водворяется страхъ: буря грозить гибелью, — собаки перестаютъ есть и лежать въ предчувствіи смерти. Выходя изъ шатра, обитатели связываютъ веревкой, чтобы буря не отвела въ сторону. Еще нескользко дней, и въ поселкѣ не останется живого дыханія. Тогда гость, чаунецъ, пріѣхавшій для торга, требуетъ у хозяевъ, чтобы они остановили вѣтеръ. „Хотя бы кто-нибудь и юшаманилъ на встрѣчу вѣтру, — говоритъ онъ. — У насъ въ нашей землѣ мы бы не дали ему такъ безумствовать“. Одинъ изъ жителей шатра соглашается. Въ шатрѣ гасятъ свѣтъ. „Въ пологѣ стало темно, какъ въ гробу, но темнота эта жила и какъ будто двигалась, вся переполненная звуками. Частый и дробный звукъ шаманской колотушки раздавался, какъ набатъ. Укунъ надрывался отъ усердія, извлекая изъ своего горла самые странные и сложные напѣвы: подражаль храпу моржа и клекоту орла, рычать медвѣдемъ и гоготать гагарой, завывать въ унисонъ вьюго, бушевавшей на дворѣ... Но духи бури, пролетавшей мимо, не обращали вниманія на призывъ, не хотѣли задержаться на минуту, откланяться“... Тогда шаманъ переходитъ къ напѣвамъ и заклинаніямъ.

— Э-ге-ге-ге-е! Гей! Гей,—протинулъ Укунъ. — Я человѣкъ, я юшуній, я зовущій!..

„Надъ истокомъ бѣгущей воды, за вершинѣ бѣлаго хребта, у гремящаго ледника живеть молія, мать горнаго эха. Она лежать по небу, гремя желѣзными крыльями. Изъ-подъ ногъ

ся брызгетъ алый огонь. Если ты вылетѣть изъ ея узкихъ ущелій—дай отвѣтъ.

„Скажи, скажи, скажи! Кто разгребаетъ огромной лопатой снѣгъ на краю пустыни, чтобы ослѣпить глаза всякой живой твари?.. Скажи!“

Долгое время буря неслась мимо, не давая отвѣта. Но вотъ, наконецъ, порывъ вѣтра вдругъ какъ будто закружился надъ верхушкой шатра. После этого колебанія онъ измѣнилъ направление и стать спускаться внизъ, проникнувъ сквозь плотную наружную оболочку и приближаясь къ пологу: духи рѣшились не сопротивляться болѣе и дать отвѣтъ... Люди, сидѣвшіе въ пологу, слышали все яснѣе исполинскіе вздохи вихря, похожіе на шипѣніе огромныхъ мѣховъ. Черезъ минуту вихрь ворвался въ пологъ, пронизалъ его съ верхняго лѣваго угла до праваго нижняго, во второй разъ пробивъ толстую мѣховую оболочку, ушелъ въ глубину и потонулъ въ отдѣленыхъ пѣдрахъ земной утробы.

„Люди, сидѣвшіе въ пологу, однако, не ощутили ни малѣйшаго вѣянія свѣжаго воздуха. Настоящий, реальный вѣтеръ остался снаружи, а въ пологъ явился его *увырытъ* *), который весь исчерпывалъ звуками. Порывъ вихря, промчавшійся сквозь пологъ, былъ потокомъ визгливыхъ вошей и задыхающагося воя, который, прокатившись мимо, опустился куда-то вглубь и исчезъ такъ же быстро, какъ возникъ.“

Еще нѣсколько усилий—и „въ сторонѣ полога, противоположной Уквуну, послышался необыкновенный звукъ, похожій на икоту. Янта (молодая дѣвушка) вздрогнула и прижалась къ своему жениху, такъ какъ звукъ раздался прямо надъ ея головой“. Духъ вошелъ въ шатель и, пока надъ равиной несутся по прежнему сиѣжные вихри,—въ шатрѣ всѣ слышатъ слова одного изъ нихъ, задержаннаго силой заклинаній.

Но духъ, вызванный Уквуномъ, ничтожнымъ и слабымъ, тоже ничтоженъ и не можетъ сказать ничего значительнаго. Онъ сообщаетъ лишь то, что всѣмъ извѣстно, и слишкомъ наивно отстаиваетъ интересы самого Уквуна.

— Пустое, — вдругъ сказалъ старшій хозяинъ Кителькутъ,—это керецкій духъ, не чукотскій.

Тогда, неожиданно для всѣхъ,—къ голосу стараго Уквуна присоединяется вдругъ молодой голосъ Нувата, сына Кителькутъ. Нувать, не смотря на свои молодые годы, быть лучшимъ промышленникомъ между охотниками тундры. Но съ

* Душа—самостоятельно движущее начало, проникающее всѣ предметы одушевленные и неодушевленные.

годъ назадъ съ Нуватомъ что-то приключилось. Во время осенней охоты, онъ долго не являлся домой, а когда пришелъ,—добычи съ нимъ не было. Онъ пролежалъ въ пологъ сутки, не принимая пищи и не отвѣчая на вопросы. Догадывались, что онъ вдругъ услыхалъ въ природѣ или въ своей душѣ смутный, но властный голосъ „виѣшняго духа“, который призывалъ его къ таинственному служенію. „Юноши, которые внослѣдствіи должны стѣлаться великими шаманами, на поворотѣ половой зреѣости иногда слышать такой голосъ или встрѣчаютъ знакъ, ничтожный и непонятный для непосвященныхъ, внезапно открывающій имъ глаза на ихъ призваніе. Сѣрая чайка, пролетѣвшая три раза мимо, камень странной формы, попавшійся подъ ноги...—въ состояніи произвести полный переворотъ въ настроеніи человѣка, обреченаго *вдохновенію*“.

Первые же звуки голоса Нувата заставляютъ смолкнуть бѣднаго Уквuna. Молодой обреченный вдохновенію шаманъ, родъ поэта и ясновидящаго, обладаетъ способностію „летать на бубнѣ“, т. е. впадать въ своего рода гипнотический трансъ, во время котораго его душа облетаетъ вселенную...

„Голова летеющаго въ темнотѣ,—поетъ онъ,—моя голова. Его руки—мои руки. Его ноги—мои ноги. Тѣло его я присвоилъ себѣ, а мое тѣло стало старымъ пнемъ и упало на стрѣлку мыса... Души мои летаютъ въ разныя стороны и обозрѣваютъ все сущее...“

Голосъ его внезапно оборвался, послышалось легкое храпленіе и шуршаніе бубна. Молодой шаманъ лежалъ въ обморокѣ.

Мы нарочно съ такой подробностію остановились на этой картинѣ потому, что,—помимо своихъ описательныхъ достоинствъ,—она характеризуетъ манеру г. Тана. Какъ этнографъ, онъ необыкновенно внимательный наблюдатель и, несмотря на изсушающее порой обилие этнографическихъ комментарievъ, его описанія художественно пластичны. Вы сами какъ будто слышите и вой мятли, и стукъ бубна, и шорохи въ темномъ шатрѣ. Но, когда авторъ развертываетъ передъ вами эту картину, гдѣ, какъ въ зернѣ, дремлютъ зачатки поэтическаго вдохновенія, еще не отдѣлившагося отъ культа непосредственной природы, вы ждете, кромѣ этихъ яркихъ описаній, еще чего-то. Еще какого-то штриха, какого-то проникновенія, которое дорисуетъ передъ вами самую сущность явленія.

Что же такое это шаманство? У Уквuna—наивное шарлатанство? Въ другихъ описаніяхъ шаманскихъ обрядовъ авторъ упоминаетъ объ искусствѣ чревовѣщанія, которымъ пользуются шаманы, а порой „голосъ духа“ прямо такой же хриплый, какъ у шамана. Но онъ не пытается отдѣлить долю сознательного шарлатанства отъ искренняго самовнушенія. Психологіи про-

цесса онъ не затрагиваетъ даже въ цитированномъ разсказѣ, который ведется не отъ лица автора и гдѣ его воображеніе не стѣснено предѣлами непосредственнаго описанія съ на- туры. Въ лицѣ его Пувата мы имѣемъ попытку художествен- наго возсозданія типа. Пуватъ — искренній „обреченный“, фи- гура трагическая, повинующаяся велѣніямъ свыше, слышащая невидимые голоса нездѣшняго міра. И вотъ, во время своего гипнотического сна онъ дѣйствительно видѣтъ будущее, видѣть кровь на столбахъ своего шатра и предсказываетъ мрач- ную трагедію, которая разыгрывается подъ Каменнымъ мы- сомъ. Въ другомъ описаніи авторъ вскользь упоминаетъ о томъ, что эти явленія сильно напоминаютъ спиритические сеансы. И всетаки между прямымъ ясновидѣніемъ нѣсколько идеализированного Пувата и наивными чревовѣщаніями Уквуна, Тылювіи и другихъ обыкновенныхъ шамановъ мы не имѣемъ никакого мостика. Такъ какъ, по словамъ автора, всякий глава семьи — шаманъ, и во всякомъ шатре есть бу- бенъ, то, очевидно, тайны этого процесса всѣмъ извѣстны и вполнѣ популярны. Но тогда почему, напр., чаунецъ, самъ заклинающій своихъ духовъ, вѣритъ реальности „голосовъ“, вызванныхъ чревовѣщаніемъ Уквуна, хотя и презираетъ его духовъ? Очевидно, и въ обычномъ, вульгарномъ шаманствѣ есть какая-то доза самовнушенія и весь процессъ лежитъ въ какомъ-то психологическомъ туманѣ, гдѣ доля наивнаго об- жана и самообмана неотдѣлма отъ искренняго трепета души, объятой гипнозомъ мрачной природы. Г. Танъ ни какъ этно- графъ, ни какъ художникъ ни разу не ставить прямо и не пытается разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ съ чрезвычайной добросовѣстностью и искусствомъ, а порой и съ утомитель- ными подробностями и повтореніями рисуетъ виѣшнѣе при- знаніи явленій. Въ общемъ — мы получаемъ колоритную и свое- образную картину, въ которой чувствуемъ живыя особенности, но этнографъ слишкомъ свизываетъ художника, и въ чита- тель остается нѣкоторая неудовлетворенность.

Мы не хотѣли бы, чтобы послѣднее замѣчаніе было при- нято въ преувеличенномъ значеніи. Всетаки книга г. Тана — интересная книга и, главное, она вноситъ своеобразную ноту въ наше представление объ этой жизни за предѣлами куль- туры. Въ очеркахъ, представляющихъ снимки съ натуры, гдѣ разсказъ ведется отъ первого лица, вы петрѣтите фигуры, разговоры, черты, поражающія своей неожиданной оригинал- ностью. Вотъ хладнокровный разсказъ о томъ, какъ старому Катыку надоѣло смотрѣть на солнце и дѣти его задушили. „Что же, если самъ просить,—развѣ откажутъ? Жена держала

его голову на колъняхъ, сыновья тянули веревку“ („На Ка-
менномъ мысу“). Вотъ ясновидящій Нууватъ, которому голоса
приказываютъ убить сосѣдей, не защитившихъ его отца. Онъ
убиваетъ всѣхъ, стариковъ и дѣтей,—и потомъ воспрещаетъ
преслѣдовать самого убійцу отца. Довольно крови! Вотъ па-
стухъ Эуннекай, который говорить встрѣчному медвѣду: „Ста-
рикъ, пожалѣй меня, пощади меня, я никогда не говорилъ о
тебѣ дурно, не трогай никого изъ твоего рода“... Въ этомъ
хромомъ Эуннекаѣ, забитомъ, запуганномъ и людьми, и ке-
лями (злые духи), живетъ въ зародышѣ художникъ, и на бѣ-
лыхъ снѣгахъ онъ оставляетъ узоры изъ цветныхъ камней,
которые для этой цѣли таскаетъ за пазухой своей кукашки.
Вотъ Тылювія, мужчина, обращенный велѣніями духовъ въ
женщину. Онъ остался физически мужчиной, но выданъ за-
мужъ за Ятиргина, носить женское платье, исполняетъ всѣ
обязанности жены и всѣ женскія работы и на разспросы Веина,
нишущаго человѣка, стыдливо потупляетъ глаза и закрываетъ,
съ застѣнчивостью шестнадцатилѣтней дѣвушки, грубое, муж-
ское лицо съ пробившимися уже усами...

Чукчи, ламуты, шаманы, дѣвушки, казакъ Васька, одичав-
ший и почти не отличающійся отъ чукчей, мертвое стойбище,
гдѣ среди мертвцовъ, пораженныхъ заразой, рождается ребе-
нокъ и остается жить вмѣсть съ матерью, которую одну по-
щадилъ духъ смерти,—русскій чукча, случайный отпрыскъ
русскаго племени, ведущій жизнь чукчей—все это оригинално,
неожиданно, странно и, не смотря на нѣкоторую сухость,
длинноты, повторенія и излишнюю фотографичность сним-
ковъ,—запечатлѣвается въ памяти и даетъ правдивую картину
своегообразнаго, невѣдомаго быта. Пусть въ произведеніяхъ
г. Тана этнографъ порой слишкомъ связываетъ художника.
Но за то художникъ оживляетъ этнографическія описанія, ко-
торыя и сами по себѣ были бы интересны.

1900 г.

А. Серафимовичъ.—Очерки и рассказы.

Книга I. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901.

Г. Серафимовичъ не новичекъ въ литературѣ. Если не
ошибаемся, уже около 10 лѣтъ назадъ появились въ „Рус-
скихъ Вѣдомостяхъ“ его рассказы „На плотахъ“ и „Въ
тундрѣ“, въ которыхъ изображались картины нашего сѣвера.
Прекрасный языкъ, образный, сжатый и сильный, яркія,

свѣжія описанія и набросанныя эскизно и бѣгло, но всетаки живыя фигуры,—все это не прошло незамѣченнымъ для тѣхъ, кто читалъ эти очерки. Къ сожалѣнію, послѣ этого г. Серафимовичъ появился въ литературѣ рѣдко, и разсказы его, небольшіе и отдѣленные другъ отъ друга значительными промежутками времени, не суммировались въ памяти широкой читающей публики. Теперь они выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ настоящемъ выпускѣ мы находимъ 8 рассказовъ. Въ первомъ изъ нихъ („На плотахъ“) полудикарь Кузьма гонитъ плоты внизъ по небольшой сѣверной рѣчкѣ. Передъ читателемъ проходитъ рядъ картинъ сѣверной природы. „Тихо. Ночь. Небѣвшая ночь недвижно дремлетъ надъ водной ширью, надъ потопленными лѣсами... Бѣлые туманы безжизненно висятъ надъ самой водой дымчатыми пятнами, отражаясь въ зеркальной глади призрачными очертаніями...“ Потомъ идутъ „берега высокіе, рѣчка легла въ неширокое русло, вешняя воды рвутся въ узкомъ мѣстѣ. Плитка (плотъ) бѣжитъ, что карбасъ подъ парусами“. Среди этихъ картинъ, набросанныхъ скжато и красиво, одинокая фигура Кузьмы борется съ сотнями многообразныхъ опасностей. То мель, то подводный ченъ, то вѣтеръ, который грозить разметать плитку, а тогда—зимой голодная смерть... А то опять люди, чужие плоты на пути. Кузьма смотритъ одинаково и на рѣку, и на коряги, и на людей. Рискуя надорваться, онъ стаскиваетъ воротомъ плотъ, засѣвшій на корягу, рискуя быть избитымъ до смерти, прорывается сквозь чужие плоты... Это еще человѣкъ вѣобщественный, не имѣющій понятія „о правахъ и обязанностяхъ“. Изъ „правленія“, гдѣ его судить, онъ спасается бѣгствомъ, караванъ чужихъ плотовъ прорываетъ ударомъ, а передъ бурей, гдѣ его физическая сила—нуль, просто напивается до потери сознанія...

Не смотря на всю эскизность рисунка, въ этой фигурѣ, оживляющей пустынные пейзажи г-на Серафимовича,—читатель съ нѣкоторой грустью чувствуетъ непосредственную жизненную правду и—увы!—не только „мѣстную“ правду: въ чертахъ этого наивнаго сына дикаго сѣвера чувствуется нѣчто болѣе широкое—и близкое... Въ слѣдующемъ очеркѣ сѣверный пейзажъ занимаетъ почти половину, но даже эта неумѣренность описаній не утомляетъ читателя, такъ ярки эти картины своеобразной природы. Вторая половина разсказа изображаетъ трагическое столкновеніе „закона“ съ дикой непосредственностью сына тундры, самоѣдского богача, убившаго старую жену „за ненадобностью“, а отчасти даже

изъ уваженія къ начальству, которое молодая новая жена съумѣть принять и угостить лучше, чѣмъ слабая и глупая старуха. Безъ сомнѣнія, нехорошо убивать женъ и хорошо, что законъ этого не допускаетъ. Но... чувствуется всетаки, что, будь на мѣстѣ лица, отъ имени котораго ведется разсказъ, другое начальство, болѣе „милостивое“ и болѣе склонное къ аргументаціи богатаго Ламбея, — все кончилось бы благополучно, въ полной гармоніи съ мѣстными нравами. И опять проглѣдываетъ что-то стихійно-трагическое въ этомъ маленькомъ уголовномъ эпизодѣ. На непосредственно дикую расправу дикаря, считающаго себя даже правымъ, цивилизациѣ отвѣчаетъ тюрьмой, что для самобѣда равно смертной казни. И цивилизациѣ тоже и въ еще большей степени права. Но развѣ не въ этомъ сущность „трагического“? Слѣдователь, приѣхавшій за Ламбеемъ, почти убѣгаеть на своихъ саняхъ отъ чума, гдѣ всѣ оплакивають трагически и неожиданно гибнущаго хозяина... „Темный конусъ чума, курясь легкимъ дымкомъ, быстро отбѣгаеть къ самому краю равнины. Сначала онъ превращается въ маленький игрушечный чумъ, потомъ въ пятнышко, потомъ въ точку и --- исчезаетъ на горизонтѣ...“

Наше краткое изложеніе первыхъ двухъ очерковъ г-на Серафимовича даетъ иѣкоторое понятіе объ его манерѣ. Въ остальныхъ разсказахъ дѣйствіе происходитъ уже не на сѣверѣ, но въ каждомъ присутствуютъ тѣ же черты: живая и яркая описанія и иѣкоторая эскизность въ обрисовкѣ фигуръ. Это — какъ будто акварельные наброски, сдѣланные на ходу умѣлой и талантливой рукой наблюдателя, который едва ли самъ и особенно тщательно выбиралъ предметы наблюдений, и ужъ во всякомъ случаѣ не останавливался надъ ними подолгу.

Тутъ есть и фигура безногаго моряка на фонѣ красивой „маринѣ“ („Прогулка“), и суровыя картины зимней ловли азовскихъ рыбаковъ („Месть“), и картинки казачьяго отряда на походѣ, и очень хорошее описание тяжелой работы рудокоповъ во тьмѣ подземелій („Подъ землей“)...

Отмѣтка на обложкѣ („Томъ I-й“) позволяетъ ждать продолженія.

А. И. Скребицкій.— Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ (съ чертежами въ текстѣ и 5-ю таблицами).

Книга г-на Скребицкаго представляетъ замѣчателѣйшій трудъ, какъ по количеству заключающихся въ ней свѣдѣній, такъ и по ихъ глубинѣ и содержательности. Въ предисловіи авторъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ исторію своей двадцатилѣтней работы. Наканунѣ открытия военныхъ дѣйствій противъ Турціи, въ юлѣ 1877 года возникло главное попечительство о семействахъ воиновъ, отправившихся на войну. Всѣдѣ затѣмъ стали образовываться мѣстныя отдѣленія въ провинціи. Въ кругъ задачъ этого учрежденія входило, между прочимъ, попеченіе о нижнихъ чинахъ, потерявшихъ на войнѣ зрѣніе. Исходя изъ положенія, что всѣ ослѣпшіе на войнѣ потеряли зрѣніе отъ военныхъ дѣйствій,—попечительство обратилось (послѣ войны) къ военному министерству съ просьбой сообщить свѣдѣнія о количествѣ такихъ раненыхъ и ихъ мѣстѣ жительства. Свѣдѣнія получились неполныя, но затѣмъ другими путями удалось собрать данныхъ о 1295 ослѣпшихъ солдатахъ. Въ Петербургѣ было открыто небольшое убѣжище на 12 человѣкъ, съ которымъ г. Скребицкій имѣлъ случай ознакомиться въ качествѣ врача. Осмотръ глазъ и нѣсколько удачныхъ операций, произведенныхъ имъ въ этомъ убѣжищѣ,—убѣдили попечительство въ томъ, что не всѣ больные окончательно потеряли зрѣніе, и что для многихъ, считающихся безнадѣжно слѣпыми, возможна еще медицинская помощь. Въ виду этого попечительство, по предложенію автора разбираемаго труда,—поручило ему лѣтомъ 1879 и 1880 годовъ отправиться въ мѣстности, въ которыхъ находилось наибольшее количество ослѣпшихъ солдатъ. Въ результатѣ этихъ двухъ поѣздокъ авторъ пришелъ къ рѣшительному заключенію, что не болѣе 5% изъ нихъ лишилось зрѣнія отъ вражескаго оружія. Остальные оказались жертвами недуговъ, главнымъ образомъ заразнаго свойства, вынесенныхъ ими съ родины. Густыя толпы страдавшихъ глазами и слѣпыхъ не солдатъ, прибывавшія къ сборнымъ пунктамъ по первому слуху прибытия глазного врача,—подтверждали этотъ выводъ. Такимъ образомъ, печальный горизонтъ неожиданно и страшно расширился передъ взглядомъ чуткаго и внимательнаго наблюдателя: вместо ослѣпшихъ отъ турецкаго оружія передъ нимъ раскрывалась бѣдствующая и слѣпотворящая Русь, въ горѣ которой, говоря словами г-на Скребицкаго, „оказыва-

лись виновными не турки, а наши внутренніе враги: невѣжество, бѣдность, врачебная беспомощность населенія". Сознаніе этой истины явилось точкой отправленія всей послѣдующей общественной дѣятельности автора, посвятившаго свое время и силы изученію размѣровъ бѣдствій и средствъ борьбы съ нимъ. Своимъ печальнымъ открытиемъ оғъ носибшиль подѣлиться съ главнымъ попечительствомъ и довести о немъ до всесобщаго свѣдѣнія, не подозрѣвая, что это дасть впослѣдствіи сигналъ къ многолѣтней борьбѣ, въ концѣ которой явилось, впрочемъ, два результата: во-первыхъ, выясненіе полной справедливости первоначальныхъ заявлений автора, и во-вторыхъ—прекрасная книга, дающая замѣчательно полную картину современаго состоянія вопроса и всего того, что можетъ выдвинуть культурное человѣчество для борьбы съ страшнымъ бѣдствіемъ слѣпоты.

Въ 1881 году главное попечительство перестало существовать, и капиталы его были переданы „Попечительству о слѣпыхъ“. Учрежденіе это очень скоро оказалось обладателемъ значительныхъ средствъ. Прежде всего, по инициативѣ г-жи Эллисъ, было испрошено разрѣшеніе св. синода на открытие новсемѣстного и ежегоднаго сбора въ недѣлю о слѣпомъ. Разрѣшеніе посыпало, и съ тѣхъ поръ притокъ пожертвованій былъ обеспеченъ навсегда. Заслуга дальнѣйшей организации сборовъ принадлежитъ К. К. Грату, обратившемуся (по прежнимъ своимъ служебнымъ отношеніямъ къ акцизному вѣдомству) ко всемъ управляющимъ съ просьбой принять на себя организацию церковно-кружечнаго сбора. Впослѣдствіи лица того же вѣдомства приняли на себя и другія обязанности по устройству и завѣдыванію вновь возникающими учрежденіями. Общее же завѣдываніе сосредоточено въ Петербургѣ (совѣтъ и общее собраніе). При этомъ сначала всѣ го кертвованія направлялись въ Петербургъ, въ центральную кассу, и даже въ Москву только съ 1889 года сборы ся остаются цѣликомъ на ея мѣстныя нужды. Такимъ образомъ, петербургское попечительство оказалось въ положеніи исключительно благонрѣятномъ: въ его распоряженіи сосредоточились значительныя средства и дѣятельная помощь почти цѣлаго вѣдомства.

Въ первыхъ шагахъ попечительства принималъ участіе и авторъ разбираемаго труда. Вскрѣ, однако, ихъ пути разошлись. Г. Скребицкій относился къ своей задачей съ неподкупной строгостью честнаго изстѣдователя, а въ петербургскомъ попечительствѣ (средства которого еще усиливались рѣдкимъ въ исторіи филантропическихъ учрежденій даромъ импе-

ратора Александра III почти въ 1½ миллиона) вскорѣ во-
дворились пріемы и порядки, по поводу которыхъ авторъ
всюоминаетъ объ извѣстномъ произведеніи Григоровича „Акро-
баты благотворительности“. Первое, если не ошибаемся, разно-
гласіе возникло уже по основному вопросу — о размѣрахъ
бѣдствія. А. И. Скребицкій, еще въ 1879 г., постѣ первой
поѣздки своей, предвидѣлъ, „что у настѣ зарождается новый
вопросъ общественнаго значенія“, и потому принялъ всѣ мѣры
для ознакомленія съ его положеніемъ у настѣ и за границей.
На одпомъ изъ конгрессовъ по этому предмету въ Амстер-
дамъ онъ сдѣлалъ сообщеніе о томъ, „въ какомъ соотношеніи
находится въ Россіи учрежденія для призрѣнія слѣпыхъ къ
ихъ числу“. Выводы автора оказались очень неутѣшитель-
ными. Не выписывая подробно ни цифръ, на которыхъ осно-
вывается авторъ, ни его аргументаціи, — приведемъ только
заключеніе: Несмотря на неодинаковую степень достовѣр-
ности источниковъ, всѣ они сходятся въ одномъ: *числа, пред-
ставляемыя ими, доходятъ до крайнихъ предѣловъ, кото-
рыхъ когда-либо достигала статистика слѣпоты*“ (кур-
сивъ автора; стр. 645).

Это заключеніе, высказанное на амстердамскомъ конгрессѣ, тотчасъ же вызвало цѣлый походъ противъ автора въ Россіи. Первымъ, по странной игрѣ судьбы, выступилъ противъ г-на Скребицкаго г-нъ Адеркасъ, дѣлопроизводитель совѣта попечительства и редакторъ издаваемаго попечительствомъ жур-
нала „Русскій Слѣпецъ“. Командируемый на различные
сѣѣзы въ Россіи и за границей, г. Адеркасъ, повидимому, счи-
талъ своей главной задачей доказательство мысли, что въ
нашемъ отечествѣ въ отношеніи слѣпоты все обстоитъ довольно
благополучно, а тѣ размѣры бѣдствія, которые существуютъ,
успѣшио побѣждаются наличными размѣрами помощи. Одинъ
изъ его докладовъ носилъ даже краснорѣчивое заглавіе: „О взлѣтѣ (Ueber den Aufschwung) образованія слѣпыхъ въ Россіи“. Смыслъ докладовъ г-на Скребицкаго былъ какъ разъ обрат-
ный: по его мнѣнію, количество слѣпыхъ въ нашемъ отече-
ствѣ, связанное съ общимъ низкимъ уровнемъ благосостоянія,
огромно, а мѣры борьбы младенчески недостаточны. Сообщеніе
г-на Адеркаса является апологеозомъ дѣятельности совѣта по-
печительства, г-нъ Скребицкій находилъ, что пока памъ „ки-
читься еще нечѣмъ“, тѣмъ болѣе, что „80-лѣтній застой въ
этой области, не смотря на первый толчекъ, данный образо-
ванію слѣпыхъ императоромъ Александромъ I въ 1807 году—
не былъ тайной за границей, а то, что было сдѣлано въ то
время попечительствомъ, явилось лишь каплей въ океанѣ“

нечастія". Г-нъ Скребицкій утверждалъ и утверждаетъ, что "у насъ нѣтъ сооствѣтствія между числомъ учрежденій для слѣпыхъ и ихъ количествомъ" (стр. 648) и что намъ, русскимъ, въ дѣлѣ призрѣнія слѣпыхъ "приходится пока завидовать иностранцамъ и поучаться у нихъ", а не хвалиться на конгрессахъ достигнутыми уже результатами. Это подало поводъ къ полемическимъ и обличительнымъ докладамъ г-на Адеркаса по начальству, такъ же, какъ и откровенное заявленіе д-ра Скребицкаго "о крайнемъ недостаткѣ у нась специально подготовленныхъ педагогическихъ силъ". Справедливость этого заявленія черезъ три года подтвердила, впрочемъ, К. К. Гротъ, а справедливость главныхъ положеній д-ра Скребицкаго теперь должна быть признана стоящей вѣт спора. Но до тѣхъ поръ д-ру Скребицкому пришлось выдержать много нападеній не только въ специальной, но и въ общей печати. Въ книгѣ г-на Скребицкаго (стр. 646, 653 и мн. др.) приведены довольно характерные эпизоды этой борьбы, длившейся много лѣтъ, борьбы, въ которой на одной сторонѣ было псевдопатріотическое самодовольство и формула "все благополучно", а на другой—честный пессимизмъ въ настоящемъ и упорная работа для будущаго.

Мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности прореферировать въ краткой рецензіи богатое содержаніе книги г-на Скребицкаго. Намъ было бы непріятно, если бы читатель на основаніи сказанного выше составилъ о ней представление, какъ о произведеніи по преимуществу обличительномъ и полемическомъ. Совсѣмъ иѣть. Мы привели изложенію выше исторію возникновенія и продолженія работы г-на Скребицкаго лишь потому, что это живая личная драма не одного г-на Скребицкаго, но и многихъ честныхъ изслѣдователей-работниковъ въ нашемъ отечествѣ. Не всѣмъ только удается выйти изъ этой борьбы съ такими результатами. Книга г-на Скребицкаго, повторяемъ,—это настоящая гора труда, съ которой онъ можетъ теперь спокойно оглянуться на пройденный путь; всѣ эти остановки, борьба, нападенія противниковъ—съ этой высоты должны казаться и кажутся сравнительно ничтожными этапами на пройденномъ пути. Обо всемъ этомъ авторъ говоритъ спокойно, среди другихъ эпизодовъ изъ исторіи вопроса, и весь предметъ спора теперь лежитъ передъ читателемъ въ его естественныхъ перспективахъ. Г-нъ Скребицкій изучилъ предметъ во всѣхъ его деталяхъ, и его книга является, по нашему мнѣнію, исчерпывающей энциклопедіей вопроса о слѣпотѣ, объ ея связи съ общими условіями жизни страны, о средствахъ борьбы съ ужаснымъ бѣдствіемъ. Можно, вѣ-

роятно, оспаривать тѣ или другія частныя положенія автора, но нельзя не признать, что его книга должна стать настольнымъ руководствомъ для всякаго, интересующагося не только даннымъ вопросомъ, но и вообще постановкой учрежденій этого рода въ нашемъ отечествѣ и за границей. Какъ общественная сторона вопроса, такъ и послѣднія мелочи педагогической и филантропической техники изложены у г-на Скребицкаго съ чрезвычайной полнотой и обстоятельностью. Читатель найдеть здѣсь научное изложеніе вопросовъ по психологіи слѣпыхъ, прирожденныхъ или связанныхъ съ слѣпотой особенностей ихъ душевнаго склада, взглѣды на задачи ихъ воспитанія, подробнѣйшія свѣдѣнія о существующихъ системахъ преподаванія и призрѣнія и т. д., и т. д.—вплоть до разныхъ системъ шрифта и приспособленій для чтенія и письма слѣпыхъ. Вся книга г-на Скребицкаго проникнута тѣмъ истинно просвѣщеніемъ уваженіемъ къ работѣ, уже сдѣланной въ этой области тружениками болѣе культурныхъ странъ,—которое, съ одной стороны, избавляеть отъ легко-иѣсной псевдо-патріотической кичливости, съ другой — даетъ силы для дѣйствительно плодотворной работы.

Отнынѣ никто, интересующійся совокупностью вопросовъ общественной филантропіи, не можетъ обойтись безъ знакомства съ капитальнымъ трудомъ г-на Скребицкаго, и намъ остается только пожелать, чтобы книга привлекла къ себѣ все то вниманіе, какого она заслуживаетъ,—и прежде всего, конечно, вниманіе нашей периодической печати.

1903 г.

В. П. Буренинъ.—Театръ.

(Томъ первый. Сиб. 1904).

Нѣть сомнѣнія, что авторъ этой книги—человѣкъ съ литературнымъ дарованіемъ. Но что такое, собственно, литературное дарованіе? Это есть способность легко и свободно придавать литературную форму своимъ мыслямъ, чувствамъ и настроеніямъ, независимо еще отъ ихъ содержанія. Случается очень часто, что люди съ глубокимъ содержаніемъ надѣлены этой способностью лишь въ слабой степени, и тогда они мучительно ищутъ своей формы. И бываетъ наоборотъ; нерѣдко собственно литературные способности даны судьбой людямъ съ очень незначительнымъ содержаніемъ. Тогда форма ищетъ для себя содержанія, по большей части, разумѣется, чужого.

Г. Буренинъ чрезвычайно легко „владееть перомъ“. Ему одинаково свободно даются и стихи, и проза, и въ своихъ фельетонахъ, доставившихъ ему своеобразную извѣстность, онъ мѣшаетъ и то, и другое. Но если бы кто-нибудь задался цѣлью отыскать въ этой огромной (количество) работе какую-нибудь руководящую нить, попытался бы опредѣлить,— за что собственно г. Буренинъ воюетъ въ литературѣ въ теченіи трехъ десятковъ лѣтъ,— то такой изыскатель оказался бы въ чрезвычайномъ затрудненіи. Въ концѣ концовъ пришлось бы признать, что г. Буренинъ ратуетъ всегда за... г. Буренина и самое большее еще—за газету, въ которой работаетъ г. Буренинъ и которая сама стоитъ лишь за себя, ставя паруса по волѣ господствующихъ вѣтровъ... Въ молодости г. Буренинъ исполнялъ свою задачу довольно весело, иной разъ не безъ остроумія пересмѣшивая своихъ противниковъ и отыскивая смѣшныя стороны въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, тѣмъ легче, что всѣ они были ему одинаково чужды. Съ течениемъ времени онъ перешелъ къ силынѣмъ ругательствамъ, выдѣлившимся уже не остроуміемъ, а беззастѣничной грубостью. На разстояніи цѣлыхъ фельетоновъ онъ замѣнялъ прежній веселый шаржъ простымъ кричаніемъ, коверкая отъ чьего-нибудь имени русскій языкъ и заставляя злоподѣчныхъ наборщиковъ набирать „шкакаль“ вмѣсто „сказать“, или „пришкакивать“ вмѣсто „привскачивать“. Повидимому, есть еще немало людей, которымъ это кажется забавнымъ и остроумнымъ. Несомнѣнно, однако, что съ литературной точки зрѣнія это была элементарнѣйшая пошлость, совершенно недостойная уважающей себя печати... Вообще, если бы понадобилось охарактеризовать выдающуюся черту литературной дѣятельности г. Буренина, то пришлось бы сказать кратко: г. Буренинъ всю свою жизнь ругался. Въ молодости ругался порой не безъ остроумія, въ старости—съ какой-то угрюмою злобой, порой переходящей въ неистовство...

Впрочемъ, мы не будемъ болѣе останавливаться на этомъ предметѣ, во-первыхъ, потому, что предметъ это въ деталяхъ довольно неопрятный, а во-вторыхъ, еще и потому, что, собственно, разбираемая книга давала бы къ этому лишь косвенный поводъ.

„Театръ“ г. Буренина представляетъ въ его литературной работе нѣкоторое пріятное исключение. Здѣсь онъ является въ совершенно приличномъ видѣ, какъ будто и ему самому опротивѣло, наконецъ, „шкакивать“ и „прившкачивать“, ругаться и производить литературные дебоши.

Однако, какъ известно, исключенія только подтверждаютъ правило: за содержаніемъ своихъ приличныхъ произведеній г. Буренину такъ же приходится отправляться въ люди, какъ и за содержаніемъ споей „сатиры“. Его сатира — шаржъ и пародія. Его „театръ“ — переводы и пересказы. Изъ шести пьесъ разбираемой книги, только одна принадлежитъ самому г. Буренину. Это — „Забава Путтишина“. Содержаніе ея заимствовано изъ былинъ, при чёмъ г. Буренину принадлежитъ довольно ловкая сценическая комиановка былиннаго сюжета, красивые стихи и разные изящные, на французскій ладъ, разговоры былинныхъ персонажей. Все это, разумѣется, такъ же далеко отъ суровой поэзіи былиннаго эпоса, какъ виньетка изъ конфектной коробкѣ Эйнема далека отъ васнецовыхъ богатырей. Почему-то при чтеніи этой „Забавы Буренишины“ намъ представлялись все время не кіевскій дворъ, не Ставры, Добрыни и Ильи Муромцы, — а обстановка какого-нибудь домашняго аристократическаго спектакля. „Княжна Зизи была превосходной Забавой, а почтенный князь NN., съ его величавой паружностью, дать образцового Илью Муромца. Молодой баронъ X. былъ превосходенъ въ роли забѣжаго веницейскаго рыцаря, а милые Коко и Вово (изъ „Плодовъ просвѣщенія“) не портили ролей Чурилы и Алеши Поповича“. Одна черта этой „комедіи“ г. Буренина привлекла наше вниманіе: въ послѣдніхъ дѣйствіяхъ на сцену выступаютъ „ка бацкія голи“. Они вмѣстѣ съ Ильей совершаютъ на сценѣ разные великие подвиги и за это князь (Красное солнышко) сажаетъ ихъ вмѣстѣ съ веницейскими рыцарями и прочими благородными персонажами за свой „княженецкій столъ“. При этомъ голи, чтобы потешить князя, затягиваютъ пѣсню:

Какъ у насть у голей-голюшки
Ничего нѣть, кромеъ волюшки.

Хоръ: Ой, жги, жги, говори!
Ничего нѣть, кромеъ волюшки.
Армяки на насть дырявые,
Да въ насть, голяхъ, души правыя...

И хоръ опять подтверждаетъ: „ой, жги, жги, говори! Да въ вѣсъ, голяхъ, души правыя“...

Признаемся, при этомъ намъ стало немного страшно за благополучное окончаніе аристократическаго спектакля. Вѣдь „голи“, — думалось намъ, — это „бояки“ того времени. И тотчасъ же изъ-за г. Буренина, приличнаго сочинителя красивыхъ стиховъ, въ нашемъ воображеніи вырисовалась угрюмая физіономія „неприличнаго“ Буренина, Буренина-критика съ его, многимъ еще памятными, грубѣйшими ругательствами

по адресу г. Горькаго за его голей-босяковъ, у которыхъ, къ великому гнѣву критика, тоже „ничего нѣтъ, кроме волюшки“ и порой всетаки оказываются „души правыя“. Ну, да разумѣется — это дѣло другое: г. Горькій пишетъ то, что дѣйствительно думаетъ о людяхъ и о жизни, а вѣдь „голи“ г. Буренина это только переодѣтые въ извѣстномъ „стиль“ Вово и Коко.

Вообще, не стѣдуетъ только брать „въ сурьезъ“ разныя мнѣнія г. Буренина, — и все, право, выходитъ очень мило. Кто, напримѣръ, не помнить извѣстной полемики, когда г. Буренинъ доказывалъ, что пора стихотворныхъ переводовъ и даже самыx стиховъ миновала и что даже чужие иностранные стихи лучше переводятся своей прозой. При этомъ покойный Надсонъ отстаивалъ противоположное мнѣніе. Г. Буренинъ-критикъ ругался тогда такъ отвратительно, какъ никогда не ругался ранѣе. Можно было думать, что мнѣніе о преимуществѣ прозаической передачи и негодности стиховъ и есть то „святая святыхъ“, для защиты котораго г. Буренинъ выѣхалъ во всеоружіи на литературную арену...

Но вотъ въ „театрѣ“ г. Буренина мы находимъ стихотворную драму „Ожерелье Афродиты“ съ стѣдующимъ примѣчаніемъ: „Сюжетъ и нѣкоторыя сцены взяты изъ романа „Aphrodite“ Р. Louys“. Итакъ, г. Буренинъ, ставящій вѣдь законовъ литературнаго приличія всякаго, кто защищаетъ переводъ стихами иностранныхъ стиховъ, — самъ занимается переложеніемъ въ стихи „сюжета и нѣкоторыхъ сценъ“ иностранного прозаического романа. Но и это противорѣчіе разрѣшается довольно благополучно однимъ соображеніемъ: охота же принимать серьезно тѣ или другія „мнѣнія“ г. Буренина! Тогда нужно было обругать Надсона и другихъ поэтовъ, и г. Буренинъ высказалъ одно мнѣніе. А теперь собственная склонность къ стихотворной формѣ ищетъ подходящаго чужого содержанія и находить его въ прозаическомъ романѣ Р. Louys'a. Все совершенно понятно и просто.

Кромѣ упомянутыхъ уже шесть, въ книгѣ есть еще переводъ „Потонувшаго колокола“, „Женщина съ кинжаломъ“ (Шнитцлера) и дѣлъ „Старая комедія любви“. Подзаголовокъ къ этимъ послѣднимъ нѣсамъ гласитъ, что онѣ взяты „изъ Victor Mistifiguerros el Rojo“. Мы незнакомы съ испанской литературой и, признаемся, подумали, что этотъ Викторъ Мистифигеросъ легко можетъ оказаться Викторомъ Буренинымъ или хоть Алексисомъ Жасминовымъ, и что, такимъ образомъ, здѣсь мы всетаки встрѣтимся съ оригинальнымъ творчествомъ. Но тотчасъ же разочаровались: одна комедія

(„Мадонна Беатриче“) опять заимствована изъ Боккаччю, а другая („Фляметта“) носитъ помѣтку: „Orlando furioso“, иѣсень XXVIII...

Такимъ образомъ, выходитъ, что г. Викторъ Буренинъ заимствуетъ на этотъ разъ у Виктора Мистифигероса, заимствующаго, въ свою очередь, у Боккаччю и Аріосто. Впрочемъ, если бы этотъ Мистифигеросъ оказался дѣйствительно мистификаціей, если бы даже у Боккаччю и Аріосто не оказалось ничего подобнаго,—то и тогда обѣ пьесы г. Буренина не могли бы считаться оригиналными: это опять переложеніе въ хорошіе стихи игривыхъ анекдотовъ въ испанско-итальянскомъ стилѣ, за которые кому-нибудь другому ой какъ досталось бы отъ г. Буренина-критика; онъ вѣдь любить иной разъ прикинуться блестителемъ строжайшей нравственности...

Намъ хотѣлось бы раздражать г. Буренина этимъ правдивымъ отзывомъ. Не хотѣлось бы, во-первыхъ, потому, что раздраженный г. Буренинъ представляеть зрѣлище далеко не эстетическое, часто даже прямо оскорбительное для человѣческаго достоинства... А во-вторыхъ, еще и потому, что „театръ“ г. Буренина нравится намъ гораздо болѣе, чѣмъ его „Мертвыя ноги“ и т. п. „произведенія“. Поэтому не въ укоръ, а лишь въ нѣкое назиданіе позволимъ себѣ привести еще одно соображеніе. Въ драмѣ „Ожерелье Афродиты“ главная героиня, Геро—гетера и галилеянка. И, къ удивленію, г. Буренинъ не останавливается на этотъ разъ передъ тѣмъ, что характеру еврейки приданы авторомъ (Louys'омъ) черты значительной глубины и возвышенности. Она не вѣритъ ни въ себя, ни въ любовь художника Олимпія. Чтобы повѣрить,—она заставляетъ Олимпія, рискуя жизнью, похитить ожерелье со статуи Афродиты. Когда онъ это сдѣлалъ, она беретъ на себя его вину и умираетъ, счастливая и просвѣтленная. Въ патетической сценѣ этой смерти, она „склоняется на грудь къ Олимпію и говорить постепенно замирающимъ голосомъ“:

Мой возлюбленный мой, братъ...
Ночь сошла... Въ покой
Дремлетъ мой зеленый садъ,
И струится ароматъ
Нарда и алоэ...
Я цветами убрала
Одрь благоуханный...
Я курильницы зажгла... и т. д.

Намъ хотѣлось бы, чтобы г. Буренинъ представилъ себѣ болѣе или менѣе живо, что какой-нибудь „критикъ“, обла-

дающій беззастѣнчивымъ стилемъ и склонностю къ передразниванию, вродѣ г. Алексиса Жасмина, — принимается „раздѣлывать“ это произведеніе ну хоть слѣдующимъ образомъ!

Мой вожлюбленный, мой братъ...
Ночь шапила... въ пакоѣ
Шпитъ ушъ мой желеный шадъ...

Бррр... Не правда ли, какая гадость?.. А между тѣмъ — вѣдь это иріемъ, который долженъ быть хорошо знакомъ г. Буренину изъ собственной его многолѣтней практики.

Ну, такъ вотъ: можемъ пожелать г. Буренину, стихотворцу-переводчику, почаще и подольше разлучаться съ г. Буренинымъ-критикомъ и съ г. Алексисомъ Жасминовымъ и углубляться въ тьму вѣковъ (къ персонажамъ, съ которыми онъ еще не успѣлъ разссориться), чтобы перелагать хотя бы чужие приличные сюжеты въ свои хороши стихи. „Театръ“ г. Буренина есть несомнѣнно литература... Къ тому же, хоть на время этихъ экскурсій въ нижнемъ этажѣ „Нового Времени“ стало бы, пожалуй, нѣсколько опрятнѣе...

1904 г.

Н. Тимковскій.—Повѣсти и рассказы.

(Т. I. Издание 2-е. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1904.)

Среди группы беллетристовъ, выступившихъ въ послѣднее десятилѣтіе, г. Тимковскій занимаетъ особое мѣсто. Нельзя сказать, чтобы его литературная физіономія выдѣлялась особынной яркостью: въ его манерѣ нѣть ничего „оригинальнаго“, но за то у него нѣть и того оригинальничанія, которое такъ часто стремится выдать себя за „новизну“. Голосъ его не покрываетъ другихъ въ общемъ хорѣ, го за то въ немъ нѣть и тѣхъ скрипучихъ нотъ, которыи часто способны выдѣлить иного пѣвца, далеко не на пользу общаго ансамбля. Г. Тимковскій говорить вещи не особенно новыя, не дѣлаетъ открытій; но то, что онъ говоритъ, — интересно, умно и по большей части нужно. Читая его рассказы, вы чувствуете, что имѣете дѣло съ умнымъ собесѣдникомъ, думающимъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ стоитъ подумать.

Два рассказа занимаютъ первое мѣсто по объему и, пожалуй, по назначению, въ первомъ томѣ разсказовъ г. Тимковскаго. Одинъ изъ нихъ „Малыя дѣла и большіе вопросы“ знакомъ многимъ читателямъ „Русскаго Богатства“, такъ

какъ былъ напечатанъ въ нашемъ журнale. Но такъ какъ это было давно, то мы позволимъ себѣ напомнить его основной мотивъ. Студентъ Лукинъ, сотрудникъ городского попечительства о бѣдныхъ, посѣщаетъ жилища столичной бѣдноты, съ цѣлью опредѣлить степень нужды и размѣры необходимой помощи. Студенту Лукину очень нравится дѣятельность попечительствъ: „передъ нимъ рисовалась свѣтлая огромная зала, гдѣ собралось столько дѣльныхъ, энергичныхъ людей, гдѣ говорилось такъ много умнаго и дѣльного; лица молодежи, подрумяненныя морозомъ, казались ему всѣ сплошь такими красивыми и выразительными... Ужъ одно то хорошо, думалъ Лукинъ, что всѣ собрались дѣлать дѣло... никто не заносился за предѣлы своихъ ближайшихъ задачъ, не доказывался ни до какихъ корней... все было просто, дѣльно, практически. Поминутно раздавалось: „семнадцать старухъ...“ „ежемѣсячное пособие въ размѣрѣ трехъ рублей“ и т. д. Настроение Лукина намъ близко и понятно: „съ одной стороны, онъ уже разувѣрился въ пользу широкихъ задачъ и крупныхъ вопросовъ, на которые онъ истратилъ такъ много душевнаго жара и умственныхъ усилий... тысячу разъ онъ спрашивалъ себя: когда же, наконецъ, мы перейдемъ отъ словъ къ дѣлу“... Въ „попечительствѣ“ люди именно перешли отъ словъ къ дѣлу. „Но, съ другой стороны, сидя на засѣданіи и внимательно слушая разговоры о тюфякахъ для богадѣлокъ,—онъ смутно чувствовалъ, что ему здѣсь чего-то не хватаетъ: хотѣлось той электрической искры, которая, было, вдругъ пробѣжитъ по всей толпѣ молодежи и какъ будто удесятерить въ каждомъ жизнь, силы, отвагу...“

Настроение Лукина, какъ видите, есть настроение средняго лѣтавшаго и чувствующаго русскаго человѣка, поставленнаго между стремленіемъ къ живой широкой дѣятельности, поднимающей и захватывающей, и „маленькими дѣлами“, между общими формулами иничѣмъ съ ними не связанной практикой. Нужны ли „маленькия дѣла“? Да, несомнѣнно. „Большіе вопросы“ останутся отвлечеными и мертвыми, если ихъ решеніе не стремится въ конечномъ результатаѣ облечься въ плоть этихъ житейскихъ мелочей, которая разнесутъ ихъ по всѣмъ артеріямъ будничной жизни. Истинно велико только то, что способно рано или поздно, круто или постепенно, войти въ жизнь, чтобы перестраивать ея самыя мелкія детали по какому-то великому и новому плану. Но трагедія нашей русской жизни состоять въ разобщенности общихъ формулъ и жизненныхъ деталей, она состоитъ именно въ томъ, что наши формулы только бесплодно волнуютъ кровь, а наши

„мелкія дѣла“ разобщены отъ великихъ вопросовъ и потому совсѣмъ неспособны ни волновать, ни подымать, ни возбуждать активныя силы... И выходитъ та двусторонняя тоска, которая то гонитъ студента Лукина отъ теоретическихъ разговоровъ, „поднимающихъ, какъ электрическая искра“, и остающихся безъ примѣненія къ практикѣ „трехрублевыхъ пособій“ и улучшения тюфяковъ. то зоветъ его обратно къ „вопросамъ“...

Сказать, что г. Тимковскій разрѣшаєтъ эту трагическую коллизію, значило бы сказать неправду. Но онъ ведеть читателя вмѣстѣ со своимъ Лукинымъ, въ подвалы и жилища тѣхъ, самыхъ людей, для которыхъ назначены и тюфяки, и „пособія“, и передъ читателемъ лишній разъ, облеченный въ живые образы—встаетъ и самый вопросъ, и жалкое значеніе палліативовъ, можетъ быть нужныхъ, можетъ быть всетаки полезныхъ, но тѣмъ сильнѣе анеллирующихъ къ „великимъ вопросамъ“. Лица, которыхъ выводить г-нъ Тимковскій, выхвачены изъ дѣйствительности, не прикрашены, не идеализированы. Это настоящіе люди, порой жалкіе, порой смѣшиные, иной разъ не лишенные своеобразной логики, которая судить наши „мелкія дѣла“ со своей собственной точки зрѣнія великой нужды и великаго горя. И тѣмъ живѣе тотъ вопль, который невольно вырывается у читателя, какъ и у героя г-на Тимковскаго: „Но вѣдь надо же что-нибудь дѣлать, чтобы остановить это проклятое колесо“...

Другой значительный разсказъ разбираемаго сборника— „Сергій Шумовъ“—даетъ намъ исторію душевнаго кризиса юноши-гимназиста. Здѣсь очень много деталей изъ жизни въ гимназическомъ пансионѣ. Передъ читателемъ проходятъ типическія фигуры учениковъ, надзирателей, учителей, учебной администраціи, и это сближаетъ разсказъ съ некоторыми очерками изъ этой области, привлекающими вниманіе общества въ послѣдніе годы въ связи съ вопросами учебной реформы. Но свою задачу г. Тимковскій поставилъ въ условія болѣе сложнія, чѣмъ большинство авторовъ: его Шумовъ переживаетъ также и тяжелую семейную драму, впечатлѣнія которой проходятъ для него въ рамкахъ гимназической жизни. И нужно сказать, что это и умно, и правдиво. Шумовъ является не только „ученикомъ“, но и живымъ, многосторонне чувствующимъ человѣкомъ. Ему тяжело и виѣ школы; уже впечатлѣнія семьи ложатся бременемъ на юную душу. Но отъ этого сухой формализмъ школы, не чувствующей этого надлома, не считающейся съ нимъ и безпощадной къ надломленному молодому существованію, выступаетъ еще рельеф-

иѣ. Можетъ быть, эту тему можно было развить иѣсколько болѣе сжато. Нужно, однако, сказать, что множество деталей, которыми уѣнѣ, а иногда и иѣсколько отягченъ разскѣзъ, набросаны правдиво, а порой и прямо мастерски, и юная толпа живеть передъ вами своею характерной жизнью. Уже этихъ двухъ разскѣзовъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать книгу г-на Тимковскаго замѣтнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ, и намъ остается только пожелать ей заслуженнаго успѣха.

1904 г.

Станиславъ Пшибышевскій.—*Homo Sapiens.*

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Перев. М. Н. Семенова. Обложка работы Н. Феофилактова. Москва. Книгоиздательство „Скорпіонъ“, 1904.

Романъ г-на Пшибышевскаго начинается со встрѣчи двухъ пріятелей Фалька и Микиты. Оба—сверхъ-человѣки; Микита немножко, Фалькъ окончательно. Фалькъ сверхъ-романистъ, Микита—сверхъ-живописецъ. Фалькъ пытается изобразить то, чего еще не было: „не было страданія, которое выше страданія, не было наслажденія, которое переходитъ въ страданіе, не было цѣлаго ряда новыхъ понятій“ (стр. 8)... Не трудно видѣть, что въ этой формулы почтенного сверхъ-романиста банальность смѣшилась съ нелѣпостью. „Наслажденіе, переходящее въ страданіе“ — избитѣйшая и извѣстнѣйшая иещь, отмѣченная въ учебникахъ физиологии, а страданіе, которое выше страданія—напыщенная безмыслица. Сверхъ-живописецъ Микита высказываетъ свое credo не менѣе удачно. Онъ очень хвалить романъ Фалька, но на вопросъ автора: „Такъ тебѣ серьезно понравилось?“—описываетъ въ воздухѣ широкий кругъ.—„Ты пріобрѣль новый жестъ“,—говорить ему Фалькъ. А „пріобрѣсти новый жестъ“ это оказывается очень важно:

— „Теперь, знаешь ли, ужъ иѣть никакой возможности выражаться словами. Всѣ эти (какія?) тонкости, неуловимые отѣнки могутъ быть переданы только жестами“,—отвѣчаетъ Микита. Казалось бы, это жестокое осужденіе романа г-на Фалька: вѣдь не могъ же онъ написать его жестами, а не словами, но Фалькъ соглашается съ этимъ, а Микита развиваетъ свою идею дальше:

— „Вотъ, напримѣръ, большая линія, понимаешь ли, большой размахъ, движеніе, горячій подводный потокъ. Это лишь немногие понимаютъ... Быль я какъ-то у одного скульптора—ты увидишь у меня его работы — я ползалъ на колѣнихъ передъ этимъ человѣкомъ. Говорю ему: это превосходно. Что такое? Объясняю. Ахъ, вотъ что вы думаете. Тутъ онъ описалъ въ воздухѣ неизмѣримо могучую линію. Эта понималъ!“

Микита тоже понимаетъ. — „Ну, теперь я имъ покажу, — говоритъ онъ. — О! моя голова трещитъ отъ всевозможныхъ плановъ. Имѣй я тысячу рукъ, тысячу новыхъ линій могъ бы я тебѣ показать, — и тогда бы ты меня понялъ“ (стр. 11). Недурной рецептъ для популяризации художественныхъ произведений. Публика хотела надѣять картинами Микиты, но это, вѣроятно, оттого, что она видѣла только картины, а не жесты... Чѣмъ, если бы примѣнить этотъ приемъ популяризации на нѣкоторыхъ выставкахъ новѣйшихъ художниковъ: передъ каждой картиной геніальный жестикуляторъ!.. Успѣхъ можно бы считать обеспеченнымъ...

А пока книгоиздательство „Скорпиона“ пытается облегчить намъ отчасти задачу пониманія геніальныхъ твореній Микиты: на обложкѣ оно помѣщаетъ рисунокъ г-на Н. Феофилактова. въ красной рамкѣ картишка перомъ; черная деревья, черная трава, на переднемъ планѣ по дѣтски нарисованная долговязая дѣвица съ невѣроятно длинными руками, а за ней унылая физіономія неизвѣстнаго брюнета. Еще какія-то двѣ дѣвицы идутъ, обніявшись, на заднемъ планѣ, а при внимательномъ взглядѣ можно усмотрѣть и третью: она лежитъ въ кустахъ, сложивъ ручки на животикѣ. Общи фонъ черный, но дорожка въ лѣсу окрашена сурикомъ. Вѣроятно, есть символический смыслъ и въ томъ, что сурикомъ окрашены еще листья кустовъ и... волосы долговязой дѣвицы. Это замѣчательное произведеніе г-на Н. Феофилактова особо оговорено на обложкѣ книги и, кроме того, перепечатано въ одномъ изъ номеровъ журнала „Вѣсы“. Изъ этого мы должны заключить, что это не простая пачкотня, а нѣчто „символизирующее“. Не картина, а жесть, намекъ на геніальные творенія Микиты.

По какому-то недоразумѣнію романъ г-на Шибышевскаго выдерживаетъ у насъ второе изданіе. Трудно представить себѣ произведение болѣе вымученное, надуманное, претенціозное и безвкусное. Тотъ же скульпторъ, который описалъ въ воздухѣ „неизмѣримо могучую линію“, сказать какъ-то Микитѣ: „Смотрите: вотъ пять пальцевъ, которые можно видѣть и ося-

зать, но тутъ-то и заключается самая суть“ (стр. 11)... И такъ на протяженіи всей книги: герои дѣлаютъ видъ, что они что-то глубокомысленно разглядываютъ между пальцами, что у нихъ „десять міровъ проходитъ передъ глазами“ (стр. 13)... „Служаюсь тебѣ видѣть крикъ неба? Нѣть? Такъ знай же, я видѣль, какъ небо кричало“ (ib.)... „Я поднимался, поднимался, я выросъ до неба, такъ что могъ о солнце закурить папиросу“... Имъ нуженъ „мозгъ, въ которомъ завязалсяузель, святойузель(?) всѣхъ воспріятій; мозгъ, въ которомъ линія становятсятономъ, великоесобытие — жестомъ“ (27). Они не хотятъ знать „ни смѣшной логики, ни вашего сознанія, ни атавистическихъ полумѣръ полового подбора(?)“ (27).

А между тѣмъ, когда вся эта сверхъ-премудрость принимастъ сколько-нибудь осознательныя формы, выходитъ простая банальность довольно-таки дурнаго вкуса. Микитаувѣренъ, что онъ написалъ уже „все человѣчество и еще нѣчто больше: то, что лежитъ за человѣкомъ“ (46), но когда онъ излагаетъ одинъ изъ своихъ „гениальныхъ“ замысловъ въ сколько-нибудь осознательной формѣ, то выходитъ вотъ что: „въ серединѣ картины должна быть женщина обольстительная, заманчивая, а со всѣхъ сторонъ—снизу, сверху—тинуціяся кънейтысячирукъ. Тысячирукъдико кричатъ, съ осторожнѣніемъ спорятъ оней. Худыя, нервныиоруки художниковъ,толстыя, мясистыя, съ большими перстнями руки биржевиковъ,тысячи другихъ рукъ — цѣлая оргіяжаждущихъ, алчныхърукъ...“ (95). Разумѣется, необходимо, во-первыхъ, чтобы руки „дико кричали“, а во-вторыхъ, чтобы у красавицы волосы были... ну, хоть суриковаго цвѣта, какъ на картинкѣ г-на юношилактова,—чтобы придать этому банальному сюжету хоть черточку „оригинальности“ и „новизны“...

То же несчастіе престідуєтъ и Фалька. По словамъ автора, онъ пишетъ гдѣ-то замѣчательныя вещи и говорить много „хорошихъ остротъ“, но на долю читателя достаются лишь напыщенные пустяки и плохія остроты. Есть, напр., сцена, въ которой Фалькъ завоевываетъ сердце одной на божной дворянской дѣвицы необыкновенною силой своей діалектики и своихъ изумительныхъ познаний. Рѣчь идетъ о прусской политикѣ въ польскихъ провинціяхъ. Фалькъ находитъ самымъ важнымъ, что политика раздробленія и продажи польско-дворянскихъ имѣній и немецкимъ колонистамъ уничтожаетъ потребительную силу страны. Колонисты, по его мнѣнію, „ничего не потребляютъ, потому что все необходимое производить сами. Итакъ, кто же будетъ потреблять?..“ (205).

Авторъ предусмотрительно обставляетъ своего сверхъ-мудреца такими сверхъ-глупцами, что ни одинъ не находить возраженія, въ томъ числѣ редакторъ газеты. Между тѣмъ, вся эта побѣдоносная рѣчь есть только самая плохонькая передовица самой невѣжественной газетки. Думать, что замѣна одного раззорившагося помѣщика цѣлой сѣтью крестьянскихъ дворовъ ослабляетъ потребительную силу страны, могутъ только сверхъ-экономисты г-на Пшибышевскаго...

Столь же сокрушительно нападеніе этого демона діалектики на папу и его энциклопедію.—„Такъ какъ я самъ католикъ,—говорить онъ,—то мнѣ очень больно, что церковная политика такъ некрасива... и подъ флагомъ вѣры, надежды, любви прикрываетъ слишкомъ земные интересы...“ Всѣ присутствующіе—увѣряетъ авторъ—переглядывались. Они не знали, что на это сказать. Это было *неслыханно сильное сказано* въ присутствіи церковнослужителя. Глаза всѣхъ обращались поперемѣнно то на Фалька, то на ксендза. „*Ксендзъ былъ совершенно блѣденъ*“ (207). Чтобы оцѣнить эту „неслыханную смѣость“, нужно сказать, что разговоръ происходилъ по пе-редѣ судилищемъ святой инквизиціи, а за обѣденнымъ столомъ, въ провинціальномъ обществѣ, преклоняющемся передъ Фалькомъ.

Этотъ эпизодъ характеренъ для всего произведенія г-на Пшибышевскаго: и въ глубокомыслѣ, и въ оригинальность, и въ смѣость его героеvъ, отрицающихъ „и логику, и сознаніе“, приходится вѣрить на слово самимъ героямъ и автору. Но когда все это является въ натурѣ, то неслыханная смѣость принимаетъ комические размѣры мелкой без tactности бывшаго гимназиста, который „дерзитъ“ своему недавнему законоучителю, а глубина мысли не превышаетъ глубины чайного стакана.

„Да, это былъ замѣчательный человѣкъ,—говорить Фалькъ обѣ одномъ изъ своихъ товарищѣй (стр. 233):—намъ задали сочиненіе на тему: какъ чувствуются герои послѣ смерти? Знаете, что онъ написалъ? Что было бы наилучшей почестью для героя?“

Да, знаете ли въ самомъ дѣлѣ, читатель, что написалъ этотъ „замѣчательный человѣкъ“? — „Онъ написалъ: наивысшей почестью для героя... было бы то, чтобы какой-нибудь пастухъ вырылъ скелетъ этого героя, сдѣлалъ дудку изъ пустыхъ костей и на ней игралъ бы хвалу ему...“ (стр. 233). Замѣчательно! И неужто это можетъ казаться гениальнымъ не однимъ гимназистамъ приблизительно третьяго-четвертаго классовъ?..

Однако—въ чемъ же фабула романа? „Нѣть, нѣть, не избитая тема о веснѣ, любви и женщинѣ... Я требую великихъ, плодотворныхъ идей, которая вызовутъ новый половой подборъ“ (25). Такъ восклицаетъ Фалькъ, излагая свое художественное credo. Но авторъ — увы! — даетъ только историю нѣсколькихъ адюльтеровъ своего героя. Фалькъ проявляетъ свое сверхъ-человѣчество, во-первыхъ, тѣмъ, что отбываетъ невѣсту у злополучного Микиты, который по этой причинѣ убиваетъ себя. Фалькъ находитъ оправдание: вѣдь онъ настоящій сверхъ-человѣкъ, а Микита — такъ себѣ, неполный. Во-вторыхъ, Изя и Фалькъ были предназначены другъ другу отъ вѣка. Когда они встрѣтились въ первый разъ, Фальку показалось, что Изя окружена таинственной пеленою, сквозь которую сѣгнятся ея глаза. „Словно проблескъ могучаго свѣта пробиваєтъ себѣ путь сквозь тяжелый туманъ“ (15).

Авторъ много разъ возвращается къ этой пеленѣ. Повидимому, это психологическое открытие г-на Шибышевского: если есть пелена,—значить любовь настоящая. И Фалькъ забываетъ свою дружбу къ Микитѣ, а г. Шибышевский заполняетъ цѣлымъ томительныя страницы разными глубокомысленностями. „Въ теченіи какого-нибудь часа эта женщина огромною сѣтью корней ощутала его душу... Все тѣснѣ и тѣснѣ сжимались петли этой сѣти, и онъ отчстию чувствовалъ, какъ въ душѣ его боролись два человѣка: одинъ хладнокровно и ясно старался направлять его волю, другой неожиданно бросалъ въ его мозгъ мысли, которые уничтожали сознательнаго человѣка“... „Ohé, les psychologues, — объяснилъ мнѣ это съ помощью всѣхъ вашихъ психологическихъ законовъ“, — восклицаетъ Фалькъ (или авторъ: ихъ очень трудно различить вслѣдствіе нарочито сумбурнаго склада рѣчи).

Такова эта „новая психологія любви“, повторяющая въ уродливыхъ формахъ старыя банальности. „Не видѣть ея, ибо она была въ немъ“ (54). „Не слышать музыки. музыка была въ немъ; вся вселенная звучала и ликовала въ немъ, визжала въ страстномъ желаніи“ (ib.)... „Склонилась къ нему все ближе (рѣчь идетъ о танцѣ), головы ихъ соприкасались, онъ чувствовалъ, какъ отдавалась ему, какъ опускалась въ его сердце, въ горячее ложе крови его сердца“ (54).

Это, очевидно, новая „терминология любви“! „Когда вчера я васъ увидѣть, я зналъ васъ уже давно... сегодня я знаю васъ уже сто лѣтъ“ (60). „Я не зналъ, что такое судьба. Теперь я это знаю... вы, странный прообразъ моей души, вы — идея, которую я видѣть уже когда-то раньше, въ другомъ бытіи, вы — вся тайна моего искусства“ (66)...

Это — новая психологія. Старенькое „сродство душъ“, еще „въ другомъ бытіи“ предназначеныхъ другъ другу!.. Отъ этой новизны несеть паинной сентиментальностью нашихъ бабушекъ, запахомъ пудры и истлѣвшими фижмами.

Кромѣ одной, *настоящей любви* съ пеленою, почтенный сверхъ-человѣкъ позволяетъ себѣ нѣсколько пенастоящихъ. Онъ женится на Изѣ, но вторая часть романа застаетъ его въ самомъ настойчивомъ ухаживаніи за Маритъ, наивною дѣвицею изъ хорошаго дворянскаго семейства, воспитанной въ монастырѣ. При видѣ ея Фалькъ, любящій только свою жену, „почувствовалъ въ себѣ тихій шопотъ пола“. Въ это время онъ, какъ говорятъ малороссы, уже изрядно „подтоптался“, потому что и въ періодъ ухаживанія за Изой чувствовалъ большую слабость къ коняку. Но бѣдная Маритъ принимаетъ его похмѣлье за міровую скорбь, а его выходки противъ ксендза за демонизмъ и великий мяtekъ духа. Сверхъ-человѣкъ пользуется этимъ: онъ клянется въ вѣчной любви и грозить, что сопьется и погубить свой великий талантъ, если Маритъ „не откажется отъ своихъ предразсудковъ“. Когда она уступаетъ обольщенію, онъ грубо кидаетъ ее, и она топится, а авторъ вмѣстѣ съ Фалькомъ предается глубокомысленнымъ психологическимъ соображеніямъ: „Тутъ съ самаго начала дѣйствовало половое впечатлѣніе, дремавшее гдѣ-то въ глубинѣ безсознательнаго и проснувшееся только „съ появлениемъ Маритъ“ (69).

Вотъ что называется „объяснить“ тайны и создать новый половой подборъ! Кромѣ того, Фалькъ видѣлъ, какъ „изъ черной тучи брызнула красноватый снопъ, распался на семь молний и убилъ голубку“. Онъ и самъ долженъ „распасться на тысячу молний, убить еще тысячу голубокъ, тысячу кроликовъ... потому что онъ — не онъ, а сверхъ-человѣкъ... потому что этого хотятъ его инстинкты“ (247). И, дѣйствительно, въ третьей части оказывается, что, кромѣ Изы и Маритъ, сверхъ-человѣкъ успѣлъ обзавестись еще Ольгой и Инниной.

Кажется, однако, что тысячи голубокъ онъ уже не убьетъ, хотя бы потому, что отъ коняку, невоздержанности и предыдущихъ сверхъ-человѣческихъ подвиговъ онъ уже совершилъ износился, и авторъ съ какой-то паинной добросовѣстностью повѣствуетъ объ этомъ: уже на стр. 76 Фалька удаляютъ изъ кабака „за неприличное поведеніе“. На стр. 89 онъ „ржалъ отъ хохота, качался на кипяткѣ и вдругъ конвульсивно зарыдалъ“. На стр. 121 „его мозгъ началъ вертѣться вокругъ самого себя и все быстрѣе и быстрѣе опу-

скался, описывая круги, въ бездонную пропасть пола“ (!). На стр. 148 онъ „выпилъ всю бутылку коньяку“ и очень испугался лампы... На стр. 153 онъ пилъ очень много портвьра, „какъ вообще умѣемъ пить только мы, европейцы“ (!) и т. д., и т. д. Неудивительно, что подъ конецъ сверхъ-человѣческій организмъ совершенно расшатанъ; у Фалька дрожать руки, и безъ портвьра или коньяку онъ уже не можетъ одерживать побѣды надъ голубками...

Что же это? — спросить читатель: — очевидно, сатира на всѣхъ этихъ сверхъ-человѣковъ и ихъ новыя психологіи любви? Въ томъ-то и дѣло, что не сатира и не объективное изображеніе, а что-то въ родѣ апологіи. Г. Пшибышевскій относится къ своимъ кривляющимъ героямъ совершенно такъ, какъ относились въ 40-хъ годахъ авторы плохихъ повѣстей къ разочарованнымъ „демонамъ“ изъ гусаръ, побѣждавшимъ уѣздныхъ простушекъ. Правильное отношеніе къ этимъ полу-шляхѣнъмъ и безвольнымъ сверхъ-человѣкамъ — здоровый смѣхъ, водевиль, веселая комедія или полуупрѣзительная жалость. Но авторъ беретъ тонъ чисто трагическій, съ громомъ, молнией, „безднами пола“... Подъ конецъ романа являются еще, неизвѣстно зачѣмъ, анархисты, террористы, заговорщики, происходятъ сцены самоубийствъ, и все вмѣстѣ сливаются въ головокружительный кавардакъ, въ которомъ теряются послѣднія крупицы здраваго человѣческаго чувства и смысла...

Въ общемъ вся эта книга поистинѣ не книга, а жесть, только, если можно такъ выразиться, „жесть лицомъ“, въ просторѣчіи называемый гримасой. Гримасничаютъ герои, гримасничаетъ авторъ, гримасничаетъ переводчикъ, для „оригинальности языка“ переполнившій переводъ ненѣброжными германизмами и полонизмами, гримасничаютъ издатели, снабдившіе книгу „обложкой работы Н. Феофилактова“... И все-таки часть публики ищетъ еще чего-то въ этомъ старомъ хламѣ, выдающемъ себя за новое искусство, и слушая психологическія откровенія вродѣ: „онъ сидѣть надъ собою и чѣмъ-то вродѣ сверхъ-мозга констатируетъ, что въ его обыкновенномъ мозгу что-то (!) происходитъ“ (229), — воскликнѣаетъ вмѣстѣ съ бѣдной, сбитой съ толку Маритѣ: „Эрикъ, ты дивный, великий человѣкъ“.

Для литературы это, конечно, ничто: прошелестѣть и исчезнѣть; но все же это не лишено нѣкотораго интереса, какъ иллюстрація эпидемического извращенія литературныхъ вкусовъ, которое временами охватываетъ нѣкоторыя части мятущагося „культурнаго“ общества.

Красинскій.—Иридіонъ.

Съ польскаго перее. А. Уманьскій. Спб. 1904. Изд. Товарищества „Знаніе“.

Покойнаго польскаго поэта Красинскаго, автора „Небожественной Комедіи“, читающая публика виѣ Польши знаетъ мало. Теперь товарищество „Знаніе“ издастъ переводъ „Иридіона“ — произведенія, даже въ Польшѣ менѣе извѣстнаго, чѣмъ „Небожественная Комедія“. Нужно сказатьъ, что время для популяризациіи Красинскаго у насъ выбрано удачно: такъ называемый символизмъ — теперь модное теченіе, а Красинскаго въ значительной степени можно причислить къ символистамъ. Нужно, однако, оговориться: это символизмъ особаго рода, во многомъ отличающійся отъ того, что извѣстно подъ этимъ именемъ въ настояще время, и скорѣе напоминающій приемы байроновскаго Манфреда или гетеевскаго Fausta (второй части). Авторъ избираетъ условную форму для того, чтобы схематически представить широкія категоріи человѣческой жизни или исторіи. Такъ, Гете сводитъ Fausta и Елену, чтобы символизировать эпоху возрожденія, оплодотвореніе ожидающей классической культуры живыми силами средневѣковой варварской Европы.

Нельзя сказать, чтобы этотъ образъ Гете, условный и схематичный, производилъ особенно сильное художественно эстетическое впечатлѣніе. Гете перегрузилъ вторую часть своего Fausta огромной эрудиціей и вытуозностью стихотворца за счетъ творческаго воображенія. Конечно, тутъ играла значительную роль старость. Но и вообще этотъ приемъ, по самой сущности, несетъ съ собой первородный грѣхъ явной условности, и нужно много воодушевленія и подъема, чтобы заставить читателя примириться съ тѣмъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ непосредственнымъ образомъ, а съ иѣкоторыми категоріями, которая этотъ образъ долженъ символизировать, часто за счетъ собственной правдоподобности. Отсюда ясно, что символическая произведенія могутъ быть сильны лишь возвышенностью и глубиной тѣхъ отвлеченныхъ категорій, которыи они имѣютъ въ виду. Такова сила байроновскаго Манфреда. Пусть мы должны при этомъ забыть, что облака, напримѣръ, не обладаютъ членораздѣльною рѣчью, но мы всетаки испытываемъ волненія мысли и чувства, читая пламенные монологи, выражавшіе наши собственные вопросы, которые мы, смутно и неоформленно, тоже предлагали въ тотъ или другой періодъ своей жизни неодушевленной природѣ — и волнамъ, и

вѣтру, и тьмѣ, и тучамъ... И иной разъ испытывали иллюзію иѣкоторыхъ отвѣтовъ... Вся сила законнаго символизма — въ широтѣ, ясности и величинѣ того, что онъ символизируетъ, будь это порывы сомнѣній и отчаянья пытливаго духа, порывы вѣры и любви, или патріотическаго одушевленія и патріотической печали. Такой символизмъ существуетъ давно, и его произведенія не оправдываютъ, а лишь обличаютъ мелкотравчатый символизмъ нашихъ дней, въ которомъ условность образа прикрываетъ лишь мглу и неясность плоской и маленькой мысли. Мы хорошо знаемъ, что говорилъ Манфредъ своимъ современникамъ не реальными, но пламенными образами и тирадами. Форма была условна, мысль ясна, жизненна и глубока.

Красинскій въ своеемъ „Иридіонѣ“ беретъ темой любовь къ порабощенной родинѣ и чувство „патріотической“ ненависти къ побѣдителямъ. Вся поэма проникнута психологіей мести. Поэтому нужно было раздвинуть рамки картины такъ широко, чтобы онъ охватили цѣлые исторические періоды, и для этого онъ прибѣгаєтъ къ символическому приему Гете. Грекъ Амфилохъ Гермесъ вступаетъ въ союзъ съ дѣвственной жрицей Одина Громгильдой, дочерью кимбрскаго князя. Отъ этого союза рождаются сынъ Иридіонъ и дочь Эльзиноя, которыхъ отецъ (классическая Греція) и мать (порабощенный варварскій міръ) завѣщаютъ ненависть и месть къ Риму Гелогабаловъ и Нероновъ и освобожденіе народовъ отъ римскаго ярма. Орудіе мести порабощенныхъ — предательство и хитрость. Во имя своей высокой цѣли Иридіонъ дѣлаетъ сестру любовницей Гелогабала, а самъ становится его довѣреннымъ. Въ то же время онъ вступаетъ въ союзъ съ прогрессивными элементами Рима (Александръ Северъ), съ одной стороны, и преслѣдуемыми христіанами — съ другой. Но его цѣли не совпадаютъ съ стремленіями союзниковъ, и потому онъ обманываетъ ихъ: въ мечтахъ фанатизированнаго настѣнственнаго мстителя виднѣется Римъ, обращенный въ развалины, и борозды плуга на мѣстѣ Капитолія... Происходитъ возмущеніе варваровъ, гладіаторовъ и легіонеровъ. Гелогабаль свергнутъ, но и замыселъ Иридіона не удастся: христіане, которыхъ онъ привлекъ было именемъ воинствующаго Христа, въ послѣднюю минуту оставляютъ его во имя Христа смиреннаго, легіоны Александра Севера, свергнувшіе Гелогабала, справляются съ разнузданнми ордами варваровъ, которыхъ Иридіонъ бросилъ на Римъ, — и столица міра остается неколебимой и прочной, какъ скала среди разбушевавшагося прибоя: еще надолго, на цѣлые вѣка, Риму суждено быть владыкою міра,

если не властью цезаря, то именемъ Христа и его „намѣстниковъ“.

Такова основная канва, на которой Красинский, романтикъ-символистъ и сынъ своей родины, вышилъ поэтическіе узоры своей поэмы. Эти образы, впрочемъ, онъ усложнилъ еще нѣкоторыми сторонними мотивами, характерными для настроения того периода польской литературы. Въ поэмѣ выступаетъ еще Массинисса, нѣкій отвѣтный старецъ, символизирующей начало демонизма, возмущенія и зла. Онъ покровительствуетъ и Амфилоху (отцу Иридіона), и самому Иридіону. Его цѣль— борьба съ Христомъ, и по его совѣту Иридіонъ совращаетъ святую христіанскую дѣву Корнелію для земной любви и мести. Въ концѣ концовъ, Массинисса постъ пораженія возставшихъ усыпляетъ Иридіона сномъ вѣковъ, обѣща дать ему нѣкогда разрушенного Рима, но въ эпилогѣ мы узнаемъ всетаки, что Иридіонъ не станетъ жертвой духа зла и отрицанія, потому что его ненависть истекала изъ любви къ порабощенной родинѣ.

Образъ Массиниссы довольно туманенъ, но еще блѣднѣе и анемичнѣе образы христіанъ (это, впрочемъ, кажется, общая участь большинства произведеній, пытающихся изобразить „святость“). Въ мистическомъ снѣ Иридіона, обвѣянномъ субъективными видѣніями самого автора, чувствуется какое-то ощущеніе метампсихоза, характерное для польской поэзіи того периода (извѣстно, напр., что поэтъ Словацкій серьезно воображалъ себя неревоплощеннымъ Казимиромъ Великимъ). Демонизмъ Красинского въ значительной мѣрѣ пасуетъ передъ вліяніемъ католицизма, хотя для своего времени это было всетаки произведеніе почти революціонное. Теперь въ этихъ символахъ уже многое выдохлось, а главное— націонализмъ, которымъ проникнута вся поэма, теряетъ свою острую эмоциональную силу... Тѣмъ не менѣе, произведеніе польского поэта можетъ и теперь еще служить укоромъ блѣдному и худосочному современному символизму, съ его безформенными намеками „на то, чего не вѣдастъ никто“.

Переводъ въ общемъ правильнъ и мѣстами передаетъ польскій. Къ сожалѣнію, однако, онъ слишкомъ дословенъ и несвободенъ отъ пѣлонизмовъ. Во всякомъ случаѣ, хотя и трудно предсказать „Иридіону“ особенно широкій кругъ читателей, но все же въ этомъ изданіи русская литература приобрѣтаетъ одно изъ характерныхъ и значительныхъ произведеній родственного польского духа.

Георгій Чулковъ.—„Тайга“.

Драма. Издательство „Оры“. С.-Петербургъ. 1907.

„Тайга“! Прежде всего,—что такое тайга? Читатель, даже не бывавший въ Сибири, знаетъ, что тайгою называютъ по мѣстному лѣсъ, а такъ какъ въ Сибири лѣса преимущественно лиственничные, то значитъ тайга есть сибирскій лиственничный лѣсъ. Дѣло какъ будто просто, для г. Георгія Чулкова даже слишкомъ просто. Поэтому, при „переоцѣнкѣ“ ясныхъ понятій съ декадентской точки зрѣнія, онъ считаетъ нужнымъ дать тайгѣ свои собственныя „новыя опредѣленія“. Въ его драмѣ нѣкто Юрій, недавній житель „тайги“, спрашиваетъ у доктора, живущаго „въ тайгѣ“ 13 лѣтъ: „Скажите, докторъ, что собственно значитъ слово тайга? Этотъ густой лѣсъ, что раскинулся вокругъ?“ И докторъ отвѣчаетъ:—„Нѣтъ, тайгой называется и лѣсъ, и земля вмѣстѣ“. Юрій (полагаю, съ недоумѣніемъ). „И лѣсъ, и земля вмѣстѣ?“ Докторъ. „Да: и лѣсъ, и земля, и при томъ въ ихъ священной пустынности“.

Мало вразумительно и едва ли правильно, но кто докажетъ, что правильность и вразумительность— нужны для всякихъ опредѣлений? Вѣдь вотъ и слово металъ даетъ понятіе, какъ будто довольно ясное. Но въ этомъ простомъ видѣ оно совсѣмъ не интересно. А скажите его особыеннымъ образомъ, да еще прибавьте къ нему „жупель“,—и замоскворѣцкія купчихи, по свидѣтельству Островскаго,—станутъ впадать въ истерику. Это значитъ, что къ простому понятію прибавлено „настроение“, столь интенсивное, что для нервныхъ замоскворѣцкихъ дамъ оно становится даже нестерпимымъ... Повидимому, и тайга даетъ г. Чулкову „настроение“ лишь тогда, когда она является не тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности, а только съ прибавленіемъ къ ней „земли въ священной пустынности“ и разныхъ небывалыхъ жучеловъ.

По счастливой случайности, это маловразумительное определеніе мы можемъ дополнить еще нѣкоторыми чертами, заимствованными у того же автора. Одновременно съ „драмой“ г. Чулкова мы прочитали его поэтическое произведение, напечатанное въ газетѣ „Товарищъ“ (№ 249) и озаглавленное „Въ тайгѣ“. Изъ него мы узнаемъ, что г. Чулковъ „сквозь чащу-древу тайги вечерней съ невѣрнымъ сердцемъ бродилъ во сне“... Во время этой интересной прогулки, по „таежному, пыльному и страшному пути“, „хранимый словомъ нацѣвионскимъ“, поэтъ сдѣлалъ нѣсколько открытій, даже, можно сказать, откровеній, чрезвычайно интересныхъ не только для

географовъ, но и для исконныхъ сибиряковъ, всю жизнъ проводящихъ въ тайгѣ. А именно, онъ узналь, что

... тамъ въ глубинахъ, забытыхъ Богомъ,
Гдѣ клектъ орлиный заглохъ въ глухи,
И звѣрь сердитый съ *могучимъ рогомъ*
Мохъ черный топчетъ въ почной тиши...
... Тамъ лебедь *бѣлыи* въ сѣдомъ туманѣ
Поетъ о смерти, зоветъ, зоветъ,
И я несмѣю, во сиѣ-обманѣ
Пою, какъ лебедь, *зеркальность водъ...*

Если оставить въ сторонѣ самаго поэта, который, очевидно, составляетъ въ тайгѣ явленіе совершенно исключительное и случайное — вѣроятно, даже никогда небывалое,—то все же окажется, что въ той тайгѣ, которую „позвалъ“ г. Чулковъ въ *своемъ видѣніи*, водятся, во-первыхъ, носороги, во вторыхъ, зимой на озерахъ сохраняется „зеркальность водъ“ и, въ-третьихъ, на этой зеркальности поютъ лебеди...

Въ этой-то интересной тайгѣ происходитъ нѣкое таинственное „дѣйство“ между проживающими тамъ людьми, столь же экзотического происхожденія, какъ таежные носороги и лебеди. Это, во-первыхъ, Юрий, личность безъ опредѣленной физіономіи, къ коему прѣѣзжаетъ невѣста (*„сестра Любовь“*). Она, конечно, не просто прїѣзжаетъ, а таинственно слѣдуетъ къ жениху, и всѣ чувствуютъ задолго ея приближеніе (точъ въ точь, какъ *„Intruse“* Метерлинка). Волосы у ней „темно-червоннаго“ цвѣта. Ничѣмъ больше не замѣчательна. Впрочемъ, дѣлаетъ видъ, что знаетъ о „тайгѣ“ какой-то секретъ. На вопросъ, что именно,—отвѣчаетъ: „она сгоритъ на солнцѣ вмѣстѣ съ землей“. Должно быть, читала популярныя статейки по космографіи и геологіи. Затѣмъ—докторъ. Онъ материалистъ, играетъ на скрипкѣ, при чемъ во время игры держится въ самомъ темномъ углу (точъ въ точь какъ *„Нѣкто въ сѣромъ“* у Леонида Андреева). Кромѣ того, онъ шаманитъ съ якутами. Какъ мыслитель и врачъ, занятъ вопросомъ: слѣдуетъ ли уничтожать лихорадку. Выводъ—не слѣдуетъ: „сейчасъ лихорадка сѣрая и скучная, ее нужно сдѣлать золотой. Пусть она соперничаетъ съ солнцемъ“ (стр. 33). Влюблчивъ. Когда къ Юрию прїѣзжаетъ его невѣста,—докторъ сразу какъ будто слегка обалдѣваетъ и ни съ того, ни съ сего обращается къ ней съ заявлениемъ: „Ваши волосы, какъ осенние листья. Или нѣть... нѣть! Какъ волокнистыя червленыя облака“... Жениатъ на якутѣ Сулусѣ, но готовъ, повидимому, предпочесть ей *„сестру Любовь“*, тѣмъ болѣе, что Юрий, насколько можно догадываться по намекамъ автора, въ свою очередь начиняетъ безнадежно влюбляться... въ *„тайгу“*. Въ концѣ концовъ

докторъ застрѣливаетъ свою жену-якутку, по причинамъ ис-
объясненнымъ и таинственнымъ. Положимъ, авторъ намекаетъ
какъ будто, что ему-то, г. Георгію Чулкову, причины сего
преступленія не безъ извѣстны. Виновна, дескать, въ подстрекательствѣ на женоубийство никто иной, какъ... опять-таки
„Тайга“, которая къ тому же „сама женщина, быть можетъ,
даже она единственная настоящая женщина“ (стр. 20). Смутно
памѣчается слѣдующая уголовная гипотеза: „Тайга“ влюбилась
въ доктора и потребовала убийства соперницы, очевидно,
еще не зная, что почтенный эскулапъ заглядывается уже на
„червленые волосы“ сестры Любови и начинаетъ продѣлывать
передъ ней разныя декадентскія штучки, вродѣ игры
на скрипцѣ „въ самомъ темномъ углу“...

Едва ли, однако, какой бы то ни было судъ, даже военно-
полевой,—придалъ бы значеніе этимъ извѣстамъ г. Георгія
Чулкова. „Помилуйте, — сказалъ бы навѣрное защитникъ не-
винно-обвиняемой Тайги, — развѣ можно вѣрить наблюденіямъ
гг. декадентовъ вообще, а г. Георгія Чулкова въ частности? Какой г. Чулковъ свидѣтель, — объ этомъ вы можете судить
хотя бы изъ газеты „Товарищъ“, въ коей онъ всенародно
утверждаетъ, будто, бывая въ гостяхъ у „единственной на-
стоящей женщины“ Тайги, встрѣчалъ у нея носороговъ (или
единороговъ?) и лебедей, „поющіхъ на зеркальности водъ“,
при томъ еще зимию, когда воды, какъ извѣстно, замерзаютъ?.
Вы скажете, что всѣ эти несообразности онъ могъ видѣть во
снѣ. Но тогда, гг. суды, — можно ли полагаться на слово
человѣка, который не только видѣть ни съ чѣмъ несообразные
сны, но и оглашаетъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе посредствомъ
печати? Не очевидно ли вамъ, что г. Чулковъ никогда у моей
клиентки не бывалъ, и что его показанія объ ея причастности
къ этому дѣлу такъ же облыжны, какъ показанія о носоро-
гахъ и лебедяхъ. Ни въ какого доктора она не влюблялась
(да едва ли и существуютъ такие доктора), а значитъ — не
было причины къ подстрекательству на убийство почтенной
докторши. И если есть здѣсь какое бы то ни было престу-
пленіе, то развѣ — издѣвательство надъ здравымъ смысломъ
бѣднаго россійского читателя“.

На страницѣ 30-й „драмы“ есть небольшой діалогъ, который
представляется какъ бы символическимъ и характернымъ.
Юрій спрашивается у своей невѣсты, „сестры Любови“: „Вѣдь
ты єхала одна?“ Сестра Любовь отвѣчаетъ: „Да, я и тайга“.
Выходитъ какъ будто, что и тайга г-на Георгія Чулкова тоже
їхала... Вѣроятно, тѣмъ же способомъ, какъ єдутъ андроны?

„Сѣверные сборники“.

Издательство „Шиповникъ“. Кн. V. 1908 г.

Въ эту (пятую) книгу „Сѣверныхъ сборниковъ“ вошли произведения трехъ скандинавскихъ авторовъ: Карла Йонаса Лове Альмквиста, Августа Стриндберга и Яльмара Сѣдерберга, въ переводѣ г. Ю. Балтрушайтиса. Г. Балтрушайтисъ — поэтъ декадентскаго толка. Вирочемъ, очень можетъ статься, что мы и ошибаемся: въ этой терминологии теперь разбираться очень трудно. Гораздо безопаснѣе сказать, что г. Балтрушайтисъ — модернистъ. Это тоже не вполнѣ опредѣленно, но если прибавить анти-реалистъ, то, кажется, это будетъ самая устойчивая точка на пересѣченіи этихъ „зыблющихся линий“, которые своей трудно уловимой сѣтью составляютъ туманное пятно модернистскихъ „настроений“.

Итакъ, посмотримъ на сборникъ г-на Балтрушайтиса (онъ весь заполненъ его переводами) съ этой точки зрѣнія. Рассказу Карла Йонаса Лове Альмквиста переводчикъ предпосыпаетъ критический набросокъ, въ которомъ говорится, между прочимъ, что Альмквиста (родившагося въ 1793 и умершаго въ 1861 году) гетеборгскій профессоръ Сюльванъ, не колеблясь, называетъ геніемъ а соотечественница его, г-жа Эллентъ Кэй — „самымъ современнымъ поэтомъ Швеціи“. „Своимъ внутреннимъ складомъ и общимъ духомъ своего міросозерцанія,—прибавляетъ къ этому переводчикъ уже отъ себя,—Альмквистъ на иѣсколько десятковъ лѣтъ опередилъ свое время...“ „Поражаешься современности его изысканныхъ образовъ, буквальному совпаденію отдельныхъ выражений и цѣлыхъ страшицъ съ тѣмъ, что теперь проповѣдывается, какъ самая послѣдняя мудрость дnia“.

Итакъ, у насъ есть случай на „старомъ поэтѣ“ постараться уловить, что же собственно составляетъ модернистскую мудрость послѣдняго дня, отличающую ее отъ реализма, которая на старомъ фонѣ должна засверкать для насъ тѣмъ яснѣе. Рассказъ Альмквиста называется „Мельница въ Шельпурѣ“. Ведется онъ отъ лица какого-то знакомаго автора, „молодого и веселаго человѣка, крѣпкаго и высокаго роста“, который совершилъ пѣшкомъ путешествіе по Упланду и Руслагену и оставилъ письменный разсказъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Начинается этотъ разсказъ просто и живо. Рассказчикъ довольно красиво описываетъ природу, впечатлѣнія простора, свободы и молодости. На одной изъ дорогъ онъ встрѣчаетъ молодую крестьянскую девушку, спускающую тяжелый возъ по кру-

тому спуску. Онъ помогаетъ ей, вступаетъ въ разговоръ и проножасть ее до мельницы. Отъ разсказа вѣть природой и подлинными впечатлѣніями. Фигура крестьянской дѣвушки набросана красиво и бойко, какъ эскизъ талантливаго живописца въ дорожномъ альбомѣ. Если бы дальше послѣдовать почлегъ на мельницѣ съ какой-нибудь характерной „бытовой“ картиной, потомъ утро, прощеніе и дальнѣйший путь, мы имѣли бы нечто вродѣ эпизода изъ „Записокъ охотника“, т. е. нечто художественно-реальнѣое. Но что же тутъ, однако, было бы „совпадающаго съ послѣдней мудростью“ модернизма?

А вотъ погодите. Дѣло въ томъ, что рассказчикъ не заканчиваетъ такъ просто. Онъ не заходитъ на мельницу, а идетъ дальше. Но невѣдомая сила невольно влечетъ его опять къ мельницѣ и, въ концѣ концовъ, повинуясь мистическому притяженію, онъ приходилъ туда вечеромъ. Входить. На мельнице темно. Слышны два голоса. Они звучатъ злодѣйствомъ, и, действительно, оказывается, что это крестьянинъ Карлсонъ говорившись съ мельникомъ погубить неѣкоего невинного Матсона, а съ нимъ и Бритту (встрѣченную разсказчикомъ дѣвушку). Сама она спитъ теперь на мѣшкахъ Матсона падь самимъ колесомъ. Разсказчикъ въ темнотѣ пробирается туда и снимаетъ спящую дѣвушку съ опаснаго мѣста какъ разъ во-время: Карлсонъ входить наверхъ и съ адскимъ хохотомъ толкаетъ мѣшокъ подъ колесо. Бритта продолжаетъ спать страннымъ сномъ; разсказчикъ не можетъ разбудить ее, но за то въ бреду она разсказываетъ ему всѣ тайныя пружины злодѣйства Карлсона, который, оказывается, отравилъ родную сестру, а теперь хочетъ обвинить въ ея смерти Матсона. Тутъ начинается уже нечто, какъ говорили въ старину, „несо-дѣяніе“: разсказчикъ надѣваетъ на голову юбку Бритты, которая перешла къ ней отъ отравленной хозяйки, становится на лѣстницу и произносить длинный монологъ, разоблачая злодѣйніе Карлсона. Авторъ увѣряетъ насъ, будто, видя (во тѣмъ!) юбку сестры, Карлсонъ принимаетъ „крѣпкаго мужчина, высокаго роста“ за тѣнь отравленной, и оба негодяя вѣрятъ подлинности монолога. При этомъ неѣкоторые разоблаченія привидѣнія ссорятъ злодѣевъ, и они вступаютъ въ драку. На драку собирается народъ. Бритта, значитъ, уже въ безопасности. Разсказчикъ уходитъ.

Ахъ, если бы хоть здѣсь скандинавскій „гений“ закончилъ эту неѣль лубочныхъ ужасовъ. Но онъ не кончаетъ. Онъ бредеть падь бурнымъ потокомъ въ лѣсу и видать, что на другой сторонѣ потока злодѣй Карлсонъ влечетъ связанныю Бритту

и требуетъ у нея, чтобы она или обѣщала дать нужный ему показанія въ судѣ, или приготовилась погибнуть мучителью смертью (онъ собирается распилить ее на лѣсопилкѣ, какъ бревно). Рассказчикъ кидается на помощь, хочетъ перебѣжать черезъ бурный потокъ по настилѣ лѣсопильной мельницы. Настилка рушится подъ его ногами. Трескъ, хаось падающихъ досокъ, и герой... вы думаете, падаетъ въ воду? Нѣтъ. Но странной случайности (не любо, читатель, можете не слушать) онъ оказывается стоящимъ на единственномъ столбѣ посреди потока, какъ нѣкая статуя на пьедесталѣ. Въ это время злодѣй уже привязалъ Бритту къ бревну и пустилъ подъ пилу лѣсопилки, а самъ, мечась зачѣмъ-то по мельницѣ, какъ угорѣлый, попадаетъ въ колесо и погибаетъ. Положение: герой стоитъ на столбѣ посреди потока, пила уже задѣваетъ тѣло Бритты. Помощи ни откуда. Но... недаромъ, по словамъ г. Балтрушайтиса, „Альмквиистъ тяготѣеть ко всему, въ чёмъ неисповѣдимымъ образомъ кроется роковая тайна“... На сей разъ безвыходное положеніе разрѣшается нѣкоей таинственной птицей. Она пролетаетъ мимо, задѣваетъ за что-то крыломъ,роняетъ щепку въ шестерню,—ужасная пила остановлена. А за симъ и столпникъ прыгаетъ благополучно со столба... Давно бы такъ...

Мы нарочно такъ подробно привели запутанное содержаніе рассказа, такъ какъ оно кажется намъ характернымъ: въ недуриную, чисто „реальнуу“ рамку вставляется совершенно аляповатый, ни съ чѣмъ несообразный вымыселъ, лишенный воображенія и вкуса, передъ которымъ „приключенія“ эмировскихъ романовъ—верхъ художественности и правдоподобія, и г. Балтрушайтисъ, самъ модернистъ,—выдаетъ намъ это за „совпаденіе съ самой послѣдней мудростью дня“. На здоровье, господа! Старый реализмъ охотно уступить вамъ эту замѣчательную мудрость.

Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Альмквиистъ „гений“ въ остальныхъ своихъ произведеніяхъ, по Августъ Стрингбергъ—писатель, намъ давно известный, не гений, но человѣкъ несомнѣнно талантливый. Въ сборникѣ есть два его рассказа („Высшая цѣль“ и „Легенда о С.-Готардѣ“), въ которыхъ побужденія людей доступны оцѣнкѣ здраваго смысла и отъ которыхъ вѣсть и поэзіей, и самой „реальной“ правдой. Но Стрингбергъ, по нѣкоему странному капризу, любить порой заигрывать съ модернизмомъ, т. е. писать разсказы, къ которымъ приложима обычная для модернизма критическая формула: ..Смысла, конечно, нѣтъ. Но есть, знаете ли, *что-то*. Это „что-то“ въ разсказѣ „Соната призраковъ“ можетъ пор-

мально настроенному человѣку доставить нѣсколько поистинѣ веселыхъ минутъ. Есть въ этой сонатѣ нѣкій ужасно коварный „Старикъ“, великий каналья и злодѣй. Онъ всѣхъ опуталъ своими сѣтями и уже собирается насладиться полнымъ торжествомъ своихъ адскихъ интригъ, для чего собираетъ всѣ свои жертвы въ одно мѣсто и начинаетъ передъ ними хвастать своею ловкостью. Но тутъ одна изъ жертвъ, сумасшедшая старуха, которая воображала себя попугаемъ и кричала „курр-ру“, внезапно пріобрѣтаетъ даръ слова, произносить дрянному старишакѣ длинную и ядовитую отповѣдь и въ заключеніе приказываетъ ему (увѣремъ васъ,—мы не выдумываемъ) идти въ гардеробный шкафъ и тамъ повѣситься. Старишака сконфузился до такой степени, что... покорно лѣзетъ въ шкафъ и вѣшаются, къ удовольствію, надо думать, всей почтенной компаніи, при чемъ, изъ приличія или для „символа“, старушечія-попугай велитъ лакею заставить дверь ширмою, „ширмой смерти“. Послѣ этого раздается пѣсня нѣкоего студента, изъ коей читатель узнаетъ, что „Благъ, кто доброе свершаетъ“ и „Всѣмъ дается по дѣяніямъ“. Какъ видите, „мудрость послѣдняго дня“ недалеко ушла отъ мудрости старыхъ прописей.

Любителямъ веселаго чтенія можемъ порекомендовать и послѣднее дѣйствіе „сонаты“, гдѣ сначала студентъ и дѣвица (фрекенъ) объясняются въ любви и увѣрены въ своемъ счастии, пока не является на сцену роковая кухарка,—разумѣй символъ кухарки, которая „вывариваетъ мясо, а намъ даетъ одни волосы и воду, а бульонъ выпиваетъ сама; когда же бываетъ жаркое, то она сперва вывариваетъ сокъ, поѣдаетъ соусъ и даже (о, ужасъ!) выпиваетъ подливку!“ Ея злодѣйства наподобъя на влюбленныхъ такое унѣніе, что они начинаютъ вспоминать другія несовершенства міра, и кончается это тѣмъ, что фрекенъ зоветъ Бенгтсона (лакея) и говорить: „Ширмы, скорѣе. Я умираю“ (мы опять не выдумываемъ: безъ ширмы герой сонаты никакъ не рѣшается умереть). Лакей, понятно,—человѣкъ служащій... Онъ приносить ширмы. Фрекенъ уходитъ умирать... Послѣ сего студентъ опять преподаетъ „мудрость послѣдняго дня“ изъ старой прописи: „Въ томъ, что въ жизни ты содѣлалъ въ гнѣвѣ, кайся безъ гордыни“... И подыгрываетъ на арфѣ...

Такова эта маленькая и, право, довольно веселая шалость талантливаго скандипава. И почему бы пѣть, въ самомъ дѣлѣ? Если ужъ такой ловкій старишака позволилъ себѣ „внушить“, что ему необходимо повѣситься въ гардеробномъ шкафу, то неужели такъ трусливо внушить и читателю, что это не просто

веселая шалость, а „трагическая соната“, въ которой, за отсутствием простого смысла, есть таинственное и важное, что-то“...

Эти двѣ вещицы — разсказъ о чудесахъ въ рѣшетѣ Альмквиста и соната Стриндберга — служатъ, повидимому, оправданиемъ для г. Балтрушайтиса въ глазахъ модернистскихъ товарищей. Оправданіемъ въ томъ, что остальные разсказы, имъ переведенные, просто художественны и не расходятся съ здравымъ смысломъ. Особено хороши небольшие рассказы Седерберга, дѣйствительно напоминающіе простоту и задушевность нашего Чехова.

1908 г.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ЖИЗНИ „ИСКАТЕЛЯ“*).

Средь мѣра долинаго
Для сердца вольнаго
Есть два пути.
Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую—
Какимъ пдти.

Nekrasov.

I.

Это было въ 186* году. Въ то время ***ская желѣзная до-
рога только что была окончена. Недавно еще промчался по
ней пробный поѣздъ, и вслѣдъ за нимъ, оглашая могучимъ
свистомъ окрестности, гремя и сверкая, мчались новые вагоны, и клубы дыма и пара стлались далеко сзади, охватывая
кусты и деревья и теряясь въ молодой зелени листьевъ. Весна
еще только разгоралась. Яркое южное солнце давно уже со-
гнало послѣдніе остатки снѣга, но въ воздухѣ все еще вѣяло
молодой неустановившейся теплыниью, въ которой нѣтъ-нѣтъ
да и пробѣтся острыя свѣжая струйка.

Земля вздыхала полной грудью. Лѣса, которыхъ такъ много
въ этой мѣстности, стояли на горизонте, закутанные въ мягкую
сизоватую синеву, а вблизи съ здоровой чернотой стволовъ
уже смѣшивалась молодая зелень и въ воздухѣ носился за-
пахъ распустившихся почекъ. Межъ раздавшихся въ обѣ
стороны деревьевъ блестѣла прозрачная рѣчка и, точно рѣз-
вясь, извивалась между размытыми далеко глинистыми берега-
ми, на которыхъ виднѣлись еще поймы наноснаго ила, тор-
чали по обрывамъ обнаженные корни, валялись черные кор-
чаги,—слѣды весенняго разгула рѣчки.

И желѣзная дорога, съ ея шумомъ и свистомъ, не портила

*.) !тотъ первый мой разсказъ, появившійся въ 1879 году и даже не подписаній моимъ полнымъ именемъ, я не имѣлъ въ виду помѣщать въ собраніе своихъ сочиненій. Но мы говорять компетентные люди, что онъ упоминается въ биографіяхъ п., кроме того, съ ипмъ связанъ небольшой эпизодъ изъ воспоминаній о Щедринѣ (см. мою статью о Н. К. Михайлов-
скомъ, т. 2-й). Въ виду этого читатели выразятъ искать его въ полномъ со-
брании и отсутствие его сочтутъ, быть можетъ, проблемой. Для изѣженія этого, помѣщаю въ концѣ изданія это слишкомъ еще позрѣлое первое мое
произведеніе безъ всякихъ редакціонныхъ измѣненій. *B. K.*

этого впечатлѣнія. Эта молодая жизнь была такъ свѣжая и бодра, что могла примѣниться къ чему угодно. Все она охватывала своими могучими волнами. Свѣжія насыпи, не успѣвшія сгнить новыя шпалы, полотно, заново посыпанное щебнемъ съ красноватымъ пескомъ,—все гармонировало съ общей картиной.

Нѣсколько разъ въ день гудитъ въ лѣсу звочки свистокъ, прокатится надъ рѣчкой, отдастся въ далекихъ погружающихся уже въ вечернюю дремоту чащахъ... И вотъ выныряетъ изъ лѣсу чудовище—локомотивъ и все ростеть, выростаетъ... Вырвутся бѣлые клубы пара и, прохваченные свѣжестью наступающаго вечера, опадаютъ, ползутъ, ныряютъ между деревьями, и зеленѣюція вѣтви, точно играя съ ними, ловятъ ихъ, прячутъ, закутываютъ своими объятіями, и они таютъ, скрываются между листвой, исчезаютъ...

А поѣздъ вѣхаль на новенький мостикъ, сверкнуль въ прозрачной рѣкѣ надъ свѣтлымъ отраженiemъ живыхъ еще свай, громыхнуль, загудѣль и опять понесся съ пыхтѣнiemъ и свистомъ по извилающейся дорогѣ... И вотъ онъ уменьшается, таетъ... Только рельсы, точно живые, говорятъ и рокочутъ все тише и тише, постепенно смолкая... Вотъ еще разъ слабо сверкнули окна вагоновъ и рычаги локомотива, еще свистокъ—уже издали, и темная змѣя, извиваясь, вползаетъ въ темную чащу... Иѣсь раздается,—еще мгновеніе, и надъ нимъ носится только бѣлый дымокъ, въ которомъ играютъ лучи весеннаго заката.

А вокругъ все опять тихо. Опять невозмутимо бѣжитъ рѣчка и сдержанно плещутъ ея струйки... Туманъ носится въ легкомъ сумракѣ надъ полями, между пятнами лѣса, закутывая все отъ наступающей ночной прохлады, и только поближе видна еще яркая зелень молодой травки, да рой мошекъ зевнить, точно вечерняя молитва... Вокругъ торжественная тишина. Ночь опускается на землю, на небѣ проглядываютъ звѣзды, на западѣ рѣТЬ еще отсвѣтъ заката, а на потемнѣвшемъ, закутанномъ въ сумракѣ востокѣ зарисовывается луна...

II.

Я жилъ въ этой благословленной мѣстности. Я былъ молодъ и свободенъ, какъ вѣтеръ. Правда, я носилъ званіе студента кѣскаго университета, но узы студента, если ихъ вообще можно было назвать тогда узами, меня не особенно тяготили. Для экзаменовъ труда надо было немногого, и я справлялся съ ними отлично. Профессора, знаяшіе меня поближе, были мню очень недовольствомъ. Нельзя сказать, чтобы я не работалъ вовсе. Напротивъ, случалось работать, и работать сильно, упорно;

но это не было систематическое факультетское „учение“. Я занимался все́мъ, что меня интересовало, а интересовало меня очень многое,—„слишкомъ многое“, говорили ученые мужи... Цоэзія и статистика, цифры и риёмы, „мечты и звуки“ и инвасекція—все это уживалось во мнѣ въ удивительномъ согласіи и гармонії. Стихотворенія проливали свой мягкий светъ на цифры, цифры, съ дружеской солидностью, подтверждали неуловимыя истини стихотвореній. Да, мною были недовольны ученые мужи, но я былъ доволенъ собою, своей работой. Числясь официа́льно на „естественномъ“ факультете, я изучалъ политическую экономію и статистику, писалъ лирическія стихотворенія, съ увлечениемъ возился съ микроскопомъ, поглощалъ исторической монографіи. Однако, если меня и считали идеалистомъ-теоретикомъ, неспособнымъ къ практическому труду, то это была ошибка. Мнѣ случалось брать на себя исполненіе чисто-практическихъ работъ, и я отлично спрашивалъ съ ними. Чѣмъ труднѣе была работа, чѣмъ болѣе въ ней было спутанныхъ частностей, требовавшихъ споровки, умѣнія приспособиться, тѣмъ съ большимъ увлечениемъ я брался за нее. Я изучалъ, обобщалъ, подводилъ къ одному знаменателю, приводилъ въ систему, реформировалъ, творилъ, овладѣвалъ предметомъ. Я влагалъ въ трудъ всю свою душу. Но когда путаница разъяснялась, все приходило въ порядокъ, изъ хаоса получалась форма, колеи, рутина, когда дѣло, въ свою очередь, стремилось овладѣть мною,—я сторонился отъ него, какъ и отъ факультета. Что хотите,—я былъ, по своему, правъ. У меня были планы, стремленія, хотя и не вполнѣ еще опредѣлившіяся, но искренія, сильныя, и они или въ разрѣзъ съ этой практикой...

III.

Я гостилъ на хуторѣ, въ семействѣ товарища, если только словомъ „гостить“ можно охарактеризовать пребываніе въ чужомъ домѣ, изъ котораго выѣхали хозяева, оставивъ его въ полное мое распоряженіе. Меня просили только не сжечь его, да по возможности оставить въ цѣлости оконные стекла, которымъ вставлять въ деревнѣ очень неудобно,—въ остальномъ я былъ полный хозяинъ. У меня былъ компаньонъ и товарищъ, старый слуга хозяевъ—Якубъ, съ которымъ мы были большие пріятели. Старинная винтовка Якуба, да небольшая сумма денегъ, полученная мною за два мѣсяца кропотливой бухгалтерской работы, служили единственнымъ источникомъ удовлетворенія нашихъ незатѣйливыхъ потребностей, и съ этими средствами мы съ Якубомъ жили въ оставлен-

номъ хуторѣ полными дикарями. Днемъ я бродилъ по полямъ, рисуя, собирая коллекціи,—Якубъ, какъ Агасееръ, неутомимо шатался по лѣсамъ и болотамъ, и гулкое эхо разносило по окрестностямъ отголоски мѣткихъ выстреловъ старой винтовки. Вечеромъ мы сходились къ нашему домишку; кто приходилъ ранѣе, тотъ раскладывалъ невдалекъ, подъ деревьями, надъ рѣчкой, костеръ, на которомъ мы готовили незатѣмъ ливый ужинъ. Спали мы тутъ же, у костра, на открытомъ воздухѣ...

Личность моего компаньона была довольно замѣчательна. Мое знакомство съ нимъ началось давно: еще мальчишкой я прѣѣзжалъ по временамъ изъ гимназии въ хуторъ къ товарищу на цѣлый недѣли, и въ это время мы познакомились съ Якубомъ. Я часто сопровождалъ его въ безконечныхъ экскурсіяхъ, и онъ, обыкновенно нелюдимый, не имѣлъ ничего противъ моей навязчивости. Напротивъ, часто онъ разыскивалъ меня гдѣ-нибудь подъ деревомъ, въ саду, или на сѣноватѣ, приносилъ съ собою моя ботфорты и шапку и лаконически приговаривалъ:

— Пойдешь, что ли?

И я съ удовольствиемъ соглашался. Онъ указывалъ мѣсто хорошія охотничихъ стоянки, порой водилъ въ мѣста, которыхъ ему казались почему-либо интересными, говорилъ вообще мало, но, повидимому, слушалъ очень охотно все, что я болталъ ему въ дорогѣ. По временамъ онъ смѣялся короткимъ утробнымъ смѣхомъ, при чёмъ концы его опущенныхъ внизъ сѣдыхъ усовъ, какъ-то очень характерно сбликались,—но никогда онъ не мотивировалъ этихъ припадковъ веселости, и, признаться, они часто приводили меня въ недоумѣніе. Я не могъ понять, почему онъ смѣется въ данное время, чѣмъ вызывался этотъ смѣхъ. Казалось, его настроеніе управлялось какими-то внутренними законами и никакъ не зависѣло отъ того, что другіе считали смѣшнымъ, веселымъ или грустнымъ.

Кажется, я былъ единственнымъ, сколько запомню, человѣкомъ, общества котораго Якубъ какъ бы искалъ. Къ остальнымъ онъ относился индифферентно. Правда, его, собственно, нельзя было назвать угрюмымъ мизантропомъ; если взглянуть въ его лицо, оно никогда не было мрачно или желчно. Въ людской, къ да онъ являлся по временамъ, точно на бивакѣ, надъ нимъ иногда посемѣнивались, шутили; перѣдко, при болѣе или менѣе удачной шуткѣ, его усы сдвигались, и изъ-подъ нихъ густой щетины просвѣщивало нечто среднее между гри- масой и улыбкой, въ общемъ довольно добродушное; но онъ никогда не огрызался, не отвѣчалъ, даже просто не вступалъ въ разговоры, продолжая, какъ ни въ чёмъ не бывало,

чистить ружье, зашивать принадлежности костюма, вообще справлять свои нужды.

Съ годами онъ становился все молчаливѣе. Мой товарищ и его домашніе, оставляя меня съ Якубомъ, предупреждали, что Якубъ совсѣмъ разучился говорить и что мнѣ не добиться отъ него ни слова. Когда, возвратясь съ охоты, Якубъ засталъ меня въ первый разъ постѣ моего приѣзда,—онъ только взглянулъ на меня изъ-подъ сѣдыхъ бровей какъ-то внимательно и съ любопытствомъ; но этотъ взглядъ, брошенный изъ людской въ отворенную дверь комнаты, въ которой я бесѣдовала съ моими знакомыми, былъ единственнымъ признакомъ вниманія, которымъ онъ меня удостоилъ. Онъ даже не вошелъ въ комнату, и я самъ вышелъ къ нему, чтобы поздороваться.

Впрочемъ, наша жизнь вдвоемъ быстро наладилась и вошла въ колею. Оказалось, что предупрежденія Рожанскихъ (фамилія моихъ хозяевъ) были совершенно напрасны. Намъ обоимъ вовсе не было скучно вдвоемъ. Правда, по цѣлымъ днямъ мы бывали врозь и вели жизнь молчаливыхъ созерцателей; зато по вечерамъ, у костра, мы пользовались всѣми преимуществами общественности.

Собственно, и тутъ мы говорили немного, и постороннему зрителю наши бесѣды показались бы въ высшей степени странными и просто непонятными. Въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ самихъ, какъ и въ ихъ обстановкѣ, было много своеобразнаго. Представьте весеннюю ночь среди благодатной ^{* * *} ской природы. Синее глубокое небо... широко раскинутыя полы уточають въ сизомъ туманѣ, пронизанномъ насквозь лучами луннаго свѣта. Въ этомъ фантастическомъ золотистомъ полу-свѣтѣ тонуть луга и лѣса: гдѣ-то изъ-подъ него пробивается тихое журчаніе рѣчки; стѣны усадьбы, поближе, сверкаютъ золотистымъ, яркимъ, рѣжущимъ отсвѣтомъ, на фонѣ старого сада, и тутъ же, нѣсколько въ сторонѣ, подъ кучей деревьевъ — нашъ бивакъ. Костеръ пылаетъ красноватымъ пламенемъ, трещитъ сухой валежникъ, языки огня перебираются все выше, освѣщаая низко нависшія вѣтви деревьевъ, верхушки которыхъ тонутъ въ дыму. Мы съ Якубомъ лежимъ тутъ же, на сѣнѣ, въ ожиданіи ужина, который варится у костра, въ котелкѣ. У Якуба вспыхиваетъ между усами короткая „люлька“.

Что касается до самыхъ разговоровъ, то они были очень немногосложны и, на первый взглядъ, очень несистематичны: это были, собственно, какіе-то обрывки мнѣній, вскользь брошенные короткіе вопросы, часто остававшіеся безъ отвѣта, или такие же короткіе отвѣты. Тѣмъ не менѣе, для меня эти безпорядочныя бесѣды были полны живого интереса. Дѣло въ

томъ, что теперь я не могъ уже, какъ пѣкогда, удовлетвориться только ролью единственнаго активнаго собесѣдника; то, что прежде удивляло менѣ въ Якубѣ и казалось неразрѣшимымъ,—я старался теперь разрѣшить, мнѣ хотѣлось разгадать этого человѣка, такъ равнодушно относившагося ко всему миру; мнѣ хотѣлось знать, что значатъ его непонятныя, короткия замѣчанія, чѣму онъ смеется, отыскать законъ, управляющій своеобразными процессами этихъ странныхъ рѣчей, прочитать мысль, вѣчно свѣтившуюся въ этомъ невозмутимомъ взглядѣ. Вначалѣ это было трудно. Процессы, совершающіеся въ этой сѣйдѣ головѣ, казалось, подчищались какимъ-то совершенно особымъ законамъ, и не было никакой возможности направить ихъ на торицу дорогу „логическаго“ мышленія, „правильныхъ“ построеній. Онъ никогда не говорилъ хоть сколько-нибудь округлѣнными періодами, никогда не примѣнялся къ слушателю, и если вы начинали закидывать его округлѣнными фразами, если вы обнаруживали попытку свернуть его на вашу дорогу, навязать ему вашу систему,—онъ какъ-то вдругъ съеживался, кидалъ па васъ испытующіе, точно подозрительные взгляды, исполненные, вмѣстѣ съ тѣмъ, какого-то страннаго философскаго превосходства, а тѣ процессы, которые вы разсчитывали „направить“, шли тѣмъ же роковыемъ, стихійнымъ путемъ.

Замѣтивъ это, я старался дѣйствовать крайне осторожно; я, по возможности, ограничивался короткимъ заявленіемъ своего мнѣнія и осторожными вопросами; затѣмъ, довольствуясь полученными полуответами, я старался дополнить ихъ наблюденіемъ. Оказалось, что я попалъ на настоящій путь. Мало-по-малу я все болѣе убѣждался, что безсвязныя, повидимому, сентенціи Якуба были, въ сущности, лишь частью своеобразныхъ, но стройныхъ и закономѣрныхъ процессовъ мысли, которымъ капризная судьба предоставила явиться въ видѣ звуковъ, тогда какъ остальныя части тѣхъ же процессовъ, часто самыя существенныя въ логическомъ отношеніи, оставались въ умѣ старика. Пріучаясь все болѣе и болѣе къ этой манерѣ, я привыкъ дополнять недосказанное осторожнымъ выслушиваніемъ выраженія лица, порой короткимъ, точно вскользь кинутымъ вопросомъ. На этой почвѣ у насъ начался живой обмѣнъ мыслей, и я убѣдился даже, что то, что вначалѣ казалось мнѣ непобѣдимо умственнаю коснотью, было лишь своеобразною живою силой. Мнѣ приходилось указывать Якубу новые для него факты, — особенно интересовать его микроскопъ,—и я видѣлъ, что онъ очень воспримчивъ къ этимъ фактамъ и способенъ къ ихъ переработкѣ. При этомъ я воз-

держивался отъ всякихъ объясненій и выводовъ; въ крайнемъ случаѣ, когда данныхъ для группировки было недостаточно, я приводилъ другіе, извѣстные мнѣ по книгамъ, и только изрѣдка частью высказывалъ мое собственное мнѣніе.

Какъ видите, мнѣ было несмѣчно съ Якубомъ. Въ свою очередь онъ тоже всматривался и какъ бы изучалъ меня. Онъ былъ чрезвычайно наблюдатель, и часто я чувствовалъ на себѣ его пристальный взглядъ. Въ то время я жилъ очень полною жизнью. Въ деревню я приѣхалъ, собственно, чтобы разобраться на свободѣ съ массой впечатлѣній, стремлений и порывовъ, чтобы углубиться въ себя и решить одинъ личный вопросъ. И вотъ разбираться-то мнѣ пришлось на глазахъ у этого странного философа-наблюдателя.

Въ одинъ изъ описанныхъ выше вечеровъ мы, по обыкновенію, расположились съ Якубомъ у костра. Старикъ на этотъ разъ былъ, очевидно, чѣмъ-то сильно занятъ. Его неразлучная лилька медленно вспыхивала, шипя, и опять погасала, густые клубы махорочного дыма вѣзвались въ воздухѣ, а онъ все молчалъ, не вмѣшиваясь даже въ мои хлопоты по ужину. По временамъ онъ что-то невнятно ворчалъ; изъ этого ворчанія, прерываемаго ожесточенными плевками въ сторону, мнѣ удалось только раза два разслышать: „отъ бисова баба!...“, „отъ то!...“ и тому подобныя совершенно для меня непонятныя восклицанія.

Однако, какъ и всегда, я не торопился съ разъясненіемъ. Размѣшивавъ въ котелкѣ, я вынула свой кисетъ и стала свертывать папиросу. Изъ двухъ-трехъ взглядовъ, которые, какъ я замѣтилъ, были направлены на меня изъ-подъ сѣдыхъ бровей Якуба, съ выраженіемъ не то любопытства, не то недовольства, точно онъ подозрѣвалъ и меня въ соучастіи съ „бисовой бабой“—я угадалъ, что дѣло касалось, между прочимъ, меня: стало быть Якубъ высказываетъ, только раньше ему надо было, очевидно, что-то обдумать.

Наконецъ, старикъ вытряхнулъ свою трубку о ноготь большого пальца и, засовывая ее въ карманъ, кинулъ въ мою сторону:

— Вамъ можно жениться?

Я былъ озадаченъ, однако не выразилъ своего удивленія и равнодушно отвѣтилъ:

— Да, ужъ болѣе года я имѣю право жениться...

Якубъ вскинулъ на меня глазами и продолжалъ такъ же равнодушно:

— Что-жъ, женитесь; грѣшай много—своя будетъ воля...

Мое удивленіе росло. Что это ему взбрело въ голову сватать, да и кого же?

— На комъ? — спросилъ я.

Этотъ короткій вопросъ сильно не понравился Якубу. Онъ желчно плюнулъ и опять полѣзъ въ карманъ за только что оставленной трубкой.

— На комъ, на комъ!.. Эхъ, спрашиваютъ тоже! Ну, на бабѣ... Не все ли равно?.. Тамъ разобранъ бы послѣ... На комъ!

Я съ удивленiemъ посмотрѣлъ на старика. Его лицо выражало сильное неудовольствіе. Неужели онъ могъ серьезно выражать мнѣніе, что, моль, „не все ли равно“? Нѣть, мнѣ показалось, что за этимъ скрывается нѣчто другое.

— Ну, на Сорокаихъ. Знаете вѣдь вы — вдова есть такая... Говорить — онъ меня видать. „Грѣшай, говорить, у меня не мало“. Пѣсню тоже пѣла: „Чи въ мене не біле личко, чи не чорни брови?..“ Тыфу!..

Я чуть не расхохотался. Якубъ, сильно раздосадованный, наклонился къ огню, чтобы закурить свою трубку.

— Ну? — спросилъ онъ затѣмъ, точно торопясь развязаться съ этимъ вопросомъ.

— Что ну? — спросилъ я въ свою очередь, желая подразнить старика.

Мнѣ было немного досадно, что онъ могъ обратиться ко мнѣ съ этимъ предложеніемъ. За кого же онъ меня принимаетъ? Сорокаеву я действительно видѣлъ раза два; это была вдова, обладательница хутора, молодая, богатая, полная, бойкая и неглупая. Она держала себя независимо, и это предложеніе, сдѣланное透过 Якуба, это циничное указаніе на „гроши“ и „біле личко“ — были для нея очень характерны.

Люлька Якуба заскрипѣла и вспыхнула, и на его освѣщенномъ лицѣ я, къ величайшему удивленію, замѣтилъ вдругъ одну изъ его добродушнѣйшихъ гримасъ. Концы сѣдыхъ усовъ замѣтно шевелились.

— Эге! — сказалъ онъ. — Не хочешь, бачу — не хочешь!.. Отъ!.. — Онъ вдругъ поперхнулся, точно отъ подступа внутренняго смѣха. — Отъ глупая баба! Говорилъ я: не женитесь... Куда!..

Я тоже засмѣялся.

— Съ чего вы взяли сватать меня?.. А Сорокаевой скажите — пусть „передъ батька не лізе въ пекло“, пусть дожидается, пока за ней съ ея грошами будутъ свататься сами.

— Эге, аге! — подтвердилъ Якубъ: — говорилъ!.. Отъ-то баба! „Семена“ *), говорить, знаешь? Ну, такъ завтра скажешь, а то... Отъ и скажу завтра. Ну-ну, баба!

*.) Малороссийская пѣсня, изображающая могущество деметъ въ дѣлѣ „сватанія“.

Якубъ, очевидно, повеселѣлъ отъ перспективы завтрашняго объясненія. Онъ привсталъ, заглянулъ въ котелокъ и, помѣшивъ въ немъ, снялъ его съ огня. Мы поужинали.

Затѣмъ, постѣ ужина, Якубъ, расположившись лицомъ къ синему небу, долго бормоталъ что-то и ухмылялся. Я тоже благодушествовалъ, пуская клубы дыма къ звѣздному своду. Наконецъ, когда я сталъ уже погружаться въ дремоту, мнѣ вдругъ послышался голосъ Якуба:

— Значить, вамъ грошой не надо?

— Не надо.—отвѣтилъ я сквозь дремоту.

— Г-мъ, такъ... — лукаво произнесъ старикъ, и изъ его лульки послышалось долгое сосредоточенное хрюканіе перегорѣвшаго „тютюна“.

IV.

Каково было объясненіе Якуба съ предпріимчивой вдовой— мнѣ неизвѣстно. На слѣдующій же вечеръ настъ съ Якубомъ заняла другая тема. Когда я подошелъ къ нашему биваку, костеръ давно уже былъ разведенъ, не смотря на сравнительно раннее время, и Якубъ, безъ свитки, вообще по домашнему, какъ видно, давно уже возился съ ужиномъ. Когда я подошелъ, онъ посмотрѣлъ на меня исподлобья и опять обратился къ костру. Я перемѣнилъ свои охотничьи сапоги на легкіе и прилегъ тоже близъ костра на сѣно.

— Письмо къ вамъ,—сказалъ Якубъ.

— Письмо?—живо спросилъ я.—Отъ кого?

— Не знаю...

Онъ равнодушно протянулъ руку къ костру, вынулъ оттуда пальцами горячій уголекъ и положилъ его къ себѣ въ „лульку“.

— Кто же привезъ?

— Варехинскій человѣкъ привезъ...

— Значитъ, отъ стараго Варехи...

Якубъ вскинулъ глазами и опять многозначительно произнесъ:

— Не знаю...

Я покраснѣлъ.

— Дайте письмо.

Якубъ полѣзъ въ карманъ и, вынувъ оттуда порядочно измятый небольшой изящный конвертецъ, подалъ его мнѣ.

Подавая, онъ повергъ его въ своихъ грубыхъ рукахъ. Я слѣдилъ взглядомъ за этой маленькой вещицей въ его заскорузлыхъ пальцахъ, и онъ, повидимому, подмѣтилъ мои тревожные взгляды. Концы его усовъ стали шевелиться.

На конвертѣ кругленькимъ изящнымъ женскимъ почеркомъ было написано: „Борису Гавриловичу Дубравѣ“.

Я хотѣлъ уже было сломать печать, когда изъ костра послышалось шипѣніе висѣвшаго надъ нимъ котелка, извѣщающее, что ужинъ готовъ.

— А ужинать-то раныше не будете? — спросилъ Якубъ съ невозмутимъшимъ равнодушіемъ, вынимая котелокъ изъ огня.

Старый варваръ! Онъ догадывался, что миѣ не до ужина... Тѣмъ не менѣе, я отложилъ письмо и по возможности равнодушно принялъ за трапезу. Стариkъ Ёлъ съ аппетитомъ, кидая по временамъ въ мою сторону совершенно равнодушные взгляды. И несѣ мой крестъ, хотя нельзѧ сказать, чтобы особенно терпѣливо. Проглотивъ иѣсколько горячихъ, какъ пламя, картофелинь, я счелъ свою задачу оконченной и вновь обратился къ письму.

Миѣ было ужасно досадно и неловко распечатывать и читать его подъ внимательными взглядами Йкуба. А онъ, растянувшись тутъ же въ весьма непринужденной позѣ, неторопливо продолжалъ свой ужинъ и такъ же неуклонно наблюдалъ каждое мое движеніе.

Я вооружился стоицизмомъ. Сдѣлавъ по возможности равнодушную физіономію, я сломалъ печать и, иѣсколько отвернувшись отъ Йкуба, будто для того, чтобы поудобнѣе расположиться въ отношеніи свѣта, принялъ на конецъ читать цидулку.

Письмо было недлинно. Пищущая обращалась ко миѣ отъ имени „напаша“. Напаша удивлялся, что я, такъ долго уже находясь по сосѣдству съ С*** (сосѣдній уѣздный городъ) и даже бывая иѣсколько разъ, какъ онъ узнавъ, въ самомъ городѣ, не заглянулъ къ нему. Конечно, у меня могли быть для этого болѣе или менѣе основательныя причины; однако, „напаша“ полагалъ, что никакія причины не могутъ быть достаточно основательны, чтобы не поспѣшать такъ долго старшаго друга моего отца, да и лично моего друга также. Теперь „напаша“ обращается къ моему великодушію. Онъ сообщаетъ, что ему необходима моя помощь, какъ и въ прошломъ году, и полагаетъ, что хоть это соображеніе вызоветъ меня изъ моего отшельничества. Пищущая въ концѣ добавляла отъ себя, что, конечно, она не считаетъ особенно иѣскими свои собственные доводы, однако, она вполнѣ раздѣляетъ взглядъ „напаша“ на несправедливость моихъ дѣйствій, и если ужъ, промѣ дѣлъ, ничто не въ состояніи заманить меня въ С***, то „будемъ благодарны хотя бы дѣламъ“. Этимъ упрекомъ кончалось письмо. Подъ нимъ стояла короткая подпись: „Соня“.

... Отсѣтъ отъ первоно пгравшаго пламени перебѣгалъ по Бленькому листочку все слабѣе и слабѣе. Костеръ потрескивалъ и потухалъ, а я все смотрѣль, хотя и не читая, на эту маленькую страничку, на это словечко въ концѣ. Я забылъ о пристальныхъ взглядахъ Якуба, забылъ обо всемъ окружающемъ и погрузился въ свои мысли.

Милая дѣвушка! Какая кроткая укоризна звучала для меня въ этихъ немногихъ заключительныхъ строчкахъ, какъ ясно я видѣлъ ея милое лицико, омраченное грустью... И какъ я грубъ, жестокъ, несправедливъ! Чѣо она думаетъ? Чему она можетъ приписать мой дикий поистинѣ образъ дѣйствій?.. Въ правѣ ли я поступать подобнымъ образомъ?..

Вареха, отецъ Сони, былъ помѣщикъ, изъ тѣхъ немногихъ, которые отлично съумѣли примѣниться къ новымъ условіямъ, ворвавшимся въ жизнь вмѣстѣ съ реформой. Умный, практический, смѣтливый, онъ не ропталъ, не дѣлалъ оппозиціи, но и не произносилъ жалкихъ словъ. Онъ просто принялъ дѣло, какъ оно есть, и стала „примѣняться“. И дѣло пошло отлично. Его хозяйство удачно выдержало кризисъ и помаденьку, но твердо пошло на новый ладъ. Въ то время, когда другіе бросились хищнически реализировать остатки и большую частью безнадежно пускали ихъ прахомъ или тратили ихъ на самыя юмористическія затѣи на тему рациональнаго хозяйства, онъ тоже взялся за нововведения—твердо, осторожно. Вскорѣ, разсчитавъ предварительно всѣ шансы, онъ завелъ небольшой заводецъ, который оправдалъ его ожиданія. Самъ онъ, по коммерческимъ соображеніямъ, поселился въ городѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ имѣнія, завелъ тутъ свой магазинъ, и вообще сталъ вполнѣ „промышленнымъ“ человѣкомъ.

Онъ былъ товарищемъ и другомъ моего давно умершаго отца. Я бывалъ еще въ дѣтствѣ въ имѣніи старого Варехи, и мы были болыше пріятели съ Соней. Потомъ, въ одну изъ своихъ побывокъ у Рожанскихъ, я, между прочимъ, заѣхалъ и къ Варехѣ. Старникъ принялъ меня очень радушно, какъ сына своего стараго пріятеля, но вскорѣ между нами завязались и непосредственно близкія отношенія. Въ это время онъ только еще прилаживалъ свой заводецъ, хлопоталъ, суетился. Главное его затрудненіе, величайшій источникъ непріятностей, сопряженныхъ съ новымъ дѣломъ, заключался въ томъ, что онъ совершенно не довѣрялъ панятамъ техникамъ, а самъ плохо смыслилъ сущность производства. Онъ окружилъ себя книгами, по цѣльмъ днамъ читаль, волнивался противорѣчіями, сомнѣвался, надѣялся, вновь виадаль въ отчаяніе и вновь оживалъ. Вотъ тутъ-то я могъ оказать

ему кое-какую помощь. Я порядочно знать химію. У старика была заведена небольшая лабораторія, и мы пустили ее въ ходъ. Я дѣлалъ анализы, свѣрять получаемые результаты съ специальными техническими сочиненіями; правда, намъ приходилось встрѣтывать множество затрудненій, усложненій, противорѣчий, особенно сначала, но въ концѣ концовъ мы сдѣлали несколько практическихъ выводовъ. Это обстоятельство въ значительной мѣрѣ способствовало скрѣпленію узъ, соединявшихъ меня съ старикомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ химические процессы, совершившіеся въ моихъ ретортахъ и мысляхъ, имѣли некоторое совершенно особое влияніе и на другую сторону моихъ отношений къ варехинскому семейству. Соня очень интересовалась нашими „производствами“; я разъяснялъ ей сущность химическихъ явлений и хотя, правду сказать, не очень былъ доволенъ, какъ учитель, успѣхами ученицы въ этой области знаній, зато вниманіе, съ какимъ смотрѣли на меня ея голубые ласковые глазки, не оставляло желать ничего лучшаго.

Вскорѣ отношения наши установились какъ-то такъ, что мы стали отлично „понимать“ другъ друга безъ объясненій (я говорю, конечно, не о химіи). Я научился читать въ этихъ ласковыхъ глазкахъ, я вслушивался въ ея тихую мелодичную рѣчь; она съ болѣшимъ вниманіемъ выслушивала мои мечты и восторги, и намъ обоимъ было недурно. Это было нѣчто вродѣ тихаго, здороваго, юнаго спа, въ знойный лѣтній день, на зеленой прохладной травѣ, подъ густымъ пологомъ лѣса. Синее, безконечно глубокое небо, свѣтлыя, бѣгущія какъ призраки облака, этотъ зной вокругъ, кромѣ зеленаго шатра, это сознаніе здоровой и молодой дремлющей силы... Нужно,—чувствуешь возможность сразу подняться съ бодрой, неразслабленной энергіей. А покамѣстъ листья шепчутъ такъ сладко, такъ завлекающе таинственно, и по небу плывутъ эти тучки, одна за другой, причудливыя, красивыя, легкія...

Старикъ Вареха по временамъ взглядывалъ на насть съ лукавой, чуть-чуть замѣтной улыбкой. Добрякъ зналъ, что у меня за душой ничего, кромѣ молодости и силы,—но онъ, хотя и былъ очень практическъ, понималъ практичность по своему.

Итакъ, все, казалось, шло хорошо, такъ хорошо, что... я испугался. Хороши были глазки, тихія рѣчи, хороша тѣнь и прохлада, и небо и тучки, однако, тамъ, за этимъ расмѣемъ, гдѣ и беспокойно и жарко, было нѣчто, манившее меня очень сильно... Я сталъ побаиваться улыбокъ стараго Варехи. Подашла осень, и я уѣхалъ изъ С*** и окунулся съ головой въ

безпокойную, богатую впечатлениями жизнь к—скаго студента. Правда, воспоминанія объ укромному уголку часто вставали во всей своей прелести, и я ждалъ лѣта. Между тѣмъ, я все болѣе и болѣе опредѣлялся.

Теперь, когда я вновь поселился въ окрестностяхъ С***, я уже началъ понимать довольно ясно, что въ жизни бываютъ странныя противорѣчія. Мои личные стремленія раздвоились, и я, какъ сказочный герой, стоялъ на распутыніи... Две дороги разстилались передо мною... Одна... вела въ уѣздный городъ С***, ***ской губ., прямо къ воротамъ бѣленъкаго домика, съ привѣтливо глядѣвшими свѣтыми окнами, установленными геранью и розами. Изъ-за цвѣтовъ мелькало молодое, привѣтливое лицо. Другая... другая была длинна, очень длинна,— конца я не видѣлъ... Но какъ неудержимо тянула она своей невѣдомой далью, заманчивой неизвѣстностью, съ ея борьбой и опасностями, съ запросами энергіи, чуткости, силы...

Нѣсколько разъ я заказывалъ черезъ Якуба въ деревнѣ возокъ или верховую крестьянскую лошадь. Я наряжался тогда въ самый блестательный костюмъ, добывалъ изъ чемодана самый щегольской галстукъ, вообще приводилъ Якуба въ совершенное недоумѣніе необычнымъ сияніемъ и блескомъ. Все готово. Лошадь приведена. Якубъ пытливо посматриваетъ съ философски наблюдательнымъ видомъ на мои сборы. Но я всякий разъ отсыпалъ лошадь обратно, быстро переодѣвался, надѣвалъ свои смазные сапожиши, бралъ ружье и удалялся въ лѣсъ или въ поле и бродилъ тамъ по болотамъ до устали, до изнеможенія. Такимъ образомъ я прожилъ на хуторѣ около шести недѣль и еще не былъ ни разу у Варехи...

V.

Костеръ потухъ. На небѣ стоялъ полный мѣсяцъ, звѣзды мерцали яркимъ, какъ будто все разгоравшимся сиѣтомъ. Нѣсь тихо и ровно шумѣлъ на фонѣ этой чудной весенней ночи.

Въ головѣ у меня шумѣло, сердце стучало напряженно и сильно. Определенной мысли не было. Я боялся думать въ эту страшную весеннюю ночь, боялся поставить для решенія вопросъ, такъ какъ шансы двухъ боровшихся во мнѣ решений въ эту ночь, я это чувствовалъ—были неравны. Я смотрѣлъ вверхъ на золотомъ сияніи звѣзды, на тихо плывшія тучки... Мало-по-малу я сталъ забываться...

Вдругъ сзади меня прозвучала какъ-то рѣзко голосъ Якуба:

— А на варехинской панночкѣ вы женитесь?

Я вздрогнулъ. Проклятый старикъ сразу вспугнуль насту-

павшую дремоту, и я понялъ, что мнѣ не уснуть уже въ эту ночь. Я обернулся. Угли костра слегка тлѣли, по нимъ пробѣгали огненные эмѣйки. Якубъ полулежалъ, опершись подбородкомъ на руки, повидимому, давно уже въ этомъ положеніи,—и смотрѣлъ на меня.

— Съ чего вы это? — спросилъ я неохотно.—Да и не отдастъ старый Вареха,—добавилъ я затѣмъ совершенно некстати...

— От-дастъ,—сказать Якубъ есть разстановкой.—Вотъ что, продолжалъ онъ серьезно:—ты не мудрый... говорю, не мудрый. Пожалѣть не пришлось бы.

— Эхъ, старикъ, и тутъ пожалѣть можно.

— Можно... — задумчиво проговорилъ онъ.—А есть и некоторые хорошо живутъ, умѣютъ любить. Вотъ Голуби...

— Голуби?.. — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да,—сказалъ Якубъ:—помѣщики есть такие—Голубевы, да ихъ „Голубями“ зовутъ. Очень ужъ любятся, такъ вотъ и прозвали... И усадьбу ихъ „Голубятней“ зовутъ. Хорошо живутъ... Только...

— Что же? — спросилъ я машинально, хотя, признаться, мнѣ было не до разспросовъ о „Голубяхъ“.

— Эхъ! Мудритъ она тоже... хорошая она... а трудно... Эхъ, не мудрый, право, не мудрый.—смотри, трудно!..

Въ голосѣ его слышалась какая-то задушевная, непривычно мягкая нота. Я вскочилъ на ноги. Нѣтъ, мнѣ не уснуть больше!..

— Куда? За лошадью? — спросилъ Якубъ.—Обожди; рано. Онъ взглянулъ вверхъ на луну.

— Два часа, куда въ такую пору людей подымать, успѣши. Но я шелъ не за лошадью.

— На Чортово болото пойду, на тигу, — проговорилъ я съ усилѣемъ.

Затѣмъ я падѣлъ сапоги, взялъ ружье и вошелъ черезъ мостики въ поле.

Движеніе мало доставило мнѣ облегченія. Луна стояла высоко. Весенняя ночь разгоралась, и ея страстное дыханіе захватывало меня чуднымъ, опьяняющимъ потокомъ. Кровь бушевала. Въ воздухѣносилось что-то чарующее. Я почти безсознательно прошелъ черезъ рощу и вышелъ на большую почтовую дорогу. Она подымалась нѣсколько вверхъ, прорѣзая холмы. Съ одного изъ нихъ далеко видна была вся окрестность. Я взошелъ на его вершину.

Синяя, съ золотыми просвѣтами, глубокая, чарующая южная ночь лежала, широко раскинувшись, надъ полями, надъ до-

рогои, надъ лѣсомъ. Всё вокругъ было тихо, по въ этой тишинѣ слышалось не спокойствіе сна. Нѣть... какой-то сосредоточенной страстью дышала эта ночь и точно сдерживала дыханіе. Шоссе, слегка сверкая и искрясь отсвѣтами лунного сіянія въ мелкомъ щебнѣ, тонуло въ золотистомъ туманѣ, теряясь въ подернутой сизою пеленою далекой рощѣ. За рощей чуть-чуть вырисовывались очертанія высокой колокольни, и только крестъ ея сверкалъ переливами золотого сіянія. Это была колокольня с—скаго собора, и тамъ же, за этой рощей, погруженный въ синеватую мглу, виднѣлся мнѣ маленький спящій городокъ — бѣльющія стѣны скромныхъ домиковъ. И воть одинъ изъ нихъ, милый, привѣтливый домикъ, окна съ цвѣтами, и за однимъ изъ этихъ оконъ, въ угловой комнаткѣ, въ эту самую минуту, она, моя Соня, грезитъ во снѣ.

И отказаться отъ нея!.. Добровольно отказаться отъ счастья, отъ этой улыбки, отъ этой привѣтливой, родной, милой души!.. Отказаться, лишиться, отдать, быть можетъ, другому... Безумie!..

Я стоялъ на холмѣ, смотрѣлъ на колокольню, и яркіе картины и образы проносились въ эту чудную ночь въ моемъ разгоряченномъ мозгу. Долго ли это продолжалось, не знаю...

Я снялъ шляпу и оттеръ рукою горячій лобъ. Прохладный вѣтерокъ пахнулъ мнѣ въ лицо. Я оглянулся вокругъ.

Звѣзды начинали блѣднѣть. На востокѣ, вѣзво отъ колокольни, прокрадывались уже лучи еще далекаго солнца. Очертанія лѣса, закрывавшаго С***, выдѣлились все рѣзче, свѣжѣ.

Внизу, въ долинѣ, въ скученныхъ темныхъ домишкахъ деревенъки зажигались огни. Залаяли собаки. Скрипнули гдѣ-то невидимыя глазу ворота, и донеслось понуканіе выводимыхъ изъ конюшни лошадокъ.

Огоньки въ окнахъ деревни замелькали чаще и чаще. Возбужденная мысль измѣнила направление. Я смотрѣлъ въ долину, на ютившіяся въ предутреннемъ мракѣ темныя хаты. Казалось, я вижу ясно все, что творится внутри этихъ бѣдныхъ, хорошо мнѣ знакомыхъ лачугъ. Вотъ зажигаетъ лучину старуха, приходившая вчера къ Якубу за лѣкарствомъ. Тамъ, у нея, въ темномъ углу мечется большая дѣвушка-внучка. Вотъ мелькнула огонекъ и въ поднергой со всѣхъ сторонъ полуразвалившейся избенкѣ солдатки, а вотъ освѣтилъ онъ и оконце моего пріятеля Босого, захудалаго горемыки. Вотъ выѣзжаетъ изъ воротъ деревенского кулака работникъ Микита, а тамъ въ концѣ деревни, у выѣзда скрипятъ ворота клуни.

Тамъ бѣднага „прымакъ“ *) отправляется на постылую работу, въ постылой, зажиточной, по гордой семье...

Спасибо трезвому, свѣтлому утру. И еще разъ взглянули въ сторону колокольни. Вѣво отъ нея, съ востока, свѣтъ разливался дальше и дальше. Острая крыша рѣзко чернѣла на посвѣтлѣвшемъ небѣ; роща рисовалась также рѣзкою, свѣжею тѣнью. Большая дорога уже не сверкала. Роса сѣла на камни, длинная вереница телеграфныхъ столбовъ выступала довольно ясно. Утренняя свѣжесть прохватила насквозь еще недавно дышавшую нѣгой и страстью природу. Передъ зарей подымался вѣтеръ. Телеграфные проволоки затянули свою протяжную монотонную пѣсню. Конецъ шоссе ясно обрывался у начала рощи.

Нѣть, не это моя дорога. Утро принесло съ собою рѣшеніе.

Я сошелъ съ холма и пошелъ по шоссе, въ направлѣніи къ рѣчкѣ. Тамъ я сошелъ внизъ и умылся въ холодной водѣ. Затѣмъ я бодро зашагалъ къ Чортову болоту, на тигу...

VI.

„На ловца и зѣръ бѣжитъ“,—говорить пословица, но я быть ловецъ плохой, и на меня набѣжало дичь, которой я вовсе и не искалъ. Часовъ въ девять утра, порядочно усталый послѣ ночи, проведенной безъ сна, я забрался въ густую чащу, гдѣ, по моимъ расчетамъ, никто не могъ меня потревожить, и тамъ, положивъ сумку подъ голову, заснулъ подъ шопотъ свѣсившейся листвы густого орѣшника. Не знаю, какъ долго я спалъ, но, должно быть, порядочно долго,—когда былъ разбуженъ близкимъ разговоромъ. Раскрывъ глаза, я увидѣлъ елѣющую картицу. Невдалекъ отъ меня, на небольшой лѣсной полянѣ, у ея края, сквозь листву и вѣтви орѣшника мелькало синее платье. Молоденькая дама взбиралась на старый, сгнившій пень, торчавшій наклонно, и, опираясь одной рукой на руку стоявшаго за нею мужчины, другою тянулась за кучкой молодыхъ орѣховъ. Лица ея спутница не было видно за еястройной фигуркой; изъ-за мохнатаго пинища виднѣлись только его ноги, въ щегольскихъ лакированныхъ сапогахъ (охота бродить по лѣсу точно по паркету,—мелькнуло у меня въ головѣ).

— Говорятъ тебѣ, еще зелены,—произнесъ мужской голосъ.

Дама хотѣла что-то отвѣтить, но въ это время бѣлка, притаившаяся на ближней вѣткѣ и вспугнутая приближеніемъ

*) Прымаками называютъ въ Малороссии бобровъ, которые, женясь, не берутъ жену къ себѣ, а сами идутъ жить въ семью жены.

маленькой ручки, прыгнула через голову дамы на противоположное дерево. Дама вскрикнула и засмеялась почти в одно время, потеряла равновесие и упала на руки своего спутника.

Молодой и красивый мужчина, очевидно, никакого не растерялся от неожиданности. Наоборотъ онъ очень ловко подхватилъ ее и, пользуясь случаемъ, стала осипать поцѣлуйами прекрасное, смеющееся лицо съ видомъ человѣка, которому хорошо знакомо это пріятное времяпровожденіе.

— „Голубки“, — мгновенно мелькнула у меня догадка. „Умѣютъ любиться“,—вспомнились слова Якуба.

— Пусти, чтѣ ты дѣлаешь? — говорила дама.—Пусти, Серега, какъ ты смеешь? Пусти, закричу!..

Но Серега, очевидно, вышелъ изъ повиновенія и, что называется, закусилъ удила...

— Кричи... — сказалъ онъ, неохотно отрываясь отъ своего занятія, чтобы произнести нѣсколько словъ: — что-жъ, кричи, мѣсто глухое, никто не услышитъ...

Мнѣ показалось, что я не имѣю права скрываться дольше. Мое положеніе и то ужъ стало довольно глупо, но я не очень затруднялся, когда приходилось выпутываться изъ „неловкихъ“ положений. Къ тому же я зашелъ сюда раньше и считалъ себя нѣкоторымъ образомъ хозяиномъ этого мѣста.

Я поднялся, раздвинулъ кусты и вышелъ изъ чащи.

Дама вскрикнула и, вырвавшись изъ объятій своего спутника, тотчасъ же опять прильнула къ нему. Онъ обернулся ко мнѣ гнѣвный, почти свирѣпый. Я спокойно распутывалъ ремень отъ ружья, зацепившись за сухую вѣтку. Это было очень кстати, чтобы дать пройти первой, самой неловкой минутѣ. Когда я кончилъ и повернулся къ нимъ, онъ смотрѣлъ все такъ же свирѣпо, но дама уже оправилась и съ какимъ-то дѣтски-лукавымъ любопытствомъ посматривала то на меня, то на своего сердитаго спутника.

— Извините, — сказалъ я, невольно улыбаясь при взглядѣ на ея почти дѣтское лицо: — я, право, заснулъ здѣсь гораздо раньше вашего прихода, и не я виной, если вы разбудили меня...

— Милостивый государь! — вспыхнулъ „Голубь“.

— Тише, тише, Серега, — вмѣшалась дама. — Ты съ твоей горячностью бываешь иногда совершенный дуракъ. Подумай: юбъ онъ пришелъ сюда раньше, и мы разбудили его... Имѣемъ ли право прогонять его? Скажи: имѣемъ? Да и вы тоже, слышите — въ вашемъ удаленіи никто не нуждается, — сказала она сердито. — Ступайте, ложитесь себѣ подъ ваше дерево и спите!..

Я удивленно взглянула на нее и чуть не расхохотался при видѣ супруга, который вдругъ потерялъ свой свирѣпый видъ и только чинно, солидно смотрѣлъ на меня, точно ожидая, что я вотъ-вотъ сейчасъ сниму сумку и ружье и, повинуясь ея приказу, смиренно полѣзъ въ кусты.

— Благодарю васъ,—сказалъ я.—я выспался.

— Да?..—проговорила она въ раздумы.—Въ самомъ дѣлѣ, чего это я, вѣдь это глупо!

Вдругъ она взглянула на разочарованную мину супруга и опять залилась своимъ звонкимъ серебристымъ хохотомъ.

— Посмотрите, посмотрите на него,—вѣдь онъ подумалъ, что вы послушаетесь, ей-Богу, думалъ, что вы послушаетесь... И вѣдь онъ бы послушался испрѣмѣнно, не правда ли?..

Послѣднюю фразу она произнесла уже какъ-то гнѣвно, и въ голосѣ ея дрогнула нотка раздраженія, слегка смѣгчаемаго, впрочемъ, тономъ сомнѣнія и полу вопроса.

„Ну, „Голубокъ“, держись,—подумалъ я при этомъ.—Съумѣешь ли ты, полно, любить ее? Кажется, умѣнія, обнаруженаго сегодня, тутъ недостаточно. Потребуются, пожалуй, и другіе ресурсы“.

— Ну, такъ какъ вы уже выспались, то дайте руку, да дайте же руку!.. Мы пойдемъ вмѣстѣ, и Серега во всю дорогу не скажетъ вамъ ни одной грубости. Постойте, да можетъ вамъ не по пути?

Мнѣ было по пути. Я взялъ ее подъ руку, и мы стали выбираться изъ чащи.

VII.

Нѣкоторое время мы шли молча. Я помогалъ ей перебираться черезъ валежникъ или чрезъ ручейки. „Серега“ бережно раздвигалъ передъ нами вѣтви, кидая на меня при этомъ мрачные взгляды. Наконецъ, мы выбрались изъ чащи и пошли по широкой просѣкѣ. Тутъ она вдругъ кинула мою руку, отстрапнилась и внимательно оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Постойте,—сказала она:—да это вы живете съ Икубомъ на хуторѣ у Рожанскихъ?

— Да, это я.

Она опять взяла меня за руку, и мы пошли дальше. Супругъ, видимо, сталъ еще мрачнѣе.

— У васъ есть микроскопъ?.. Вы собираете коллекціи?.. Вы занимаетесь ботаникой?—закидала она меня вопросами.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Вы занимаетесь естественными науками?.. Вы, вѣрно, студентъ?..

— Да...

— Можетъ быть, медикъ?..—живо спросила она.

— Нѣть, не медикъ, но я дѣйствительно занимаюсь естественными науками,—я на „естественномъ факультетѣ“.

Она взглянула на меня какъ-то робко и точно присмирѣла.

— Послушайте,—начала она послѣ иѣкотораго молчанія;— у меня есть къ вамъ просьба... Вы ее исполните?

— Думаю, что исполню.

— Вы очень добры... Видите ли, мнѣ, право, совѣтно, да вѣдь вамъ, можетъ, нѣтрудно... Мнѣ нужно выучиться ботаникъ, и вообще—естественной истории и...

— Нужно?.. — скептически мрачно проворчалъ супругъ. — Ужасно нужно!..

Отъ этого слова по ней вдругъ пробѣжало точно электрическая искра. Она вдрогнула и обернулась къ нему съ выражениемъ какого-то испуга, даже отчалия въ лицѣ.

— Ты опять, Серега? Вѣдь я говорила тебѣ, говорила! Неужели ты не понимаешь, Боже мой, Боже!

Серега смолкъ; а она тиже облокотилась мнѣ на руку. Опять сотню шаговъ мы прошли молча.

— Послушайте,—заговорила она еще смиреннѣе, и въ голосѣ ея звучали ноты какой-то мольбы, такъ что мнѣ стало совѣтно: что могъ я сдѣлать для нея такого, что стоило бы такой просьбы:—послушайте, вы можете подумали, что это я такъ... что я забавляюсь. Нѣть, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ нужно, очень нужно, необходимо. Это очень серьезно, и я буду учиться...

Я изъявилъ полнѣйшую готовность. Конечно, я не могу обѣщать многаго, такъ какъ я и самъ только учусь, но кое въ чёмъ, безъ сомнѣнія, принесу ей пользу.

— Да, вы согласны?.. — весело сказала она и вся опять оживилась.—Какъ я вамъ благодарна, вы не поймите, какъ благодарна! Вы придетѣ къ намъ?.. Когда же мы начнемъ?.. Завтра?.. Нѣть, завтра нельзя. Да, нельзя,—мы уѣдемъ... Ахъ, Боже, нельзя ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли. Вы здѣсь будете долго? Мѣсяцъ, два? Два мѣсяца! Прекрасно! Времени еще много. Впрочемъ, я ничего еще не знаю.

— Слишкомъ достаточно, чтобы возиться съ больными бабами,—опять желчно вмѣшалася супругъ, и опять все оживленіе ея исчезло. опять я почувствовалъ, какъ она вздрогнула и на лицѣ ея испугъ виднѣлся еще глубже.

„Экая дубина!“ — подумалъ я и, въ свою очередь, посмотрѣлъ на супруга, кажется, очень недружелюбно. Наши взгляды встрѣтились.

Мы вышли изъ опушки, и за рѣчкой показался блещущій

домикъ, окруженный высокими тополями. Это была усадьба „Голубковъ“. Когда мы подошли къ мостику, я сталъ прощаться.

— Черезъ двѣ недѣли? — спросила она меня какъ-то грустно.

— Да, черезъ двѣ недѣли, въ понедѣльникъ, — отвѣтилъ я ей твердо, сжимая ея руку и посмотрѣвъ ей въ глаза. — Непремѣнно.

Она опять оживилась и искренно отвѣтила на мое пожатіе. Я холодно поклонился супругу и пошелъ свою дорогой.

Дойдя до опушки, я обернулся. „Голуби“ шли по аллѣ изъ тополей. Онъ вѣль ее подъ руку, наклонялся къ ней и говорилъ ей что-то любовно и ласково, а она по временамъ подымала голову и точно всматривалась въ лицо своего спутника. Я былъ далеко, но мнѣ казалось — я вижу при этомъ выраженіе ея дѣтски-прекраснаго лица.

VIII.

Мнѣ пришло встѣтьтися съ „Голубкой“ раньше назначенаго срока. Въ пятницу, т.-е. днія черезъ три послѣ первой встрѣчи, я собрался въ городъ, находившійся верстахъ въ десяти отъ хутора, — за новыми журналами. Кромѣ этой яѣли, у меня была и другая: Якубъ принесъ откуда-то небольшой клочекъ бумаги, на которомъ выписаны были кой-какія лѣкарства, и подалъ мнѣ его, когда я уже садился въ панитую у крестьянина двухколку, — съ просѣбой закупить въ городской аптекѣ поименованный въ бумагѣ лѣкарства. Въ окрестностяхъ явилась сильная лихорадка, и было несолько дѣтей, больныхъ оспой.

Въ городѣ я несолько запоздалъ, и, когда я выѣхалъ на пыльную дорогу за городской заставой, солнце уже садилось. Съ юга надвигалась темная туча, и по временамъ подымался свѣжій вечерній вѣтеръ, рѣзкой струей разгонявший остатки духоты довольно жаркаго дня. Я гналъ свою лошаденку, чтобы доѣхать, по возможности, засвѣтло и до начала грозы. Однако, маленькая музыка рабочая лошадь помахивала только обдерганнымъ хвостомъ на мои удары и понуканія, а двухколка попрежнему тихо подвигалась по пыльной дорогѣ. Туча надвигалась. Вечерѣло замѣтно.

Я потерялъ надежду избѣгнуть грозы и вытащилъ изъ сидѣнья захваченный изъ дома про всякий случай плэдъ. Завернувшись въ него, я философски отдался на волю отлично знавшей дорогу къ стойлу клячинки и даже не правилъ вожжами. Тихія, темнѣвшія по-малу поля, лѣса, застланные дымкою начавшагося невдалекъ дожди, закатъ, надвигавшаяся

туча и тихое, монотонное шуршание колесъ да постукиваніе копытъ лошаденки—все это навѣвало на меня какую-то сонную мечтательность, и я не замѣтилъ, какъ моя двуколка очутилась въ лѣсу, перебѣхала мостики и поплелась дальше по узкой лѣсной дорожкѣ съ нависшими мохнатыми вѣтвями. Становилось порядочно темно; дождь закапалъ крупными каплями, все чаще и чаще, наконецъ разразился ливнемъ. Я еще плотнѣе закутался въ плѣдъ. Сырость и холодъ проникали подъ одежду.

Вдругъ, на поворотѣ лѣсной дороги, мнѣ показалось, что кто-то зоветъ меня. Я оглянулся, но никого не замѣтилъ. Дождь шумѣлъ по листьямъ, по бокамъ дороги было совершенно темно. Однако, я остановилъ своего будефала и стала прислушиваться. Да, меня звали.

— Послушайте!.. Какъ ваше имя,—ну, вы, студентъ!.. Пойдите сюда, сюда, направо... Здѣсь!..

Я оглянулся на голосъ и, взглядѣвшись пристальнѣе, увидѣлъ вправо отъ дороги, подъ большимъ деревомъ, на невысокомъ холмикѣ какую-то бѣлѣвшую фигуру. Мнѣ показалось, что я узналъ этотъ голосъ. Оставивъ лошадь на дорогѣ, я перескочилъ черезъ наполнившуюся водой придорожную канавку и подбѣжалъ къ дереву. Это была „Голубка“.

— Боже мой! Чѣмъ вы здѣсь дѣлаете въ такую погоду? Вдобавокъ вамъ одѣты такъ легко.

Она вся промокла. На ней не было пальто, на головѣ была накинута легкая косыночка; она была безъ калоши, и легкія ботинки тонули во влажной мшистой почвѣ. Она озябла, и ея прекрасное лицо носило слѣды какого-то испуга.

— Ну, слава Богу,—сказала она, засмѣявшись:—попадся хоть студентъ на выручку... Я думала, придется ночевать подъ этимъ противнымъ деревомъ. Сvezите меня домой.

Я снялъ съ себя плѣдъ и накинулъ на нее. Затѣмъ, не спрашивая позволенія, я поднялъ ее на руки, перепесъ черезъ канаву и усадилъ въ двуколку.

— Что это значитъ?—спросилъ я ее опять.—Что вы дѣлали въ такую погоду, вечеромъ... Впрочемъ, извините мнѣ этотъ невольный вопросъ,—главное, доставить васъ домой...

Я хлестнуль лошаденку, и она заплела по лужамъ.

— Что же... Я вамъ скажу пожалуй... — сказала она, кутаясь плотнѣе въ мой плѣдъ. — Ахъ, какъ хорошо, тепло... Мокро только,—я вся промокла... Какъ вы думаете, я заболѣю?.. — спросила она вдругъ какъ-то тревожно и грустно прибавила: — Да, мнѣ кажется, я заболѣю... Смотрите, пожалуйста, не говорите ему ничего о нашей встрѣчѣ... Лучше не знать ему...

— Какъ не знать? Вѣдь, я думаю, онъ настъ увидѣть.

— Ахъ, нѣтъ... Его нѣтъ дома, да, на всякий случай, мы пріѣдемъ со стороны лѣса, къ садовой калиткѣ... Видите, — прибавила она живо: — я вовсе не думала, что гроза будетъ такъ сильна; при томъ же я права, я совершенно права, а онъ не правъ... Какъ вы посмотрите на это: онъ не хотѣлъ пускать меня въ деревню... тутъ есть болѣная, я къ ней хожу часто, и онъ ничего не говорилъ ранѣе. А теперь тамъ дѣвочка заболѣла оспой... Такъ онъ боится... Боже мой!.. Да, онъ не боялся другихъ болѣзней, а оспа безобразитъ... Понимаете?.. Что же это такое?..

Она была въ ужасномъ волненіи. Я плотнѣе закрылъ ее плѣдомъ и погналъ лѣнившую кличу.

— Имѣлъ ли онъ право запрещать мнѣ, скажите, какъ вы думаете,—вѣдь онъ не имѣлъ права?.. Да нѣтъ, я и сама знаю, что нѣтъ! И меня это возмущаетъ... Ну вотъ, я и сказала, что пойду, а онъ спряталъ пальто и калоши... Слышишь? Что же это, насилие! Онъ и не подозрѣвалъ, что это насилие, и поѣхалъ въ городъ, какъ ни въ чемъ не бывало; а я вотъ и пошла безъ пальто и безъ калоши... Вѣдь я права, не правда ли?..

— Ну да, я права, — отвѣтила она сама себѣ: — но мнѣ жаль, очень жаль его... если я заболѣю... Слушайте, вѣдь вы понимаете, что ему не слѣдуетъ говорить ничего... Понимаете, да?..

— Да, я понимаю это, — сказалъ я ей, — по зачѣмъ непремѣнно ожидать болѣзни. Будьте бодрѣе, — все пройдетъ. Вонъ видны уже тополи вашего хутора. Пріѣдете, — сейчасъ ложитесь въ постель, да закройтесь хорошенъко. Надѣюсь, въ понедѣльникѣ застану васъ здоровой...

— Въ понедѣльникѣ?.. Да, да! Вы не забыли... А мы вѣдь не уѣхали, можетъ, послѣ завтра уѣдемъ, но все равно — къ тому воскресенью воротимся...

Я остановилъ телѣжку у узкой садовой калитки, высадилъ „Голубку“ и проводилъ ее до дверей ея дома. Заглянувъ въ окно, она обернулась ко мнѣ съ довольной улыбкой и сказала: „Нѣтъ его, — не пріѣхалъ!“ Затѣмъ она пожала мнѣ руку, улыбнулась на прощанье и вошла въ домикъ. Я тоже отправился домой.

IX.

Природа шутить иногда очень скверныя шутки.

Черезъ нѣсколько дней, въ воскресенье, утромъ, выходя струженемъ изъ лѣсу, я увидѣлъ издали на дорогѣ, пересѣкавшей чугунку, процессію. Нопъ въ парчевой ризѣ, сверкавшей на

солнцѣ, и сильнѣ, и омахивая кадиломъ, густой басть дыкона раскатывался въ жаркомъ воздухѣ, вѣтеръ игралъ старыми хоругвями, кадильный дымъ синими струйками таялъ въ солнечномъ свѣтѣ, смѣшивая запахъ ладона съ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ. Конецъ процессіи терялся за пригоркомъ, сквозь который прорѣзалась чугунка, а на вершинѣ этого пригорка я увидѣлъ мрачную, исподвижную фигуру Якуба. Я подошелъ къ нему, чтобы взглянуть сверху, кого хоронять. Когда я приблизился, старикъ повернулся ко мнѣ. По лицу его катилась слеза.

— Кого хоронятъ? — спросилъ я тихо.

Онъ живо схватилъ мою руку и указалъ мнѣ внизъ. Прямо противъ меня, слегка покачиваясь на плечахъ носильщиковъ, усыпанный живыми цвѣтами, подвигался бѣлый гробъ, и въ немъ, все залитое лучами яркаго солнца — молодое прекрасное женское лицо...

— „Голубка“, — прошепталъ Якубъ.

Я зашатался. Въ глазахъ у меня потемнѣло... Я хотѣлъ броситься, разогнать эту процессію, прогнать попа, разбить гробъ.

Мужа за гробомъ не было.

— И мужъ-то прошаль со вчерашняго днія, — неизвѣстно гдѣ находится, — донесея ко мнѣ жалостный старушечий голосъ, сквозь жгучее чувство, сжавшее мнѣ сердце, давившее мозгъ.

X.

На лѣса и поля спустился вечеръ, и опять лѣтняя ночь укутала землю: звѣзды блестятъ и мерцаютъ, плещется рѣчка, лѣсъ шумитъ и колышется, и бѣжитъ по полю вѣтеръ, волнуя высокія травы... А тамъ, за низкой оградой, подъ тѣнью ивъ и березокъ, могилка...

Въ тотъ вечеръ мы съ Якубомъ молча сидѣли у костра, и па душѣ у насъ была, кажется, одна тяжелая дума. Я ничего не сознавать, ни одна опредѣленная мысль не выдѣлялась ясно изъ темнаго хаоса какихъ-то смутныхъ обрывковъ мыслей, представлений. Эта молодая погибшая жизнь все во мнѣ спутала, перемѣшила, сбила. Стариkъ былъ также мраченъ и молча смотрѣлъ на огонь.

Вдругъ изъ этого хаоса, точно молния, прорѣзалась мысль: „а мужъ?“ Я вздрогнулъ и вскочилъ на ноги. Якубъ вскинулся на меня глазами.

— Мужъ, гдѣ мужъ? — вскричалъ я, точно онъ могъ мнѣ отвѣтить.

— Гдѣ? Вѣдь ты слышалъ, — пропалъ...

— Надо искать, найти его, во что бы то ни стало!..

— Когда вспомнилъ, — сказать Якубъ сумрачно:—гдѣ теперь найдешь его... Ищутъ, — добавилъ онъ, — да врядъ ли найдутъ. Смотри воиъ...

Я оглянулся. Между деревьями замелькали огни. Несколько человѣкъ съ фонарями приближались къ намъ.

— Здравствуйте, — сказали они, приблизившись и разглядывая насъ.

— Здравствуйте и вы,—лаконически отвѣтилъ Якубъ.

— Нѣтъ нашего барина, слыхали? — сказать одинъ.

— Слыхали, — былъ отвѣтъ.

— Мы было увидѣли свѣтъ — обрадовались; не онъ ли, думаемъ... Да нѣтъ... Не знаемъ ужъ, гдѣ и искать...

— Гдѣ? — сказалъ Якубъ мрачно.—Извѣстно гдѣ, — гдѣ барыня, тамъ и баринъ...

— На могилѣ? Нѣтъ, были ужъ.

— На могилѣ?.. Зачѣмъ? Въ могилѣ не она, — серьезно сказалъ Якубъ, — а ея тѣло...

— Такъ, — подтвердили пришедшіе.

Они сняли шапки и перекрестились.

— Нѣтъ, видно, нечего искать, — сказалъ старшій изъ нихъ, — не найти... Такая, видно, ужъ имъ горемычнымъ судьба вышла...

— Эхъ, жалко, — сказалъ голосъ помоложе.

— Жалко, — подтвердили Якубъ... — Ничего не подѣлаешь...

— Видно вправду нѣтъ его живого, — да и пистолетъ пропалъ съ нимъ вмѣстѣ изъ комнаты.

— Пистолетъ? — спросилъ я, встрепенувшись.

— Да, револьверъ.

— Нигдѣ не слышно было выстрѣла, — онъ живъ!..

Мысль поразила всѣхъ, только Якубъ пожалъ плечами.

— Вотъ рѣчка, — мотнуль онъ головой въ ея сторону, — а гдѣ лѣсу деревьевъ много.

Всѣ опять смолкли. Рѣчка тихо плескалась невдалекѣ, подъ густымъ покровомъ ночи, а лѣсъ шумѣлъ таинственно и глухо...

— Прощайте, — сказалъ старшій изъ искавшихъ.

— Прощайте и вы.

— Нѣтъ, постойте, — сказалъ я. — Нельзя же такъ, неужели броситъ? Можетъ, онъ живъ еще... Послушайте, пойдемте, искавшемъ еще!..

— Искавшемъ, можетъ живъ, — сказалъ голосъ помоложе.

— Не вѣрю я, — сказалъ Якубъ.

— Не вѣрю, — подтвердили старики слуга.

— Живъ, можетъ... — сказалъ тотъ же молодой голосъ.

Я схватил говорившаго за руку.

— Пойдемте, пойдем мы съ вами.

— Пойдем.

Я насконо пакинулъ пальто, и мы двинулись. Я кубъ и старикъ молча смотрѣли на насъ, но не сказали ни слова.

Перейдя мостики, кое-какъ перекинутый черезъ рѣчку, мы углубились въ чащу. Высокія сосны таинственно шумѣли вершинами; кой-гдѣ сквозь листву прорѣзывались блѣдные лучи мѣсяца, выхватывая изъ мрака куски стволовъ, мохнатыя вѣтви, точно протянутыя руки, качавшіяся надъ темной бездной. По временамъ вѣтеръ подымался сильнѣе, и тогда по всему лѣсу, по терявшимся во мракѣ вершинамъ, пробѣгать вздохъ. — глубокій, протяжный вздохъ лѣса...

Свѣтъ фонарей освѣщалъ предметы на близкомъ разстояніи довольно ясно. Мы смотрѣли подъ кусты, заглядывали въ лопини, со страхомъ посматривали на вѣтви... Но никого не было видно въ сумрачно-молчаливыхъ чацахъ. Миѣ пришла въ голову мысль.

— Послушайте, — сказасть я своему спутнику. — Свѣтъ не много помогаетъ намъ, а между тѣмъ, завидѣвъ огонь, онъ можетъ скрыться нарочно. Надо задуть фонари.

Малому, очевидно, было не по себѣ, но онъ согласился со мною. Мы погасили огни и остались во мракѣ...

Часа три уже искали мы, и все напрасно. Луна зашла, лѣсъ погрузился въ безпросвѣтную тьму. Было нѣсколько жутко, но я нашасть на новую мысль.

— Послушайте, — обратился я опять къ товарищу моихъ понсковъ. — Мы напрасно ходимъ вдвоемъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Что увидѣть двое, то легко разглядѣть и одному... Разойдемся, — мы тогда больше исходимъ.

Онъ колебался. И взялъ его за руку.

— Послушайте, вѣдь онъ живъ, — неужели же мы не найдемъ его?

— Хорошо, — сказасть онъ, — правда! Прощайте же...

Мы разстались.

Я пошелъ направо, онъ — налево.

Долго еще бродилъ я по лѣсу, со страхомъ прислушиваясь, не услышу ли гдѣ голоса, шаговъ. По временамъ миѣ казалось, что я слышу ихъ. Порою до напряженного слуха доносилась изъ таинственной чащи точно рыданія, стоны. Но я шелъ на эти звуки, и все опять было пусто и тихо, только по вершинамъ сосенъ шелъ все тотъ же таинственный шорохъ, да гдѣ-то въ далекой деревнѣ вскрикивать чуткій пѣтухъ. Была полночь.

Солнце давно уже стояло на небѣ, когда я, усталый, безъ надежды, вернулся къ нашей хаткѣ. Якубъ не спалъ уже, но, встрѣтивъ меня, не сказалъ ни слова, только посмотрѣлъ на меня мягче, чѣмъ обыкновенно; на крыльцѣ, подъ навѣсомъ, я увидѣлъ заботливо приготовленную постель изъ свѣжаго сѣна, съ чистымъ бѣльемъ и одѣяломъ. Я бросился туда, не раздѣваясь. Сквозь полудремоту слышалъ я, какъ Якубъ крестилъ меня и заботливо укрывалъ одѣяломъ...

Я погрузился въ глубокій, тяжелый сонъ...

XI.

Спать я, должно быть, долго.

Во снѣ мы часто бываемъ умнѣе, чѣмъ наяву. Подавленный впечатлѣніями мозгъ, теряясь среди мелкихъ фактовъ, спутанный часто невѣрнымъ чисто логическимъ выводомъ,—во снѣ отдыхаетъ, освобождается отъ этихъ давлений; его отправленія очищаются, представление все болѣе господствуетъ надъ логическимъ мышленіемъ, непосредственное ощущеніе—образъ вырисовывается на тусклой поверхности взбаламученной мысли.

То же случилось теперь со мною. Я вскочилъ на ноги, какъ ошпаренный. Мнѣ приснилась лужайка, гдѣ я встрѣтилъ въ первый разъ „Голубковъ“, и на этой лужайкѣ я видѣлъ во снѣ его вмѣсть съ нею.

Боже, какъ я не догадался раньше! Да, онъ тамъ „съ нею“! Онъ не шелъ за гробомъ, не могъ быть на могилѣ. Онъ тамъ! Это была ихъ послѣдняя прогулка.

— Якубъ!—вскрикнулъ я.— Якубъ!

Но Якуба не было. Его винтовка висѣла въ комнатѣ, на стѣнѣ, значитъ, онъ ушелъ не на охоту. И еще позвалъ его, но онъ не откликнулся.

А спалъ я, очевидно, очень долго. Въ которомъ часу я заснулъ—не знаю, но вотъ уже солнце опять садится за синѣюющіе лѣса, и вечерняя прохлада ясно опущается въ воздухѣ.

Я наскоро умылся и, еще разъ громко кликнувъ Якуба, который опять не явился, побѣжалъ въ лѣсъ, по направлению къ лужайкѣ. Туда надо было пройти верстъ пять, и я торопился, чтобы добѣжать туда до ночи.

На югѣ сумерки падаютъ быстро. Тьма точно льется сверху иѣздами массами, и, кажется, видишь, какъ вдругъ, на глазахъ, она приливается, сгущается...

Мнѣ оставалось еще версты три, когда на вершинахъ деревьевъ потухали послѣдніе лучи заходившаго солнца...

Въ лѣсу мракъ совсѣмъ уже стутился, когда я добѣжалъ до мѣста, гдѣ кончалась лѣсная тропинка и гдѣ приходилось сворачивать въ чащу орѣшника. Тутъ я остановился немнога, чтобы неревести духъ. Сердце у меня сильно билое, въ вискахъ стучало,—давеній сонъ не особенно подкрѣпилъ меня, и я чувствовалъ еще сильную усталость послѣ прошлой ночи.

Я бытъ увѣренъ, что найду его тамъ,—но живъ ли онъ? Я ясно представлялъ себѣ, что долженъ онъ быть перечувствовать на этомъ мѣстѣ. Вирочемъ, выструѣла не было...

Когда изнеможеніе нѣсколько прошло, и сердце перестало такъ порывисто биться,—я опять рванулся въ чащу; сухой валежникъ затрещалъ у меня подъ ногами, и этотъ рѣзкій, сухой трескъ образумилъ меня. Я вспомнилъ, что надо дѣйствовать осторожно,—почему?—я себѣ ясно не отдавалъ въ этомъ отчета; я могъ испугать его, или... Во мнѣ бродило какое-то неясное представленіе...

Какъ бы то ни было, я пошелъ тихо, осторожно раздвигая вѣтви и почти не производя шума.

Вотъ болотце, мимо которого мы шли съ „Голубкой“—я и онъ рядомъ, а она подъ руку со мною. Надъ болотомъ стояли сизые столбы пара, они выдѣлялись изъ затѣченного мѣста своими верхушками, и въ нихъ игралъ уже синеватый свѣтъ подымавшагося мѣсяца. Ночь будетъ лунная, свѣтлая...

Вотъ темная, полузаросшая тропинка между нависшими вѣтвями густого орѣшника, вотъ небольшая лужайка, а тамъ, за нею, еще рядъ кустовъ и другая лужайка, та самая...

У меня сжалось сердце. Еще двѣ недѣли назадъ она была здѣсь, живая и веселая, а теперь я ишу его одного, быть можетъ тоже мертваго...

Сумерки стутились все болѣе и болѣе. Чащи чернѣли, мрачныи и таинственныи, и только на лужайкахъ было свѣтлѣе отъ луны.

Я остановился... Мнѣ почудились какіе-то звуки... Я стала прислушиваться, но сердце у меня билое такъ сильно, что вначалѣ я не могъ ничего разобрать. Но вотъ, вотъ... яснѣе и яснѣе сквозь журчаніе лѣсного источника и шопотъ деревьевъ доносятся какіе-то звуки, чуждыя голосу лѣса,—звуки, похожіе на голосъ человѣка. Я тихонько наклонился къ ручью и, зачерпнувъ ладонью воды, смочилъ горячій лобъ. Сдѣлавъ это, я опять прислушался.

Нѣть, я не ошибся. Да, это человѣческій голосъ... Человѣческие шаги по временамъ раздавались тоже... Походка была торопливоста и неровна.

Я призвалъ все мое самообладаніе. Наклонившись къ ручью и еще разъ омочивъ голову, я выпрямился и почувствовать себя бодрѣе. Силою воли я успокоилъ расходившіеся нервы,— я чувствовалъ, что мнѣ нужны вся моя сила и самообладаніе... И они у меня явились.

Осторожно, едва раздвигая кусты, двинулся я сквозь полѣднюю преграду. Вотъ дерево, подъ которымъ я спалъ въ памятный день. Я хотѣлъ здѣсь остановиться, но лунные лучи ударяли прямо слода, и на полянку мнѣ пришло бы смотрѣть и противъ свѣта. Удобнѣе было помѣститься на затѣненной сторонѣ лужайки.

Съ прежними предосторожностями обогнувъ я опушку и подошелъ очень близко къ старому иню, на которомъ стояла тогда „Голубка“. Я разсчиталъ, что онъ долженъ быть именно здѣсь, и не ошибся.

Да, онъ былъ тутъ. У подножья старого ствола я увидѣлъ темную склоненную фигуру... Онъ точно стоялъ на колѣняхъ, положивъ голову на руки, лежавши на мохнатомъ чищѣ. Онъ, казалось, молился, плакалъ или снать...

XII.

Итакъ, цѣль достигнута... Вотъ онъ, котораго я искалъ такъ долго и такъ безусыпно; вотъ онъ — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Что же дальше?

Онъ шевельнулся; одна рука его свѣсилась и вышла изъ тѣни. Въ этой блѣдной руцѣ, освѣщенной лучами яркаго мѣсяца, что-то сверкнуло синеватымъ матовымъ блескомъ... Револьверъ...

Положеніе усложнилось. Я облокотился о ближайшій ореховый стволъ и стала обдумывать, какъ вдругъ, въ сторонѣ большого дерева, подъ которымъ я тогда спалъ, послышался шумъ. Какая-то большая итица взмахнула крыльями и шарахнулась вонъ изъ кустовъ. Я взглянулъ туда и тотчасъ же перевѣлъ глаза на него. Онъ стоялъ на полянѣ, оборотившись въ ту сторону...

Его одежда была въ беспорядкѣ, волосы растрепаны; въ правой руцѣ, которая была судорожно сжата, онъ держалъ револьверъ. Сознавалъ ли онъ, что было у него въ этой руцѣ?..

Я старался разглядѣть выраженіе его лица, но оно было въ тѣни... Вотъ онъ повернулся; яркіе лучи мѣсяца освѣтили его черты: онѣ были блѣдны, выраженіе лица было совершенно то же, съ какимъ онъ повернулся въ тотъ день ко мнѣ, когда я вышелъ изъ чащи.

Я ясно разсыпалъ слова:

— Милостивый государь...

Тотъ же голосъ, то же сердитое выраженіе. Я понялъ, и дрожь пробѣжала у меня по тѣлу. Онъ или въ горячкѣ, или помѣшанъ. Онъ, очевидно, находился подъ влияніемъ того эпизода,—соответствующая обстановка внушила ему эти воспоминанія. Только теперь въ интонаціи голоса вражда спышалась глубже, непримиримѣе, точно вся горечь прежнихъ двухъ сутокъ вылилась въ этомъ чувствѣ.

Я сознавалъ, что если онъ замѣтить меня — мнѣ грозитъ страшная опасность; но все мои чувства сосредоточились въ наблюденіи, и за себя мнѣ не было страшно.

Онъ ждалъ... Все было тихо. Я слышалъ, какъ билось мое сердце...

— Никого,—послышался его голосъ, и онъ опять подошелъ къ старому стволу.—Его нѣть, никого нѣть... Глушь... никто не услышитъ...

Странное, тоскливое чувство сковало мнѣ сердце. Я увидѣлъ, какъ этотъ безумецъ, говоря что-то, вѣроятно, повторяя тѣ же слова, крѣпко сжималъ объятія, точно лаская въ нихъ... призракъ.

Былъ ли онъ счастливъ? Не знаю, — голосъ его былъ глухъ и звучалъ какъ-то неестественно, дико, точно голосъ автомата...

Я замѣтилъ, что въ руки у него ничего уже не было.

Осмотрѣвшись внимательно, я увидѣлъ невдалекѣ отъ него въ густой травѣ револьверъ... Если мнѣ удастся взять его незамѣтно,—онъ будетъ спасенъ.

Трудно. Но вотъ онъ вздрогнулъ, оглянулся какъ-то испуганно, дико и черезъ мгновеніе опять опустился, какъ прежде, свѣсивъ голову на руки. Я замѣтилъ, что лѣвая рука его автоматически сжималась и разжималась, точно искала. Онъ инстинктивно чувствовалъ отсутствіе чего-то, къ чему привѣло его осажданіе.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ стихъ совершенно, только рука все еще по временамъ шевелилась, сжимаясь и разжимаясь...

Я рѣшился. Тихонько, безъ шума, вышелъ я изъ засады, подошелъ къ нему, поднялъ револьверъ и такъ же тихо возвратился на прежнее мѣсто. Затѣмъ я сунулъ револьверъ въ кусты. Онъ спасенъ...

Въ рукахъ у него не было оружія, и теперь онъ былъ въ моей власти. Правда, и теперь у меня не было опредѣленного плана, но я могъ выжидать. Я силенъ и могу помѣшать всякой попыткѣ съ его стороны, а тамъ насы могутъ найти. Наконецъ, онъ ослабѣтъ ранѣе меня.

Итакъ, оставалось лишь ждать. Я выбралъ мѣсто поудобнѣе и присѣлъ подъ дерево, облокотившись на мышустомъ мягкому стволу.

Такимъ образомъ потянулись часы, долгіе, безконечные. Я не сводилъ глазъ съ темной фигуры и, казалось, не спалъ ни на одну минуту. По крайней мѣрѣ я не помню ни малѣйшаго перерыва въ моихъ наблюденіяхъ. Тотъ же клочекъ синяго неба съ нѣсколькими яркими звѣздочками, темные силуэты качавшихся вѣтвей, листья съ золотыми отъ луннаго свѣта краями, тихій шопотъ деревьевъ и темная фигура у старого пнища... Вдругъ я почувствовалъ непріятное ощущеніе, какое приходилось испытывать въ дѣствѣ, просыпаясь подъ впечатлѣніемъ невыученного урока. Бирочемъ, повторяю, я не сознавалъ пробужденія,—я только напрягалъ свое зрѣніе, вглядываясь...

У старого пня никого уже не было.

XIII.

Итакъ, я упустилъ его. Опять бродить одинъ, въ таинственной чащи, гдѣ онъ можетъ встрѣтиться только со смертью. И быть можетъ — онъ уже встрѣтилъ ее. Онъ былъ тутъ, въ рукахъ у меня, и я проспалъ... проспалъ жизнь человѣка!..

Гдѣ теперь искать? Вокругъ стояла опять та же чаша, въ которой мы бродили вчера, безъ путеводной нити, безъ надежды... Опять тотъ же мракъ и тотъ же грустно таинственный шорохъ деревьевъ... Гдѣ онъ?..

Я сталъ прислушиваться. Вотъ они, голоса ночи и лѣса!.. На фонѣ общаго шума великановъ ближняго сосноваго бора выдѣляется журчаніе лѣсного ручья; вотъ свистъ крыльевъ поднявшихшихся съ лѣсного озера птицъ; вотъ осина, дрожа отъ предутренняго холода, шепчетъ что-то тревожно и печально и быстро, а высокій могучій дубъ, поднявшись надъ мелкими деревцами навстрѣчу близкому разсвѣту, издастъ низкіе важные звуки, точно посыпая успокоеніе въ темный, облытый ужасомъ чащи.

И затѣмъ — все тихо. Темно въ лѣсу, холодъ прохватываетъ сумрачныя дубравы, неясно обозначаются кой-гдѣ столбы болотныхъ тумановъ...

А надъ лѣсомъ мигаютъ, блѣдишъ, звѣзды. Легкія тучки поднялись и заходили. Да, разсвѣть близко...

Вдругъ издатека чуть слышно донесся протяжный окликъ. То Якубъ бродилъ по лѣсу и звалъ меня по имени.

Дальше, дальше. Чуткое ухоловить звуки яснѣе, опредѣ-

ленище, далъе. Я охватывалъ слухомъ все больший и больший районъ. Вотъ издалека несется лай собаки. Это за лѣсомъ, за рѣчкой, въ деревнѣ. Крикъ пѣтуха... Вотъ въ другой сторонѣ тяжелый, неопределенный шумъ... Утренній поѣздъ.

Что это? Въ томъ же направлениіи, но ближе, еще звуки. Это шаги... раздвигаются вѣтви. Или это обманъ?.. Нѣть, вотъ хрустнула вѣтка подъ наступившей ногой, другая...
Это онъ!..

Издали опять донесся окликъ Якуба, но я уже бѣжалъ въ противоположную сторону.

XIV.

Я пустился вдогонку. Вѣтви хлестали меня по лицу, валежникъ путался подъ ногами. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось переходить черезъ болотца и ручьи, но я не обращалъ на это вниманія. Къ тому же охотничы сапоги меня выручали. По временамъ я останавливался, чтобы прислушаться. Шаги то стихали, то слышались ясно. Онъ былъ близокъ къ выходу изъ лѣса, и тутъ полянки перемежались съ густымъ кустарникомъ. Въ томъ направлениіи была дорога, пролегавшая широкою просѣкою, но онъ шелъ прямо, ломая и раздвигая кусты.

Между тѣмъ въ лѣсу совершенно стемнѣло. Луна, которая золотила незадолго верхушки деревьевъ, закатилась, и передъ наступленіемъ утра мракъ еще разъ закуталъ спящую землю...

Я бѣжалъ быстро. Онъ былъ довольно далеко, и къ тому же теперь не приходилось принимать прежнихъ предосторожностей. Впѣ этой поляны — я не думалъ, чтобы онъ могъ ждать моего появленія или даже слышать мои шаги. Здѣсь чинто не напоминало ему обо мнѣ, и для него, вѣроятно, не существовало никого и ничего. Здѣсь онъ былъ одинъ съ подающимъ горемъ.

Конецъ лѣса. Шаги его давно уже стихли, и я сейчасъ, вѣроятно, увижу его въ полѣ. Темно. Звѣзды мерцаютъ, но не свѣтятъ. На горизонти вырисовывается темный силуэтъ другого лѣса и на немъ видѣются, точно два глаза, два фонаря бѣгущаго поѣзда. Тяжелый шумъ нарушаетъ тишину отходящей ночи...

Вся природа спала глубокимъ предутреннимъ сномъ. Не было слышно ни лая собаки, ни крики пѣтуха. Надъ лощинами волновалась легкая дымка тумановъ, точно пологомъ одѣвшая землю. И только это двуглазое чудовище, не знавшее ни сна, ни утомленія, мѣрно, безостановочно, ровно, громыхая по рельсамъ, неслось впередъ и впередъ...

Быть-можеть, это результатъ событий той ночи, но я и до сихъ поръ не могу избавиться отъ какого-то смутнаго, но очень сильнаго чувства, при видѣ ночного и особенно утренняго поѣзда. Этотъ ровный, безстрастный бѣгъ, это движение среди сна всей природы и эти два угрожающіе глаза наводятъ на меня чувство почти суевѣриаго страха.

Но вотъ шумъ сталъ вдругъ какъ-то ровнѣе итише. Ноѣздъ вышелъ изъ просѣки, гдѣ его грохотъ, отражаясь отъ стѣнъ густого лѣса, гулко разносился среди спокойнаго воздуха ночи. Теперь онъ почти безшумно катится по рельсамъ. все выростаетъ темная громада. Длинная. темная лента, изгибаясь на поворотахъ, тянется за локомотивомъ.

• Гдѣ же онъ? Вотъ вдали высокая фигура. Онъ идетъ прямо въ направленіи къ желѣзной дорогѣ, которая въ этомъ мѣстѣ прорѣзываетъ холмикъ. На этомъ-то холмикѣ стоялъ я съ Якубомъ, когда хоронили „Голубку“. Нѣсколько вѣко было мостики, по которому пролегала конная дорога. Черезъ этотъ же мостики приходились итти въ усадьбу „Голубей“. Туда ли идетъ онъ?

Я остановился съ цѣлью выждать, куда онъ направится. Если онъ повернется вѣво, къ мостику черезъ рѣку, значить, онъ идетъ къ себѣ; тогда я перейду въ бродъ неглубокую рѣчку и пойду ему на перерѣзъ. Я разбужу его людей раньше, чѣмъ онъ будетъ дома. Тогда онъ спасенъ.

Вотъ онъ уже близко отъ холмика. Темная фигура двигалась ровно и быстро. Справа еще быстрѣе и такъ же ровно двигался поѣздъ.

У меня вдругъ мелькнула мысль, отъ которой я вздрогнулъ. Этотъ безумный человѣкъ и это бездушное чудовище такъ близко другъ отъ друга.

Но нѣтъ, поѣздъ идетъ быстрѣе человѣка. Вотъ онъ уже у мостика, вотъ онъ врѣзается въ холмикъ. Черная полоса все короче и короче, все исчезаетъ, а чудовищная голова пялить огненные глаза уже съ другой стороны холма. Человѣкъ только еще у подножія.

Онъ стоялъ на гребнѣ возвышенія, и его темный силуэтъ рисовался на синевѣ ночного неба, а поѣздъ мчался далѣе.

Я помню, что онъ повернулся къ поѣзду и, точно инстинктивно, двинулся нѣсколько шаговъ вслѣдъ за нимъ. Но поѣздъ по прежнему неудержимо мчался по рельсамъ. Только теперь онъ глядѣлъ уже однимъ глазомъ... Другой глазъ чудовища былъ точно прищуренъ...

Человѣкъ остановился. Въ это мгновеніе на близкомъ возвышенномъ горизонте, съ востока, на второмъ пути, быстро

и неожиданно, безъ шума, безъ свистка, даже безъ пара въ трубѣ локомотива, вдругъ вынырнуль новый поѣздъ. Чудо-вище, казалось, остановилось на секунду на возвышеніи и оглянуло оттуда огненными глазами разстилавшуюся подъ нимъ широкую потемнившую равнину. И вотъ они движутся другъ противъ друга, одинъ все уменьшалась, другой — выростая. Вотъ они близко... Встрѣча... Въ ночномъ воздухѣ пронеслось громыханіе, лязгъ цѣпей и свистки. Звуки отражались отъ стѣнокъ, и эхо отчетливо, ясно и грозно кинуло ихъ въ безмолвную типъ притаившейся ночи. Нѣсколько мгновеній, и шумъ опять сталъ ровнѣе и тише. Казалось, это былъ короткій разговоръ двухъ чудовищъ на ихъ своеобразномъ желѣзномъ нарѣчіи.

Теперь одинъ исчезаетъ, и пылающій глазъ его тускнѣетъ и меркнетъ... Вотъ онъ сверкнулъ на горизонтъ и скрылся... Другой выростаетъ, и оба глаза его разгораются ярче...

Я понялъ, да, именно понялъ это безмолвное *trio* и тотчасъ же взглянулъ на вершину холма.

Человѣка тамъ не было.

Я кинулся со всѣхъ ногъ по направлению къ желѣзной дорогѣ. Поѣздъ съ бѣшеной быстротой мчался по рельсамъ, но я былъ ближе. Я не чувствовалъ усталости, даже усиленія. Казалось, земля сама кидалась подъ ноги, а въ ушахъ между тѣмъ раздавался, заполнявъ воздухъ, покрывая всѣ остальные ощущенія, рѣзкій свистъ набѣгавшаго локомотива.

Вотъ я на возвышеніи. Слѣва, невдалекѣ, набѣгалъ поѣздъ. На полотнѣ дороги, лицомъ къ поѣзду, стоялъ человѣкъ. Человѣкъ и поѣздъ глядѣли другъ на друга. Оглушающій свистъ все шире и шире разливался необъятными волнами среди притаившей дыханіе ночи. Для меня все окружающее исчезло. Ночь замерла. Звѣзды померкли и потонули... Были только неподжимо мчавшаяся громада, человѣкъ на рельсахъ и я...

Нѣть, такъ нельзя. Необходимо раздвинуть эту тѣсную рамку, сжавшую мозгъ, надо думать... и вотъ, страшнымъ усилиемъ воли мнѣ удалось освободиться изъ этихъ тисковъ.

Теперь я опять вижу, сознаю, могу взвѣшивать, думать. Онъ стоялъ шагахъ въ десяти отъ меня; поѣздъ былъ саженихъ въ тридцати, и это разстояніе исчезало неимовѣрно быстро. Свѣтъ фонаря ложился красной полоской вдоль полотна дороги; онъ становился все ярче, и тѣнь человѣка выступала все опредѣленѣе, рѣзче. Сквозь раскаты свистка проступалъ все слышишое тяжелый грохотъ и гулъ. Машина точно торопилась; ея клокотаніе слыпалось ближе и ближе, рычаги стучали все быстрѣе и чаще. Земля начала вздрогивать толчками глубже и глубже.

Въ двѣ-три секунды я былъ внизу. Быстро обѣжалъ кучи наложенного вдоль дороги щебня, я взбѣжалъ на полотно дороги и бросился впередъ, къ нему, а сзади за мною гналась машина...

Въ то мгновеніе, какъ я прикоснулся къ нему, по мнѣ точно пробѣжала электрическая искра. Поѣздъ сзади наѣгалъ все такъ же неудержимо быстро... Спереди на меня былъ устремленъ въ упоръ недоумѣвающей взглядъ автомата безумца... Удивленіе, точно мгновенное сознаніе, исцугъ и затѣмъ проблескъ сознательной глубокой вражды...

— А, это вы!..

— Скорѣе, скорѣе!..

Земля колыхалась и вздрогивала подъ ногами исцуганно, точно страдала. Безпокойное рокотаніе рельсовъ слилось въ одинъ отчаянныи гулъ... Паръ вырывался изъ желѣзной груди локомотива гиѣвными и точно стонущими металлическими ударами. Казалось, онъ уже тутъ, надо мною... Пора.

Я схватилъ его за плечи, сжалъ ихъ такъ, что у него христнули кости, затѣмъ повернулъ его вправо, отдавилъ назадъ и тотчасъ самъ соскочилъ за нимъ и сталъ вѣрь рельсовъ...

Въ то же мгновеніе сильная холодная струя разбитаго быстрымъ ударомъ воздуха опахнула меня всего... Свистокъ, слышавшійся раньше сзади, потомъ справа, раздался вдругъ стѣва и смолкъ... Мгновеніе тишины, грозное клокотаніе пара, громъ рычаговъ, удары поршни, тяжелый грохотъ. Локомотивъ промчался мимо... Теперь за моей спиной бѣжали вагоны...

Мягкіе бѣлые клубы пара, смѣшанного съ дымомъ, опустились на меня угарной влажной пеленой... Я слабѣлъ... Я забывалъ опасность, борьбу, машину и безумца, и если все такъ же крѣпко сжималъ его плечи, то это было скорѣе по инерціи. Мнѣ казалось, я тону, опускаюсь куда-то, окутанный мягкими бѣлыми волнами пара...

Но вотъ сквозь эту бѣлую пелену прорѣзалась сверкающая искра, другая... Она прорвалась, разступилась. Опять тотъ же ужасающій грохотъ, громыханіе, удары... Вдобавокъ, онъ напрягался у меня въ рукахъ. Въ его глазахъ, смотрѣвшихъ въ мои—я читалъ какое-то назрѣвшее решеніе. Я приготовился.

Онъ кинулся безумно впередъ. Я встрѣтилъ этотъ порывъ и отдавилъ его назадъ, на прежнее мѣсто. Однако, это было очень трудно. Мое положеніе было неустойчиво. Я не могъ отодвинуть ногу назадъ, изъ опасенія попасть подъ колеса.

Нога у меня скользнула вдоль шпалы... кожаный сапогъ звякнулъ по желѣзу болта, даѣ... опора — сучокъ... трескъ. Нога продолжаетъ скользить...

О, неужели!.. Нѣтъ, еще три-четыре секунды, и поѣздъ промчится. Я замеръ въ ожиданіи, нога скользила, казалось, въ какую-то пропасть и оттуда, все выростая, подымалась волна клокотавшей и быстро мчавшейся смерти...

Вдругъ непріятное, острое ощущеніе прорѣзalo всѣ мои фибры. Это былъ звукъ... звукъ заводимаго тормаза. Жизнь или смерть зависѣли отъ секунды, а поѣздъ замедлялъ ходъ.

Итакъ... Торжественное, грозное мгновеніе — да, это было, конечно, мгновеніе, но оно выдѣлилось для меня часомъ, недѣлей — неопределеннostью.

Я взглянулъ вверхъ, на небо. Оно было темно. Прямо надо мной плыло облако. Синева, точно прорываясь оттуда, лилась внизъ и, не достигая земли, рѣдѣла, — на горизонтѣ игралъ отсвѣтъ востока.

Смерть... Неужели смерть среди пробуждающейся природы!..

Еще трескъ, еще разъ лязгнуло желѣзо. Я окончательно потерялъ равновѣсие. Въ первую секунду я какъ-то судорожно схватился за него, но вслѣдъ затѣмъ, подъ влияніемъ мелькнувшаго сознанія: одинъ, пусть лучшіе одинъ! — я толкнулъ его отъ себя...

Яркое сіяніе дня исчезло, замолкла пѣсня. Глубокая тоска охватила мени, сжала сердце. Если бы было время, я бы заплакалъ.

Холодный ударъ острой струи разбитаго воздуха опахнулъ меня, пронизалъ нас kvозъ.

Затѣмъ я грохнулся на рельсы вслѣдъ за постѣднимъ вагономъ...

Это было странное состояніе полусознанія. Туча по прежнему стояла въ зенитѣ. Рельсы подъ мною рокотали все тише... тутъ же, подтѣ мени, на землѣ бился кто-то, слышались чьи-то рыданія. Я посмотрѣлъ въѣво. Прищуренный огненный глазъ пылалъ краснымъ пламенемъ, поѣздъ, хотя замедлившій ходъ, все еще мчался впередъ. Вагонъ уменьшался и таялъ въ предутренней мглѣ. Казалось, чудовище рвалось ко мнѣ, но какая-то роковая сила увлекала его все дальше и дальше.

Вдругъ надо мной точно изъ-подъ земли выросла и наклонилась громадная фигура Якуба. Я подался къ нему, но острага, рѣжущая боль въ лѣвой рукѣ заглушила во мнѣ всѣ ощущенія.

Точно въ туманѣ мелькнуло испуганное лицо старика. Рельсы пѣли свою стихавшую, убаюкивающую пѣсню. Фонарь мерцалъ потухавшою красноватою искоркой. Затѣмъ все подернулось какой-то дымкой, въ глазахъ потемнѣло...

Я лишился чувствъ...

XV.

Поездъ мчится на всѣхъ парахъ. Лязгаютъ цыпли, свистъ, все тотъ же рѣжущій, безумный и бѣшеный свистъ звенищими раскатами хлещетъ воздухъ. Грузный, тяжелый, быстрый и страшный локомотивъ гудить, и искры сыплются отъ него въ обѣ стороны и тонуть во мракѣ окружающей ночи. А тамъ, впереди, оиять онъ... что-то темное виднѣется на пути. Человѣкъ. Опять?..

...Кто-то рвется впередь. Бѣдныя слабыя руки протягиваются туда, бѣдное, искаженное ужасомъ лицико. „Голубка“ страдающая, чувствующая, живая.

„Брось!“ — раздается вдругъ чей-то голосъ. А, это онъ! Вотъ онъ, здоровый и бодрый, тутъ, рядомъ съ нею... онъ держитъ ее, обнимаетъ. О, дубина! нашель время для поцѣлуванія! Какъ онъ ее мучитъ. Да вѣдь онъ не понимаетъ.

И чувствую, что на мою руку налегъ кто-то тяжело. И чувствую, какъ неровно, тревожно, страдающе бѣтесь около чье-то бѣдное сердце.

„Не понимаетъ! Господи! Не понимаетъ!.. Неужели, о, неужели не понимаетъ?..“

И чын-то глубоко грустные глаза смотрятъ въ мон со страхомъ и съ тѣнью улетающей надежды.

„Что же это?..“

Что это? Что же сказать ей?.. Сама, да, сама пусть пойметь. Ударъ... да, ударъ тяжелый. Впрочемъ... да вѣдь она умерла. Судьба... сѣбяная... Однако, вѣдь она умѣеть иногда рѣшать мудреныя задачи. Но все таки... глупо. Вѣдь вотъ онъ тутъ, здоровый и бодрый, а она...

...Гуль растетъ, разливается. А?.. Что такое?.. Да, вѣдь онъ тамъ, все тамъ, а я теряю время!..

И опять стонущій голосъ и рвущаяся впередь, точно въ отчаяніи, фигурка.

„Брось, — строго говоритъ онъ ей, — брось! Это не наше дѣло. Вотъ видишь — онъ пойдетъ“. И надменная улыбка освѣщаетъ его довольное лицо, и сквозь равнодушіе просвѣчиваетъ на немъ вражда, глубокая, сильная.

„Посмотри, — онъ пойдетъ, ему терять нечего... вѣдь онъ отказался. А мы!.. Смотри, какъ хорошо. Тѣнь и прохлада, и жизни, и любовь, вдвоемъ, только вдвоемъ. Нѣть никого, никого и не надо“.

И онъ опять обнимаетъ ее, и надъ ними склоняются и шепчутъ вѣтви орѣшишка... И я опять чувствую на руки

милую тижесть, и опять вижу это лицо, покаженное ужасомъ сознанія. Да!.. Вѣдь она умерла.

...А я пойду, да, я пойду. И опять будетъ то же—и грохотъ, и свистъ, и шипѣніе, и тормазъ. Ахъ, зачѣмъ этотъ тормазъ?

...Да, и острыя боли, и беспиле, и этотъ фонарь, мелькающій искрой во мракѣ, застилающемъ глаза, когда вся природа одѣвается свѣтомъ... И безпамятство, смерть.

Острыя, жгучая боль, значить... правда?.. Все правда. Тамъ, за этимъ предѣломъ — день и сіяніе. Струится рѣчка, лѣсъ колышется такъ же, и тѣ же слышатся пѣсни... Дальше, тише, блѣдишь... Значить, этотъ туманъ, эта тьма только на моихъ глазахъ, только въ мозгу или въ сердцѣ?.. О, какъ больно, какъ страшно больно!..

...Глубокій вздохъ, который я сознавалъ, которымъ я наслаждался, — вздохъ облегченія вылетѣлъ изъ груди... Что это со мною?.. Гдѣ я?.. Открою глаза и увижу... Нѣтъ, глаза тяжело сомкнуты, ихъ не раскрыть... Да развѣ надо ихъ раскрывать? Нѣтъ... не надо... зачѣмъ?..

Грудь дышитъ глубоко, съ наслажденіемъ... Голова, правда, пылаетъ, точно залита вся чѣмъ-то жаркимъ дыханіемъ. Жаръ то спадаетъ, то опять подымается и льется по всему тѣлу, по всѣмъ жиламъ, по нервамъ. Какая-то истома тоже ростетъ, охватываетъ меня всего до боли, порой до безпамятства... А навстрѣчу, словно отъ руки, на которую опиралась „Голубка“, расходится такое же жгучее ощущеніе... Какие-то пробѣлы, перерывы въ сознаніи...

Чу! Что это? Точно звонъ струны, колеблющейся, долгий, волнистые переливы... Или это пѣсни?.. Да, кажется, пѣсня, знакомый голосъ... Сердце бѣется сильно, голова пылаетъ... Истома ростетъ, напрягается. И какъ хорошо, но... какъ больно!.. Голова горить, точно въ огнѣ. И опять сознаніе улетаетъ... все тихо...

...А, это старикъ Якубъ. Да, это онъ!.. „Не мудрый, говорю, не мудрый, тяжело!“

...Тихая, сладкая тишина... Тижесть спадаетъ... Въ глазахъ свѣтлѣе, точно въ закрытыя вѣкы прорываются лучи яркаго солнца... Они льются сверху, въ эту лѣсную прогалину, сквозь которую виднѣется синее, синее небо. Какъ будто шенчутъ листья, склоняясь надо мной къ самому лицу, близко, близко къ глазамъ... Что они шенчутъ?.. Какой смыслъ этихъ рѣчей, гдѣ въ нихъ чувство, гдѣ правда? Кто это дышитъ тутъ же, рядомъ, надо мною? Чьи это рука?..

...Вѣти сплетаются, спускаются ниже. Синій ключекъ неба уменьшается, исчезаетъ, зелень сдвигается сплошною стѣной... Вотъ она синяя небесная ширь разостлалась надъ зелеными верхушками лѣса. А вотъ конецъ убѣгающей тучи... Вотъ она летить, тамъ, вверху, и край ея сейчасъ же исчезнеть у меня изъ глазъ... Но вѣдь она не пропадетъ?.. Нѣтъ, она понесется дальше... Вотъ большой городъ, вотъ деревушки видныются съ высоты этой тучи... Да, она не пропадетъ, она полетитъ далѣе, свободная, свѣтлая... только я ее не увижу... Эта зелень, яркая, широкая, прохладная, все закроетъ.

А, чье-то дыханіе опять!.. Горячая слеза жжетъ мнѣ щеку... Чье-то сердце бьется опять тутъ же... Я слабѣю, зеленый пологъ сдвигается плотнѣе... Это тюрьма, прохладная, зеленая, славная...

Кто-то наклоняется ближе... чьи-то волосы, мягкие, легкіе, душистые, касаются моего лба...

Это невеликодушно... я не могу бороться, "меня удержить слабая женская рука... О, какъ тяжело, какъ больно бороться..."

Я сдѣлалъ страшное усилие и поднялся. Рѣзкая струя яркаго свѣта рѣзнула меня по глазамъ... Я въ комнатѣ у Рожанскихъ. Въ окна врываются лучи яркаго утренняго солнца... Противъ меня, на стулѣ, въ угрюмой задумчивости сидѣлъ Якубъ, сложивъ руки на колѣняхъ и низко наклонивъ голову. Рядомъ со мной, у моего изголовья, сидѣла Соня. Я замѣтилъ испуганный, недоумѣвающій взглядъ, ея лицо мелькнуло предо мной, и загѣмъ я вновь откинулся на подушку и вновь впасть въ безсознательное состояніе.

XVI.

Глаза у меня открыты. Я сижу на постели, опираясь на высоко поднятую подушку. Мнѣ хорошо, спокойно.

На стѣнѣ мелькаютъ передъ моими глазами, суживаясь, расширяясь, свѣтлые кружки: это лучи заходящаго солнца прорываются сквозь зелень листвы у окошка... Въ комнатѣ тихо, мѣрно постукиваетъ маятникъ, да оса бьется въ стекло...

Давно ли я сижу такимъ образомъ, давно ли я слушаю это мѣрное постукиваніе и тревожное жужженіе осы? Не знаю, но мнѣ хорошо.

Чьи-то шаги... Ко мнѣ входить въ дверь, которая находится сзади меня. Кто-то ступаетъ на цыпочкахъ, точно боясь разбудить или потревожить меня. Мнѣ лѣнъ обернуться. Чья-то жесткая рука опускается мнѣ на лобъ... А, это Якубъ.

— Здравствуйте, Якубъ.

Якубъ заглядываетъ мнѣ въ лицо...

— Очнулся... ну, полежи смирно... будешь здоровъ...

Мнѣ смѣшно,—онъ говорить точно съ ребенкомъ.

— Она здѣсь?..

— Ну, ну! Полно, — говорить Якубъ и отворачивается: — не надо.

— Что не надо? Здѣсь она?

— Вы это про Варехинскую панночку? Такъ оставьте, послѣ...

— Зачѣмъ же послѣ?.. Странно! Вѣдь она здѣсь?..

— Тутъ, а я тебѣ вотъ что скажу: ты не смѣйся, рано еще смѣяться-то тебѣ... боленъ ты, вотъ что... Ну, и сожмись, потерпи, будетъ когда и подумать... а то разлютуется она у тебя опять, горячка-то...

Мнѣ досадно.

— Нѣть, вотъ что, Якубъ... Я здоровъ, понимаешь, здоровъ я... Ну, встать я не могу—правда, а только здоровъ, хорошо мнѣ. А вотъ знать надо: тутъ ли она?

Якубъ посмотрѣлъ на меня пристально и нотомъ, точно убѣдившись въ чемъ-то, отвѣтилъ:

— Тутъ... давно уже. Долго ты боленъ былъ, крѣпко, страхъ — крѣпко... Помрешь—думали... только это пустое. Я зналъ: не помретъ, выдержитъ, а трудно было...

— Ну, а панночка,—добавилъ онъ, взглянувъ на меня серьезнымъ, пристальнымъ взглядомъ,—давно тутъ, на другой день пріѣхала и все около тебя сидѣла, ходила...

Старикъ былъ необычайно разговорчивъ,—я это замѣтилъ и удивился. Впрочемъ, я понялъ тотчасъ же его настроеніе,—это онъ облегчался послѣ долгаго беспокойства и тревоги... Старый чудакъ, видно, меня таки любить...

— Значить...—сказалъ я и остановился...

— Было...—отвѣтилъ Якубъ серьезно...—Ишь ты какой...— добавилъ онъ:—надумчивый... крѣпко, видно, надумалъ.

— Слышала?—живо переспросилъ я опять.

— Было...

— Поняла?

— Гмъ... плакала... Руки заломить и сидитъ... Что это?— спросить у меня,—горячка?.. Эхъ, панночка, горячка-то горячка, а видно, на сердцѣ-то глубоко дума запала...

— Что, много я говориль ясно?..

— Кому ясно, а кому — Богъ знаетъ... Вареха пріѣзжалъ тоже... домой звалъ. Не поѣхала, осталась.

— А. осталась... Что это?..

— Что!—сказалъ Якубъ, не глядя на меня...— Ждетъ...

— Значить не поняла, а впрочемъ... можетъ, не потому: думаетъ—нужно...

— Можетъ,— сказалъ Якубъ, но въ тоѣ его слышалось что-то скептическое.

Я задумался.

— Да, а что же тотъ... Голубевъ?..

На лицѣ старика мелькнуло выраженіе какого-то неудовольствія, точно пренебреженія...

— Что съ нимъ дѣлается?..

— Какъ это вы такъ говорите — что съ нимъ? Вѣдь онъ сумасшедшій, чуть не убился.

— То было, да прошло. Какъ это онъ въ первое-то время не убился, это точно, что странно... Ну, а теперь...

— Что теперь? Онъ ее очень любилъ?..

— Эхъ, себя любилъ, вотъ что!

Я съ удивленіемъ взглянулъ на него... На лицѣ его выражалось сильное неудовольствіе. Онъ смотрѣлъ въ окно, и это выраженіе усилилось.

Подъ окномъ раздались шаги; двѣ тѣпи промелькнули въ свѣтломъ четыреугольникѣ, на стѣнѣ. Одна — мужская, высокая, сильная; изъ-за нея виднѣлась склоненная маленькая головка...

Сначала эта картина не произвела на меня никакого впечатлѣнія, но я взглянулъ на Якуба, и глаза наши встрѣтились. Я понялъ, что выражалъ этотъ взглядъ, и что-то точно кольнуло меня...

Что-жъ, пожалуй, и вѣрно... Это въ порядкѣ вещей, и это мое ощущеніе — глупо... Впрочемъ, кажется, мнѣ скорѣе непріятно за „Голубку“. Да, кажется, такъ...

Въ смежной комнатѣ послышались шаги. Они вошли въ нее черезъ двери, выходившія на балконъ, и повидимому направлялись ко мнѣ. Подойдя къ дверямъ моей комнаты, они остановились.

— Вы туда, къ своему больному?..

— Да,— послышался тихій отвѣтъ.

— Онъ поправляется очень тихо. Все еще безъ сознанія?..

— Да.

— Болѣзнь мѣшаѣтъ ему видѣть... Иначе онъ бы поправился въ два дня.

Легкій вздохъ послышался въ отвѣтъ.

— До свиданія, — сказалъ опять мужчина, — вы еще не уѣзжаете?..

— Н-не знаю... До свиданія...

Легкій скрипъ двери. Я былъ очень заинтересованъ этимъ

разговоромъ. Я смотрѣлъ на лицо Икуба и на этомъ лицѣ читать смыслъ слышанныхъ словъ. Не смотря на видимую несложность и обыденность, разговоръ этотъ казался мнѣ многозначащимъ. Старикъ мрачно смотрѣлъ въ землю...

Я не замѣтилъ, какъ вошла Софія,—вѣрилъ, я и замѣтилъ, но мои мысли были заняты предыдущимъ.

Когда она подошла къ постели, я повернулся къ ней поглядь только созналъ, что это собственно наша первая встреча. Я протянулъ ей руку.

— Здравствуйте, Софія Григорьевна...

Она застѣнично подняла на меня глаза, взглянула какъ-то вопросительно, робко и покраснѣла.

— Вы очнулись!..

Она еще разъ вскинула на меня глаза и еще сильнѣе покраснѣла. Очевидно, этотъ моментъ, моментъ встречи — застигъ ее врасплохъ. Она, вѣроятно, иначе представляла его себѣ. Я былъ спокоенъ; я зналъ, что тонъ, въ которомъ пойдетъ разговоръ, будетъ рѣшающимъ, зналъ — и каковъ будетъ этотъ тонъ. Я владѣлъ собою свободно и не видѣлъ причины для насилія надъ собою.

— Да, я очнулся. Я вамъ очень благодаренъ, Софія Григорьевна, за ваши заботы... Вамъ было много хлопотъ... Кажется, вамъ приходилось въ первое время возиться съ двумя....

Я говорилъ искренно, какъ хорошей и доброй знакомой.

Она опустила глаза. Минуту ея опущенное лицо, очевидно, горѣло. Можеть быть, на глазахъ были слезы, но глазъ я не видѣлъ.

— Мнѣ не было... тяжело... — начала она послѣ минутнаго молчанія: — кромѣ того, Сергій Григорьевичъ оправился быстро. Докторъ сказалъ, что тамъ... опасности нѣтъ. Все это... вышло потому, что за нимъ не додглядѣли. Больше сутокъ въ лѣсу... безсонница... Ну, и при этомъ сильное горѣ... произвело временное... Какъ это?.. Ну да, временное помраченіе. Докторъ говоритъ, что у него счастливая организація, и что у такихъ натуръ... онъ употребилъ какое-то особенное слово... Да, психозъ... ну вотъ, психозъ у такихъ натуръ не страшнѣ...

Она говорила это съ нѣкоторымъ напряженiemъ, — очевидно, это былъ для нея разговоръ о постороннихъ вещахъ, служащий только предлогомъ, который позволяетъ ходить вокругъ да около главнаго, существеннаго, но шекотливаго предмета.

— Какъ же онъ теперь?

— Груститъ очень сильно, но... спокойно.

На минуту подворилось молчаніе.

Икубъ поднялъ голову, взглянувъ на насъ обоихъ, — осо-

бенно пытливо остановились его глаза на мнѣ, — и затѣмъ выпѣль изъ комнаты. Мы остались вдвоемъ.

Я взглянула на нее. Ея головка была низко опущена; мнѣ виднѣлись только ея роскошные русые волосы, собранные въ косу и обернутые вокругъ головы. Руками она перебирала оборку моей подушки.

— Завтра,—заговорила она тихимъ, тихимъ голосомъ,—за мной приѣдетъ папа... и мы съ тетей уѣдемъ.

Она подняла голову и опять остановила на мнѣ тотъ же робкій, спрашивающій взглядъ. Я чувствовала къ ней въ эту минуту какую-то нѣжность, точно къ ребенку...

Я взяла ея маленькую ручку въ свои руки и заставилъ ее такимъ образомъ прямо взглянуть мнѣ въ лицо. Я готовился напечсти ей послѣдний ударъ... и... въ эту минуту мнѣ хотѣлось, страстно хотѣлось видѣть ея взглядъ въ самое мгновеніе удара. Въ умѣ мелькало кое-что, какое-то неопредѣленное представлѣніе о томъ, какъ она должна встрѣтить его.

— Софья Григорьевна, я знаю, что я много болталъ въ бреду... Вамъ приходилось, быть можетъ, чѣмъ мнѣ... Правда?—сказалъ я, сжимая ея маленькую руку своими руками и не спуская глазъ съ ея лица...

— Нѣть, не то...

Я видѣлъ ея лицо, по глаза ея смотрѣли въ сторону, она точно уклонялась...

— Да... я... не все поняла.. Это былъ... только бредъ?..

Послѣдняя фраза была полувиоросомъ.

Для меня все было кончено. Что-жъ?.. Надежда была и безъ того слишкомъ слаба...

— Да, бредъ, конечно, и я не знаю, насколько оно было безсвязенъ. Однако... Видите ли, Софья Григорьевна,—я много думалъ ранѣе о васъ... да, о васъ и о себѣ... Въ бреду я, вѣроятно, продолжалъ эту же мысль...

— Боже мой... — сказала она, вынимая свою руку изъ моихъ... — я не удерживалъ:—Боже мой, но эта мысль... со-вѣтъ... непонятна... Я поняла только, что вы...

Она замолчала.

— Что я... воздвигаю преграды, которыхъ для васъ не существуетъ. Вы это хотѣли сказать, Софья Григорьевна?..

— Боже мой!..—въ ея голосѣ звучали сдержанныя слезы:—да!

Я вздохнула. Разъяснить — напрасно. Что разъяснить?.. Словъ было много и раньше, а чувства... чувства теперь стали разнородны. Мы когда-то безъ словъ понимали другъ друга; теперь мы другъ друга не понимали. Это стало фактомъ...

Я задумался и ничего не отвѣтилъ. Она сидѣла, и опять ея рука безсознательно перебирала оборку подушки. Я былъ сильно утомленъ всей этой сценой. Мне казалось, я слышу какую-то грустную, все удалявшуюся, тихую пѣсню.

Вдругъ среди этой чуткой тишины миѣ послышался звукъ, короткий, тихій, едва уловимый... Я скрѣбъ созналь, чѣмъ услышалъ упавшую ей на руку слезу. Я встрепенулся и заговорилъ, но заговорилъ уже совершенно другимъ голосомъ.

— Полноте, Софья Григорьевна, не плачьте. Это необходимо. Хорошо, что мы во-время замѣтили... ошибку... Ну да, это вѣрно: это была бы ошибка, ужасная ошибка, а въ такомъ дѣлѣ — вы вѣдь это знаете — ошибка — вопросъ жизни и смерти. Что, развѣ вы не видите, что это такъ, что это дѣствительно была бы ошибка? Развѣ вы не сознаете, что есть цѣлая область чувствъ, въ которой мы другъ для друга — чужіе?...

Она, наконецъ, не выдержала, и ея головка припала къ подушкѣ.

— Чужіе!... — послышалось миѣ.

— Да, Софья Григорьевна, чужіе, и намъ надо взглянуть въ глаза факту. Будьте же счастливы... по своему...

— А вы? — послышалось миѣ глухо...

Это меня тронуло, — она думала въ эту минуту и обо миѣ.

— А я? Вы очень добры, Софья Григорьевна, — вы подумали и обо миѣ... Ну, а я, — добавилъ я щутливо, — я большой згоистъ, вѣдь это я для своего счастья и дѣлаю... Ну полно, не плачьте же... Вы еще молоды, вѣдь вы еще очень молоды, и жизнь приберегла для васъ много подарковъ...

„Пустое мѣсто, вотъ еще одно пустое мѣсто, которое можно заткнуть...“ — мелькнула горькая мысль...

XVII.

187... годъ.

„...Нашъ деревенскій человѣкъ, что былъ у тебя о веснѣ, сказывалъ, что ты надумалъ. Что-жъ? Должно быть, надумано у тебя это крѣпко. Пріѣзжай къ намъ, покажется — такъ и совсѣмъ оставайся, и съ товарищемъ... Я теперь на своемъ хозяйствѣ, да старъ, жены, дѣтей нѣть, а жили мы съ тобой душевно...“

Такъ кончалось письмо Якуба. Я задумался, однако, думалъ недолго. Да, это, кажется, дѣло подходящее, и если миѣ раньше не приходило въ голову, то лишь потому, что я не зналъ, какъ измѣнились съ тѣхъ поръ обстоятельства. Рожанскихъ уже нѣть, Якубъ „на своемъ хозяйствѣ“. Посмотримъ.

Станция ***ской железнодороги. У кассы давка. Къ платформѣ подходитъ пасажирскій поѣздъ. Мы съ товарищемъ стоимъ у кассы, ожидаемъ очереди.

— Эй! Посторонись, любезный...

Мимо насъ, грубо прота��авшись, проходитъ высокій господинъ, подъ руку съ красивой дамой,— впереди бѣжитъ девочка лѣтъ 8-ми.

Молодое лицо моего спутника искажается гигвомъ. Я беру его за руку. Господинъ прямо проходитъ къ кассѣ. Жандармъ, наблюдающій за очередью, почтительно сторонится. Публика ропщетъ.

Второй звонокъ. Мы, выходимъ на платформу. Вагоны полны, народъ стоитъ, тѣснота, давка.

Мы проходимъ къ заднимъ вагонамъ. А вотъ одинъ, почти совершенно пустой.

— Впередъ, впередъ проходи!— покрикиваетъ кондукторъ, но мой спутникъ отстраняетъ его, и мы входимъ въ вагонъ.

Господинъ, котораго мы уже видѣли, выходитъ изъ вагона къ кондуктору. Тотъ покимаетъ плечами и извиняется.

Свистокъ оберъ-кондуктора, звонкій гулъ машины. Тормазъ скрипить, визжитъ желѣзо рельсовъ, поѣздъ трогается. Я открываю окно.

Итакъ, читатель опять встрѣчаетъ меня на ***ской желѣзной дорогѣ. Если я иѣсколько измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились впервые, если въ волосахъ у меня кой-гдѣ пробивается рания просѣдь, то виноваты въ этомъ не столько пролетѣвшіе годы, сколько иѣкоторое отсутствіе того, что принято называть „благополучіемъ“. Жизнь интеллигентнаго бродяги, „искателя“, которому такъ ужъ на роду написано обрѣтать слишкомъ часто то, чего совсѣмъ не искать...

...А тамъ длинная дорога... Снѣжный широкій равнинны, дремучіе спокойные лѣса, бѣдныя деревни съ разметанными непогодою крышами... Бѣдный городишко нашего сѣвера, спящаго тихимъ сномъ, сквозь который такъ и чувствуется близкое пробужденіе къ жизни. Каково будетъ это пробужденіе? Ждать ли, жалеть ли его?...

„И вотъ они оять, знакомыя мѣста!“

Поѣздъ бѣжитъ быстро. Мимо мелькаютъ и скрываются окрестности уѣздиаго города С***, давно знакомыя окрестности! Вотъ они близко, мѣста, гдѣ я встрѣчалъ грудью первый набѣгавшій на меня житейскій валъ, гдѣ я рѣшалъ практически первый житейскій вопросъ!..

Вотъ они—тѣ же поля, та же дорога, тѣ же лѣса, то при-

двигаящіеся къ линіи дороги, то опять убѣгающіе далеко, на край горизонта... Только теперь надъ полями лежитъ осень. Только дорога постарѣла, осунулась, опустилась; шпалы сгнили, живыя сваи мостиковъ давно уже замѣнилъ ржавый чугунъ... Только лѣса порѣдѣли, отодвинулись отъ дороги, оставивъ вмѣсто себя печально торчащіе пни да широкія кладки рубленныхъ дровъ... Только помѣщицы усадьбы еще болѣе насупились, и стало въ нихъ еще большие выбитыхъ оконъ, повалившихъ заборовъ... Что же? Вездѣ время беретъ свое, все старѣеть... Благо, что ничего я здѣсь не оставилъ, что нечего мнѣ жалѣть позади, благо, что я могу считать объективно морщины на лицѣ этой природы, которая была юна вмѣсть со мною!..

Я оглянулся на своего товарища. Онъ, повидимому, начинать дремать. Я съ удовольствіемъ смотрѣль на это лицо, молодое, энергичное, умное.

Когда я вновь высунулъся въ окно вагона, началъ накрывать дождикъ; туманная пелена, которую осень широко раскинула надъ молчаливыми полями, стущалась; по временамъ изъ нея точно выпиливали очертанія деревушки, неясные силуэты лѣсовъ, но вскорѣ они опять тонули въ мокрой, слякотной мглѣ. Каки становились чаще и чаще... и вотъ, все исчезаетъ — остается только ровная безирисовѣтная мгла, и быстро летящая машина со стономъ, лязгаясь, свистомъ врѣзывается въ нее все дальше и дальше...

Свистокъ протянулся, раздался сильнѣе и смолкъ. Спереди послышался такой же отвѣтный свистокъ, и въ туманѣ, на запасномъ пути, стала вырисовываться встрѣчный поѣздъ. Повидимому, онъ только тронулся со станціи, къ которой мы подѣѣзжали. Онъ еще не разошелся, паливъ же замедлять ходъ. При встрѣчѣ я разглядѣль товарный поѣздъ, обращенный на этотъ разъ въ санитарный. Вагоны не были закрыты, и въ нихъ на соломѣ лежали раненые и больные, по нѣсколько человѣкъ въ каждомъ...

Мы двигались все тише и тише. Санитарный поѣздъ скрылся въ туманѣ, сзади, а впереди все яснѣе вырисовывалась платформа. Она стояла среди поля, а мимо пролегала большая дорога: недалеко былъ уѣздный городъ.

На платформѣ виднѣлись какія-то фигуры. Тутъ же стояла твойка лошадей, запряженныхъ въ просторный тарантасъ. Порою коренная позывакивала бубенцами и порывалась впередъ...

Поѣздъ со стономъ и скрипомъ остановился у платформы. Съ передняго вагона высаживалось помѣщицье семейство, съ цѣлою кучею вещей, съ пинькой, съ дѣтьми. Пока изъ ба-

гажнаго вагона вынимали вещи, я успѣть разглядѣть группу, которую замѣтилъ еще издали, на платформѣ.

Два солдата, одинъ съ перевязанной рукой и съ костылемъ, другой съ повязанной головой и, повидимому, очень слабый,— чудѣли подъ небольшимъ навѣсомъ, на скамейкѣ. Раненый былъ очень угрюмъ; онъ смотрѣлъ внизъ, протянувъ здоровую руку вдоль колѣна. Лица его товарища не было видно, такъ какъ онъ былъ закутанъ широкимъ плѣномъ, но вся его фигура какъ-то болѣзнико, уныло опустилась. Тутъ же, рядомъ, подъ дождемъ, стояла дѣвушка, повидимому, студентка, „стриженая“; она всматривалась въ туманную даль, точно поджидала кого-то. На ней былъ надѣтъ легкій бурнусъ; стриженые волосы промокли; черезъ плечо была перекинута дорожная сумка. Повидимому, ея плѣномъ была закутана болѣй.

Въ это время изъ соѣдняго вагона выскочилъ молодой человѣкъ, тоже въ плѣнѣ и дорожныхъ высокихъ сапогахъ, и проворно взбѣжалъ на платформу.

— Зиновьевъ! — окликнулъ онъ студентку.

Та обернулась. Вѣдьмо исхудалое лицо носило слѣды какой-то грусти, даже тоски и раздраженія. Казалось, это выраженіе давно уже не сходило съ лица, стало привычнымъ. Въ голосѣ ея, когда она заговорила, послышалась какая-то скорбная нота, и пробивалось тоже раздраженіе.

— А, Ивановъ! Вотъ счастье-то! Есть у васъ деньги?

— Немнogo; вирочемъ, мнѣ всѣхъ не надо. Куда вы это?

— Въ Интеръ. Да вотъ заодно больныхъ дали проѣжать... Вотъ высадили, надо ихъ въ X., — телеграмму дали, да никто не встрѣтилъ...

Студентъ вынулъ изъ кошелька деньги и передалъ ей.

— Будетъ?

— Будетъ, дойду какъ-нибудь... Свои истратила. Больна была тифомъ; теперь не знаю еще, какъ въ академіи съ экзаменомъ... Ну, да чортъ съ нимъ... — сказала она со злобой. — Вотъ сдать больныхъ, — повѣрите, дальше и смотрѣть не хочется... А хороша тоже встрѣча!.. Ну, а вы-то куда же?

Студентъ наклонился къ ней и сказалъ что-то, чего я по разслышала.

— Да? — спросила она. — Куда же?

— Не знаю, хочу узнать, вотъ и йду. Слушайте, — добавилъ онъ съ участіемъ, — вѣдь вы очень нехороши; вы еще не совсѣмъ, видно, оправились.

— Да, нехороша? Будешь хороша, — на всякомъ шагу га-дости... Да вотъ, полюбуйтесь.

Она указала на больныхъ, въ голосѣ ея звучали слезы...

Студентъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ и скималъ ей руки. Мнѣ хотѣлось, чтобы она пришла къ нему и заплакала, — было бы легче.

— Ну, спасибо за деньги,— сказала она, встрепенувшись,— выручили, не знала ужъ, какъ и доѣхать. Садитесь, однако, вамъ пора.

Молодой человѣкъ еще разъ крѣпко скжалъ ея руки и тихо сказалъ что-то. Потомъ онъ направился къ вагону.

Опять свистокъ, и машина опять тронулась. Между мною и платформой мгла все стущдалась, очертанія ея тонули въ туманѣ; фигуры подъ навѣсомъ исчезли, только одинокая фигура студентки видѣлась у края платформы. Она все вниматривалась въ туманную даль. Наконецъ, и она исчезла...

Поѣздъ былъ далеко, когда на дорогѣ, пролегающей параллельно чугункѣ, я увидѣлъ двѣ крестьянскія телѣги. Мокрыя лошаденки шлепали по грязи; на одной изъ телѣгъ сидѣлъ мужчина, вродѣ фельдшера, съ лицомъ, плотно закрытымъ отъ непогоды.

Я отошелъ отъ окна и сѣлъ на свое мѣсто.

...Платформа осталась уже далеко, далеко позади. Поѣздъ мчался на всѣхъ парахъ. Мой товарищъ спалъ безмятежнымъ сномъ, а я все сидѣлъ, и думы, одна за другой, страстныя, жгучія, неслись въ головѣ подъ тысячеголосый грохотъ машины.

И видѣлась мнѣ все та же платформа, и на ней одинокая фигура студентки. Она все такъ же смотрѣла въ туманную даль... Я ясно видѣлъ выраженіе ея лица, грустное, озабоченное, страдающіе. Зачѣмъ?.. — поднимались въ головѣ вопросъ за вопросомъ.

Случайно взглядъ мой упалъ опять на лицо моего спутника. Здоровье, энергія, сила... ни тѣни раздвоенности, раздраженій, сомнѣній... А тамъ?..

И опять вставалъ, точно родной, оставленный сзади образъ... И не одинъ — цѣлые вереницы такъ хорошо знакомыхъ, такихъ дорогихъ, симпатичныхъ мнѣ лицъ... И опять тотъ же вопросъ: зачѣмъ это, зачѣмъ?..

И я проходилъ его, этотъ искусъ, но онъ уже сзади. Теперь цѣль намѣчена ясно, симпатіи сознаны, путь виденъ далеко... Впередъ!..

Да, впередъ!.. Шаги будутъ тверды. Но тамъ, сзади, я не все покидалъ равнодушно...

И неужели нельзя облегчить этотъ тяжелый искусъ, нельзя найти слова, магического слова, которое было бы ясно сразу для всѣхъ, кто жаждетъ слышать, безъ возможности сомнѣній, рефлексовъ!

Нѣтъ, нельзя... Эту работу не возьмешь за другого, эти моменты надо пережить, перечувствовать, перестрадать самому. И вотъ они — молодые, способные, честные, ищутъ и бываютъ...

И вотъ это страдающее, грустное, озлобленное лицо студентки, на распутьи всматривающейся въ туманную даль... Чего она ждетъ?.. Она знаетъ сама, что — въ лучшемъ случаѣ — ей дождаться лишь того самого фельдшера, который ъхалъ въ телѣгѣ, съ лицомъ, закрытымъ отъ непогоды. Что же затѣмъ?..

XVIII.

...Дверь вагона отворилась; въ нее, вмѣстѣ съ струей сырого воздуха, ворвался шумъ грохотавшаго поѣзда,—вошелъ кондукторъ и за нимъ господинъ довольно высокаго роста, худощавый, съ добродушнымъ, но какъ будто умышленно и какъ-то привычно сдержанымъ лицомъ. На такомъ лицѣ не узнаешь, когда его обладатель щутить, когда говорить серьезно. Онъ подошелъ къ сидѣвшимъ въ другомъ углу вагона пассажирамъ.

— А, вотъ и вы! Мыѣ сказали, что вы ъедете съ этимъ поѣздомъ. Э, да и она тутъ, моя ученица! — сказалъ онъ, замѣтивъ дѣвочку. — Здравствуй, подростающее поколѣніе, здравствуй!

Дѣвочка привѣтливо потянулась къ нему. Она вышла изъ-за скамейки и серьезно протянула ему руку.

— Ты все смѣешься надо мной,—сказала она солидно.—А ты вотъ что скажи миѣ: видѣть... тамъ... па платформѣ?..

— Кого?

— Раненыхъ.

— Видѣть, видѣть... Что-жъ, раненые — какъ есть, какъ быть надо, такие они всегда бывають. А что на дождѣ-то ихъ заставили ждать,—это тоже часто бываетъ; только ужъ это бы, пожалуй, и не надо...

Дѣвочка слушала внимательно и, когда онъ кончилъ, сказала:

— А барышня, которая съ ними... кто это... зачѣмъ?

Вотъ это вопросъ!.. Какъ вы находите, а? — обратился онъ къ дамѣ.—Какъ прикажете разрѣшить его? Впрочемъ, у меня, какъ у учителя, правило: не оставлять безъ отвѣта никакихъ вопросовъ. Итакъ, изволь, подростающее поколѣніе, изволь... Кто это?—Студентка. Зачѣмъ?..—Кто ее знать? Люди такие бывають: своего счастія у нихъ точно нѣтъ: все чужого горя ищутъ... Такъ ли объяснилъ я, мамаша?

— Непонятно,—сказала дама.

— И невѣрно! — рѣзко и какъ-то раздраженно добавилъ мужчина.— Да, невѣрно-сь!

— Гмъ, пожалуй, не совсѣмъ точно,— сказалъ учитель,— только вы-то въ чемъ же видите эту невѣрность?

— Въ идеализаціи, да-сь! Вы идеализируете, что у такого скептика и остроумца, какъ вы, даже странно. Не нашли счастья!.. Чужое горе!.. Эхъ, просто, съ позволенія сказать, „свинство“! Какъ не найти счастья? — оно въ самомъ себѣ, оно материаль, способность... какъ это говорится?.. ну да, — „жизнедѣятельность“, сила!.. А ужъ случаи быть счастливымъ, практику, такъ сказать, доставляютъ жизнь. Жизнь — великий врачъ: она залѣчиваетъ всякое горе, она доставить все, что хотите, было бы чѣмъ заплатить ей. А вотъ когда платить нечѣмъ — ну, тогда на себя приходится пенять: это неспособность, безсиліе, а не ваша идеализація. Отказываются!.. Пустяки! А если и отказываются, значитъ легко, значитъ по-звѣтъ не силенъ, потребности слабы, аппетитъ испорченъ... „Мучные черви“ —помните? Вотъ настоящее слово!

Я слушалъ съ интересомъ. Я давно уже узналъ говорившаго... да, это онъ — Сергеѣ Григорьевичъ Голубевъ, такой же рослый, здоровый, румянный, какъ и нѣкогда; только вотъ говорить онъ что-то ужъ слишкомъ горячо и плавно... Видно, что и онъ думать на эту тему, думать часто и со злобой.

А эта дама?.. Да, это тоже она. Что-жъ! Во мнѣ не дрогнула ни одна жилка, сердце не забилось быстрѣ. Да, они — пара. Она, моя Соня, идетъ по житейской дорогѣ подъ руку съ этимъ щеголемъ и... такъ оно и надо. Они оба представляютъ олицетвореніе довольства, буржуазнаго, добродѣтельностиаго... Она была одѣта со вкусомъ, но въ мѣру. Бархатъ плотно охватывалъ стройныя формы. Ея черты — спокойныя черты красавицы-матроны — носили отпечатокъ сознанія „правильно“ устроенной, исполненной добродѣтели, но и пріятной жизни. Да, именно съ такимъ выраженіемъ следуетъ идти по дорогѣ жизни, опираясь на руку Сергеѣ Григорьевича Голубева!..

„Учитель“ слушалъ внимательно. Выраженіе сдержанности, которое я замѣтилъ на его лицѣ ранѣе, теперь виднѣлось особенно ясно.

— Было бы чѣмъ заплатить? — повторилъ онъ. — Пожалуй... Но вѣдь иногда не хватаетъ размѣнной монеты...

Потомъ, обратившись къ дѣвочкѣ, онъ спросилъ:

— Ты была въ Швейцаріи?.. Кажется, вѣдь вы были этимъ лѣтомъ за границей?

— Были.

— Видѣли тамъ... рѣка есть такая. Плынетъ это, плыветь широко, красиво, ровно, да вдругъ въ одномъ мѣстѣ куда-то дѣвается,—иѣтъ ея. Такъ, иѣтъ рѣки, да и только...

— Иѣтъ, я этого не видѣла.

— Ну все равно, ты ужъ мнѣ повѣрь,—есть такая рѣка... подъ землю она уходить. Кажется—ея иѣтъ, а только она есть, и смотришь — иослѣ выходить она въ другомъ мѣстѣ, такая сѣтлая, чистая, хорошая, лучше прежниго...

— Что же изъ этого?—спросилъ Сергій Григорьевичъ съ неудовольствіемъ.

— А ничего—для васъ... А вотъ она, когда станетъ понимать васъ,—можетъ, и про рѣку вспомнить,—сказалъ учитель.—Да, вотъ вы — цѣльный, на диво цѣльный человѣкъ... Такіе ужъ нынѣ рѣдки, пожалуй, не менѣе рѣдки, чѣмъ другіе, тоже цѣльные, только... на томъ берегу. Но какъ вы ни цѣльны, какъ ни обставили вы свой путь, но все же... вотъ она, — видите (онъ повернулся къ нимъ ёвочку, ласково гладя рукой ея головку)—вѣдь въ вашей жизни она еще тоже скажетъ свое слово...

Дама со страхомъ взглянула на говорившаго; на ея красивомъ лицѣ ясно пробился испугъ, точно отблескъ далекой грозы. Сергій Григорьевичъ скептически улыбнулся. Для него, очевидно, не было сомнѣй.

И вотъ мнѣ вспомнилось прошлое... „О, Серега, ты бы видалъ иногда удивительно глупъ!“ — послышалася голосъ „Голубки“. Что было бы теперь, если бы... если бы не „роковая случайность“?

Быть можетъ, она стояла бы теперь тамъ, на платформѣ, всматриваясь въ сѣрую, туманную даль?.. Или обѣ ней шепталъ бы студентъ: „Куда? не знаю, вотъ и ёду“... А каково было бы тогда выраженіе этого довольнаго, надменнаго лица?..

А что, если бы тогда, въ ту ночь, когда я смотрѣла съ кургана на колокольню города С*** — что было бы, если бы я тогда „не отказался“? На чью руку опиралася бы теперь эта красавая дама?..

Но... все пошло по иному!.. Какъ хорошо, Сергій Григорьевичъ, что судьба убрала съ вашего пути „Голубку“! Вѣдь она бы тоже „отказалась“...

Протяжный, долгій свистокъ возвѣщаетъ приближеніе полустанціи С***. Надо разбудить товарища. Прощайте же, случайные спутники, прощай, мое прошлое!

Поѣздъ остановился; мы съ товарищемъ вышли на платформу. Вечерѣло. Солнце садилось за лѣсъ, который теперь,

какъ и тогда, кольцомъ охватывалъ далекій горизонтъ. Дождь пересталъ. А вотъ на сѣромъ небѣ—широкій просвѣтъ, яркая, свѣжая синева... Туманъ, прохваченный вечернимъ холодкомъ, сеѣдаетъ... Очертанія предметовъ становятся рѣзче, опредѣленіе... Поднимается вечерній вѣтеръ, который клочками выхватываетъ бѣлый пауль, пыщущій изъ трубы локомотива... Въ долинѣ, въ окнахъ деревни вспыхиваютъ кое-гдѣ огоньки.

Мой спутникъ стоитъ рядомъ со мною. Онъ съ любопытствомъ осматриваетъ местность...

Поѣздъ начинаетъ помаленьку трогаться дальше. Быстро, быстро... А вотъ по дорогѣ крестьянская телѣга. Она приближается къ намъ ближе и ближе... А! Я узнаю старика.

— Вотъ и вы,—говорить Икубъ, слѣзая. Мы крѣпко съ нимъ обнимаемся.—А это товарищъ твой? Здорово, здорово... Ну, что же! Въ часъ добрый, гдѣ ваши вещи?

Мы уложили свой необильный багажъ. Вечеръ свѣжій, прохладный, опускался все ниже; мой спутникъ возился съ телѣгой, прилаживая наши пожитки. Мы съ старикомъ стояли на платформѣ. Я смотрѣлъ на знакомыя окрестности. Впереди огоньки загорались въ синевѣ вечера одинъ за другимъ. Издали, слѣва, со стороны дальн资料о лѣса доносился замирающій свистокъ машины... Казалось, это были послѣдніе отголоски прошедшаго. Дымокъ ходилъ еще надъ чернѣющей дальнею рощей... менѣе, слабѣе... исчезъ.

Хорошее, трезвое чувство спокойствія, увѣренности охватило меня всего. Впереди было ясно.

Товарищъ, склоненный надъ телѣгой, поднялъ голову и улыбнулся. Ладно!

Мы усѣлись. Икубъ взобрался послѣдній.

— Ну, съ Богомъ, въ часъ добрый. Въ дорогу, хлопче, въ дорогу!..

1879 г.

Оглавлениe

IX тома.

	стр.
Не страшное. Изъ записокъ репортера. Этюдъ	83
Птицы небесныя. Рассказъ.	48
Въ Крыму.	
I. Емельянъ	83
II. Рыбалка Нечипортъ.	96
Ударъ Господень	111
Современные картинки.	
I. 2,500 часовъ.	117
II. Разговоръ съ „землемѣромъ“	120
Исторические замѣтки и воспоминанія.	
Покушеніе на генерала Баранова въ 1890 году. Картишка изъ недав- нико прошлаго	125
Легенда о царь и декабристѣ. Страница изъ исторіи освобожденія. 137	
Къ исторіи отжившихъ учрежденій. 1768—1771 гг.	168
Отголоски политическихъ переворотовъ въ уѣздномъ городѣ XVIII вѣка.	
Изъ балахонской старинѣ	184
Русская пытка въ старину. Исторический очеркъ.	195
Изъ текущей жизни.	
Въ успокоенной деревнѣ. Картишки подлинной дѣйствительности	217
Истязательская оргія	229
О „Россї“ и о революціи. Политическая замѣтка	233
Ликвидациа псковской голодовки	239
Къ еврейскому вопросу.	
Домъ № 13. Очеркъ	241
„Декларація“ В. С. Соловьева.	257
Къ вопросу о ритуальныхъ убийствахъ.	261
О погромныхъ дѣлахъ. Предисловіе къ собранію рѣчей по дѣламъ о еврейскихъ погромахъ	280
На Лукьянновкѣ. Во время дѣла Бейлиса	298
Бейлисъ и мултанцы	310

Библіографіческія замѣтки и рецензії.

стм	
И. А. Гончаровъ и „молодое поколѣніе“. Къ 100-лѣтней годовщинѣ рожденія	315
Я. Канторовичъ.—Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ.	325
Житейскій задачникъ для дѣтей.—Мандрыки.	329
Кузька—мордовскій богъ	332
Танъ.—Чукотсѣ разсказы	335
А. Серафимовичъ.—Очерки и разсказы.	341
А. И. Скrebіцкій.—Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на западѣ.	344
В. П. Буренинъ.—Театръ.	348
Н. Тимковскій.—Повѣсти и разсказы.	353
Станиславъ Пшибышевскій.— <i>Homo sapiens</i>	356
Красинскій.—Иридіонъ	363
Георгій Чулковъ.—Тайга.	366
„Сѣверные сборники“	369
 Эпизоды изъ жизни „искателя“	374

Професійний альбомъ
1978 - СССР
Засуджено
Засуджено
Конкурс
55

По пезависящимъ отъ автора и редакціи обстоятельствамъ, не включены въ „Полное собраніе сочиненій“ слѣдующія произведенія: „Черты военного правосудія“, „Дѣло Глускера“, „Бытовое явленіе“, „О свободѣ печати“ и „Судебная рѣчъ В. Г. Короленко“.

Алфавитный указатель

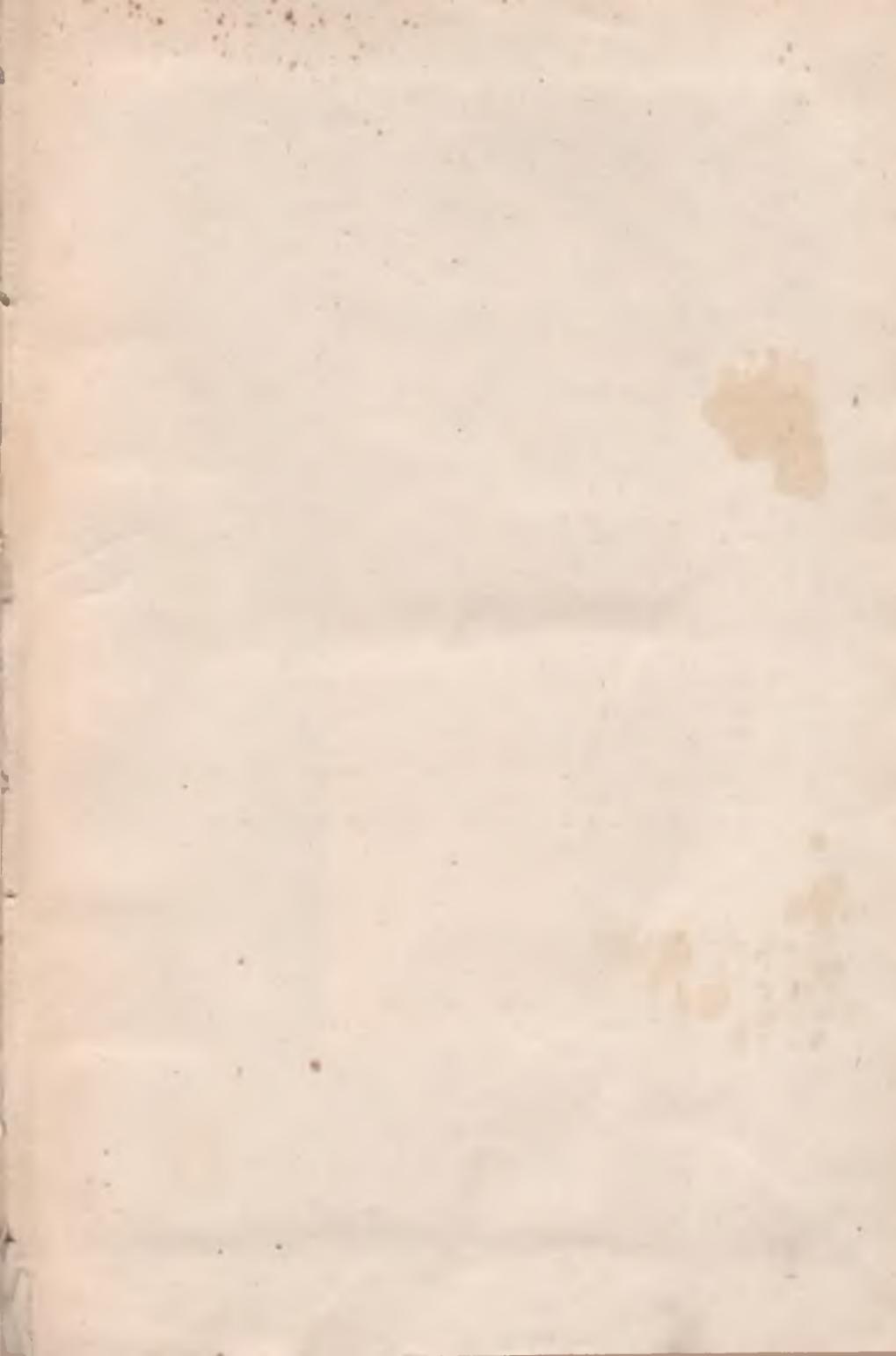
Сочиненій В. Г. Короленко,

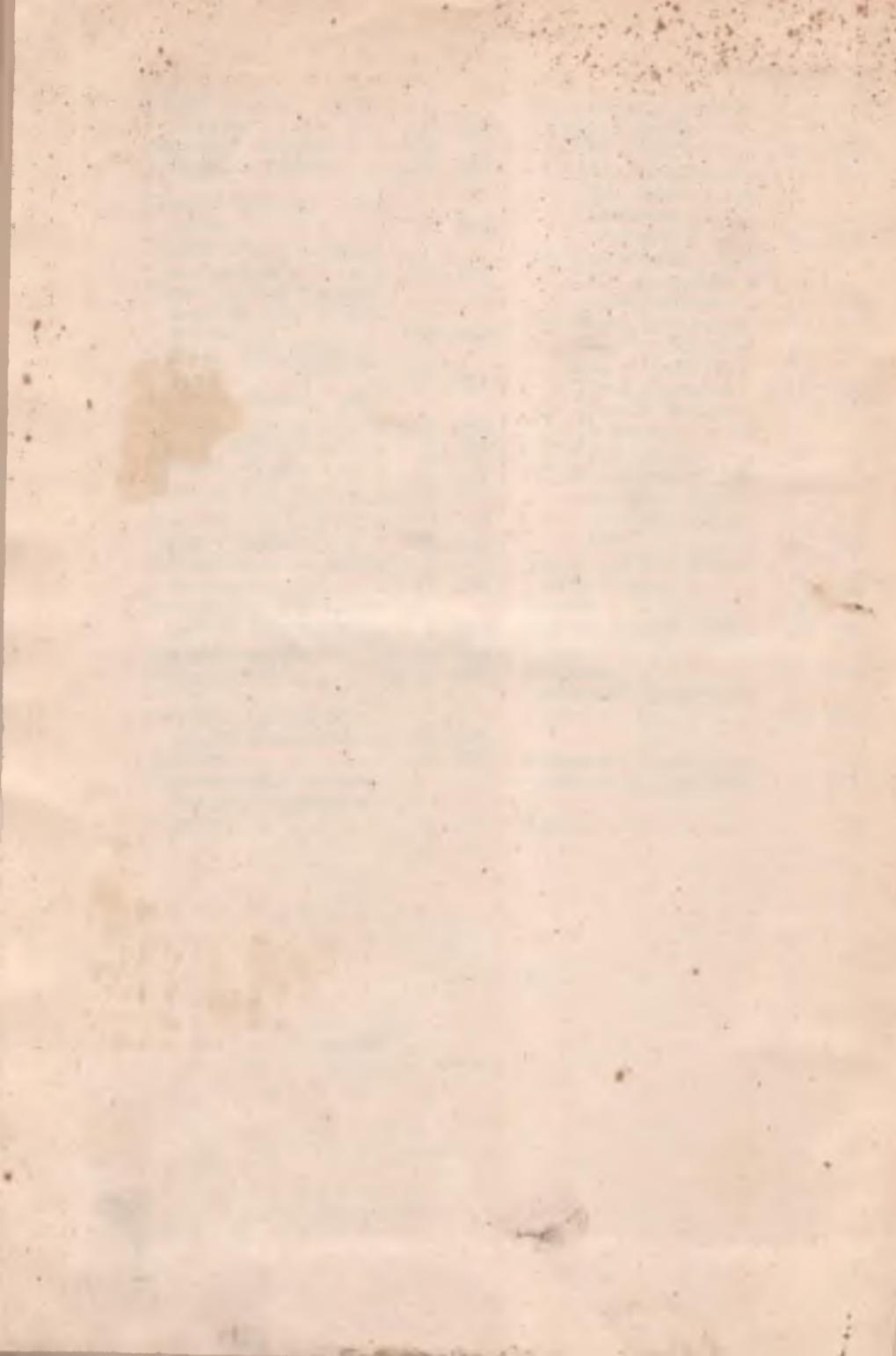
Томъ.	Стр.	Томъ.	Стр.
Атъ-Даванъ	I 153	VII. Ночная бури. — Лѣсные люди	V 291
Безъ языка	IV 3	VIII. На кордонѣ.—Лѣс- ная пустыня. — Волга!	V 309
Бейлись и мултанцы .	IX 310	Въ успокоенной деревнѣ	IX 217
Библиографическая за- мѣтки и рецензіи .	IX 315	Въ холерный годъ.	
Богдановичъ (Ангель- евичъ)	II 329	I. Холерные порядки и беспорядки. . . .	III 369
Божій городокъ	VIII 289	II. Карантинъ на девя- тифутовомъ рейдѣ.	III 397
Буренинъ, В. П. Театръ	IX 348		
Бытовые очерки	III 271		
Возвращеніе генерала Куропаткина	VI 380	Гаршинъ (Всеволодъ Ми- хайловичъ Гаршинъ). . . .	I 401
Въ борьбѣ съ дьяволомъ	IV 200	Генераль Думбадзе, ял- тинскій генераль-гу- бернаторъ	VI 393
Въ голодномъ году . . .	V 3	Гончаровъ И. А. и мо- лодое поколѣніе	IX 315
Въ дурномъ обществѣ .	II 99	Господа дуэлянты	IV 285
Въ Крыму..		„Государевы ямщики“. . . .	I 207
I. Емельянъ. . . .			
II. Рыбалка Нечипоръ.			
Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ	I 147	Дѣя картины	V 318
Въ облачный день	III 229	9 января 1905 г. . . .	VI 325
Въ подсѣдѣственномъ от- дѣлѣніи. См. Яшка.		„Декларація“ В. С. Со- ловьевъ	IX 257
Въ пустынныхъ мѣстахъ.		Домъ № 13	IX 241
I. Ветлуга	V 222	Драка въ домѣ“	IV 225
II. Свѣтлойарь	V 240	Дѣло Жеденева	VIII 339
III. Приемышъ	V 255	Дѣти подземелья. См. Въ дурномъ обществѣ.	
IV. На сѣжѣ	V 263		
V. По Керженцу. — „Городника“. . . .	V 268	Единство кабинета или тайны министерства внутреннихъ дѣлъ	VI 374
VI. По Керженцу.—Въ Оленевскомъ ски- ту и у „едино- вѣрцевъ“	V 276	Житейскій задачникъ для дѣтей. Мандрики.	IX 329

ТОМЪ.	СТР.	ТОМЪ.	СТР.
Заботы доброго пастыря грѣшной паствѣ	VI 390	Любители пыточной археологии	VIII 366
За иконой	III 170	Марусина замка	II 18
Заставы	VIII 333	Мгновеніе	IV 176
Знаменитость конца вѣка	V 329	Метаморфоза „Граждана“	VI 259
Изъ текущей жизни	VIII 298	Михайловскій (Николай Константиновичъ Михайловскій)	II 283
	IX 217	Мое первое знакомство съ Диккенсомъ	II 275
Искушеніе	VIII 3	Морозъ	I 240
Историческая справка	VI 388	Морской штабъ „на мирномъ положеніи“	VI 347
Историческія замѣтки и воспоминанія	IX 125	Мултанское жертвоприношеніе..	
Исторія моего современника	VII 3	I. Къ отчету о мултанскомъ жертвоприношени	IV 361
Истязательская оргія	IX 229	II. Предисловіе къ отчету о мултанскомъ дѣлѣ	IV 368
Іоллосъ (Григорій Борисовичъ Іоллосъ)	II 324	III. Мултанское жертвоприношеніе	IV 378
„Іомъ-Кипуръ“. См. „Судный день“.		IV. Мой отвѣтъ г-ну Крылову	IV 403
Канторовичъ, Я. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ	IX 325	V. Принсятся ли вояками человѣческія жертвы?	IV 406
Князь Мещерскій и покойные министры	VI 310	VI. Рѣшеніе сената по мултанскому дѣлу	IV 412
Князь Мещерскій—прогрессист!	VI 321	VII. Библіографическая замѣтка	IV 421
Командировка. См. Чудная		VIII. Толки печати о мултанскомъ дѣлѣ	IV 425
Красинскій. Иридонъ	IX 363	IX. Живучесть предразсудковъ	IV 431
Крестъ и полумъсяцъ“	VI 407	X. Изъ Вотскаго края	IV 450
Кузька — мордовскій бояръ	IX 332	На Волгѣ	III 263
Курскій проектъ устрашенія жѣлтой опасности	VI 307	Надъ лиманомъ.	
Къ вопросу о прислугѣ	VIII 322	I. „Некрасовскій корень“.	VI 3
Къ вопросу о ритуальныхъ убийствахъ	IX 261	II. „Искатели“	VI 16
Къ еврейскому вопросу	IX 241	III.	VI 36
Къ исторіи отжившихъ учрежденій	IX 168	На заводѣ	VIII 161
Легенда о царѣ и дескаристѣ	IX 137	На затменіи	III 213
Ликвидациѣ псковской голодовки	IX 239	На Лукьяновкѣ	IX 298
Литераторъ-обыватель	II 332	Націонализмъ, гуманность, нагайка, война	VI 343
Литературный Фондъ	V 414	Наши „государственные люди“ и новый гульскій инцидентъ	VI 366
„Лѣсь шумитъ“	II 154		

ТАМЪ.	СТР.		ТАМЪ.	СТР.	
Наши на Дунай	VI	38	Ирохоръ и студенты	VIII	123
Ненастоящій городъ	II	78	Процессъ редакторъ „Русскаго Богатства“	V	393
Необходимость	IV	185	Птицы небесныя	IX	48
Не страшное	IX	3	Пшибышевскій, Станиславъ. Homo sapiens	IX	356
Нирвана	VI	123			
Ночью	II	174			
Нѣкоторыя проявленія полицейскаго всемо- гущества	VII	373	Русская дуэль въ по- слѣдніе годы	IV	255
Нѣсколько мыслей о на- ціонализмѣ	VI	287	Русская пытка въ ста- рину	IX	195
Огоньки	II	98	Русскій взглядъ на дуэли и польское „коло“	IV	296
Одинъ случай	VIII	377	Рѣка играетъ	III	144
О латинской благона- дежности	VI	398			
О погромныхъ дѣлахъ .	IX	280	Серафимовичъ, А. Очер- ки и разсказы	IX	341
О „Россіи“ и революціи	IX	233	Скабичевскій и „освобо- женіе отъ журналовъ“	V	358
О сборникахъ Товарище- ства „Знаніе“ за 1903 г.	V	363	Сказаніе о Флорѣ, Аг- рипії и Менахемѣ, сынѣ Іегуды	IV	132
О сложности жизни	V	340	Скребицкій, А. И. Вос- питаніе и образованіе сѣльскихъ и ихъ призрѣ- ніе на Западѣ	IX	344
О судѣ, о защитѣ и о печати	VIII	298	Слова ministra. Дѣла губернаторовъ	VIII	350
Отголоски политическихъ переворотовъ въ уѣз- номъ городѣ XVIII в.	IX	184	Случайныя замѣтки	VI	259
Откровенныя изліянія кн. Мещерскаго	VI	317	Слѣпой музыкантъ	III	3
Отошедши. См. Успен- скій, Чернышевскій и Чеховъ.			Смиренные	III	119
Очерки сибирскаго ту- ристка. См. „Убивецъ“.			Современная самозван- чина.		
Павловские очерки	VIII	75	I. Самозванцы духов- наго прозванія	III	273
Парадоксъ	II	202	II. Самозванцы гра- жданскаго вѣдом- ства	III	315
Переселеніе дубхоровъ въ Америку	VI	270	Современные картинки. I. 2.500 часовъ	IX	117
Письма къ жителю го- родской окраины	VI	352	II. Разговоръ съ земле- мѣромъ	IX	120
Письмо къ редактору „Русскихъ Вѣдомо- стей“	VI	300	Соколинецъ	I	105
Иоукшеніе на генера- ла Баранова	IX	125	Сонъ Макара	I	3
По пути	VIII	263	Соня Мармеладова на лекціи г-жи Лухмано- вой	VI	302
Послѣдній лучъ	I	262	Сорочинская трагедія .	VI	412
Поэзія и проза въ ко- миссіи Д. Ф. Кобеко .	VI	337	Старецъ Федоръ Кузь- мичъ	V	385
Прискорбныя случаи изъ области суда	VIII	311	Старый звонарь	III	139
Приемышъ. См. Въ Пу- стынныхъ мѣстахъ гл. III			Стереотипное въ жизни русскаго писателя	V	411

ТОМЪ.	СТР.	ТОМЪ.	СТР.
Судный день („Юмъ-Кипур“)	II 219	Честь мундира и нравы военной среды	
Съ двухъ сторонъ	VIII 34	I. Два убийства	IV 303
Съверные сборники	IX 369	II. „Тѣнь Сморгунера“	
Танъ. Чукотскіе раз- сказы	IX 335	Кѣ дѣламъ ген. Ковалева и Е. Голицинскаго	IV 308
Тимковскій, Н. Повѣсти и разсказы	IX 353	III. Продолженіе дѣла ген. Ковалева и д-ра Забусова	IV 313
Толки печати о приго- ворѣ по дѣлу г. Же- денева	VIII 346	IV. Новая „Ковалевщи- на“ въ Костромѣ	IV 316
Толстой, Левъ Никола- вичъ	I 299	V. Еще о дѣлѣ гене- рала Ковалева	IV 319
Трагедія великаго юмо- риста	II 365	VI. Трагедія Ковалева и взгляды воен- ной среды	IV 326
Третій элементъ	II 294	VII. Кто виноватъ? Иѣ- сколько словъ „Русскому Инва- лиду“	
Турчинъ и мы	VI 91	Чеховъ (Антонъ Павло- вичъ Чеховъ)	I 388
Тѣни	IV 152	Чудная	II 3
Убивецъ	I 59	Чулковъ, Георгій. Таїга	IX 366
Ударъ Господень	IX 111	Эпизоды	II 358
Удивительная философія	V 407	Эпизоды изъ жизни иска- теля	IX 374
У казаковъ	VI 130	Южаковъ (Сергѣй Ни- колаевичъ Южаковъ)	II 311
Успенскій (О Глѣбѣ Ива- новичѣ Успенскомъ)	I 325	Яшка	I 28
Фабрика смерти	IV 215		
Феодалы	I 271		
Черепъ - Спиридовичъ	VIII 358		
Артуръ Ивановичъ	I 190		
Черкесъ	I 356		
Чернышевскій (Воспо- минанія о Чернышев- скомъ)			

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

З ТМО Т. 2 мав. З. 1993—86

